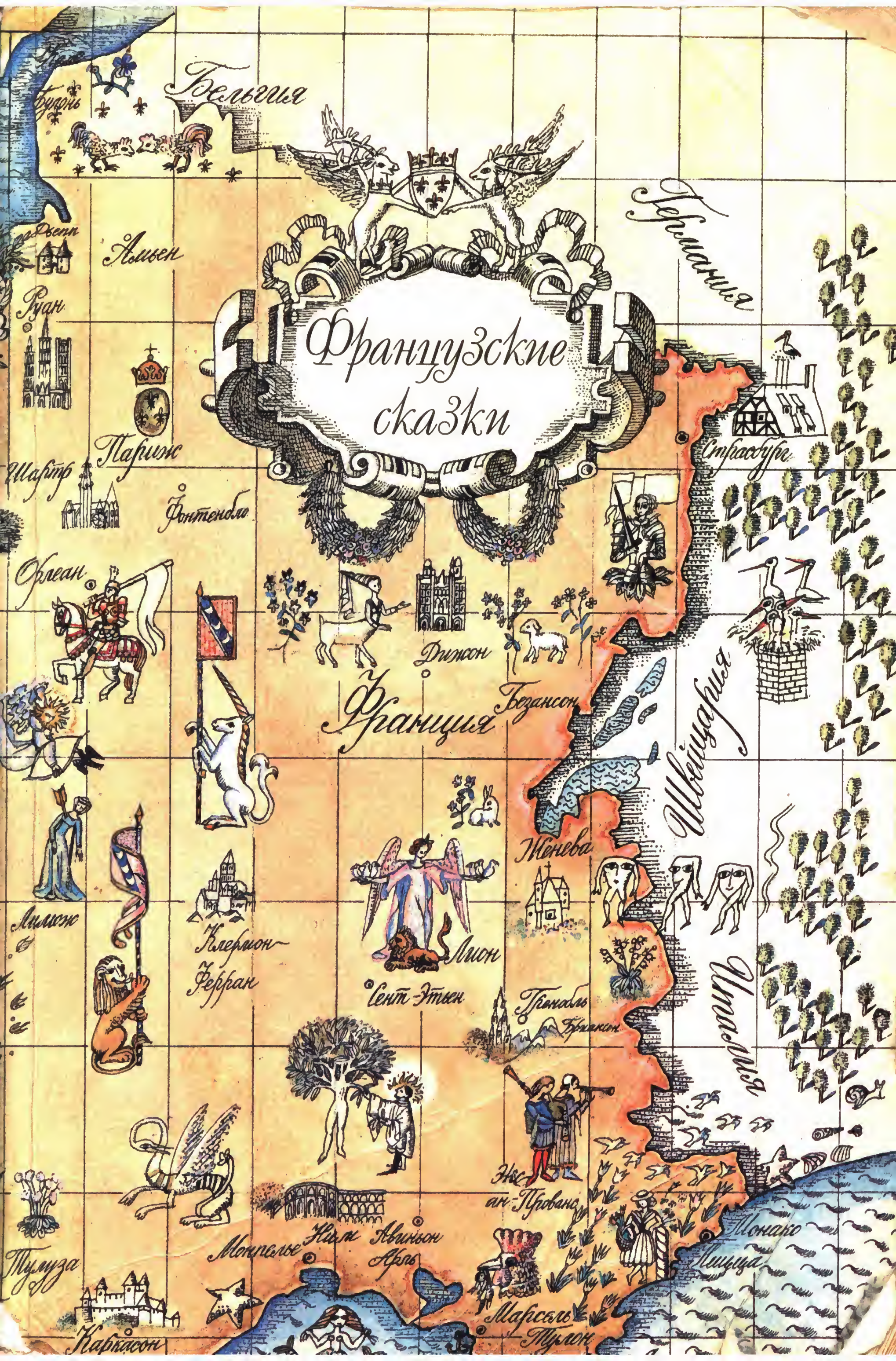
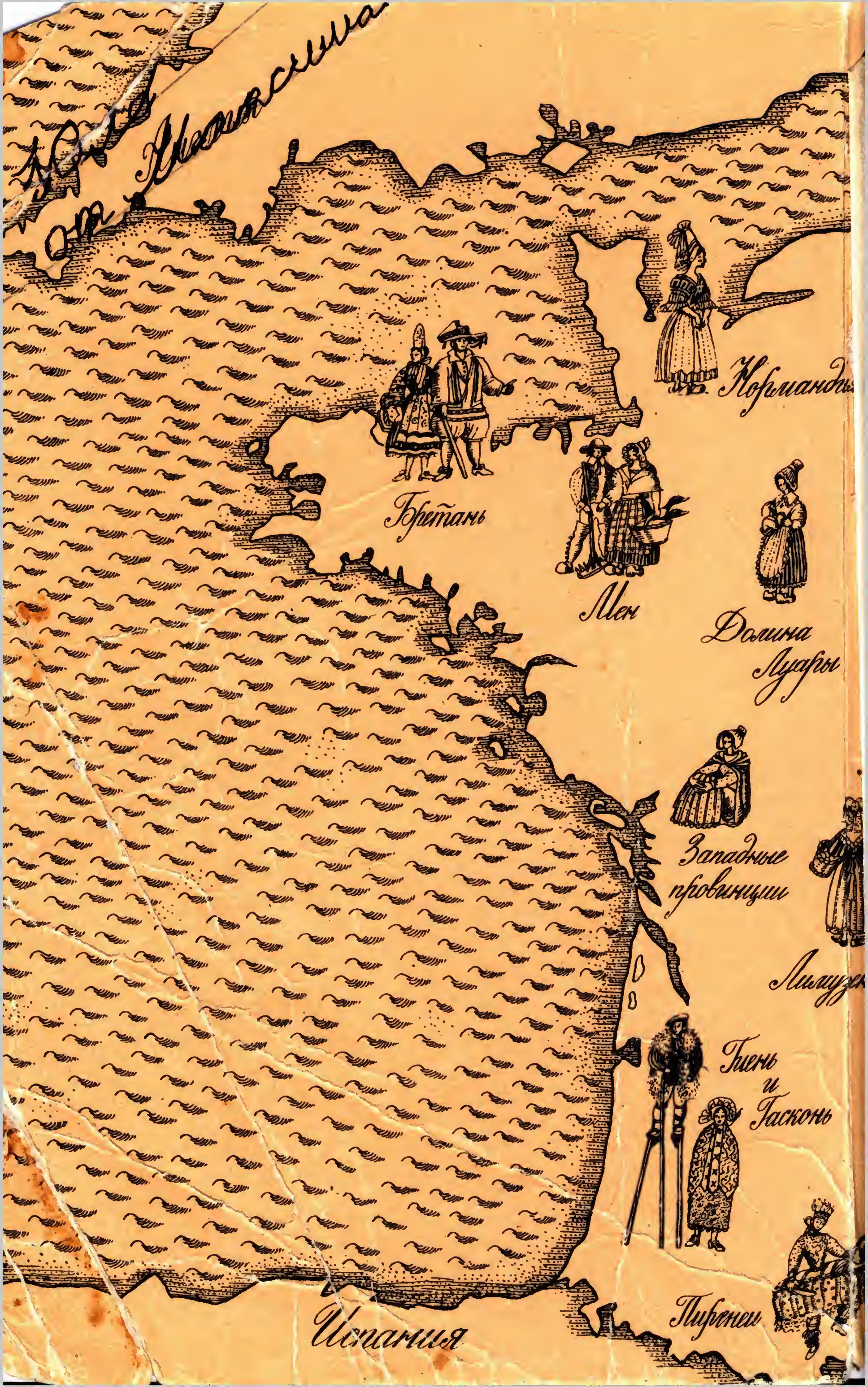

Французские сказки
Бельгия
Булонь
Амьен
Руан
Париж
Шартр
Фонтенбло
Орлеан
Германия
Страсбург
Дижон
Франция
Безансон
Швейцария
Женева
Лимож
Клермон-Ферран
Лион
Сент-Этьен
Гренобль
Бриансон
Италия
Экс-ан-Прованс
Монако
Ницца
Ним
Авиньон
Арль
Монпелье
Марсель
Тулон
Тулуза
Каркасон

Бретань
Мен
Долина Луары
Западные провинции
Гиень и Гасконь
Пиренеи
Испания

Французские сказки

Французские народные сказки

Сказки французских писателей

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1988

Переводы с французского

Составление и послесловие
А. Налепина

Иллюстрации и оформление
Л. Орловой

Ф $\frac{4703000000-1588}{080(02)-88}$ 1588—88

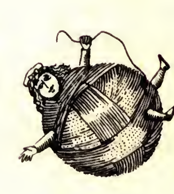
СОДЕРЖАНИЕ

Французские народные сказки

Сказки французских писателей

Шарль Перро

Перевод А. Федорова
Перевод стихов Л. Успенского

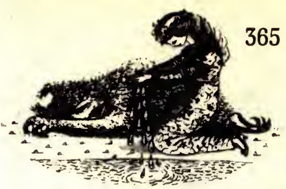
Леритье де Виллодон

Д'Онуа

Лепренс де Бомон

Жорж Санд

Эдуард Лабуле

Карта французских провинций

Французские народные сказки

Маленькая Аннетта

ДАВНИЕ времена жила-была девушка. Когда ей минуло пятнадцать лет, она лишилась матери, а на следующий год ее отец взял себе в жены вдову, у которой были три дочери. Все три сидели дома и лентяйничали, а бедная Аннетта целый день проводила в поле и пасла овец. Вечером, когда она возвращалась домой, ей не давали передохнуть, заставляли мыть посуду, хоть не она ее пачкала,— ведь Аннетте никогда не случалось есть из тарелки. Каждое утро ей клали в карман кусок черствого хлеба, чтобы она обедала в поле, не возвращаясь домой, да и то мачеха старалась дать ей горбушку; неудивительно, что бедную девушку зачастую мучил голод.

Однажды, съев свой скудный обед и запив его водой из ручья, которую она зачерпывала горстью, молодая пастушка начала размышлять о том, как печально идет ее жизнь.

«Совсем было иначе, пока жила моя мать. Она-то заботилась о том, чтобы я не терпела ни холода, ни голода; она меня любила, и как она была со мной нежна и ласкова!»

Вспомнив о прошлом, пастушка расплакалась, но вдруг сквозь слезы, застилавшие ей глаза, она увидела прекрасную женщину с милым и добрым лицом. То была фея.

— Что с тобой, дитя мое?— спросила фея.

— Увы, госпожа! Я плачу, потому что вспомнила мою добрую матушку.

— Знаю, знаю — ты потеряла мать, и теперь ты несчастна, но потерпи, я позабочусь о тебе и облегчу твою долю. Для начала

вот тебе палочка: каждый раз, когда тебе захочется есть, тебе только нужно будет чуть тронуть ею твоего черного барана.

Фея-покровительница исчезла, прежде чем девушка успела ее поблагодарить. Пастушка захотела как можно скорее испробовать силу палочки; она коснулась ею черного барана, и в тот же миг перед ней встал накрытый столик, на котором были всевозможные кушанья; она вволю поела и не забыла также свою верную собаку, которая усердно помогала ей стеречь стадо. Так случалось изо дня в день: стоило только пастушке захотеть, и ей мгновенно подавались блюда обильнее и лучше, чем у самого короля. Вот и вышло, что из худой и слабой она стала крепкой и полной и теперь прямо-таки сияла здоровьем. Мачеха, по-прежнему державшая ее впроголодь, надивиться не могла тому, как девушка с каждым днем толстела. Она почуяла здесь неладное.

— Мари,— сказала она старшей своей дочери,— ты пойдешь вместе с пастушкой в поле. Посмотри хорошенько, что она там ест, и все в точности расскажи мне; но только виду не подавай, что ты неспроста пошла, старайся, чтобы она ни о чем не догадалась.

Мари пошла с Аннеттой, которая обошлась с сестрой лучше, чем та обращалась с ней дома: она сплела ей корзиночку из ивовых прутьев и собрала для нее красивый букет полевых цветов. Но дочка вдовы не привыкла долго ходить по полям, она скоро утомилась и села отдохнуть на траву.

— Сядь возле меня и положи голову мне на колени, я тебя причешу,— сказала Аннетта сестре.

Пастушка догадывалась, что девочку послали подсматривать за ней; поэтому, расчесывая ей волосы, она стала тихонько напевать: «Закрой, сестрица, один глазок, закрой, сестрица, другой! Закрой, сестрица, один глазок, закрой, сестрица, другой!» Она все пела да пела, пока Мари не одолел сон. Пастушка тем временем успела покушать; она хорошенько подкрепилась, а Мари ничего не заметила.

— Ну как, Мари,— спросила мачеха, когда дочь вернулась,— можешь ты мне рассказать, что это за еда, которая так идет впрок Аннетте?

— Уверяю вас, матушка, я видела, что она ела только свой черствый хлеб, а пила одну воду из ручья.

— Иди спать, лентяйка! Твоя сестра лучше сумеет все разведать. Фаншетта, слушай, что я тебе скажу: завтра ты встанешь чуть свет и пойдешь с Аннеттой в поле; посмотри, что она делает, и расскажи мне, что она ест.

— Хорошо, матушка, я за всем услежу.

Но с Фаншеттой случилось то же, что и с ее сестрой: она заснула и ничего не увидела. Мать разбранила и ее.

— Бьюсь об заклад, обе эти лентяйки там заснули. Ну, да на сей раз все будет по-другому. Лизетта, козочка моя, поди к своей матушке. Завтра ты отправишься с Аннеттой в поле; если устанешь — усни, закрой один глаз, а то и оба, только не закрывай тот, который я тебе вставлю в затылок. Плохо тебе придется, если ты не исполнишь моего поручения!

Лизетта обещала матери, что все заприметит. Когда она устала бегать, она положила голову Аннетте на колени, а та принялась, как и прежде, напевать: «Закрой, сестрица, один глазок, закрой, сестрица, другой!» Но она не знала, что у Лизетты был третий глаз: он-то остался открытым и подсмотрел, что делала Аннетта, когда ей понадобился столик, уставленный всякими вкусными вещами. Лизетта не замедлила рассказать матери обо всем, что видела.

— Ах, матушка, неудивительно, что пастушка так жиреет,— ей живется лучше, чем нам. Каких только лакомств не доставляет ей черный баран!

Мачехе стало завидно, что падчерице такое счастье выпало на долю, и она решила: не бывать этому! Она легла в постель и прикинулась больной.

— Мне думается, я умру,— сказала она мужу,— но я знаю средство, которое могло бы меня вылечить.

— Скажи, скажи скорее, женушка, мы все достанем.

— Мне хочется поесть мяса черного барана.

— Только-то? Ну, это желание легко исполнить! Что черный баран, что белый,— мне все равно: я его зарежу.

Аннетта слышала весь разговор, и пока хозяин точил большой нож, прокралась на двор, а оттуда — в овчарню.

— Черный мой барашек, убежим поскорее! Тебя хотят зарезать!

— Э, не бойся! Не перечь им, пусть они меня убьют, так надо. Ты одно только сделай: добудь мою печень и зарой ее в саду.

Аннетта долго плакала; но она ничего не могла поделать, пришлось ей примириться с тем, что ее черного барана зарезали. Мачеха и ее дочери угостились им на славу. Болезнь у мачехи словно рукой сняло,— теперь-то она была уверена, что насолила безответной падчерице. Злорадно потчевала она девушку жарким из черного барана. Но ей жалко было дать Аннетте какой-нибудь лакомый кусок, и она отдала ей печень:

— На, возьми, хватит с тебя!

Аннетте только это и нужно было. Она сделала так, как ей велел баран, и на том месте, где она зарыла печень, выросло дерево. Оно было такое высокое, такое высокое, что, даже приста-

вив к нему самую длинную лесенку, нельзя было добраться до ветвей, и такое гладкое, что ни один человек не мог взобраться по стволу хотя бы до половины. Прекрасные плоды, созревавшие на нем, прельщали каждого, но приходилось только любоваться ими. Одна лишь Аннетта могла их срывать, потому что ветви сами склонялись для нее, и ни для кого другого.

Как-то раз проезжал в тех местах королевский сын и увидел эти прекрасные плоды. У него потекли слюнки — уж очень они ему показались заманчивыми, но никто не смог сорвать их. Однако королевскому сыну так сильно хотелось их отведать, что он дал слово взять в жены дочь любого человека, который сумеет их добыть для него. Все отцы, все матери захотели попытать счастья; дочери и сами старались добраться до плодов. Но не тут-то было! Это никому не удавалось.

Мачеха Аннетты, лелеявшая для своих дочерей честолюбивые замыслы, решила, что она хитрее всех. Она заказала преддлинную лестницу и приставила ее к дереву, но все же лестница на несколько футов не доходила до нижних веток. Мачеха залезла на самую последнюю ступеньку, поднялась на цыпочки, чтобы дотянуться до висевшего над ее головой плода, опрокинулась, упала навзничь и сломала себе шею. Тут и ей самой и всей ее злости пришел конец!

Этот случай отвадил всех честолюбцев — никто уже не пытался карабкаться по лестнице или взбираться по стволу. Однако принца томило такое сильное желание, что опасались, как бы он не заболел. Тут маленькая Аннетта соблаговолила сжалиться над ним. И едва только она приблизилась к дереву, ветки стали клониться, пока не пригнулись так низко, что она смогла их коснуться. Аннетта набрала полную корзину плодов и снесла больному принцу. Легко угадать, какая награда досталась ей за этот драгоценный подарок: она стала женой принца и жила с ним в счастье и довольстве до конца своих дней.

Вот и все.

Куртийон-Куртийет

НЕКОГДА жил в огромном лесу бедный дровосек. Летом он помогал крестьянам из окрестных деревень рубить лес, и ему жилось неплохо. Зато зимой дровосеку приходилось туго. Ему только и оставалось, что собирать хворост, а потом продавать его за бесценок в соседних деревнях.

И часто, слишком даже часто, бывало так, что бедный дровосек не мог раздобыть хлеба для себя и своей семьи, состоявшей из жены, двух мальчиков, двенадцати и тринадцати лет, девочки по имени Мари и собаки. Собаку звали Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет — такое длинное имя дала ей одна старая колдунья, жившая поблизости. И — удивительная вещь! — с тех пор, как старуха побывала у дровосека, собака начала разговаривать совсем как мы с вами и нередко вмешивалась в беседу.

И вот зимой, к тому времени, когда хлопья снега на деревьях лежали уже месяца полтора, в лачуге у дровосека не осталось ни куска хлеба. Дровосек пытался просить хлеба у крестьян, но ничего из этого не вышло, и он увидел, что ему с детьми суждено умереть голодной смертью.

Вечером, когда дети легли спать, а Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет дремала возле печки, дровосек сказал жене:

— Бедная моя Катрина, мы с утра сидим без хлеба, и, наверное, мне его не раздобыть. Несчастные дети умрут с голоду на наших глазах, а я не в силах смотреть на их мучения. Я думал об этом весь день и вот что придумал: завтра с самого утра возьмем наших сыновей и дочку в лес, будто бы для того, чтобы со-

бирать хворост, заведем их далеко-далеко и там оставим. Они, разумеется, умрут, но мы хоть не увидим, как они погибнут от голода. Ты согласна?

— Очень мне тяжко, Пьер, но что поделаешь? Ничего другого нам не остается.

— Значит, решено. Подождем до утра, а сейчас пора спать.

Пьер и Катрина легли спать. Но Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет не пропустила ни одного слова из их разговора.

Как только дровосек с женой уснули, она потихоньку подошла к кровати, на которой спали дети, разбудила их и рассказала обо всем, что слышала. Бедняжки залились слезами.

— Успокойтесь и не будите ваших родителей, иначе все пропало. Вот что нужно сделать. В шкафу, на дне мешка, есть еще немного гороха. Пусть кто-нибудь из вас потихоньку возьмет его и завтра незаметно бросает горошины на землю. По этим горошинам мы легко найдем дорогу домой.

Дети обещали сделать все так, как им сказала умная собака, и опять уснули. На следующее утро дровосек разбудил их:

— Вставайте, дети, в доме не осталось ни вязанки хвороста, надо нам сходить в лес.

Дети встали и пошли с родителями в лес, но время от времени они бросали на землю несколько сухих горошин, чтобы отметить обратный путь. К вечеру Пьер и Катрина скрылись, оставив обоих мальчиков и девочку вдалеке от дома. Дети заплакали.

— Не плачьте,— сказала собака,— мы проведем в лесу только одну ночь. Завтра утром я непременно отыщу лачугу ваших родителей. Ложитесь на мох, а я постерегу вас.

Дети улеглись на мох, а Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет так хорошо стерегла их, что ни волки, ни лисицы не осмелились и подойти к спящим малышам. Когда настало утро, дети проснулись и горячо поблагодарили своего верного сторожа.

— Теперь,— сказала Куртийон-Куртийет,— идите за мной и не сбивайтесь с пути.

И собака без всякого труда нашла дорогу к дому дровосека. Они добрались туда в полдень. Было как раз время обеда. Какой-то крестьянин, который должен был Пьеру немного денег, вернул долг, и Катрина сварила вкусный суп.

— Бедные наши дети!— плача, приговаривала она.— Если бы они были дома, уж как бы они обрадовались такому вкусному супу!

— Да, бедные наши дети! И бедная Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет, которая ушла с ними! Плохо мы сделали, что бросили их в лесу. Наверное, их съели волки.

И дровосек тоже заплакал.

«Тук-тук-тук!»

— Мама, папа! Вот мы и пришли из лесу. Мы очень голодны.— Это вернулись оба мальчика, девочка и Куртийон-Куртийет.

Вот обрадовались Пьер и Катрина!

На беду, денег хватило ненадолго. Зима становилась все злее, и Пьер снова решил отвести детей в лес. Но умная собака опять узнала про этот замысел и предупредила своих маленьких друзей.

На следующее утро дровосек с женой, детьми и собакой снова отправился в лес за хворостом.

Старший из мальчиков незаметно бросал на землю крошки творога, так как дома больше ничего не нашлось.

Вечером Пьер с женой скрылись, и дети легли спать под открытым небом, охраняемые Куртийон-Куртийет.

Всю ночь шел дождь, и назавтра Куртийон-Куртийет не смогла отыскать дорогу к лачуге дровосека, потому что дождем смыло весь творог, который дети разбросали накануне.

— Что нам делать, что делать?—плача, повторяли бедняжки.

— Попытаемся выбраться из лесу,— отвечала собака.

Так они и сделали. Им все время казалось, что лес уже кончается, но на самом деле они только углублялись в него. Настал вечер, а они по-прежнему блуждали в чаще.

— Не можем же мы все время ходить по лесу,— сказала собака.— Жан, влезь на эту высокую ель, заберись как можно выше и посмотри, не видно ли где-нибудь огонька.

Жан влез на дерево, но ничего не увидел.

— Теперь твоя очередь, Пьер,— сказала Куртийон-Куртийет.

Но Пьер тоже ничего не увидел.

— Погляди теперь ты, Мари.

Девочка взобралась на самую верхушку ели.

— Что ты видишь?—крикнула ей собака.

— Я вижу с правой стороны большое замерзшее болото.

— А слева?

— Замерзший пруд.

— А прямо перед тобой?

— Огромный замок, где во всех окнах горят огни.

— Хорошо. Теперь слезай, Мари.

Девочка слезла. Куртийон-Куртийет побежала вперед, а следом за нею пошли дети. Через час они добрались до замка.

«Тук-тук-тук!»

— Кто вы такие?—спросила старуха, которая открыла им дверь.

— Мы—трое маленьких заблудившихся детей, и мы просим у вас пристанища на ночь.

— Разве вы не знаете, что это замок дьявола и что дьявол съедает всех, кто сюда приходит?

— Все равно! Мы озябли и проголодались.

— Что ж, входите.

Старуха не хотела впускать собаку, но маленькая Мари так упрашивала, что пришлось пустить и Куртийон-Куртийет.

Дети с удовольствием съели вкусный ужин, поданный женой дьявола. Потом они улеглись на кровать, которую она им указала, но сперва старуха заставила их надеть соломенные ожерелья. Куртийон-Куртийет спряталась под кроватью.

В этой же комнате спали три дочери дьявола, но на них были надеты прекрасные золотые ожерелья.

Вскоре вернулся дьявол.

— Здесь пахнет сырым мясом,— сказал он жене.

— Да нет, это просто кошка окотилась.

— Ты лжешь! Здесь пахнет человечьим духом.

И дьявол стал шарить по всему дому. Он нашел малышей, которые притворились спящими.

— Вот хорошо! Сейчас затоплю печь и поставлю жаркое на угли. Утром у меня будет отличный завтрак.

Старуха легла спать, а дьявол затопил печь.

Куртийон-Куртийет не теряла времени даром. Она велела детям снять соломенные ожерелья и надеть их на дочерей дьявола, а себе взять золотые. Так они и сделали.

Когда печь накалилась, дьявол вернулся в комнату, где спали дети, и подошел к их кровати. Он провел рукой по шее маленькой Мари и нащупал золотое ожерелье.

— Я совсем одурел! — проворчал он.— Чуть было не изжарил собственных дочерей! Должно быть, я ошибся кроватью.

И он подошел к кровати, где спали его дочки. Нащупав соломенные ожерелья, он взял девочек под мышку и понес их жарить.

— Но ведь мы твои маленькие дочки! — кричали они, заливаясь слезами.

— А ну, замолчите! Что я, по-вашему, добра от худа не могу отличить?

Он сунул их в печь, а сам лег спать.

Когда Куртийон-Куртийет услышала, что дьявол захрапел, она разбудила детей и велела им взять все золото, какое только было в замке. Дети не заставили себя дважды просить.

— Теперь слушайте. Забирайтесь все трое ко мне на спину, и мы живо удерем от этого гадкого дьявола. Только смотрите не свалитесь.

Первой на спину собаки уселась девочка, потом оба мальчика; Куртийон-Куртийет выпрыгнула из окна и помчалась по полям.

Долго она бежала, и вот наступило утро.

Дьявол, проснувшись, захотел поцеловать дочерей и тут только увидел, что он наделал.

Он стал браниться, как церковный сторож, и поклялся отомстить детям. Он запряг черепаху, быструю как ветер, и поскакал вдогонку. Спустя немного времени он увидел их вдалеке.

— На этот раз я их поймаю! Уж они у меня попляшут! — прорычал дьявол.

Но Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет обернулась и увидела дьявола. Не долго думая она сказала:

— Пусть дети превратятся в прачек, а я — в большую реку.

И сразу же по полю потекла широкая река, а на берегу оказались три прачки.

Прискакал дьявол.

— Не пробегала ли здесь Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет с тремя детьми на спине?

— Убирайся вон, гадкий дьявол! Мы тебя проучим за твои насмешки над нами!

Дьявол свернул на другую дорогу, а собака с детьми еще быстрее помчалась дальше.

Злой дьявол, не найдя тех, кого он искал, сообразил наконец, что они превратились в реку и прачек, и снова направил черепаху в ту сторону.

Но, прискакав туда, он увидел только большое поле клевера, стадо баранов, пастуха и собаку.

— Пастух, не пробегала ли здесь Куртийон-Куртийет с тремя детьми?

— Куртийон-Куртийет? Ты что, смеешься надо мной? Погоди, дрянной дьявол, вот я тебя проучу палкой!

«Пойду по дороге направо. Должно быть, они побежали по ней», — решил дьявол.

Только он скрылся из виду, как собака опять велела детям взобраться к ней на спину и побежала дальше. Но не тут-то было.

— Вот снова дьявол скачет на своей черепахе. Теперь пусть я стану лугом, Жано и Пьеро — коровами, а маленькая Мари — пастушкой.

Тут появился дьявол, злющий-презлющий.

— Эй, пастушка, не пробегала ли здесь Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет с девочкой и двумя мальчиками?

— Ах ты, негодный дьявол! А зачем они тебе?

— Я хочу их съесть. Видела ты их?

— Как же, как же! Они только что переплыли реку.

— Спасибо, пастушка.

Дьявол поскакал к реке, но черепаха не захотела переплывать на другой берег.

— Что ж, переберусь иначе.

Увидев на лугу большой кусок полотна, который крестьяне положили белить, он бросил его на воду и хотел пройти по нему, как по мосту. Но полотно разорвалось, и дьявол утонул.

— Теперь вернемся к вашим родителям,— сказала умная собака.

И она в один миг примчала детей домой. Дровосек и его жена умирали с голоду. Они тоже взобрались на спину к Куртийон-Куртийет, отправились с детьми в замок дьявола и стали там жить да поживать. Жена дьявола как в воду канула.

Много было разговоров о счастье и богатстве, которые достались на долю Пьера-дровосека и его семьи!

Принцесса-мышка

Слушайте все, кому охота,
Славную сказочку вам расскажу.
В сказочке этой нет вранья,
А если есть, так слова два.

ЖИЛ-БЫЛ когда-то один французский король. Дожил он до старости, а детей у него не было, и он об этом очень горевал.

Наконец, когда король и королева уже перестали надеяться, королева родила дочь, и по случаю рождения принцессы при дворе много пировали и веселились.

Но одну старую волшебницу, которая жила в ближнем лесу, не пригласили на праздник, и она из мести задумала превратить принцессу в мышь. Принцесса должна была оставаться мышкой, пока кто-нибудь не рассмешит сестру волшебницы, которую никто никогда не видел смеющейся.

Вот однажды, когда кормилица во дворце кормила ребенка, вдруг услышали ее крик:

— О боже! Принцесса превратилась в мышку и выскользнула у меня из рук!

— Какое несчастье! — воскликнул король.— Но такова, видно, воля божья, и надо ей покориться.

Прошло немного времени, началась война между королем французским и королем испанским. Французский король уже сидел на коне во дворе своего замка и готовился выступить в поход, как вдруг увидел свою дочь-мышку — за ней во дворце ухаживали и окружали ее заботами. Она подбежала к нему и сказала:

— Я хочу ехать с вами на войну, отец.

— Но что ты будешь там делать в таком виде, бедное мое дитя?

— Не бойтесь ничего и возьмите меня с собой. Посадите меня в ухо вашему коню, и едем.

Король посадил мышку своему коню в ухо, и они пустились в путь.

Когда французы были уже на поле битвы и готовились сразиться с неприятелем, вдруг раздалось дивное пение, и обе армии остановились, чтобы послушать его.

— Какая чудная песня! — воскликнул сын испанского короля.— Но откуда она слышится? Я непременно хочу это узнать.

От звуков этой песни солдатам обеих армий захотелось обнять друг друга, вместо того чтобы сражаться.

Сын испанского короля подъехал к королю французов и спросил у него:

— Государь, что это за пение и откуда оно слышится?

— Это поет моя дочь,— ответил король.

— Ваша дочь? Но где же она?

— Здесь, подле меня, в левом ухе моего коня.

— Вы смеетесь надо мной?

— Ничуть. Я сказал вам правду.

— Ну, хорошо. Если вы согласны отдать ее мне в жены, война между нами кончена.

— Как, вы хотите жениться на мышке?

— Ваша дочь — мышка?! Все равно, женюсь, если она согласится.

— Я согласна, отец,— поспешила ответить мышка.

И вот война прекратилась, сыграли свадьбу, и обе армии, вместо того чтобы кинуться друг на друга, пировали и веселились целую неделю и братались за стаканами вина.

У короля Испании было еще два сына, уже женатых: один был женат на дочери португальского короля, другой — на дочери короля турецкого. Вот раз отец призывает всех троих и говорит, что он решил отдать корону старшему сыну и уйти на покой.

— Мне думается, отец,— промолвил средний сын,— что было бы справедливее отдать корону тому из нас троих, кто совершит самый доблестный подвиг. Все мы — ваши дети и имеем одинаковые права на престол.

— Ну, хорошо,— сказал старый король.— Задам я вам задачу. Корона достанется тому, кто принесет мне лучший кусок полотна.

— Пусть будет так,— согласились все три брата.

Они вернулись каждый к себе домой, чтобы сообщить женам волю отца.

Когда самый младший принц, муж мышки, приехал домой, жена поджидала его, греясь на солнышке на одном из окон дворца, и при этом пела так сладко, как не пела еще никогда.

— Довольно распевать,— сказал ей муж.— Я предпочел бы, чтобы вы были искусной ткачихой.

— А почему? Что случилось? — спросила принцесса-мышка.

— Отец обещал отдать корону тому из нас троих, кто привезет ему лучший кусок полотна.

— Что за беда! Корона моего отца во сто раз ценнее вашей. Не огорчайтесь же и предоставьте братьям спорить из-за испанской короны и добывать ее с помощью полотна.

— Нет! Как ни заманчива корона вашего отца, я не хочу отказываться от нашей, испанской короны.

Накануне того дня, когда нужно было везти полотно старому королю, наш принц жаловался жене:

— Завтра надо представить отцу полотно, а у меня ничего нет. Как быть?

— Не тревожьтесь из-за таких пустяков, принц, возьмите вот эту коробку,— отвечала мышка и дала ему красивый плотно закрытый ящичек.— Пусть ваши братья покажут свои куски полотна. Когда вы откроете этот ящичек, в нем найдется, чем их посрамить.

— Вы хотите меня уверить, что в этой маленькой коробочке может поместиться такой кусок полотна, который отцу понравится больше других?

Принц уехал, взяв с собой коробочку, хотя слова жены мало его успокоили.

Он подъехал к замку отца, вошел во двор и увидел там мулов, нагруженных тюками полотна, которое старшие братья привезли из дальних стран.

Королю показали полотно. Он внимательно его рассмотрел и очень хвалил некоторые куски за красоту, тонкость и мягкость.

— А ты что привез, мой сын? — спросил он у младшего, когда до него дошла очередь.

Принц вместо ответа протянул отцу коробочку и сказал:

— Откройте ее, отец.

Старшие братья громко захохотали. Но король открыл коробочку, и из нее тотчас потянулся кусок полотна, тонкого и блестящего, как шелк. По сравнению с ним полотно, привезенное братьями, казалось грубым холстом. А удивительнее всего было то, что, сколько ни вытягивали его из коробки, конца все не было видно.

Старшие принцы уже не смеялись.

— Корона достанется моему младшему сыну,— сказал восхищенный король.

— Погодите, отец! — закричали с досадой оба старших. — Не надо судить так поспешно, по первому испытанию. Придумайте второе, государь, и тогда увидим.

— Хорошо, я согласен, — сказал король. — Но что же мне потребовать от вас на этот раз?

— Обещайте корону тому из нас, кто привезет вам самую красивую невестку, — сказал старший, женатый на дочери турецкого императора, принцессе поразительной красоты.

— Пусть будет так, — сказал старый король. — Корона достанется тому, кто привезет самую красивую жену.

И три брата разъехались, каждый в свою сторону.

Младший вернулся домой в полном унынии. Он был уверен, что на этот раз не сможет соперничать с братьями, потому что у него жена — простая мышка.

— Отчего вы так печальны, принц? — спросила жена, заметив его унылый вид. — Разве моя коробочка не выполнила того, что он нее требовалось?

— Коробочка вела себя отлично.

— Значит, корона Испании ваша?

— Корона Испании? О нет! Она еще далеко не моя.

— Почему же?

— Да потому, что отец назначил второе испытание.

— Какое? Скажите.

— К чему?

— А вы все-таки скажите.

— Хорошо, слушайте: по совету моего старшего брата, женатого на дочери турецкого императора, отец объявил, что корона достанется тому из нас троих, кто привезет самую красивую жену. А вы сами понимаете, что...

— И в этом все дело? Ну, так успокойтесь и положитесь на меня.

Наступил день, когда братьям следовало представить своих жен королю, и мышка сказала мужу:

— Я поеду с вами к отцу.

— Чтобы ехать к отцу, мне нужна не мышь, а женщина, красивая женщина.

— Не беспокойтесь ни о чем, говорю вам, и возьмите меня с собой.

— Зачем? Чтобы осрамиться?

И он сел в свою карету и уехал, оставив мышь дома. Тогда она сказала пастушку, который собирался гнать баранов в поле:

— Пастух, поймай-ка мне вон того большого рыжего петуха, который ходит среди кур, и взнуздай его уздечкой из ивовой коры, чтобы я могла на нем ехать вслед за мужем к моему свекру королю.

Пастух сделал, как она приказала, и мышка села к петуху на спину, взяла в передние лапки уздечку из ивовой коры и поехала ко двору короля испанского. Ей пришлось проезжать мимо замка той волшебницы, которая превратила ее в мышь. В этом месте на дороге была лужа, и петух ни за что не хотел переходить ее. Сколько ни кричала мышка: «Гоп! Гоп! Вперед!» — он делал один шаг вперед и два назад. Сестра волшебницы сидела у окна и, увидев эту картину, разразилась громким хохотом, так что по всему замку прокатилось эхо.

Прибежала волшебница и, увидев, кто рассмешил ее сестру, сказала мышке:

— Чары сняты! Я превратила тебя в мышь, но ты должна была оставаться ею только до тех пор, пока я не услышу смеха моей сестры. Она засмеялась — и ты освобождена. Отныне ты будешь самой прекрасной принцессой из всех живущих под солнцем, твоя уздечка превратится в красивую золотую карету, а рыжий петух — в прекрасную лошадь.

И в самом деле, в мгновение ока все преобразилось так, как сказала волшебница.

— Теперь поезжай ко двору свекра,— добавила она,— и я уверена, что там не будет женщины красивее тебя.

Принцесса продолжала путь, но уже в сверкающем золотом экипаже, и скоро догнала мужа, который не очень торопился ко двору.

— Как, вы еще только здесь? — сказала она.

Удивленный принц молчал, потому что не узнавал жены в этой красавице.

— Садитесь ко мне в карету и оставьте здесь вашу дрянную тележку и клячу.

— Не насмехайтесь надо мной, принцесса, хотя ваша карета и красивее, а ваша лошадь лучше моей.

— Да вглядитесь же в меня хорошенько! Вы не узнаете собственной жены?

— Нет, вы не моя жена. Моя жена — дочь французского короля, и злая колдунья превратила ее в мышь. Но все равно я люблю ее такой, какая она есть.

Тут принцесса рассказала ему, что произошло, и в конце концов, хотя и с трудом, убедила его, что она и есть его жена, дочь французского короля.

Затем они поехали дальше в золотой карете, которая вся так и сверкала, и скоро прибыли ко двору испанского короля. Их появление наделало шуму, все не могли вдосталь наглядеться на принцессу, на ее карету и лошадь. Принцесса осветила весь двор блеском своей красоты. Жены старших принцев были, бесспорно, красивы, но рядом с женой младшего они ничего не стоили. Ста-

рый король, повеселевший и обрадованный при виде такой дивной красоты, предложил принцессе руку, чтобы помочь ей выйти из кареты, и сказал:

— Вы самая прекрасная женщина, какую видели когда-либо мои глаза, и больше всех достойны сидеть на испанском троне, рядом с моим младшим сыном.

Вечером был большой пир, и король пожелал, чтобы принцесса сидела за столом рядом с ним. А она от каждого блюда, которое ей подавали, от каждого напитка, который ей наливали, прятала кусочек, отливала капельку за свой корсаж, чем очень удивляла всех гостей.

После ужина начались танцы, и, когда принцесса танцевала, из складок ее платья сыпались и сыпались без конца жемчуга и цветы. Обе старшие невестки позеленели от зависти.

На другой день при дворе опять пировали, и жены старших братьев принялись прятать за свои корсажи кусочки от каждого блюда, которое им подавали, и отливать по капле от каждого бокала, в надежде, что все это и у них превратится в жемчуг и цветы. Но увы! Когда начались танцы, они, танцуя, сеяли вокруг себя не жемчуг и не цветы, как младшая невестка, а разные объедки да подливки, от которых их нарядные платья так испачкались и промокли, что кавалеры брезгали ими и уходили. Зато собаки и кошки со всех концов дворца прибежали в бальный зал и ходили за принцессами по пятам, учиняя страшную сумятицу.

Из-за этого старый король сильно разгневался и прогнал из дворца старших сыновей с их женами. А потом уступил престол младшему сыну.

Все, что было с ними до тех пор, я знаю и всю правду вам рассказал. А что сталось с ними потом, того не знаю и врать не хочу. Так что на этом сказке конец.

Про королька, про зиму, про орла и про королевского сына

В ДАВНИЕ времена, много, очень много лет назад, говорят, повздорили между собой зима и королек. Не знаю толком, из-за чего.

— Я тебя проучу, пичужка! — грозилась зима.

— Это мы еще увидим! — отвечал королек.

К ночи зима наслала трескучий мороз.

Поутру зима, видя, что королек, как всегда, весел и молодцеват, удивилась и спросила его:

— Где ты провел ночь?

— В прачечной, где поденщицы стирают,— ответил королек.

— Ладно, сегодня я уж до тебя доберусь.

В эту ночь стало так холодно, что вода замерзала на очаге.

Но королек был совсем не там, где все замерзало, и на другое утро зима, видя, что он по-прежнему бодр и весел, спросила его:

— Где ты провел ночь?

— В хлеву, с волами,— ответил королек.

В следующую ночь настал такой лютый холод, такая небывалая стужа, что у волов хвосты примерзли к заду, а королек утром все же порхал и чирикал, словно на дворе был май.

— Как, ты еще не помер? — спросила зима, дивясь тому, что королек опять тут как тут.— Где же ты провел ночь?

— У молодоженов, в их постели.

— Вот где нашел себе местечно! Кто бы догадался там его искать? Ну, да ничего, за мной не пропадет. Сегодня ночью я тебя доконаю.

— Это мы еще увидим! — ответил королек.

В ту ночь зима наслала такой мороз, стало так холодно, так холодно, что на другое утро молодоженов нашли насмерть закоченевшими в постели.

Королек приютился во впадине стены, возле жаркой печи булочника, где холод не мог его пронять. Но там он встретился с мышью, тоже искавшей местечка потеплее, и они не на шутку поссорились. Так как они не могли между собою поладить, то решено было покончить дело, назначив через неделю на горе Бре великий бой между всеми пернатыми и всеми четвероногими того края.

Все звери были оповещены, и в условленный день птицы всей округи с утра собрались на горе Бре. Длинной вереницей тянулись туда обитатели птичьих дворов — утки, гуси, индюки, павлины, петухи и куры — и всякие иные птицы: сороки, вороны, сойки, дрозды; там же сошлись лошади, ослы, волы, коровы, бараны, козы, собаки, кошки, крысы и мыши, — никто не мог помешать им в этом. Бой выдался жестокий; шел он с переменным счастьем. Перья так и летали в воздухе, а земля была усеяна клочьями шерсти, со всех сторон неслись крики, мычанье, ржанье, хрюканье, блеянье, мяуканье. Вот страшно было!

Уже казалось, что победа останется за четвероногими, как вдруг прилетел орел, сильно запоздавший; он бросился в самую гущу схватки. Куда бы он ни ударил, он всех разил насмерть, и вскоре перевес оказался на стороне пернатых.

Королевский сын следил за сражением из окна своего дворца. Видя, как орел расправляется с четвероногими, он улучил минуту, когда тот поравнялся с окном, и ударил его саблей так сильно, что у орла сломалось крыло и он упал наземь. Благодаря этому победу все-таки одержали четвероногие. Однако королек, сражавшийся как герой, пропел свою песню на колокольне святого Эрве, которая по сей день еще высится на горе Бре.

А раненый орел не мог больше летать и сказал королевскому сыну:

— Теперь тебе придется в продолжение девяти месяцев кормить меня куропатками и зайцами.

— Я согласен, — сказал принц.

По прошествии девяти месяцев орел, совершенно исцелившись, сказал королевскому сыну:

— Теперь я полечу к своей матушке; я желаю, чтобы ты отправился со мной поглядеть на мой замок.

— Охотно,— сказал принц,— но как я туда попаду? Ведь ты летаешь по воздуху, а я ни пешком, ни верхом не могу за тобой угнаться.

— Садись ко мне на спину.

Принц так и сделал. Они понеслись над горами, над долами, лесами и морями.

— Здравствуйте, матушка.— сказал орел, прилетев домой.

— Это ты, дорогой сынок? Долго ты отсутствовал на этот раз, я уже тревожилась, что тебя все нет.

— Я сильно хворал, милая матушка,— ответил орел и, указав на принца, добавил:— Это сын короля Нижней Бретани, он приехал повидаться с вами.

— Королевский сын!— вскричала старая орлица.— Вот лакомый кусочек; мы попируем на славу!

— Нет, матушка, не делайте ему зла; он хорошо со мной обходился в течение тех девяти месяцев, что я прохворал у него; я пригласил его погостить у нас, в нашем замке,— надо его получше принять.

У орла была красавица сестра, и принц влюбился в нее с первого же взгляда. Орел и его мать очень были этим недовольны.

Прошел месяц, затем второй, третий; миновало шесть месяцев, а принц и речи не заводил о том, чтобы вернуться домой. Старухе это совсем не нравилось, и наконец она сказала сыну, что если его друг не уберется восвояси, то она изжарит его на обед и подаст под каким-нибудь вкусным соусом.

Услыхав, что задумала мать, орел предложил принцу сыграть с ним в кегли, с условием: если принц проиграет, он теряет жизнь, если выиграет — сестра орла станет его женой.

— Я согласен,— сказал принц.— Где кегли?

Они вошли в широкую, длинную аллею старых дубов, где стояли кегли.

Когда принц их увидел, у него сердце замерло. Кегли эти были чугунные, каждая из них весила пятьсот фунтов. Орел взял одну из них и давай ею забавляться: он играючи подбрасывал ее высоко-высоко, а затем ловил, словно яблоко. А бедный принц свою кеглю даже сдвинуть с места не мог.

— Ты проиграл, теперь я хозяин над твоей жизнью,— сказал орел.

— А я отыграюсь,— сказал ему на это принц.

— Так и быть, завтра сыграем еще партию.

Принц пошел к сестре орла и со слезами на глазах рассказал ей обо всем.

— Вы обещаете хранить мне верность?— спросила она его.

— Да, до самой смерти!— ответил принц.

— Тогда вот что надо сделать: есть у меня два больших бычьих пузыря, я выкрашу их в черный цвет, чтобы они стали похожи на кегли, и поставлю их между кеглями брата, в той аллее; завтра, когда вы туда явитесь, постарайтесь первым начать игру и выберите себе два пузыря. Затем вы им скажите: «Косули, подымитесь повыше и скорее летите в Египет — вот уже семь лет, как вы здесь, и ни разу не отведали железа»; они тотчас взлетят в поднебесье, да так высоко, что их и не видно будет. Мой брат вообразит, что это вы их так ловко подбросили; ему самому никак не удается бросить свои кегли так же высоко, и он должен будет признать себя побежденным.

И вот они снова пошли в аллею, где стояли кегли. Принц взял свои две кегли, вернее сказать — два бычьих пузыря, и принялся ими забавляться, подбрасывая их в воздух с такой легкостью, словно в руках у него были два мяча, набитых отрубями; а его противник дивился, глядя на него.

«Что бы это значило?» — с тревогой спрашивал себя орел.

Сам он первый подбросил свои кегли, да так высоко, что прошло добрых четверть часа, прежде чем они снова упали наземь.

— Ловко! — сказал принц. — Теперь моя очередь.

Вслед за тем он тихонько прошептал слова:

— Косуля, лети на родину, в Египет — вот уже семь лет, как ты здесь, и ни разу не отведала железа.

Тотчас же кегли поднялись в поднебесье, да так высоко, так высоко, что скоро их не стало видно; и сколько они оба ни ждали, они не упали наземь.

— Я выиграл! — сказал принц.

— Значит, каждый из нас выиграл по одной партии; завтра мы сыграем в другую игру, — сказал орел.

Он в слезах вернулся домой и поведал свое горе старой орлице. Та сказала:

— Надо его зарезать и съесть, к чему еще мешкать?

— Но ведь я его еще не одолел, матушка; завтра мы сыграем в другую игру, посмотрим, как он выпутается.

— Пока что принесите мне воды из родника, во всем доме ни капли нет.

— Ладно, матушка, завтра утром мы с принцем пойдем за водой, и я предложу ему потягаться, кто больше притащит за один раз в бочке.

Орел тотчас отправился к принцу и сказал ему:

— Завтра утром мы сходим за водой для моей матушки — посмотрим, кто из нас больше притащит за один раз.

— Отлично, — сказал принц, — ты только покажи мне, в чем ее надобно носить.

Орел тотчас показал принцу две бочки вместимостью в пять бочонков каждая; сам он легко подымал по одной такой доверху полной бочке на ладони каждой руки,— ведь он был то человеком, то орлом по своей прихоти.

Принц обеспокоился пуще прежнего и опять пошел к сестре орла.

— Вы обещаете хранить мне верность?—спросила она его.

— До самой смерти,— ответил принц.

— Так вот, завтра утром, когда брат возьмет свою бочку, чтобы идти с ней к роднику, вы ему скажите: «Да на что нам бочки? Оставь их тут, они совсем не нужны, а лучше дай мне кирку, лопату и носилки». Брат спросит: «На что это тебе?» Вы ответите: «Чтобы снять родник с места и перенести его сюда, это ведь гораздо удобнее: можно будет брать воду когда только вздумается». Услыхав это, он пойдет за водой один,— ведь ни он, ни матушка не захотят испортить прекрасный свой родник.

Утром следующего дня орел сказал принцу:

— Пойдем за водой для моей матушки.

— Пойдем!—ответил принц.

— Вот моя бочка, а ты возьми вон те,— продолжал орел, указывая на две огромные бочки.

— Бочки! На что они нам? Чтобы терять время понапрасну?

— А как же иначе нам наносить воды?

— Дай мне просто-напросто кирку, лопату и носилки.

— Зачем они тебе?

— Как зачем? Остолоп! Да затем, чтобы перенести родник сюда, к самой двери кухни, тогда не придется ходить за водой в такую даль.

«Ну и силач!»—подумал орел, а вслух он сказал:

— Вот что, оставайся здесь, а я уж один схожу за водой для матушки.

Так он и сделал.

Когда на другой день старуха опять стала говорить орлу, что самый верный способ избавиться от принца—это зарезать его, изжарить на вертеле и съесть, орел ответил, что с ним хорошо обходились у принца и он не хочет выказывать неблагодарность, но что он подвергнет принца другим испытаниям, из которых тому трудно будет выйти с честью.

И действительно, орел объявил принцу:

— Сегодня я управился один, а завтра уж настанет твоя очередь.

— А какая завтра будет работа?—спросил принц.

— Матушке моей нужны дрова, ей нечем топить кухню. Нужно будет срубить аллею старых дубов—вон там,— и сложить их

здесь, во дворе, чтобы у нее был запас дров на зиму; все это должно быть сделано до захода солнца.

— Ладно, сделаю,— сказал принц, притворяясь беззаботным, хотя на самом деле сильно обеспокоился.

Он и в этот раз пошел к сестре орла.

— Вы обещаете хранить мне верность? — опять спросила она его.

— До самой смерти,— ответил принц.

— Так вот, завтра, когда вы с деревянным топором, который вам дадут, придете в лес, снимите камзол, положите его на старый дубовый пень, что лежит там с вывороченными корнями, затем ударьте этим деревянным топором по стволу ближнего дерева, и вы увидите, что произойдет.

Принц так и сделал: чуть свет пошел в лес с деревянным топором на плече, снял камзол, положил его на тот старый, с вывороченными корнями, дубовый пень, который был ему указан, затем деревянным своим топором ударил по стволу ближнего дерева, и оно тотчас затрещало и рухнуло.

«Ладно,— сказал себе принц,— если это такое немудреное дело, я мигом с ним справлюсь».

Он тотчас хватил топором второе дерево, потом третье,— оба они с первого же удара повалились наземь, и так дело шло дальше, пока во всей аллее не осталось ни одного несрубленного дуба. После этого принц не спеша вернулся в замок.

— Как, ты уже все сделал? — спросил его орел.

— Все! — ответил принц.

Орел мигом побежал в свою аллею; увидя, что все его прекрасные дубы повалены наземь, он заплакал и пошел к матери.

— Бедная моя матушка, я побежден. Все мои прекрасные деревья срублены! Я не в силах одолеть этого дьявола, ему, наверно, помогает какой-нибудь могучий волшебник.

В то время как он жаловался матери, вошел принц и сказал ему:

— Я трижды тебя одолел, теперь ты должен отдать мне свою сестру!

— Увы, это так,— молвил орел.— Забирай ее и уходи поскорее.

Вот как случилось, что принц увел с собой сестру орла. Но она пока что не соглашалась выйти за него замуж и не хотела даже сопровождать его во владения его отца. Она сказала ему:

— Теперь нам придется некоторое время пробыть в разлуке, потому что мы еще не можем пожениться. Но будьте верны мне, что бы ни случилось, и когда придет время, мы встретимся вновь. Вот вам половинка моего кольца и половинка моего носового

платка: берегите их — они помогут вам в будущем узнать меня, если в том будет нужда.

Принц сильно опечалился. Он взял половинку кольца и половинку носового платка и один вернулся в отцовский замок, где все от души рады были его возвращению после такого долгого отсутствия.

Сестра орла нанялась в услужение к ювелиру, проживавшему в том городе и работавшему для королевского двора.

Спустя недолгое время принц совершенно забыл свою невесту — он влюбился в одну принцессу, прибывшую ко двору его отца из соседнего королевства. Вскоре назначен был день свадьбы; стали готовить великое пиршество и созывать многочисленных гостей. Ювелира, которому были заказаны обручальные кольца и всякие иные украшения, тоже пригласили, вместе с его женой и даже с ее прислужницей, которая славилась своей красотой и благородной осанкой.

Прислужница попросила своего хозяина отлить ей из чистого золота маленького петушка и такую же курочку и, отправляясь на свадебный пир, положила их в карман. За столом ее посадили как раз напротив новобрачных. Она положила на стол рядом с собой половинку кольца, вторая половинка которого была у принца.

Увидев эту половинку, новобрачная сказала мужу:

— У меня точь-в-точь такая.— Оказывается, принц подарил ей свою.

Тотчас обе половинки были приложены одна к другой; они сошлись, и кольцо снова сомкнулось.

То же произошло и с обеими половинками носового платка. Все присутствовавшие выражали изумление. Один только принц оставался спокойным и, казалось, ни о чем не догадывался. Тогда сестра орла поставила на стол перед собой сработанных из золота петушка и курочку, затем положила на свою тарелку горошину. Петушок вмиг ее проглотил.

— Опять ты, обжора, съел горошину,— сказала ему курочка.

— Молчи,— ответил петушок,— следующую я дам тебе!

— Как бы не так! Королевский сын тоже обещал, что будет верен мне до самой смерти, когда шел играть в кегли с орлом, моим братом.

Принц насторожился. Сестра орла бросила на свою тарелку вторую горошину; петушок и на этот раз склевал ее.

— Опять ты, обжора, съел горошину,— снова сказала курочка.

— Молчи,— ответил петушок,— следующую я отдам тебе.

— Как бы не так! Королевский сын тоже обещал, что будет

верен мне до самой смерти, когда брат мой орел велел ему пойти с ним вместе к роднику за водой.

Все присутствовавшие были крайне удивлены и терялись в догадках. Тем временем сестра орла кинула на свою тарелку третью горошину, которую петушок мигом проглотил, как и те две.

— Опять ты съел горошину, обжора! — в третий раз сказала курочка.

— Молчи, милая моя курочка, следующую я уж непременно отдам тебе.

— Как бы не так! Королевский сын тоже обещал, что будет верен мне до самой смерти, когда брат мой орел послал его вырубить деревянным топором длинную аллею старых дубов.

Теперь принцу все стало ясно. Он встал и, обернувшись к своему тестю, сказал ему так:

— Дорогой тесть, мне надобно спросить у вас совета. У меня был прекрасный золотой ларец, заключавший в себе бесценное сокровище. Я его лишился и раздобыл другой. Но случилось так, что я снова нашел первый ларец, и теперь у меня их два. Какой из них мне надлежит оставить у себя — первый или второй?

— Преимущество всегда должно быть отдано более давнему, — ответил старец.

— Я тоже так думаю, — сказал принц. — Так вот, до вашей дочери я любил другую девушку и обещал ей, что возьму ее в жены. Вот она!

С этими словами он подошел к служанке ювелира — а это ведь была сестра орла! — и, к изумлению всех присутствующих, взял ее за руку.

Другая невеста и ее отец и мать, вместе с родственниками и гостями, удалились, сильно раздосадованные.

Несмотря на это, пиры, игры и забавы продолжались, так что свадьба принца и сестры орла была отпразднована с должным великолепием.

Портной и Вихрь

ЖИЛ однажды портной; у него была жена. Обычно жены портных лентяйки, и эта была под стать другим. Звали ее Жанна, а ее мужа — Жан Кривая Ступня. Утром, как только Жан уходил на работу, Жанна опять заваливалась спать, часов в одиннадцать или двенадцать вставала с постели и принималась ходить из дома в дом, навещала кумушек и болтала как сорока. Когда Жан к вечеру возвращался домой, она всегда сидела за прялкой; вот он и воображал, что Жанна весь день от нее не отходила.

Как-то раз Жан поутру сказал своей жене:

— Сегодня я не буду работать, мы вдвоем пойдем на рынок продавать пряжу, ведь у тебя ее, наверное, уже много накопилось.

Жанна сильно испугалась: как тут быть? У нее не было и трех мотков пряжи. Она побежала к кумушке, ближайшей соседке, и рассказала ей про свою беду.

— Скажи мужу,— посоветовала ей кумушка,— что ты вымыла пряжу, снесла ее для просушки в пекарню и положила в печь, а пекарь, ничего об этом не зная, затопил, как всегда, и вся пряжа сгорела.

Вернувшись домой, Жанна слово в слово повторила мужу то, чему ее научила кумушка.

— Дура! — сердито крикнул Жан.— Видно, ты потеряла и ту крупицу разума, которая у тебя была, и пока я буду жить с тобой, мне не выбраться из нищеты. Теперь в наказание ты посеешь здесь во дворе полмеры льняного семени,— вот оно,— и чтобы

к моему возвращению лен поспел и был вытереблен, вымочен, высушен, связан в пучки и снесен на чердак!

— Полно, муженек,— ответила Жанна,— как ты можешь говорить такие вещи? Никто на свете не сумеет это сделать; как же ты хочешь, чтобы я с этим управилась?

— Делай как знаешь,— ответил Жан,— но вечером, к моему приходу, все должно быть готово, иначе тебе несдобровать.

С этими словами портной ушел. Жанна встревожилась и побежала к кумушке.

— Если бы вы знали, кума, что мой муж придумал! Видно, он совсем спятил.

— Чего же он, кума, хочет?

— Чего он хочет? Он хочет, чтобы я посеяла у нас во дворе полмеры льняного семени и чтобы к вечеру этот лен поспел, да чтобы вдобавок я его вытеребила, вымочила, высушила, связала в пучки и сложила на чердаке! Скажите, пожалуйста, разве он стал бы приставать ко мне с такими бреднями, будь он в своем уме? — Тут она даже расплакалась.

— Не печальтесь, кума,— сказала ей соседка.— Неужели мы не найдем способа и на этот раз провести вашего Жана, который считает себя умником, а на самом деле дурак, каких мало? Вот что надо сделать: у меня еще с прошлого года лежит на чердаке немного льна. Вы возьмете два-три пучка, развяжете их, разбросаете стебли по окрестным полям и лугам, закинете на изгороди и кусты, а вечером, когда Жан вернется, вы скажете ему, что все сделали, как он велел, но что в то время, как лен сушился на лугу, налетел Вихрь и все разметал. А в доказательство вы покажете ему раскиданные по кустам и деревьям стебли.

Этот совет пришелся Жанне по душе. Она взяла у кумушки три пучка сухого льна и разбросала его по полям и лугам, закинула на кусты и на ветви деревьев.

Вечером, придя домой, Жан сразу спросил:

— Ну как, жена, ты сделала все, что я тебе сегодня утром наказал?

— Еще бы, я в точности выполнила все твои приказания, но не везет нам, муженек, да и только!

— Что же случилось?

— Что случилось? Ты только подумай: лен сушился на лугу возле пруда, где я его мочила, и я уже начала была его собирать, чтобы связать в пучки и снести на чердак, как вдруг налетел Вихрь и все разметал.

— Те-те-те! Я таким сказочкам не верю,— ответил Жан.

— Это совсем не сказочка, муженек, пойдем со мной, и ты убедишься, что это сущая правда.

Жанна тотчас повела мужа на луг, где, по ее словам, она раскладывала лен для просушки, и показала ему стебли, разметанные по окрестным полям и лугам, зацепившиеся за кусты и ветки деревьев.

Волей-неволей портному пришлось поверить жене, и он вскричал:

— Вот оно что! Раз это Вихрь причинил мне такие убытки, он мне за них заплатит. Я сейчас же пойду жаловаться Повелителю Ветров!

Жан вернулся домой и, взяв с собой свою сучковатую палку, пирог из ячменной муки да несколько лепешек, отправился в путь.

Шел он долгое время. Шел все вперед да вперед и наконец очутился у подножия холма, на котором сидела старуха ростом с башню. Ее седые волосы развевались по ветру, изо рта торчал большой черный зуб, единственный, который у нее уцелел.

— Здравствуйте, бабушка,— сказал ей портной.

— Здравствуйте,— ответила старуха.— Что вы ищете?

— Я ищу жилище Ветров.

— В таком случае, сынок, вы у конца пути: жилище Ветров здесь, а я — их мать. Что вам от них нужно?

— Я пришел требовать с них денег за убытки, которые они мне причинили.

— Какие такие убытки? Скажите мне, и я вам их возмещу, если вы действительно пострадали.

— Ваш сын Вихрь дочиста меня разорил...

И Жан рассказал старухе, как было дело. Она сказала:

— Войдите в наш дом, сынок, а когда сын мой Вихрь вернется, я заставлю его уплатить вам за убытки.

Старуха спустилась с холма и повела Жана в свой дом, стоявший в ложбинке. Это была хижина, построенная из веток и комьев земли; ее продувало со всех сторон. Старуха дала Жану поесть и сказала, чтобы он не пугался, когда ее сын вернется, так как она сумеет с ним справиться, хоть Вихрь и будет грозиться, что съест пришельца. Вскоре раздался страшный шум: деревья трещали, камни срывались с места, волки протяжно выли.

— Это сын мой Вихрь спешит домой,— сказала старуха.

Жан так перепугался, что полез под стол. Вихрь вошел, рыча, принюхался и крикнул:

— Я чую человечий дух! Здесь спрятан человек, я его съем!

— Не надейтесь, сын мой, что я позволю вам съесть этого славного человечка, а лучше подумайте о том, как возместить убытки, которые вы ему причинили,— сказала старуха.

Она взяла Жана за руку и вытащила его из-под стола. Увидав Жана, Вихрь раскрыл пасть и уже приготовился было схватить

его и съесть, но мать пальцем указала на мешок, подвешенный к балке у самого потолка, и спросила:

— Вам, видно, хочется посидеть в том мешке?

Вихрь тотчас угомонился. А портной осмелел и сказал ему:

— Добрый день, ваша светлость. Вы меня разорили.

— Как так, дружище? — ласково спросил Вихрь.

— Вы разметали по лугу весь лен, который моя жена разложила для просушки.

— Это неправда, твоя жена лгунья и лентяйка. Но сам ты честный парень, хороший работник и усердно трудишься. С такой женой ты, несмотря на все твои старания, век останешься бедняком, и я хочу вознаградить тебя за долгий путь и за то, что ты верил в мою справедливость. Вот тебе ослик, а когда тебе понадобятся серебро и золото, ты только расстели на земле под самым его хвостом белую салфетку и скажи: «Ослик, исполни свой долг!» И он тотчас доставит тебе столько золота и серебра, сколько ты пожелаешь. Но смотри береги его! Если его у тебя украдут, ты станешь так же беден, как прежде.

И Вихрь дал ему стоявшего в углу хижины ослика, ничем не отличавшегося от любого вислоухого. Портной поблагодарил за щедрый подарок, попрощался с Вихрем и его матушкой и отправился домой в сопровождении драгоценного животного.

Отойдя на некоторое расстояние от хижины, Жан очутился среди обширной пустоши. Чтобы поскорее узнать, обладает ли его ослик тем свойством, которое ему приписывалось, Жан расстелил свой носовой платок на земле под самым его хвостом и сказал:

— Ослик, исполни свой долг!

В тот же миг посыпались золотые и серебряные монеты, быстро покрывшие платок. Жан наполнил ими все карманы, а затем продолжал путь, распевая, смеясь, приплясывая от радости и припрыгивая, словно помешанный.

Когда стало смеркаться, он решил заночевать на постоялом дворе у самой дороги.

Слуге, которому Жан поручил своего ослика, он строго велел как можно лучше о нем заботиться, а главное — не просить его исполнить свой долг. Как видно, бедняга Жан был не из сметливых. Плотно поев и угостившись самым лучшим вином, какое нашлось на постоялом дворе, Жан лег в постель и заснул, не тревожась о завтрашнем дне.

Слуга был удивлен тем, что Жан велел ему не просить ослика исполнить свой долг, — никто из постояльцев никогда не говорил ему таких вещей.

«Здесь что-то неладно», — подумал он.

Эта мысль не давала слуге уснуть, и он пошел поделиться ею со своим хозяином.

Когда все в доме легли спать, хозяин, его жена и слуга отправились в конюшню. Слуга подошел к ослику и сказал ему:

— Ослик, исполни свой долг!

И в тот же миг с веселым звоном посыпались серебряные и золотые монеты. Все трое не могли прийти в себя от изумления. Наполнив карманы золотом, они подменили одного вислоухого другим и заперли волшебного ослика в укромный чулан, далеко от конюшни.

На другое утро Жан вкусно позавтракал, расплатился и, забрав ослика, которого ему привел слуга, продолжал путь, не догадываясь, как его надули. Карманы у него еще полны были золота и серебра, добытого накануне, и поэтому до самого конца пути ему не понадобилось приказывать ослику исполнить свой долг.

Возвратясь домой, он увидел, что его жена и дети чуть не умирают от голода. Жанна, завидя мужа, стала осыпать его бранью:

— Наконец-то ты явился, жестокий, бессовестный человек! Шатаешься неизвестно где, оставляешь жену и детей умирать с голоду! — И она грозила ему кулаком.

— Замолчи, жена,— сказал Жан спокойно, как подобает человеку, уверенному в своем деле,— ты никогда уже не будешь терпеть недостатка в хлебе или в чем другом; теперь мы будем богаты, ты сейчас в этом убедишься. Сними передник и расстели его на земле под самым хвостом моего ослика.

Жанна расстелила передник, и Жан, не медля, сказал:

— Ослик, исполни свой долг.

Но на передник ничего не упало. Жан сильно этому удивился. Думая, что, быть может, ослик не расслышал, он во второй раз сказал:

— Ослик, исполни свой долг!

Опять ничего! Он в третий раз, еще громче прежнего, крикнул:

— Ослик, исполни свой долг!

В этот раз на передник кое-что упало, но то было не золото и не серебро.

Видя все это, Жанна решила, что муж над ней издевается. Она заорала еще громче, а затем схватилась за палку. Бедняга Жан убежал сломя голову.

Куда ему было деваться? Он даже толком не знал, где у него украли ослика; вот он и решил снова отправиться к Вихрю.

Когда Вихрь увидел опечаленного Жана, он сказал:

— Я знаю, зачем ты опять пришел: ты недоглядел за своим осликом, его у тебя украли на первом же постоялом дворе, где ты заночевал по пути домой. Теперь вот тебе салфетка. Как только ты расстелешь ее на столе, а то и на голой земле, и скажешь: «Салфетка, исполни свой долг!» — она тотчас накормит и напоит тебя всем, чего бы ты ни пожелал. Но смотри в оба, чтобы ее тоже не украли.

— Уж будьте спокойны,— ответил Жан,— скорее я расстанусь с жизнью.

Жан попрощался с Вихрем и его матушкой и снова двинулся в путь. Когда стемнело, он заночевал на том же постоялом дворе, что и в первый раз. А там справляли свадьбу. Ему оказали радушный прием и попросили сесть за стол с новобрачными, что он охотно сделал. Потому ли, что угощение показалось ему скудным, а быть может, и потому, что он захотел похвастаться перед гостями и прослыть у них великим мудрецом и чародеем, Жан вынул из кармана салфетку, расстелил ее на столе и гордо сказал: «Салфетка, исполни свой долг!» — в тот же миг на столе появилось роскошное угощение: изысканные яства, какие подаются только за королевским столом, и тончайшие вина всех стран.

Опьяненный похвалами и вином, Жан и на этот раз не заметил, как его обокрали, утащили у него салфетку. Утро застигло его в прежней бедности, и он опять не знал, как ему быть. Однако теперь он не осмелился явиться к жене с пустыми руками, а решил, что для него единственное спасение снова отправиться к матери Ветров.

И вот он опять пошел той же дорогой, но на этот раз очень пристыженный и смущенный.

Увидев его, Вихрь сказал:

— Опять тебя обокрали, бедняга! У тебя утащили салфетку!

— Сжальтесь надо мной, ваша светлость,— взмолился несчастный портной,— у меня жена и дети с голоду помирают, я не могу вернуться домой с пустыми руками!

— Я согласен тебе помочь, потому что ты неплохой человек, но уж это в последний раз,— ответил Вихрь. Затем он вручил портному дубинку, сказав при этом:

— Вот тебе дубинка. Стоит только тому, у кого она в руках, сказать: «Дубинка, исполни свой долг!», и она начнет без устали лупить недругов своего хозяина. Ничто не сможет ее остановить, пока он ей не скажет: «Довольно!» При помощи этой дубинки ты вернешь себе и осла и салфетку.

Жан поблагодарил и пустился в обратный путь. Он заночевал все на том же постоялом дворе. Рассчитывая украсть у него

еще какое-нибудь сокровище, хозяева оказали ему самый радушный прием. Жан пригласил хозяина, его жену и слугу поужинать с ним. К концу трапезы он сказал своей дубинке, с которой теперь ни на минуту не расставался:

— Дубинка, исполни свой долг!

Дубинка тотчас завертелась в воздухе и давай лупить по очереди хозяина, хозяйку и слугу. Как они ни старались ее остановить, все было напрасно; они залезали под стол, прятались, где только можно, но дубинка всюду их настигала, а портной хохотал и потешался над ними.

— Пощадите! Сжальтесь! — вопили они.

А Жан в ответ:

— Поделом вам, будете знать, как таскать ослов и салфетки!

— Сжальтесь! Пощадите! Мы все вам вернем! Ведь нам, того и гляди, конец придет!

Эта потеха длилась около получаса, пока Жан не скомандовал:

— Довольно!

Тогда дубинка угомонилась, и Жан вернулся домой с ослом, салфеткой и дубинкой.

Если он сумел их сберечь, то, наверно, живет припеваючи. А я с тех пор больше о нем ничего не слыхал.

Прекрасная Жанетон

ИЛ однажды французский король с королевой, и у них был сын, прекрасный как солнце. Каждое утро, чуть рассветет, юноша отправлялся на охоту, а с ним сто псарей и семьсот собак. И всегда он возвращался до заката.

Но однажды вечером скакун королевского сына вернулся один,— хозяин его отбился от своих слуг и заблудился в лесу. Ночь была темная, выли волки.

Сын французского короля взобрался на вершину огромного дуба и стал следить за четырьмя ветрами небесными. Ни зги не видать.

Тогда сын французского короля спустился с вершины огромного дуба, лег на землю и уснул с обнаженным мечом в руке. Когда он проснулся, солнце уже вставало и пели птички.

Целый день сын французского короля шел, блуждая по лесной чаще. Он пил из ручья, ел травы и дикие плоды. Потом настала темная ночь. Выли волки.

Сын французского короля взобрался на вершину огромного дуба и стал следить за четырьмя ветрами небесными. Ни зги не видать.

Тогда сын французского короля спустился с вершины огромного дуба, лег на землю и уснул с обнаженным мечом в руке. Когда он проснулся, солнце уже вставало и пели птички.

Целый день сын французского короля блуждал в чаще леса. Он пил из ручья, ел травы и дикие плоды. Потом настала темная ночь. Выли волки.

Сын французского короля опять взобрался на вершину огромного дуба и стал следить за четырьмя ветрами небесными. Наконец с северной стороны, далеко-далеко, он заметил маленький огонек.

Тогда сын французского короля спустился с вершины огромного дуба и долго-долго шел к северу. За час до полуночи он постучал у двери замка, затерянного в лесной чаще.

— Тук-тук!

Девушка, прекрасная как солнце, открыла ему.

— Здравствуй, красавица! Я сын французского короля. Вот уже три дня и три ночи я плутаю в лесу, умирая от голода и жажды. Ноги мои меня больше не носят. Дай мне поесть, красавица, и приюти до утра.

— Сын французского короля, входи, ешь скорее и беги отсюда. Это замок моих родителей, замок Людоеда и Людоедки. Оба очень падки на человеческое мясо. Они сейчас гуляют в лесу, но вернутся, как только начнет бить полночь. Я не хочу, чтобы они тебя съели живьем. Сын французского короля, входи, ешь скорее и беги отсюда.

— Красавица, ноги мои меня больше не носят.

— Ну что ж, сын французского короля, входи, ешь скорее и прячься под ушат.

Сказано — сделано. Людоед и Людоедка вернулись, как только начало бить полночь. Это были великаны, высокие как башни и черные как сажа. Людоеды и людоедки ведь некрещеные.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, здесь пахнет крещеной плотью.

— Нет, отец! Да нет же, мать! Нет здесь никакой крещеной плоти. Поищите и увидите, что я вас не обманываю.

Людоед и Людоедка стали всюду искать и ничего не нашли.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, здесь пахнет крещеной плотью. Ложись-ка спать. Завтра мы лучше поищем. Если ты нам солгала, мы тебя съедим живьем.

Людоед и Людоедка легли спать. Но Прекрасная Жанетон не торопилась в постель. Из горсточки золы и стакана собственной крови она слепила пирожок — пирожок, наделенный чудесной силой говорить за нее до рассвета.

Слепив пирожок, Прекрасная Жанетон взяла палку и семимильные сапоги Людоеда и Людоедки. Потом подняла ушат тихонько-тихонько:

— Сын французского короля, скорее бежим отсюда. Здесь для нас готовится недоброе.

И они вдвоем умчались быстрее ветра.

Но Людоед и Людоедка не верили Прекрасной Жанетон и только притворялись, будто спят.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, иди спать.

Пирожок, слепленный из золы и крови, ответил:

— Иду, иду, вот только чепчик сниму.

Людоед и Людоедка на минутку заснули.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, иди спать.

Пирожок, слепленный из золы и крови, ответил:

— Иду, иду, вот только кофту сниму.

Людоед и Людоедка на минутку заснули.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, иди спать.

Пирожок, слепленный из золы и крови, ответил:

— Иду, иду, вот только юбку сниму.

Людоед и Людоедка на минутку заснули.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, иди спать.

Пирожок, слепленный из золы и крови, ответил:

— Иду, иду, вот только причешусь на ночь.

Людоед и Людоедка на минутку заснули.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, иди спать.

Пирожок, слепленный из золы и крови, ответил:

— Иду, иду, вот только сниму башмаки.

Людоед и Людоедка на минутку заснули.

— У-гу-гу! Прекрасная Жанетон, иди спать.

Но уже наступил рассвет. Пирожок, слепленный из золы и крови, потерял свою чудесную силу и больше не мог отвечать за Прекрасную Жанетон.

Тогда Людоедка вскочила с постели.

— У-гу-гу! Тысяча дьяволов! Десять тысяч дьяволов! Прекрасная Жанетон и крещеная плоть убежали с палкой и семимильными сапогами. Скорее, муженек, догоняй их! Через час ты должен их поймать. Мы съедим их живьем.

Людоед взял другую палку и стомильные сапоги и полетел беглецам вдогонку быстрее молнии, так что Прекрасная Жанетон и сын французского короля чуть было не попались.

— У-гу-гу! — кричал Людоед. — Погодите, разбойники! Погодите, канальи!

Но Прекрасная Жанетон могла выручить из всякой беды. Силой ее чар она и сын французского короля тотчас же превратились в птичек, поющих в кустах на дороге:

— Риу-чиу-чиу! Риу-чиу-чиу! Риу-чиу-чиу!

Людоед остановился и стал их расспрашивать:

— У-гу-гу!

Птичка-невеличка, жду ответа —
Мальчика и девочки здесь нету?

— Риу-чиу-чиу! Риу-чиу-чиу! Риу-чиу-чиу!

Больше от них Людоед ничего не добился и вернулся в свой замок. А тем временем Прекрасная Жанетон с сыном французского короля мчались дальше как ветер.

— У-гу-гу! Ну как, муженек, — спросила Людоедка, — поймал ты Прекрасную Жанетон и крещеную плоть?

— У-гу-гу! Я нашел только двух птичек, поющих в кустах на дороге. Я стал их расспрашивать. Они отвечали мне только: «Риу-чиу-чиу! Риу-чиу-чиу!» Больше я от них ничего не добился.

— У-гу-гу, дурень, да это же и были они! Беги за ними скорей, муженек. Через час ты должен их поймать. Мы съедим их живьем.

Людоед помчался быстрее молнии, так что Прекрасная Жанетон и сын французского короля чуть было не попались.

— У-гу-гу! — кричал Людоед. — Погодите, разбойники! Погодите, канальи!

Но Прекрасная Жанетон могла выручить из всякой беды. Силой ее чар она и сын французского короля тотчас же превратились в селезня и уточку, плескавшихся и крякавших в канаве у дороги:

— Кря, кря, кря!

Людоед остановился и стал их расспрашивать:

— У-гу-гу!

Селезень и утка, жду ответа —
Мальчика и девочки здесь нету?

— Кря, кря, кря!

Больше от них Людоед ничего не добился и вернулся в свой замок. А тем временем Прекрасная Жанетон с сыном французского короля мчались дальше как ветер.

— У-гу-гу! Ну как, муженек? — спросила Людоедка. — Поймал ты Прекрасную Жанетон и крещеную плоть?

— У-гу-гу! Я нашел только селезня и уточку, плескавшихся и крякавших в канаве у дороги. Я стал их расспрашивать. Они отвечали мне только: «Кря, кря, кря!» Больше я от них ничего не добился.

— У-гу-гу, дурень, да это же и были они! Беги за ними скорей, муженек. Через час ты должен их поймать. Мы съедим их живьем.

Людоед помчался быстрее молнии, так что Прекрасная Жанетон с сыном французского короля чуть не попались.

— У-гу-гу! — кричал Людоед. — Погодите, разбойники! Погодите, канальи!

Но Прекрасная Жанетон могла выручить из всякой беды. Силой ее чар она и сын французского короля тотчас же превратились в пастушку, прекрасную как солнце, пастушку Бернадетту, стерегущую свое стадо на дороге.

— Бэ, бэ, бэ!

Людоед остановился и стал расспрашивать ее и овечек:

— У-гу-гу!

Солнышко, пастушка Бернадетта!
Белые овечки, жду ответа:
Мальчика и девочки здесь нету?

— Бэ, бэ, бэ!

Больше от них Людоед ничего не добился и вернулся в свой замок. А тем временем Прекрасная Жанетон с сыном французского короля мчались дальше как ветер.

— У-гу-гу! Ну как, муженек,— спросила Людоедка,— поймал ты Прекрасную Жанетон и крещеную плоть?

— У-гу-гу! Я нашел только пастушку, прекрасную как солнце, пастушку Бернадетту, стерегущую своих овечек на дороге. Я стал их расспрашивать. Они отвечали мне только: «Бэ, бэ, бэ!» Больше я от них ничего не добился.

— У-гу-гу! Дурень, да это же и были они! Беги за ними скорей муженек, через час ты должен их поймать. Мы съедим их живьем.

Людоед помчался быстрее молнии, но на этот раз Прекрасная Жанетон с сыном французского короля настолько его опередили, что он уже не мог их догнать.

Через неделю они прибыли в Лувр, ко двору французского короля.

— Здравствуйте, дорогие родители!

— Здравствуй, милый наш сын, мы оплакивали тебя, как мертвого.

— Дорогие родители, я попал к Людоеду и Людоедке, падким на крещеную плоть. Я пропал бы без этой красавицы, без Прекрасной Жанетон. Дорогие родители, я люблю ее так, что никакими словами не описать. Позвольте мне взять ее в жены, не то я отправлюсь на край света и никогда, никогда не вернусь.

— Милый сын наш, не отправишься ты на край света. Бери себе в жены Прекрасную Жанетон.

Сказано — сделано. И долго-долго сын французского короля с Прекрасной Жанетон жили счастливо и богато.

Принцесса Маркасса и птица Дредейн

ЖИЛ когда-то во Франции король, и было у этого короля три сына.

Старший и средний были и собой хороши, и сильны, и здоровы. А младший вырос тщедушным и хилым. По целым дням он сидел у очага, весь в золе и пепле. Его так и звали — Людуэн, что по-бретонски значит Замарашка.

Старый король был болен. У него перебывали все врачи королевства, но никто из них не знал лекарства от его болезни.

Один знахарь, которого также призвали к больному, сказал, что исцелить короля могло бы только прикосновение к птице Дредейн, которая сидит в золотой клетке.

— А где эта птица? — спросил король.

— В замке принцессы Маркассы, далеко за Красным морем. Замок тот стоит за тремя высокими стенами, за тремя дворами, а дворы охраняются великанами ростом в семь футов и драконами. Драконы эти мечут пламя на семь миль вокруг.

— Кто же пойдет искать для меня чудо-птицу в таком замке? — сказал король со вздохом.

— Я пойду, отец, — вызвался старший сын.

Он взял с собой золота и серебра вволю, выбрал лучшего коня в дворцовых конюшнях и уехал, сказав отцу:

— Если я не вернусь через год и один день, знайте, что меня больше нет в живых.

Вот принц едет, едет и приезжает наконец в землю саксов[1]. Спрашивает, где тот замок, в котором находится птица Дредейн, но в ответ все только смеются и потешаются над ним.

Принц остановился в гостинице, где нашлись красивые девушки и веселые собутыльники, и стал с ними проматывать свои деньги.

Миновал год и один день, а он не вернулся домой. Тогда пришел к отцу средний сын и говорит:

— Отец, вот миновал уже год и один день, а моего старшего брата все нет как нет. Я поеду искать его и птицу Дредейн, потому что только она одна может вернуть вам здоровье.

И средний сын пустился в путь, взяв с собой много золота и серебра. Он попал в ту же гостиницу, встретил брата и зажил так же весело, как тот.

Прошел опять год и один день. Принцы не вернулись, а старому королю с каждым днем становилось хуже. Тогда Людуэн сказал отцу, что он хочет ехать на поиски братьев и птицы Дредейн.

— И ты тоже, сын мой! — воскликнул старый король. — Нет, оставайся дома, чтобы было кому закрыть мне глаза. Уж если братья твои потерпели неудачу, так тебе и подавно не достать птицы Дредейн.

Но Людуэн упорно стоял на своем. И отец согласился отпустить его. Он дал ему немного денег — гораздо меньше, чем старшим. Людуэн отправился в конюшню, оседлал верблюда, который делал семь миль в час, и пустился в путь.

Приезжает он в тот самый город, где застряли его братья, и спрашивает про замок, в котором находится птица Дредейн. Ему говорят, что здешние жители о таком замке никогда и не слыхивали, а знают о нем только два чужеземных принца, которые приехали сюда не так давно и ведут веселую жизнь. Людуэн пожелал их увидеть. Его привели в гостиницу, и он, узнав братьев, очень обрадовался тому, что они живы. А братья отняли у него деньги и прогнали его.

Бедный Людуэн поехал дальше, глубоко опечаленный тем, что братья так обошлись с ним.

Верблюд его мчался быстро, и через короткое время он был уже очень далеко.

Ночь застигла Людуэна в дремучем лесу. Со всех сторон в темноте раздавался вой диких зверей. Принц забрался на дерево и приметил вдалеке огонек. Тогда он спустился вниз, пошел на этот огонек и скоро увидел убогую хижину из ветвей и сухой

[1] Землей саксов бретонцы в старину называли Англию.

травы. На стук вышла сгорбленная старушка, и он попросил, чтобы она пустила его ночевать.

— Мне негде уложить тебя, сынок,— отвечала она.— У меня нет кровати.

— Ничего, бабушка, я лягу на камень у очага.

— Что же, входи, сынок, жалко оставлять тебя под открытым небом.

Людуэн привязал своего верблюда к столбу и вошел в хижину.

— Как тут у вас скверно пахнет! — сказал он, зажимая нос.

— Это мой бедный старик. Вот уже неделя, как он умер, а тело все еще лежит, оттого и пахнет.

— Да почему же вы его не хороните?

— Ах, сынок, у меня нет денег, а наш священник даром ничего не делает.

— Сколько же он требует за погребение?

— Экю. А у меня и су не найдется.

— Знаете что, бабушка, я не богат, но завтра утром я заплачу священнику, и мы похороним вашего мужа.

На другое утро он пошел к священнику и сказал ему:

— Вот вам экю, которое вы требовали за погребение мужа той бедной старухи, что живет в лесу. И похороните его немедленно.

Умершего похоронили. Только два человека провожали его на кладбище: старуха и Людуэн.

Сразу же после похорон Людуэн снова пустился в неведомый путь. Проезжая по широкой, голой равнине, он заметил, что за ним следом неотступно бежит белая лисица.

«Почему эта лиса бежит за мной все время?» — недоумевал он про себя.

Когда он доехал до края равнины, лисица вдруг, к его большому удивлению, заговорила человеческим голосом:

— Ты ищешь птицу Дредейн, принц?

— Да, тварь божья. Не знаешь ли ты чего-нибудь об этой птице?

— Знаю. Ты уже недалеко от нее. Видишь тот замок высоко на горе? Там находится птица Дредейн. Я расскажу тебе, что надо делать, чтобы ее достать. Замок стоит за тремя дворами, и каждый двор обнесен высокой стеной. Тебе придется пройти через все три двора. Первый кишит жабами, змеями и всякими ядовитыми гадами. Во втором — львы и тигры, в третьем — огнедышащие драконы и великаны, которые охраняют вход в замок. От одиннадцати часов до последнего удара часов в полночь все они лежат на земле вповалку, с высунутыми языками, и спят глубоким сном. Ты можешь смело пройти между ними и даже по их

телам,— они не проснутся, пока не пробьет полночь. Проникнув в замок, ты уже легко пройдешь через три красивых зала (я не скажу тебе, что́ ты в них увидишь) и в четвертом найдешь птицу Дредейн в золотой клетке, подвешенной к потолку на трех золотых цепях. Птица тоже спит в этот час. Подле клетки, на стене, на золотом гвозде висит сабля. Ты возьмешь эту саблю, перерубишь три золотые цепи и унесешь птицу вместе с клеткой. Но помни, что все это ты должен сделать до полуночи. Если запоздаешь, ворота захлопнутся, и ты никогда не выйдешь из замка.

Людуэн поблагодарил лисицу за совет и, набравшись храбрости, направился к замку.

Он подъехал к замку в тот миг, когда пробило одиннадцать часов, и ворота первого двора были открыты. Войдя внутрь, он увидел, что двор так и кишит громадными змеями и другими отвратительными гадами. У Людуэна сердце упало, когда во втором дворе ему пришлось пробираться среди чудовищ, распространявших мерзкий, удушливый смрад. То же было и в третьем. Но, несмотря на все это, он в конце концов прошел в замок.

В первом зале не было ни единой живой души. Людуэн увидел на столе большой каравай белого хлеба и, почувствовав голод, отрезал изрядный ломоть и принялся есть. К его удивлению, хлеб ничуть не уменьшился, когда от него отрезали кусок. Людуэн подумал: «Такой хлеб пригодится в дороге» — и положил его к себе в сумку.

Затем входит он во второй зал и видит на столе кувшин с вино́м, а рядом — стакан. «Вот и чудесно!» — сказал он себе. Он выпил стакан, за ним другой, третий, а вино в кувшине ничуть не убывает! Он и кувшин сунул в сумку с хлебом и вошел в третий зал. Тут он рот разинул от восхищения: на пурпуровом ложе крепко спала принцесса, прекрасная как ясный день. Выпитое вино ударило ему в голову, он снял башмаки и, тихонько подойдя, обнял принцессу; но она даже не проснулась. Все-таки он не забыл того, что ему наказывала лисица, и пошел в четвертый зал.

Здесь, в золотой клетке, на трех золотых цепях подвешенной к потолку, спала птица Дредейн. А на стене висела сабля, и на клинке ее было написано: «Тот, кто мной владеет, может убить десять тысяч человек, если ударит острой стороной клинка, а если ударит тупой, то разрубит начисто все, что захочет разрубить». «Недурно!» — сказал Людуэн. Схватил саблю, и — раз, два, три! — тремя сильными ударами перерубил золотые цепи. Потом взял клетку с птицей, прихватил и саблю и бросился вон из замка. Он пробежал по телам драконов и великанов, а те всё спали, высунув языки. Часы начали бить полночь, когда он перешагнул через порог первого зала. «Пока все идет хорошо»,— сказал себе

Людуэн, вскочил на верблюда, который ожидал его у ворот, и вихрем помчался прочь.

С последним ударом часов принцесса, а за ней великаны, драконы и остальные гады проснулись и сразу узнали, что птицу кто-то похитил. Драконы стали изрыгать пламя, а великаны пустились в погоню за вором. Огонь из пастей драконов опалил шерсть на верблюде и волосы Людуэна. Но верблюд несся быстро за белой лисицей, которая все время бежала впереди и указывала им дорогу. И скоро они достигли границ царства чародея, жившего в золотом замке. Дальше он не имел никакой власти. Они были спасены! Здесь белая лисица исчезла, а Людуэн спокойно продолжал путь.

На краю широкой пустынной равнины, по которой он проезжал, Людуэн увидел у самой дороги постоялый двор и зашел туда поесть и отдохнуть. Он велел подать себе все, что было там самого лучшего. Хлеб ему не понравился. Он позвал хозяина и сказал:

— Хлеб ваш никуда не годится.

— В наших краях лучшего нет, и сам король ест такой же.

Людуэн вынул из сумки каравай, который он унес из золотого замка, и сказал:

— А вот у меня есть хлеб получше!

Он отрезал ломоть и угостил хозяина.

— Ну-ка, отведайте моего и скажите, нравится ли он вам.

Хозяин попробовал, и хлеб так пришелся ему по вкусу, что он попросил еще кусок. Людуэн отрезал ему второй и показал, что хлеб не уменьшается.

— А что, будь у вас такой хлебец, вы бы скоро разбогатели, не правда ли? — сказал он.

— Это верно. Но где можно достать такой хлеб? — спросил хозяин.

— Нигде. Этот каравай — единственный во всем мире.

— Не продадите ли его мне? Я бы хорошо заплатил.

— А сколько вы дадите за него?

— Сто экю.

— Хорошо, давайте сто экю и берите хлеб, но с одним условием: если та, которой он принадлежит, — принцесса из золотого замка, — когда-нибудь придет сюда и потребует каравай обратно, вы ей вернете его.

Хозяин согласился, в уверенности, что никакая принцесса не потребует хлеб обратно.

Людуэн поехал дальше. На закате он остановился отдохнуть на другом постоялом дворе и продал хозяину за двести экю унесенный им из замка кувшин, в котором никогда не убавлялось вино.

Потом снова пустился в путь. Ехал, ехал, пока не приехал в страну саксов. Здесь он отправился разыскивать братьев в гостинице, где оставил их. Ему сообщили о них дурные вести. Промотав все деньги, оба принца стали ворами. Их схватили, и теперь они сидели в тюрьме, ожидая казни.

Но в это время король саксов вел войну с соседним императором, и ему некогда было вспомнить об узниках.

Людуэн решил пойти к королю и предложить ему свои услуги.

Привратник не хотел пускать его во дворец, но Людуэн показал ему саблю и прошел. Он добрался до покоев короля и ему тоже показал свою саблю, объяснив, какая в ней сила. Он обещал помочь королю одолеть врага, если тот отпустит его братьев на свободу.

Король согласился, и старших принцев выпустили из тюрьмы. Людуэн во главе королевского войска отправился в поход и благодаря своей сабле, один вид которой обращал в бегство самых храбрых солдат, одержал полную победу.

Так как братья Людуэна наделали кучу долгов и сильно задолжали хозяину гостиницы, Людуэну пришлось продать ему свою саблю, все с тем же условием — вернуть ее принцессе, если она этого потребует.

И три брата пустились в обратный путь, в родную Францию, увозя с собой птицу Дредейн в золотой клетке. Птицу нес Людуэн и ни на минуту не расставался с ней.

Но братья, завидуя его удаче, сговорились отделаться от него. Им хотелось самим привезти птицу отцу и уверить его, что это они ее достали.

Проезжая мимо глубокого колодца на краю дороги, они наклонились над его отверстием и закричали:

— Ах, какой там красивый цветок! Поди скорее сюда, Людуэн, погляди, ты, наверное, никогда не видел ничего подобного!

Людуэн поставил клетку на землю и тоже наклонился над отверстием колодца. Братья тотчас схватили его за ноги и бросили в воду. Потом умчались, забрав с собой птицу в клетке и верблюда.

Когда они воротились домой, король был уже совсем плох. Узнав, что сыновья привезли чудесную птицу, которая должна вернуть ему здоровье, он ободрился, и при дворе пошли пиры за пирами.

Однако птица была невесела, и всякий раз, когда ее вносили в комнату короля, она вырывалась, испускала пронзительные крики и не давала королю дотронуться до себя. Старый король слабел с каждым днем, так что жалко было на него глядеть.

Но вернемся теперь к Людуэну и посмотрим, что с ним сталось после того, как его бросили в воду.

К счастью, колодец был неглубокий, и белая лисица тотчас явилась на помощь. Она опустила в колодец свой хвост, который становился все длиннее и длиннее, пока не коснулся воды, и лиса, приказав Людуэну крепко ухватиться за него, вытащила принца наверх. Потом сказала ему так:

— Принц, возвращайся к отцу, теперь ты доберешься домой без всяких приключений. Недалеко отсюда тебе встретится на дороге старый нищий. Отдай ему все деньги, сколько у тебя есть. Обменяйся с ним платьем и так, в лохмотьях, явись к отцу и попроси какой-нибудь работы, самой грязной. Об остальном не беспокойся, все кончится хорошо, и злые будут наказаны по заслугам. Помнишь, Людуэн, как ты раз ночевал в убогой хижине у бедной женщины, где лежало тело ее умершего мужа, потому что ей не на что было похоронить его? Ты тогда заплатил священнику за погребение.

— Как же, очень хорошо помню.

— Ну, так вот, я—душа этого бедняка, которому ты отдал последний долг, не пожалев своих скудных грошей. И я пришла в образе лисицы, чтобы отблагодарить тебя. А теперь прощай, в этом мире мы больше не увидимся.

И лисица исчезла.

Людуэн пустился в путь и скоро встретил старого нищего, о котором говорила белая лисица. Он отдал старику все свои деньги и одежду, взяв взамен его лохмотья. Переодевшись, он пошел дальше. Шел долго, но не терял мужества и наконец пришел ко дворцу отца. В это время его старший брат стоял у ворот и, услышав, что он просит работы, сказал:

— Пошлите его пасти свиней.

И Людуэн стал свинопасом. Через некоторое время его назначили конюхом, и он так усердно заботился о лошадях, что они разжирели, шерсть на них так и лоснилась, и они стали гораздо резвее. Король был очень доволен новым конюхом и часто хвалил его. Но братья узнали Людуэна и хотели во что бы то ни стало от него избавиться. Они посоветовали отцу, чтобы он поручил новому работнику носить корм птице Дредейн. Птица, с тех пор как ее привезли во дворец, стала такая злая, что кусала всех, кто к ней подходил. Но, увидев Людуэна, она неожиданно запела и от радости захлопала крыльями. Людуэн посадил ее на палец и пошел с нею в спальню короля. Как только король услыхал пение, ему сразу стало лучше. Но, чтобы совсем выздороветь, ему нужно было увидеть принцессу Маркассу.

А принцесса, между тем, ровно через девять месяцев после того, как Людуэн посетил ее в Золотом Замке, родила сына, пре-

лестного ребенка. Ребенок рос, и вот однажды он спросил у матери, кто его отец. Принцесса ответила, что сама этого не знает.

— Я пойду искать отца,— сказал ее сын,— и не вернусь, пока не найду его.

Он пустился в путь, и мать отправилась вместе с ним.

Дорогой они остановились на отдых на том самом постоялом дворе, где Людуэн оставил хлеб, который не уменьшался, сколько бы от него ни отрезали. Гостям подали этот хлеб. Принцесса тотчас поняла, что здесь проходил тот, кто побывал в ее замке.

— Отдайте мне этот хлеб,— сказала она хозяину.

— Я не отдам его ни за что на свете,— возразил тот,— если только его когда-нибудь не потребует у меня принцесса Золотого Замка.

— Я принцесса Золотого Замка, этот хлеб принадлежит мне, и я его у вас отберу.

И она положила хлеб в сумку. Впрочем, хозяин за то время, что хлеб оставался у него, уже успел нажить целое состояние.

Принцесса и ее сын опять пустились в путь и доехали до второго постоялого двора, где побывал когда-то Людуэн. Они и здесь остановились на отдых, увидели кувшин, в котором не убавлялось вино, и увезли его тоже.

Через некоторое время они прибыли в страну саксов и попали к трактирщику, у которого Людуэн оставил волшебную саблю. Они и ее взяли с собой.

— Приободрись, дитя мое,— сказала принцесса сыну.— Теперь мы скоро увидим твоего отца.

Они продолжали путь и наконец приехали во Францию, в Париж.

Принцесса остановилась перед дворцом и приказала доложить о себе королю. Велика была радость старого короля, когда он услышал эту новость. Несмотря на болезнь, он вышел во двор навстречу гостье и подал ей руку, чтобы помочь выйти из золотой кареты.

— Нет,— промолвила принцесса Маркасса,— я не выйду из кареты, пока не придет встретить меня тот, кто похитил птицу Дредейн из моего замка.

— Это я!— сказал старший сын короля, выступив вперед.

— В таком случае скажите мне, как охраняется мой замок.

Но принц сказал только, что замок окружен высокой стеной, и принцесса возразила:

— Это не вы. Вы там не были. Уходите прочь.

— Это я!— сказал средний сын, подходя к карете.

— В таком случае скажите, как охраняется мой замок.

Но и этот принц мог сказать не больше, чем первый. Принцесса прогнала и его.

— Это не вы, уходите. Если ко мне не приведут того, кто увез из моего замка птицу Дредейн, я сейчас же уезжаю.

Тут подошел Людуэн в платье конюха и промолвил:

— Принцесса, это я увез птицу.

— Если так, расскажите, как охраняется мой замок?

— Замок ваш, принцесса, стоит за тремя высокими стенами, за тремя дворами. Первый двор полон змей и всяких других ядовитых гадов. Во втором — тигры и львы. В третьем — страшные великаны и драконы, они мечут пламя на семь миль вокруг.

— Ага, вам, я вижу, кое-что известно,— сказала принцесса.— Ну, а дальше?

— Все эти звери и чудовища, растянувшись на плитах, которыми вымощен двор, спят глубоким сном с одиннадцати часов до полуночи. Этим часом я и воспользовался, чтобы безопасно пройти среди них. В первом зале дворца я увидел чудесный хлеб, который не уменьшается, сколько от него ни отрезай. Во втором зале я нашел кувшин, в котором вина не убавляется, сколько ни пей из него. Я выпил стакан-другой и унес кувшин. В третьем зале я увидел принцессу, крепко спавшую на пурпуровом ложе.

— И что же вы сделали? — спросила принцесса.

— Я сперва глядел, глядел на нее разинув рот, потом вино ударило мне в голову, я осмелел, лег рядом с нею на кровать и целовал ее.

— Да, это похоже на правду,— сказала принцесса.— И вот ваш сын! — Она указала на своего мальчика.— Но продолжайте.

— Потом я вошел в четвертый зал, где птица Дредейн спала в золотой клетке, подвешенной к потолку на трех золотых цепях. На стене, на золотом гвозде висела сабля. Я ее схватил, разрубил цепи и со всех ног бросился бежать, унося птицу, саблю, кувшин и хлеб.

— А где же все это? — спросила принцесса.

— Птица здесь. Хлеб, кувшин и саблю я оставил по дороге, там, где ночевал.

— Я их там нашла и взяла с собой. Но где же птица? Принесите птицу!

Людуэн пошел за птицей и принес ее в золотой клетке.

Увидев принцессу, птица Дредейн принялась от радости хлопать крыльями и запела так сладко и звонко, что эхо дворца подхватило песню, и все радовались,— не радовались только старшие братья.

Принцесса вынула птицу из клетки, посадила ее на палец и передала королю, приказав ему погладить птицу.

И птица, до тех пор такая дикая и злая, теперь позволила старому королю трогать и гладить себя, и он сразу выздоровел и помолодел.

Тогда принцесса перед всем двором рассказала о том, как Людуэн стал жертвой коварства своих братьев, и потребовала, чтобы с ними поступили так, как они того заслуживают.

Старый король пришел в страшную ярость и закричал:

— Разведите огонь в печи и бросьте их туда!

Так и сделали.

А Людуэн женился на принцессе Маркассе. Свадьбу праздновали пышно, пир был на славу, и говорят, что на этом пиру старый король на радостях слишком много пил и ел и умер от расстройства желудка.

После его смерти Людуэн стал королем Франции.

Принц и конь Байяр

ИЛ когда-то король, у которого был сын. Однажды король сказал принцу:

— Сын мой, я отлучусь недели на две. Оставляю тебе все ключи замка, но вот в эту комнату я тебе запрещаю входить.

— Хорошо, отец,— ответил принц.

Как только отец отправился в путь, принц мигом побежал в эту комнату и увидел прекрасный золотой бассейн. Он омочил в нем палец, и в тот же миг палец покрылся позолотой. Принц старался снять позолоту, но сколько он ни тер, ничего не помогало; он завязал палец тряпочкой.

В тот же вечер король вернулся.

— Ну что, сын мой, ты входил в ту комнату?

— Нет, отец.

— А что это у тебя с пальцем?

— Ничего, отец.

— Сын мой, что-то у тебя неладно!

— А это я повредил себе палец, когда резал для наших слуг хлеб к похлебке.

— Покажи-ка мне палец.

Волей-неволей пришлось принцу послушаться.

— Кому же мне доверять,— сказал король,— если я не могу довериться родному сыну?

Затем он сказал принцу:

— Я опять отлучусь на две недели. Вот тебе все мои ключи, но не входи в ту комнату, куда я тебе запретил ходить.

— Хорошо, отец. Будьте спокойны.

Как только отец уехал, принц кинулся к золотому фонтану; он омочил в нем платье и голову: в тот же миг его платье сплошь покрылось позолотой и волосы тоже. Затем он пошел в конюшню, где стояли два коня, Моро и Байяр.

— Моро,— сказал принц,— сколько лье ты делаешь за один шаг?

— Восемнадцать.

— А ты, Байяр?

— А я — пятнадцать, но я сметливее, чем Моро. Вы не прогадаете, если возьмете меня.

Принц вскочил на Байяра и понесся во весь опор.

В тот же вечер король вернулся в замок. Не видя своего сына, он побежал в конюшню.

— Где Байяр? — спросил он Моро.

— Байяр умчался с вашим сыном.

Король сел на Моро и бросился в погоню за принцем.

Спустя некоторое время Байяр сказал юноше:

— Ах, принц, мы пропали! Я чую позади нас дыхание Моро. Вот вам губка, киньте ее через плечо как можно выше и дальше.

Принц сделал так, как ему сказал конь, и на том месте, куда упала губка, тотчас вырос дремучий лес. Король верхом на Моро проехал лес.

— Ах, принц,— сказал Байяр,— мы пропали! Я чую позади нас дыхание Моро. Вот вам скребница, киньте ее через плечо как можно выше и дальше.

Принц кинул скребницу, и тотчас между ними и королем легла широкая река. Король верхом на Моро переплыл реку.

— Ах, принц,— сказал Байяр,— мы пропали! Я чую позади нас дыхание Моро. Вот вам камень, киньте его через плечо как можно выше и дальше.

Принц кинул камень, и позади них встала высокая гора, вся утыканная бритвами. Король хотел было проехать по ней, но Моро изранил себе ноги; добравшись до половины горы, они должны были повернуть назад.

Немного погодя повстречался принцу молодой батрак, который только что взял расчет у своего хозяина и шел домой.

— Слушай-ка, приятель,— сказал ему принц,— хочешь поменяться со мной платьем?

— Ах,— ответил парень,— вам охота посмеяться надо мной!

Все же он дал ему свое платье. Принц надел его, затем купил бычий пузырь и напялил его себе на голову. В таком виде он отправился в замок короля, который правил этой страной, и спросил, не нужен ли там поваренок. Ему ответили, что нужен. Так

как он никогда не снимал пузыря с головы и остерегался показывать свои волосы, его в замке все звали Шелудивым.

У короля были три дочери: он собирался выдавать их замуж. Каждой принцессе велено было кинуть своему избраннику золотое яблоко. А потому все вельможи, какие были при дворе, стали гуськом проходить перед ними, и обе старшие кинули свои золотые яблоки: одна — горбатому, другая — колченогому. Шелудивый вмешался в толпу вельмож, и самая младшая из королевских дочерей кинула ему свое яблоко: она видела, как он украдкой расчесывал свои золотые волосы, и знала, кто он такой.

Король сильно был разгневан выбором своих дочерей.

— Колченогий, горбатый, шелудивый,— воскликнул он.— Хороши зятья!

Спустя некоторое время король занемог. Для его исцеления надобно было достать три кувшина воды венгерской королевы. Колченогий и горбатый пустились в дорогу, чтобы раздобыть эту воду. Принц сказал жене:

— Поди спроси твоего отца, можно ли мне тоже отправиться на поиски.

— Здравствуйте, дорогой отец.

— Здравствуйте, госпожа Шелудивая.

— Шелудивый спрашивает, можно ли ему отправиться на поиски.

— Как ему угодно будет! Пусть возьмет коня о трех ногах, пусть едет и пусть не возвращается.

Она пошла обратно к мужу.

— Ну как? Что твой отец сказал?

— Друг мой, он сказал, чтобы ты взял коня о трех ногах и ехал.— Она не прибавила, что король пожелал, чтобы он не вернулся.

Принц сел на старого коня и поехал в тот лес, где оставил Байяра. Подле Байяра он нашел три кувшина с водой венгерской королевы; он их взял и снова сел на коня о трех ногах. Проезжая мимо постоялого двора, он увидел обоих своих шурьев — они там смеялись и пили вино.

— Что же это! — сказал он им.— Вы, значит, не поехали за водой венгерской королевы?

— Очень нам это нужно,— ответили они.— А разве ты ее нашел?

— Да.

— Не продашь ли ты нам все три кувшина?

— Вы их получите, если каждый из вас позволит мне сто раз уколоть его шилом в зад.

— Ну, ладно.

Колченогий и горбатый принесли королю три кувшина воды венгерской королевы.

— А не встречался ли вам Шелудивый? — спросил их король.

— Истинная правда, не встречался, ваше величество! — ответили они.

— Хорош ваш Шелудивый, нечего сказать!

Спустя немного времени случилась война. Шелудивый сказал жене:

— Пойди спроси своего отца, можно ли и мне отправиться в поход.

— Здравствуйте, дорогой отец.

— Здравствуйте, госпожа Шелудивая.

— Шелудивый спрашивает, можно ли ему отправиться в поход.

— Как ему будет угодно! Пусть возьмет коня о трех ногах, пусть едет и пусть не возвращается.

Она пошла обратно к мужу.

— Ну, как? Что твой отец сказал?

— Друг мой, он сказал, чтобы ты взял коня о трех ногах и ехал. — Она не прибавила, что король пожелал, чтобы он не вернулся.

Принц на коне о трех ногах поехал в лес. Добравшись туда, он надел золоченое свое платье, сел на Байяра и сразился с врагами. Он всех их победил. А сражался он с войсками того короля, который приходился ему отцом.

Колченогий и горбатый, издали смотревшие на битву, пошли к королю и сказали ему.

— Ах, ваше величество, если бы вы видели храбреца, который выиграл сражение!

— Какая досада, — сказал король, — что самая младшая моя дочь замужем! Я ее охотно отдал бы ему в жены. А не встречался ли вам Шелудивый?

— Истинная правда, не встречался, ваше величество!

— Хорош ваш Шелудивый, нечего сказать!

Опять случилась война. Принц послал жену спросить для него у короля позволения собраться в поход. Затем, доехав на коне о трех ногах до леса, он надел золоченое свое платье, сел на Байяра и, став еще прекраснее прежнего, вступил в бой. Он выиграл сражение, а колченогий и горбатый, издали смотревшие, твердили:

— Ну что за красавец! Что за храбрец!

— Ах, ваше величество, — сказали они королю, — если бы вы видели храбреца, который выиграл сражение!

— Какая досада, — сказал король, — что самая младшая моя

дочь уже замужем! Я охотно отдал бы ее ему в жены. Не встречался ли вам Шелудивый?

— Истинная правда, не встречался, ваше величество!

— Хорош ваш Шелудивый, нечего сказать!

Надо было достать еще два кувшина воды венгерской королевы, чтобы король совершенно исцелился. Принц велел жене спросить у короля позволения отправиться за водой и на коне о трех ногах поехал в лес. Рядом с Байяром он нашел два кувшина, взял их и повернул назад. Проезжая мимо постоялого двора, он увидел своих шурьев — они смеялись и пили вино.

— Что же это! — сказал он им.— Разве вы не поехали за водой венгерской королевы?

— Очень нам это нужно,— ответили они ему.— А нет ли ее у тебя?

— Да, я везу с собой два кувшина.

— Не продашь ли их нам?

— Я вам их, так и быть, уступлю, если вы мне отдадите ваши золотые яблоки.

— За этим дело не станет! Вот они.

Принц взял золотые яблоки, а его шурья — воду венгерской королевы.

— Не встречался ли вам Шелудивый? — спросил их король.

— Истинная правда, не встречался, ваше величество,— ответили они.

— Хорош ваш Шелудивый, нечего сказать!

Спустя немного времени королю снова пришлось вести войну. Принц поехал в лес, как и раньше, на коне о трех ногах. Доехав до леса, он надел свое золоченое платье и в этом наряде, еще более прекрасный, чем прежде, сел на Байяра и умчался. Опять он выиграл битву. Когда он во весь опор поскакал назад, король, который на этот раз присутствовал при сражении, пустил ему стрелу в бедро, чтобы можно было потом его узнать.

Когда они возвратились в лес, Байяр сказал своему хозяину:

— Я — принц, такой же знатный, как вы; мне было велено сослужить пять служб другому принцу. Хотите пуститься со мной в путь? Я хочу вернуть себе мое королевство и все то, чем я владел.

Принц не захотел его сопровождать и верхом на коне о трех ногах вернулся в замок.

Король велел объявить повсюду, что тот, кто выиграл сражение, получит щедрую награду. Много людей приходило в замок, воткнув себе перед тем стрелу в бедро, но легко было распознать, что стрела эта не королевская.

Тем временем принц вернулся восвояси, и его жена послала за лекарем, чтобы тот вытащил стрелу. Король видел, как ле-

карь вошел к принцу. Приметив, что он там долго оставался, король сам пошел к зятю и узнал свою стрелу; он не мог понять, как это случилось. Принц сказал ему:

— Все сделал я. В первый раз я нашел три кувшина с водой венгерской королевы возле своего коня: я уступил их своим шурьям, договорившись, что взамен уколю каждого из них по сто раз шилом в зад. Потом за два кувшина они отдали мне свои золотые яблоки.

Тогда король потребовал к себе колченогого и горбатого.

— Ну-ка,— спросил он их,— где ваши золотые яблоки?

— У нас их уже нет.

Каждому дали хорошего пинка и прогнали прочь. С отцом принца заключили мир, и все зажили в счастье и довольстве.

Замок дьявола

В ДАВНИЕ времена жил один бедный крестьянин, который худо ли, хорошо ли, но вырастил троих детей, трех мальчиков.

Старшего звали Ришар, среднего — Пьер. А имя младшего сына было Жан. Все трое были храбрыми юношами и до смерти скучали в своей деревне. И вот однажды Ришар пришел к отцу и сказал ему:

— Отец мой, пора мне выбирать ремесло. Я все обдумал и решил, что лучше всего для меня будет стать воином. Позвольте мне покинуть вас и наняться в солдаты.

— Ришар, я всегда надеялся, что тебе будет по душе крестьянская жизнь. Но раз ты хочешь сделаться солдатом — что ж, я тебя не удерживаю. К тому же твои братья останутся здесь и будут помогать мне. Возьми десять экю, они пригодятся тебе в пути. Прощай, и да благословит тебя бог! Помни мой завет — всегда будь честным человеком.

Ришар бережно спрятал в карман десять экю, обнял отца и братьев и отправился наниматься в солдаты.

Через три месяца Пьер, который очень тревожился, не получая вестей от брата, решил отыскать его и тоже наняться в солдаты.

Он стал просить отца, чтобы тот отпустил его.

— Боже мой,— сказал крестьянин,— ты тоже хочешь уехать! А я-то думал, что ты заменишь меня в хозяйстве! Значит, ты покинешь нас с Жаном? Подумай хорошенько, а потом решай.

— Отец мой, все и так решено. Я уже думал об этом, но мне слишком хочется испробовать солдатское ремесло.

— Что же, не стану тебе перечить. Иди, и да хранит тебя бог!

Отец вложил десять новеньких су в руку Пьеру, и тот ушел.

Через три года Жан, единственный сын, который остался жить с отцом, пришел к нему и тоже попросил отпустить его в армию.

— Ну, это уж чересчур! Ты, значит, тоже потерял голову, как твои братья? Ты ведь знаешь, как давно они ушли из деревни, и с тех пор о них ни слуху ни духу. Оставайся дома и паши землю.

— Отец мой, я немало думал об этом, но искушение слишком уж сильно. Мне хочется испытать солдатское житье и поскорее отыскать Ришара и Пьера.

— Не стану огорчать тебя. У меня еще осталось десять лиаров[1], возьми их и отправляйся.

Жан обнял отца и ушел.

Он шел все прямо и прямо, пока не пришел в город, а оттуда в полк. Можете себе представить удивление и радость Ришара и Пьера, когда они увидели своего брата Жана!

Через полгода случилось так, что Ришар выпил лишнее и оскорбил своего командира. Военный суд приговорил его к смертной казни.

Ришар пришел к братьям и сказал им:

— Меня только что приговорили к смертной казни и через два часа повесят. Мне позволили прийти к вам проститься, а так как я знаю способ незаметно улизнуть из города, то следуйте за мной,— у нас хватит времени, чтобы скрыться.

— Хорошо, бежим,— решили братья.

Они взяли сабли, выбрались из города и зашагали куда глаза глядят. Два дня шли они без отдыха, пока не пришли к какому-то перекрестку. Перед ними лежали три дороги. Братья не знали, по какой пойти, и тогда Ришар, как самый старший, сказал:

— Пойдемте в разные стороны. Кто первый найдет жилье, где можно будет остановиться, созовет остальных свистом. Ну, а теперь — в путь, каждый по своей дороге.

И они разошлись по трем дорогам. Жан первый заметил на равнине одинокую мельницу. Он сразу же громко свистнул, как было условлено, и, когда братья подошли, постучался в дом к мельнику.

— Кто там? — спросил чей-то голос изнутри.

---

[1] Лиар — старинная французская медная монета.

— Мы трое бедных, сбившихся с пути странников и хотим чего-нибудь поесть и получить кров на ночь.

— Поесть? Еще чего захотели! Ступайте-ка своей дорогой!

— Но мы не знаем здешних мест, мы чужеземцы.

— А мне какое дело! Идите мимо замка дьявола и придете в город. Но боже вас упаси заходить в замок. Дьявол убивает всех путников, которые осмеливаются войти к нему.

— Что ж, будь здоров, мельник!

Трое братьев направились к замку дьявола и скоро дошли до него. Двери сами собой раскрылись перед ними. В одной из комнат, богато убранной, был словно нарочно накрыт стол на три прибора.

«Лучшего и желать нечего»,— подумали братья и уселись за стол, уставленный вкусной едой. Сами понимаете, что они поели с большим аппетитом, после чего решили лечь спать.

Они вошли в спальню, где было всего две кровати: на них легли Ришар и Пьер, а Жан закрыл дверь на засов и стал на страже, охраняя братьев.

Около полуночи раздался такой грохот, что, казалось, задрожал весь замок,— это пришел дьявол. Он попытался открыть дверь, надеясь застать спящих братьев врасплох.

— Эй,— крикнул ему часовой,— сюда нельзя входить без моего позволения!

— Говорят тебе, пусти меня.

— Нет, не пущу.

— Если ты откроешь дверь, я подарю тебе скатерть-самобранку, у которой ты в любое время сможешь требовать столько еды, сколько тебе захочется.

— Согласен, но поклянись, что ты не тронешь ни меня, ни моих братьев.

— Клянусь! — прорычал дьявол.

Солдат открыл дверь, и злой дух вошел в комнату, где спали Ришар и Пьер. Он несколько раз перекувырнулся в воздухе и улетел через трубу.

Следующей ночью, пока братья спали, на часах стоял Пьер. Настала полночь. Дьявол снова пришел и увидел, что дверь заперта.

— Открой мне! — крикнул он.

— А что ты мне дашь, если я открою?

— Подарю тебе палку.

— На что мне палка?

— Она даст тебе столько золота, сколько ты пожелаешь.

— Согласен, но поклянись, что ты не тронешь ни меня, ни братьев.

— Клянусь!

Пьер открыл дверь. Дьявол снова попрыгал по комнате, как накануне, и скрылся.

На следующую ночь стоять на страже должен был Ришар.

Около полуночи пришел дьявол, постучал в дверь и попросил, чтобы его пустили в комнату. Ришар отказал дьяволу.

Но дьяволу очень хотелось войти, и он сказал:

— Открой мне дверь в последний раз, и я дам тебе плащ, который сделает тебя невидимкой и в одно мгновение перенесет туда, куда ты пожелаешь.

— Поклянись, что ты не причинишь вреда ни мне, ни моим братьям.

— Клянусь!

После этого дьявол вошел в комнату, отдал скатерть, палку и плащ-невидимку, вволю напрыгался и снова улетел через трубу.

На следующий день Ришар, Пьер и Жан ушли из замка, унося с собою подарки дьявола.

Не успели они дойти до леса, как раздался страшный треск, земля задрожала, и на их глазах замок дьявола рухнул.

Спустя некоторое время Ришар предложил братьям испытать палку, плащ и скатерть, чтобы проверить, не обманул ли их дьявол.

Он взял скатерть, разостлал ее на траве и сказал:

— Скатерть-самобранка, подай нам поскорее вкусный завтрак.

И тотчас на скатерти появилась вкусная еда. Когда братья сытно поели и попили, Жан взял палочку и сказал:

— Палка-выручалка, наполни наши карманы золотом.

Монет оказалось так много, что пришлось высыпать часть на землю, иначе братья не могли сдвинуться с места.

Потом все трое завернулись в плащ и сказали:

— Плащ-невидимка, перенеси нас во Францию, в город Париж.

И сразу же они очутились в Париже. Братья зашли в гостиницу, выпили, а затем отправились в город.

На всех улицах слышались звуки труб и барабанов: то офицеры французского короля объявляли, что король отдаст руку своей дочери и в придачу половину королевства тому, кто сумеет за один час приготовить роскошный пир для пятисот чужеземных послов, только что прибывших во дворец.

— Вот это нам и нужно,— сказал Ришар.— Я захвачу с собой скатерть-самобранку и пойду к королю.

Он вернулся в гостиницу, взял скатерть дьявола и побежал в королевский дворец. Стража не хотела его пропускать, но ко-

гда он сказал, что ему нужно поговорить с королем, его провели к нему.

— Чего ты хочешь? — спросил у него король.

— Я случайно слышал, что́ объявляли на улицах ваши офицеры, и я приготовлю вам этот обед; только сперва еще раз обещайте отдать мне руку вашей дочери и половину королевства.

— Обещаю, но как ты это сделаешь?

— Это уж мое дело. Покажите мне, где будет пир.

Король привел его в пиршественный зал, и Ришар там заперся.

Он взял скатерть, разостлал ее на полу и сказал:

— Скатерть-самобранка, подай мне сейчас же самый лучший обед на пятьсот человек.

Не успел он сказать это, как все было готово к приему послов. Король очень удивился и сказал солдату:

— Свои обещания ты исполнил, теперь я должен исполнить свои. Сейчас я позову мою дочь. Свадьбу устроим завтра, когда уедут послы английского короля.

Пришла принцесса и увела Ришара к себе. Когда они поднимались по лестнице, королевская дочь стала выспрашивать, как это Ришару удалось так быстро все устроить.

— Мне это было нетрудно. У меня есть скатерть, которая, как только я пожелаю, подает мне и еду и питье.

И Ришар показал скатерть принцессе, которая тотчас схватила ее. Он хотел отнять скатерть, но королевская дочь закричала:

— Помогите! Помогите! Убивают!

Прибежала стража, Ришара увели в темницу и заперли его там.

Братья, видя, что Ришар не возвращается, решили, что он умер.

Спустя немного времени офицеры короля снова объявили по городу Парижу, что их повелитель отдаст свою дочь и половину королевства тому, кто добудет золото для уплаты выкупа за королевского сына, попавшего в плен к прусскому королю.

Жан взял волшебную палочку и пошел в королевский дворец. Его привели в огромный зал, где лежало множество мешков, которые нужно было наполнить золотом, чтобы собрать выкуп.

Жан взял свою палку и сказал:

— Палка-выручалка, наполни все мешки луидорами и пистолями[1].

Палочка, как всегда, исполнила его приказание.

[1] Пистоль — старинная французская золотая монета.

Король повел Жана к своей дочери и тут же объявил ему, что завтра он может на ней жениться.

Принцесса сказала жениху, как раньше говорила Ришару:

— Пойдемте со мной, я покажу вам мои покои. Вот увидите, вы будете довольны.

— Хорошо,— ответил ничего не подозревавший Жан.

Потом королевской дочери захотелось увидеть волшебную палочку. Не успел Жан показать палку, как принцесса выхватила ее у него из рук.

— Отдайте мне палочку, не то я выброшу вас в окно!— закричал Жан.

— На помощь! На помощь! Стража!— позвала принцесса.

Прежде чем солдат успел опомниться, его схватили, связали по рукам и ногам и бросили в башню, где уже томился Ришар.

Пьер остался один. В третий раз по городу объявили, что король отдаст свою дочь и половину королевства тому, кто в короткий срок перенесет его к одному королю, жившему далеко-далеко от Франции.

Пьер, видя, что братья не возвращаются, отправился во дворец, но решил быть все время начеку.

Он сперва внимательно осмотрел все вокруг дворца, потом подошел к дверям. Его провели к королю.

Пьер накинул на себя и на него плащ, который когда-то получил в замке дьявола, и сказал:

— Плащ-невидимка, перенеси нас во дворец короля, владеющего двенадцатью огненными конями.

И сразу же они очутились в этом дворце.

Побывав в гостях у хозяина и поговорив с ним немного, король захотел вернуться домой. Пьер взял короля под руку, накинул плащ, и в тот же вечер они вернулись во Францию, в город Париж.

Теперь Пьеру оставалось только сказать королю:

— Что ж, отдадите вы мне в жены вашу дочь?

Король ответил ему:

— Она сейчас придет к тебе. Через час можешь на ней жениться. Я распоряжусь насчет свадьбы, а ты пока осмотри вместе с моей дочерью дворец.

Пришла принцесса и увела Пьера к себе. И сразу же она схватила плащ-невидимку.

Когда Пьер попробовал его отнять, она позвала стражу. Но Пьер проворно выпрыгнул через окно во двор и спрятался в сарае.

Его проискали целый день, но так и не нашли.

Когда настал вечер, Пьер вышел из своего убежища и пробрался в королевский сад. Увидев на одном дереве прекрасные

груши, он влез на него и стал рвать плоды. При этом он заметил, что на дереве росли груши двух сортов — большие и маленькие. Он набрал и тех и других, набил ими карманы и спустился на землю.

Но каково было его удивление, когда, съев большую грушу, он заметил, что нос его внезапно удлинился на шесть футов! Однако он продолжал свой ужин и съел несколько маленьких груш. Тогда его нос снова укоротился. Сообразив, что эти груши могут ему пригодиться, он не стал их больше есть и пошел из сада. Какие-то каменщики возводили стену; они спросили Пьера, почему он выходит из дворца в такой поздний час, но он ответил, что был у короля, и они его пропустили.

На следующий день во дворце был большой праздник: справляли свадьбу одной придворной дамы. Услышав об этом, Пьер переоделся так, что его нельзя было узнать, и отправился во дворец, прихватив с собою большие груши. Их подали к столу на сладкое. Гостям очень понравились прекрасные плоды, и вскоре все груши были съедены. Сразу же носы гостей удлинились на шесть футов.

А так как королевская дочь съела две груши, то ее нос удлинился на целых два туаза[1].

Позвали врача. Он сказал, что эти наросты надо срезать. Но одна старуха умерла, когда ей резали нос, и потом уже никто не решался на это дело.

Тогда явился Пьер и предложил вылечить принцессу, если только король согласится вернуть ему обоих братьев, скатерть-самобранку, волшебную палочку и плащ-невидимку.

Кроме того, он потребовал себе в жены королевскую дочь и половину Франции. Король с радостью на все согласился.

Пьер вылечил принцессу и всех гостей: он тут же накормил их маленькими грушами. В тот же день он женился на принцессе и с тех пор счастливо жил вместе со своим отцом, братьями и многочисленными детьми, которые потом у него родились.

А что стало с палкой, плащом и скатертью из замка дьявола, мне неизвестно. Если когда-нибудь я узнаю об этом, то я вам расскажу.

[1] Туаз — старинная французская мера длины (около 2 м).

Два старых солдата

Жили однажды два солдата, каждому из них уже перевалило за шестьдесят. Получив отставку, они решили вернуться к себе на родину. Дорогой они стали советоваться друг с другом: «Как нам теперь заработать себе на пропитание? Обучаться ремеслу нам уж поздно, а если мы станем просить милостыню, нам скажут, что мы еще можем работать, и ничего не будут нам подавать». Тогда один из них сказал:

— Кинем жребий, кому из нас надобно дать выколоть себе глаза, и будем вместе нищенствовать.

Второй солдат признал, что это удачная мысль.

Жребий выпал тому, у кого эта мысль явилась. Его приятель выколол ему глаза, а сам стал поводырем; так они шли от одного дома к другому, прося милостыню. Им щедро подавали, но слепому от этого проку было мало: поводырь оставлял себе все лакомые куски, а ему доставались одни только кости да черствые корки.

— Увы,— говорил несчастный,— разве мало того, что я слеп? Зачем еще обижать меня?

— Если ты будешь плакаться,— отвечал ему второй солдат,— я тебя брошу.

Но бедный слепец не мог удержаться от жалоб. И в конце концов поводырь покинул его в лесу.

Слепой долго блуждал по лесу, потом остановился у одного дерева.

«Что со мной будет? — подумал он. — Скоро ночь, дикие звери меня растерзают». Чтобы укрыться от них, он взобрался на дерево.

Часов в одиннадцать, а то и в полночь, пришли туда четыре зверя: лиса, кабан, волк и косуля.

— Я что-то знаю, — заявила лиса, — но никому не скажу.

— Я тоже что-то знаю, — сказал волк.

— И я, — сказала косуля.

— Как бы не так, — заявил кабан, — что ты можешь знать с такими маленькими рожками?

— Э, — ответила косуля, — да в моей маленькой голове и маленьких рожках ума хоть отбавляй.

— Так вот, — молвил кабан, — пусть каждый скажет, что он знает.

Лиса начала:

— Неподалеку отсюда протекает речка, вода которой возвращает зрение слепым. На моем веку мне уже несколько раз случалось слепнуть на один глаз, — стоило мне только помыться этой водой, и я исцелялась.

— Я эту речку знаю, — сказал волк, — я даже больше о ней знаю, чем ты. Королевская дочь очень больна; ее обещают отдать в жены тому, кто сумеет ее исцелить. Стоит только дать ей попить из той речки, и она выздоровеет.

Косуля в свой черед сказала:

— В городе Лионе не хватает воды; пятнадцать тысяч франков обещано тому, кто сумеет этой беде помочь. А вот если разрыть землю у дерева свободы, там забьет источник, и воды будет вдосталь.

— Что до меня, — сказал кабан, — то я ничего не знаю.

На этом звери разошлись.

— Ах, — сказал себе слепой, — вот бы мне найти эту речку!

Он слез с дерева и побрел ощупью. Наконец он вышел к речке, промыл водой глаза и кое-что увидел; еще раз промыл и стал видеть совсем хорошо.

Тогда солдат поспешил к лионскому мэру и сказал, что, если тот хочет получить воду в изобилии, ему нужно только велеть разрыть землю у дерева свободы. И правда! Едва разрыли землю, там открылся источник, и город стал получать сколько угодно воды. Солдату выдали обещанные пятнадцать тысяч франков, он отправился к королю и сказал ему:

— Ваше величество, я узнал, что ваша дочь очень больна, но я знаю средство, которое ее исцелит. — И солдат рассказал о той воде.

Король тотчас послал своих слуг на речку. Принцессу стали поить этой водой, купать в ней, и больная исцелилась.

Король сказал солдату:

— Хоть ты, пожалуй, и в летах, все же я выдам мою дочь за тебя, а если ты предпочитаешь, я дам тебе денег.

Солдат предпочел жениться на принцессе: он знал, что за дочерью король даст и денег в приданое. Тотчас сыграли свадьбу.

Однажды, когда солдат гулял в своему саду, он увидал человека в отрепьях, просившего милостыню. Солдат тотчас узнал в нем своего приятеля. Он подошел к нищему и спросил:

— А не доводилось ли тебе когда-то побираться вдвоем? Где твой товарищ?

— Он умер,— ответил нищий.

— Скажи мне правду — тебе не придется об этом жалеть. Что с ним сталось?

— Я его бросил.

— Почему?

— Он всегда жаловался, а между тем все лакомые куски доставались ему: когда нам подавали хлеб, я ему уступал мякиш, потому что у него уже не было зубов, а сам грыз корки; я отдавал ему говядину, а сам глодал кости.

— Это ложь: ты делал как раз наоборот. Мог бы ты узнать своего товарища?

— Не знаю.

— Так вот! Этот товарищ — я.

— Да разве вы не король?

— Разумеется, но я и твой бывший товарищ. Войди, я тебе все расскажу.

Когда нищий узнал, что случилось со слепым, он ему сказал:

— Мне тоже охота попытать судьбу! Сведи меня к тому дереву: может быть, звери еще раз туда придут.

— Охотно,— ответил бывший его товарищ.— Я отплачу тебе добром за зло.

Он довел нищего до дерева, и нищий взобрался на него.

Часов в одиннадцать, а то и в полночь, четыре зверя снова сошлись у дерева. Лиса сказала:

— То, что мы говорили в ту ночь, стало известным: королевская дочь исцелилась, а в городе Лионе стало вдосталь воды. Кто же выдал нашу тайну?

— Это не я,— сказал волк.

— Не я,— заявила косуля.

— Я уверена, что это кабан,— продолжала лиса.— Ему нечего было сказать, и он разболтал то, что мы говорили.

— Неправда,— ответил кабан.

— Берегись,— сказала лиса,— мы все трое с тобой рассчитаемся.

— Я вас не боюсь,— сказал кабан и выставил клыки,— только попробуйте меня тронуть!

Вдруг, посмотрев вверх, они увидели на дереве нищего.

— Эге,— разом воскликнули они.— Там какой-то человек нас подслушивает!

Они принялись подкапывать дерево, свалили его и растерзали нищего.

Барбовер Зеленая Борода, или Сказка о принце, который проиграл свою голову

Вот вам сказка, где нет вранья,
А если есть, так слова два.

ИЛ когда-то во Франции король, у которого был только один сын, по имени Шарль. Брат этого короля был королем Англии, и у него тоже был один-единственный сын.

Раз Шарль сказал отцу:

— Отец, вы бы написали моему дяде, английскому королю, чтобы он отпустил двоюродного брата погостить у нас при дворе. Я хочу с ним познакомиться — ведь мы еще никогда не видели друг друга.

Король французский написал брату, королю английскому, чтобы он отпустил сына в Париж погостить.

И принц английский, которого звали Генри, приехал в Париж со своим воспитателем.

Молодые принцы скоро очень подружились и стали неразлучны.

Раз они охотились вместе в большом лесу в окрестностях Парижа, и с ними было только двое слуг. Шарль увлекся преследованием дикого кабана. Его спутники отстали, он потерял их из виду и заблудился.

Наступил вечер, и после долгого блуждания по лесу Шарлю пришлось искать приюта на постоялом дворе, на который он в конце концов набрел.

Час был поздний, принц успел проголодаться и без зазрения совести съел все, что нашлось у хозяев. В доме оказался еще

гость, прибывший незадолго до Шарля, и оба ужинали за одним столом. Они разговорились, но ни один из них не назвал себя.

По окончании ужина незнакомец предложил принцу сыграть в карты. Шарль согласился, и ему так не везло, что он проиграл все деньги до последнего су, а потом и коня.

— Я больше не играю,— сказал он наконец.

— Давайте еще раз,— предложил его партнер.

— У меня больше ничего нет, на что же вы будете со мной играть?

— Ставьте свою голову против моей.

— Ну что ж, согласен.— И он подумал: «Должен же я выиграть хоть раз».

Карты были розданы. Увы! Принц опять проиграл.

— Через год и один день,— сказал незнакомец,— приходите ко мне в замок расплатиться. Если не придете, я сумею вас найти, где бы вы ни были.

— Но как ваше имя и где вы живете?

— Меня зовут Барбовер Зеленая Борода. А замок, в котором я живу, вам придется поискать и найти непременно, не то я сам вас разыщу.

На другое утро, с восходом солнца, принцу указали дорогу, и он вернулся домой унылый и задумчивый. Убитого кабана он оставил хозяину гостиницы в уплату за ночлег, так как у него не было ни гроша. Дома он застал всех в безутешном горе. Но когда его увидели, печаль и слезы сменились живейшей радостью.

Однако с этого дня прежняя веселость и беззаботность не возвращались к принцу. Ничто его больше не тешило, он казался больным и таял на глазах. Врачи не знали лекарства от его недуга, родители принца и весь двор были очень встревожены тем, что он так долго не поправляется.

Так прошло месяцев десять, и наконец Шарль сказал отцу:

— Отец, мне нужно отправиться в путешествие, и довольно опасное. Не знаю, вернусь ли я, так что на всякий случай простимся.

И он уехал, несмотря на все уговоры и слезы отца, даже не сказав, куда и зачем он едет. Он ехал наугад, не зная, какую выбрать дорогу. Ехал несколько дней и сам не заметил, как очутился в том самом лесу, где заблудился во время охоты. Здесь его застигла ночь, и он постучался в убогую хижину, заметив свет в окошке. Ему открыл старик с белой бородой.

— Здравствуйте, отец отшельник,— промолвил принц.

— Здравствуй, сын мой. Чего ты ищешь в лесу?

— Мне нужно попасть в замок Барбовера, а я не знаю, где он и какой дорогой туда ехать.

— Я знаю, где находится этот замок. Но спешить тебе незачем. Поживи у меня несколько дней, а когда придет время, я расскажу тебе, как его найти.

Восемь дней провел принц у отшельника, а на девятый старец сказал ему:

— Сын мой, пришло время тебе сдержать слово и ехать к Барбоверу. Слушай меня внимательно. Исполни точно все, что я скажу, и тогда тебе удастся выпутаться из беды. Вот тебе шарик, который будет сам катиться перед тобой. Ты только следуй за ним, и он приведет тебя к подножию горы, а на вершине той горы стоит замок Барбовера. Докатившись до этого места, шарик вернется ко мне. Гора у подножия окружена зарослями терновника и колючей ежевики, такими густыми и сплошными, что тебе сквозь них не пройти. Вот возьми эти ножницы — ты ими простришешь себе дорогу. Когда они будут тебе больше не нужны, ты только скажи: «Ножницы, вернитесь домой», и они сами вернутся ко мне. А ты поднимись на гору. Когда дойдешь до вершины, увидишь широкую равнину, покрытую зарослями душистых цветов. Посреди этой равнины есть пруд, вода в нем прозрачная, светлая, дно выложено серебром. У пруда стоят три красивые золотые скамейки. Спрячься за лавровым кустом и жди, пока появятся три красавицы принцессы. Они сядут на золотые скамейки, разденутся и войдут в воду. Эти девушки — летуницы. Ты живо прыгни на спину самой младшей, она поднимется с тобой на воздух и отнесет тебя в замок своего отца, Барбовера. Делай все так, как я тебе сказал, и тогда ты вернешься домой. А не послушаешься меня — так не видать тебе больше родного дома.

Шарль поблагодарил старого отшельника, обещал запомнить все его наставления и пустился в путь за шариком, который катился перед ним.

Вот приехал он к подножию горы, отпустил шарик. Тот покатился назад к отшельнику. Потом принц простриг себе ножницами проход сквозь терновник и ежевику, и ножницы, подобно шарику, возвратились к старцу.

А принц стал взбираться на гору. Добрался до вершины — и видит сад, полный чудных ароматных цветов и деревьев, которые гнутся под тяжестью плодов. Нашел он и пруд, выложенный серебром, и три золотые скамейки у самой воды.

День был прекрасный, в ясном небе сияло солнце. Принц спрятался за лавровый куст и скоро увидел, что сверху спускаются на широких крыльях три большие птицы. Только они коснулись земли, как оперение с них спало, и птицы превратились в трех девушек дивной красоты. Они сели на золотые скамейки, посидели с минуту, потом вошли в воду. Шарль мигом выскочил из своего убежища, подбежал к самой младшей и прыгнул ей

на плечи. Она испустила крик, вышла из воды и, накинув свое оперение, поднялась на воздух вместе с Шарлем. Другие две девушки последовали за ней. Они прилетели в отцовский замок, висевший между небом и землей. Барбовер узнал принца и сказал:

— А, это ты, сын французского короля? Пришел уплатить долг?

— Да,— отвечал принц.— Срок наступил, не так ли?

— И хорошо, что ты пришел, потому что, если бы мне пришлось самому искать тебя, ты бы пожалел об этом. Ступай за мной.

— Подожди до завтра, отец,— сказала Барбоверу младшая из дочерей.

— Ну хорошо, подождем до завтра, раз уж он пришел сам.

Младшую дочь Барбовера звали Куантик. Шарль рассказал ей, зачем он сюда пришел, и Куантик обещала помочь ему. Когда он после ужина ушел к себе в комнату, она пришла туда вслед за ним и сказала:

— Принц, мне вас жаль. Впрочем, если мой отец согласился отложить расплату до завтра, значит есть еще надежда на спасение. Завтра утром он скажет, каким испытаниям хочет вас подвергнуть. Чего бы он от вас ни потребовал, не падайте духом, я вам помогу. Не удивляйтесь, если я буду говорить с вами сурово и даже иной раз ударю. Помните, что это делается для вашего же блага.

На другой день Барбовер сказал своей меньшой дочери:

— Эй, Куантик, приготовь-ка завтрак этому молодому человеку, ему пора браться за работу.

— Я?— возразила Куантик.— На то у нас в доме есть слуги, отец мой!

— Нет, ты сама приготовишь ему завтрак. Я так хочу.

И Куантик приготовила завтрак, притворяясь, будто делает это против воли.

Когда Шарль поел, ему вручили деревянный топор и велели до захода солнца начисто вырубить большой лес.

С топором на плече принц отправился в лес, но когда увидел, какая ему предстоит задача, сел под деревом и заплакал, твердя: «Пропал я теперь!»

В полдень Барбовер приказал Куантик отнести принцу обед. Она пришла в лес и застала Шарля на том же месте под деревом: он все еще сидел и плакал.

— Это так-то вы думаете довести дело до конца?— спросила она.

— К чему и пробовать?— возразил принц.— Лучше бы меня убили сразу, чем так издеваться надо мной.

— Давайте топор, я вам сейчас покажу, как надо рубить деревья.

Она взяла у него деревянный топор, ударила им по стволу ближайшего дерева; дерево упало на соседнее, второе повалилось на третье, третье на четвертое,— и часу не прошло, как весь лес лежал на земле.

— Вот и окончен сегодняшний урок,— промолвила Куантик.— Положитесь на меня, принц, не надо так легко падать духом.

И она ушла.

С заходом солнца Шарль тоже возвратился во дворец. Он шел, насвистывая, с топором на плече.

— Ну что, урок выполнен?— спросил Барбовер, ожидавший его на пороге.

— Выполнен,— отвечал Шарль спокойно.

— Ты вырубил весь лес?

— Я вырубил весь лес. Ни одного дерева не осталось.

— Ты меня разорил! Такой прекрасный лес!

— Я сделал только то, что вы приказали.

«Что все это значит?» — удивился про себя Барбовер.

На другое утро он привел Шарля к подножию высокой горы, дал ему деревянный заступ и велел к вечеру срыть гору до основания, так, чтобы на этом месте осталась только гладкая равнина.

Оставшись один, принц сел под деревом, разжег свою трубку и принялся курить, поглядывая на гору и с беспокойством спрашивая себя, придет ли Куантик и сегодня к нему на помощь.

В полдень Куантик опять принесла ему обед.

— Вы думаете, что таким образом сроете гору?— спросила она.

— Но вы же сами знаете,— возразил Шарль,— что мне ни за что этого не сделать, хотя бы я трудился целый век.

Куантик взяла деревянный заступ, ударила им по горе и промолвила:

— Гора, исчезни!

И гора исчезла, а на ее месте раскинулась гладкая широкая равнина.

На закате принц вернулся в замок, беззаботно насвистывая.

— Урок выполнен?— спросил Барбовер.

— Выполнен.

— Не может быть!

— Поднимитесь на башню замка и посмотрите сами.

Барбовер взошел на башню и с удивлением увидел, что гора исчезла.

«Что это значит? — подумал он про себя. — Ну, да ничего. Завтра я придумаю для него задачу, с которой он не справится так легко».

Шарль поужинал и пошел наверх, в свою комнату. Туда тайком пришла Куантик и сказала ему:

— До сих пор мы с тобой выпутывались довольно легко. Завтра это будет труднее. Но как бы то ни было, ты меня слушайся во всем и положись на меня.

Наутро Барбовер объявил Шарлю, что он должен разыскать и доставить на берег большой якорь корабля, на котором плавал еще дед Барбовера. Этот якорь вот уже больше ста лет лежит на дне моря.

Принц выслушивал теперь все, что бы ему ни приказали, не пугаясь больше так, как прежде. Он отправился на берег моря и, усевшись на скале, преспокойно закурил трубку.

В полдень опять пришла Куантик и сказала:

— Теперь ты должен отрезать мне голову и бросить ее в море. Сделай ямку в песке и собери в нее всю кровь, которая вытечет из моего тела. Смотри только, не усни. Если уснешь, тогда нам с тобой конец, ничто нас не спасет. Вот тебе нож: режь спокойно, пусть рука твоя не дрогнет.

Шарль взял нож, который подала ему Куантик, и, не дрогнув, перерезал шею дочери волшебника. Голову он бросил в море, а кровь из раны собрал в ямку, которую выкопал в песке.

Ему вдруг ужасно захотелось спать, и он уже было поддался этому желанию, но голова Куантик вынырнула из воды. За ней плыл якорь.

— Ты чуть не уснул, бедный друг, — сказала она. — Скорее возьми мою голову и приставь ее к телу, она сама прирастет.

Шарль поднял голову, посадил на место, и в тот же миг перед ним очутилась Куантик, такая же, как прежде.

— Теперь скорее пойдем домой, — сказала она, — потому что я очень ослабела от потери крови. Счастье, что тебе больше нечего бояться моего отца, нашим испытаниям конец. Завтра он предложит тебе выбрать в жены любую из нас трех. Ты скажи, что хочешь меня, Куантик. Тогда сестры закричат: «Нет, отец, мы не согласны! Мы все три обратимся в мышей, и пусть нас положат в мешок, а принц сунет туда руку, и какую он вытащит, ту и получит в жены». — «Ну что же, пусть будет так», — скажет отец. Когда ты сунешь руку в мешок, две мышки тотчас метнутся к тебе. Но ты не вытаскивай ни одной из них, потому что это будут мои сестры. Я же притаюсь на дне мешка, и тебе легко будет узнать меня.

Они вернулись в замок, и Куантик легла в постель. Когда Барбовер увидел, что Шарль и из этого испытания вышел с честью, он сказал:

— Ну, принц, нет тебе равного на свете, и я хочу взять тебя в зятья. У меня три дочери, которую ты выберешь?

— Куантик,— ответил Шарль не задумываясь.

— Нет, не так принц должен выбирать! — тотчас закричали обе старшие.— Мы все три обратимся в мышей, и пусть нас положат в мешок. Которую принц вытащит, та и достанется ему в жены.

— Хорошо, сделаем так, чтобы вам не было обидно,— сказал Барбовер.

И вот трех принцесс положили в мешок. Шарль сунул в него руку, и тотчас две мышки кинулись к нему. Но он их оттолкнул и стал шарить на дне мешка, ища третью, которая сидела тихонько, не шевелясь. Ее он вытащил и показал Барбоверу:

— Я хочу вот эту!

И мышка вмиг превратилась в прекрасную девушку. Это была Куантик.

Их поженили, и в честь этого в замке устроили пир на славу.

Ночью, когда новобрачные вошли к себе в спальню, чтобы лечь, Куантик нарочно швырнула подсвечник на приготовленное для них ложе. В тот же миг ложе провалилось в раскрывшуюся под ним пропасть, упало на колесо, утыканное острыми, как бритва, ножами, и разлетелось на мелкие кусочки. Это сестры Куантик, такие же чародейки, как она, приготовили новобрачным западню, но они ее счастливо избежали.

Шарль и его жена отправились в Париж в красивой золотой колеснице, которая неслась по воздуху. Пролетая над лесом, где жил старый отшельник, они спустились вниз и провели у него целый день. Отшельник окрестил молодую волшебницу.

Прибыв в Париж, они застали старого короля тяжело больным, близким к смерти. Но когда король увидел сына, которого он считал навеки погибшим, и его красавицу жену, к нему тотчас возвратилось здоровье.

И пошли у них пышные праздники да пиры, на которых не были забыты и бедняки,— не то что в наше время!

Птица, которая вещала правду

ИЛИ когда-то король и королева. Король ушел в поход, оставив королеву на сносях.

Мать короля не любила невестку и не знала, что и придумать, лишь бы только ей повредить. Пока король был в отсутствии, королева родила близнецов, мальчика и девочку. Старая королева тотчас написала королю, что его супруга родила щенка и котенка. Он ответил, что обоих — щенка и котенка — следует положить в ларец и бросить в море. Так и сделали — обоих детей положили в ларец и кинули его в волны.

Немного времени спустя один купец, торговавший разными товарами, странствовал со своей женой по этим краям и увидел ларец, который плыл по воде.

— Ах, какой красивый ларец! — сказала жена купца.— Мне хотелось бы узнать, что там внутри: наверно, что-нибудь очень ценное.

Купец вытащил ларец из воды и дал его жене. Та сначала не решалась даже притронуться к нему; наконец она открыла его и нашла в нем прехорошенького мальчика и премиленькую девочку. Купец и его жена приютили их и стали растить вместе со своими двумя детьми. Каждый день под подушкой у мальчика появлялось пятьдесят экю, и каждый день у его сестры на груди оказывалась сияющая золотая звезда.

Однажды, когда мальчик был в школе вместе с родным сыном купца, он сказал ему:

— Братец, я забыл взять с собой хлеб, отломи мне кусочек от своего.

— Ты мне не брат,— ответил ему сын купца,— ты всего-навсего приемыш: тебя нашли в ларце в море, никто не знает, откуда ты взялся.

Бедный малыш сильно опечалился.

— Раз я не твой брат,— сказал он,— я пойду искать моего отца.

Он сообщил о своем намерении приемным родителям. Они очень его любили, быть может отчасти из-за тех пятидесяти экю, и всячески старались его удержать, но все их уговоры были тщетны. Мальчик взял сестру за руку и сказал ей:

— Сестрица, пойдем искать нашего отца.

И они вдвоем пустились в путь.

Вскоре они набрели на большой замок, вошли туда и спросили, не нужны ли там судомойка и младший конюх. А владелец этого замка был их родной отец. Старая королева их не узнала, но все же заподозрила что-то неладное. Она косо на них посмотрела и сказала:

— Хороши слуги! Пусть их выгонят вон!

Однако их взяли на службу. Они неплохо делали свое дело, но старая королева непрестанно твердила:

— Эти ребята никуда не годятся, надо их прогнать.

Однажды она сказала королю:

— Мальчик похвалялся, что добудет воду, которая танцует.

Король тотчас потребовал мальчика к себе.

— Послушай-ка,— сказал он ему,— мне надобно с тобой поговорить.

— Что вам угодно, ваше величество?

— Ты похвалялся, что можешь добыть воду, которая танцует.

— Я, ваше величество? Да как бы я мог добыть такую воду? Я даже не знаю, где ее искать.

— Все равно, хвалился ты этим или нет, если не достанешь эту воду завтра к полудню, тебя сожгут живьем.

— Будь что будет,— сказал мальчик и отправился в путь.

Дорогой он повстречал старую фею, она его спросила:

— Куда ты, королевский сын, держишь путь?

— Я не королевский сын, я не знаю, кто я такой. Старая королева только о том и думает, как бы меня извести; она потребовала, чтобы я добыл воду, которая танцует, а я даже не знаю, что это такое.

— А что ты мне дашь,— сказала фея,— если я тебя выручу?

— У меня пятьдесят экю, я с радостью отдам их вам.

— Ладно. Ты войдешь в зеленую рощу; там ты найдешь воду, которая танцует, и воду, которая не танцует; набери в пузырек той, что танцует, и мигом уходи.

Мальчик нашел ту воду, которая ему была надобна, и принес ее королю.

— А она в самом деле танцует? — спросил король.

— Я видел, как она танцует, но не знаю, будет ли она дальше танцевать.

— Если она танцевала, она и впредь будет танцевать. Пусть ее уберут пока.

На другой день старая королева сказала королю:

— Мальчик похвалялся, что добудет розу, которая поет.

Король потребовал к себе мальчика и сказал ему:

— Ты похвалялся, что добудешь розу, которая поет.

— Я, ваше величество? Да как бы я мог добыть такую розу? Я о ней и не слыхивал.

— Все равно, хвалился ты или нет, если не достанешь ее завтра к полудню, тебя сожгут живьем.

Мальчик отправился в путь и дорогой опять повстречал старую фею.

— Куда ты, королевский сын, держишь путь?

— Я не королевский сын, я не знаю, кто я такой. Король хочет, чтобы я принес ему розу, которая поет, а я не знаю, где мне ее искать.

— Что ты мне дашь, если я тебя выручу?

— То же, что я вам дал в первый раз, — пятьдесят экю.

— Ладно! Ты войдешь в прекрасный сад; там ты увидишь розы, которые поют, и розы, которые не поют; мигом сорви ту, что поет, и тотчас отправляйся назад, да не мешкай в пути.

Мальчик последовал совету феи и принес королю розу.

— Эта роза не поет, — сказала старая королева.

— Потом увидим! — ответил король.

Немного времени спустя старая королева сказала королю:

— Девочка похвалялась, что добудет птицу, которая вещает правду.

Король потребовал к себе девочку и сказал:

— Ты похвалялась, что добудешь птицу, которая вещает правду.

— Нет, ваше величество, я этим не хвалилась. Разве я могу добыть эту птицу?

— Хвалилась ты или нет, если не доставишь ее завтра к полудню, тебя сожгут живьем.

Пришлось девочке отправиться в путь. Ей также повстречалась фея.

— Куда ты, королевская дочь, держишь путь?

— Я не королевская дочь — я бедная судомойка. Мать короля задумала нас извести, она послала меня за птицей, которая вещает правду, а я не знаю, где мне ее найти.

— А что ты дашь, если я тебя выручу?

— Я дам вам золотую звезду; если этого мало, дам две.

— Ладно! Сделай так, как я тебе скажу. Ты в полночь пойдешь в зеленую рощу, там увидишь множество птиц; они все наперебой будут говорить: «Это я!» Одна только скажет: «Это не я!» Ее-то ты и возьми и уходи как можно скорее, иначе ты превратишься в соляной столбик.

Когда девочка вошла в рощу, все птицы принялись кричать:

— Это я! Это я!

Одна только сказала:

— Это не я!

Но девочка забыла совет феи и превратилась в соляной столбик.

Брат, видя, что она не возвращается в замок, отпросился пойти ее искать. Он снова встретил старую фею.

— Куда ты, королевский сын, держишь путь?

— Я не королевский сын, я не знаю, кто я такой. Моя сестра пошла за птицей, которая вещает правду, и не вернулась.

— Ты найдешь сестру с птицей вместе,— сказала фея.— Что ты мне дашь, если я тебя выручу?

— Пятьдесят экю, как всегда.

— Так вот. В полночь ты пойдешь в зеленую рощу, но не делай так, как твоя сестра: она не послушалась моего совета и превратилась в соляной столбик. Ты увидишь множество птиц, они все наперебой будут говорить: «Это я!» Схвати мигом ту, что скажет: «Это не я!» Пусть она прикоснется клювом к голове твоей сестры, и та оживет.

Мальчик сделал в точности так, как ему посоветовала фея: он взял птицу и заставил ее прикоснуться клювом к голове сестры. Сестра тотчас ожила, и они вместе вернулись в замок. Птицу, которая вещает правду, посадили в клетку, а воду, которая танцует, и розу, которая поет, поставили на стол.

Много народу приходило смотреть на эти диковинки. Король сказал:

— Надо устроить большой пир и пригласить на него всех наших друзей. Тогда мы увидим, то ли принесли дети, что я им велел добыть.

На зов короля явилось множество знатных вельмож. Старая королева ворчала:

— Подумаешь, какие чудеса,— вода, роза и птица, которая вещает правду!

— Потерпи немного,— сказал король,— мы увидим, на что они годны.

Во время пира вода начала танцевать, роза принялась петь, но птица ни слова не говорила.

— Что ж ты,— сказал король,— покажи свое уменье.

— Если я заговорю,— молвила птица,— кое-кому из тех, кто здесь пирует, станет стыдно.

— Все равно, говори!— сказал король.

— Разве не правда,— сказала птица,— что однажды, когда вы были в походе, ваша мать написала вам, будто королева родила щенка и котенка? Разве не правда, что вы велели бросить их в море?

Видя, что король готов рассердиться, птица прибавила:

— То, что я говорю, правда, сущая правда. Этот щенок и этот котенок здесь: это ваши дети, сын ваш и дочь ваша.

Король разгневался, узнав, что его так обманули, и велел бросить старую королеву в кипящее масло. С тех пор он жил счастливо и ему везло во всех его делах благодаря птице, которая вещала правду.

Дочь испанского короля

Это было в те года,
Когда у кур росли рога.

ИЛ когда-то в Испании король, у которого умерла жена. Он очень любил королеву и так был опечален утратой, что поклялся больше не вступать в брак, если только не найдется девушка, которая во всем походила бы на умершую и которой свадебный наряд королевы пришелся бы совершенно впору. А королева была красоты и стройности необычайной, и поэтому король был убежден, что будет вдовствовать до конца своих дней.

У короля была восемнадцатилетняя дочь, столь же прекрасная собой, как и ее мать, и очень на нее похожая. Однажды, чтобы потешить себя, она примерила свадебный наряд своей матери,— и что же? Оказалось, что он ей как нельзя более к лицу и пришелся в самый раз, словно на нее был сшит. Случайно в то время к ней зашел король. Он тотчас бросился обнимать принцессу, восклицая:

— Жена моя! Жена моя! Я вновь нашел свою жену!

Принцесса решила, что отец шутит, и рассмеялась, но он и не думал шутить. Некоторые люди утверждают, будто горе, причиненное ему кончиною супруги, омрачило его рассудок. Как бы то ни было, на другой день он сказал принцессе, что намерен на ней жениться, и целую неделю преследовал ее своими домогательствами, не давая ей ни минуты покоя. Бедная девушка была в полном смятении.

Она отправилась за советом к одной старухе, которая жила в соседнем лесу в убогой хижине. Старуха сказала ей:

— Не печальтесь, дитя мое: я дам вам совет и устрою так, что ваш отец излечится от нелепой своей страсти. Скажите ему, что он должен достать для вас платье звездного цвета.

Принцесса пошла домой и, когда отец снова начал говорить ей о своей любви, объявила ему:

— Сперва достаньте мне платье звездного цвета, а потом увидим.

Король разослал сначала по всей столице, а затем и по всему королевству гонцов к суконщикам и купцам, торговавшим шелками, и приказал доставить самые роскошные и прекрасные ткани, какие они только найдут, по любой цене. В конце концов ткань звездного цвета разыскали. Ее немедля доставили принцессе. Тут принцесса растерялась больше прежнего.

Она снова пошла к старухе и сказала ей:

— Увы, ткань звездного цвета мне на платье уже сумели разыскать!

— Ну что ж,— ответила старуха,— теперь объявите вашему отцу, что вы желаете иметь в придачу еще и платье лунного цвета. Такую ткань ему трудно будет найти, а за это время он, быть может, образумится.

На следующий день, когда король опять стал говорить о своей любви, принцесса сказала ему:

— Теперь, отец мой, я желаю иметь платье лунного цвета.

— Вы его получите, дочь моя,— отвечал король,— чего бы это мне ни стоило.

И он снова разослал гонцов во все стороны.

Искали-искали и через две недели раздобыли и эту ткань, но до чего ж она была дорогá! Король заплатил уйму денег и, сияя от радости, принес ткань дочери.

Тут принцесса совсем растерялась и, как только стемнело, снова украдкой пошла за советом к старухе, жившей в лесу.

— Увы,— сказала принцесса,— платье лунного цвета он тоже сумел раздобыть!

— В самом деле? И как только это ему удается! Ну, да это не важно. Теперь требуйте платье солнечного цвета, посмотрим, как он выпутается на этот раз.

Снова во все стороны, не только по всему королевству, но и за его пределы, были разосланы гонцы, которым велено было отыскать ткань солнечного цвета. Прошел месяц, второй, третий,— гонцы все не возвращались. Король начал не на шутку тревожиться. В конце концов, однако, и эту диковинную ткань раздобыли, и король, не помня себя от радости, побежал с ней к принцессе, восклицая:

— Вот она! И эта ткань найдена! Теперь мы немедля сыграем свадьбу!

— Хорошо, отец мой,— спокойно ответила принцесса,— вы достали для меня все, о чем я вас просила, я обязана сдержать свое слово.

Но как только стемнело, она снова крадучись вышла из дворца, отправилась в лес, к той старухе, и сказала ей:

— Увы, я погибла! Даже платье солнечного цвета он сумел для меня раздобыть!

— Как это он умудрился его сыскать?— воскликнула старуха в изумлении.— Теперь, бедное мое дитя, вам придется покинуть дом вашего отца. Уложите в маленький сундучок все три платья — звездного, лунного и солнечного цвета, а также и подвенечный наряд вашей матушки, и ночью уходите из дому. Сундучок возьмите с собой, а сами оденьтесь очень скромно, как одеваются дочери ремесленников, и наймитесь в служанки на ферму где-нибудь в деревне.

Принцесса последовала советам старухи и покинула отцовский дворец, захватив с собой сундучок, куда она положила все три великолепных платья и подвенечный наряд своей матери.

Узнав наутро, что принцесса исчезла, король плакал как ребенок и послал во все концы воинов разыскивать беглянку. Отряд всадников уже было настиг ее, но она спряталась под пролетом моста, и всадники промчались, не заметив ее. Вскоре они вторично проехали мимо нее, возвращаясь восвояси, и принцесса услыхала, как они говорили между собой:

— К чему нам продолжать поиски? Принцесса и в самом деле гораздо умнее своего отца.

Тогда она покинула свое убежище и пошла дальше. На закате солнца, к вечеру, она очутилась у старого замка и попросила, чтобы ей позволили переночевать. Она была так истомлена, что над ней сжалились и впустили. Замок принадлежал богатой вдове, у которой был один-единственный сын.

На другое утро принцесса спросила, не возьмут ли ее в услужение. Ее наняли пасти свиней. Она весь день проводила со своими свиньями в лесу, недалеко от замка.

Как-то раз ясным солнечным утром она вынула из сундучка, с которым никогда не расставалась, платье звездного цвета и нарядилась в него. Молодой владелец замка в ту пору охотился в лесу, приметил ее издали и направился к ней. Но принцесса сразу его заметила, мигом сняла с себя платье и убрала его в сундучок, который спрятала в кустах.

Подойдя поближе и увидя перед собой вместо прекрасной принцессы, которую он рассчитывал найти, замарашку, пасшую свиней, молодой сеньор, сильно разочарованный, с досадой махнул рукой и, ни слова не сказав, вернулся в замок.

На следующий день принцесса надела платье лунного цвета. Молодой сеньор снова ее увидел и поспешил к ней. Но она и на этот раз успела снять платье и убрать его в сундучок, который спрятала в кустах, а обманувшийся в своих ожиданиях сеньор снова увидел перед собой замарашку, пасшую свиней.

— Не повстречалась ли вам только что в этих местах прекрасная принцесса?—спросил он ее.

— Нет, ваша светлость,—ответила она,—я никого не видала.

И опять юноша в великом огорчении повернул назад, говоря себе:

«Тут что-то неладно, с этой замарашкой, которая пасет свиней. Она, наверно, не та, за кого себя выдает. Нужно за ней последить».

На следующий день принцесса надела платье солнечного цвета. Так прекрасна была она в нем, что птички от радости порхали и щебетали в ветвях над ее головой, и даже поросята хрюкали в восторге: «Ох, ох...»

А молодой сеньор притаился у большого пня и подсматривал за пастушкой; он вскочил и опрометью кинулся к ней, но споткнулся и упал в скрытую под вереском и густой травой яму.

Девушка и на этот раз успела снять платье и убрать его в сундучок, который поспешно спрятала в кустах. И сеньор снова увидел перед собой замарашку, пасшую свиней. Но теперь-то он уже догадался, кто она на самом деле, и по пути в замок стал размышлять о том, каким бы способом узнать всю правду.

Мать сеньора хотела его женить; в замке ожидали прибытия трех знатных молодых девиц, которые должны были провести там несколько дней. Накануне их приезда сеньор раньше, чем обыкновенно, взял свое ружье и отправился на охоту, чтобы, как он объяснял, настрелять дичи для гостей. На самом деле он отправился на ферму, расположенную у опушки леса, и попросил у хозяйки разрешения провести четыре ночи и четыре дня на плохонькой кровати, стоявшей под лестницей в закутке, куда никогда не проникал свет.

— Господи Иисусе!—воскликнула фермерша.—Да ведь там вам будет очень неудобно! В моей спальне хорошая постель с периной, лучше я вас там помещу.

— Нет, нет,—ответил сеньор,—именно под лестницей я хочу поселиться. Завтра утром вы пойдете в замок, скажете, что приютили у себя больную нищенку, и попросите для нее немного крепкого бульону. Если вас спросят, не видали ли вы меня, вы скажете, что нет.

И сеньор улегся на кровать под лестницей, а хозяйка фермы на другой день отправилась в замок и сказала его владелице:

— Я пришла, госпожа, попросить у вас немного крепкого бульону для нищенки, которую я приютила прошлой ночью,— она сильно расхворалась.

— Разумеется, я вам дам бульону; приходите за ним каждый день, пока больная будет у вас на ферме. А скажите, не видали ли вы вчера моего сына?

— Мы видим его почти каждый день, госпожа, когда он едет на охоту или с охоты, но вчера мы его не видали.

— Вчера утром он, как всегда, отправился на охоту и не возвратился, это меня тревожит. Если он вам встретится, скажите ему, что девицы, которых мы ожидали, уже приехали, пусть он скорее возвращается в замок.

Получив бульон, хозяйка фермы отправилась домой в сопровождении одной из трех девиц: ей захотелось навестить больную.

— Где эта несчастная?—спросила девица, войдя в дом.

— Здесь, вот на этой кровати, под лестницей.

— Боже! Как здесь темно! Принесите свечу, чтобы я могла на нее взглянуть.

— Увы, ей так худо, что она не выносит света.

Девица ощупью приблизилась к кровати и спросила:

— Как вы себя чувствуете, бедняжка?

— Плохо, очень плохо,— ответил чей-то слабый, едва слышный голос.— Увы, я, наверно, умру, но более всего я мучаюсь, когда думаю о том, что у меня, хоть я и не замужем, был ребеночек, которого я уморила.

— Пусть это вас не тревожит; у меня тоже был ребенок от садовника моего отца, и никто никогда и не догадался об этом.

Она положила на кровать золотой и ушла.

На следующий день хозяйка опять пошла за бульоном в замок. В этот раз она вернулась в сопровождении второй девицы, которой тоже захотелось навестить больную.

— Как ваше здоровье, бедняжка?—спросила она.

— Плохо, очень плохо!—ответил чей-то слабый голос.— Увы, я, наверно, умру; и больше всего я мучаюсь при мысли о том, что у меня, хоть я и не замужем, был ребеночек, которого я уморила.

— Это пустяки! Нашли чем себя изводить! У меня тоже было двое детей, хоть я и не замужем; оба они умерли, и никто никогда и не догадался об этом.

Она положила на кровать два золотых и ушла.

«Не мешает все это намотать себе на ус»,—подумал молодой сеньор.

На третий день, когда хозяйка опять пошла в замок за бульо-

ном для мнимой больной, она вернулась в сопровождении третьей девицы.

— Как ваше здоровье, бедняжка? — спросила она, подобно тем другим.

— Плохо, очень плохо! Наверно, я умру; и более всего я мучаюсь при мысли о том, что у меня, хоть я и не замужем, был ребеночек, которого я уморила.

— Эка важность! Стоит себя изводить из-за такой безделицы! У меня было трое детей, все трое умерли, и никто никогда и не догадался об этом.

Положив на кровать три золотых, она ушла.

«Я вам все это припомню! И ведь каждая из них прочит меня в мужья себе!» — подумал молодой сеньор.

Поутру он сказал хозяйке:

— Подите в последний раз в замок за бульоном и попросите, чтобы вам дали еще и корзинку салата и чтобы девушка, которая пасет свиней, донесла вам ее до фермы.

Хозяйка в четвертый уже раз отправилась в замок и вернулась оттуда вместе с девушкой, пасшей свиней. Эта девушка тоже попросила позволения зайти к больной.

— Как вы себя чувствуете, бедняжка? — спросила она.

— Плохо, очень плохо! Наверно, я умру! И более всего я мучаюсь при мысли о том, что у меня был ребеночек, которого я уморила.

— Вы замужем?

— Увы, нет!

— Боже! Что вы говорите! Я, дочь испанского короля, переоделась крестьянкой, покинула дворец моего отца и пошла пасти свиней, только чтобы избегнуть греха! Но господь добр и милостив, молитесь ему от всего сердца, я тоже буду молиться за вас, и он вас простит.

С этими словами она ушла.

«Теперь я узнал то, что мне нужно было знать»,— сказал себе молодой сеньор.

Он вскочил с кровати и в самом веселом расположении духа отправился восвояси. Дорогой он застрелил куропатку и принес ее в замок. Когда он пришел домой, мать бросилась ему на шею и расцеловала его; все три девицы последовали ее примеру. Он велел зажарить куропатку и сказал матери, что хочет отужинать у себя в комнате в обществе тех трех девиц.

Когда подали куропатку, он разделил ее на шесть кусков: одной из девиц он положил на тарелку один кусок, другой — два, третьей — три.

«Это означает,— подумала третья,— что он меня отличил перед всеми и возьмет меня в жены!»

После ужина он сказал им:

— Теперь, сударыни, надо поплясать!

— Охотно,— ответили девицы,— но у нас всего один кавалер и ни одного музыканта.

— Вот музыкант, под чью скрипку вы будете плясать, жестокие, бессердечные матери! — ответил им принц, снимая со стены висевший на гвоздике хлыст.

Он размахнулся и принялся хлестать девиц что было мочи. Они давай кричать, вопить, плакать.

— Простите нас! Смилуйтесь! Помилосердствуйте! — кричали они.

— Сжалиться над вами? Разве вы пожалели родных своих детей? Вы погубили одного, вы — двоих, а вы — троих!

— Это неправда! — закричали они.

— Как так — неправда? Да ведь вы же сами признались мне в этом! Знайте — это я прикинулся больной нищенкой, которой вы разболтали вашу тайну там, на ферме. Живо убирайтесь домой, к вашим родителям, и чтобы я вас никогда больше не видел!

Негодяйки ушли, сгорая от стыда и обливаясь слезами.

Тогда молодой сеньор велел позвать ту девушку, что пасла свиней.

— Сударыня,— сказал он,— теперь вы должны сказать мне всю правду и открыть мне, кто вы такая: я знаю теперь, что вы не та, за кого себя выдаете.

— Кто я? — ответила девушка.— Бедная сирота, у которой нет никого, кто бы ее защитил, и которая сочла за счастье, что вы ее взяли сюда пасти свиней.

— К чему притворяться долее? Вы дочь испанского короля, и я знаю, почему вы покинули дворец вашего отца.

— Кто вам сказал это?

— Вы сами.

— Я? Но когда и где?

— Там, на ферме,— ведь это я прикинулся той нищенкой, что лежала в темноте под лестницей.

— Боже мой! Неужели это правда?

— Сущая правда, как и то, что я женюсь на вас и ни на ком другом.

Тотчас послали письмо испанскому королю. Он немедля прибыл: сыграли свадьбу; много по этому случаю было пышных празднеств и блестящих пиров.

Я сам там был, я вéртел крутил; но вот какая случилась беда: макал я палец во все соуса; верзила повар там проходил и тотчас пребольно меня избил, пихнул меня так, что сюда я попал и вам эту славную сказку сказал.

Принцесса Тройоль

Это было в те года,
Когда у кур росли рога.

ИЛ-БЫЛ некогда благородный юноша; родители его умерли, и он остался на попечении мачехи. Как это обычно бывает, она не любила пасынка, и мальчику приходилось трудно. Когда ему минуло пятнадцать лет, он ушел от нее и отправился искать счастья. Звали его Фанш. «Будь что будет,— думал он,— хуже, чем у мачехи, нигде не может быть».

И пошел он, как говорится, куда глаза глядят.

Он шел все прямо и прямо, останавливался у крестьян, когда его застигала ночь, иногда даже спал под открытым небом. Но о доме своей мачехи он совсем не жалел.

Однажды на закате солнца он увидел перед собой прекрасный замок. Ворота во двор были открыты, и он вошел. Там не было ни души. Он увидел еще одну открытую дверь, вошел и очутился в кухне. Опять ни души. Но спустя минуту в кухню заглянула коза. Она сделала Фаншу знак следовать за нею. Он послушался, и она привела его в прекрасный сад. Там коза сказала Фаншу:

— Если хотите остаться здесь, у вас будет все, чего вы пожелаете, но вам придется провести три ночи в комнате, которую я вам укажу.

— Что за странный замок, где козы разговаривают как люди!— удивился юноша.

— Я не всегда была такой, какой вы меня сейчас видите,— ответила коза.— Меня держат здесь злые чары. Все мои родные тоже околдованы, но иначе, чем я. Если вы будете точно исполнять

все, что я вам скажу, вы нас всех освободите и не раскаетесь в этом.

— Скажите, что нужно сделать, чтобы освободить вас, и, если смогу, я это сделаю.

— Вам придется провести в одной из комнат три ночи подряд и при этом не промолвить ни единого слова, не проронить ни единой жалобы, что бы вам ни пришлось увидеть или услышать и что бы с вами ни делали.

— Хорошо, попытаюсь.

Когда настал вечер, Фаншу подали ужин в богато убранной комнате. Но, к великому своему удивлению, он видел только две руки, которые ставили блюда, а самого человека не было видно. Когда Фанш вволю поел и попил, одна из рук взяла подсвечник с зажженной свечой и поманила его за собой. Он пошел за рукой, а она светила ему и привела в комнату, где стояла кровать. Рука поставила свечу на стол и тут же исчезла.

Фанш был не из трусливых, но все это показалось ему очень странным.

Он лег и сразу уснул. Около полуночи его разбудил сильный шум в комнате.

— Давайте играть в шары,— говорили чьи-то голоса.

— Нет, лучше придумаем новую игру,— отвечали им другие.

Фанш смотрел во все глаза, но никого не видел.

— Знаете что,— сказал один голос,— займемся сперва тем, кто лежит в постели.

— А разве там кто-нибудь есть?

— Ну да, смотрите.

Они вытащили бедного Фанша из постели и стали перебрасываться им, точно мячом. Но как они ни старались, Фанш не произносил ни слова и все время притворялся спящим.

— Что ж, он так и не проснется? — спросил кто-то.

— Погоди немного,— ответил другой,— уж я его разбужу.

И он с такой силой швырнул Фанша об стену, что тот расплющился, как печеное яблоко. Потом невидимки громко засмеялись и ушли.

Сейчас же в комнату вошла коза, которую Фанш уже видел в замке. Но на этот раз у нее была голова прекрасной девушки.

— Бедняжка,— сказала она,— как они тебя мучили!

Она стала натирать Фанша какой-то мазью, и жизнь постепенно возвратилась в его тело, пока он не ожил совсем и не почувствовал себя таким здоровым, как никогда.

— На этот раз все обошлось хорошо,— сказала девушка-коза,— но следующей ночью испытание будет еще более тяжким. Что бы с вами ни случилось, по-прежнему храните полное молчание, и вы будете вознаграждены.

— Я сделаю все, что смогу,— ответил Фанш.

Коза ушла.

Фанш хорошо позавтракал и пообедал, и по-прежнему ему прислуживали одни руки без тела. Целый день он гулял по замку и саду, никого не встречая, а после ужина та же рука взяла подсвечник и провела его в ту же комнату. На этот раз Фанш спрятался под матрац.

«Может быть, они не найдут меня здесь»,— думал он.

Около полуночи раздался такой же оглушительный шум, как и накануне.

— Здесь пахнет человеком,— сказал чей-то голос.

— Но откуда же?— ответил другой.— Ты сам видишь, что на кровати никого нет. Играй и перестань болтать о человеке!

И они начали играть в карты. Внезапно первый голос опять закричал:

— Говорю вам, братцы, здесь пахнет человеком!

Он поднял матрац и нашел Фанша.

— Что я вам говорил? Ты, значит, еще жив, червяк! Погоди, мы с тобой разделаемся.

И они разорвали его на куски; потом с громким смехом ушли.

Сейчас же в комнату снова вошла коза, но на этот раз она была девушкой по пояс.

— Бедняжка,— сказала она,— в каком виде я нахожу тебя!

Она приложила куски один к другому и стала натирать их мазью.

Понемногу куски срослись, тело приняло прежний вид, и скоро Фанш снова стал живым и здоровым.

— Третья ночь будет самой ужасной,— сказала тогда девушка-коза.— Но вооружитесь терпением и, если вы проведете ее так же мужественно, как первые две, ваши мучения окончатся, а с ними окончатся и мучения всех, кто еще томится здесь.

— Не думаю, чтобы со мной могло случиться что-нибудь хуже смерти, а я уже два раза умирал,— ответил Фанш.

И вот на третью ночь он после ужина снова пошел в ту же комнату, но на этот раз спрятался под кровать.

Около полуночи пришли невидимки и начали играть в карты.

— Здесь опять пахнет человеком!— вдруг сказал чей-то голос.— Неужели этот червяк все еще жив?

Они разрыли постель, но никого не нашли; тогда они заглянули под кровать.

— Вот он, вот он!

И они за ноги вытащили его из-под кровати. Потом стали совещаться.

— На этот раз с ним нужно покончить. Что нам с ним сделать?

— Давайте изжарим его и съедим.

— Давайте, давайте! — закричали все разом.

Они развели большой огонь в камине, догола раздели бедного Фанша, подвесили его над огнем, а когда он хорошенько поджарился, сели и съели его.

Окончив пир, они ушли, и тотчас же в комнату вошла красавица принцесса в богатом наряде. Козы́ на этот раз уже и в помине не было.

— Увы, — сказала она, — боюсь, что они не оставили от него ни кусочка.

И она стала искать повсюду, и на столе, и на полу. Наконец, после долгих поисков, ей удалось найти кусочек черепа.

— Слава богу, — воскликнула она, — не все еще потеряно!

Она принялась натирать кусочек черепа своей мазью. Она терла и терла, и кусочек становился все больше и больше, покрывался мясом, потом на своих местах выросли руки и ноги, и, наконец, появилось все тело, такое живое и здоровое, как никогда.

— Как я рада! — воскликнула принцесса. — Теперь у великанов-невидимок больше нет власти ни надо мной, ни над моими родными, и все, что здесь есть, принадлежит вам, Фанш, даже я сама.

Сразу же отовсюду стали собираться люди всех званий и отличий, — принцы, принцессы, герцоги, бароны, простолюдины, все, кого злые чары держали в этом замке. Они выходили из всех углов и благодарили своего освободителя, а потом разъезжались кто куда, каждый к себе на родину.

— Теперь пора и нам, — сказал Фанш принцессе, — поедем к вашему отцу.

— Нет, — ответила она, — нам еще нужно прожить здесь три дня; каждое утро вам придется голодать: есть и пить вам можно будет только после полудня. Если до этого часа вы что-нибудь съедите или выпьете, вы тотчас же уснете и больше не увидите меня. Каждый полдень я буду приходить к вам, и тогда вы сможете поесть и попить. Ждите меня в лесу, на камне у источника, и как только пробьет полдень, я буду тут как тут. Но помните, что до этого часа вам нельзя ни есть, ни пить.

Сказав это, она исчезла.

На следующий день, задолго до полудня, Фанш со своим слугой уже ждали принцессу на камне у источника. Фанш еще ничего не ел и не пил и страшно проголодался. Пока он сидел и ждал, к нему подошла маленькая старушонка с корзинкой слив в руках.

— Добрый день, юный рыцарь,— сказала она Фаншу.

— Добрый день и вам, бабушка.

— Возьмите у меня слив.

— Спасибо, я не люблю их.

— Отведайте хотя бы одну, она вам ничего не будет стоить; посмотрите, какая она хорошая.

Фанш взял сливу. Но едва он надкусил ее, как сразу же уснул. В эту минуту пробило полдень, и появилась принцесса.

— Увы, он спит,— сказала она, увидев Фанша.

— Да,— ответил слуга.— Какая-то старушка дала моему господину сливу, и не успел он поднести ее ко рту, как уснул.

— Что ж... отдайте ему этот платок, когда он проснется, чтобы он не забывал меня.

Она отдала слуге белый платок и улетела. В тот же миг проснулся Фанш и мельком успел увидеть ее. Она была вся белая, словно ангел.

«Я уснул,— подумал он.— Завтра буду осмотрительней».

На следующий день, когда он снова сидел со своим слугой на камне у источника, к нему подошла та же старушонка с корзиной винных ягод в руках.

— Возьмите у меня винную ягоду, прекрасный рыцарь: смотрите, какие они хорошие.

Фанш и на этот раз взял у старухи винную ягоду. Он съел ее и сразу же уснул.

Как только пробило полдень, у источника появилась принцесса.

— Увы, он опять спит,— печально сказала она.

— Да,— ответил слуга,— снова пришла старушка, дала моему господину винную ягоду, и только он съел ее, как сразу же уснул.

— Отдайте ему этот серый платок, когда он проснется, чтобы он не забывал меня.

И, застонав, принцесса улетела.

В тот же миг проснулся Фанш и успел увидеть летящую к небу принцессу. На этот раз она была уже в сером платье.

— Боже мой,— сказал он,— я опять уснул. Что это меня так клонит в сон?

— Я думаю, господин,— ответил слуга,— что это от плодов, которые дает вам старуха.

— Ну, этого не может быть. Буду завтра осмотрительней и ни за что не усну.

Слуга отдал Фаншу второй, серый, платок, как раньше отдал белый.

На следующее утро, когда они снова ждали у источника, к ним подошла старушонка, у которой на этот раз в руках была корзина с прекрасными апельсинами.

— Возьмите у меня апельсин, прекрасный рыцарь,— сказала она Фаншу.— Смотрите, какие они хорошие.

Слуге очень хотелось посоветовать Фаншу отказаться, но он не посмел. Фанш взял апельсин, съел его и вновь уснул.

Когда пробило полдень, появилась принцесса. Увидев, что Фанш спит, она горестно воскликнула:

— Несчастный, он снова уснул!

— Во всем виновата старушка,— ответил ей слуга.— Она опять пришла и дала моему господину апельсин, он взял апельсин да съел и сразу же после этого уснул.

— Отдайте ему третий платок, когда он проснется, и скажите, что я простилась с ним навсегда, потому что, увы, больше я его не увижу.

И с жалобным стоном принцесса улетела.

В тот же миг проснулся Фанш и успел заметить подол ее платья и кончик ноги. Но, к его ужасу, на этот раз принцесса была вся в черном. Черным был и третий платок, который она дала слуге для Фанша.

— Увы, я опять уснул!— воскликнул Фанш в отчаянии.

— На ваше несчастье, мой бедный господин. Перед тем, как улететь, принцесса дала мне для вас третий платок и велела передать, что она простилась с вами навеки и что больше вы ее не увидите.

Велико было горе Фанша, когда он услышал это. Он рвал на себе волосы и, рыдая, кричал:

— Нет, я увижу ее снова, я день и ночь буду ходить и искать ее, пока не разыщу!

И он тут же пустился в дорогу, взяв с собою из еды только один белый хлебец.

Когда настал вечер, он сел на траву у края дороги немного отдохнуть и поесть. Как раз в эту минуту мимо проходила какая-то старушка:

— Приятного аппетита, сынок,— сказала она Фаншу.

— Спасибо, бабушка. Не хотите ли и вы закусить? Я охотно поделюсь с вами.

— Благослови тебя господь, сынок. Я живу в этих краях уже много сотен лет, и никогда еще никто не предлагал мне хлеба.

Старушка охотно разделила с ним его скромный ужин, потом сказала Фаншу:

— Чтобы отблагодарить тебя, сынок, я дам тебе скатерть, которая сослужит тебе хорошую службу. Когда захочешь есть или пить, расстели ее на земле или на столе, смотря по тому, где ты в это время будешь, и на ней сразу появится столько еды, сколь-

ко ты пожелаешь. Вот тебе еще белая палочка в подарок: стоит ударить ею об землю — и она перенесет тебя за сто лье от места, где ты находишься.

— Да благословит вас господь, бабушка,— ответил ей Фанш, принимая из рук старушки скатерть-самобранку и волшебную палочку.

После этого старушка исчезла.

«А правду ли она мне сказала?» — подумал Фанш.

Он ударил палочкой об землю и сразу же очутился за сто лье от места, где находился. Перед ним была маленькая лачужка, крытая тростником и папоротником. Невдалеке крестьянин пахал землю, и Фанш предложил ему обменяться с ним одеждой. Крестьянин с радостью согласился, потому что на нем были какие-то лохмотья, а Фанш был одет как принц. Переодевшись, Фанш постучался в дверь лачуги. Ему открыла старуха, у которой изо рта торчали зубы в локоть длиной.

— Что тебе нужно, сынок? — спросила она.

— Пустите меня на ночлег, бабушка.

— Плохое ты место выбрал себе. У меня три сына, которые терпеть не могут людей,— как только они вернутся, они обязательно съедят тебя.

— Спрячьте меня куда-нибудь, бабушка. Я помогу вам по хозяйству и постараюсь сговориться с вашими сыновьями.

Она спрятала его в старый сундук, который стоял у нее в подвале. Потом старуха начала стряпать обед для своих сыновей. В трех дырявых бочках вместо кастрюль она сварила суп.

— Не знаю, что им дать на второе,— сказала она.— У меня есть только три барашка, а этого мало.

— Ну, бабушка, об этом не беспокойтесь,— ответил ей Фанш, вылезая из сундука.

Он расстелил на столе свою скатерть и сказал:

— Скатерть-самобранка, добрая служанка, подай мне трех жареных быков и три бочонка вина.

И сейчас же на скатерти появились жареные быки и бочонки с вином.

Спустя минуту в трубе что-то загудело, словно ухала сова, которой холодно: у-у-у-у!

— Вот идет мой младший сын,— сказала старуха.— Скорее прячься в сундук.

И сразу же по трубе спустился младший сын старухи и закричал:

— Я очень голоден, мать, я очень голоден!

— Хорошо, садись поближе к очагу, дожидайся братьев и не шуми так.

Он уселся на табуретке возле очага, но тотчас же закричал:

— Здесь пахнет человеком, мать, я хочу его съесть!

— Что ж, ты, может, съешь своего двоюродного брата, который пришел навестить меня и принес каждому из вас по жареному быку? Не видишь ты жаркого, что ли?

Затем старуха велела Фаншу вылезть из сундука, и он очень скоро подружился со своим двоюродным братом.

Спустя немного времени в трубе опять что-то загудело и завыло. Второй сын старухи, второй ветер, спустился по трубе и, увидя Фанша, закричал:

— Человек! Я его сейчас съем!

— Хотела бы я посмотреть, как ты его съешь! — сказала старуха.— Он твой двоюродный брат, пришел навестить меня и принес каждому из вас по жареному быку. Садись к очагу да веди себя хорошо, не то берегись моей палки.

Ветер сел на табуретку у очага, напротив брата, и больше не сказал ни слова.

Через минуту снова послышался оглушительный шум. Вокруг лачуги трещали и разлетались в щепки деревья. Фаншу стало страшно.

— Вот и мой старший сын идет,— сказала старуха.

Третий ветер спустился по трубе и разметал весь огонь в очаге. Он кричал:

— Я голоден, мать, я очень голоден!

— Успокойся, замолчи,— ужин готов.

Тут он заметил Фанша, крикнул: «Человек!» — и хотел было уже броситься на него и проглотить, но старуха схватила молоденький ствол вяза, который она заранее принесла из сада, и начала изо всех сил колотить сына.

— Ты что же, хочешь съесть своего двоюродного брата, сына моей сестры, милого мальчика, который пришел навестить меня и принес каждому из вас по быку и по бочонку вина? И ты думаешь, что я тебе это позволю?

Она, не жалея, лупила его, а ветер кричал:

— Потише, потише, мать, не бейте так сильно, я не трону нашего двоюродного брата, раз он принес каждому из нас по быку и бочонку вина.

Тогда старуха перестала его колотить, и все сели за стол. Но они были так прожорливы, особенно старший ветер, что Фаншу пришлось три раза звать на помощь свою скатерть. Наконец, когда ветры насытились,— а случилось это не скоро,— они все сели возле очага и повели разговор как старые друзья.

— Куда ты направляешься, братец? — спросил у Фанша младший ветер.

— Я ищу принцессу Тройоль. Не знаешь ли ты, где она живет?

— Нет, не знаю, я даже никогда не слышал о ней.

— А ты, братец? — спросил Фанш у среднего ветра.

— Я о ней слышал, но не знаю, где она живет.

— А ты, старший братец? — спросил Фанш у старшего ветра.

— Я знаю, потому что я только сейчас оттуда вернулся и завтра полечу туда снова.

— Возьми меня с собою.

— Возьму, если только ты сможешь угнаться за мной. Ну, а теперь пора спать, завтра нам предстоит долгий путь.

На следующее утро ветры умчались кто куда.

— Следуй за мной, если можешь, — сказал старший ветер Фаншу.

И он полетел. У-у-у-у! Фью-фьють! А Фанш за ним вдогонку. И ну ударять об землю белой палочкой, которая при каждом ударе переносила его на сто лье. Когда старший ветер оглянулся, чтобы посмотреть, где остался Фанш, он, к своему великому удивлению, увидел, что тот следует за ним по пятам. Они долетели до берега моря.

— Я не смогу лететь дальше, если ты не посадишь меня к себе на спину, — сказал тогда Фанш старшему ветру.

— Я охотно возьму тебя на спину, если ты станешь кормить меня всякий раз, как я проголодаюсь.

— Ладно, будешь есть до отвала.

Фанш сел на спину старшему ветру, и они полетели. Каждую минуту ветер просил есть. Но у Фанша была скатерть-самобранка, и он не скупился на угощение. Они летели, летели, у-у-у-у, фью-фьють! Наконец показался замок принцессы Тройоль. Ветер опустил Фанша во дворе. Фанш достал три платка принцессы, белый, серый и черный, привязал их к своей палке, а потом вбил ее на самой середине двора. Вскоре мимо Фанша прошла принцесса под руку с владельцем замка. Они шли в церковь венчаться. Принцесса увидела Фанша, узнала платки и сказала своей служанке:

— Пойдите и спросите того человека, сколько он хочет за один платок.

Служанка тут же подошла к Фаншу.

— Моя госпожа спрашивает, сколько вы хотите за один платок.

— Скажите вашей госпоже, что у нее не хватит денег, чтобы купить этот платок.

Служанка вернулась к своей госпоже.

— Что он вам сказал?

— Он сказал мне, что у вас не хватит денег, чтобы купить этот платок.

Услышав такой ответ, принцесса притворилась, будто у нее болит голова, и свадьбу отложили до следующего дня.

Наутро она отправила служанку к Фаншу узнать, сколько он хочет за два платка.

— Скажите вашей госпоже,— снова ответил Фанш,— что у нее не хватит денег даже на один платок.

Служанка вернулась с этим ответом к своей госпоже.

— Тогда пойдите к нему и скажите, чтобы он пришел поговорить со мной.

Служанка пошла к Фаншу и сказала ему:

— Моя госпожа просит вас зайти к ней, ей нужно поговорить с вами.

— Скажите вашей госпоже, что если ей нужно поговорить со мной, пусть она сама ко мне и приходит.

Тогда принцесса пошла к Фаншу сама.

— Пойдемте со мной на минутку в мою комнату,— сказала она ему.

Фанш пошел за ней в ее комнату, и там они бросились друг другу в объятия, плача от радости.

Затем принцесса велела служанке пойти к владельцу замка и сказать ему, что она все еще нездорова и просит его отложить свадьбу до следующего дня.

Однако она добавила при этом, что раз уж все гости съехались, свадебный пир можно устроить тотчас же.

Так и было сделано. Пир вышел на славу. Под конец все до того развеселились, что начали рассказывать забавные истории. Стали просить и принцессу рассказать что-нибудь. Тогда она поднялась с места и сказала:

— У меня была маленькая шкатулка с красивым золотым ключиком. Я потеряла его и велела сделать новый. Но потом я нашла старый ключ. И вот теперь я не знаю, что делать, и спрашиваю вас, какой ключ предпочесть — старый или новый?

— Я бы предпочел старый,— ответил владелец замка.

— Вот и я так думаю,— сказала принцесса.— Сейчас покажу вам мой старый ключ.

Она встала из-за стола, вышла в соседнюю комнату и сейчас же вернулась об руку с Фаншем, который был одет как принц. Потом она обратилась к хозяину и ко всем гостям:

— Вот он, я выбрала его с самого начала, и супругом моим будет он и никто другой.

На следующий день они отпраздновали свадьбу, и в их честь был устроен такой пир, какого я и во сне не видывал, и они остались жить в этом прекрасном замке, потому что владелец его сразу же как сквозь землю провалился, и никто никогда не узнал, что с ним сталось.

Два горбуна и гномы

Габик

ИЛИ-БЫЛИ два горбуна, два товарища, Нонник и Габик. Занимались они портняжеством и каждое утро отправлялись искать работу по окрестным фермам и замкам: один — в одну сторону, другой — в другую. Однажды вечером Нонник возвращался с работы один, и когда он проходил по пустынной местности Пенанроку, недалеко от городка Плуара, он услышал тоненькие голоса. Они напевали:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

«Кто же это тут поет?» — подумал он, и тихонько подкрался поближе. Была чудесная лунная ночь, и он увидел ночных плясунов — гномов; они кружились в хороводе, держались за руки, и пели. Один из них начинал:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

А другие хором подхватывали:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

И так без конца. Нонник часто слышал о ночных плясунах, но никогда не видал их. Он спрятался за скалу и стал наблюдать.

Но его заметили и потащили прямо в круг. И гномы стали плясать и кружиться вокруг него, припевая:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

Они сказали горбуну:

— Пляши и пой с нами вместе!

Нонник был не из робкого десятка,— он вступил в хоровод и стал плясать и петь вместе с ними:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

Однако, подметив, что они все время повторяли только эти слова и ничего больше, он спросил:

— А дальше что? Больно уж коротка ваша песенка.

— Это все,— ответили гномы.

— Как так все? Почему вы не продолжаете: и четверг тоже день, да и пятница — день...

— Верно,— согласились они,— это очень мило.

И они запели, притоптывая и прыгая от радости:

Понедельник — день,
Вторник — день,
среда — день...
И четверг тоже день,
Да и пятница — день...

Тут они закружились, словно бесноватые!

Когда Нонник изнемог от усталости и хотел уйти, гномы стали между собой совещаться:

— Что мы дадим Ноннику за то, что он помог нам сочинить такую хорошую песенку?

— Что угодно: серебра и золота вдоволь, а если он захочет, мы избавим его от горба.

— О,— воскликнул Нонник,— если вы избавите меня от этого груза, который я уже так давно ношу на себе, забирайте себе и золото и серебро!

— Хорошо, снимем ему горб!

И они натерли ему спину чудодейственной мазью, от которой горб исчез как по волшебству, и он вернулся домой налегке — стройный, прямой, словом, очень красивый.

Назавтра, когда его горбатый собрат увидел его, то был очень удивлен и даже не сразу его узнал.

— Как! — воскликнул он, осматривая Нонника со всех сторон. А где же твой горб?

— Исчез, как видишь.

— Но как же это случилось?

Тогда Нонник все ему рассказал.

— Ах, я тоже пойду повидать ночных плясунов в Пенанроку, и сегодня же вечером, не откладывая!

Так он и сделал.

Когда он появился среди скал, гномы уже плясали там, напевая:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...

затягивал один голос, а другие хором подхватывали:

И четверг тоже день,
да и пятница — день...

Как они кружились, прыгали и скакали!..

Габик подошел к ним, и гномы закричали:

— Идем плясать с нами!

И вот он уже вступил в хоровод и давай плясать и петь, как они:

Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...
И четверг тоже день,
да и пятница — день...

— А дальше? — спросил он.

— Это все. Разве ты знаешь дальше?

— Еще бы!

— Ну, говори скорей, говори же!..

А Габик в ответ:

И суббота — день
и воскресенье!

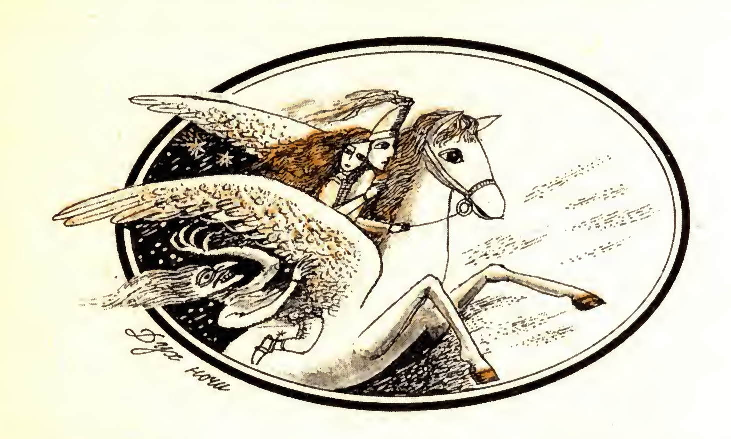
— Ну, это плохо! Это не в рифму! Он нам испортил песенку, такую хорошую песенку! Надо его за это проучить. Что мы с ним сделаем? — закричали гномы все разом, суетясь и снуя вокруг Габика, точно муравьи в муравейнике.

— Надо прибавить горб Нонника к его горбу! — посоветовал кто-то.

— Вот это верно — прибавим горб Нонника к его горбу.

Сказано — сделано. И несчастный Габик вернулся домой пристыженный, сгибаясь от непосильной тяжести. И пришлось ему всю жизнь вместе с собственным горбом носить горб своего товарища!

Золотой Драгун

ЖИЛИ когда-то в замке Ламот граф и графиня, безмерно богатые и столь же щедрые. У этих добрых людей был только один сын, прекрасный, как солнце, надежный, как золото, сильный и смелый, как Самсон. И вот наступил день, когда молодой граф поцеловал отца и мать и вскочил на своего могучего крылатого коня.

— Прощайте, отец мой, прощайте, мать моя. Сегодня мне минуло двадцать лет. Я еду на войну служить королю Франции.

— Прощай, дружок. Храни тебя господь и пресвятая дева Мария!

Крылатый конь молнией взвился под облака.

Три года служил французскому королю молодой граф. Он командовал на войне полком Золотых Драгун, а когда мир был заключен, отправился разыскивать короля в его Лувре.

— Здравствуйте, король Франции.

— Здравствуй, Золотой Драгун. Что скажешь?

— Король Франции, мир заключен. Я хочу возвратиться к отцу и матери в замок Ламот. Если я вам опять понадоблюсь, позовите меня. Я не заставлю себя ждать.

— Золотой Драгун, поезжай домой в замок Ламот. Возвращайся к родителям и передай им от меня поклон.

— Спасибо, король Франции. Я сделаю так, как вы сказали.

Золотой Драгун вышел из Лувра и вскочил на своего могучего коня-летуна, который молнией понесся сквозь тучи.

К полуночи всадник при свете луны увидел вдали замок Ламот.

Золотой Драгун натянул поводья, и крылатый конь, как орел, стал медленно кружить над мостом через ручей Лоз, между Лектуром и замком Ламот.

— Вот обрадуются мои добрые отец и мать, когда я разбужу их!

В эту минуту Золотой Драгун услыхал внизу стоны:

— О боже мой! Боже мой!

У дороги одна-одинешенька сидела девушка в белом платье и плакала горючими слезами.

— Красавица, что вы делаете здесь одна у дороги и отчего плачете горючими слезами?

— Золотой Драгун, я недаром плачу горючими слезами. Меня против моей воли обещали отдать в жены Духу Ночи. Оттого я бежала из отцовского замка. Но от захода до восхода солнца Дух Ночи имеет большую власть на земле. И он еще до рассвета заберет меня.

Золотой Драгун сошел с коня.

— Красавица, не плачьте так. Я три года служил королю Франции на войне и ни разу не встречал человека сильнее и смелее меня. Мы сейчас поедем в замок моего отца. Там вас никто не тронет. Красавица, я берусь избавить вас от брака с Духом Ночи. Подождите меня здесь и ничего не бойтесь. Я только напою коня в ручье Лоз.

— Золотой Драгун, я буду ждать вас.

Золотой Драгун спустился к ручью и напоил своего крылатого коня. Когда конь и всадник снова поднялись над дорогой, девушки там больше не было.

— Матерь божья! Дух Ночи похитил у меня красавицу. Матерь божья, где же она?

Тут заговорил могучий крылатый конь:

— Золотой Драгун, любишь ты меня?

— Да, мой добрый конь, я люблю тебя. Не одну службу сослужил ты мне и не раз на войне выручал из беды.

— Золотой Драгун, если ты любишь меня, ложись под этим дубом и спи, а я постерегу тебя. Спи, пока я тебя не разбужу. Тогда ты узнаешь, где твоя красавица и Дух Ночи.

Золотой Драгун лег под дубом и заснул. Конь стоял над ним, как часовой. А в ветвях дуба совы и филины справляли свой шабаш и болтали между собой:

— Угу! Угу! Ш-ш, ш-ш, ш-ш!

Конь понимал язык этих птиц, которым известно все, что происходит по ночам. Он лег на землю, притворился спящим и насторожил уши.

А на верхушке дуба совы и филины все болтали:

— Угу! Угу! Ш-ш, ш-ш, ш-ш! Дух Ночи поймал свою невесту. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи запер свою невесту в домике среди Рамьерского леса, около Волчьего Ключа. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш!

Крылатый конь разбудил своего господина.

— Довольно спать, Золотой Драгун. Скорее садись ко мне на спину. Я знаю, где твоя красавица и Дух Ночи.

Могучий конь взмахнул крыльями и мигом перенес своего господина в Рамьерский лес, к домику у Волчьего Ключа.

Золотой Драгун вытащил саблю из ножен и без страха и колебаний постучал в дверь.

«Тук! Тук!»

Никто не отозвался.

Тогда Золотой Драгун сильным ударом ноги вышиб дверь.

— Здравствуй, Дух Ночи. Сейчас же отдай мне мою невесту.

— Золотой Драгун, она тебе не достанется. Хочешь, сразимся с тобой?

Дух Ночи схватился за саблю, и они вступили в бой. Наконец Золотой Драгун повалил противника на землю.

— Золотой Драгун, ты сильнее меня. И все же ты не можешь меня убить. Мне суждено жить до дня Страшного суда, потом умереть и не воскреснуть. Слушай. Посади девушку на своего коня, сам садись впереди и уезжай с ней. До рассвета я имею власть мучить вас обоих. Если ты вымолвишь хоть одно слово или обернешься к своей милой, я унесу ее, и не видать тебе ее никогда, никогда!

— Дух Ночи, пусть будет так.

Золотой Драгун посадил красавицу позади себя, и могучий конь молнией полетел над землей. Но Дух Ночи уселся за спиной бедной девушки. Он кусал ее до крови и страшно тряс ее.

— Золотой Драгун, я падаю! Я падаю!

— Не бойтесь, красавица. Держитесь обеими руками за перевязь моей сабли.

— Золотой Драгун, я падаю! Я падаю!

Золотой Драгун обернулся.

— Матерь божья! Дух Ночи унес мою милую. Матерь божья, где она?

Тут заговорил опять крылатый конь:

— Золотой Драгун, любишь ты меня?

— Да, могучий мой конь, люблю. Не одну службу сослужил ты мне, не раз на войне выручал из беды.

— Золотой Драгун, если любишь меня, поклянись спасением своей души, что никогда ты не променяешь меня ни на какого

другого коня. Клянись, что никогда не продашь меня ни за золото, ни за серебро.

— Крылатый мой конь, клянусь тебе в этом своей душой.

— Золотой Драгун, теперь, когда ты поклялся, сойди на землю. Ложись под этот дуб и спи, а я постерегу тебя. Спи, пока я не разбужу тебя. Тогда ты узнаешь, где твоя красавица и Дух Ночи.

Золотой Драгун лег под дубом и уснул. А могучий конь стоял на страже. В ветвях дуба совы и филины справляли свой шабаш и переговаривались между собой, так как ночь еще не миновала.

— Угу! Угу! Ш-ш, ш-ш, ш-ш!

Крылатый конь понимал язык этих птиц, которым известно все, что происходит по ночам. Он лег на землю, притворился спящим и навострил уши.

На вершине дуба совы и филины справляли свой шабаш и болтали, так как ночь еще не прошла.

— Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи опять унес свою невесту. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи запер свою невесту в башне из золота и серебра на вершине утеса среди большого-большого моря. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш!

Тут конь разбудил своего хозяина.

— Довольно спать, Золотой Драгун. Скорее садись ко мне на спину. Я знаю, где твоя милая и Дух Ночи.

На другой день, с первым ударом часов, возвещавших полночь, Золотой Драгун был у ворот башни из золота и серебра, стоявшей на вершине скалы посреди далекого моря.

Золотой Драгун вытащил саблю из ножен и без колебаний и страха постучал в ворота:

«Тук! Тук!»

Никто не отзывался.

Тогда Золотой Драгун сильным ударом ноги вышиб ворота.

— Здравствуй, Дух Ночи. Отдай мне сейчас же мою невесту.

— Золотой Драгун, не видать тебе твоей невесты! Давай померимся силами!

Дух Ночи вынул саблю, и они вступили в бой. Наконец Золотой Драгун повалил противника на землю.

— Золотой Драгун, ты сильнее меня. Но убить меня ты не можешь. Я умру только в день Страшного суда, и мне не суждено воскреснуть. Слушай. Посади девушку на коня позади себя и уезжай с ней. Пока не рассветет, я имею власть мучить вас. Если ты скажешь хоть единое слово, если обернешься к твоей милой, я унесу ее, и ты не найдешь ее больше никогда, никогда!

— Дух Ночи, пусть будет так.

Золотой Драгун посадил девушку на коня позади себя, и могучий конь молнией полетел среди туч. А Дух Ночи уселся за

спиной бедной девушки. Он кусал ее до крови и страшно тряс. Но она ни разу не вскрикнула.

Дух Ночи понял, что теряет даром время. Он схватился за саблю, чтобы нанести Золотому Драгуну удар в спину.

— Золотой Драгун,— закричала девушка.— Золотой Драгун, берегись!

Золотой Драгун обернулся.

— Матерь божья! Дух Ночи опять унес мою милую! Матерь божья, где она?

Тут заговорил могучий крылатый конь:

— Золотой Драгун, любишь ты меня?

— Люблю, мой крылатый конь. Не одну службу сослужил ты мне и не раз выручал из беды на войне. Я поклялся тебе, что никогда не променяю тебя на другого коня. Я поклялся своей душой, что никогда не продам тебя ни за серебро, ни за золото.

— Золотой Драгун, ложись под этим дубом и спи, а я постерегу тебя. Спи, пока я тебя не разбужу. Тогда ты узнаешь, где твоя милая и Дух Ночи.

Золотой Драгун лег под дубом и уснул. А могучий конь стоял на страже. В ветвях дуба совы и филины справляли свой шабаш и болтали между собой: Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш!

Конь понимал язык этих птиц, которым известно все, что происходит ночью. Он лег на землю, притворился спящим и насторожил уши.

На верхушке дуба совы и филины справляли свой шабаш и болтали, так как ночь еще не прошла:

— Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи опять утащил свою невесту. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи держит свою невесту в плену, далеко, очень далеко, на самом дальнем краю звезды, что посреди созвездия Трех Дев.[1] Он держит ее взаперти в башне из железа и стали. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш!

Тут крылатый конь разбудил Золотого Драгуна.

— Золотой Драгун, довольно спать. Скорее садись ко мне на спину. Я знаю, где твоя милая и Дух Ночи.

С восходом солнца Золотой Драгун сошел с коня у ворот постоялого двора в Бордо.

Тогда конь заговорил:

— Золотой Драгун, любишь ли ты меня?

— Да, я люблю тебя, мой крылатый конь. Не одну службу сослужил ты мне и не раз выручал из беды на войне. Я поклялся, что никогда не променяю тебя на другого коня и не продам ни за золото, ни за серебро.

[1] Так гасконцы называют созвездие Ориона.

— Золотой Драгун, поклянись же мне, что до самой моей смерти, сколько бы я ни ел, у меня всегда будет вдоволь отрубей и овса.

— Мой могучий конь, клянусь тебе в том своей душой.

— Хорошо. Теперь, Золотой Драгун, прикажи конюхам принести для меня семь мешков овса и держать наготове столько воды, сколько мне потребуется. Через час мы с тобой пустимся в далекий путь. А пока я буду набивать себе брюхо, ты сбегай в город, купи у сапожника фунт смолы, у ювелира —золотую иглу и мчись во весь дух обратно.

Сказано—сделано. И вот через час крылатый конь молнией взвился под облака.

Когда пробило полночь, Золотой Драгун был уже на самом дальнем краю звезды в созвездии Трех Дев. Он очутился у ворот башни из железа и стали.

Тогда он вытащил саблю и постучал без колебаний и страха: «Тук! Тук!»

Никто не отзывался.

Сильным ударом ноги Золотой Драгун вышиб ворота.

— Здравствуй Дух Ночи. Верни мне мою милую.

— Золотой Драгун, она не будет твоей. Сразимся!

Оба схватились за сабли и вступили в бой. Наконец Золотой Драгун повалил противника на землю.

— Золотой Драгун, ты сильнее меня. Но тебе меня не убить. Я умру только в день Страшного суда, и мне не суждено воскреснуть. Слушай. Посади девушку за собой, и уезжайте на твоем коне. До рассвета мне дана власть мучить вас. Скажи только слово или обернись к твоей милой—и я унесу ее, и тебе больше никогда не видать ее!

— Дух Ночи, пусть будет так.

Тут заговорил крылатый конь:

— Золотой Драгун, передай девушке фунт смолы и золотую иглу.

— Мой могучий конь, я сделал это.

— Хорошо. Красавица, возьми смолу и замажь хорошенько уши Золотому Драгуну.

— Готово, крылатый конь!

— Хорошо. А теперь, красавица, вырви волосок из моего хвоста. Вдень его в иглу и зашей рот Золотому Драгуну.

— Готово, крылатый конь!

— Хорошо. Скорее в путь. Теперь пускай приходит Дух Ночи!

Золотой Драгун посадил девушку у себя за спиной, и могучий конь полетел под облаками как молния. Дух Ночи уселся позади бедной девушки. Он кусал ее до крови и страшно тряс. Но девушка не кричала.

Тогда Дух Ночи понял, что теряет напрасно время, и вытащил саблю, чтобы ударить Золотого Драгуна в спину. Но девушка и тут не вскрикнула.

Дух Ночи увидел, что теряет даром время, и призвал на помощь всех чертей ада.

— Золотой Драгун,— закричала девушка,— Золотой Драгун, берегись!

Она могла кричать сколько душе угодно. У Золотого Драгуна уши были замазаны смолой, рот зашит. Так до восхода солнца он, не оборачиваясь, боролся с Духом Ночи и всеми чертями ада. Но с первым лучом зари злые духи исчезли, рассеялись как туман, а могучий конь остановился у ворот замка Ламот. Девушка мигом вынула смолу из ушей своего милого и разрезала волос, которым был зашит его рот. Золотой Драгун взял ее за руку и повел к родителям.

— Здравствуйте, отец и мать. Вот та, которую я хочу взять в жены. Если вы скажете «нет», я уеду в Святую землю и постригусь в монахи. Вы не увидите меня больше никогда, никогда.

— Дружок, мы не хотим, чтобы ты стал монахом и уехал в Святую землю. Женись на твоей невесте и живите счастливо вместе с нами.

Их обвенчали в то же утро, и они жили долго и счастливо.

Золотой Драгун не забыл клятвы, которую дал своему могучему коню: никогда он не соглашался променять его на другого или продать за золото и серебро. И до самой смерти было у коня всегда вволю и отрубей, и сена, и овса.

Сказка про тринадцать мух

ИЛ некогда в Муне-дю-Ур ткач — бездельник, каких мало. Никто никогда не слышал, чтобы его станок стучал. И все-таки этот ткач не имел себе равных и успевал наткать к сроку столько тонкого и красивого полотна, сколько ему заказывали.

Никогда он не перекапывал своего сада. Никогда не обрабатывал земли. Никогда не ухаживал за виноградником. И все-таки каждый год урожай у него бывал в тринадцать раз больше, чем у его соседей.

Жена ткача диву давалась, как это у него получается. Днем и ночью она выспрашивала его, следила за ним. Но и через семь лет после свадьбы она знала не больше, чем в первый день.

Однажды утром, в день святого Мартина, ткач, проснувшись, сказал жене:

— Жена, мне нужно сходить в Лектур на ярмарку. Постереги дом, пока я не вернусь.

— Будь спокоен, муженек, уж я постерегу на совесть.

Ткач ушел. А жена потихоньку отправилась за ним следом, прячась за деревья и изгороди. Когда ткач дошел до рощицы, он вынул что-то из кармана, положил под куст можжевельника, а сам пошел дальше. Не прошло и пяти минут, как жена нашла спрятанную вещь, — это был орех величиной с индюшачье яйцо, и в нем кто-то жужжал.

— Ж-ж-ж, открой орех! Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, открой орех!

Жена схватила находку и бегом вернулась домой. Вся время она слышала:

— Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, открой орех!

Наконец жена открыла орех. И тотчас же из него вылетели тринадцать мух и закружились по комнате:

— Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, давай работу!

Тогда жена, перепугавшись, приказала:

— Мухи, вернитесь в орех.

Тринадцать мух сразу же вернулись в орех. Но они продолжали жужжать:

— Ж-ж-ж, открой орех! Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, открой орех!

Потеряв терпение, жена отнесла орех под тот куст можжевельника, куда спрятал его ткач. Вечером, когда вернулся муж, жена за ужином сказала ему:

— Муженек, теперь-то я знаю работниц, которые все за тебя делают: это тринадцать мух, и сидят они у тебя в орехе величиной с индюшачье яйцо.

— Жена, ты отгадала. Ну, раз ты знаешь моих работниц, приказывай им все, что вздумается. Они будут тебя слушаться, как слушаются меня.

С этого дня жене ткача оставалось только сидеть сложа руки, открывать орех да приказывать. Какова бы ни была работа, тринадцать мух исполняли ее в одну минуту.

Потом они возвращались в орех, который хозяйка прятала у себя под подушкой, и жужжали:

— Ж-ж-ж, открой орех! Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, открой орех!

От постоянного этого жужжания жена ткача часто выходила из себя. Со злости она давала тринадцати мухам самые трудные поручения. Но какова бы ни была работа, они делали ее в одну минуту.

Потом они сразу возвращались в орех, который хозяйка прятала у себя под подушкой, и начинали жужжать.

— Ж-ж-ж, открой орех! Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, открой орех!

Однажды жена ткача не выдержала. Она открыла орех и крикнула:

— Мухи, вот вам шесть сит, шесть решет и дырявая бочка. Летите к реке Жер и принесите сюда всю воду.

В одну минуту река Жер пересохла до дна, а весь Муне-дю-Ур покрылся водой, и тотчас же тринадцать мух вернулись в орех,

который их хозяйка прятала у себя под подушкой, и зажужжали:

— Ж-ж-ж, открой орех! Ж-ж-ж, давай работу! Ж-ж-ж, открой орех!

— Муженек,— закричала жена, позеленев от злости,— эти мухи вгонят меня в гроб! Убери ты их!

— Будь по-твоему, жена. Мухи, летите прочь!

— Ж-ж-ж, заплати за работу! Ж-ж-ж, мы улетим! Ж-ж-ж, заплати за работу! Ж-ж-ж, мы улетим!

— Мухи, вон летят тринадцать воронов, тринадцать воронов летят над лесом Рамье. Возьмите их себе в награду за труды.

Тринадцать мух улетели, прихватив с собой тринадцать воронов, и ткач с женой больше никогда, никогда их не видали.

Жених-жаба

ЖИЛ однажды старик, который остался вдовцом с тремя дочерьми. Как-то раз одна из дочек говорит ему:

— Отец, не принесешь ли ты мне кувшин воды из колодца? В доме нет ни капли воды, а мне нужно сварить суп.

— Хорошо, дочка,— ответил старик.

Он взял кувшин и пошел к колодцу. Когда он нагнулся над водой, чтобы наполнить кувшин, ему в лицо прыгнула жаба и так крепко вцепилась, что никакими силами нельзя было ее оторвать.

— Ты не оторвешь меня от своего лица,— сказала жаба,— пока не дашь мне в жены одну из твоих дочерей!

Старик оставил кувшин у колодца и прибежал домой.

— О боже! Что с тобой стряслось, отец?— закричали дочки, увидев его.

— Горе мне, бедные мои дети! Мерзкая тварь прыгнула мне в лицо, когда я набирал воду в колодце. Теперь это чудище говорит, что не отстанет, пока одна из вас не согласится взять его себе в мужья.

— Господи! Что ты такое говоришь, отец!— ответила старшая дочка.— Взять в мужья жабу! Да на нее даже смотреть противно!

И она отвернулась и вышла из дому. Так же поступила и вторая дочь.

— Что же делать, несчастный мой отец,— сказала тогда са-

мая младшая,— я согласна взять жабу в мужья: не вынести моему сердцу, чтобы ты оставался в таком виде!

И жаба сейчас же свалилась на землю. Свадьбу назначили на другой день.

Когда невеста вошла в церковь со своей жабой, кюре очень удивился и сказал, что ни за что не станет венчать христианку с жабой. Но наконец согласился, потому что отец невесты все ему рассказал и посулил много денег.

Затем жених увез свою жену в замок,— у него, оказывается, был прекрасный замок. Когда настало время ложиться спать, он повел жену в спальню, сбросил там с себя жабью кожу, и перед невестой предстал прекрасный молодой принц. Пока солнце светило на небе, он был жабой, когда наступала ночь — становился принцем.

Обе сестры новобрачной часто приходили к ней в гости и очень дивились, видя ее такой веселой,— она всегда смеялась и пела.

«Тут что-то кроется,— думали они.— Надо за ней последить и узнать, в чем дело».

Однажды ночью они тихонько подкрались к двери ее спальни и стали подсматривать в замочную скважину. Ну и удивились же они, увидев вместо жабы прекрасного молодого принца!

— Смотри-ка, смотри! Какой прекрасный принц!.. Если бы я знала тогда...— твердила каждая.

И они услышали, как принц говорил жене:

— Завтра я должен уехать и оставлю дома свою жабью кожу. Смотри же хорошенько, чтобы с ней ничего не случилось. Ведь я должен еще год и один день проходить в этой личине.

«Вот оно что!» — подумали обе сестры, подслушивавшие у дверей.

На другое утро принц уехал, как он и говорил, а обе его свояченицы пришли в гости к своей сестре.

— Ох, какие у тебя тут красивые вещи! Как ты должна быть счастлива со своим жабенышем! — говорили они ей.

— Правда, дорогие сестры, я очень счастлива с ним.

— Куда он уехал?

— В долгий путь.

— У тебя такие прекрасные волосы, хочешь, сестричка, я причешу их?

— Пожалуйста, милая сестра.

Пока чесали ей волосы золотым гребнем, она заснула, а сестры вытащили у нее ключи из кармана, достали жабью кожу из шкафа, где она была заперта, бросили в огонь и ушли.

Молодая женщина проснулась и очень удивилась, увидев,

что она одна в доме. Тотчас же вслед за этим вернулся ее муж, весь красный от гнева.

— Ах ты, проклятая! — крикнул он. — Ты сделала то, что я тебе запретил, ты сожгла мою жабью кожу, на мою беду, да и на свою! Теперь я уеду, и ты меня никогда больше не увидишь!

Бедная женщина заплакала и сказала:

— Я последую за тобой, куда бы ты ни пошел.

— Нет, не следуй за мной, оставайся здесь.

И он бросился прочь. А она ну бежать за ним следом!

— Говорят тебе, оставайся!

— Не останусь, я пойду за тобой!

А он все бежал. Но как он ни бежал, она следовала за ним по пятам. Тогда он бросил золотой шарик. Жена подняла шарик, положила его в карман и продолжала бежать.

— Возвращайся домой, возвращайся домой! — кричал он ей.

— Никогда я не вернусь без тебя!

Тогда он бросил еще один золотой шарик. Она подняла его, как и первый, и положила в карман. Потом третий шарик. Но так как она опять все время преследовала его по пятам, он страшно разгневался и ударил ее прямо в лицо. Брызнула кровь, и три капли, попавшие на его рубашку, оставили на ней три пятна.

Тут бедная женщина начала отставать. Скоро она потеряла из виду беглеца, но все-таки крикнула ему вслед:

— Пусть эти три пятна не исчезнут до тех пор, пока я не приду их смыть!

И она, несмотря ни на что, все бежала и бежала за ним. Вскоре она попала в густой лес, пошла по тропинке меж деревьев и увидела двух огромных львов, сидевших по обеим сторонам дорожки. Она страшно испугалась.

«Горе мне! — думала она. — Здесь расстанусь я с жизнью, ведь меня, конечно, загрызут эти львы! Но все равно, будь что будет!»

И она пошла дальше. Когда она проходила мимо львов, то удивилась, увидев, что они легли у ее ног и лижут ее руки. И она приласкала их, положила им руки на головы и стала их гладить. Затем двинулась дальше.

Потом она увидела зайца, сидевшего у тропинки, и, когда она проходила мимо него, заяц сказал ей:

— Садись ко мне на спину, я вывезу тебя из леса.

Она влезла на спину зайца, и вскоре он вывез ее из леса.

— Теперь, — сказал ей заяц на прощание, — ты находишься около замка, где живет тот, кого ты ищешь.

И в самом деле, вскоре она дошла до большой аллеи, обсаженной старыми дубами, и неподалеку она увидела прачек, стиравших белье на пруду.

Она подошла к ним и услышала, как одна из них говорила:

— Ах, вот прямо заколдованная рубашка! Уже два года при каждой стирке я пытаюсь смыть с нее три кровавых пятна и, сколько я ни стараюсь, ничего не могу сделать!

Услышав эти слова, путница подошла к прачке, которая так говорила, и сказала ей:

— Прошу вас, доверьте мне на минуту эту рубашку. Я думаю, мне удастся смыть эти три кровавых пятна.

Ей дали рубашку. Она плюнула на три кровавых пятна, опустила рубашку в воду, потерла немного, и тотчас же все три пятна исчезли.

— Великое тебе спасибо,— сказала ей прачка.— Наш господин собирается жениться, он будет счастлив, узнав, что кровавые пятна сошли,— ведь это его лучшая рубашка.

— Я бы хотела найти работу в замке вашего господина.

— На днях ушла пастушка, и на ее место еще никого не взяли. Идем со мной, я похлопочу за тебя.

Ее взяли в замок стеречь овец. Каждый день водила она свое стадо в густой лес, окружавший замок, и часто видела своего мужа, гулявшего там с молодой принцессой, которая должна была стать его женой. У пастушки сердце билось сильнее, когда она видела его, но она не смела слова сказать.

У нее все еще сохранялись три золотых шарика, и часто, чтобы развлечься, она забавлялась, играя ими. Однажды молодая принцесса увидела золотые шарики и сказала своей служанке:

— Смотри-ка! Какие красивые золотые шарики у этой девушки! Пойди к ней и попроси ее продать мне один шарик.

Служанка пошла к пастушке и сказала ей:

— Пастушка, ну и красивые же у тебя золотые шарики! Не продашь ли ты мне один для принцессы, моей госпожи?

— Не продам я своих шариков, это единственное мое развлечение в одиночестве.

— Ну, не будь же глупа! Посмотри, как истрепалось твое платье,— продай один шарик моей госпоже, и она хорошо тебе заплатит, так что ты сможешь чисто одеться.

— Не хочу я ни золота ни серебра.

— Так чего же ты хочешь?

— Проспать одну ночь с вашим господином!

— Как, бесстыдница, смеешь ты так говорить!

— А иначе я не уступлю своих шариков ни за что на свете.

Служанка вернулась к своей госпоже.

— Ну, что ответила тебе пастушка?

— Что она мне ответила? Я не смею вам этого повторить.

— Говори же скорей!

— Она, бесстыдница, сказала, что уступит один из своих ша-

риков, только если вы разрешите ей провести ночь с вашим женихом.

— Еще чего захотела! Ну, все равно! Будь что будет, я хочу иметь такой шарик. За ужином я налью сонного зелья в вино своего жениха, он ее даже не увидит. Скажи ей, что я согласна на ее условие, и принеси мне золотой шарик.

Вечером, когда вставали из-за стола, господину так сильно захотелось спать, что он должен был сейчас же лечь в постель. Вскоре к нему впустили пастушку. Но напрасно она называла его самыми нежными именами, напрасно целовала и трясла изо всей силы,— ничто не могло его пробудить

— Горе мне!— воскликнула несчастная женщина, рыдая.— Значит, напрасны были все мои старания, все испытанные мною муки! А ведь я вышла за тебя, когда ты был жабой и никто не хотел смотреть на тебя! Целых два года в жару и в самый жестокий холод, в дождь, снег и бурю разыскивала я тебя повсюду, не теряя мужества. А теперь, когда я нашла тебя наконец, ты не слышишь меня и спишь как убитый! До чего же я несчастна!

И она плакала и рыдала. Но увы! Никто ее не слыхал.

А утром она снова погнала своих овечек в лес, грустная и печальная. В полдень принцесса, как и накануне, пошла гулять со своей служанкой. Увидев ее, пастушка стала играть двумя золотыми шариками, которые у нее еще остались. Принцессе захотелось иметь и второй шарик, для перемены, и она опять сказала своей служанке:

— Иди к пастушке и купи у нее еще один золотой шарик.

Служанка послушалась, и в конце концов торг был заключен на тех же условиях, что и вчера: провести ночь с владельцем замка в его спальне.

Принцесса, как и накануне, подлила жениху во время ужина сонного зелья в вино, и он, встав из-за стола, сразу же лег и заснул как убитый. Вскоре к нему опять ввели пастушку, и она снова стала плакать и причитать. Слуга, случайно проходивший мимо спальни, услышал плач и остановился, чтобы узнать, в чем дело. Он очень удивился тому, что услышал, и утром, войдя к своему господину, сказал:

— Господин, тут в вашем замке творится многое, о чем вы не знаете и что следовало бы вам узнать.

— Что ж такое, говори скорей!

— Несколько дней тому назад в замок пришла бедная женщина, с виду несчастная и измученная; ее из жалости взяли на место той пастушки, что недавно ушла. Однажды принцесса, гуляя в лесу со своей служанкой, увидела, как пастушка играет золотыми шариками. Она тотчас же пожелала иметь эти шарики и послала служанку, чтобы та откупила их у пастушки любой

ценой. Пастушка не хотела ни золота, ни серебра, но потребовала за каждый шарик право провести с вами ночь в вашей спальне. Она уже отдала два и провела у вас две ночи. А вы ничего не заметили. Жалость берет слушать ее вопли и причитания! Я даже думаю, не рехнулась ли она, так как она говорит очень странные вещи,— например, будто она стала вашей женой в то время, как вы были жабой, и что она уже целых два года ходит по свету, разыскивая вас...

— Неужели все это правда?

— Да, мой господин, правда; и если вы до сих пор об этом ничего не знали, так это потому, что во время ужина принцесса подливает вам сонного зелья в вино, и вы, встав из-за стола, сейчас же ложитесь в постель и спите непробудным сном до утра.

— Вот как! Надо мне быть настороже, и тогда вы скоро увидите, что дела здесь пойдут по-иному.

А тем временем все слуги замка, прослышав, что пастушка проводит ночи с господином, стали ее презирать и ненавидеть, и кухарка давала ей теперь только черствые корки, как собаке.

Назавтра она опять погнала в лес своих овечек, и принцесса купила у нее третий золотой шарик за ту же цену, что и первые два: за право провести ночь с господином в его спальне.

Когда пришел час вечерней трапезы, господин на этот раз был настороже. Он заметил, что, пока он говорил со своим соседом, принцесса опять подлила ему сонного зелья в стакан. Он сделал вид, что ничего не заметил, но вместо того, чтобы пить вино, потихоньку вылил его под стол.

Встав из-за стола, он притворился сонным, как и раньше, и сейчас же пошел в свою спальню. Пастушка вскоре тоже пришла туда. На этот раз он не спал и, как только увидел ее, бросился ее обнимать, и они вместе плакали от счастья и радости, что нашли друг друга.

— Возвращайся теперь к себе, бедная моя жена,— сказал он потом,— а завтра ты увидишь, что дела здесь пойдут совсем по-иному.

На другой день в замке был большой пир, на котором должны были объявить день свадьбы. Были там короли, королевы, принцы, принцессы и много других знатных господ. Под конец пира будущий зять встал и говорит старику хозяину:

— Тесть мой, хотел бы я спросить у вас совета вот в каком деле: была у меня красивая шкатулка с красивым золотым ключиком; я потерял ключик от моей шкатулки и заказал себе новый. Но вот я нашел свой старый ключик, так что теперь у меня

два ключика вместо одного. Каким же, по-вашему, тесть мой, должен я отпирать свою шкатулку?

— Всегда надо предпочитать то, что постарше,— ответил будущий тесть.

Тогда принц вошел в комнату рядом с залой и вернулся оттуда, держа за руку пастушку, одетую просто, но мило, и сказал, представляя ее всем:

— Ну вот, это мой первый ключик, то есть моя первая жена, которую я наконец отыскал; это моя жена, и я люблю ее по-прежнему; кроме нее, у меня никогда не будет никакой другой!

И они вернулись в свою страну и жили там счастливо вместе до конца своих дней.

Вот и сказка о женихе-жабе. Как она вам понравилась?

Ночь четырех ненастий

То, что осталось от старухи

ИЛА некогда одна вдова, и была она черна, как смола, и стара, как придорожный камень. И чем больше она старилась, тем моложе и красивее считала себя. У этой старухи был один-единственный слуга, по имени Буртумье. Они жили посреди лесов в огромном замке, где гнездились летучие мыши и совы. У старухи в подземелье стояло семь бочонков, наполненных золотыми испанскими монетами, и каждое утро она просушивала свои сокровища на солнышке.

Однажды утром, когда она, по обыкновению, раскладывала на траве свое золото, мимо проезжал прекрасный рыцарь на черном коне.

— Здравствуйте, госпожа! Что это вы делаете?

— Прекрасный рыцарь, я сушу на солнце свое вдовье наследство.

— Госпожа, наследство прекрасное, но хозяйка его еще лучше. Хотите выйти за меня замуж?

— Прекрасный рыцарь, проезжай своей дорогой. Проезжай своей дорогой и возвращайся за мной в ночь четырех ненастий.

Через год в полночь прекрасный рыцарь постучался в двери замка.

— Эй, госпожа, проснитесь! Пора справлять нашу свадьбу.

— Прекрасный рыцарь, какая сегодня погода?

— Госпожа, дождь льет как из ведра.

— Прекрасный рыцарь, проезжай своей дорогой. Еще не настало время выходить мне замуж.

Через год в полночь прекрасный рыцарь снова постучался в двери замка.

— Эй, госпожа, проснитесь! Пора справлять нашу свадьбу.

— Прекрасный рыцарь, какая сегодня погода?

— Госпожа, дождь льет как из ведра, буря завывает словно зверь.

— Прекрасный рыцарь, проезжай своей дорогой. Еще не настало время выходить мне замуж.

Через год в полночь прекрасный рыцарь снова постучался в двери замка.

— Эй, госпожа, проснитесь! Пора справлять нашу свадьбу.

— Прекрасный рыцарь, какая сегодня погода?

— Госпожа, дождь льет как из ведра, буря завывает словно зверь, ветер вырывает с корнем деревья.

— Прекрасный рыцарь, проезжай своей дорогой. Еще не настало время выходить мне замуж.

Через год в полночь прекрасный рыцарь снова постучался в двери замка.

— Эй, госпожа, проснитесь! Пора справлять нашу свадьбу.

— Прекрасный рыцарь, какая сегодня погода?

— Госпожа, дождь льет как из ведра, буря завывает словно зверь, ветер вырывает с корнем деревья, идет частый град, и каждая градина величиной с кулак.

— Прекрасный рыцарь, это ночь четырех ненастий. Скорее, скорее; пришло время справлять нашу свадьбу! Эй, Буртумье, поспеши! Выведи и оседлай свою белую кобылу.

— Эй, Буртумье, седлай, седлай,
Осла моего скорее седлай!

Через час старуха в подвенечном наряде, Буртумье и прекрасный рыцарь вскачь неслись по лесу. Дождь лил как из ведра, буря завывала словно зверь, ветер вырывал с корнем деревья, шел частый град, и каждая градина была величиной с кулак.

— Эй, Буртумье, стегай, стегай,
Осла моего сильнее стегай!

— Хорошо, госпожа!

— Эй, Буртумье, стегай, стегай,
Осла моего сильнее стегай!

Буртумье, какая прекрасная погода!

— Да, госпожа!

— Эй, Буртумье, стегай, стегай,
Осла моего сильнее стегай!

Буртумье, видишь ты эти огни в лесу?

— Да, госпожа, нас преследуют волки. Их глаза сверкают в непроглядной тьме.

— Эй, Буртумье, стегай, стегай,
Осла моего сильнее стегай!

Нет, Буртумье! Это прекрасный рыцарь велел осветить дорогу в мою честь. Как он богат! Как он любит меня!

— Да, госпожа!

— Эй, Буртумье, стегай, стегай,
Осла моего сильнее стегай!

Буртумье, слышишь ты завывание в лесу?

— Да, госпожа, это волки воют от голода. Они угрожают нам.

— Эй, Буртумье, стегай, стегай,
Осла моего сильнее стегай!

Нет, Буртумье! Это прекрасный рыцарь устроил в мою честь праздник. Как он богат! Как он любит меня!

Тут волки набросились на старуху и на ее осла. Буртумье схватился за меч, но прекрасный рыцарь остановил его:

— Буртумье, пусть эти звери вволю наедятся. Ты не пожалеешь об этом!

Когда волки насытились и ушли, прекрасный рыцарь сказал:

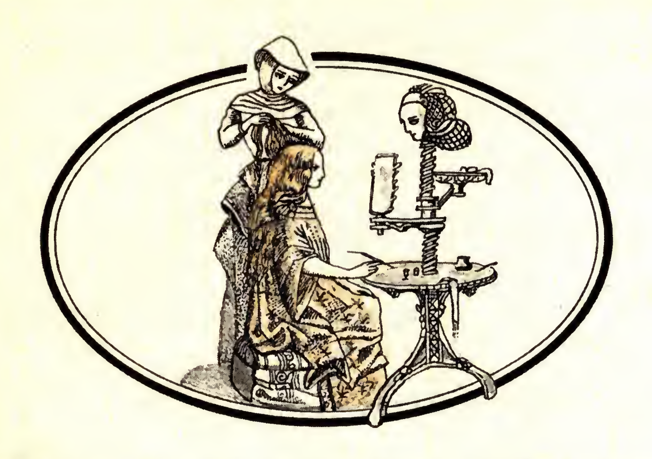
— Буртумье, слезь с коня и посмотри, что осталось от старухи и ее осла.

— Прекрасный рыцарь, от старухи осталась золотая нога, от осла остались четыре золотые подковы с алмазными гвоздями.

— Буртумье, возьми их себе. Забирай все — и скорее в путь!

Они оба вернулись в замок старухи и жили там богато и счастливо.

Синяя Борода

ИЛ-БЫЛ когда-то человек ростом в шесть футов, с синей бородой по пояс. Его так и звали Синей Бородой. Этот человек был богат как море, но никогда не подавал милостыни беднякам. В церковь он и ногой не ступал. Говорили, что Синяя Борода был женат семь раз, но никто не знал, куда девались его семь жен.

В конце концов худая молва о Синей Бороде дошла до самого короля Франции. И король тотчас послал множество солдат и велел им схватить этого человека. С ними отправился главный судья в красной мантии, чтобы его допросить. Семь лет искали они его по лесам и горам, но Синяя Борода прятался от них неизвестно где.

Солдаты и главный судья в красной мантии возвратились к королю, и тогда Синяя Борода опять появился. Он стал еще свирепее, еще страшнее прежнего. Дошло до того, что ни один человек не осмеливался подойти к его замку ближе чем на семь миль.

Однажды утром Синяя Борода ехал полем на своем могучем черном коне, а за ним бежали его псы — три дога, огромные и сильные, как быки. В это время мимо шла одна-одинешенька молодая и красивая девушка.

Тут злодей, не говоря ни слова, схватил ее за пояс, поднял и, посадив на лошадь, увез к себе в замок.

— Я хочу, чтобы ты была моей женой. Ты больше не выйдешь из моего замка.

И девушке поневоле пришлось стать женой Синей Бороды. С тех пор она жила пленницей в замке, терпя муки смертные, выплакивая глаза. Каждое утро, на заре, Синяя Борода садился на коня и уезжал со своими тремя псами, огромными и сильными, как быки. Домой он возвращался только к ужину. А жена его целыми днями не отходила от окна. Она глядела вдаль, на родные поля, и грустила.

Порою к ней подсаживалась пастушка, кроткая, как ангел, и такая красивая, что красота ее радовала сердце.

— Госпожа,— говорила она,— я знаю, о чем вы думаете. Вы не доверяете слугам и служанкам в замке,— и вы правы. Но я не такова, как они, я вас не предам. Госпожа, расскажите мне о своем горе.

Госпожа все молчала. Но вот однажды она заговорила:

— Пастушка, прекрасная пастушка, если ты меня выдашь, господь бог и пресвятая дева покарают тебя. Слушай. Я расскажу тебе о моем горе. Пастушка, днем и ночью я думаю о моем бедном отце, о моей бедной матери. Я думаю о моих двух братьях, которые вот уже семь лет в чужом краю служат королю Франции. Пастушка, прекрасная пастушка, если ты выдашь меня, господь бог и пресвятая дева тебя покарают.

— Госпожа, я вас не выдам. Слушайте. У меня есть говорящая птица-сойка, она делает все, что я ей прикажу. Если хотите, она слетает к вашим двум братьям, которые вот уже семь лет на чужбине служат королю Франции, и все им расскажет.

— Спасибо, пастушка. Подождем удобного случая.

С того дня молодая жена Синей Бороды и пригожая пастушка очень подружились. Но они больше никогда не разговаривали, опасаясь, как бы их не выдали продажные слуги.

Однажды Синяя Борода сказал жене:

— Завтра утром, на заре, я уезжаю в далекое путешествие. Вот тебе семь ключей. Шесть больших открывают двери и шкафы в замке. Ты можешь пользоваться этими ключами сколько хочешь. А седьмой, самый маленький ключик, открывает дверь вон в тот чулан. Туда я тебе запрещаю входить. Если ослушаешься, я узнаю об этом, и тогда тебе несдобровать.

На другое утро, чуть свет, Синяя Борода ускакал галопом на своем черном коне, а за ним бежали три его дога, огромные и сильные, как быки.

Целых три месяца жена Синей Бороды не нарушала приказа мужа. Она открывала только комнаты и шкафы замка шестью большими ключами, но сто раз думала: «А хотелось бы знать, что там, в том чулане».

Так не могло продолжаться долго.

— А, будь что будет! — сказала она в один прекрасный день. — Погляжу я, что там такое! Синяя Борода ничего не узнает.

Сказано — сделано. Она кликнула пригожую пастушку, достала ключик и отперла закрытую дверь.

Пресвятая дева! Восемь железных крюков! На семи из них висят семь мертвых женщин!

Жена Синей Бороды пыталась запереть дверь. Но при этом ключик упал на пол. Пригожая пастушка его подняла. И — горе! — маленький ключик был замаран кровью.

Заперев дверь, пригожая пастушка и ее госпожа до самого захода солнца стирали с ключика кровавое пятно. Он терли его уксусом, хвощом и солью, смывали горячей водой. Ничто не помогало. Чем больше бедняжки скребли пятно, тем краснее оно становилось и тем заметнее выступало на железе.

Наконец ключик заговорил человеческим голосом:

— Трите, женщины. Трите, сколько хотите. Пятно на мне никогда не сотрется. А через семь дней возвратится Синяя Борода.

Тогда пригожая пастушка сказала своей госпоже:

— Госпожа, наступило время послать мою говорящую сойку. Га! Га! Га!

На ее зов сойка влетела в окно.

— Га! Га! Га! Пригожая пастушка, что ты хочешь от меня?

— Сойка, лети в чужие края. Лети туда, где стоит войско короля Франции. Там скажи двум братьям моей госпожи: «Скорее, скорее, скачите на помощь к вашей сестре, пленнице в замке Синей Бороды».

Черной ночью говорящая птица понеслась быстрее ветра и с восходом солнца исполнила то, что ей приказали.

Семь дней спустя Синяя Борода воротился в свой замок на том же черном коне и с тремя псами, громадными и сильными, как быки.

— Жена, подай мои семь ключей!

Бедняжка принесла ему шесть больших ключей от комнат и шкафов замка.

— Негодница, здесь не все ключи! Где самый маленький? Подай его сюда!

Вся дрожа, несчастная протянула ему ключик, замаранный кровью.

— Негодница, ты заглядывала в чулан! Через час ты будешь висеть мертвой на восьмом крюке!

Синяя Борода сошел во двор замка, чтобы наточить на камне свой длинный нож.

Точа нож, он приговаривал:

— Точись, точись, нож. Ты перережешь горло моей жене.

А жена и пригожая пастушка слышали это и дрожали от страха.

— Пастушка, милая пастушка, поднимись скорее на самую верхушку башни!

Пастушка сделала то, что велела ей госпожа. А во дворе Синяя Борода все точил на камне свой длинный нож:

— Точись, точись, нож. Ты пройдешь сквозь горло моей жены.

— Пастушка, милая пастушка, что ты видишь с высокой башни?

— Госпожа, с высокой башни мне видно, как светит солнце. Я вижу море. Я вижу горы и долины.

Госпожа поднялась по лестнице на семь ступеней.

А во дворе Синяя Борода все точил на камне свой нож:

— Точись, точись, нож. Ты перережешь горло моей жене.

— Пастушка, прекрасная пастушка, что видишь ты с высокой башни?

— Госпожа, с высокой башни я вижу там, вдали, ваших двух братьев на конях. Они скачут во весь опор.

Тогда госпожа поднялась еще на семь ступеней.

А во дворе Синяя Борода все точил на камне свой нож:

— Точись, точись, нож. Ты перережешь горло моей жене.

— Пастушка, прекрасная пастушка, что ты видишь теперь с высокой башни?

— Госпожа, ваши братья уже в миле отсюда. Спасайте свою жизнь.

Во дворе Синяя Борода кончил точить на камне свой нож.

— Сходи вниз, негодяйка! Сходи, или я поднимусь к тебе!

Но его жена взошла еще на семь ступенек.

— Друг мой, дай мне время помолиться! Пастушка, пастушка, что видишь ты с высокой башни?

— Госпожа, ваши братья уже совсем близко, совсем близко. Спасайте свою жизнь, если можете.

Тогда жена Синей Бороды поднялась на самую верхушку башни. Ее два брата сходили с лошадей перед воротами замка.

А во дворе Синяя Борода кричал:

— Сходи, негодяйка! Сходи, или я поднимусь к тебе!

Синяя Борода поднялся на башню, размахивая своим остро отточенным ножом.

— Смелее, братья! На помощь!

Синяя Борода выпустил жену и свистнул своих трех псов, больших и сильных, как быки.

Оба брата с саблями наголо вбегали уже на площадку башни.

Битый час люди и животные сражались на башне. И наконец Синяя Борода упал мертвым рядом со своими тремя догами, большими и сильными, как быки.

— Сестрица, этот злодей и его псы больше никому не опасны. Уйдем отсюда.

Старший брат посадил с собой на лошадь сестру, а младший — пригожую пастушку. На закате они приехали в замок родителей.

— Здравствуйте, отец. Здравствуйте, мать. Вы меня оплакивали как мертвую, и я лежала бы теперь мертвая в замке Синей Бороды, если бы не дружба вот этой прекрасной пастушки.

Все обнимались, радуясь свиданию. За ужином младший брат сказал:

— Выслушайте меня, отец. Выслушайте, мать. Я влюблен в прекрасную пастушку. Если вы не позволите мне взять ее в жены, я завтра отправлюсь на войну, и вы меня больше не увидите никогда.

— Сын, делай так, как ты хочешь. Твоя прекрасная пастушка получит в приданое замок Синей Бороды.

Волшебный свисток

Жил когда-то король. У этого короля была птица, такая красивая и прелестная, что другой такой на свете не сыскать. Король в ней души не чаял.

Однажды, когда он кормил ее, дверь забыли закрыть, и птица улетела. Король позвал своих сыновей,— а их было у него двое,— и сказал им:

— Тот из вас, кто через год найдет эту птицу, получит половину моего·королевства.

Братья вместе отправились в путь; дойдя до перекрестка, они расстались. Вскоре старшему повстречалась старуха — то была фея.

— Куда ты держишь путь? — спросил она его.

— Иду куда надо, не твое это дело.

Старуха перешла на ту дорогу, по которой шел младший.

— Куда ты, прекрасный юноша, держишь путь?

— Иду искать птицу, которую упустил мой отец.

— Вот тебе свисток. Поди с ним в Арденнский лес; ты свистнешь разок и скажешь: «Я пришел за птицей моего отца». Все птицы наперебой закричат: «Это я! Это я!» Только одна скажет: «Это не я!» Ее-то и возьми.

Принц поблагодарил старуху, положил свисток в карман и отправился в Арденнский лес. Там он свистнул разок и сказал:

— Я пришел за птицей моего отца.

Все птицы наперебой закричали:

— Это я! Это я! Это я!

Только одна сказала:

— Это не я.

Принц схватил ее и пошел обратно в замок своего отца.

Вскоре ему повстречался брат, который тотчас его спросил:

— Ты нашел птицу?

— Да, нашел.

— Отдай ее мне!

— Нет!

— Тогда я тебя убью!

— Убей, если хочешь.

Брат убил принца, вырыл яму и там закопал убитого, а сам вместе с птицей вернулся в замок. Король очень обрадовался, что птица нашлась, велел устроить большой пир и созвал на него много народу.

Тем временем шел по лесу пастух; его собака принялась скрести землю там, где был зарыт молодой принц. Пастух пошел следом за собакой и заметил, что там, где она скребет, что-то торчит из земли. Сначала ему показалось, будто это палец, но, присмотревшись, он увидел, что это свисток. Пастух взял его и приложил к губам, а свисток вдруг заговорил:

Свисти, пастух, не щадя сил,
Родной мой брат меня убил
В дремучем Арденнском лесу.

Местный мэр, живший по соседству с пастухом, прослышал о свистке и купил его. Придя по приглашению на королевский пир, он взялся за свисток, и гости вдруг услышали слова:

Свисти-ка, мэр, не щадя сил,
Родной мой брат меня убил
В дремучем Арденнском лесу.

Тогда король, в свою очередь, взял свисток, и тот опять сказал:

Свисти, отец, не щадя сил,
Родной мой брат меня убил
В дремучем Арденнском лесу.

Старший сын короля смекнул, что речь идет о нем. Он хотел было бежать, но его нагнали, вернули и заставили свистеть. А свисток твердил:

Свисти, палач, не щадя сил,
Ведь это ты меня убил
В дремучем Арденнскому лесу.

Король тотчас велел сжечь сына живьем на костре. Затем он спросил пастуха, может ли тот указать место, где нашел свисток. Пастух сказал, что точно не помнит, но попытается найти дорогу, а его собака — та прямиком направилась к тому месту. Как только тело вырыли из земли, юноша вскочил на ноги.

Король на радостях велел устроить пышное празднество. Я там побывал и снова домой попал.

Эуэн Конгар

ИЛ когда-то в одной деревне бедный вдовец с сыном. Звали его Эуэн Конгар. Все его богатство состояло из клочка земли, на котором он работал сам, двух коров да лошади. Сына звали, как и отца, Эуэном, ему шел десятый год, и был он мальчик бойкий и смышленый. Вот он раз и говорит отцу:

— Отец, пошли меня в школу учиться.

— Как я тебя пошлю, сынок? Сам знаешь, я беден и платить за ученье не могу.

— А ты продай одну корову.

Отец продал на ярмарке одну корову и на вырученные деньги послал сына в школу.

Мальчик учился хорошо, учителя были им очень довольны. Но через год пришлось Эуэну продать и вторую корову, потом лошадь, чтобы было чем платить за сына.

За три года тот многому научился в школе и хоть и был еще молод, а стал настоящим ученым. Он заказал себе одежду, с одной стороны черную, а с другой белую, и пошел искать счастья по свету. Дорогой встретился ему какой-то хорошо одетый господин и спрашивает:

— Куда это ты идешь, мальчик?

— Искать работы, ваша светлость.

— Читать умеешь?

— Да, умею и читать и писать.

— Нет, в таком случае ты мне на подойдешь.

И господин проехал мимо.

Эуэн вывернул свое платье наизнанку, пробежал полями и, выйдя на дорогу немного подальше, пошел навстречу тому же путнику.

— Куда это ты идешь, мальчик? — спросил тот, не узнав Конгара.

— Ищу службы, ваша светлость.

— Читать умеешь?

— Нет, ни читать, ни писать не умею. Мой отец беден и не мог посылать меня в школу.

— Хорошо, садись на лошадь позади меня.

Конгар сел на лошадь позади незнакомца, и они скоро приехали к красивому замку, окруженному высокими стенами. Никто не вышел к ним навстречу, когда они во дворе сходили с лошади, и чародей — новый хозяин Конгара был чародей — сам отвел лошадь на конюшню. Потом, вернувшись, сказал Эуэну.

— Ты не увидишь в замке ни мужчин, ни женщин — никого, кроме меня. Но не беспокойся, у тебя ни в чем не будет недостатка. И если постараешься точно выполнять все, что я велю, то будешь получать пятьсот экю в год.

— А что мне придется делать, хозяин?

— У меня здесь пятьдесят клеток, в каждой клетке по птице, а на конюшне десять лошадей, и тебе надо будет ходить за птицами и лошадьми так, чтобы я был доволен.

— Буду стараться, хозяин.

Хозяин показал ему клетки с птицами и лошадей, затем сказал:

— Я уезжаю и вернусь не раньше, чем через год и один день.

Чародей уехал, а Конгар, оставшись один в замке, усердно заботился о птицах и лошадях. Четыре раза в день в столовой кто-то накрывал на стол, хотя нигде не видно было ни единой живой души. Окончив работу, Эуэн пил и ел вволю, а потом прогуливался по замку и саду.

Однажды, бродя по комнатам и дивясь их богатому убранству, он увидел принцессу ослепительной красоты. Она сказала ему так:

— Я одна из лошадей, за которыми ты присматриваешь в конюшне замка, третья налево от входа, серая в яблоках. Я дочь испанского короля, и меня волшебством превратили в лошадь. В таком виде я должна оставаться до тех пор, пока не найду себе освободителя. Многие уже пытались это сделать, но чародей всех превратил в лошадей или птиц, тех самых, которые оставлены на твое попечение. Если чародей будет доволен твоей работой, он в награду позволит тебе выбрать одну из лошадей, что стоят у него на конюшне, и ты уедешь на ней к отцу. Выбери меня, и ты не пожалеешь об этом. Запомни же: серая в яблоках ко-

была, третья налево от входа. Немало принцев и других знатных людей пытались провести чародея, и все поплатились за это: их кожа висит на крюках в дальней комнате замка. Берегись, чтобы и с тобой не случилось того же.

Принцесса дала Конгару прочитать книги чародея, и он узнал из них тайны волшебства.

Прошел год и один день. Хозяин замка приехал домой. Он был так доволен усердием Конгара, что предложил ему остаться еще на год и обещал удвоить жалованье.

— Нет,— сказал Конгар,— я хочу вернуться к отцу.

— Но подумай все же — отсюда до твоей деревни двенадцать тысяч миль!

— Все равно, я хочу ехать к отцу.

— Ну, хорошо, вот тебе пятьсот экю, твое жалованье. И, кроме того, можешь выбрать себе на конюшне любого коня и ехать на нем к отцу.

Они отправились на конюшню. Конгар сделал вид, будто выбирает, потом указал на серую в яблоках кобылу:

— Я возьму вон ту маленькую лошадку.

— Как, эту клячу? Видно, что ты ничего не смыслишь в лошадях. Да ты погляди, какие красавицы стоят рядом с нею.

— Нет, мне эта маленькая лошадка нравится, и другой я не хочу.

— Будь ты проклят! Бери ее, но ты все равно из моих рук не уйдешь.

Конгар вывел из конюшни серую лошадь и ускакал на ней.

Когда они выехали из владений чародея, лошадь приняла свой прежний образ — превратилась в красавицу принцессу.

— Возвратись к отцу,— сказала она своему спасителю,— а я вернусь к моему, в Испанию. И через год и один день ты также будь там, при дворе испанского короля.

Сказав это, она скрылась.

Конгар решительно зашагал в сторону родной деревни. Когда он был уже недалеко от нее, он встретил знакомого нищего, который его не узнал. Конгар спросил у него:

— Не знаете ли вы, дедушка, Эуэна Конгара?

— Как мне его не знать, он мой сосед,— отвечал нищий.

— Значит, он жив? А как его дела?

— Жив-то он жив, а вот дела его совсем плохи, ему не лучше, чем мне. Он отдал последние гроши на ученье сына, а тот его бросил и неизвестно куда девался.

Конгар дал нищему монету в двадцать су и пошел дальше. Скоро он пришел к хижине отца и бросился обнимать старика, который сидел у порога на камне.

— Здравствуй, отец, вот я и вернулся домой!

— Не потешайтесь надо мной,— возразил старый Конгар, не узнавая сына.

— Я теперь богат, отец, мы с тобой заживем на славу. Смотри!

Он бросил на стол пятьсот экю — все красивыми золотыми монетами. Потом отправился в ближайшее местечко закупать провизию, привез белый хлеб, говядину, свиное сало, сосиски, сидр и даже вино, и, созвав соседей, они устроили настоящий пир. Это повторялось каждый день, пока не истрачены были все пятьсот экю. Когда от них осталась только одна монета в шесть франков, старик сказал сыну:

— Вот мы опять без денег, сынок, опять такие же нищие, как были.

— Не беспокойся, отец. Ты отказывал себе во всем, чтобы посылать меня в школу, и теперь ты увидишь, что ученье пошло мне впрок. Ты ни в чем не будешь нуждаться.

И в самом деле, недаром Эуэн прочитал книги чародея и по ним изучил тайны его искусства.

— Вот что, отец, завтра утром ты пойдешь на ярмарку в Ланьон продавать быка.

— А где я его возьму, этого быка? У меня давно нет ни быка, ни коровы, ни теленка.

— Откуда бы он ни взялся, а завтра ты, встав поутру, найдешь у двери отличного быка. Отведи его на базар в Ланьон, спроси за него две сотни экю; не уступай ни гроша, тебе заплатят эту цену. Смотри только, не отдавай веревки.

— Веревку всегда отдают вместе с быком,— заметил старик.

— А я тебе говорю — не отдавай веревки, иначе ты навлечешь на меня большую беду. Слышишь, отец? Принеси веревку обратно домой.

— Ладно, принесу, но у нас так не водится.

На другое утро старик действительно увидел у дверей хижины великолепного быка с новенькой веревкой на шее. Он тотчас повел быка в Ланьон, забыв даже посмотреть, где сын. А этот бык и был его сын, который, прочитав книги чародея, умел теперь превращаться в любое животное.

Как только быка увидели на ярмарке, все барышники и мясники, сколько их было на площади, стали торговать его у старика.

— Эй, отец, сколько за быка?

— Двести экю без веревки.

— Вот заломил цену! Скажи сто пятьдесят, и мы ударим по рукам и разопьем бутылочку.

— Не уступлю ни гроша.

— Ну, что ж, бык останется у тебя, только и всего.

Барышники и мясники подходили, щупали быка, торговались, но, так как Конгар требовал двести экю и ни гроша меньше, покупатели уходили к другим.

К концу дня, когда солнце уже заходило, к старику подошел незнакомый покупатель с огненно-рыжими волосами и беспокойными зоркими глазами. Он осмотрел быка и спросил:

— Сколько за быка, старик?

— Двести экю без веревки.

— Цена не малая. Но бык мне нравится, мне такого и нужно. Получай свои две сотни. А веревку мне оставь, чтобы я мог его увести.

— Нет. Я же вам сказал, что веревку не отдам.

— Но веревку всегда отдают покупателю — не знаешь, что ли, старый дурак?

— Я сказал, что веревки не отдам. Если не согласны, так и не надо: ваши деньги останутся при вас, а мой бык при мне.

— Черт с тобой и с твоей веревкой, можешь на ней повеситься!

И покупатель ушел.

Быка купил мясник из Морле, увел его домой и поставил в хлев, чтобы на другой день зарезать. Но наутро бык исчез из хлева, а Эуэн Конгар вернулся домой к отцу.

Пока у них были деньги, отец и сын жили, ни в чем себе не отказывая, не забывая и друзей. Когда от двухсот экю осталась только одна монета в шесть франков, Эуэн сказал отцу:

— Отец, завтра утром ты пойдешь на базар в Бре продавать лошадь.

— А где мы ее возьмем, эту лошадь?

— Об этом не беспокойся. Она явится оттуда же, откуда явился бык, и завтра утром ты ее найдешь у дверей. Проси за нее триста экю, ни гроша меньше. Но уздечку не отдавай. Принеси ее домой. Если отдашь, ты дорого за это поплатишься, да и я тоже.

— Хорошо,— сказал старый Конгар,— принесу уздечку, раз ты этого хочешь. Да только так у нас не водится, чтобы лошадь без уздечки продавать.

На другое утро старый Конгар отправился на базар в Бре верхом на прекрасном коне, которым он весьма гордился.

Немало барышников из Корнуайля и Третьера подходили к Конгару и пытались купить коня. Но старик требовал триста экю и ничего не уступал, а покупатели считали, что это слишком дорого, и уходили, хотя лошадь всем очень нравилась.

К вечеру опять пришел тот незнакомый барышник, что в прошлый раз торговал быка, и спросил:

— Сколько за коня, старик?

— Триста экю без уздечки.

— Это дорого, но лошадь мне нравится, и я заплачу, не торгуясь. Только уздечку ты мне отдай. Сам знаешь, так всегда делается.

— Нет, уздечка мне самому нужна. Не хотите, так и коня не продам.

— Да ты не знаешь, что ли, старый дурень, что уздечку всегда продают вместе с лошадью?

— Пускай себе другие делают, как хотят, а я не продам, вот и все.

— Ну и не надо, черт тебя побери вместе с твоим конем и уздечкой!

И незнакомец ушел, сильно рассерженный.

Немного позднее лошадь была продана одному барышнику из Нормандии. Он отвел ее в Генгам и поставил на ночь в конюшню вместе с другими лошадьми, собираясь утром отправиться восвояси.

Но на другое утро лошадь пропала, и ее новый хозяин напрасно недоумевал, что с ней могло случиться.

А лошадью этой был Эуэн Конгар, который умел превращаться в животных. Он принял опять свой человеческий образ и вернулся домой.

Когда были истрачены и триста экю, вырученные за коня, Конгар превратился в осла. С вечера он наказал отцу, чтобы тот повел осла продавать на ярмарку в Бре, спросил за него двести экю и ни за что не отдавал недоуздка.

Тот же самый никому не известный барышник пришел покупать осла.

— Сколько за осла, старик?

— Двести экю.

— Двести экю — это дороговато за такого ослика. Но я торговаться не люблю, получай две сотни и давай мне осла.

Он тотчас же сел на осла.

— Постойте! — закричал Конгар. — Недоуздок оставьте мне.

— Поздно хватился, старик! — отвечал тот насмешливо.

Он ударил осла палкой и ускакал галопом.

По пути он остановился у кузницы и сказал кузнецу:

— Скорее, кузнец, сделай четыре подковы весом в пять пудов каждая и подкуй моего осла.

— Шутить вздумали? — сказал кузнец.

— Делай то, что тебе сказано, я хорошо заплачу.

Пока кузнец ковал подковы, осел стоял на улице: его привязали к кольцу, вделанному в стену кузницы. Вокруг осла собрались дети и стали дергать его за уши, чтобы послушать, как он ревет.

— Отвяжите меня, — сказал осел.

— Этот осел умеет говорить!— закричал кто-то из детей.

— А что он сказал? — спросил другой.

— Он просит отвязать его.

— Да, дети, отвяжите меня, и тогда увидите забавную штуку,— повторил осел.

Они послушались. И в тот же миг осел превратился в зайца и давай бог ноги!

Услыхав крики детей, чародей вышел из кузницы.

— Где мой осел?!

— Он превратился в зайца и убежал.

— В какую сторону?

— Вон туда, через поле,— отвечали дети.

Чародей мигом превратился в собаку и погнался за зайцем.

Тот, услыша за собой погоню, превратился в голубя и взвился кверху. Чародей тут же стал ястребом и понесся за ним. Так они долетели до столицы Испании. Ястреб уже настигал голубя, но тот превратился в золотое кольцо и прыгнул прямо на палец принцессы, дочери испанского короля, которая в это время сидела у окна.

Тогда чародей принял свой человеческий образ и явился во дворец, выдавая себя за врача и говоря, что хочет исцелить старого короля,— король уже давно хворал, и его не могли вылечить все врачи королевства.

Чародей нашел нужное лекарство, исцелил короля, и король в благодарность за услугу обещал дать ему все, чего бы он ни попросил.

— Мне не нужно ничего,— отвечал мнимый врач,— кроме того золотого кольца, которое носит на пальце ваша дочь.

— Так мало? Если вам нужно золото, я вам отсыплю вволю.

— Нет, мне не нужно ничего, кроме кольца вашей дочери.

— Хорошо, завтра утром вы его получите.

Принцесса легла спать, не сняв кольца, и очень удивилась и испугалась, увидев вдруг подле себя мужчину. Это был Конгар. Боясь, что она закричит, он поспешил ее успокоить:

— Принцесса, я тот, кто спас вас от чародея и только что был золотым кольцом на вашем пальце. Чародей все время упорно меня преследует. Он возвратил здоровье вашему отцу и в награду требует кольцо, которое вы носите на пальце. Обещайте королю исполнить это требование, но с тем условием, что вы сами наденете кольцо на палец врачу. А когда будете надевать, уроните кольцо на пол. Об остальном не заботьтесь, все будет хорошо, если вы сделаете так, как я прошу.

Принцесса обещала поступить так, как сказал Конгар.

На другое утро старый король позвал дочь и, указывая на чародея, переодетого врачом, сказал:

— Дочь моя, этот человек исцелил меня, тогда как все врачи королевства ничем не могли мне помочь. И в награду за такую великую услугу он просит только золотое кольцо, которое ты носишь на пальце. Ты, конечно, ему не откажешь.

— Нет, отец мой, не откажу,— промолвила принцесса.— И я сама надену ему на палец это кольцо.

Она сняла кольцо, и когда врач поспешил протянуть ей палец, она, словно от неловкости или волнения, уронила кольцо на пол.

В тот же миг кольцо превратилось в горошину, а чародей — в петуха.

Только петух собрался проглотить горошину, как она превратилась в лисицу и перегрызла петуху горло. Так окончилась борьба, в которой Эуэн Конгар победил своего учителя.

Тогда принцесса представила отцу своего спасителя, рассказала о всех его испытаниях и приключениях. И Конгар женился на дочери короля испанского. По этому случаю при дворе было много пышных празднеств и богатых пиров, на которые пригласили и старика Конгара,— он в ту пору был еще жив.

Кошенар и Тюркен

ИЛИ-БЫЛИ два брата. Они были сироты и ходили в своем краю из дома в дом за подаянием. Старшего звали Кошенаром, а младшего — Тюркеном. Они никогда не разлучались, и куда шел один, туда вместе с ним шел и другой. Исполнилось им лет по двенадцати, но они все еще ничего не делали, а только просили милостыню. Тут люди стали смотреть на них не так уж жалостливо, говорили, что им пора начать трудиться и самим зарабатывать свой хлеб. Заметив это, братья ушли из деревни. Однажды Кошенар, который был посмышленей Тюркена, но зато отличался дурными наклонностями, сказал брату:

— Я знаю, что нужно было бы сделать, чтобы нам повсюду оказывали хороший прием, чтобы на фермах нам охотно давали пищу и кров и много грошей на ярмарках и в монастырях.

— А что именно? — с любопытством спросил Тюркен.

— Если бы один из нас был слеп, а другой был бы его поводырем и ходил бы с ним из дома в дом, из одного святого места в другое, то мы ни в чем не терпели бы нужды.

— Так-то так, но мы ведь оба зрячие.

— Конечно, но нет ничего легче, как стать слепым.

— Каким образом?

— Каким образом? Да попросту выколоть глаза одному из нас.

— Это нехорошо, Кошенар; бог дал нам хорошие глаза, и мы не должны по своей воле лишать себя зрения, да к тому же это, должно быть, очень больно, когда выкалывают глаза!

— Вот пустяки! Это дело одной минуты!.. Зато подумай только, как нам будет хорошо! Никто не пройдет мимо нас, не подавши нам хотя бы одного су, и мы сможем купить себе орехов, груш, яблок, ножи, новые сапоги... одним словом, все, что нам захочется.

Кошенар нарисовал такую соблазнительную картину счастья, ожидающего слепца, что бедный Тюркен, который не отличался большим умом, согласился, и братья решили тянуть жребий, чтобы узнать, кому из них надо выколоть глаза. Кошенар держал в кулаке соломинки и устроил так, что судьба присудила Тюркену быть слепым. Потом жестокосердный брат вытащил из изгороди шип терновника и выколол ему оба глаза. Несчастный Тюркен сильно страдал и громко кричал от боли. Его всюду жалели, где бы он ни появлялся, и с этого дня на обоих братьев посыпались самые разнообразные даяния: одежда, белый хлеб, мясо и деньги. Кошенар все забирал себе, сам ел белый хлеб и мясо, а черный хлеб и картофель отдавал Тюркену.

Они ходили по ярмаркам, по святым местам, и деньги падали дождем в деревянную мисочку несчастного слепого. Кошенар все забирал себе. Когда он накопил много денег, он решил отделаться от брата. Он завел его в густой лес и уверил, что они заблудились. Когда наступила ночь, он сказал:

— Ляжем сюда, на мох под дубом, и подождем рассвета.

Тюркен, ничего не подозревая, растянулся у подножия дерева и тотчас заснул. Как только он захрапел, Кошенар тихонько ушел, безжалостно оставив брата на произвол судьбы, без хлеба и денег. Несчастный слепой проснулся утром и стал звать Кошенара. Но Кошенар не откликался на его зов, и Тюркен подумал, что тот спит. Тогда он стал звать его все громче и громче, кричал, шарил вокруг дерева, но брата нигде не было.

«Не может быть, чтобы он так и бросил меня,— подумал Тюркен.— Он, конечно, придет; надо подождать».

Он долго ждал, до самого вечера, и время от времени громко звал Кошенара; но никто не откликался, и Кошенар не пришел. Тогда Тюркен понял, что его покинули, и горько заплакал.

Наступила ночь, он был голоден, а еды у него не было. Он впал в полное отчаяние и подумал: «Либо я умру с голоду у подножия этого дерева, либо меня съедят дикие звери, которые водятся в этом лесу! Ах, Кошенар, Кошенар, что я тебе сделал, за что ты так поступил со мной?.. Мне остается только одно: вскарабкаться на это дерево и броситься с него вниз, чтобы сломать себе шею и не достаться живьем волкам, которые воют вокруг!..»

Он влез на дерево, и в ту минуту, как он собирался броситься вниз, он услышал под деревом львиный рев. Вскоре прибежал

и вепрь и захрюкал: «Ох, ох!» Затем до слуха Тюркена донесся вой, и через некоторое время появился волк.

— Где это ты пропадал, волк? Ты изрядно опоздал,— спросил его лев.

— Я был в городе Люксембурге, где и люди, и животные умирают от жажды,— ответил волк.— Ну и поживился же я там, можете не сомневаться в этом! Взгляните-ка на мое брюхо! Вот поэтому-то я и опоздал немного.

— Я знаю, каким образом можно достать воду в городе Люксембурге,— сказал лев,— и знаю также такое средство, которое исцеляет все болезни и всякие увечья, какие бы они ни были.

— Что же нужно сделать для этого?— спросил волк.

Нечего говорить, что Тюркен, сидя на дереве, внимательно прислушивался к беседе зверей.

— Ну, слушайте, что нужно сделать, чтобы иметь воду в Люксембурге,— ответил лев.— Нужно взять кусок корня того самого дерева, под которым мы теперь стоим, с этим куском корня отправиться в Люксембург и ударить им три раза о скалу, которая находится посреди города, приговаривая при этом: «Воды! Воды! Воды!» Тотчас же из этой скалы забьет родник чистой и свежей воды, столь обильный, что воды хватит на весь город — и людям, и животным.

— А какое это средство, которое излечивает все недуги и все увечья?— спросил волк.

— А вот я вам расскажу,— сказал лев.— Нужно взять кусочек коры этого дерева, натереть им рану или больную часть тела, и сейчас же все как рукой снимет. Если, например, человек или зверь ничего не видит, так стоит только приложить кору к глазам, и он сразу будет видеть так же хорошо, как мы с вами. Я только что вернулся из Испании. Дочь короля этой страны после причастия почувствовала себя нехорошо и на возвратном пути ее стошнило во дворе королевского дворца, так что святая облатка упала на землю. Тотчас из норы выскочила жаба, проглотила облатку и скрылась под камнем в глубине бассейна, который находится в дальнем углу двора. Принцесса сразу же стала пухнуть, и теперь кожа у нее до такой степени натянута, что вот-вот лопнет. К тому же принцесса испытывает сильные страдания, и ни один врач не может распознать ее болезнь. Сам король в отчаянии обещает отдать свою дочь за того, кто ее вылечит, кто бы он ни был.

— И вы думаете, что кора этого дерева исцелит ее?— спросил волк.

— Одной коры недостаточно, чтобы исцелить ее,— возразил лев.— Вот что надо сделать, чтобы достигнуть полного успеха: надо вытащить жабу из бассейна, куда она скрылась, и пригото-

вить для королевской дочери питье из жабьей крови, смешанной с вином; затем дать ей съесть жабье мясо, поджаренное на масле. На свете нет другого средства, которое могло бы вернуть ей здоровье, но ни один врач, будь он даже самый ученый, не отважится на лечение, о котором я говорю.

После этого все трое — лев, волк и вепрь — удалились. Это были дьяволы, принявшие облик зверей, чтобы им легче было обделывать свои делишки.

Понятно, что Тюркен не упустил ни единого слова из того, что было сказано, ибо, хотя он был слеп, но глух не был, и воскликнул:

— Не так уж плохо живется на свете!

В это время взошло солнце. Тюркен спустился с дерева, срезал ножом кусочек коры с этого дуба и потер им глаза. О счастье! Зрение сейчас же вернулось к нему, как будто бедняга никогда и не был слеп. Он увидел сияющее солнце, бросился на колени и от всего сердца возблагодарил бога. Он срезал большой кусок коры и положил его в карман, чтобы исцелять больных, которые встретятся на его пути; тем же ножом он разрыхлил землю и, найдя тонкий корешок этого дерева, отрезал его и взял с собою, чтобы добыть воду для жителей города Люксембурга. Затем он отправился в путь.

Одежда его была в лохмотьях, и так как у него не было денег, то ему приходилось просить милостыню, чтобы как-нибудь прожить. После многих злоключений он прибыл в Люксембург и прямо направился к кюре, чтобы попроситься к нему на ночлег.

— Откуда ты? — спросил его кюре.

— Из Франции,— был ответ.

— Ну, так и возвращайся во Францию,— у меня нет для тебя хлеба.

И кюре захлопнул дверь перед самым его носом.

Тогда он отправился к мэру города, но и тот принял его не лучше, чем кюре. Префект вытолкал его так же, как кюре и мэр.

«Как странно,— подумал Тюркен,— я пришел сюда для того, чтобы спасти этих людей, которым угрожает смерть от жажды, а они не хотят приютить меня и дать мне кусок хлеба, в котором в моей стране не отказывают даже нищему, посланному богом! Но, быть может, бедные люди обойдутся со мной ласковее; до сих пор я обращался только к богатым».

Навстречу ему по улице шла бедно одетая девушка, которая горько плакала. Он подошел к ней и спросил:

— О чем ты так плачешь, девушка?

— Увы, на то есть причины,— ответила она,— мой отец, мать и два брата умерли от жажды!

— Ну, а я, наверно, умру не от жажды, а с голоду, потому что в этом городе никто не хочет мне дать куска хлеба.

— Пойдем ко мне, я отломлю тебе кусочек от краюхи, которая у меня осталась, и постараюсь устроить тебя получше.

— Да благословит тебя бог и да пошлет тебе счастье.

Он пошел с девушкой до самого ее дома, и она дала Тюркену кусок черного, заплесневевшего хлеба, который он съел с большой жадностью.

— Я не могу тебе дать ни воды, ни молока, ни вина, ни сидра,— сказала она.— Я, наверно, сама скоро умру от жажды, как мой отец, моя мать и братья.

— Возьми кувшин для воды и иди со мной,— сказал ей тогда Тюркен.

И они вместе направились к скале, которая находилась посреди города. Тюркен три раза ударил корешком о скалу, приговаривая: «Воды! Воды! Воды!» И сейчас же из скалы забил родник. Воды было много, она была чиста и прозрачна. Девушка наполнила кувшин и пошла домой в сопровождении Тюркена. Очень скоро распространилась весть, что какой-то чужеземец, нищий, которого никто не знал, исторг из скалы источник чистой и прозрачной воды. Народ сбегался отовсюду с кувшинами и разными сосудами, и во всей округе люди с криками радости пили воду.

Когда жажда была утолена, стали разыскивать незнакомца, которому весь город обязан был спасением.

Наконец его нашли в лачуге у бедной девушки.

Кюре, префект, мэр и все начальствующие лица города посетили его и выразили желание торжественно повести его по улицам города, с музыкой впереди шествия. Но он сказал им:

— Нет, вы мне отказали в куске хлеба, когда я стучался в двери ваших домов, и если б не эта бедная девушка, которая разделила со мной то немногое, что имела, я бы, наверно, умер с голоду. Поэтому я останусь у нее в благодарность за услугу, которую она мне оказала.

Начальствующие лица и богатые граждане Люксембурга опасались, что Тюркен, который с такой легкостью доставил им чудесный источник, может так же легко убрать его, и они на коленях просили у него прощения и складывали к его ногам мешки с золотом и серебром. Но он отшвырнул ногой их золото и серебро. Ему предложили великолепный замок и просили его остаться навсегда в городе Люксембурге, но от ответил им такими словами:

— Теперь я не могу остаться с вами, потому что я должен отправиться в путешествие, которое никак нельзя отсрочить. На обратном пути я заеду к вам и тогда, быть может, навсегда оста-

нусь жить в вашем городе. Впрочем, бояться вам нечего: родник не иссякнет в мое отсутствие.

Ему подарили великолепную золотую карету, запряженную прекрасными лошадьми, и он отправился в Испанию. Прибывши в столицу этого государства, он остановился в лучшей гостинице, и там его приняли как принца. После ужина он позвал хозяина гостиницы, чтобы потолковать с ним и осведомиться о новостях в этом государстве.

— Что нового в вашем городе?—спросил он хозяина гостиницы.

— Здесь только и разговору, что о болезни королевской дочери, прекрасной принцессы, которую все очень любят.

— Чем же она больна?

— А вот этого никто не знает, и лучшие врачи не могут понять ее болезни. Бедная принцесса вся горит и так распухла, что вот-вот лопнет кожа. Она очень страдает. Некоторые утверждают, что она одержима бесом, и, по-видимому, так оно и есть.

— Как же это ни один врач не может ей помочь?

— Я вам уже сказал, что они не могут понять ее болезни; к ней съехались врачи со всех концов государства и даже из чужих краев, а ей с каждым днем все хуже и хуже. Вот уже шесть месяцев, как она больна, и если бедной девушке не станет лучше, она, несомненно, скоро умрет.

— Так вот, слушайте: я врач из королевства Франции, я знаю прекрасное средство от опухолей, какова бы ни была их причина, и я с уверенностью заявляю, что вылечу вашу принцессу.

— О, если это действительно так, то ваше будущее обеспечено, потому что король любит свою дочь больше всего на свете; он страшно убивается и за ее исцеление готов отдать все свои сокровища.

— Пойдите и скажите ему, что у вас проездом остановился врач из Франции; он знает верное средство от опухолей, которое всегда оказывает свое действие.

Хозяин гостиницы побежал во дворец, чтобы сообщить королю эту радостную весть.

— Пусть сейчас же явится сюда!—воскликнул безутешный отец.—Ему ни в чем не будет отказа, если только он спасет мою дорогую дочь.

Тюркен тотчас же отправился во дворец, и его ввели в комнату принцессы. Она была так плоха, что на нее жалко было смотреть. На губах ее выступила пена, она кричала и билась как одержимая.

— Ну что, доктор,—обратился к нему король,—что вы скажете о положении моей дочери?

— Положение тяжелое, но я отвечаю за нее, мой повелитель; доверьтесь мне и позвольте сделать то, что нужно.

— Если вы ее вылечите, я вас награжу так, как еще никогда не награждали ни одного врача.

— Пожалуйста, оставьте меня одного на несколько минут: у вас во дворе и в вашем саду мне нужно нарвать трав, необходимых для приготовления лекарства, которое спасет вашу дочь.

Тюркен прошел во двор замка и, делая вид, что собирает травы вокруг бассейна, схватил жабу, которая пряталась под камнем. Она была огромных размеров и весила восемнадцать с половиною фунтов. Он завернул ее в полу своей куртки, отправился с ней в сад и принес оттуда целую охапку всевозможных трав и цветов. Затем он попросил, чтобы его оставили на некоторое время одного в кухне, так как он должен приготовить лекарство. Прежде всего он выпустил из жабы кровь и собрал ее в особый сосуд. Кровь он смешал со стаканом старого красного вина, подогрел эту смесь и поднес принцессе со словами:

— Выпейте, принцесса, здесь ваше здоровье!

Принцесса отпила глоток, затем оттолкнула сосуд и воскликнула:

— Боже, какое оно противное!

Но минуту спустя она почувствовала, что ей стало лучше, и так как врач настаивал, чтобы она выпила еще, то она не возражала больше и залпом проглотила все до последней капли.

— Ах, как мне помогает это питье! — сказала она.

И действительно, она перестала кричать и корчиться, совсем успокоилась и тихо уснула.

А Тюркен снова пошел в кухню, чтобы приготовить другое лекарство, которым он должен был закончить лечение. Он разрубил жабу на мелкие кусочки, приготовил из них месиво и зажарил его, а вечером, когда принцесса проснулась, он заставил ее съесть третью часть жабьего мяса; другую треть она съела в полдень следующего дня, а последнюю — к заходу солнца. После этого она совсем выздоровела. Ее счастью и радости не было границ: она пела, танцевала, обнимала своего спасителя и не хотела с ним разлучаться, да и старый король не отставал от своей дочки.

Тюркена засыпали подарками и не хотели его отпускать. Принцесса в него влюбилась, а старый король решил отречься от престола в пользу своего будущего зятя. Тюркена так уговаривали, что в конце концов он обещал жениться на принцессе. Однако он попросил, чтобы сначала его отпустили на несколько дней на родину: ему, дескать, надо устроить некоторые дела и рассказать о своей удаче отцу и матери, которых он непременно захватит с собой на обратном пути. Король и принцесса боялись, что

он не вернется, и захотели сопровождать его. Тогда он убежал ночью, переодевшись нищим, и направился в Люксембург, куда обещал вернуться.

Теперь у него не было недостатка в деньгах. Поэтому, перейдя границу Испании, он в первом попавшемся городке сбросил с себя нищенскую одежду и превратился в богатого вельможу. Он без помех прибыл в Люксембург и остановился в лучшей гостинице. После ужина, беседуя с хозяином гостиницы, он осведомился у него о городских новостях.

— В городе только и разговору, что о замке из золота и серебра, выстроенном жителями Люксембурга,— да и действительно, он представляет собою чудо из чудес,— ответил хозяин гостиницы.

— Для кого же выстроен этот замок? — спросил Тюркен.

— Для того, кого жители Люксембурга считают своим спасителем, для человека, который дал нам в изобилии воду в тот миг, когда всем нам грозила смерть от жажды.

— Вот как! А кто же этот человек? Поселился ли он уже в своем замке?

— Нет, он еще не живет там, потому что он отправился путешествовать, и никто не знает куда; но его ждут со дня на день. Ах, если бы вы видели этот замок! Говорю вам, чудо из чудес. Стены сделаны из серебра, окна и двери из чистого золота, а в саду устроен фонтан и пруд, дно которого выложено серебряными плитами...

— И вы не знаете имени человека, которому предназначается такой великолепный замок?

— Нет, никто не знает его имени; он пришел в наш город только для того, чтобы спасти нас, а затем отправился в другую страну, чтобы и там совершить добрые дела, но он обещал скоро вернуться. Мы надеемся удержать его у нас, а для этого, как только он возвратится, женим его на дочери нашего префекта. Эта девица, несомненно, самое прелестное создание, какое существует под звездным небом.

— Вот как? — улыбаясь, сказал Тюркен, и отправился спать, так как время было позднее.

На другое утро он пошел гулять по городу. Он обрадовался, что родник, который он исторг из скалы, струился по-прежнему, чист и прозрачен. Затем он отправился к бедной сиротке, которая приютила его, в то время как начальствующие лица и богатые граждане так грубо его оттолкнули. В прекрасно одетом вельможе, который стоял перед ней, она не узнала умиравшего от голода, покрытого лохмотьями нищего, с которым разделила свой черный хлеб и свое убогое жилище. Она жила вместе с се-

строй; жили они бедно, но честно, добывая себе пропитание шитьем.

— Вы знаете меня? — спросил ее Тюркен.

Она подняла на него глаза и ответила:

— Нет, сударь, я не имею чести вас знать.

— Посмотрите-ка хорошенько.

Она снова посмотрела и сказала:

— Мне кажется, я вас никогда не видела.

— Разве вы не помните, что вы разделили однажды ваш хлеб и ваш кров с несчастным нищим, который умер бы с голоду без вашей помощи?

— Мне, сударь, не раз случалось делить свой хлеб с нищими.

— Тот, о котором я вам говорю, исторг родник чистой и прозрачной воды из скалы, которая находится посреди вашего города, и тем спас жителей Люксембурга, иначе они умерли бы от жажды!

— Ах, боже мой, да неужели же это вы?

Она посмотрела ему прямо в лицо и прибавила:

— Да, да, теперь я вас узнаю! Как я рада вас видеть! И как рады будут жители нашего города, когда узнают, что вы вернулись!

И она ему рассказала то, что он уже знал от хозяина гостиницы, — о прекрасном замке и о предполагаемой женитьбе его на дочери префекта.

Вскоре все узнали о приезде спасителя Люксембурга, и весь город пришел в движение. Префект, мэр, кюре и все начальствующие лица торжественно явились к нему в гостиницу, впереди шли музыканты. Префект произнес прекрасную речь и, передавая Тюркену ключи от замка, выстроенного для него благодарными жителями Люксембурга, предложил ему немедленно принять замок в свое владение. «Моя жена и дочь, столь же любезная, как и прекрасная, — добавил он, — обе ждут вас там, чтобы оказать вам должные почести».

Тюркен поблагодарил жителей Люксембурга за радушный прием и ответил префекту, что, раньше чем вступить во владение замком, он хотел бы обзавестись подругой, которая будет жить там вместе с ним, и что он намерен остановить свой выбор на одной из обитательниц Люксембурга. Поэтому он просит оповестить всех юных жительниц Люксембурга в возрасте от пятнадцати до двадцати лет, чтобы на следующий день они собрались на главной площади города, у источника близ скалы, и там он выберет себе жену.

Так как они считали, что Тюркен может взять в жены только девушку из самой лучшей и самой богатой семьи и что он выбе-

рет, без сомнения, дочь префекта, они пригласили только дочерей самых важных граждан города.

На другой день в назначенный час все эти девушки явились в указанное место, разряженные в пух и прах, одна прекраснее другой, и каждая была вполне уверена в своей победе.

Дочь префекта шла впереди всех, блистая драгоценностями, нарядная, как принцесса. Их всех выстроили в ряд вокруг площади, и Тюркен медленно проходил мимо них, как генерал, делающий смотр войскам. Он разглядывал всех, одну за другой, и не останавливался ни перед кем, что весьма не понравилось многим отцам и матерям, а в особенности префекту и его жене. Затем он сказал префекту, который следовал за ним:

— Не все девушки вашего города присутствуют здесь: пусть мне завтра покажут других.

На следующий день ему показали дочерей богатых граждан и купцов. Он произвел смотр и этим и, дойдя до последней, снова сказал префекту:

— Я не вижу здесь той, которая должна быть моей женой; надо мне показать остальных.

На третий день созвали молодых работниц всяких профессий, служанок и даже нищенок. Он не успел сделать и нескольких шагов, как заметил ту девушку, которая приютила его; он подошел к ней, взял за руку, вывел из рядов и, представляя жителям Люксембурга, сказал:

— Вот та, которую я выбрал в жены! Она меня хорошо приняла, когда меня все оттолкнули; она оказала мне гостеприимство и разделила со мной свой хлеб, и сегодня я хочу отблагодарить ее за это.

Велико было изумление граждан, а равным образом и разочарование некоторых отцов и матерей.

Свадьба была сыграна тотчас же, великолепная свадьба, и Тюркен поселился в замке с женой и свояченицей.

Прошло месяцев шесть, и Тюркен устроил большую охоту, на которую пригласил много народу. Охота происходила в том самом лесу, где он был покинут Кошенаром. Он сразу узнал дерево, на которое взобрался с намерением броситься вниз и сломать себе шею. Под этим деревом он теперь увидел несчастного бедняка в лохмотьях, тело которого было покрыто язвами. Видно было, что он давно уже ничего не ел и ему грозила голодная смерть. Тюркен сейчас же сошел с лошади, чтобы его исцелить, так как средство было тут же, под руками.

— У вас плохой вид, бедняга,— сказал он ему с состраданием.

— Вы правы, сударь, но это мне по заслугам.

— Как так?

— Ах, это все так печально!.. У меня был брат, и когда мы были молоды, мы оба ходили по домам и просили милостыню, потому что мы осиротели рано, а родители нам ничего не оставили. Так мы жили подаянием добрых людей, пока однажды мне не пришла в голову мысль, что если бы один из нас был слепец, то мы бы вызывали больше сострадания в людях и нам бы жилось гораздо лучше. И я выколол оба глаза моему несчастному брату, и после этого мы перешли в другие места. Действительно, с этого времени я ни в чем не терпел недостатка, ни в еде, ни в одежде, ни в деньгах. Когда, таким образом, у меня составилась кругленькая сумма, я пришел сюда с братом, сделал вид, что заблудился, и сказал ему, что придется заночевать в лесу. Мы легли под этим деревом, и, когда брат крепко уснул, я убежал, оставив его на произвол судьбы, одного, без хлеба и денег. Я не знаю что стало с моим бедным братом: его, наверно, растерзали дикие звери. Но за то бог наказал меня. Я без ума сорил деньгами и к тому же не хотел работать, вот и впал, как видите, в самую ужасную нужду. Я жестоко наказан, но признаю, что заслужил это. Вот я и пришел умереть под тем самым деревом, где оставил Тюркена.

Тюркен, тронутый до слез, воскликнул:

— Я твой брат! Неужели ты не узнаешь меня, Кошенар?— И он с волнением обнял его.— Успокойся, мой бедный брат; я от всего сердца прощаю тебя. Сначала я исцелю тебя, а затем мы отправимся в мой замок, и пока ты жив, ты ни в чем не будешь терпеть нужды, ибо мне повезло и теперь я богат.

Он кинжалом сделал надрез на стволе дерева, снял кусок коры и положил ее в карман.

Охота кончилась, и Кошенару подали лошадь, но так как он не мог держаться в седле, то брат посадил его за собой на свою лошадь, и они вместе направились в замок.

Все были изумлены и не могли понять, что это все означает. Когда они приехали в замок, Тюркен, несмотря на ужасный и отталкивающий вид Кошенара, привел его к своей жене и свояченице и сказал:

— Вот я вам представляю своего брата Кошенара.

Они вскрикнули от ужаса и отвернулись. Затем, обращаясь к свояченице, он спросил ее:

— Вы бы сделали мне большое удовольствие, свояченица, если бы согласились выйти замуж за моего брата Кошенара.

Свояченица сделала гримасу, но тем не менее ответила:

— Я охотно выйду за него замуж, зятюшка,— и для того, чтобы угодить вам, и потому, что он ваш брат.

Тогда Тюркен повел Кошенара в сад, на берег пруда, вымыл его и натер корой дерева; язвы исчезли, и он стал красивым муж-

чиной. Затем Тюркен дал ему свое платье, которое оказалось совсем впору, а потом снова привел его к свояченице и сказал:

— Вот ваш жених!

Увидя перед собой такого красавца, она уже не делала гримас!

Свадьбу сыграли сейчас же, не откладывая. Свадьба была роскошная, с пиршествами и играми, и оба брата с женами зажили в замке в мире и согласии.

Только одно мучило Кошенара и не давало ему покоя: каким образом его брат стал зрячим и каким образом он так разбогател?

Однажды он обратился к нему с вопросом:

— Мне очень хотелось бы знать, как к тебе вернулось зрение и каким образом ты так разбогател!

— Пустяки, мой брат, не тревожься и не думай больше об этом.

Несколько раз Кошенар обращался к нему с тем же вопросом, и каждый раз Тюркен выказывал недовольство и давал все тот же ответ. Но однажды, после особенно настоятельных просьб, он сказал:

— Хорошо, если ты так настаиваешь, то я скажу тебе... а между тем я чувствую, что для тебя было бы лучше никогда не знать этого.

И он рассказал ему, как, задумав покончить с собой, взобрался на дерево, под которым собрались трое зверей — лев, волк и вепрь, и от них узнал два секрета, которые положили начало его богатству. Самих секретов он, однако же, не открыл.

Кошенар завидовал Тюркену. Он лишился сна и, мечтая иметь свой собственный замок, в котором он был бы полным хозяином, решил провести ночь на том дереве в лесу, чтобы тоже узнать какой-нибудь секрет. Он ничего не сказал ни жене, ни брату и ушел под вечер тайком.

Придя в лес, он без труда отыскал дерево и взобрался на него. Около полуночи он услыхал рев, и вскоре появился лев. Минуту спустя он услыхал вой, и вслед за львом появился волк. Затем он услышал шаги какого-то животного, которое пробиралось через кустарник, все время похрюкивая: «Ох, ох!» — это был вепрь. Когда все трое животных,— а это были дьяволы,— собрались у ствола дерева, лев сказал:

— Ну-ка, что нового, товарищи? Хорошо ли у вас прошел день?

— Что касается меня, то я не могу жаловаться,— ответил волк.— Но надо быть осторожнее и не говорить так безрассудно. Вы хорошо знаете, как нам досталось за дело с жителями Люксембурга, которые умирали от жажды, и за историю с дочерью

испанского короля, и, вероятно, еще не забыли великого гнева нашего господина Вельзевула, когда он убедился, что от нас ускользнули жертвы, которые он уже считал своими. Надо посмотреть сначала, не скрывается ли кто-нибудь в кустах или где-нибудь поблизости.

И они обыскали кусты и никого не нашли. Но волк поднял кверху морду и увидел Кошенара, который скрывался среди листвы.

— А, вот он где, хитрец! — воскликнул он. — На этот раз он от нас не уйдет!

— Но как же его достать? — спросил вепрь.

— Нужно подрыть дерево, — сказал лев.

И они втроем принялись за работу. Они рыли землю и отбрасывали ее в сторону: вепрь действовал рылом, а двое других когтями, и таким образом они подрыли у дерева корни, и оно свалилось. Тогда все трое бросились на несчастного Кошенара и растерзали его.

Так как он не вернулся к ночи в замок и никому не сказал, куда ушел, в замке стали беспокоиться. Его искали повсюду, но нигде не находили.

Тогда у Тюркена явилось предчувствие, что с братом случилась беда. «Несчастный, наверно, отправился в лес, чтобы провести ночь на дереве», — подумал он.

Он побежал в лес и когда увидел упавшее дерево, землю, разрытую когтями животных, и разбросанные вокруг кости, — сразу понял, в чем дело. У него было доброе сердце, и он искренне оплакивал своего брата.

Дележ

РАЗ орел сказал ястребу и сороке:

— Давайте охотиться вместе.

И вот орел, ястреб и сорока отправились на охоту. До захода солнца они набили триста штук всякой дичи.

— А теперь давайте делить добычу,— сказал орел.— Сорока, раздели все поровну между нами тремя.

— Нет, орел, где уж мне! Дели сам или пусть этим займется ястреб.

— Что ж, я с удовольствием,— сказал ястреб.

Он разложил всю дичь на три кучи, настолько одинаковые, что было все равно, какую взять.

— Ястреб,— спросил орел,— где же моя часть?

— Орел, бери любую из трех.

— Ястреб, ты глуп. Я тебя научу, как надо делить!

И одним ударом клюва орел убил ястреба. Потом сказал сороке:

— А теперь, сорока, давай делить добычу между нами двумя. Раздели-ка все поровну на две части.

— Нет, орел, разделим на три части. Одна тебе за то, что у тебя такой клюв, а другие две — тоже тебе, за то, что у тебя такие когти.

— Сорока, никто не умеет делить лучше тебя. А себе за труды возьми вот эту маленькую тощую синицу, жесткую, как дерево.

Сказка про дядюшку Злосчастье и его собаку Нищету

АВНЫМ-ДАВНО на перекрестке двух дорог жил бедный кузнец. День за днем он кое-как перебивался на те несколько су, которые зарабатывал, подковывая лошадей, мулов и ослов у проезжих господ. Он так бедствовал, что его даже и звали – дядюшка Злосчастье. Собаке, делившей с кузнецом все невзгоды, дали кличку Нищета. Как и подобает всем несчастным, они жили душа в душу и везде появлялись вместе: или Нищета бежала вслед за Злосчастьем, или дядюшка Злосчастье шел вслед за Нищетой.

Так они жили-поживали, пока однажды на рассвете в их дверь не постучались господь бог и святой Петр. Нищета залаяла, дядюшка Злосчастье проснулся и, ворча, открыл дверь ранним путникам.

Святой Петр сказал:

— Дядюшка Злосчастье, вот стоит мой хозяин. Он хочет, чтобы ты подковал его осла. Долгое это дело?

— Вы пришли в ранний час, господа мои, но это не беда. С виду вы хоть и бедняки, но люди честные, и я рад вам услужить. Я быстро справлюсь.

Дядюшка Злосчастье раздул огонь, подбросил углей и в каких-нибудь полчаса подковал осла.

— Вот и готово, господа мои.

— Хорошо,— сказал господь бог,— сколько тебе заплатить?

— Не обижайтесь, но ведь я уже сказал, что, судя по всему, вы люди нищие; поэтому я с вас ничего не возьму.

— Ничего? Это слишком мало.

— Нет уж, я приму только ваше благословение.

— В таком случае я вознагражу тебя иначе. Я — господь бог, а мой слуга — святой Петр. Я исполню три твоих желания. Скажи мне, чего ты хочешь.

Дядюшка Злосчастье почесал сперва в затылке, потом за ухом, раздумывая, чего бы ему попросить у господа бога.

— Попроси, чтобы он оставил тебе местечко в раю,— подсказал святой Петр.

— Погоди... погоди... Вот что: я хочу, чтобы тот, кто сядет в это кресло, не мог встать с него без моего позволения.

— Нетрудная просьба. Согласен. Назови второе твое желание.

— Проси место в раю,— шепнул святой Петр.

Дядюшка Злосчастье снова почесал в затылке и за ухом.

— Второе мое желание такое: я хочу, чтобы тот, кто заберется на это дерево, не мог слезть с него без моего позволения.

— Тоже легко исполнить. Согласен. Твое последнее желание?

— Не забудь же о рае, болван! — воскликнул святой привратник рая.

Но кузнец, не обращая на него внимания, продолжал:

— А вот мое последнее желание: я хочу, чтобы то, что попадет в этот кошелек, не могло выйти из него без моего позволения.

— Немного же тебе нужно для счастья. Я исполню все твои просьбы. Употреби мои дары разумно, и до свидания.

— До свидания, до свидания, господин бог.

— Ты еще раскаешься, остолоп несчастный,— пробормотал святой Петр.

Господь бог взобрался на осла, святой Петр взялся за повод, и они удалились.

С этого дня проезжие люди словно нарочно почти перестали появляться на перекрестке, и скоро дядюшка Злосчастье увидел, что ему и его собаке Нищете, от которой остались только кожа да кости, не миновать голодной смерти.

Дьявол пронюхал про это, и вот однажды он постучался к кузнецу.

— Дядюшка Злосчастье, я знаю, что ты уже три дня ничего не ел, и кошелек с деньгами пришелся бы тебе очень кстати. Могу предложить тебе десять тысяч экю, но с одним условием.

— Чтобы я за них отдал тебе душу?

— Правильно. Чтобы ты через десять лет отдал мне душу, если к этому времени у тебя не будет денег для расплаты со мной.

— Что ж, решено. Где деньги?

— Вот они. А ты клянешься?

— Клянусь,— сказал дядюшка Злосчастье, у которого было кое-что на уме.

Дьявол, очень довольный, вытащил из кармана десять тысяч экю и отдал их кузнецу.

— Ха-ха-ха!— смеялся, уходя, дьявол.

— Ха-ха-ха!— смеялся дядюшка Злосчастье.

Десять лет жил он в свое удовольствие, вкусно ел, много пил, угощал друзей, коротко говоря — чаще заглядывал в кабак, чем в церковь. Никогда еще Нищета не ела так сытно.

Ровно через десять лет дьявол явился на перекресток двух дорог, чтобы забрать дядюшку Злосчастье в ад. К великому удивлению злого духа кузнец был очень весел и вприпрыжку бегал вокруг кузницы, а за ним носилась Нищета и лаяла как сумасшедшая.

— Ну и ну! Дядюшка Злосчастье, ты как будто веселишься вовсю?

— А почему бы мне не веселиться?

— Значит, у тебя есть десять тысяч экю для меня?

— Десять тысяч экю? Вы шутите, господин дьявол! У меня и сотни не наберется. Но раз вы пришли за мной, я готов идти с вами хоть в преисподнюю. Присядьте-ка сюда в кресло, а я тотчас соберусь.

Дьявол сел в кресло. Не прошло и минуты, как кузнец сказал:

— Ну, идемте же, господин дьявол. Я готов.

Дьявол попробовал встать, но не смог. Как он ни старался, у него ничего не выходило.

Дядюшка Злосчастье, не торопясь, выбрал железную палку потолще и принялся изо всех сил молотить по голове, по плечам, по спине бедного дьявола, который так выл, кричал и ругался, что дом дрожал.

Под конец, видя, что с проклятого кресла ему не встать, злой дух стал просить кузнеца отпустить его.

— А ты освободишь меня от долга? Разорвешь договор?

— Да, да, только, пожалуйста, отпусти меня!

— Поклянись.

— Клянусь.

— Тогда можешь встать.

Весь в синяках, дьявол удрал через печную трубу, издавая страшные стоны.

Через год дьявол узнал, что у кузнеца опять нет денег. Он снова явился и дал ему двадцать тысяч экю на тех же условиях, что и в прошлый раз, твердо решив не садиться в кресло, когда наступит срок платежа.

Дядюшка Злосчастье принялся за прежние развлечения и ровно через десять лет увидел у себя дьявола с десятью дьяволятами.

— Ну как, дядюшка Злосчастье? Готов ты идти со мной?

— Да что поделаешь, идемте, я готов! Вот только чуть не забыл: у меня на этом дереве много вкусных орехов, я хотел бы прихватить их с собою в ад.

— За этим дело не станет,— сказал злой дух.— Мы наберем их тебе,— так оно будет быстрее.

И в одну минуту дьявол с дьяволятами взобрались на дерево. Набрав орехов, они хотели спуститься, но не смогли. Дядюшка Злосчастье сбегал в кузницу и вернулся с длинным, острым-преострым железным прутом. Он так колол дьявола и дьяволят, что их вопли могли бы разбудить мертвеца.

— Смилуйся, смилуйся!— выли они.

А дядюшка Злосчастье продолжал их колоть.

— Смилуйся!— взмолился наконец дьявол.— Я согласен отказаться от долга и оставить тебя в покое, только позволь нам вернуться в ад.

— Клянешься в этом?

— Клянусь.

И дядюшка Злосчастье отпустил дьявола и дьяволят.

Не прошло и года, как дьявол снова вернулся и предложил кузнецу тридцать тысяч экю, все на тех же условиях. Тот взял деньги и был доволен не меньше самого дьявола, который решил, что теперь-то он поймал кузнеца.

Через десять лет дьявол пришел за ним. Дядюшка Злосчастье поджидал его, сидя на пороге дома и покуривая трубку. Увидев злого духа, он начал смеяться.

— Здравствуй, дядюшка Злосчастье. Над чем ты так смеешься и что это у тебя за кошелек в руках?

— Здравствуй, дьявол! Я потому смеялся, что вспомнил одного старого болтуна, который недавно сказал мне, будто ты можешь сделаться таким маленьким, что даже в кошельке поместишься.

— Вот уж действительно трудное дело! Открой кошелек и увидишь.

И дьявол сразу съежился. Кузнец схватил его и сунул в кошелек.

— Видишь,— сказал дьявол,— каким маленьким я могу стать, если захочу.

— Очень хорошо. А вылезть из моего кошелька ты можешь?

Дьявол попробовал, но не смог. Тогда он понял, что еще раз попался в ловушку к кузнецу.

— Ну, а теперь, господин дьявол, держись. Я проучу тебя.

Кузнец положил кошелек на наковальню, и удары молота, словно град, посыпались на бедного дьявола, который кричал и выл, как полоумный.

— Смилуйся, смилуйся, я больше никогда не приду! Клянусь тебе в этом! У меня все кости переломаны. Отпусти, отпусти меня!

Устав бить, дядюшка Злосчастье позволил дьяволу вылезти из кошелька и до конца своей жизни больше не видал его.

Умер он очень старым. В тот же день издохла его собака, и вот Злосчастье с Нищетой друг за дружкой побрели по дороге, которая вела в рай.

Они дошли до красивого дворца. Дядюшка Злосчастье понял, что это и есть рай, и постучался.

— Кто там? — спросил изнутри чей-то голос. Дверь приоткрылась, и высунулась голова святого Петра.

— А, это ты, Злосчастье? Проходи-ка дальше. Ты не хотел просить о рае, как я тебе советовал, тем хуже для тебя.

Как ни просил, как ни умолял дядюшка Злосчастье, дверь захлопнулась.

— Пойдем, Нищета, может, нам больше посчастливится в том большом кирпичном доме, который виден отсюда.

Нищета побежала вперед, дядюшка Злосчастье пошел за нею.

Подошли к двери чистилища.

«Тук, тук, тук».

Дверь открыл ангел.

— Кто ты такой?

— Я дядюшка Злосчастье и хотел бы получить здесь местечко.

— А в раю ты уже был?

— Я только что оттуда, но святой Петр не захотел меня принять.

— Погоди минутку. Я посмотрю, записано ли в моей большой книге твое имя.

Ангел листал, листал книгу, но ничего не нашел.

— Бедный дядюшка Злосчастье, придется тебе просить место в аду. По этой дороге первый поворот налево.

Дверь захлопнулась, и дядюшка Злосчастье уныло побрел к дверям ада.

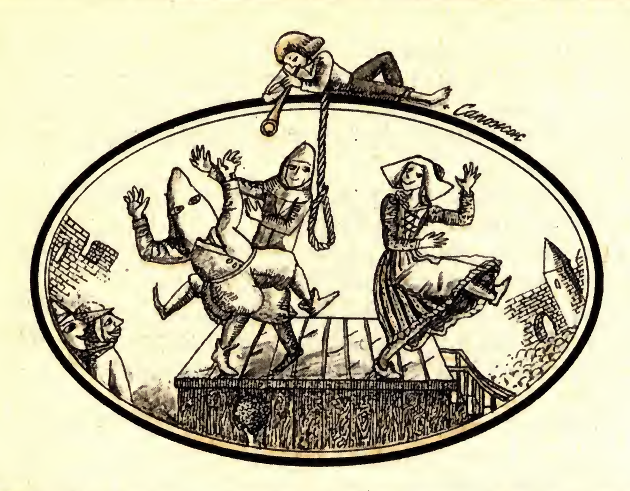
Открыл сам дьявол. Узнав дядюшку Злосчастье, он закричал:

— А, это снова ты? Проваливай-ка отсюда поскорее! Чего доброго, ты и здесь возьмешься за свои шуточки, а мне они не по вкусу. Скатертью дорога!

Изгнанный из рая, чистилища и ада, дядюшка Злосчастье вернулся на землю и живет там по сей день.

Многие встречали дядюшку Злосчастье с его собакой Нищетой, и многим он еще повстречается.

Сказка про мальчика с сапожок

ЖИЛИ когда-то на свете муж и жена. Они были женаты уже пятнадцать лет, но детей у них не было. Муж и жена постоянно твердили:

— Боже, дай нам сына, мы ничего больше не просим, только одного сына, хотя бы он был не выше сапога.

И в конце концов бог дал им то, чего они просили. Через пятнадцать лет и девять месяцев жена родила мальчика длиною в пол-аршина, и он ни на вершок не вырос больше. Поэтому родители называли его Сапожок.

Пришло время Сапожку зарабатывать кусок хлеба. Не было мальчика умнее и проворней его, но ни один хозяин не хотел брать в работники такого коротышку. Наконец Сапожка нанял пасти коров один фермер, злой как черт и скупой как ростовщик. Черствый хлеб да постный суп, вместо постели — солома, частые побои и ни гроша жалованья — вот что получал за работу бедный пастушок.

Но он все же был полон надежд и думал про себя:

«Терпение! После дождика выглянет солнце».

Раз Сапожок стерег коров, лежа под ивой на берегу реки Жер. На другом берегу реки он увидел старуху ростом вдвое меньше его самого, черную как сажа, древнюю как дорога.

— Пастух,— крикнула старушонка,— поди сюда и перенеси меня через реку.

— Охотно, бабушка.

Сапожок разделся. К счастью, дело было осенью, после жат-

вы. Река так обмелела, что даже коротышке пастуху вода была по пояс.

— Ну, вот вы и на этом берегу, бабушка.

— Спасибо, пастух. Долг платежом красен — вот тебе дудка, не расставайся с ней ни днем, ни ночью. Стоит тебе только приложить ее к губам, и все, кто услышит ее, люди и звери, запляшут против воли и будут плясать до тех пор, пока ты не перестанешь играть.

— Спасибо, бабушка.

Старушонка ушла, а Сапожок приложил к губам дудку и заиграл. В тот же миг быки, коровы, телята пустились в пляс и скакали до тех пор, пока пастух не перестал играть.

Вскоре проходил мимо мировой судья, человек горячий и злой как сто чертей в аду. Когда он поравнялся с зарослями терновника и колючей ежевики, пастух снял шапку.

— Здравствуйте, господин мировой судья.

Судья прошел мимо и ничего не ответил, даже не дотронулся до шляпы.

— Господин судья, я с вами вежливо здороваюсь. Вы могли бы ответить тем же.

Судья взмахнул палкой.

Тогда Сапожок поднес к губам свою дудочку. И в тот же миг судье волей-неволей пришлось пуститься в пляс. Он танцевал, танцевал в густой чаще черного терновника и ежевики, рвавших его платье и тело, танцевал до тех пор, пока крошка пастух не перестал дуть в свою дудку.

Сапожок со стадом вернулся на мызу. В этот день хозяин и его семья пировали на славу: к обеду был суп с капустой, гусиные лапки, жареная индейка, сыр и доброе вино.

— Хозяин, не дадите ли вы и мне попробовать этих вкусных вещей?

— Ишь какой лакомка! Проваливай! Для тебя и заплесневелые корки слишком хороши. Убирайся прочь, не то я тебе задам трепку!

Тогда Сапожок заиграл на дудочке. Тотчас хозяин и его семья против воли пустились в пляс. Они плясали, плясали среди опрокинутых скамей и стульев, среди разбитых тарелок, блюд и бутылок, которые в кровь ранили им ноги. Плясали да плясали, пока малыш не перестал играть.

После этого Сапожок воротился к родителям, а мировой судья и фермер подали на него в суд.

И вот три дня спустя пастуха приговорили к повешению.

Когда судьи в красных мантиях, священник, палач и его помощники вели Сапожка на виселицу, он поглядывал на мирового судью и фермера, стоящих в толпе, и помирал со смеху.

Палач надел петлю на шею Сапожка.

Но Сапожок поднес к губам свою дудочку. И тотчас же судьи в красных мантиях, священник, палач, его помощники — все против воли пустились в пляс. Они скакали выше виселицы, рискуя сломать себе шею всякий раз, когда падали на землю. Они плясали, пока коротышке пастуху не заблагорассудилось прекратить игру.

— Ну, что, добрые люди, вы все-таки хотите меня повесить?

— Нет, Сапожок, ступай себе, куда хочешь. Тебя никто не тронет.

— Добрые люди, мне этого мало. Я хочу, чтобы мировой судья и мой хозяин были сейчас же повешены!

— Сапожок, это не в нашей власти.

Тогда Сапожок взялся за дудку, и судьям в красном, священнику, палачу, его помощникам опять пришлось пуститься в пляс. Они плясали, прыгали выше виселицы, падали на землю и чуть не переломали себе руки и ноги.

Плясали до тех пор, пока Сапожок не перестал играть.

— Добрые люди, я хочу, чтобы мировой судья и мой хозяин были повешены без всякой жалости. Ну, как, это все еще не в вашей власти?

— Хорошо, Сапожок, мы согласны. Палач, делай свое дело.

Палач и его помощники вздернули на виселицу судью и фермера.

— А теперь, добрые люди, за то, что вы меня так обидели, отсчитайте мне по тысяче пистолей каждый.

— Сапожок, это нам не по карману.

Тогда Сапожок поднес к губам дудку. И судьи, священник, палач, его помощники — все пустились в пляс. Они плясали, прыгали выше виселицы, рискуя сломать себе шею всякий раз, как падали обратно на землю. Плясали, пока малыш не перестал играть.

— Добрые люди, за нанесенную мне обиду отсчитайте мне по сто пистолей каждый. А это вам по карману?

— Да, Сапожок. Но у нас нет при себе денег.

— Так пошлите кого-нибудь за ними. А не то смотрите, как бы дудка не заиграла опять!

Сказано — сделано. После этого Сапожок, нагруженный золотом, воротился к отцу с матерью, и они жили долго и счастливо.

Сын дьявола

КОГДА-ТО один богач отправился на ярмарку. Дорогой ему повстречался красиво одетый господин. Это был сам дьявол.

— Что-то вы печальны,— сказал дьявол богачу.

— О чем мне печалиться? — ответил богач.— Ведь у меня есть все, что мне нужно.

— Это верно, но если бы у вас были дети, вы были бы во много раз счастливее.

— И это правда,— сказал богач.

— Так вот,— продолжал дьявол,— ровно через девять месяцев, день в день, у вас родится двое детей, если только вы обещаете одного из них отдать мне.

— Обещаю,— сказал богач.

Спустя девять месяцев, день в день, жена богача родила двух мальчиков, Жана и Жака. В скором времени дьявол пришел и забрал одного из них — Жака. Он увел его к себе и вырастил словно собственного сына. Мальчик стал большим и сильным, в тринадцать лет у него была борода как у сапера.

Дьявол держал прядильню. Как-то раз он сказал Жаку:

— Мне нужно уйти, в мое отсутствие ты присмотришь за пряхами. Гляди хорошенько, чтобы они исправно работали.

— Хорошо, отец.

Присматривая за пряхами, Жак решил заодно побриться. Занимаясь этим делом, он увидел в зеркальце, что одна из прях за его спиной строит ему рожи. Он дал ей подзатыльник, и тотчас все пряхи,— а было их двадцать пять,— разом испустили дух.

Вскоре дьявол вернулся домой.

— Где пряхи? — спросил он. — Исправно ли работали?

— Они все улеглись — подите поглядите.

Дьявол попробовал было их растолкать; убедившись, что они мертвы, он стал корить сына.

— Не вздумай учинить это в другой раз, — сказал он ему.

— Хорошо, отец, больше не буду.

Дьявол привел двадцать пять женщин взамен тех, которые умерли, и потом сказал сыну:

— Мне надо отлучиться; смотри, чтобы пряхи не теряли времени даром.

— Хорошо, отец.

Пока дьявола не было дома, одна из прях снова чем-то досадила парню. Он отпустил ей затрещину, и все двадцать пять женщин разом упали мертвыми.

Когда после этого Жак вышел погулять в сад, он увидел красивую даму в белом. Она подозвала его и сказала:

— Дружок, ты в недобром доме.

— Как, — воскликнул парень, — неужели дом моего отца недобрый?

— Ты не у отца живешь, — продолжала дама, — а у дьявола. Настоящий твой отец — один богач, он живет далеко отсюда. Однажды, когда он шел на ярмарку, навстречу ему попался дьявол, который сказал ему, что он о чем-то печалится. Твой отец ответил, что ему не о чем печалиться, но дьявол все не унимался и сказал: «Если бы у вас были дети, вы были бы во много раз счастливее. Так вот, через девять месяцев, день в день, у вас родятся двое детей, если только вы обещаете одного из них отдать мне». Твой отец согласился, и дьявол забрал тебя к себе. А теперь, дружок, постарайся уйти отсюда как можно скорее. Но прежде поищи у дьявола под подушкой. Там ты найдешь старые черные штаны, захвати их с собой. Чем больше денег ты вынешь из кармана этих штанов, тем больше денег там останется.

Жак сказал даме, что последует ее совету, и вернулся в дом.

А дьявол по возвращении увидел, что все женщины опять мертвы. Он сильно разгневался.

— Если ты еще раз проделаешь это, — сказал он, — я тебя выгоню из дому.

А Жаку только того и нужно было. Поэтому, как только дьявол снова поручил ему присмотреть за пряхами, он одним махом умертвил их всех. На этот раз дьявол его прогнал.

Жак забрал черные штаны и прямиком пошел к своим родителям. Сначала его там не узнали, но он все-таки походил на своего брата, и с ним вскоре стали обращаться как с родным сыном.

Однако отцу не пришлось долго радоваться, что у него в доме объявился такой силач.

Родители Жака, хотя и были богаты, все же сами ходили за плугом; поэтому брат однажды взял его с собой в поле. Пока они пахали, одна из лошадей заупрямилась.

— Хлестни-ка ее кнутом,— крикнул Жан.

Жак так хватил лошадь кнутом, что раскроил ее надвое. Жан побежал домой рассказать отцу, что случилось.

— Ничего не поделаешь!— сказал отец.— Оставь его в покое, не то он всех нас убьет.

Скоро силач вернулся домой. Плуг он нес на плечах, а в каждом кармане у него было по пол-лошади: он кнутовищем вспахал все поле.

— Отец,— сказал он,— я хлестнул лошадь кнутом, а она развалилась пополам.

— Ничего, сынок, купим другую.

Немного времени спустя в соседней деревне справляли праздник. Брат предложил пойти туда. Жак согласился. Жан шел впереди со своей невестой, а Жак позади. Они дошли до площади, где крестьяне танцевали. Жак, ни слова не говоря, смотрел на танцующих, пока кому-то из них не вздумалось потехи ради подставить ему ножку.

— Берегись,— сказал шутнику Жан,— он одним щелчком может тебя уложить на месте.

— Не боюсь я ни тебя, ни твоего брата,— ответил тот и повторил свою шутку.

Тогда силач велел брату и его невесте отойти в сторону, поближе к музыкантам, а сам так ударил озорника, что все танцующие разом упали мертвыми. Жан опрометью убежал, позабыв о невесте, а Жак отвел девушку к ее родителям. Дойдя до их дома, он спросил ее:

— Вы здесь живете?

— Да,— ответила девушка.

— Вот и хорошо! Ступайте домой.

Он ее оставил и пошел восвояси.

Дома Жан уже рассказал все, что произошло.

— Придут жандармы,— говорил он,— нашу семью ославят по всей округе.

А силач, придя домой, запер все двери на крюки и засовы и сказал родителям:

— Если жандармы придут за мной, скажите, что меня нет дома.

И в самом деле, около часу ночи пришли двадцать пять жандармов; им открыли гумно и всех их впустили туда. Как только силач их увидел, он взял вилы и хватил ими того, кто шел впере-

ди всех,— двадцать четыре жандарма тотчас упали мертвыми, а двадцать пятый убежал со всех ног, чтобы известить начальство. Однако дело на том и остановилось.

На другой день вербовщики с барабанным боем прошли по деревне: они объявили, что все записавшиеся в солдаты будут получать щедрую плату. Жак сказал родителям:

— Мне охота пойти служить.

— Сынок,— молвил отец,— мы достаточно богаты, чтобы тебя прокормить, не нужно тебе это.

— Отец,— сказал сын,— я сам вижу, что и впредь буду вам причинять одни только неприятности: уж лучше я уйду из дому.— И вот он ушел и поступил на военную службу.

Как-то раз полковник дал Жаку и еще двум солдатам записку, по которой нужно было получить говядину,— они должны были принести по пятнадцать фунтов каждый. Все трое пошли к мяснику, и тот отпустил им говядину.

— Как,— сказал Жак,— это все? Да я один съел бы эту порцию. Живо зарежьте нам трех быков!

— На это, дружище, нужны деньги.

Тогда Жак сунул руку в карман черных штанов, а так как считать он не умел, то стал полными пригоршнями кидать деньги на прилавок. Мясник собрал деньги и зарезал трех быков.

— Теперь,— сказал силач товарищам,— мы понесем каждый по быку.

При этих словах солдаты переглянулись.

— Если вам это трудно,— сказал силач,— я и без вас обойдусь.— Он попросил у мясника веревку, обвязал ею всех трех быков и взвалил их себе на плечи. На улице все прохожие останавливались и смотрели на него с изумлением. Полковник тоже не верил своим глазам. На другой день Жака послали за вином, он принес три бочонка сразу: обвязал их веревкой и взвалил себе на спину.

Все это пришлось не по вкусу полковнику,— он рад был бы избавиться от такого силача солдата. Чтобы отбить у него охоту к военной службе, он послал его в чистое поле караулить пушку, такую тяжелую, что тридцать лошадей не в силах были сдвинуть ее с места, и велел ему всю ночь напролет стоять на часах. Парню это занятие скоро прискучило, он лег на землю и заснул. Через час он проснулся, взвалил пушку себе на спину и отнес ее во двор дома, где жил полковник. Двор был мощеный. Когда он поставил пушку наземь, она пробила мостовую. Юноша закричал:

— Полковник, вот ваша пушка! Теперь вам уж нечего бояться, что ее украдут.

Жака записали в солдаты на восемь лет; но он был простак и думал, что ему нужно прослужить только восемь дней. Когда восемь дней миновали, он пошел к полковнику и спросил, не кончился ли уже срок его службы.

— Да, почтенный,— сказал полковник,— ты уже отслужил свой срок.

Получив такой ответ, Жак распрощался с полком и пошел наниматься к одному крестьянину. Дома была только хозяйка; юноша спросил ее, не нужен ли им работник. Она ответила:

— Муж как раз ушел искать работника, подожди, пока он придет.

Немного погодя крестьянин вернулся; ему никого не удалось найти, и парень сказал, что готов остаться у них в услужении: жалованья ему, мол, не нужно, а пусть, когда он отслужит год, хозяева дадут ему столько зерна, сколько он в силах будет взвалить себе на спину. Крестьянин посоветовался с женой.

— Спору нет,— говорили они между собой,— парень рослый, дюжий, но больше пятнадцати буассо ему ведь никак не унести.

Ударили по рукам. Крестьянин показал ему свои поля и велел их вспахать. В плуг были запряжены две тощие лошаденки. Боясь, как бы даже легкий удар кнута не рассек их пополам, силач расстелил на землю свою куртку, положил на нее обеих лошадей, а сам впрягся в плуг. Жена крестьянина выглянула в окно и сказала мужу:

— Погляди-ка, новый работник сам на себе пашет. Нам не под силу будет его оплатить: все наше зерно уйдет на то, чтобы с ним рассчитаться. Как бы только от него отделаться!

Жак кончил пахать, сунул в каждый карман по лошади и вернулся домой. Хозяин и хозяйка притворились, будто очень ему рады.

— Почему ты не пришел обедать?—спросили они его.

— Я хотел сначала кончить работу,— отвечал парень.— Все ваши поля распаханы.

— Ладно,— сказал крестьянин,— остаток дня можешь отдыхать.

Силач сел ужинать; он охотно съел бы один все, что подали на стол, но ему пришлось довольствоваться своей долей.

На другой день хозяин, решив его погубить, велел ему свезти зерно на одну мельницу, откуда никогда еще никто не возвращался. Жак отправился в путь, весело посвистывая. Придя на мельницу, он увидел двенадцать дьяволов, которые пустились наутек, как только он приблизился.

— Ладно,— сказал он,— придется, видно, мне самому молоть зерно.

Он стал звать дьяволов, но чем громче он их звал, тем быстрее они бежали. Он принялся сам молоть зерно, а когда справился с этим делом, велел хозяйской лошади, которую привел с собой, воротиться восвояси. Увидя лошадь одну, без работника, хозяйка обрадовалась было: она подумала, что парень уже не появится больше. Но он вскоре вернулся, волоча за собой мельницу и мельничный ручей. Притащив их к хозяйскому дому, он сказал:

— Теперь мне будет удобнее, не придется так далеко ходить на помол.

— Господи боже,— сказали хозяин и хозяйка,— какой ты силач!

Они делали вид, что очень довольны, а на самом деле очень досадовали.

Как-то раз хозяин сказал Жаку:

— Мне нужны камни — сходи за ними вон туда, в каменоломню.

Силач взял кирку и все нужное для обтески камня и спустился в каменоломню, а была она глубиной в добрых сто футов; никто не отваживался туда спускаться, потому что со стен все время обваливались увесистые камни. Он принялся откалывать огромные глыбы и со всего размаху кидал из через плечо, да так далеко, что они падали на дома и пробивали крыши. Вскоре прибежал хозяин и стал кричать:

— Довольно! Довольно! Поостерегись! Ведь глыбы, которые ты кидаешь, разрушают дома.

— Ну, вот еще,— сказал простак,— эти-то камешки!

Не зная, что ему делать, крестьянин послал Жака с письмом к своему брату, служившему тюремщиком, и велел ему дождаться ответа. Прочтя письмо, тюремщик заковал Жака в цепи и запер его в тюрьму, а тот не сопротивлялся, думая, что таков в этом краю обычай и что здесь-то люди и ждут ответа.

Но наконец ему прискучило ждать: он разорвал цепи, потянулся хорошенько и так ударил в дверь ногой, что дверь взлетела на крышу. После этого он пошел к тюремщику и спросил:

— Ну как? Где же ответ?

— Верно,— сказал тюремщик,— я было совсем запамятовал. Подожди минутку.

Тюремщик написал брату, чтобы тот отделался от силача как сумеет, а сам он за это не берется. Жак положил письмо в карман и отправился в путь, но, спохватившись, забрал с собой тюрьму с тюремщиком вместе и поставил ее возле хозяйского дома.

— Теперь,— сказал хозяину парень,— вы сможете часто видеться с братом.— И прибавил: — А не отслужил ли я уже год?

— Так оно и есть,— ответил хозяин,— год как раз кончился.

— Тогда дайте мне зерна, сколько я себе выговорил.

При этих словах муж и жена начали плакать и причитать.

— Вовек,— говорили они,— нам не раздобыть столько зерна, сколько тебе нужно, собери мы все запасы, какие есть в деревне.

Силач сначала прикинулся, что требует уплаты, но наконец сказал, что не хочет их обидеть, и, пошарив в кармане черных штанов, даже дал им денег.

Уйдя от крестьянина, он пошел куда глаза глядят и дошел до берега моря; там он сел на первый попавшийся корабль. Но один из матросов, узнав, что у него есть штаны, в карманах которых не переводятся деньги, зарезал его, когда он спал, и похитил штаны. Матроса я нынче видал, он в этих самых штанах гулял.

Сказка о девяти братьях-барашках и их сестре

ИЛИ когда-то девять братьев и их сестра — круглые сироты. Они были богаты и жили в старом замке посреди леса. Когда сеньор, их отец, умер, то сестра, по имени Левенес, самая старшая из всех, взяла хозяйство в свои руки. Братья обо всем с ней советовались и слушались ее, как если бы она была им матерью. Они часто отправлялись на охоту в соседний лес, где водилось много всякой дичи.

Однажды, преследуя косулю, они вдруг очутились у шалаша, сделанного из веток и комьев земли. Они этого шалаша раньше не видали. Им очень захотелось узнать, кто там живет, поэтому они вошли туда под предлогом, будто их мучит жажда и они охотно попили бы водицы. В шалаше они увидели старуху, у которой зубы были такие же длинные, как руки, а язык девять раз обвивался вокруг туловища.

Они ужасно перепугались и хотели было убежать, но старуха сказала им:

— Чего вы хотите, детки? Подойдите поближе, не надо меня бояться: я очень люблю детей, особенно когда они такие милые и умненькие, как вы.

— Нам хочется пить, бабушка; не дадите ли вы нам водицы? — сказал самый старший, которого звали Гульвен.

— Хорошо, детки, я угощу вас чистой студеной водой, я ее нынче утром принесла со своего родника. Да подойдите же, не бойтесь, милые мои крошки.

Старуха дала им воды в деревянной мисочке, и пока они пили, она их ласкала, перебирая длинными своими руками их золо-

тистые кудрявые волосы; когда же дети стали собираться в путь, она им сказала:

— Теперь, дети мои, надо расплатиться за ту маленькую услугу, которую я вам оказала.

— У нас нет при себе денег, бабушка,— ответили дети,— но мы попросим сестру дать нам сколько нужно и завтра принесем их вам.

— О, я в деньгах не нуждаюсь, детки, я хочу только, чтобы один из вас — хотя бы самый старший, остальные очень уж малы — женился на мне.

И, обратясь к Гульвену, старуха спросила:

— Хочешь взять меня в жены, Гульвен?

Бедный мальчик не знал, что ответить на такой странный вопрос.

— Да отвечай же! Хочешь, чтобы я была милой твоей женушкой? — еще раз спросила страшная старуха, целуя его.

— Не знаю,— отвечал Гульвен, совсем опешив.— Я спрошу сестру.

— Хорошо! Завтра утром я сама приду в замок за ответом.

Несчастные дети вернулись домой опечаленные, дрожа от испуга, и рассказали сестре все, что с ними случилось.

— Неужели, сестрица, мне надо жениться на этой страшной старухе? — плача, спросил Гульвен.

— Нет, братец, ты на ней не женишься,— ответила Левенес.— Я знаю, нам всем придется немало от нее пострадать, но мы вытерпим все, что бы ни случилось, и не оставим тебя.

На другой день волшебница, как она и обещала накануне, пришла в замок. Она нашла Левенес со всеми братьями в саду.

— Вы, наверно, знаете, зачем я пришла? — сказала старуха.

— Да, братец мне все рассказал,— ответила девушка.

— И вы согласны, чтобы я стала вашей невесткой?

— Нет, это невозможно.

— Как так невозможно? Да разве вы не знаете, кто я и какова моя власть?

— Я знаю, что вы можете причинить мне и моим братьям много зла, но вы никогда не заставите меня согласиться на то, о чем вы просите.

— Подумайте хорошенько и поскорее, пока не поздно, откажитесь от вашего безрассудного решения, не то горе вам! — в ярости вскричала волшебница, и глаза у нее запылали, словно раскаленные уголья.

Девять братьев задрожали от ужаса, но Левенес спокойно и твердо ответила на угрозы старухи:

— Я обо всем подумала. И как я сказала, так оно и останется.

Тогда старуха, разъярившись, протянула к за̀мку палочку, которую держала в руках, произнесла заклинание, и замок со страшным гулом рухнул. От него камня на камне не осталось. Потом старуха направила волшебную палочку на девятерых братьев, которые в ужасе пытались спрятаться за сестру, произнесла свое заклинание, и все девять братьев тотчас превратились в белых барашков. После этого она сказала Левенес:

— А теперь можешь пасти своих барашков на пустоши и смотри никому не проговорись о том, что эти барашки твои братья, не то с тобой случится то же, что с ними.

Затем старуха ушла, злобно хохоча.

Прекрасные сады, окружавшие замок, и дремучий лес по соседству с ним в один миг превратились в обширную, унылую, бесплодную пустошь.

Оставшись одна-одинешенька с девятью своими белыми барашками, бедняжка Левенес пасла их, ни на минуту не сводя с них глаз. Она разыскивала для них на пустоши пучки сочной травы, которую они ели из ее рук, играла с ними, ласкала их, расчесывала им шерсть, разговаривала с ними, словно они могли понять ее речь. Барашки и в самом деле как будто ее понимали. Один из них выдавался ростом среди других — то был Гульвен, самый старший из братьев.

Левенес построила из камней, комьев земли, мха и сухой травы убежище наподобие шалаша, куда она по ночам и в ненастье забиралась со своими барашками; в хорошую погоду она бегала и резвилась на солнце вместе с ними, пела им песни или читала вслух молитвы, а они внимательно слушали, расположившись вокруг нее. У Левенес был прекрасный голос, чистый и звонкий.

Как-то раз молодой сеньор, охотившийся в том краю, с изумлением услышал в этой безлюдной местности чудесное пение.

Он остановился, прислушался и пошел в ту сторону, откуда доносилось пение; вскоре он увидел перед собой красивую девушку с девятью белыми барашками, которые, видно, очень ее любили. Он стал ее расспрашивать и так сильно был поражен ее кротостью, умом и красотой, что захотел увезти ее в свой замок и барашков с нею вместе. Она отказалась. Но молодой сеньор уже ни о ком, кроме прекрасной пастушки, не помышлял, и каждый день под предлогом охоты являлся на унылую пустошь, чтобы видеть девушку и беседовать с ней. В конце концов он увез ее в свой замок, и они обвенчались; по этому случаю были устроены пышные празднества и блестящие пиры.

Барашков поместили в прилегавшем к замку саду, и Левенес проводила почти весь день, играя с ними, лаская, украшая их гирляндами цветов; а они, казалось, были ей благодарны за ее за-

боту о них. Муж Левенес дивился их понятливости и не раз спрашивал себя, действительно ли это обыкновенные барашки.

Левенес забеременела. Одна из ее прислужниц была возлюбленной работавшего в замке садовника. Она в ту пору тоже была беременна, но ее госпожа ничего не знала об этом; не знала она и того, что прислужница — дочь той самой старухи, которая превратила братьев Левенес в барашков.

Однажды, когда Левенес, желая заглянуть в глубь колодца, перевесилась через закраину, прислужница схватила ее за ноги и столкнула в колодец. Потом она побежала в спальню своей госпожи, легла в ее постель, спустила занавески на окнах и полог кровати и сделала вид, будто занемогла и вот-вот родит.

Сеньора в ту пору не было дома. Вернувшись в замок и не найдя своей супруги в саду среди ее барашков, он поспешил к ней в спальню.

— Что с вами, сокровище мое? — спросил он, думая, что в постели лежит его жена.

— Я очень больна,— ответила злодейка.

Но когда сеньор захотел раздвинуть полог, она сказала:

— Прошу вас, оставьте полог, как он есть, свет для меня нестерпим.

— Почему вы здесь одна? Где ваша прислужница?

— Не знаю. Я целый день не видала ее.

Сеньор пошел разыскивать прислужницу. Не найдя ее ни в замке, ни в саду, он вернулся к жене и сказал:

— Не знаю, куда ваша прислужница могла деться, я нигде ее не нахожу. Вам что-нибудь нужно? Быть может, вам хочется есть?

— О да! Я очень голодна!

— Что вам дать покушать?

— Я хочу кусочек мясца того большого белого барашка, что пасется в саду.

— Какое удивительное желание! Ведь вы так любили ваших барашков, а того, большого, сильнее всех!

— Только это может облегчить мои жестокие страдания! Но смотрите не ошибитесь. Мне нужно мясо только большого белого барашка, и больше никакого.

Сеньор спустился в сад, велел садовнику изловить большого белого барашка, немедля его зарезать и зажарить на вертеле.

Садовник, бывший заодно с прислужницей, тотчас погнался за белым барашком. Но барашек, жалобно блея, так проворно бегал вокруг колодца, что его никак не поймать было.

Сеньор подошел к колодцу, чтобы помочь садовнику, и немало удивился, услыхав горестные вздохи и стоны, оттуда доносившиеся.

Сеньор перевесился через закраину колодца и спросил:

— Кто там? Неужели в колодце кто-то есть?

И хорошо знакомый ему голос жалобно ответил:

— Да, здесь я, ваша супруга Левенес.

Не дожидаясь дальнейших объяснений, сеньор поскорее спустил в колодец бадью и вытащил свою супругу. Бедняжка Левенес так сильно напугалась, что тотчас разрешилась от бремени сыном, прекрасным, как ясный день.

— Надо сию же минуту окрестить дитя,— сказала она своему супругу.— Мне безразлично, кто будет крестной матерью, но я хочу, чтобы крестным отцом был мой большой белый барашек.

— Как, вы хотите, чтобы крестным отцом вашего сына был баран?

— Повторяю вам, я так хочу; послушайтесь меня и ни о чем не тревожьтесь.

Чтобы не огорчить молодую мать и не повредить ее здоровью, супруг Левенес, хотя и с неохотой, но согласился на то, чтобы крестным отцом его ребенка был большой белый барашек.

Отправились в церковь. Впереди всех, рядом с отцом новорожденного и крестной матерью, молодой, прекрасной принцессой, гордо выступал белый барашек. За ним шли все его восемь братьев.

К великому изумлению жителей деревни весь этот кортеж вступил в церковь. Сеньор передал ребенка священнику. Тот взглянул на крестную мать, а затем, не видя рядом с ней никого, спросил:

— А где же крестный отец?

— Вот он,— ответил сеньор, указывая на белого барашка.

— Как? Крестным отцом будет барашек?

— Да, барашек. Но пусть это вас не смущает: крестите, не бойтесь ничего.

Священник не стал прекословить и приготовился окрестить ребенка. Барашек поднялся на задние ноги, затем с помощью кумы осторожно взял ребенка передними, и все обошлось как нельзя лучше.

А как только кортеж вышел из церкви, белый барашек и все его братья превратились в прекрасных юношей. Ведь белый барашек был не кто иной, как Гульвен, старший из братьев. Он рассказал, как старая волшебница в отместку за то, что он отказался на ней жениться, обратила его самого и его братьев в барашков. Его сестра, мать новорожденного, которая своими глазами видела это превращение, не могла и слова проронить о нем, потому что тогда и с ней приключилось бы то же самое; но теперь

злые чары рассеялись, волшебница была уже не властна над девятью братьями.

Затем Гульвен рассказал, как старухина дочь, прислужница Левенес, хотела погубить свою госпожу.

Кортеж вернулся в замок, и сеньор решил всех наградить по заслугам. Он велел разыскать старую волшебницу в дремучем лесу, где она жила. Ее привели в замок, и она, ее дочь и садовник были наказаны лютой казнью: всех их четвертовали, а их трупы сожгли на костре.

А Гульвен и Левенес зажили мирно и счастливо; у каждого из них, говорят, было множество детей.

Как осел проглотил луну

НА СЕВЕР от монтастрюкской церкви есть большой пруд. Здесь пастухи поят скот и женщины стирают белье. Раз вечером, часов в шесть,— а дело было в мертвом месяце[1],— взошла луна и отразилась в воде пруда, как в большом зеркале. В это время к пруду подошел какой-то человек и стал поить своего осла. Пока осел пил, ветер вдруг переменился и нагнал на небо тучи, так что стало совсем темно.

Хозяин осла испугался и побежал прочь от пруда, крича:

— Господи помилуй! Господи помилуй! Мой осел пил воду и проглотил луну! Мой осел проглотил луну!

На его вопли сбежались все жители Монтастрюка.

— Чего ты так раскричался?

— Мой осел проглотил луну! Мой осел проглотил луну!

Монтастрюкцы поглядели на небо, на пруд и заплакали, завопили:

— Его осел проглотил луну! Его осел проглотил луну!

Тотчас перед церковью собралось на совет все местное начальство.

— Приведите осла, который проглотил луну.

Привели осла.

— Осел! Это ты проглотил луну?

Осел поднял хвост и заорал.

— Вот, ты сам сознаешься, что проглотил луну! Что мы те-

---

[1] Мертвым месяцем гасконцы называют декабрь.

перь будем делать, как нам ходить ночью? Ведь в темноте ничего не видно.

Осел опять поднял хвост и заорал.

— Ага! Вот как ты ведешь себя на суде! Хорошо же! Мы тебя приговариваем к смерти. Ты будешь повешен.

Через десять минут осла повесили на дереве.

Но тут один из судей спохватился.

— Друзья,— сказал он,— мы превысили наши полномочия. Нам разрешается приговаривать к смерти. Но казнить мы не имеем права. Это право принадлежит только главному судье в Лектуре. На его месте я был бы очень недоволен тем, что здесь только что произошло! Знаете что: чтобы его умилостивить, пошлем ему целый воз разной домашней птицы. Отошлем и мертвого осла. Главный судья позовет хорошего хирурга, чтобы извлечь луну у осла из брюха. Кроме того, в Лектуре найдется немало высоких лестниц. Если поставить такую лестницу на колокольне лектурского собора, то, я думаю, какой-нибудь ловкий и смелый слесарь отыщет способ приколотить луну на ее место в небе.

Сказано — сделано. Двенадцать молодых монтастрюкцев тотчас отправились в путь, нагруженные дарами для главного судьи — курами, индюками, гусями, утками. Другие двенадцать несли на плечах длинный дубовый шест, на котором был подвешен за четыре ноги мертвый осел.

Пока не миновали Флеранс, все шло хорошо. Но за Флерансом волки из Рамьерского леса учуяли запах дохлого осла и примчались стаями, рыча, словно бешеные. Монтастрюкцы в страхе, побросав птиц и осла, галопом понеслись обратно в Монтастрюк. В один миг волки сожрали всех птиц и до костей обглодали осла.

На другой день вечером взошла луна и сияла на небе, как обычно.

Монтастрюкские судьи вздохнули с облегчением.

— Рамьерские волки оказали нам громадную услугу,— говорили они.— Осел съеден, и главный судья в Лектуре не узнает, что мы сами повесили эту скотину. Ну, а что касается луны, которую осел проглотил,— она, как видите, оказалась хитрее волков. Она от них ускользнула и сама вернулась на свое место в небе.

Ловкий вор

ПЬЕРО, Жанно и Клодо были братья, сыновья бедной вдовы. Став взрослыми, они увидели, что дома им делать нечего, и решили искать счастья на чужбине.

Они все вместе отправились в путь и, дойдя до перекрестка, распрощались со словами: «Через год встретимся здесь снова».

Идя своим путем, Клодо дошел до деревни и остановился возле булочной.

— Эй, приятель,— сказал ему булочник,— сдается мне, что ты охотно обучился бы моему ремеслу.

— Да,— ответил Клодо,— только мне нечем платить за ученье.

— Это неважно,— сказал булочник.— Поступай ко мне работать, и через год ты будешь знать мое ремесло.

Жанно — тот проходил мимо слесарной мастерской и остановился у двери.

— Дружище,— сказал ему слесарь,— сдается мне, что ты охотно обучился бы моему ремеслу.

— Да,— ответил Жанно,— только у меня нет денег на ученье.

— Это неважно,— сказал слесарь.— Поступай ко мне, и через год ты будешь знать мое ремесло.

Пьеро — тот повстречал шайку воров. Они закричали:

— Кошелек или жизнь!

— Эге-ге! — сказал Пьеро.— Да ведь я сам того же требую!

— А если так,— сказали ему воры,— не хочешь ли войти с нами в компанию?

— Охотно! — ответил Пьеро.

Воры немедля подвергли его испытанию.

— Сейчас, — сказали они ему, — по дороге проедет карета, а в ней знатный господин, ты крикнешь ему: «Кошелек или жизнь!»

Пьеро спрятался у самой дороги; когда карета поравнялась с ним, он выскочил и закричал:

— Кошелек или жизнь!

Знатный господин поспешно кинул ему кошелек. Карета умчалась. Пьеро подобрал кошелек.

«Но ведь, — сказал он себе, — они не деньги велели мне взять, а кошелек».

Рассудив так, он отдал своим товарищам пустой кошелек.

— Больше мы тебя не пошлем воровать, — сказали они, — ты будешь для нас стряпать.

Спустя год воры, достаточно награбив, разделили между собой добычу; на долю Пьеро пришелся увесистый мешок золота. Он пошел на перекресток, где условился встретиться с братьями. Жанно и Клодо уже ждали его там. Вот они отправились все втроем к старухе матери. Как только они пришли, она их спросила:

— Ну как, детки? Что вы делали с того времени, как ушли из дому?

— Я стал булочником, — сказал Клодо.

— А я слесарем, — сказал Жанно.

— А я угольщиком, — сказал Пьеро.

— А что, хорош твой уголь? — спросила мать.

— Послушайте, матушка, — молвил Пьеро, — я вам что-то скажу, но смотрите — никому об этом не рассказывайте. Я не угольщик, я вор. Но только помните: никому не проговоритесь!

— Нет, нет, Пьеро, будь спокоен.

Зашла соседка.

— Что ж, Марион, — сказала она старухе (а та была женщина болтливая, вроде меня), — вот ваши сыновья и вернулись домой все трое. Что они теперь делают?

— Клодо стал булочником, — ответила старуха, — Жанно слесарем, а Пьеро... тот...

— Вам, видно, никак не вспомнить, Марион, кем же стал ваш Пьеро?

— Он стал вором; только смотрите никому не проговоритесь об этом.

Но соседка так усердно болтала о диковинной новости, что слух вскоре дошел до сеньора. Он потребовал к себе Марион и сказал ей:

— Чем занимается ваш Пьеро?

— Ваша светлость, он угольщик.

— Я слыхал, его уголь уж очень хорош.

— Ах, ваша светлость, не лучше, чем у других.

Сеньор потребовал к себе Пьеро.

— Здравствуй, Пьеро. Чем ты теперь занимаешься?

— Я угольщик, ваша светлость.

— Говорят, твой уголь уж очень хорош.

— Ах, ваша светлость, такой же, как у других.

— Между нами говоря, Пьеро, ты вор,— сказал сеньор.— Я хочу испытать твое уменье: приказываю тебе украсть коня, который стоит у меня на конюшне под охраной двенадцати моих слуг. Если завтра к девяти часам утра ты этого не выполнишь, я велю тебя повесить.

— Ваша светлость, мне никак этого не сделать!

— Если не сделаешь, я тебя повешу.

Пьеро надел монашескую рясу и отправился на конюшню.

— Здравствуйте, добрые люди. Я пришел скоротать с вами вечер и помочь вам захватить мошенника, который собирается увести у вас коня. У меня есть для вас угощенье.

Он напоил их отваром мака, от которого все они вскоре заснули мертвым сном. Тогда он обернул паклей копыта коня, чтобы они не стучали по камням, сел на него и умчался.

На другое утро сеньор пришел на конюшню. Не найдя там коня, он схватил хлыст и давай стегать своих слуг.

— Пьеро,— сказал сеньор,— ты ловкий вор. Теперь ты должен украсть шестерых волов, которых поведут на ярмарку двенадцать моих слуг.

— Ваша светлость, мне этого никак не сделать!

— Сумел же ты выкрасть коня из конюшни, теперь выкрадешь волов, или я прикажу тебя повесить.

Когда слуги сеньора повели волов по большой дороге на ярмарку, Пьеро забежал вперед, стал на голову и принялся дрыгать ногами и махать руками.

— Вот занятно!— сказал один из слуг.— Подойдем поближе, посмотрим!

— Нет,— ответил другой,— сеньор наказал нам хорошенько смотреть за волами.

Пьеро опять забежал вперед и снова начал проделывать те же штуки.

— Ах,— сказал один из слуг,— до чего занятно! Пойдем скорей, посмотрим; шестеро из нас пойдут, а шестеро останутся стеречь волов.

— Да что уж,— сказали остальные,— пойдем все вместе, ведь это в двух шагах.

Увидя, что волы остались без присмотра, Пьеро кружным путем добежал до них и увел всех.

— Пьеро,— сказал сеньор,— ты ловкий вор. Теперь вот какое дельце надо обделать: есть у меня дядюшка священник, он всегда служит мессу в полночь; его надо уморить, а наследством я поделюсь с тобой.

— Ваша светлость, этого мне никак не сделать!

— Ведь сумел же ты украсть моего коня и шестерых волов; сделай все так, как я тебе велел, или я тебя повешу.

Пьеро купил раков, положил их на тарелку, поставил ее на аналой, а сам спрятался. Когда старик священник пришел служить мессу, Пьеро крикнул ему из алтаря:

— Заплатите сначала вашей служанке Маргарите, потом суньте голову в мешок, который лежит у алтаря, и вы попадете прямо в рай. Разве вы не видите ангелов, которые протягивают вам руки?

Священник сунул голову в мешок. Пьеро тотчас схватил его и стал таскать вверх и вниз по лестнице, которая вела на колокольню.

— Ах,— говорил бедняга священник,— сколько мытарств нужно претерпеть, чтобы попасть в рай!

Когда старик уже еле дышал, Пьеро отнес его в курятник. Утром служанка священника Маргарита пришла туда задать птице корм.

— Цып-цып-цып!

— Да что это, Маргарита,— сказал бедняга священник,— ты, значит, тоже в раю?

— Хорош рай, нечего сказать,— ответила Маргарита,— да это же ваш курятник!

Священника уложили в постель. Через каких-нибудь три дня он умер, а сеньор поделился наследством с Пьеро.

Король Англии и его крестник

Жил когда-то в Англии король, который до страсти любил охоту. В его землях для него не хватало дичи, и он отправился во Францию, где она водилась в изобилии. Однажды он увидел на ветке прекрасную птицу неизвестной ему породы и потихоньку подкрался к ней. Но в ту минуту, когда он было схватил ее, птица вспорхнула и, перелетая с дерева на дерево, села на сучок яблони в саду постоялого двора. Король хотел во что бы то ни стало поймать птицу, он вошел в сад, но его старания пропали даром — птица опять от него ускользнула и исчезла.

Проблуждав целый день по лесам и долам, король вечером пришел в деревушку, где ему пришлось заночевать. Он постучался в хижину к одному бедняку, который его принял так хорошо, как только мог. Бедняк рассказал, что его жена только что родила мальчика, но они не нашли для него крестного отца, потому что были бедны. По их просьбе король согласился быть крестным отцом ребенка и назвал его Эженом. Прежде чем уйти, король вынул из своего кошелька запечатанную бумагу, которую вручил родителям, сказав, чтобы они отдали ее сыну, как только ему исполнится семнадцать лет.

Когда ребенку минуло шесть лет, он сказал отцу:

— Ты часто рассказываешь мне о моей крестной матери, почему ты никогда не говоришь о моем крестном отце?

— Дитя мое,— молвил отец,— твой крестный — самый знатный человек, это король Англии. Он оставил тебе запечатанную

бумагу, которую я должен тебе отдать, когда тебе исполнится семнадцать лет.

Мальчик стал ходить в школу, и учителю были присланы неизвестно откуда деньги на его обучение.

Наконец настал день, когда Эжену минуло семнадцать лет. Он встал рано утром и сказал отцу:

— Мне надо пойти к крестному.

Отец дал ему коня и тридцать шесть лиаров, и юноша попрощался с родителями; но прежде чем отправиться в путь, он зашел к своей крестной матери, которая понимала в колдовстве.

— Дружок,— сказала она ему,— если ты встретишь колченогого или горбатого, поверни назад.

Юноша обещал крестной выполнить ее совет и пустился в путь. Неподалеку от деревни ему повстречался колченогий. Он повернул коня. На следующий день ему повстречался горбун. Он опять вернулся.

«Завтра,— сказал он себе,— мне, быть может, посчастливится».

На третий день ему навстречу попался другой горбун. То был его школьный товарищ, по имени Адольф.

«На этот раз,— сказал себе Эжен,— я не ворочусь».

— Куда ты держишь путь?— спросил его горбун.

— Я направляюсь к своему крестному отцу, королю Англии.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Ладно.

Они вместе продолжали путь и, когда стемнело, завернули на постоялый двор. Эжен сказал конюху, что отправляется дальше в четыре часа утра. А горбун немного погодя велел оседлать коня к трем часам и, как только пробило три, сел на него и ускакал.

Эжен сильно изумился, проснувшись и не найдя своего коня.

— Где же мой конь?— спросил он слугу.

— Ваш товарищ,— ответил слуга,— приходил от вас и сказал, чтобы коня оседлали к трем часам. Вот уже час, как он ускакал.

Эжен немедля пустился в погоню за горбуном и настиг его в лесу, возле креста. Горбун остановился и сказал с угрозой:

— Если тебе дорога жизнь, поклянись перед этим крестом никому не говорить, что ты королевский крестник, разве что через три дня после твоей смерти.

Эжен поклялся, они продолжали путь и прибыли во дворец английского короля.

Король, принявший горбуна за своего крестника, встретил его с распростертыми объятиями. Его спутника он также встретил весьма ласково.

— Кто этот юноша? — спросил он горбуна.

— Это, крестный, — сказал горбун, — мой школьный товарищ, которого я взял с собой.

— Ты хорошо сделал, сынок, — сказал король. — Но я не смогу сдержать свое слово. Ты знаешь, я обещал отдать тебе в жены мою дочь, когда ты вырастешь, но ее у меня похитили. Вот уже одиннадцать лет, как по моему приказу ее разыскивают повсюду, на суше и на море, и все не могут найти.

Обоих юношей поселили во дворце, и Эжена все стали звать Адольфом. Вельможи и придворные дамы полюбили его, так как он был статен собой и умен, а горбуна все ненавидели. Только один король, все еще считавший его своим крестником, ласково с ним обращался. Но он также выказывал доброе расположение к его спутнику, а это злило горбуна.

Однажды горбун пришел к королю и сказал ему:

— Крестный, Адольф хвалится, что добудет у великана его мула.

Король потребовал к себе Адольфа:

— Эжен сказал мне, что ты хвалился, будто достанешь у великана его мула.

— Я, ваше величество? Да как я мог этим хвалиться? Я даже не знаю, где искать этого мула.

— Все равно! Если ты мне его не приведешь, тебя живьем сожгут на костре.

Прихватив с собой кое-какую еду, Адольф грустный отправился в путь. Пройдя некоторое расстояние, он повстречал старуху, которая попросила у него кусочек хлеба.

— Берите все, если хотите, — сказал Адольф, — мне не до еды.

— Ты грустен, дружок, — сказала ему старуха, — я знаю причину твоей печали: тебе велено достать мула у великана. Так вот, великан живет по ту сторону моря; у него есть дрозд, который поет так громко, что слышно от одного берега до другого. Как только ты услышишь его пение, — но смотри, не раньше, — переправляйся через море. А когда увидишь великана, говори с ним смело.

Юноша вскоре дошел до морского берега, но пения дрозда не было слышно. Он дождался, пока птица запела, и переправился через море. Великан тотчас появился и сказал ему:

— Что тебе здесь надо, тень от моих усов, пыль с моих ладоней?

— Я пришел за твоим мулом.

— На что он тебе?

— Не твое это дело. Подай мне его.

— Так и быть, я его отдам тебе, но с условием, что когда-нибудь ты мне его вернешь.

Адольф взял мула, который пробегал сто миль за один миг, и вернулся во дворец.

Король был очень доволен, что снова видит Адольфа, и дал ему слово впредь его не обижать. Но вскоре горбун, прослышав о дрозде, пришел к королю и сказал:

— Крестный, Адольф хвалился, что может отнять у великана его дрозда, который так хорошо поет и чье пение так далеко разносится.

Король потребовал к себе Адольфа:

— Эжен сказал мне, что ты хвалился, будто можешь достать у великана его дрозда.

— Я, ваше величество? Я этим не хвалился, да и как я мог бы его поймать?

— Все равно! Если ты мне его не принесешь, тебя живьем сожгут на костре.

Адольф снова пошел на берег моря. Услышав пение дрозда, он тотчас переправился через море и поймал птицу.

— Что тебе здесь надо,— спросил его великан,— тень от моих усов, пыль с моих ладоней?

— Я пришел за твоим дроздом.

— На что он тебе?

— Не твое это дело. Отдай его мне.

— Так и быть, я тебе его отдам, но с условием, что ты когда-нибудь мне его вернешь.

Когда Адольф возвратился во дворец, все придворные дамы пришли в восторг от пения дрозда, а король дал юноше слово впредь его не обижать.

Немного времени спустя горбун сказал королю:

— У великана есть большой фонарь, который освещает землю на сто лье вокруг. Адольф хвалился, что достанет этот фонарь и принесет сюда.

Король потребовал к себе Адольфа:

— Эжен сказал мне, что ты хвалился, будто можешь добыть у великана его фонарь.

— Я, ваше величество? Как бы я мог это сделать?

— Все равно! Если ты мне не принесешь фонарь, тебя живьем сожгут на костре.

Адольф пустился в путь и вскоре дошел до морского берега. Дрозда, возвещавшего ему, когда можно перейти на ту сторону, уже не было там; однако он отважился на переправу и, достигнув другого берега, прямиком пошел к великану.

— Что тебе здесь надо,— спросил его великан,— тень от моих усов, пыль с моих ладоней?

— Я пришел за твоим фонарем.

— На что он тебе?

— Не твое это дело. Отдай мне его.

— Так и быть, я тебе его дам, но с условием, что когда-нибудь ты мне его вернешь.

Юноша поблагодарил великана и пошел обратно. Неподалеку от королевского дворца он остановился, дождался наступления ночи и затем продолжал путь, высоко держа фонарь, освещавший все вокруг.

Обрадованный король еще раз дал Адольфу слово впредь его не обижать.

На некоторое время Адольфа оставили в покое, как вдруг горбун говорит королю:

— Адольф хвалился, что он знает, где ваша дочь, и что он мог бы разыскать ее и привезти домой.

Король потребовал к себе Адольфа:

— Эжен сказал мне, будто ты хвалился, что знаешь, где моя дочь, и можешь мне ее доставить.

— Ах, ваше величество, ведь по вашему приказу ее искали повсюду, на суше и на море, и не смогли нигде ее найти. Как же вы хотите, чтобы я, безвестный пришелец, справился с таким делом?

— Все равно! Если ты ее не привезешь, тебя живьем сожгут на костре.

Адольф, очень опечаленный, отправился в путь. Ему повстречалась та самая старуха, которую он уже видал. Она ему сказала:

— Король хочет, чтобы ты нашел его дочь? Пойди опять к великану.

Адольф переправился через море и, придя к великану, спросил его, не знает ли он, где королевская дочь.

— Знаю,— ответил великан.— Она в замке королевы с серебряными ногами, но, чтобы ее освободить, надо немало потрудиться. Прежде всего попроси короля вернуть мне мула, дрозда и фонарь. Затем надо построить корабль в триста туазов длины, такой же ширины и в сто пятьдесят туазов вышины, на том корабле надо сделать комнату, а в той комнате,— ткацкий стан. А самое главное — весь корабль должен быть построен без железа и меди; пусть король делает как знает.

Адольф передал королю то, что сказал великан. Тотчас созвали мастеров и велели им построить корабль в триста туазов длины, такой же ширины и в сто пятьдесят туазов вышины, на этом корабле сделать комнату, а в той комнате — ткацкий стан, и нигде ни кусочка железа или меди. Корабль построили за двое суток. Но горбун подкупил одного из мастеров, и тот вставил в корабль железную скрепу.

Адольф явился с кораблем к великану. Тот сказал:

— Корабль крепили железом.

— Нет,— ответил Адольф,— железа здесь нет.

— Вот в этом месте есть железо,— сказал великан.— Верни корабль королю, пусть он позовет мастера с молотком и долотом, и вы увидите, что я прав.

Как только мастер приставил долото к указанному месту и стукнул по нему молотком, долото сломалось. Железную скрепу тотчас вынули, и когда Адольф снова явился с кораблем, великану уже не к чему было придраться.

— Теперь,— сказал великан,— надо погрузить на этот корабль триста караваев хлеба, триста фунтов говядины, триста мешков проса, триста фунтов льна, да еще поместить туда триста девственниц.

Король велел разыскать их в городе Лондоне и окрестных местах. Когда триста дев были найдены, их посадили на корабль, погрузили также хлеб, говядину и все прочее, и тогда Адольф снова явился к великану. Тот оттолкнул корабль от берега, и корабль тотчас вынесло более чем на двести лье в море. Адольф стоял за рулем, под палубой триста дев пряли, а великан ткал.

— Вдруг вдали показалась гора — черная-пречерная.

— Ах,— сказал Адольф,— вот мы и приехали!

— Нет,— сказал великан,— это королевство рыб. Скажи им, что ты французский принц и держишь путь в далекие края, иначе они тебя не пропустят.

— Ты зачем сюда явился? — спросили рыбы юношу.

— Я французский принц и держу путь в далекие края.

— Нам дела нет, что ты принц,— мы тебя не пропустим.

Тогда Адольф стал крошить им хлеб в воду; рыбы все разом набросились на корм, и корабль тем временем прошел.

Не успел он далеко отплыть, как рыбий король сказал своим подданным:

— Мы поступили очень неучтиво — не поблагодарили принца за то, что он помог нам в великой нашей нужде. Догоните его и воротите! — Рыбы привели корабль обратно, и король сказал юноше:

— Дарю вам собственную мою косточку. Когда вам понадобится помощь, я и мое королевство будем к вашим услугам.

— Ну как? — спросил Адольфа великан.— Что тебе дал рыбий король?

— Он дал мне собственную свою косточку. А на что мне рыбья косточка?

— Положи ее в карман, она тебе пригодится.

Спустя недолгое время перед ними встала вторая гора, еще чернее первой.

— Не здесь ли нам нужно причалить? — спросил Адольф.

— Нет,— ответил великан,— это муравьиное королевство.

Муравьи с ранцами на спинах, в полной амуниции, занимались воинскими упражнениями. Они хором спросили Адольфа:

— Ты зачем сюда явился?

— Я французский принц и держу путь в далекие края.

— Нам дела нет, что ты принц,— мы тебя не пропустим.

Адольф кинул им пригоршню проса. Муравьи все разом набросились на корм, а корабль тем временем прошел.

— Мы поступили очень неучтиво,— сказал немного погодя муравьиный король,— что не поблагодарили принца. Догоните его и воротите!

Когда Адольфа вернули, король сказал ему:

— Принц, вот уже целых семь лет, как мы терпели лютую нужду,— вы нас хоть на некоторое время избавили от нее. Дарю вам собственную свою лапку; когда вам понадобится помощь, я и мое королевство будем к вашим услугам.

— Что тебе дал муравьиный король? — спросил великан.

— Он дал мне собственную свою лапку. А на что мне муравьиная лапка?

— Положи ее в карман, она тебе пригодится.

Спустя некоторое время встала перед ними третья гора, еще выше тех двух и еще чернее.

— Теперь мы уж, верно, у цели? — спросил Адольф.

— Нет,— ответил великан,— это крысиное королевство.

— Ты зачем сюда явился? — спросили крысы.

— Я французский принц и держу путь в далекие края.

— Нам дела нет, что ты принц,— мы тебя не пропустим.

Адольф бросил им хлеба, и крысы дали кораблю пройти.

— Мы очень неучтиво поступили,— сказал крысиный король,— что не поблагодарили принца. Догоните его и воротите!

Когда юноша вернулся, крысиный король сказал:

— Мы очень вам благодарны за то, что вы нам помогли в великой нашей нужде. Дарю вам волосок из собственных моих усов; когда вам понадобится помощь, я и мое королевство будем к вашим услугам.

— Ну как? — спросил великан.— Что тебе дал крысиный король?

— Он дал мне волосок из собственных своих усов. А на что мне крысиный волосок?

— Положи его в карман, он тебе пригодится.

Корабль продолжал путь и скоро приблизился к третьей высокой горе.

— Не здесь ли нам нужно причалить? — спросил юноша.

— Нет,— ответил великан,— это королевство воронов.

— Ты зачем сюда явился? — спросили вороны.

— Я французский принц и держу путь в далекие края.

— Нам дела нет, что ты принц, — мы тебя не пропустим.

Адольф кинул им мяса, и вороны пропустили корабль.

— Мы поступили очень неучтиво, — сказал немного погодя король воронов, — мы не поблагодарили доброго принца. Догоните его и воротите!

Юношу привели к королю, а тот ему сказал:

— Вы сделали для нас доброе дело, мы очень вам благодарны за это. Дарю вам собственное мое перышко; когда вам понадобится помощь, я и мое королевство будем к вашим услугам.

— Что тебе дал король воронов? — спросил великан.

— Он дал мне собственное свое перышко. А на что мне воронье перышко?

— Положи его в карман, оно тебе пригодится.

Спустя немного времени Адольф увидел гору, гораздо выше и чернее всех тех, что ранее ему встречались.

— На этот раз, — сказал он, — мы, наверно, у цели?

— Нет, — ответил великан, — это королевство великанов.

— Ты зачем сюда явился? — закричали великаны.

— Я французский принц и держу путь в далекие края.

— Нам дела нет, что ты принц, — мы тебя не пропустим.

Адольф стал бросать им хлеб большими кусками. Великаны подбирали их и с жадностью уплетали. Корабль тем временем прошел.

— Мы очень неучтиво поступили, — сказал король великанов, — что не поблагодарили принца. Догоните его и воротите.

Когда юноша вернулся, король сказал ему:

— Мы вам очень благодарны за то, что вы нам помогли; мы уж готовы были слопать друг друга. Дарю вам волос из собственной моей бороды; когда вам понадобится помощь, я и мое королевство будем к вашим услугам.

«Вот от них, — сказал себе Адольф, — мне проку будет больше, чем от всех других, ведь они большие и сильные».

— Ну как? — спросил великан. — Что тебе дал король великанов?

— Он дал мне волос из собственной своей бороды. Что мне с ним делать?

— Положи его в карман, он тебе пригодится.

— Теперь, — продолжал великан, — мы попадем в страну королевы с серебряными ногами. Ты пойдешь прямо в замок; вход в него охраняет принцесса, дочь английского короля, — она превращена в львицу, ее глаза, ноздри и пасть извергают пламя. В замке тридцать шесть комнат; сначала войди в ту, что налево, затем — в ту, что направо, и так пройди по всем комнатам.

Прибыв в страну королевы с серебряными ногами, Адольф отправился в замок. Когда он перешагнул порог, львица не только не кинулась на него, но даже стала лизать ему руки,— она почуяла, что это ее избавитель.

По совету великана юноша переходил из комнаты в комнату, пока наконец не попал в последнюю, где сидела королева с серебряными ногами.

— Ты зачем сюда явился? — спросила его старая королева.

— Я пришел за принцессой.

— По-настоящему ты заслуживаешь, чтобы я, в наказание за твою дерзость, тоже превратила тебя в животное. Знай, чтобы освободить принцессу, надо немало потрудиться. Прежде всего принеси мне триста фунтов льна, который пряли триста девственниц.

Адольф принес ей триста фунтов пряжи и привел триста девственниц, которые ее пряли.

— Хорошо,— сказала королева.— Теперь, видишь ту высокую гору? Ее надо сровнять с землей и на том месте разбить красивый сад, украшенный цветами и обсаженный деревьями; на тех деревьях должны быть плоды, крупные и зрелые, а сроку тебе на все это дается двое суток.

Адольф пошел за советом к великану. Тот призвал на помощь всех жителей великаньего королевства, муравьиного королевства, крысиного королевства да еще вороньего королевства. Великаны в мгновение ока сровняли гору с землей, а обломки бросили в море. Затем крысы и муравьи принялись рыть и разрыхлять землю, вороны полетели в сады дальних стран за цветами и деревьями, и все было готово еще до указанного королевой срока. Адольф пошел к старой королеве и сказал, чтобы она посмотрела сад. Ей не к чему было придраться, однако она все-таки ворчала сквозь зубы.

— Это не все,— наконец сказала она юноше,— еще мне надо живой и мертвой воды.

Адольф опять обратился к великану. Но на этот раз великан не смог дать ему доброго совета: он был не такой ученый, как старая королева.

— Быть может,— сказал он,— вороны скажут нам что-нибудь дельное.

Протрубили сбор. Вороны собрались, но никто из них не знал, как взяться за дело. Немного погодя хватились, что на сбор не явилось двое старых вояк — Ля Шик и Ля Раме. За ними послали. Ля Раме был пьян; он заявил, что не знает, где найти живую и мертвую воду, и что ему до этого нет никакого дела. Его посадили в тюрьму.

Немного погодя явился Ля Шик — тот был еще пьянее. Его спросили, где найти живую и мертвую воду; он ответил, что ему это известно, но что сначала пусть освободят его приятеля. Адольф велел выпустить Ля Раме, затем дал пятьсот франков его приятелю, чтобы тот выпил за его здоровье, и Ля Шик повел его в подвал, в одном конце которого текла живая вода, а в другом — мертвая.

Ля Шик посоветовал выставить у входа в подвал часовых, потому что старая королева намеревалась послать голубей, чтобы те разбили склянки, в которые можно было набрать воды. И действительно, голуби прилетели, но вороны были посильнее их и не дали им приблизиться. Тут великан сказал юноше:

— Сначала ты подашь королеве живую воду и потребуешь от нее, чтобы она вернула принцессе ее природное обличье. А потом ты брызнешь старухе в лицо мертвой водой, и она умрет.

Когда Адольф явился, королева спросила его:

— Ну как? Принес ты живую и мертвую воду?

— Да,— ответил Адольф,— вот живая вода.

— Ладно. А где мертвая?

— Сначала верните принцессе ее природное обличье, тогда я дам и мертвую воду.

Королева сделала так, как он хотел, и львица превратилась в прекрасную девушку. Она бросилась Адольфу на шею и стала благодарить его за избавление.

— А теперь,— сказала старая королева,— подай мне мертвую воду.

Адольф брызнул ей этой водой в лицо, и она упала мертвой.

Затем юноша отправился с принцессой в обратный путь, в Англию, и послал гонца к королю, чтобы известить его об их прибытии.

Велика была радость во дворце. Все придворные дамы вышли навстречу принцессе, чтобы приветствовать ее; она их всех расцеловала. Затесавшийся среди них горбун тоже подошел и хотел было ее поцеловать, но принцесса сказала:

— Ступай прочь, уж очень ты безобразен!

В этот же вечер за ужином король сказал принцессе:

— Дочь моя, я обещал своему крестнику дать тебя ему в жены: я думаю, ты не заставишь меня нарушить слово.

— Дорогой отец,— сказала принцесса,— дайте мне неделю сроку, чтобы я могла как следует помолиться.

Король согласился.

Спустя неделю принцесса сказала королю, что она уронила в море перстень, который ей подарила королева с серебряными ногами, и что прежде всего нужно достать его со дна морского.

Горбун, завидуя предпочтению, которое принцесса оказывала Адольфу, пошел к королю и сказал:

— Крестный, Адольф хвалится, будто может достать со дна морского перстень принцессы.

Король тотчас потребовал к себе Адольфа:

— Эжен сказал мне, что ты хвалился, будто можешь достать со дна морского перстень принцессы.

— Нет, ваше величество; да я и не сумел бы его достать.

— Все равно! Если ты не принесешь этот перстень, тебя живьем сожгут на костре.

Адольф ушел сильно опечаленный и отправился к великану, которому рассказал про свое горе.

— Я уж было зарекся тебе помогать,— сказал великан.— Но я все-таки не хочу покинуть тебя в беде. Сейчас позову рыб.

Протрубили сбор. Рыб явилось великое множество, но ни одна из них не знала, где находится перстень.

Немного погодя хватились, что на сбор не явилось двое старых вояк — Ля Шик и Ля Раме. За ними послали. Ля Раме был пьян; он сказал, что не знает, где перстень, и что ему до этого нет никакого дела; его посадили в тюрьму. Немного погодя явился Ля Шик — тот был еще пьянее. Он сказал, что перстень у него в ранце, но что сперва пусть освободят его приятеля. Когда Ля Раме был выпущен, Ля Шик вручил юноше перстень. Адольф дал ему сто франков, чтобы он выпил за его здоровье, а сам побежал с перстнем к королю.

— Я думаю, дочь моя,— сказал король,— ты должна быть довольна: завтра тебя повенчают.

— Я еще не решила, как мне быть,— мне хотелось бы, чтобы сначала сюда перенесли замок королевы с серебряными ногами.

Король тотчас велел заложить фундамент, а горбун, все более и более завидовавший Адольфу, сказал королю:

— Крестный, Адольф хвалился, что знает способ, как перенести сюда замок королевы с серебряными ногами, и притом без единой трещины, хотя бы даже с булавочку.

Король потребовал к себе Адольфа.

— Эжен сказал, будто ты хвалился, что можешь перенести сюда замок королевы с серебряными ногами, и притом без единой трещины, хотя бы даже с булавочку.

— Нет, ваше величество, я этим не хвалился; да и как бы я мог это сделать?

— Все равно! Если ты этого не сделаешь, тебя живьем сожгут на костре.

Адольф, сильно огорченный, снова пошел к великану; тот ему сказал:

— Первым делом попроси короля выстроить для тебя большой корабль.

Когда корабль был готов, Адольф отправился на нем в путь вместе с великаном. Тот созвал всех жителей великаньего королевства, муравьиного королевства и крысиного королевства. Муравьи и крысы сняли замок с фундамента, четверо великанов приподняли его и перенесли на корабль; затем созвали всех до единого жителей рыбьего королевства, чтобы те поддерживали судно.

Когда Адольф вернулся, при дворе английского короля все обрадовались. Замок же поставили на тот фундамент, который был заложен против королевского дворца. Тогда король сказал дочери:

— Теперь я надеюсь, что ты выйдешь замуж за Эжена.

— Отец мой,— сказала принцесса,— повремените хоть немного; я еще не решила, как мне быть.

Так как принцесса не скрывала от горбуна, что ей противно на него глядеть, то он все более и более завидовал Адольфу. Однажды он сказал юноше:

— Пойдем охотиться в оленью рощу.

— С удовольствием,— ответил Адольф.

Когда они вошли в рощу, горбун выстрелил из ружья Адольфу в спину и убил его на месте, потом вырыл яму и закопал тело. Король, видя, что Адольф не возвращается, спросил горбуна, куда он девался.

— Знать не знаю,— ответил горбун.— Должно быть, пошел бродить по свету — наверно, ему наскучило жить здесь в довольстве и покое.

Принцесса была в отчаянье, но вида не показала отцу, а только попросила у него позволения отправиться на охоту в оленью рощу.

Король, опасаясь, как бы с ней не стряслась какая-нибудь беда, хотел, чтобы ее сопровождало сорок егерей, но принцесса упросила отпустить ее одну.

Войдя в рощу, она увидела воронов, круживших вокруг ямы. Она подошла поближе и, узнав бедного Адольфа, уже наполовину съеденного воронами, принялась стонать и плакать. Наконец она вспомнила, что при ней склянка живой воды; она этой водой растерла труп, и юноша воскрес, полный сил и здоровья. А было это как раз на третий день после его смерти.

Принцесса вместе с Адольфом вернулась во дворец. Она спрятала его в одной из комнат и пошла к королю.

— Отец мой,— сказала она,— вы рады были бы видеть Адольфа?

— Дочь моя,— ответил король,— что ты говоришь? Адольф отправился на край света, он не может так скоро вернуться.

— Хорошо,— продолжала принцесса,— велите запереть во дворце все двери, поставьте стражу и следуйте за мной.

Когда король вошел в покои принцессы, она привела к нему юношу, и тот сказал:

— Ваше величество, Адольф не настоящее мое имя, я Эжен, ваш крестник!

Затем он вынул из-за пазухи грамоту, которую король вручил его родителям, и подал ее королю со словами:

— Вы узнаете это письмо?

Когда король узнал все, что произошло, он велел сжечь горбуна на костре, а Эжен женился на принцессе.

Я стоял на карауле у двери принцессы, соскучился и ушел.

Маленькие человечки

В ГОРНЫХ пещерах и в глубине земли живет племя маленьких человечков, которых называют карликами, или гномами.

Гномы ростом не выше фута. У них длинные волосы и длинные бороды, они ходят в мохнатых колпачках, красных костюмах и серебряных башмаках, вооружены саблями и копьями. Эти человечки не христиане. Они будут жить до конца мира, а тогда умрут, но уже не воскреснут в день Страшного суда.

Гномы — народ не злой и даже оказывают людям услуги. Но если вы хотите увидеть, как они багровеют от гнева, вам стоит только закричать по-гусиному: «Га! Га! Га!» Гусей гномы не любят, потому что гуси, как только завидят гнома, начинают изо всей силы щипать его. Если же хотите увидеть гномов веселыми, как зяблики, скажите только: «Сегодня будут деньги».

В старые времена гномы иногда показывались людям. Теперь о них что-то не слышно. Может быть, они покинули нашу страну. А может быть, не решаются выходить днем из страха перед злыми людьми и гусями, которые их обижают.

Гномы пьют и едят, как мы. Сейчас расскажу вам, как они добывают себе все, что им нужно.

Земля дает нам в каждом месяце года что-нибудь новое: в июне — сено, в июле — хлеб, в сентябре — виноград и кукурузу. Дает и разные плоды, которые родятся каждый в свое время, и скот, крупный и мелкий. Все это для нас, христиан. Эти дары земли мы можем видеть и трогать, когда вздумается.

Но есть и другие урожаи, другие плоды и другой скот, крупный и мелкий. Этих даров земли христианам не приходится ни видеть, ни касаться: земля родит их для маленьких человечков в один только вечер, в новогодний сочельник, от заката солнца до полуночи. И до восхода солнца все это должно быть собрано и сложено под землей.

Поэтому в течение семи часов гномам приходится работать не покладая рук. У них остается еще ровно час на то, чтобы вынести и проветрить при свете дня свое золото — груды луидоров и испанских золотых, которые они хранят внутри скал. Если это желтое золото не выносить на свет раз в год, оно портится и становится красным. Тогда гномы им уже не дорожат и выбрасывают его вон.

Я вам рассказываю только то, что знаю,— это так же верно, как то, что мы все умрем. Наконец, я легко могу вам доказать, что говорю правду. Вот послушайте.

Жил когда-то в Сент-Ави один ткач, обремененный большой семьей и бедный, как церковная крыса. Настоящее его имя было Клюзе. Но когда он потом разбогател, люди из зависти дали ему кличку Навозное золото. Мой дед (упокой, господи, его душу!) часто рассказывал мне, как этот ткач стал богачом. И вы сейчас услышите его историю.

Клюзе охотился за кроликами. Никто не мог с ним сравниться в уменье ловить их во всякое время года силками, или охотиться на них с хорьком, или подстрелить из засады даже в самые темные ночи.

На своем веку он погубил больше тысячи этих зверьков, а его жена и дочь носили их продавать на базар и на ярмарки в Лектур и Астафор.

Знатные господа и богатые горожане, которые любят охотиться на кроликов, злились на Клюзе. Они обзывали его мошенником, браконьером и натравливали на него жандармов. Но Клюзе только смеялся над этим, потому что лектурские судьи благодаря ему частенько едали вкусное кроличье рагу, которое недорого им обходилось. И, конечно, эти господа не склонны были судить такого услужливого человека, как Клюзе.

Раз зимним вечером, под Новый год, Клюзе поужинал, как всегда, супом в кругу своей семьи. Поев, он сказал жене:

— Вот что, женушка! Завтра день новогодних подарков. Я хочу подарить несколько кроликов начальству в Лектуре. Уложи детей и ложись сама. А я пойду на охоту.

Клюзе взял свое ружье, мешок и вышел. На дворе морозило, и на черном безлунном небе сверкали звезды.

Только что наш ткач притаился в засаде между Жерских скал, как услышал, что кто-то кричит у него под ногами:

— Эй, вы, лентяи, поторапливайтесь! Ровно в полночь все должно быть готово!

— Знаем, знаем, повелитель! Ведь нам дана только одна эта ночь под Новый год!

Клюзе понял, что это гномы готовятся к своей работе, и остался в засаде: ему хотелось услышать и увидеть, что будет.

У входа в пещеру появился самый старший гном с кнутом в руке, посмотрел на небо и закричал:

— Полночь! Живее, лентяи! Поторапливайтесь! До восхода солнца нужно снести под землю все наши запасы на целый год.

— Будет сделано, повелитель! Ведь у нас только одна ночь в году.

Из пещеры под щелканье кнута старшего гнома высыпало несметное множество маленьких человечков с косами, серпами, цепами, с садовыми ножами и корзинками для сбора винограда, с коромыслами, палками-погонялками,— словом, всем, что нужно для сбора урожая и для того, чтобы согнать скот в одно место.

Когда человечки убежали, их повелитель окликнул ткача:

— Клюзе, хочешь заработать монету в шесть ливров?

— Как не хотеть, господин карлик!

— Так вот, Клюзе, помоги моим людям.

Через час некоторые гномы уже воротились.

Одни везли тележки величиной с полтыквы, нагруженные сеном, виноградом, кукурузой, разными фруктами. Другие гнали перед собой быков и коров величиной с собаку, стада овец, которые были не больше ласки.

Клюзе немало потрудился, помогая гномам, которые теперь уже сотнями сходились со всех сторон. А повелитель гномов все время щелкал кнутом и покрикивал:

— Живее, лентяи! Поторапливайтесь! Все запасы должны быть под землей до восхода солнца!

— Мы торопимся, хозяин. Мы знаем, что у нас есть только одна ночь под Новый год.

К восходу солнца все запасы гномов были уже под землей.

Тогда повелитель гномов сказал ткачу:

— Клюзе, вот твои шесть ливров. Ты их честно заработал. Хочешь заработать еще экю?

— Как не хотеть, господин карлик!

— Ну, так помогай моим людям!

Маленькие человечки уже выходили из глубины пещеры, сгибаясь под тяжестью мешков, полных желтого золота, луидоров, испанских золотых. А их повелитель все щелкал бичом и кричал:

— Живее, лентяи! Поторапливайтесь! У нас остается ровно час на то, чтобы проветрить желтое золото. Если это золото раз в год не вынести на дневной свет, оно портится, становится красным, и его приходится выбрасывать вон.

— Мы же работаем, хозяин, работаем изо всех сил.

Клюзе немало потрудился, высыпая золото из мешков, вороша его, чтобы все оно проветрилось и увидело дневной свет.

Как только прошел час, гномы подхватили свои мешки с золотом и поскорее унесли их в глубь пещеры.

А их повелитель, щелкнув кнутом, сказал:

— Ну, Клюзе, получай второе экю. Ты его честно заработал! Но мои люди ничего не стоят! Из-за их ротозейства десять пудов желтого золота вот уже больше года не видели дневного света. Оно перележало, испортилось и стало красным. Эй, вы, бездельники! Выбросьте вон эту гадость, чтобы она не валялась у нас под землей.

Гномы послушались. Они выбросили из пещеры десять пудов красного золота. Потом скрылись вместе со своим повелителем в глубине пещеры.

Клюзе взял один луидор и один испанский золотой, а остальное золото зарыл и пошел домой.

— Ну что, муженек, удачная сегодня была охота?

— Удачная, женушка.

— Покажи, что принес.

— Нет, не сейчас. Мне нужно уйти по делам.

Даже не поев, Клюзе отправился в город Ажен и вошел в лавку золотых дел мастера.

— Здравствуй, хозяин! Погляди-ка на это красное золото! Вот луидор и испанский золотой. Что, они так же ценятся, как желтое золото?

— Да, мой друг. Если хочешь, я их тебе обменяю на экю.

Сосчитав деньги, Клюзе тотчас, не поев, не попив, отправился в Сент-Ави. Когда он пришел домой, он уже едва был в силах сказать:

— Скорее, жена, скорее давай суп. И хлеба, и вина! Я умираю от голода и жажды.

Поужинав, ткач лег спать и храпел пятнадцать часов кряду. Но следующей ночью он, ничего никому не говоря, отправился к Жерским скалам и воротился с тремя пудами красного золота. Еще два раза ходил он ночью туда и забрал остальное. Когда все золото было принесено, Клюзе позвал жену.

— Смотри! Что, разве не прав я был, сказав тебе, что охота под Новый год была удачна? Теперь мы богаты. Уедем отсюда и заживем на славу!

Сказано — сделано. Клюзе и его семья покинули Сент-Ави и уехали далеко-далеко, дальше Муассака, в землю Кверси. На свои десять пудов золота Клюзе купил там большой лес, водяную мельницу с четырьмя жерновами, двадцать мыз и великолепный замок, где он жил долго и счастливо с женой и детьми. Он был хороший человек, всегда готовый услужить соседу, и никто щедрее его не помогал беднякам. Но это не мешало людям завидовать ему. Оттого и дали ему кличку Навозное золото.

Принцесса Дангобер

ИЛ однажды король, звали его король Дангобер. Была у него златокудрая дочь, такая красавица, что из всех стран приезжали к ней свататься женихи. Но она оставалась равнодушна к их ухаживаниям, и многие из них, потеряв надежду ей понравиться, лишили себя жизни.

Один из женихов оказался волшебником. Он превратил принцессу в скорпиона и отнес в свой замок, висевший на золотых цепях между небом и морем. Этот замок находился в ста милях от Северного полюса, его стены были выложены серебряными шестифранковиками, а углы отделаны чистым золотом. Подступы к замку зорко охранялись.

Король Дангобер, который нежно любил свою дочь и очень горевал после ее исчезновения, велел повсюду огласить: тот, кто сумеет освободить принцессу, получит ее в жены и наследует королевскую корону.

По его указу самые искусные плотники страны построили корабль, чтобы отвезти к заколдованному замку смельчаков, которые попытались бы освободить принцессу. Явилось много народу из разных мест и разного звания: моряки и пахари, принцы, угольщики, генерал и даже один тряпичник.

В тот момент, когда корабль снимался с якоря, король сказал стоявшим на борту:

— У замка четыре двери, и через все четыре нужно пройти, чтобы увидеть принцессу, превращенную в скорпиона. Первая дверь — железная и охраняется крылатым змеем, вторая — рыкающим львом, у третьей двери стоит чудище о семи головах, по-

следнюю дверь день и ночь стережет великан. Вы видите теперь сами, что взялись за трудное дело, и если хотите благополучно закончить его, не действуйте наобум.

Корабль ушел в море, унося с собой искателей приключений. Они были очень веселы в пути, потому что на судне было всего вдоволь, были даже три железные лодки с веслами из чистого серебра,— в этих лодках должны были причалить к замку те, кто будет освобождать принцессу.

Погода стояла хорошая, дул попутный ветер. Путешественники плыли и плыли, но нигде не видели замка, висящего в воздухе. Добравшись наконец до Северного полюса, капитан сошел на берег и узнал от местных жителей, что слишком далеко заехал. Судно повернуло и ушло на поиски дальше.

Прошло дня три, и угольщик, вместе с другими внимательно глядевший по сторонам, вызвал капитана.

— Капитан,— сказал он,— я сам хорошенько не знаю, что там вдали сверкает так, что глазам больно смотреть? Как вы думаете — это замок, который мы ищем, или просто блестящее облако?

Матросы взобрались на реи, а капитан взял подзорную трубу и увидел замок, висящий на золотых цепях между небом и морем. Корабль направился к замку и через час бросил якорь на расстоянии пушечного выстрела от него. Спустили одну из железных лодок с серебряными веслами, несколько человек сели в нее и проехали под сверкающим зданием, не заметив вначале никакой железной двери. Наконец угольщик разглядел ее и первый взобрался наверх попытать счастья.

Он увидал крылатого змея, который, словно быстрая чайка, кружил над замком. Искатели приключений попробовали было бросать ему рыбу и мясо, рассчитывая убить его в то время, как он будет хватать пищу. Но змей к ней даже не притронулся и неотступно охранял дверь.

На другой день поставили перед ним бочку водки, в которой плавали куски хлеба, и он их отведал. На следующий день принесли вторую бочку. В течение двух дней крылатый змей пил до отвала, но пьяный он стал еще злее и, наверное, сожрал бы всех моряков, если бы они ради безопасности не прикрылись железной решеткой. Наконец змей уснул, и угольщик с помощью двух моряков убил его копьем.

Первая дверь была свободна.

Вторую дверь сторожил рыкающий лев, у которого из ноздрей вырывалось пламя. Ему стали бросать куски мяса, смоченные водкой, и он с жадностью проглотил их. Но чем больше он ел, тем злее и страшнее становился, так что в первый день искатели приключений напрасно пытались к нему подступиться. На

следующий день в лодку сели капитан, два матроса, принц и тряпичник. Они притащили льву быка и барана, вымоченных в наливке. Он проглотил все и наконец уснул. Прикрываясь железной решеткой, словно щитом, смельчаки тяжело ранили льва, но никак не могли его прикончить, и он, разъярившись еще больше и рыча от боли, в течение пяти дней не отходил от двери. Сквозь его рыканье донеслось из замка пение сирены.

На пятый день капитану удалось убить его ударом копья.

Тогда они подошли к третьей двери. Ее охраняло чудовище о семи головах. Оно скрывалось в глубине темной пещеры, но, когда выходило на свет, нагоняло своим страшным видом такой ужас, что все опрометью бросались бежать.

Наконец искатели приключений собрались с духом и, прикрываясь железной решеткой, пробили дверь. Чудище страшно рычало, но один из моряков ударил его в грудь, а угольщик топором отрубил ему голову.

В этот день чудище лишилось трех голов и забилось в глубь своей пещеры. Так как храбрецы в темноте не могли его разглядеть, они должны были вернуться на корабль.

На следующий день они снова подошли к замку, и, как только зверь показался, капитан отрубил одну за другой еще две головы.

— Ну вот,— сказал угольщик,— теперь у него осталось всего две головы! Их отсеку я, потому что я отрубил первую голову.

— Нет,— возразил капитан,— прикончить его должен я.

Он отрубил зверю еще одну голову и приказал своим спутникам убрать решетку и выпустить на волю чудище, оставшееся с одной головой; он хотел убить его без посторонней помощи. Но когда капитан приблизился, чудище схватило его поперек туловища и перегрызло пополам. Прикрывшись железной решеткой, искатели приключений снова набросились на зверя, и наконец упала его последняя голова. После этого они вернулись на корабль, очень опечаленные гибелью своего капитана.

Осталось освободить только четвертую дверь, которую охранял великан. Тряпичник сказал спутникам:

— Поступайте по моему указу и не мешайте мне, я помогу вам прикончить великана.

По совету тряпичника спутники посадили его в мешок с тряпьем и бросили мешок к ногам сторожившего дверь великана. Великан, думая, что в этом мешке грязное белье, не обратил на него никакого внимания и стал обороняться от нападающих. Им пришлось плохо, потому что свирепый сторож разметал всех. Но когда он пытался вырвать у нападающих решетчатую дверь, служившую им щитом, тряпичник прорезал ножом дыру в мешке и выстрелом из пистолета убил великана наповал.

Потом тряпичник проворно выскочил из мешка, открыл четвертую дверь и, пройдя длинный ряд покоев, вошел в комнату, где на столе лежал огромный скорпион. Едва тряпичник дотронулся до него рукой, как скорпион превратился в прекрасную девушку с золотистыми волосами до самых пят.

И сирена была тут же и пела таким приятным голосом, что все с восхищением ее слушали. Вместе с ней принцесса села в лодку к своим освободителям и взошла на борт корабля. Помощник капитана принял на себя командование, а замок, висевший между небом и морем, привязали толстыми канатами к корме, и корабль поплыл к Северному полюсу, где с нетерпением поджидал конца опасного предприятия король Дангобер. Увидев, что с дочери сняты чары, он очень обрадовался, и когда ему рассказали, как все произошло, он сказал принцессе:

— Заслужил твою руку тряпичник. Я, конечно, предпочел бы иметь зятем принца, но, по справедливости, должен сдержать свое слово.

Тряпичнику было приятно и лестно стать зятем короля, он понравился и принцессе, которая теперь была неразлучна с сиреной.

Сыграли знатную свадьбу, пригласили на нее всех поселян и тех, кто совершил путешествие на корабле.

Король передал тряпичнику свою корону и все свои владения. Однако не было в замке нового короля ничего лучше сирены. Думаю, что она живет и распевает там и поныне.

Сказка о ловком пастушке

У ОДНОГО короля была дочь, которая не умела говорить. Ей было уже больше двадцати лет, и она никогда еще не сказала ни одного слова. И король обещал отдать ее в жены тому, кто заставит ее заговорить. Знатные господа со всех концов земли собирались к его двору и пытались заставить девушку говорить. Но напрасно.

Раз одна дама прогуливалась по лесу и встретила пастушка со стадом быков и коров. Она поздоровалась с мальчиком:

— Здравствуй, милый!

И спрашивает его:

— Мальчик, слышал ли ты тут новости?

— Эх, госпожа, что я мог здесь узнать? Целый день я в лесочке пасу свой скот, никого тут не вижу, никаких новостей не слышу!

— Ах, ты не слышал никаких новостей? Разве ты не знаешь, что дочь короля не сказала в жизни ни слова?

— Как же, госпожа, об этом я часто слыхал.

— Ну, так вот: надо, чтобы ты пошел туда. Ты должен ее увидеть, может быть, ты заставишь ее заговорить.

— Что вы, госпожа, где мне! Этим знатным господам, которые куда ученее меня, и то не удается заставить ее заговорить! Нет, куда там!

— Все равно! Надо, чтобы ты туда пошел.

— Ох, госпожа! Не могу же я все-таки оставить свою скотинку одну!

— Уж будь спокоен, можешь туда пойти, и твоя скотинка с места не сдвинется, ни одна корова не заблудится. Вот тебе попугай и палочка. К чему только ни притронется твоя палочка, то от тебя не уйдет.

Ну, тут мой молодец решился. Взял да и отправился в путь со своей палочкой и попугаем. Когда он отошел далеко-далеко, его застигла ночь. Было совсем темно. Он нашел наконец гостиницу, потребовал комнату для себя и своего попугая. И ему с попугаем дали комнату.

А попугай был такой красивый-красивый, так забавлял служанку, что ей очень захотелось взять его себе. «Ночью,— думала она,— мальчик, верно, крепко спит». И она пошла к нему в комнату взять попугая. Но как только она дотронулась рукой до попугая:

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Так служанка и прилипла к попугаю. Вот она и попалась на месте с руками, протянутыми к попугаю.

Утром слуга встает, ищет служанку, зовет-зовет — никто не отвечает. Нет нигде служанки! Никто не знает, куда она девалась. Он и решил заглянуть в комнату пастушка. И застиг там служанку с руками, прилипшими к попугаю.

— А ну-ка, бесстыдница, ты что тут делаешь? Да еще с этим молодчиком! Разве здесь твое место? Ты зачем сюда пришла?

Ведь она была совсем голая, служанка-то: не успела одеться, так спешила украсть попугая.

Слуга и решил ей задать потасовку.

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Ну вот, они оба и попались,— рука слуги прилипла к заду служанки.

А тут уже и хозяин встал. И нет ни слуги, ни служанки. Он их звать, кликать повсюду. Никого не найти! Решил он пойти в комнату к пастушку. И находит обоих слуг у изголовья мальчишки.

— Ну-ка, что вы тут делаете, озорники? Сколько времени я вас ищу! Что вы тут проделываете в комнате этого молодого человека?

И как даст ногой пинка в зад слуге!

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Ну вот, и хозяин попался,— прилипла его нога к заду слуги!

Тут встает наконец хозяйка, зовет мужа, ищет его повсюду. Нигде его не видно. И решает она тоже пойти в комнату пастушка. И видит, что все прилипли к мальчишкиному попугаю.

— Что вы тут делаете все, что вы тут вытворяете? Сколько времени я вас ищу, и хоть бы кто-нибудь отыскался! Что вы тут делаете?

И хватает мужа за руку и тянет его.

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Ну вот, и хозяйка попалась,— прилипла к мужу.

Но уже становилось поздно. Мальчик встал и отправился в путь, чтобы поспеть к королю. По дороге он проходил мимо маленького домика. А в домике жили две женщины. Одна из них мела двор, другая приготовляла сыр.

Женщина, которая мела двор, прибежала с метлой и говорит:

— Вот так штука! Это что значит? Что это за озорники бегают тут совсем голые, куда это годится?

И бежит со своей метлой да как размахнется.

Вот и женщина с метлой попалась и кричит, зовет на помощь! Вот и товарка ее бежит за ней и даже сыр не успела положить на место. И хватает свою товарку за рукав.

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Женщина с сыром в руке прилипла к своей товарке, а пастушок продолжает путь со всей этой свитой.

Приходит ко двору короля. Узнает у привратника, не здесь ли живет дочь короля, которая не говорит ни слова. Отвечают, что здесь и что, как ни старались и чего только ни делали, не могли заставить ее заговорить.

Пастушок просит, чтобы его пустили ко двору короля. Не успел он войти, как дочь короля показалась в окне.

— Ах, бог мой,— сказала она,— вот умора! Никогда не видела я ничего забавней!

И она начала говорить, как будто всю жизнь только и делала, что говорила! Тут все вышли — знатные господа и царедворцы, сбежался народ со всех сторон и стал дивиться.

— Ну, господин король, помните, что вы обещали отдать свою дочь тому, кто заставит ее заговорить!

Тут все знатные господа стали переглядываться:

— О господин король, неужели вы отдадите свою дочь за какого-то несчастного пастушонка?

Но король, прежде чем отдать дочь пастушку, потребовал у него еще кое-что — он приказал ему стеречь сотню кроликов в своем королевском парке, да так, чтобы ни один не убежал.

Вот мальчик и стал в тупик. И пошел немного прогуляться. И встретил ту же даму.

— Что ж, мальчик, ты как будто заставил заговорить дочь короля? Ну, значит, ты получишь ее в жены.

— Да, госпожа! Но король теперь требует от меня другого: у него сто кроликов, и он велит мне стеречь их в королевском парке.

— Ну, это не так уж трудно, мой мальчик! Вот тебе свистулька, и всякий раз, как твои кролики будут разбегаться в разные

стороны, тебе стоит только засвистеть, и все они вернутся, не беспокойся.

Ну, что ж! Пастушок вернулся к королю и говорит: «Выпускайте своих кроликов!» А кролики и давай разбегаться кто куда. Прыгают вовсю. Он увел их в парк.

А знатные господа стали между собой совещаться:

— Надо раздобыть у него хоть одного кролика, чтобы к вечеру он не всех пригнал домой.

Тогда рыцарь, больше всех домогавшийся дочери короля, сказал:

— Я к нему пойду сам и куплю у него кролика.

И он отправился искать мальчика, подошел к нему и говорит:

— Ах, мальчик, какие у тебя красивые кролики! Продай-ка мне одного.

— Что вы, господин! Я их не продаю, они не продажные.

— А почему бы тебе не продать?

— Продать я вам его не продам. Но если уж вам так хочется кролика, вы можете его заслужить.

— Как же я его могу у тебя заслужить?

— Господин, если вы согласитесь, чтобы я три раза ткнул вас шилом в зад, вы получите одного из моих кроликов.

— Ох, мальчик, ты не захочешь три раза ткнуть меня шилом в зад! Ох, право же, ты не захочешь так поступить!

— Ну что ж, господин, вы не получите кролика.

И вот рыцарь согласился, чтобы мальчик три раза ткнул его шилом в зад. Но когда пастух в первый раз воткнул ему шило только наполовину, он закричал:

— Ой-ой-ой!

Второй раз шило вонзилось поглубже.

— Ой-ой-ой! Ах ты, негодник! Да мне же больно!

В третий раз пастух всадил ему шило по самую рукоятку, и рыцарь закричал и упал на землю.

— Ах ты, негодник! Я умираю, ой-ой-ой!

Через минуту боль затихла.

— Ну, милый мой, давай-ка мне кролика, я его честно заслужил!

Пастух поймал кролика, и рыцарь взял его под мышку.

Рыцарь ушел, весь сияя, и хоть ему тяжело достался этот кролик, он говорил себе:

«Ну, теперь ясно, что сегодня вечером пастух недосчитается одного».

Но вот, когда он отошел уже далеко, раздался свист, кролик вырвался у него из рук и вернулся к своему стаду.

А рыцарь пришел назад совсем растерянный и все твердил:

— Я уже нес сюда кролика, но вдруг он вырвался и убежал!

— Ах,—сказала принцесса,—он от вас ускользнул! Бог мой! Ну что ж, я сама туда пойду.

И надела передник из грубого холста:

— Отсюда-то он не убежит!

Вот пошла она в парк искать маленького пастуха и, завидев его, крикнула:

— Здравствуй, мальчик!

— Здравствуйте, принцесса!

— Ну и красивые у тебя кролики, мальчик!

— Что и говорить, принцесса!

— Не продашь ли мне одного?

— Ну нет, принцесса, я их не продаю, но их можно у меня заслужить!

— Как же их у тебя заслужить?

— Если вы согласитесь, чтобы я вас три раза поцеловал здесь, в парке, вы получите одного из моих кроликов.

— Ах, негодник, ты хочешь меня поцеловать? Ты?

— Ну что ж, принцесса! Если вы не хотите, то и не получите моих кроликов.

И вот принцесса позволила себя поцеловать три раза, только чтобы получить хоть одного кролика.

Пастушок поймал кролика и протянул ей; она положила его в свой передник, зажала покрепче. О, она была уверена, что держит его крепко, и сжимала его все сильнее и сильнее в своем переднике!

Когда она была уже далеко, раздался свист. Кролик разорвал передник и вернулся к своему стаду.

Вот нашу принцессу и провели, как раньше рыцаря. И вернулась она совсем растерянная и все твердила:

— Да ведь я так крепко держала его! Смотрите, он разорвал мне передник!

Тут и отец ее, король, увидел это и закричал:

— Экая напасть! Бог мой, вы не можете удержать кролика! Кролика не можете удержать! Я сам отправлюсь за ним на моем коне. И так прикручу его к седлу, что у него пропадет охота убегать.

И поскакал король в парк к пастушку, поравнялся с ним:

— Ну, здравствуй, мальчик!

— Здравствуйте, господин король!

— Ну и красивые же у тебя кролики! Ну и кролики! Не продашь ли ты мне одного?

— О нет, господин король, я не продаю их, но их можно у меня заслужить.

— Как же их у тебя заслужить?

— Господин король, если вы соизволите трижды поцеловать вашего коня под хвост, вы получите одного из моих кроликов.

— Ах ты, негодник! Ты хочешь, чтобы я трижды поцеловал своего коня под хвост? Ах, негодник!

— Ну что ж, господин король! Вы не получите кролика!

И вот его величество король решается трижды поцеловать своего коня под хвост.

Тогда пастушок поймал кролика и отдал королю, а тот привязал его к своему седлу, вертел его, крутил и так зажал, что у кролика чуть кишки не вылезли. И сказал, вскочив на коня:

— Этот-то от меня не уйдет!

Когда он отъехал уже далеко, пастушок как засвистит в свистульку! Кролик разорвал ремни, вырвался и вернулся к своему стаду.

А его величество король возвратился в свой дворец вне себя от досады:

— Ах, он и от меня убежал! Он разорвал все ремни, вырвался и удрал. Все равно, этого недосчитаются сегодня вечером: у него уже кишки вылезали.

Вот и вечер наступил, и маленький пастух пригнал своих кроликов. Когда он предстал перед королем, придворные принялись считать и пересчитывать кроликов, смотреть, все ли целы. А кролики все как один, тут как тут, ничего не скажешь!

Вот стали придворные между собой переглядываться.

— Ах, господин король, неужели вы отдадите свою дочь какому-то несчастному пастушонку? Не может этого быть! Не можете вы на это решиться. Потребуйте с него раньше, чтобы он наполнил три мешка правдой доверху.

Как тут быть? Пастушок очень был озадачен этим приказом. И пошел он прогуляться и встретил свою даму.

— Ну, как дела, мальчик? Небось всех кроликов пригнал домой?

— О да, госпожа!

— Ну как, отдает тебе теперь король свою дочь?

— О нет, госпожа! Он хочет, чтобы сначала я наполнил три мешка правдой доверху.

— Так что ж, мой мальчик, это ты можешь сделать. Это нетрудно. Стоит тебе только попросить три мешка, а правды на них найдется на все три доверху.

Тогда пастушок предстал перед лицом короля и всех его приближенных.

— Ну как же? Берешься ты наполнить три мешка правдой доверху?

— Да, государь, дайте мне три мешка!

Он потребовал три мешка, три простых мешка. Два положил около себя, а третий держал открытым.

— Вот смотрите, тут стоит господин; он пришел ко мне в парк, чтобы купить одного из моих кроликов. Я ответил ему, что не продаю их, но что их можно у меня заслужить. И он позволил мне трижды ткнуть его шилом в зад, только чтобы получить одного из моих кроликов. Влезай в мой мешок,— вот один уже полон.

Вот смотрите, тут стоит принцесса; она пришла ко мне в парк купить одного из моих кроликов. И я ответил ей, что не продаю их, но что их можно у меня заслужить. И она позволила мне три раза поцеловать себя в парке, чтобы получить одного из моих кроликов. Влезай в мешок,— вот уже и два полны!

Ну, тут пастушок поглядел на его величество короля.

— А вот его величество король; он пришел ко мне в парк, чтобы купить одного из моих кроликов. И я сказал ему, что не продаю их, но их можно у меня заслужить. Он три раза поцеловал...

— Ох, молчи! Ты получишь принцессу. Замолчи, замолчи же! Ты ее получишь.

И пастушок взял в жены дочь короля.

Как черта перехитрили

ОДНАЖДЫ Люцифер вышел из ада и отправился заключать сделки с работниками.

Сначала он пришел к мельнику по прозванию Пьер Пройдоха, у которого была ветряная мельница. Черт условился с мельником, что тот будет каждый день поставлять ему тысячу мер муки, а если выдастся день, когда он не справится с работой, черт вправе в конце года забрать его в ад. Черт в свою очередь обязался заботиться, чтобы мельница не ломалась. И он обязался поставлять ветер, который вертел бы ее крылья.

Когда сделка была заключена, черт решил, что ему не хватит тысячи мер в день, и обратился к Пьеру Простофиле, у которого была водяная мельница.

Мельники принялись молоть, и несколько дней дело спорилось. Но вскоре черт стал упрекать Пьера Пройдоху, что у него мука получается хуже, чем у соседа на водяной мельнице.

— Это не моя вина,— ответил мельник.— У Пьера Простофили больше порядка на мельнице, чем у меня.

После этого Люцифер заключил сделку с пекарем, который должен был получать муку с обеих мельниц и выпекать хлеб. Печь у булочника была большая-пребольшая, футов сто в обхвате. Ему самому приходилось только сажать хлебы, потому что в помощники Люцифер послал туда своих чертенят.

После этого черт зашел к сапожнику и сказал ему, чтоб тот поставлял ему ежедневно сто пар сапог.

— Как же, по-вашему, я могу это сделать? — спросил сапожник.

— Я помогу тебе и хорошо заплачу. Какая твоя цена?

— Десять тысяч франков.

— Ладно,— сказал черт.— Но если ты не будешь работать как следует, я через год заберу тебя в ад.

Сапожник взялся за работу и в первый же день смастерил сто пар сапог. Но на следующий день он запьянствовал, и черт отколотил его, выругав за дурное поведение.

— Вы лучше помогите мне немного,— сказал сапожник,— и мы скоро наверстаем упущенное время.

— Я занят,— огрызнулся черт,— мне еще нужно найти себе портного.

Портной должен был каждый день поставлять двадцать пять курток и двадцать пять пар штанов.

— Но то, что вы требуете, мне не под силу! — воскликнул портной.

— Будет под силу, если я захочу, и в помощниках у тебя тоже недостатка не будет. Но если работа будет плохо сделана, придется тебе через год отправляться в ад. Какую плату ты хочешь?

— Двадцать тысяч франков.

— Согласен,— ответил черт.

Портной старался изо всех сил, но работа не спорилась так, как ему хотелось, и он вспомнил обещание черта дать ему помощников.

По его требованию Люцифер послал ему сотню чертенят, и стоило им только взглянуть на сукно, как штаны уже были готовы.

— Теперь,— сказал черт после сделки с портным,— я должен обратиться к кузнецу. Мне требуются подковы для моих лошадей и замки́ для моих комнат.

Он отправился к кузнецу. Кузнец пользовался незавидной славой и сидел без работы; звали его Пьер Сквернослов.

— Пьер Сквернослов,— сказал черт,— если хочешь взять у меня заказ, я достану тебе железа, угля и все, что тебе потребуется.

— Это будет кстати,— ответил кузнец,— потому что в кузнице у меня совсем пусто.

— Ты в накладе не останешься,— сказал черт,— но за это ты обязан смастерить в день сто подков и сто замков. Уж я дам тебе такую сноровку!

— Хорошо, только вы должны мне прислать подмастерьев раздувать горн.

— Согласен. Какую же ты просишь плату?

— Пятьдесят тысяч франков.

— Пятьдесят тысяч франков! Да ты, видно, смеешься надо мной!

— Ну что ж, если вы считаете, что это много, столкуемся на двадцати пяти тысячах.

Пьер Сквернослов взялся за работу и каждый день выполнял заказ.

Заключив со всеми сделки, черт отправился поглядеть, как справляются его работники.

Он встретил Пьера Пройдоху у дверей ветряной мельницы.

— Ну что, как дела?

— Не совсем так, как мне бы хотелось. Пока вы где-то расхаживаете, у меня то ветер не дует, то жернова отказывают. Мне одному не под силу ни поднять их, ни насечь.

— Я помогу тебе,— сказал черт.

— Подлезайте под жернов и насекайте, а я буду держать, чтобы он не упал.

Черт взял молоток и залез под жернов. Увидев, что черт весь ушел в работу, Пьер Пройдоха выпустил из рук жернов и закричал:

— Мне не удержать его, не удержать!

Он быстро пустил мельницу в ход, а черт, чувствуя, что его вот-вот раздавит, стал отчаянно кричать. Он умолял Пьера Пройдоху освободить его и обещал скрепить кровью обязательство не забирать мельника через год в ад.

Затем Люцифер отправился на водяную мельницу к Пьеру Простофиле, который был человек бесхитростный. Все у него шло хорошо, и черт похвалил его, пообещав отвести ему у себя в аду самую лучшую водяную мельницу.

— Да вы мне ее сейчас дайте,— сказал Пьер Простофиля.

— Значит, ты хочешь, чтоб я тебя сейчас забрал в ад?

— Ну да,— ответил тот,— я охотно соглашусь.

Черт унес бедного мельника в ад и отправился к булочнику.

— Там, наверху, хлеба недостает, и частенько он бывает плохо выпечен.

— Уж я старался как мог, но мне не хватает помощников.

— Может быть, твоя печь не в порядке?

— А кто его знает? Теперь идет выпечка хлеба — приходите завтра, посмотрите, не нужно ли там что-нибудь исправить.

«Я постараюсь перехитрить его,— подумал булочник,— но как это сделать? На огне его не сожжешь. Раздобуду-ка я себе чан святой воды и поставлю его около печки, как будто там обыкновенная ключевая вода, потом достану себе старую епитрахиль».

На другой день черт пришел страшно злой и стал кричать,

что хлеб выпечен еще хуже, чем раньше. Булочник, открыв заслонку, предложил черту влезть самому в печь и осмотреть ее.

Люцифер влез туда, и булочник окропил святой водой печь и закрыл камнем заслонку, чтобы черт не вышел. Бедный Люцифер кричал так, как будто с него кожу сдирают:

— Вынь меня из печи, я сгорю!

— Распишись, что отказываешься от всех прав на меня.

— Не могу расписаться, я ничего не вижу.

Булочник открыл заслонку, и когда черт высунулся, обмотал его епитрахилью и не снимал ее до тех пор, пока черт по всем правилам не подписал бумагу.

Тогда Люцифер отправился к сапожнику.

— Ты плохой мастер,— сказал он ему.— У меня наверху не хватает сапог, да и те, что ты сшил, никуда не годятся.

— Уж лучше сделать невозможно! Станьте-ка между этими двумя кожами и посмотрите, как я их прочно сшиваю.

Люцифер, ничего не подозревая, стал между двумя кожами, а сапожник сшил их вместе, да так крепко, что черт даже руками не мог шевельнуть.

— Отпусти меня, друг мой!— взмолился черт.— Никогда ни одному сапожнику не бывать в аду! Это так же верно, как то, что меня зовут Люцифер.

— Ты до тех пор останешься между этими кожами, пока не откажешься от всяких прав на меня.

Черт не согласился и бегал в таком виде в течение двух дней, напрасно пытаясь сбросить с себя кожи. Пришлось ему волей-неволей обратиться опять к сапожнику:

— Спори с меня эти кожи, любезный друг, прошу тебя.

— Откажись от меня или останешься в таком виде навсегда.

Люцифер подписал бумагу и отправился к портному.

— Как идет работа?

— Старался изо всех сил.

— Это верно,— сказал черт,— не могу на тебя пожаловаться. А не починишь ли ты мне штаны, они совсем порвались?

Портной очень хорошо починил штаны, и черт ему сказал:

— Теперь сшей мне костюм, только без швов.

— Без швов? Такой костюм я не могу тебе сшить, но если желаешь, я выкрою его на тебе из этой штуки сукна.

Он накинул на черта сукно.

— Только стой прямо.

— А ты не режь так близко от тела,— заметил черт.

Портной взял большие ножницы и сверху донизу разрезал сукно, прихватывая кожу с мясом. Люцифер испускал душераздирающие вопли, особенно когда жена и дети портного стали кропить его святой водой.

— Ах,— воскликнул черт,— я нашел на земле только одного честного человека — Пьера Простофилю!

— Подпиши бумагу, что обещаешь от меня отказаться.

— Ни за что!

— А ну-ка, полейте его как следует.

— Подпишу, подпишу! — заорал черт.

Затем он пошел к кузнецу.

— Работаешь?

— Да, сколько могу.

— Это верно, у меня наверху уже почти у всех есть подковы и замки́. Ты хороший кузнец, и напрасно тебя люди оговаривали.

— Ваши сапоги,— сказал кузнец,— уже поизносились; если желаете, могу вам выковать каблуки, и сапожки станут как новые.

— Ты хорошо придумал, только мне хотелось бы иметь каблуки стальные.

— Это можно сделать.

— Подкуй меня, я щедро тебя вознагражу.

Кузнец выковал гвозди, острые как шило и длиной по крайней мере в полметра, потом сказал черту:

— Теперь придется мне привязать вас. Вы ведь знаете, что нельзя подковать непривязанную лошадь.

Кузнец прикрутил черта к двери двумя железными цепями, и пока он держал черта за ногу, один из подмастерьев накалил подковы. Когда они были готовы, кузнец взял одну из них, опустил в святую воду и приложил черту к ноге. Тот закричал благим матом.

— Подожди,— крикнул ему кузнец,— уж я тебя подкую!

И, ударяя изо всех сил молотком, он вогнал ему гвозди в ногу по самое колено.

— Пусти, пусти! — кричал черт.— Все люди плуты, и самый худший из них — это ты!

— Нет, нужно подковать тебя на обе ноги, я ничего не люблю делать наполовину.

Он подковал черту другую ногу. Люцифер кричал что было мочи, а кузнец кропил его святой водой, приговаривая:

— Когда подковывают лошадь, нужно поливать железо!

Черт снова расписался, что отказывается от всех прав на кузнеца, а потом, рассерженный и обиженный, ушел, хромая, из кузницы.

Вот булочник умер и, подойдя к воротам рая, постучался. Святой Петр открыл ему и сказал:

— Ступай своей дорогой, тут тебе делать нечего.

«Вот оно что! — подумал булочник. — Поджарил я когда-то черта, теперь он меня взгреет!»

Подойдя к дверям ада, булочник сказал привратнику:

— Мне как будто сюда полагается войти?

— А как вас зовут?

— Пьер Дюфур.

— Я уже слышал о вас от моего хозяина, — сказал привратник. — Люцифер, — крикнул он черту, — тут Пьер Дюфур просит ему дать у нас местечко.

— Гони его в шею. Он небось думает, что я не помню, как он меня в своей печи поджаривал.

«Наконец-то я с ним развязался, — подумал булочник. — Но нужно мне все-таки найти какое-нибудь пристанище».

Он отправился в чистилище и встретил святого Ива, который сказал ему:

— Что вам надо, друг мой?

— Не найдется ли у вашей милости для меня местечка?

— А что у вас за ремесло?

— Я булочник.

— Странно, что вы не можете найти себе места.

— Не могу, — святой Петр захлопнул ворота перед самым моим носом, а черт выставил меня из ада за то, что я малость поджарил его когда-то в печи.

— Входите, мой друг, постараемся найти вам какой-нибудь уголок. Булочники обычно не пользуются плохой славой!

Спустя некоторое время умер Пьер Пройдоха.

Он подошел к воротам рая, и святой Петр сказал ему:

— Что тебе здесь нужно?

— Чтоб вы открыли мне ворота рая.

— А чем ты занимался?

— Был мельником.

— Друг ты мой, никогда еще ни один мельник не переступал порога рая, — все они воры и плуты.

«Вот я и влопался, — подумал Пьер Пройдоха, — придется мне пойти к тому, кого я чуть не раздавил между жерновами».

Проходя мимо чистилища, он на всякий случай постучался туда.

— Нельзя ли мне сюда войти? — спросил он.

— А не были ли вы случайно мельником?

— Был.

— Мельники в чистилище не допускаются, ступайте в ад.

— В ад! Не хотелось бы мне идти в это место. Ведь я чуть было не смолол черта. Пристройте меня у вас в каком ни на есть уголке!

— Никак не могу, — ответил святой Ив.

Когда мельник подошел к дверям ада, привратник спросил его:

— Что тебе здесь нужно?

— Хочу войти.

— А как тебя звать?

— Пьер Пройдоха.

— Вот оно что! Так это ты Пьер Пройдоха? Не ты ли так хорошо обработал нашего хозяина?

— Да, я.

— Ступай тогда за мной.

Пьер Пройдоха уныло поплелся вслед за привратником. Увидев его, черт закричал:

— Ты, видимо, не прочь меня и сегодня молоть?

Мельник ничего не ответил.

— Выбрось его сию минуту отсюда,— сказал Люцифер привратнику.— У меня таких молодцов, как он, достаточно.

Пьер Пройдоха, не говоря ни слова, убрался восвояси. Он и сейчас муку мелет.

Сапожник после смерти тоже направился к воротам рая, но святой Петр сказал ему, что имени его нет в списках, а когда он подошел к чистилищу, святой Ив тоже предложил ему убраться подальше. Тогда сапожник подошел к двери ада и попросил там местечка.

— А как тебя звать?

— Вы все равно моего имени не знаете. Я был сапожником у вашего хозяина.

— Так это ты его так хорошо зашил? Ну, не поздоровится же тебе за это!

— Я так и думал,— ответил сапожник.

— Ступай за мой.

Сапожник с понурым видом потащился вслед за привратником; он считал, что теперь-то он попался.

Увидав его, черт закричал:

— Выбрось его поскорее отсюда! Не будь я Люцифер, если пущу в ад хоть одного сапожника!

Сапожник поспешно ушел, не ожидая, чтобы привратник проводил его до ворот.

Умер, в свою очередь, и кузнец. Он сразу направился к воротам рая.

— Что тебе нужно?— спросил святой Петр.

— Хочу в рай.

— А ты его заслужил, что туда просишься?

— Кто его знает!

— Проваливай, здесь нет для тебя места.

У ворот чистилища святой Ив отказался впустить его, так как святой Петр не выдал ему нужных бумаг.

«На этот раз я здорово влопался,— подумал кузнец.— Я подковал черта, он, в свою очередь, подкует меня».

Кузнец поплелся прочь такими мелкими шажками, что добирался больше недели, а подойдя к аду, стал бродить вокруг да около, не решаясь войти.

— Что тебе надо? — спросил привратник.

— Я пришел узнать, не нужен ли вашему хозяину кузнец.

— А как тебя звать?

— Пьер Сквернослов.

— А, ему давно охота повидать тебя.

Привратник привел кузнеца к черту.

— Вот,— сказал он,— Пьер Сквернослов спрашивает, не требуется ли вам кузнец.

— Ага! — воскликнул Люцифер.— Не бойся, теперь я позабочусь о тебе. У меня до сих пор на ногах подковы, которые ты мне прибил, никто не может снять их.

— Если вы меня отпустите, я сниму их.

— А ты можешь это сделать?

— Да, так же легко, как приделал.

Кузнец приказал раздуть огонь и расковал черта, и тот помиловал его.

Из всех работников Люцифер забрал себе только Пьера Простофилю, который попался из-за своей простоты.

Король-ворон

ЫЛ когда-то человек, зеленый как трава и с одним только глазом во лбу. Этот зеленый человек жил в старом домишке, на краю Рамьерского леса, с тремя дочерьми: старшая была хороша как день, вторая еще красивее, а самая младшая, которой исполнилось только десять лет, прекраснее их обеих.

Однажды зимним вечером заленый человек сидел у открытого окна. Ночь наступала, и от реки поднимался туман. Вдруг в воздухе зашумели могучие крылья, и на подоконник села птица величиной с быка, черная как уголь.

— Кра! Кра! Кра! Я — король воронов.

— Король воронов, чего ты от меня хочешь?

— Кра! Кра! Кра! Зеленый человек, я хочу взять в жены одну из твоих дочерей.

— Король воронов, подожди меня здесь.

И зеленый человек пошел к своим трем дочерям.

— Слушайте, дочки. Прилетел король воронов. Он хочет в жены одну из вас.

— Отец, — сказала старшая, — вот уже скоро год, как я обручена с сыном испанского короля, который приезжал в Лектур в день святого Мартина покупать мулов на ярмарке. И вчера мой жених прислал весть через одного паломника, что он скоро приедет и увезет меня в свое королевство. Вы видите, отец, я не могу стать женой короля воронов.

— Отец, — промолвила вторая дочь, — а я обручена вот уже год с сыном короля Морских Островов. И вчера мой милый при-

слал мне весть с одним матросом из Бордо, что он скоро приедет и увезет меня к себе. Вы видите, отец, что я не могу стать женой короля воронов.

Тут зеленый человек поглядел на свою третью дочь. Но она была такая молоденькая, что ему стало ее жалко, и он подумал:

«Будь я проклят навеки, как те, что умирают без покаяния, если отдам это дитя в жены королю воронов».

И зеленый человек, ничего не спросив у своей меньшой дочери, вернулся к королю воронов, который все еще сидел на подоконнике.

— Король воронов, ни одна из моих дочерей не хочет тебя.

Король воронов страшно рассердился. Сильным ударом клюва выколол он зеленому человеку его единственный глаз, который помещался у него как раз посредине лба. Потом улетел в туман.

Зеленый человек завопил, как будто в него бес вселился. На крики прибежали три дочери.

— Отец, что с вами? Кто вам выколол глаз?

— Его выклевал король воронов за то, что вы все отказались выйти за него замуж.

— Отец,— промолвила меньшая дочь.— Не пристало мне спорить с вами! Но я не отказывалась выйти замуж за короля воронов.

— Хорошо. Отведи меня в постель, и пусть никто не входит ко мне в комнату, пока я не позову.

Третья дочь сделала, как приказал отец.

На другой день к вечеру зеленый человек позвал младшую дочь и сказал ей:

— Отведи меня в ту комнату, где я сидел вчера, когда король воронов выклевал мне глаз. Открой окошко и оставь меня одного.

Младшая дочь сделала так, как приказал отец. А зеленый человек сел к окну. Наступала ночь, и с реки поднимался туман. Вдруг в воздухе зашумели могучие крылья. И птица величиной с быка, черная, как уголь, села на подоконник.

— Кра! Кра! Кра! Я король воронов.

— Король воронов, чего тебе надо?

— Кра! Кра! Кра! Зеленый человек, я хочу в жены одну из твоих дочерей.

— Король воронов, ты получишь мою меньшую дочь.

Тогда король воронов вернул глаз зеленому человеку и прокаркал:

— Кра! Кра! Кра! Скажи моей невесте, чтобы она была готова завтра утром на заре и надела белое платье и брачный венец.

На рассвете небо почернело от воронов, которые налетели за ночь. Перед домом зеленого человека они поставили алтарь, чтобы можно было совершить брачный обряд. У подножия алтаря стоял король воронов, весь закутанный в большое покрывало, белое как снег. Когда все было готово и зажгли венчальные свечи, неизвестно откуда появился священник в полном облачении и с ним служка, чтобы совершить брачный обряд. После венчания священник и служка исчезли так же, как появились. А король воронов все скрывался под белым как снег покрывалом.

— Кра! Кра! Кра! Отведите мою жену к отцу.

Новобрачную отвели в дом отца. Тогда король воронов появился из-под своего покрывала, белого как снег.

— Кра! Кра! Кра! Зеленый человек, пусть дочь останется у тебя до полудня. А в полдень вороны по моему приказу унесут ее в мое царство.

И он улетел к северу.

В полдень жена ворона стояла уже на пороге отцовского дома.

— Прощайте, отец мой! Прощайте, сестры! Я покидаю родную страну и наш дом. Меня увезут на чужбину, и я не вернусь никогда, никогда!

Вороны подняли свою королеву и унесли ее на крыльях по воздуху в царство холода, в царство льда, где нет ни деревьев, ни травы. До захода солнца они пролетели три тысячи миль. Королеву опустили на землю перед главными воротами замка.

— Спасибо вам, вороны. Я не забуду вашей верной службы. Теперь поужинайте и ложитесь спать. Вам пора отдохнуть.

Вороны улетели, а королева вошла в замок. Он был в семь раз больше, чем церковь святого Жерве в Лектуре. Повсюду горели свечи, в каминах пылал огонь, такой жаркий, как в печах, в которых обжигают кирпич. Но нигде не видно было ни души.

Королева долго бродила по замку и наконец пришла в большой зал, где стоял стол, уставленный всякими кушаньями и винами. На столе был приготовлен только один прибор. Королева села. Но ей не хотелось ни есть, ни пить, потому что она не переставала думать о родных и тосковать по дому.

Час спустя королева легла в постель, задернула златотканый полог и, не засыпая, не потушив свечей, стала ждать.

Как только пробило полночь, послышался шум могучих крыльев. Это король воронов прилетел домой ночевать. Он остановился за дверью комнаты, где лежала королева.

— Кра! Кра! Кра! Жена, потуши свет.

Королева задула свечи, и король вошел в темноте.

— Кра! Кра! Кра! Слушай, жена, и запомни, потому что мы здесь на ветер слов не бросаем. Когда-то я был королем над людьми. Теперь я король воронов: злой колдун обратил в птиц меня и весь мой народ. Но предречено, что испытанию нашему наступит конец. И ты можешь этому помочь. Я надеюсь, что ты исполнишь свой долг. Каждую ночь я, как сегодня, буду прилетать и спать с тобой рядом. Но тебе только десять лет. И настоящей женой ты станешь мне не раньше, чем через семь лет. До тех пор не пытайся никогда увидеть меня. Если ты ослушаешься, то накличешь великую беду на себя, на меня и на мой народ.

— Король, я исполню вашу волю.

И вот королева услышала во мраке, как король воронов снимает свои крылья. Сделав это, он подошел к кровати и лег. Королеве стало страшно. Она протянула руку и почувствовала холод обнаженного меча, который ее супруг положил между ними.

На другое утро, перед зарей, король воронов встал в темноте, взял с кровати обнаженный меч, облекся снова в перья и крылья и улетел, не сказав куда.

С этих пор так бывало каждое утро и каждый вечер. Королева, хоть и боялась супруга-ворона, полюбила его, потому что видела, что он могуч и смел.

Однако бедняжке надоела такая жизнь. Она скучала — ведь ей не с кем было словом перемолвиться! И, чтобы немного развлечься, она стала часто уходить из замка рано утром, захватив с собой корзинку, полную всякой снеди. До наступления ночи бродила она по равнинам, среди снега и льда. И никогда не встречала ни единой живой души.

Однажды утром королева, гуляя, зашла далеко от замка и увидела высокую гору, не покрытую снегом.

И вот королева пустилась в путь. Семь часов шла она в гору, пока не пришла к убогой хижине на берегу ручья.

У ручья стирала прачка, вся сморщенная как старая кожа и древняя как придорожный камень. Отжимая белье, черное как сажа, прачка пела:

Фея, фея,
Стирке твоей
Все еще нет конца.
Долгожданная дева-жена
Все еще не пришла.

— Здравствуйте, прачка,— сказала королева.— Я помогу вам выстирать белье, оно черно как сажа.

— Спасибо, дитя мое.

Не успела королева окунуть белье в воду, как оно стало белее молока. Тогда старая прачка запела:

Фея, фея,
Стирке конец!
Дева-жена пришла.

Потом она сказала королеве:

— Давно я жду тебя. Теперь мои испытания кончились, и этим я обязана тебе. А твоим страданиям, бедняжечка, еще не конец! Муж дал тебе добрый совет. Но советы ни к чему не ведут. Что суждено, то и сбудется. Теперь иди домой и не возвращайся сюда, пока не наступит день, когда ты будешь сильно нуждаться в помощи.

Королева воротилась в замок. Жизнь ее текла по-прежнему, день за днем. Так прошло ровно семь лет без одного дня с тех пор, как король воронов обвенчался с ней перед домом зеленого человека на опушке Рамьерского леса. И вот королева подумала:

«Срок, назначенный мужем, кончается. Днем позже или днем раньше, не все ли равно? Сегодня ночью я узнаю, каков собой мой супруг».

Когда наступил вечер, королева зажгла свечу в спальне и спрятала ее так искусно, что в комнате было темно, как в печке. Потом она легла в постель и стала ждать. Как только пробило полночь, в воздухе зашумели крылья. Это король воронов прилетел домой ночевать. Королева слышала, как он снимает крылья. После этого он, как всегда, лег в постель, положив обнаженный меч между собой и женой, и уснул.

Тогда королева встала, взяла свечу из потайного места и при свете ее посмотрела на спящего. Перед ней лежал не ворон, а человек, прекрасный как день.

— Боже, как хорош мой супруг!

Она со свечой в руке подошла к самой постели, чтобы лучше разглядеть его, и капля расплавленного воска упала со свечи на спящего. Король воронов проснулся.

— Жена! — воскликнул он.— Ты навлекла великую беду на меня, на себя, на мой народ. Завтра нашему испытанию должен был наступить конец. Я стал бы тебе настоящим мужем, в том образе, в каком ты видишь меня сейчас... А теперь нам придется расстаться! Злой колдун, который держит меня в своей власти, поступит со мной как захочет. Но сделанного не воротишь, слезами горю не поможешь. Я прощаю тебе зло, которое ты причинила. Уходи из этого замка, здесь скоро свершится то, чего тебе не следует видеть. Ступай, и да будет с тобой милосердие божие, куда бы ты ни пошла.

Королева ушла, рыдая. А злодей, державший короля в своей власти, сковал его железной цепью весом в сорок пудов и унес сквозь тучи на вершину высокого утеса. Утес этот стоял на острове среди моря. Здесь колдун воткнул конец цепи в скалу и припаял его свинцом и серой, да так искусно, как не сделает самый лучший слесарь. Потом свистнул — и тотчас на его свист прибежали два волка, громадные как быки, один чернее сажи, другой белый как снег. Белый волк сторожил короля днем, а ночью спал. Черный волк сторожил короля ночью, а днем спал.

— Волки, зорко стерегите короля воронов!

Злодей ушел, и король воронов остался один с волками, прикованный цепью к вершине высокой скалы на острове среди моря.

А в это время королева, покинув дворец, все шла и шла и плакала так, словно хотела выплакать глаза. Заливаясь слезами, дошла она до вершины высокой горы без снега, где у ручья стояла убогая хижина старой прачки.

— Бедняжка, — промолвила старуха, — вот и пришло горе, как я тебе предсказывала. Чему быть, того не миновать. Но ты когда-то оказала мне услугу, и я отплачу добром за добро. Надень эту пару железных башмаков, в них иди на поиски мужа. Он в плену у колдуна, на вершине высокой скалы, на острове среди моря. Вот тебе еще котомка, в которой никогда не переводится хлеб, сколько бы ты ни съедала. Вот выдолбленная тыква, в ней всегда будет вино, сколько бы ты ни пила из нее. Вот золотой нож, который тебе понадобится для защиты и для того, чтобы нарезать голубой травы, той травы, что поет ночью и днем, травы, что крушит железо. Когда твои железные башмаки лопнут, наступит для короля воронов час освобождения.

— Спасибо, прачка!

И королева пошла дальше.

Через три дня она пришла в страну, где нет ни ночи, ни луны, где всегда светит солнце. Здесь блуждала она целый год. Когда ей хотелось есть и пить, в котомке всегда находился хлеб, а в тыкве — вино. Когда ей хотелось спать, она ложилась на землю и дремала. К концу года она нашла траву, голубую от верхушки до корня, голубую как цветущий лен.

Королева тотчас достала свой золотой нож.

— Королева, — молвила голубая трава, — не режь меня своим золотым ножом. Я — голубая трава, но я не та трава, что поет ночью и днем, не та трава, что крушит железо.

Королева спрятала золотой нож и пошла дальше.

Три дня спустя она пришла в страну, где нет дня, где всегда светит луна. Здесь блуждала она целый год. Когда ей хотелось

есть и пить, в котомке для нее всегда находился хлеб, а в тыкве — вино. Когда ей хотелось спать, она ложилась на землю и дремала. К концу года она нашла голубую траву, голубую от верхушки до корня, голубую как цветущий лен.

Голубая трава пела:

— Я — голубая трава и пою ночью и днем. Я — голубая трава и пою ночью и днем.

Королева тотчас достала золотой нож.

— Королева,— молвила голубая трава,— не режь меня своим золотым ножом. Я — голубая трава, пою ночью и днем. Но я не та трава, что крушит железо.

И королева опять спрятала золотой нож и побрела дальше.

Через три дня она пришла в страну, где не светят ни солнце, ни луна и всегда царит черная ночь. Здесь ходила она целый год. Когда ей хотелось есть и пить, она всегда находила в котомке хлеб, а в тыкве — вино. Когда ей хотелось спать, она ложилась на землю и дремала. К концу года она услышала во мраке пение:

«Я — голубая трава, та, что поет ночью и днем, та, что крушит железо. Я — голубая трава, та, что поет ночью и днем, та, что крушит железо».

Королева мигом достала свой золотой нож и пошла в темноте к тому месту, откуда слышалось пение. И вдруг ее железные башмаки лопнули: она наступила на голубую траву, ту самую, что поет ночью и днем, ту траву, что крушит железо.

Своим золотым ножом королева срезала траву, а та все продолжала петь:

— Я — голубая трава, трава, что поет ночью и днем, трава, что крушит железо.

Королева спрятала нож.

Она пошла дальше во мраке ночи, босиком среди колючего терновника. Долго, долго шла она. Наконец ночь кончилась и взошло солнце.

Королева очутилась на берегу большого моря, и совсем близко от нее качалась лодка.

Королева вошла в лодку и пустилась в открытое море. Семь дней и семь ночей она не видела ничего, кроме неба и воды. Наутро восьмого дня она приплыла к острову и увидела короля воронов, прикованного к вершине высокой скалы.

Увидев королеву, громадный белый волк бросился к ней с открытой пастью.

Королева тотчас достала золотой нож и взмахнула пучком травы, которая не переставала петь:

«Я — голубая трава, та, что поет ночью и днем, та, что крушит железо. Я — голубая трава, та, что поет ночью и днем, та, что крушит железо».

Под это пение белый волк лег и крепко уснул.

Тогда королева золотым ножом заколола большого белого волка. После этого она прикоснулась поющей травой к цепи весом в сорок пудов, которой был скован король воронов. Цепь распалась.

И в тот же миг трава увяла и перестала петь. А король воронов встал, прямой и гордый как Цезарь.

— Кра! Кра! Кра! Спасибо тебе, жена!

Потом закричал на все четыре стороны:

— Кра! Кра! Кра!

И со всех четырех концов света потянулись к нему стаи воронов. Подлетали к королю и сразу принимали свой прежний, человеческий образ. Когда все собрались, король сказал:

— Мой верный народ, страдания наши окончились. Взгляните туда, вдаль. Это король, мой верный друг, едет за нами с семью тысячами кораблей. Через месяц все мы будем в родной стране.

Выклеванное сердце

Раз вечером во время карнавала влюбленный рыцарь спросил у своей дамы:

— Прекрасная, когда же вы полюбите меня?

— Я полюблю вас тогда, когда вы достанете мне Золотой Цветок, тот, что поет на восходе солнца.

— Прощайте, прекрасная! Ждите меня вечером в день святого Филиппа на пороге вашего дома.

В день святого Филиппа вечером красавица ждала влюбленного рыцаря на пороге своего дома.

— Здравствуйте, прекрасная! Вот я принес вам Золотой Цветок, тот, что поет на восходе солнца. Скажите же, что вы меня любите.

— Рыцарь, я люблю вас. Но, боже, как вы бледны!

— Диво ли, что я бледен? Сто черных волков стерегли Золотой Цветок, что поет на восходе солнца. Они так терзали меня, что я потерял половину своей крови. Прекрасная, скажите мне, когда же мы обручимся?

— Рыцарь, мы обручимся, когда вы достанете мне Голубую Птицу, говорящую птицу, которая рассуждает обо всем как человек.

— Прощайте, прекрасная! Ждите меня вечером в день святого Роха на пороге вашего дома.

В день святого Роха красавица ожидала рыцаря на пороге своего дома.

— Здравствуйте, прекрасная! Вот вам Голубая Птица, говорящая птица, которая рассуждает обо всем как любой христианин. Скажите же мне, когда мы обвенчаемся?

— Рыцарь, мы обвенчаемся, когда вы найдете орлиного царя и принесете его мне пленником в железной клетке. Боже, рыцарь, как вы печальны!

— Печален? Я печален недаром, у меня на то есть причины. Голубая Птица, говорящая птица, которая рассуждает обо всем как человек, сказала, что вы не любите меня.

— Голубая Птица, ты солгала! За это я тебя сейчас велю ощипать и изжарить живой.

— Прощайте, прекрасная! Ждите меня вечером в день святого Луки на пороге вашего дома.

Вечером в день святого Луки красавица ждала на пороге своего дома.

— Мать, мать, мой рыцарь не вернулся!

— Садись за стол, дочь моя. Твой милый придет во время ужина.

После ужина красавица снова вышла на порог.

— Мать, мать, не идет мой рыцарь!

— Ложись спать, дочь моя. Твой милый вернется завтра утром.

Красавица легла в постель. Но в полночь она тихонько встала и вышла на порог встречать своего рыцаря.

— Здравствуйте, прекрасная! Орлиный царь сильнее меня. Быть может, кто-нибудь другой сумеет принести вам его в железной клетке.

— Рыцарь, что за красная дыра зияет у вас в груди?

— Красавица, здесь было мое сердце. Орлиный царь выклевал его. Мы не будем мужем и женой никогда, никогда.

И рыцарь скрылся во мраке ночи. А красавица на другой день постриглась в монастыре кармелиток и до самой смерти не снимала черного монашеского покрывала.

Наказанная королева

ИЛ некогда король, надежный как золото, смелый и сильный как Самсон. Каждое утро после обедни он щедро раздавал милостыню и творил правый суд одинаково над бедными и богатыми. На беду королева совсем не походила на своего мужа. Никогда никто на свете не видывал и не увидит такой скупой и злой женщины, как она.

У короля и королевы был один-единственный сын. Пока ему не исполнилось двадцать один год, король заботливо следил за его воспитанием. Узнав о малейшем проступке принца, он тотчас призывал его к себе.

— Слушай, сын,— говорил он ему,— когда я умру, ты будешь править страной вместо меня. Тогда уже некому будет тебя учить. Но пока я жив, это мой долг.

Король брал палку и изо всей мочи колотил сына. Отколотив, он отправлял его в тюрьму, где принц спал на голом полу, ел один черный хлеб и пил только воду. Вот почему он скоро стал таким благоразумным и скромным юношей, что все говорили:

— Сын и отец достойны друг друга. Когда король умрет, будет кому блюсти мир и справедливость в нашей стране.

Раз вечером, в конце ужина, король сказал сыну:

— Сын мой, я люблю тебя за то, что ты справедлив, скромен, смел и силен духом. Завтра тебе минет двадцать один год. Я уже стар и скоро уступлю тебе трон. Бери всех моих лошадей, всех собак и столько денег, сколько тебе понадобится. Езди на охоту,

на храмовые праздники, проводи весело время. Но через полгода я хочу видеть тебя женатым. Выбери хорошую девушку, какая тебе придется по вкусу. Я не буду спокоен до тех пор, пока не увижу твою жену хозяйкой замка.

— Спасибо, отец. Благослови вас бог!

Королева слушала молча. А про себя подумала:

«Вот как! Значит, через полгода я уже не буду хозяйкой замка? Посмотрим!»

После ужина она отозвала сына в сторону:

— Вот что, сын. Езди на охоту, посещай храмовые праздники и веселись. Но жениться тебе еще рано, ты слишком молод. Заведи себе милую. Красивых девушек у нас сколько угодно.

Сын опустил голову и ничего не ответил.

На другое утро он с рассветом уехал на охоту, а вернулся только к ночи. И с этих пор проводил так каждый день. Король был недоволен и часто говаривал:

— Мой сын, ты каждый вечер возвращаешься нагруженный зайцами и куропатками. Но когда же ты привезешь нам живую добычу — славную, красивую невестку?

— Подождите, отец. Это не к спеху.

В конце концов король потерял терпение.

«Вот как,— подумал он,— ты не хочешь выбрать себе жену? Ну что ж, тогда я сам выберу ее для тебя».

И через неделю в замок прибыли гости — король соседней страны с дочерью. Принцесса была хороша, как ясный день, и чиста душой, как святая. Она знала много разных песен и пела как сирена.

Сын короля забросил охоту. Он с утра до вечера сидел подле красавицы:

— Пойте, принцесса! Пойте еще!

И девушка пела так сладко, так нежно, что, глядя на нее, принц твердил про себя:

«Она, только она будет моей женой! Если нет, я невесть что натворю!»

Наконец гости уехали домой. И юноша сильно загрустил. Зато старый король был весел, как никогда.

— Вот они и уехали,— сказал он в тот вечер за ужином.— Добрый путь им, и дай бог, чтобы подольше не приезжали опять.

Принц побледнел как смерть.

— Отец, прошу вас, не говорите этого! Я и сказать вам не могу, как полюбил принцессу. Если вы не позволите мне жениться на ней, я невесть что натворю.

— Глупый мальчик! Вы с ней уже помолвлены. Неужели ты не догадался? Завтра вечером мы все отправляемся в замок твоей невесты. И через неделю я хочу видеть ее здесь хозяйкой.

— Спасибо, отец. Благослови вас бог!

Королева слушала, не говоря ни слова. После ужина она вышла и через минуту воротилась. Отец и сын чокались. Оба были очень веселы.

— Выпьем, мой друг, за здоровье твоей милой.

— Король,— промолвила королева,— отчего вы не выпьете за мое здоровье?

— За твое здоровье, жена!

— За ваше здоровье, матушка!

— Спасибо! Выпьем еще!

Все трое осушили свои бокалы. Прошло пять минут, и король позеленел как трава.

— Что с вами, отец?

Король упал на пол. Он был мертв.

На другой день его похоронили. Сын роздал много золота и серебра нищим и священникам. Возвратясь с кладбища, он сказал слугам:

— Приготовьте мне постель в покоях моего бедного отца.

— Король, ваше приказание будет исполнено.

Новый король заперся в спальне покойного отца. Здесь он долго молился на коленях. Потом, как был, одетый, бросился на кровать и уснул. Разбудил его первый удар часов, бивших полночь. На него смотрел призрак умершего короля.

Призрак взял сына за руку и повел его в темноте на другой конец замка. Тут он открыл тайник и указал пальцем на склянку, уже наполовину пустую:

— Твоя мать меня отравила. Ты король. Отомсти за меня.

Мертвец закрыл тайник и удалился. Молодого короля пот прошиб от страха. Но он был человек смелый и сильный духом. Потихоньку сошел он вниз в конюшню, оседлал своего лучшего коня и галопом умчался в черный мрак ночи.

С первым проблеском зари он тихо постучался в дом своего лучшего друга.

— Друг, на меня обрушилось несчастье. Я ухожу куда глаза глядят. Ступай завтра к моей невесте в замок ее отца и скажи ей вот что: «На вашего жениха обрушилось несчастье. Он уехал неизвестно куда. Вам не быть его женой. Но он вас не забудет и никогда больше не взглянет ни на одну девушку. Удалитесь в монастырь. Постригитесь в монахини и молитесь за вашего друга до того дня, когда вас отнесут на кладбище!»

— Король, ваша воля будет исполнена.

Король галопом умчался в черный мрак ночи.

На другой день он приехал в город, который был в семь раз больше Тулузы. Здесь он продал свою шпагу, богатый наряд и коня, деньги роздал беднякам и пошел дальше нищий, с посохом в руке и котомкой за плечами. Он шел до тех пор, пока не пришел к высокой горе, такой высокой, что только орлы долетали до ее вершины. На этой горе король построил себе хижину. Когда его мучила жажда, он пил воду горных родников. Когда ему хотелось есть, он утолял голод травами и дикими плодами, которых вокруг было достаточно.

Раз вечером король молился у себя в хижине долго-долго, пока не уснул. Когда он проснулся, звезды показывали полночь. На него смотрел призрак умершего отца:

— Твоя мать меня отравила. Ты король. Отомсти за меня.

Мертвец исчез. Короля пот прошиб от страха. Но он был смел и силен духом. И вот он среди ночи пустился в путь. На заре он был уже у подножия горы. Целый год шел бедный король, шагал все вперед, вперед, ни у кого не спрашивая дороги, и наконец пришел в свое королевство. Вечером он, таясь от людей, постучался в дом своего лучшего друга.

— Здравствуй, друг. Ты меня не узнаешь?

— Вы наш король!

— Да, я король. Скажи мне, как живет моя милая?

— Ваша милая умерла в монастыре.

— Скажи мне, что делает моя мать?

— Ваша мать по-прежнему у себя в замке и царствует на горе всей стране.

— Теперь я знаю все, что хотел. Проводи меня в какую-нибудь комнату. Я устал и хочу спать. А завтра ты меня разбуди до рассвета.

— Король мой, все будет исполнено.

Король лег и уснул.

Он проснулся, когда било полночь. На него смотрел призрак:

— Твоя мать меня отравила. Ты король. Отомсти за меня.

— Отец, я исполню вашу волю.

Мертвец исчез. Короля пот прошиб от страха. Но он был человек смелый и сильный духом.

На рассвете его друг вошел к нему.

— Слушай, друг! Сегодня вечером я покину мою страну навеки. Вот указ, которым я назначаю королем тебя. А теперь принеси мне шпагу, платье, подобающее королю, и оседлай на конюшне доброго коня.

Король умчался галопом. На закате он постучался в ворота своего замка.

— Здравствуйте, матушка, дорогая матушка!

— Здравствуй, сын мой. Откуда ты? Что же ты не отвечаешь? Я хочу знать, где ты был.

— Матушка, дорогая матушка, я скажу вам это за ужином. Я скажу вам это, когда мы останемся одни за столом. Я голоден.

Мать и сын сели за стол. Когда они остались вдвоем, король промолвил:

— Матушка, дорогая матушка, вы желаете знать, где я был? Я объезжал мое королевство. Я женился на моей возлюбленной, завтра она будет здесь.

Королева слушала молча, без единого слова. Она вышла и через минуту воротилась.

— Жена твоя завтра приедет? Тем лучше, выпьем за ее здоровье.

Король вытащил шпагу из ножен и положил ее на стол.

— Мать моя, бедная моя мать, вы хотели меня отравить. Я вам это прощаю. Но мой отец вас не хочет простить. Трижды приходил он ко мне с того света и говорил: «Твоя мать меня отравила. Ты король. Отомсти за меня». И вчера я ответил ему: «Отец, я исполню вашу волю». Матушка, бедная моя матушка, молите бога, чтобы он сжалился над вашей душой. Взгляните на эту шпагу. Хорошенько поглядите на нее. Я даю вам ровно столько времени, сколько нужно, чтобы прочитать молитву, а после того я отрублю вам голову, если вы не выпьете раньше яд, который налили для меня. Пейте же, пейте до дна, мать моя, бедная моя мать!

Королева выпила бокал до дна. Через пять минут она позеленела как трава.

— Простите меня, матушка, бедная матушка!

— Нет, не прощаю.

И королева упала на пол. Она была мертва.

Тогда король стал на колени и помолился богу. Потом тихонько сошел вниз на конюшню, вскочил на своего коня и во весь опор умчался в ночной мрак. Больше его никто никогда не видел.

Три охотника

ИЛИ-БЫЛИ три охотника.

Два ходили голые, а на третьем не было никакой одежды.

У охотников было три ружья.

Два ружья были не заряжены. В третьем не было заряда.

Охотники вышли из города на рассвете и шли далеко, далеко, далеко и еще дальше.

Близ леса они застрелили трех зайцев и двух из них упустили. А третий заяц от них сбежал. Они положили его в карман к тому охотнику, на котором не было одежды.

— Ах, боже мой! — сказали они. — Как же мы сварим того зайца, который от нас убежал?

И вот три охотника снова пустились в путь.

Они шли далеко, далеко, далеко и еще дальше.

Наконец пришли к дому без стен, без крыши, без дверей, без окон, без всего.

Три охотника три раза громко постучали в дверь:

«Тук! Тук! Тук!»

Хозяин, которого не было дома, отозвался:

— Кто там? Что вам нужно?

— Не окажете ли вы нам услугу? Одолжите нам горшок, чтобы сварить того зайца, который от нас убежал.

— Ах, боже мой, друзья, у меня есть только три горшка: у двух выбито дно, а третий уже никуда не годен!

Белый волк

ДАВНИЕ времена жил человек, у которого было три дочери. Однажды он сказал им, что отправляется в путешествие.

— Что ты мне привезешь? — спросила старшая дочь.

— Что хочешь.

— Привези мне нарядное платье.

— А ты что хочешь? — спросил отец вторую дочь.

— Я тоже хочу платье.

— А ты, мое дитя? — спросил он самую младшую, которую любил больше двух других.

— Мне ничего не надо, — ответила она.

— Как это ничего?

— Да так, отец, ничего.

— Я обещал привезти подарки твоим сестрам и не хочу, чтобы ты одна осталась ни с чем.

— Ладно, я хотела бы иметь говорящую розу.

— Говорящую розу? — воскликнул отец. — Где же мне найти ее?

— Отец, я хочу только эту розу; без нее ты не возвращайся.

Отец отправился в путь. Он легко достал красивые платья для старших дочерей, но где бы он ни осведомлялся о говорящей розе, ему отвечали, что он, видно, шутит и что во всем мире нет такой розы.

— Да если бы такой розы не было, — говорил отец, — моя дочь не стала бы ее просить у меня.

Однажды он увидел перед собой прекрасный замок, откуда доносился неясный шум. Он прислушался и различил голоса. В замке пели и говорили. Обойдя несколько раз кругом замка в поисках входа, он наконец нашел калитку и вошел во двор, посредине которого цвел розовый куст, весь усеянный розами: их-то голоса он и слышал, это они говорили и пели. «Наконец,— подумал он,— я нашел говорящую розу». И он тотчас сорвал одну из них.

В тот же миг на него набросился белый волк и закричал:

— Кто тебе позволил войти в мой замок и рвать мои розы? В наказание ты умрешь — каждый, кто сюда проникнет, должен умереть!

— Отпустите меня,— сказал бедняга,— я верну вам говорящую розу.

— Нет, нет,— ответил белый волк.— Ты умрешь!

— Несчастный я, несчастный! Моя дочь попросила меня привезти говорящую розу, а теперь, когда я наконец ее разыскал, я должен умереть!

— Послушай-ка,— сказал белый волк,— я тебя помилую и даже позволю тебе оставить розу у себя, но с одним условием: ты приведешь ко мне первого, кто встретится тебе дома.

Бедняга обещал выполнить то, чего от него требовал волк, и пустился в обратный путь. И кого же он увидел, едва вернулся домой? Свою младшую дочь.

— Ах, дочь моя,— сказал он,— какое печальное путешествие!

— Разве вы не разыскали говорящую розу? — спросила девушка.

— Я ее разыскал, но на свою беду. Я сорвал ее во дворе замка белого волка. Я должен умереть.

— Нет,— молвила дочь,— я не хочу, чтобы вы умерли. Лучше я умру вместо вас.

Она повторяла это столько раз, что наконец он сказал ей:

— Так и быть, дочь моя, я открою тебе то, что намерен был от тебя утаить. Знай, я обещал белому волку привести ему первого, кто мне попадется навстречу, когда я вернусь домой. Только под этим условием он согласился сохранить мне жизнь.

— Отец мой,— сказала дочь,— я готова отправиться в путь.

И вот отец вместе с ней пошел к замку белого волка. Они шли несколько дней и наконец под вечер добрались туда. Белый волк тотчас явился. Отец девушки сказал ему:

— Вот кто попался мне навстречу, когда я вернулся домой. Это моя дочь, которая просила привезти ей говорящую розу.

— Я вам не причиню зла,— сказал белый волк,— но вы должны обещать, что никому и слова не молвите о том, что вы здесь увидите и услышите. Этот замок принадлежит феям. Все мы, жи-

тели его, заколдованы; я обречен днем превращаться в белого волка. Если вы сумеете сохранить тайну, это пойдет вам на пользу.

Девушка и ее отец вошли в комнату, где стоял роскошно накрытый стол; они уселись и стали есть и пить. Вскоре, когда совсем уже стемнело, в комнату вошел прекрасный собою вельможа. Это был тот, кто вначале явился им белым волком.

— Вы видите,— сказал он,— что на этом столе написано: «Здесь хранят молчание».

Отец и дочь снова обещали соблюсти тайну.

Вскоре после того, как девушка удалилась в отведенную ей комнату, туда вошел прекрасный собой вельможа. Она очень испугалась и стала громко кричать. Он ее успокоил и сказал, что если она будет следовать его советам, он женится на ней, она станет королевой, и замок будет ей принадлежать. Наутро он снова принял вид белого волка, и, слыша его жалобный вой, бедная девушка плакала.

Пробыв в замке еще одну ночь, отец девушки отправился домой. Сама она осталась в замке и вскоре обжилась там; к ее услугам было все, чего бы она ни пожелала, каждый день ее слух услаждала музыка,— ничего не жалели, чтобы ее развлечь.

Тем временем мать и сестры девушки сильно тревожились. У них только и было разговору:

— Где бедная наша дочка? Где наша сестрица?

Вернувшись домой, отец сначала ни слова не хотел сказать о том, что случилось, но потом уступил и открыл им, где он оставил дочь. Одна из сестер отправилась к девушке и стала расспрашивать ее о том, что с ней произошло. Девушка долго крепилась, но сестра так упорно ее просила, что она наконец открыла ей тайну.

Тотчас у двери послышался страшный вой. Девушка в страхе вскочила. Но едва она успела добежать до порога, как белый волк упал мертвым у ее ног. Тогда она поняла свою ошибку, но было уже поздно, и весь остаток своей жизни она провела в печали.

Чертова коса

В ДРЕВНИЕ времена люди в Геде кос и не видывали, а сено снимали обыкновенными портновскими ножницами, так что работа у них совсем не спорилась.

Черт время от времени заходил в эти места за большими камнями — они нужны были ему, чтобы воздвигнуть гору святого Михаила. У него как раз было такое орудие, которым можно было в мгновение ока снять траву с целого луга, но черт работал только ночью и никому своего орудия не давал.

Раз он обещал одному беспутному человеку, с которым был в дружбе, выкосить ночью его луг. Святой Михаил узнал об этом и, забравшись на луг того человека, утыкал землю зубьями бороны,— а у бороны зубья, как известно, железные. Потом он спрятался в дупло старого дуба и стал дожидаться наступления ночи. Он почти весь уместился в дупле, и только голова торчала среди листвы.

Черт появился, подошел к плетню, постукал молотком по лезвию косы, потом насадил ее на длинную палку, наточил и наконец равномерными взмахами стал косить траву, которая так и падала вокруг него.

Когда коса наткнулась в первый раз на железо, она зазубрилась. Черт начал ругаться, как только черти умеют, но продолжал работу. Наткнувшись на второй зуб, коса сломалась. Черт промолвил вслух:

— Вот и испортилась моя коса, придется нести ее к кузнецу!— И, продолжая сыпать проклятиями, пошел к местечку Динже.

На другой день святой Михаил отправился в Динже к кузнецу и спросил, не приносили ли ему в починку один инструмент.

— Принесли,— отвечал кузнец.— Странная какая-то штука, я таких никогда и не видывал.

— Вот что, кузнец, сделай-ка ты мне такую точно, и тогда я тебе объясню, для чего она служит.

— Ладно.

Святой Михаил не стал прятать своей косы, как черт. Он ее ссужал всем и всех учил, как работать ею.

Таким образом все люди начали употреблять косу.

Видя у крестьян в руках косы, сатана понял, что тайна его раскрыта, и сразу догадался, что его выследил святой Михаил. Рассвирепев, он отправился к святому и вызвал его на поединок.

— Согласен,— ответил архангел.— Но с условием, что мы будем драться в печи.

— Где хочешь, мне все равно.

И оба пошли в ближайшую деревню.

По дороге святой Михаил нашел деревянный молоток с короткой ручкой, которым женщины разминают коноплю и лен перед тем, как их трепать. Он сунул его под мышку и пошел дальше.

Пришли к печи. Черт прихватил с собой ухват и полез внутрь. Святой Михаил двинулся за ним. Ухват был такой длинный, что никак не входил в печь, и, пока черт тянул его к себе, святой Михаил нещадно колотил своего противника молотком по голове.

— Пощади!—завопил черт.— Ведь этак ты меня убьешь!

— Я тебя пощажу только с тем условием, чтобы ты убрался из наших мест и никогда больше сюда не возвращался.

Торг был заключен, и с той поры в Геде никогда больше не видали дьявола.

Ночные плясуны

ИЛА когда-то в прекрасном своем замке богатая, знатная женщина. Были у нее родная дочь и падчерица. Дочь звалась Като; она была безобразна, неопрятна и злого нрава. Падчерица же, по имени Жанна, была прекрасна собой, приветлива, добра и рассудительна.

Женщина любила только свою родную дочь и дарила ей все, чего бы та ни пожелала: нарядные платья, драгоценности, а падчерицу ненавидела, одевала ее в отрепья и обходилась с ней как со служанкой.

В лесу недалеко от замка стояла старинная часовня, куда, по преданию, каждую ночь приходил священник, умерший много лет назад; он все пытался отслужить мессу, но это ему не удавалось, потому что не было причетника.

Утверждали также, что в полночь в часовне светится огонек и что там водятся привидения.

Чтобы попасть в часовню, надо было пройти перекресток, где, говорили люди, ночные плясуны устраивали свои игры и забавы. После захода солнца все старались держаться подальше от этих мест.

Злая мачеха все думала и гадала, как ей отделаться от Жанны,—ведь тогда наследство ее мужа досталось бы не Жанне, а Като.

Как-то раз, в воскресный вечер в декабре, мачеха засиделась у очага, слушая, как ее слуги пели старинные дедовские песни и рассказывали сказки, одна другой чудеснее. Когда пришло время сообща прочесть вечернюю молитву, она вскричала:

— Ах, какая досада, я забыла в часовне свой молитвенник. Жанна, скорее сходи за ним!

— Хорошо, матушка,— ответила бедняжка.

Но ей было страшно, и она сказала одной из служанок:

— Пойдем со мной, Маргарита.

— Нет, нет, ты пойдешь одна,— сказала мачеха.— Уж не боишься ли ты? В твои-то годы? Ступай!

Жанне пришлось покориться. Собачка ее Фидель, всюду ее сопровождавшая, побежала было за ней. Но Като погналась за собачкой, дала ей пинка и заперла дверь, чтобы Фидель не могла выйти.

Фидель выскочила в окно, разбив стекло, и догнала свою хозяйку. Жанна немного ободрилась, увидев собачку, погладила ее и велела не отставать.

Была чудесная лунная ночь. Дойдя до перекрестка, девушка увидела семерых крохотных человечков в больших шляпах — семерых карликов, которые плясали, держась за руки и распевая. Она остановилась, не решаясь продолжать путь. Один из плясунов отошел в сторону, остальные же подбежали к ней и увлекли ее в свой хоровод, восклицая:

— Пляшите с нами, красавица, пляшите, пляшите с нами!

— Охотно, судари мои,— учтиво сказала Жанна,— если это вам приятно.

И она закружилась в хороводе. Песни и пляски продолжались, карлики старались еще больше прежнего.

Вдруг карлик, державший Жанну за правую руку, воскликнул:

— Ах, какая милая, прелестная девушка!

— Пусть она станет еще вдвое милее и прелестнее,— ответил тот, который держал ее за левую руку.

— Ах, какая разумная девушка! — сказал третий.

— Пусть она станет еще вдвое разумнее! — пожелал четвертый.

— Ах, какая прекрасная девушка! — сказал пятый.

— Пусть она станет еще вдвое прекраснее! — сказал шестой.

— Прекрасна, как звезды на небе! — добавил седьмой, тот, который не плясал с другими.

Затем карлики один за другим, опять-таки за исключением седьмого, поцеловали девушку и исчезли.

Дойдя до часовни, Жанна там не увидела и не услышала ничего страшного или необыкновенного. Молитвенник мачехи лежал на скамье, она его взяла и отнесла домой.

Если Жанна и прежде была хороша собой, то теперь она стала еще прекрасней. Ее красота заблистала ярким светом и, словно майское солнце, озаряла дорогу, по которой девушка шла.

— Вот ваш молитвенник, матушка,— сказала она, подавая его мачехе.

Та глядела на девушку, онемев от изумления, разинув рот, вытаращив глаза, настолько красота падчерицы ослепила ее. Когда она наконец смогла заговорить, она спросила:

— Что с тобой произошло? Отчего ты так изменилась?

— Ничего не произошло, матушка,— ответила Жанна. Она не знала, что стала такой красавицей.

— Не повстречались ли тебе у перекрестка ночные плясуны?

— Да, матушка, я их повстречала и даже плясала с ними.

— И они не причинили тебе зла?

— Нет, они даже были очень со мной любезны.

— В самом деле? А что ты видела в часовне?

— Я не приметила там ничего необыкновенного, матушка.

— В самом деле? Что ж, ложись спать!

Мачеха ночь напролет размышляла о том, что приключилось с Жанной.

— Наверно, это ночные плясуны так ее изменили,— твердила она себе.— Завтра днем я во время прогулки зайду в часовню и опять оставлю там молитвенник, а вечером пошлю за ним свою дочку. Посмотрим, что из этого выйдет.

На другой день она сказала дочери, что та будет такой же прекрасной, как Жанна, даже еще прекрасней, если тоже сходит ночью в старую часовню за молитвенником матери.

Като не очень-то хотелось идти — она была труслива и пуглива. Но в конце концов она все же согласилась, польстившись на то, что она станет такой же прекрасной, как Жанна, или даже еще прекрасней.

Когда часы пробили одиннадцать, мать сказала дочери:

— Пора идти, дитя мое! Ступай и не бойся, ничего дурного с тобой не случится.

Като сильно трусила, но ей до смерти хотелось стать красивой.

— Фидель, пойдем со мной,— сказала она и стала звать собачку сестры. Но та бегом побежала к Жанне. Като дала ей пинка и сказала:

— Ладно, гадкая собака! Обойдусь и без тебя! — И она отправилась в путь.

Дойдя до перекрестка, она увидела карликов, с песнями кружившихся в пляске. Като остановилась и стала на них смотреть, а они подошли к ней и спросили:

— Не попляшете ли с нами, сударыня?

— Эх вы, конский помет! — ответила Като.— Стану я плясать с такими грязными тварями! Тьфу!

— Ах, какая безобразная девушка! — сказал один из карликов.

— Пусть она станет еще вдвое безобразнее,— сказал второй.

— Ах, какая глупая девушка! — сказал третий.

— Пусть она станет еще вдвое глупее! — пожелал четвертый.

— Ах, какая злая девушка! — сказал пятый.

— Пусть она станет еще вдвое злее! — сказал шестой.

— И пусть она при каждом слове, которое скажет, изрыгает помет,— добавил седьмой.

И они исчезли.

Красотка Като пошла домой, не побывав в часовне.

Завидев дочь, мать вскричала:

— Господи боже! Что с тобой приключилось, бедная моя дочка? Ты не принесла мой молитвенник?

— Понятное дело, нет! Сходите сами, если нужно!

И она изрыгнула кучу конского помета.

— Что это значит? Разве тебе не повстречались ночные плясуны?

— Как же! Я их видела, этих мерзких тварей!

И она снова изрыгнула кучу конского помета.

От нее шло зловоние, лицом она стала похожа на ядовитую жабу, которая вот-вот лопнет. Като и прежде была глупа, а сейчас она еще поглупела и вдобавок стала злобной как бешеная собака.

Мать заперла ее в комнату, где никто не мог ее видеть, и поклялась, что отомстит за нее Жанне.

Вскоре слух о красоте и разумности Жанны распространился по всей стране, и со всех концов света начали стекаться богатые и знатные люди, желавшие взглянуть на нее и взять ее в жены. Однако мачеха всем им отказывала.

Однажды явился молодой принц. Красота и добрый нрав девушки так пленили его, что он тут же попросил ее руки. Но злодейка-мачеха задумала сыграть с ним шутку на свой лад и решила подменить падчерицу своей родной дочерью. Она сказала принцу, что иметь его зятем — великая честь, что и она и девушка с радостью принимают его предложение.

Немедленно отпраздновали обручение, и был назначен день свадьбы. Принц прислал невесте кольца, изумруды, золотые и серебряные украшения.

Когда день свадьбы наступил, принц явился с многочисленной свитой знатных дам и господ.

Мачеха обвесила свою Като подаренными принцем драгоценностями, а бедную Жанну заперла на ключ в большой сундук, чтобы никто ее не видел.

Молодой принц прибыл в роскошной раззолоченной карете.

Собравшись ехать в церковь, злодейка укутала дочь покрывалом и села с ней в карету. Когда дверцы кареты захлопнулись, все трое очутились в темноте. Под предлогом, что невеста очень взволнована, принцу строго наказали не заговаривать с ней, пока не кончится венчание.

Карета тронулась. Собачка Фидель бежала за ней следом. Она так и заливалась: «Гав! Гав! Гав!», что должно было означать: «Не она! Не она! Не та! Не та!»

— Почему она все лает? — спросил принц.

— Так, по глупости,— отвечала мать Като.— Не обращайте внимания на эту мерзкую дворняжку. Ей тоже хотелось бы влезть в карету, но ведь она всех нас измарает.

Когда они пересекали соседний с замком лес, на карету села птичка и сказала на птичьем языке:

Увы! Увы! Жаннет, невеста,
Кому в чертоге царском место,
Осталась дома, в сундуке,
Покорна горестной судьбе.

А та, что злее всех зверей,
Кого бы надо гнать скорей,
Та мнит себя в чести, на троне.
Ах, принц! Не ей ходить в короне!

— Что поет эта птичка? — с удивлением спросил принц.

— Ничего, зять мой,— ответила мать Като,— не стоит обращать на нее внимания.

— О, видно здесь творится что-то необыкновенное! Я хочу узнать, в чем тут дело!

Птичка снова запела. Тогда принц велел кучеру остановить лошадей и вышел из кареты. Он открыл дверцы и приподнял покрывало невесты. Увидя, с каким безобразным чудищем ему предстояло обвенчаться, он закричал от ужаса и сказал:

— Вон, гнусные скоты! Змеи и жабы! Вылезайте, да поживее, и чтобы я никогда больше вас не видел!

И немедля помчался обратно вместе со своей свитой, оставив красотку Като и ее мать посреди дороги.

Вернувшись в замок, принц стал ходить по всем комнатам, крича:

— Жанна, дорогая моя, где вы?

— Здесь! — отозвалась Жанна из сундука.

Принц схватил топор, взломал сундук и вытащил оттуда Жанну. Затем он посадил ее, не дав ей переодеться, в свой раззолоченный экипаж, повез в церковь и повенчался с ней, к удивлению всего света. А собачка Фидель, никогда не покидавшая свою хозяйку, следовала за ней до самого алтаря.

На обратном пути свадебный кортеж обогнал Като и ее мать, которые шли по грязи и плакали от злости.

Потом устроены были пышные празднества и богатые пиры. Супруги зажили счастливо, и у них было множество детей.

Хитрый кюре

НИКОГДА люди не бывают во всем согласны между собой, и на всех разом не угодишь.

Жил в одной деревне кюре, такой хитрый да изворотливый, что никому не удавалось поймать его на слове или уличить в чем-нибудь. Вот раз утром в воскресенье пришли к нему в ризницу церковные старосты его прихода.

— Здравствуйте, господин кюре!

— Здравствуйте, друзья! Что скажете?

— Господин кюре, засуха губит наш урожай. Мы пришли вас просить, чтобы вы постарались насчет дождя.

— Ничего нет легче, дети мои! Я знаю такую молитву — если ее прочитать, дождь пойдет в тот же день. Но только нужно, чтобы все как один были на это согласны и попросили меня. Вот я сегодня в конце проповеди поговорю с народом.

— Спасибо, господин кюре!

— Я всегда рад помочь вам, друзья!

Старосты вернулись в церковь, а кюре начал служить обедню. Когда пришло время проповеди, он взошел на кафедру и сказал:

— Дети мои, только что ко мне в ризницу приходили старосты нашего прихода и жаловались, что засуха губит урожай. Они просили меня вымолить у бога дождь. Я знаю одну молитву, которая вызывает дождь в тот же день, если только все как один захотят этого. Хотите, чтобы дождь пошел сегодня?

— Нет, господин кюре, — закричали парни. — Сегодня мы после вечерни хотим погулять.

— Так просить дождь на завтра?

— Нет, господин кюре,— отозвались три-четыре женщины.— У нас белье выстирано и повешено. Мы не хотим дождя, пока оно не просохнет.

— Хотите дождь во вторник?

— Нет, господин кюре,— сказали девушки.— Во вторник мы собираемся на ярмарку.

— Тогда давайте в среду?

— Нет, господин кюре,— зашумела толпа косцов.— В среду нам косить клевер.

— Хотите в четверг?

— Нет, господин кюре,— закричали мальчишки.— В четверг у нас в школе не будет ученья, и мы хотим побегать на воле.

— Может быть, помолиться, чтобы дождь пошел в пятницу?

— Нет, господин кюре,— сказал человек, который делал черепицу.— Моя черепица еще сохнет на солнце, я не могу посадить ее в печь раньше субботы.

— Тогда хотите в субботу?

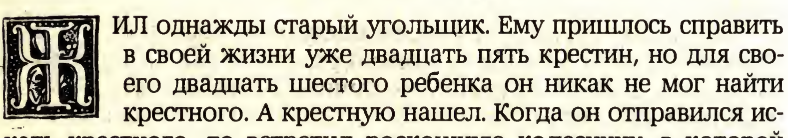
— Нет, господин кюре,— возразил мэр.— В субботу мне надо объехать деревни.

— Братья мои, я ведь вам сказал, что моя молитва о дожде помогает только в том случае, если все как один этого хотят. А до тех пор, пока вы не сговоритесь между собой, предоставим все господу богу.

Принцесса Тронколен

Это было в те года,
Когда у кур росли рога.

ЖИЛ однажды старый угольщик. Ему пришлось справить в своей жизни уже двадцать пять крестин, но для своего двадцать шестого ребенка он никак не мог найти крестного. А крестную нашел. Когда он отправился искать крестного, то встретил роскошную колесницу, в которой сидел сам король. Угольщик снял шапку и упал на колени посреди дороги. Король увидел его, вышел из своей колесницы и дал ему золотой.

— Простите, ваша милость,— сказал королю угольщик,— но я ищу не подаяния, а крестного для моего последнего ребенка, который только что родился, ищу и не могу найти.

— Почему же так?—спросил король.

— Да потому, ваша милость, что я уже справил двадцать пять крестин, и все соседи уже были у меня крестными. А куму-то я нашел!

— Ну что ж,— сказал король.— Возвращайся домой, приходи в церковь с ребенком и крестной, а крестным у тебя буду я.

И старый угольщик вернулся в свою хижину, сияя от счастья.

Дали знать крестной, взяли ребенка и пошли в церковь. Король уже ждал их там.

Когда крестины окончились, крестный дал отцу тысячу экю на воспитание и учение своего крестника. Он дал ему также половинку замка̀, которую ребенок должен будет вернуть, когда ему минет восемнадцать лет. И затем король уехал.

Ребенка назвали Шарлем.

Когда Шарлю минуло семь лет, его послали в школу, и там он учился всему, чему хотел. Как только он достиг восемнадцати лет, отец вручил ему половинку замка и велел отправиться в Париж ко двору французского короля, его крестного. Юноша поехал верхом на прекрасном коне с половинкой замка в кармане. Любо было на него смотреть! На узкой истоптанной тропинке встретил он маленькую старушку, и она сказала ему, что немного дальше, у источника, он увидит человека, который предложит ему попить.

— Но ты следуй своей дорогой, сынок, и не пей, как бы он тебя ни просил.

— Хорошо, бабушка, я не буду пить воду из этого источника,— сказал Шарль.

Когда он подъехал к источнику, то увидел там путника, который сидел в тени, словно отдыхал.

Путник сказал ему:

— Прекрасный юноша, попробуй эту воду.

— Спасибо, мне не хочется пить,— ответил Шарль.

— Выпей хоть капельку. В жизни ты не пил такой вкусной воды!

Он так настаивал, что Шарль подошел к нему, чтобы испробовать той воды. Но став на колени рядом, чтобы вместе напиться воды из источника, путник вытащил из кармана Шарля половинку замка, вскочил на коня и умчался стрелой. Шарль побежал за ним, но куда там! Он не мог его догнать и скоро потерял из виду незнакомца и коня.

«Горе мне,— подумал он.— Не послушался я совета старушки. Что же теперь делать? Все равно, пойду пешком. Рано или поздно я приду в Париж, и тогда посмотрим».

И он зашагал по дороге.

Когда вор, которого Шарль встретил у источника, приехал в Париж, он тотчас же потребовал, чтобы его допустили к королю, и показал ему половинку замка. Соединили обе половинки и увидели, что они точь-в-точь подходят одна к другой. И вот негодяй оказался желанным гостем при дворе и король принял его за своего крестника. Целые дни вор только и делал, что ел, пил, пировал да гулял.

Немного погодя приехал туда и Шарль. Его взяли во дворец пастухом. Мнимый крестник увидел Шарля, испугался и стал придумывать, как бы ему от него избавиться и погубить его. Однажды он сказал королю:

— Если бы вы знали, крестный, что сказал пастух!

— Что же он сказал?—спросил король.

— Что он сказал! Он сказал, что может пойти к Солнцу и спросить его, почему оно такое красное утром, когда встает.

— Ну, этого не может быть, он, верно, ума решился!

— Честное слово, крестный, он сказал это, и я думаю, не худо было бы послать его туда.

И пастуха позвали к королю:

— Правда ли, молодой пастух, что ты сказал, будто можешь пойти к Солнцу и спросить его, почему оно такое красное утром, когда встает?

— Я сказал это, король? Как мог я сказать такое!

— Ты сказал это, так уверяет мой крестник; надо, чтобы ты выполнил то, чем так похвалялся, а иначе смерть тебе! Отправляйся завтра же с утра.

Бедный Шарль и стал в тупик, можете мне поверить. Он глаз не сомкнул целую ночь.

Назавтра утром, прежде чем пуститься в путь, он перекрестился и сказал: «С божьей помощью!»

Он направился к востоку. Вскоре он встретил старика с белой бородой, который спросил его:

— Куда держишь путь, сынок, и отчего ты так печален?

— Право же, дедушка, сам не знаю, куда я держу путь, а печален я не без причины. Король приказал мне спросить у Солнца, почему оно такое красное утром, когда встает.

— Ничего, сынок, делай, как я тебе скажу, и ты все выполнишь. Вот деревянный конь, садись на него, и он повезет тебя в страну восходящего Солнца. Ты очутишься у подножия высокой горы, сойдешь с коня, оставишь его у подножия, а сам поднимешься до вершины. Там ты увидишь прекрасный замок. Это замок Солнца. Тебе останется только войти и исполнить приказ.

— Спасибо, дедушка.

Шарль сел на деревянного коня, конь взвился в воздух, и вскоре они очутились у подножия высокой горы. Шарль один поднялся на вершину. Там он увидел дворец Солнца, вошел туда без помех и спросил:

— Дома Солнце?

— Нет,— ответила ему старая женщина, должно быть мать Солнца.— А что тебе от него надо?

— Мне нужно поговорить с ним, бабушка!

— Ну что ж, если ты можешь подождать немного, Солнце скоро вернется. Но, бедный мой мальчик, сын-то ведь у меня будет очень голоден, когда придет, и захочет тебя съесть. Оставайся все-таки, лицо твое мне нравится, и я не дам тебя в обиду.

Скоро пришло Солнце и закричало:

— Есть хочу, умираю с голоду, мать!

— Хорошо, садись, сын мой, я тебя сейчас накормлю,— сказала ему старушка.

— Здесь пахнет человеком, мать, и я хочу его съесть!—опять закричало Солнце.

— Ну да, если ты думаешь, что я дам тебе съесть этого мальчика, то очень ошибаешься. Посмотри, какой красавчик!

— Что тебе здесь надо?—спросило Солнце у Шарля.

— Меня послали к вам, милостивое Солнце, спросить, почему вы такое красное утром, когда встаете?

— Ну что ж, я не причиню тебе зла, потому что мне нравится твое лицо, и даже поведаю тебе про то, что ты хочешь узнать. Тут в соседнем замке живет принцесса Тронколен, и каждое утро, когда я прохожу мимо ее жилища, мне приходится сиять изо всех сил, чтобы она не затмила меня своей красотой.

Назавтра Солнце встало очень рано и начало обычную свою прогулку, а Шарль ушел сразу же после него. Он спустился с горы и нашел своего деревянного коня. Конь ждал его у подножия, Шарль вскочил на коня и вскоре оказался на том самом месте, где встретился со стариком. Старик был еще там и ждал его.

— Ну как, сынок?—спросил он.—Удалась тебе твоя затея?

— Удалась, дедушка,—ответил Шарль,—да благословит тебя бог!

— Хорошо, как только я понадоблюсь тебе, позови меня и увидишь меня снова.

Тут старик сразу исчез, не успел Шарль и оглянуться.

Когда Шарль вернулся во дворец короля, все очень удивились, увидев, что он доволен и весел.

— Ну как,—спросил его король,—скажешь ты мне теперь, почему Солнце такое красное утром, когда встает?

— Да, ваше величество, я скажу вам это.

— Так отчего же?

— Оттого, что недалеко от замка Солнца находится замок принцессы Тронколен. И вот каждое утро Солнцу приходится сиять изо всех сил, проходя мимо замка принцессы, чтобы она не затмила его своей красотой.

— Хорошо,—ответил король и отослал пастуха к его баранам.

Вскоре после этого мнимый крестник опять говорит королю:

— Если бы вы знали, крестный, что сказал пастух!

— Что же он еще сказал?

— Что он сказал? Он сказал, будто может привезти к вам принцессу Тронколен, чтобы вы на ней женились...

— Правда? Велите ему сейчас же прийти ко мне.

Бедный Шарль отправился к королю, очень встревоженный.

— Что ж, молодой пастух, сказал ты, будто можешь привезти ко мне принцессу Тронколен, чтобы она стала моей женой?

— Как мог я сказать такую вещь, господин король? Надо совсем ума лишиться, чтобы такое говорить!

— Ты этим похвалялся; придется теперь исполнить, а не то смерть тебе!

Наутро Шарль отправился в путь грустный и задумчивый. «Хоть бы мне еще раз встретить того старика»,— твердил он про себя. Не успел он это подумать, а старик уж идет ему навстречу.

— Здравствуй, сынок! — сказал он.

— Здравствуй и ты, дед!

— Куда держишь путь, сынок?

— Право же, дедушка, сам не знаю. Король приказал еще мне привезти в его дворец принцессу Тронколен, а я не знаю, как и взяться за это.

— Ничего, мальчик. Возьми сперва эту белую палочку. Вернись к королю и скажи ему, что тебе нужны три корабля, один груженный кашей, другой — салом, а третий — солониной. Кашу ты отдашь муравьиному королю, который живет на острове посреди моря. Когда приедешь на этот остров, ты спросишь: «Не здесь ли живет муравьиный король?» — «Здесь»,— ответят тебе. «Так вот, я привез ему гостинцев»,— скажешь ты и покажешь на корабль с кашей. Тогда приползут все муравьи с острова и вмиг очистят корабль. «Да будет с тобой мое благословение! — ответит тебе муравьиный король.— И если я тебе когда-нибудь понадоблюсь, зови муравьиного короля, и он тотчас же предстанет перед тобой». Дальше тебе попадется другой остров, где живет король львов. Подъезжая к острову, ты опять спросишь: «Не здесь ли живет король львов?» — «Да,— ответят тебе,— здесь». И ты скажешь: «У меня для него есть подарок» — и покажешь на корабль с салом. Тогда ты увидишь, как со всех сторон острова сбегутся львы и вмиг очистят корабль. И король львов тоже скажет тебе: «Да будет с тобой мое благословение! Если я когда-нибудь понадоблюсь тебе, тебе стоит только позвать меня, и я буду тут как тут». Наконец ты попадешь на третий остров, где живет ястребиный король. Подплывая к острову, ты спросишь: «Не здесь ли живет ястребиный король?» — «Да,— ответят тебе,— здесь».— «Хорошо,— скажешь ты,— я привез ему подарок»,— и покажешь на корабль с солониной. Тотчас же явится ястребиный король, окруженный своими подданными, и вмиг корабль будет очищен. «Да будет с тобой мое благословение! — скажет также и ястребиный король.— Если я тебе когда-нибудь понадоблюсь, тебе стоит только кликнуть ястребиного короля, и я буду тут как тут». Король, твой крестный, даст тебе три корабля, груженные кашей, салом и мясом. Прежде чем отплыть, начерти белой палочкой крест на прибрежном песке, и тотчас же подует благоприятный ветер, чтобы привести тебя к желанному месту.

Смотри же, сделай все точно, как я тебе говорил, и добьешься удачи!

— Спасибо, и да благословит тебя бог, дедушка,— сказал Шарль.

И он пошел дальше.

Вот Шарль уже на море со своими тремя кораблями. Он приехал на первый остров, где живет муравьиный король, и спросил:

— Не здесь ли живет муравьиный король?

— Да, здесь,— ответили ему.

— Ну, так вот, я привез ему подарок. Скажите ему, что я прошу его прийти и принять приношение.

Дали знать муравьиному королю, и он тотчас же явился в сопровождении несметных полчищ муравьев. Вмиг корабль был очищен, и тогда муравьиный король сказал:

— Да будет с тобой мое благословение, Шарль, крестник французского короля. Ты спас нас,— ведь недород разоряет мое царство, и мы прямо умирали с голоду. Если я когда-нибудь тебе понадоблюсь, тебе стоит только кликнуть муравьиного короля, и я буду тут как тут.

Коротко говоря, Шарль плыл-плыл и приплыл к острову, где жил король львов, а потом к тому, где жил ястребиный король. Он сделал все точно, как ему советовал старик, и те обещали ему помощь и защиту, если понадобится. Прежде чем уехать с ястребиного острова, он спросил у их короля:

— Далеко ли отсюда до дворца принцессы Тронколен?

— Тебе еще предстоит долгий путь,— отвечали ему,— но ты прибудешь туда целым и невредимым. Там ты увидишь принцессу у фонтана: она будет расчесывать свои белокурые волосы золотым гребнем и гребенкой из слоновой кости. Старайся, чтобы она не заметила тебя раньше, чем ты ее, а не то она тебя околдует. Она будет стоять под апельсинным деревом, растущим у фонтана. Подкрадись тихонько-тихонько, влезь на дерево, сорви апельсин и скорее бросай его в фонтан. Тогда принцесса Тронколен поднимет голову, улыбнется тебе и попросит проводить в ее дворец. Можешь следовать за ней без боязни.

— Спасибо,— сказал Шарль ястребиному королю и двинулся дальше.

Вскоре он подошел ко дворцу, великолепному дворцу. Он увидел принцессу под апельсинным деревом у фонтана: она расчесывала свои белокурые волосы золотым гребнем и гребенкой из слоновой кости. Он влез на дерево, не замеченный ею, сорвал апельсин и бросил его в источник. Тотчас же принцесса подняла голову и увидела Шарля на дереве.

— О,— сказала она,— Шарль, крестник французского короля, так это ты! Будь желанным гостем. Слезай и проводи меня в мой дворец. Ведь я не сделаю тебе ничего дурного. Как раз наоборот.

Шарль последовал за ней во дворец. В жизни не видел он такой красоты!

Вот уже две недели жил Шарль в удовольствии и веселье и однажды спросил, не согласится ли принцесса последовать за ним ко двору французского короля.

— Охотно,— ответила она,— если вы исполните три моих приказания.

— Я попытаюсь,— ответил он.

Наутро принцесса провела его в амбар, где лежала куча семян всех сортов. Там были перемешаны семена клевера, льна, конопли, репы и капусты. Принцесса сказала ему, что до заката он должен разложить семена по кучкам так, чтобы в каждой были одинаковые семечки. Затем принцесса ушла.

Бедный Шарль остался один и заплакал, так как думал, что никто в целом свете не может выполнить такую задачу. Тогда он вспомнил о муравьином короле. «Король сказал мне,— подумал Шарль,— что если мне когда-нибудь понадобятся он и его народ, мне стоит только кликнуть их, и они придут мне на помощь. Сейчас муравьи как будто в самом деле нужны мне. Посмотрим, правду ли их король мне сказал».

— Муравьиный король, приди мне на помощь, ты мне очень нужен!

И тотчас же явился муравьиный король.

— Чем могу служить тебе, Шарль, крестник французского короля? — спросил он.

Шарль пожаловался ему на свою беду.

— Ну, если дело только в этом, не беспокойся, вмиг все будет сделано.

Тут король позвал своих подданных, и тотчас же со всех сторон приползло столько муравьев, что весь пол в амбаре покрылся ими. Король показал им, что надо было делать, и все тут же взялись за работу. Когда все было кончено, муравьиный король сказал Шарлю:

— Дело сделано.

Шарль поблагодарил его, и король исчез вместе со всеми своими муравьями.

Когда на закате пришла принцесса, она увидела, что Шарль сидит себе спокойно и ждет ее.

— Приказ мой выполнен? — спросила она.

— Да, принцесса, все сделано,— ответил Шарль.

— Ну-ка, поглядим.

И она стала разглядывать все кучки. Она брала горсточку семян из каждой кучки и подносила ее к глазам. Ни в одной не нашла она разных семян, все были одно к одному, все на своем месте. Она очень этому удивилась.

— Хорошо выполнено,— сказала она.— А теперь пойдем ужинать.

На другой день она приказала Шарлю срубить длинную аллею огромных дубов и дала ему для этого деревянный топор, деревянную пилу и деревянные клинья. Все деревья надо было срубить до заката в тот же день.

Тут наш молодец опять стал в тупик.

«Если только король львов не придет мне на помощь,— подумал он,— я никогда с этим делом не справлюсь».

И он кликнул короля львов:

— Король львов, приди мне на помощь, ты мне очень нужен!

И король львов тотчас же явился.

— Чем я могу служить тебе, Шарль, крестник французского короля? — спросил он.

Шарль рассказал ему о своей беде.

— Только-то всего? Не беспокойся тогда, вмиг все будет сделано.

Тут король зарычал страшным голосом, и тотчас же всю аллею заполнили львы.

— Ну, дети мои,— сказал им король,— вырвите-ка мне с корнем эти деревья и разрубите их, да побыстрей!

Тут они сразу взялись за работу и давай трудиться один усерднее другого. Все было сделано еще до заката.

Когда пришла принцесса, она очень удивилась, увидев, что все дубы вырваны с корнем и разрублены, а Шарль лежит на спине и спит или притворяется спящим.

«Вот это человек!» — подумала она.

Она тихонько, на цыпочках подкралась к Шарлю и поцеловала его два раза. Шарль проснулся.

— Работа сделана, как я погляжу,— сказала принцесса.

— Да, принцесса, все сделано.

— Хорошо, пойдем ужинать. Ты, верно, проголодался.

На другой день она сказала ему, чтобы он взорвал и сровнял с землей большую-большую гору, повыше горы Бре. Ему дали тачку и деревянную лопату. Работу надо было кончить до заката.

Подойдя к подножию горы, Шарль посмотрел на нее и сказал себе:

«Как же быть? Я никогда с этим не справлюсь. Но ястребиный король еще ничего для меня не сделал. Надо позвать его,— он единственная моя надежда».

— Ястребиный король, приди мне на помощь, ты мне очень нужен!

И тотчас же спустился к нему ястребиный король.

— Чем могу я служить тебе, Шарль, крестник французского короля? — спросил он.

— Принцесса Тронколен сказала мне, что надо взорвать и сровнять с землей эту высокую гору еще до заката, и если ты мне не поможешь, я прямо не знаю, как справиться с этим.

— Если только в этом дело, не беспокойся, все будет кончено еще до заката.

Тут ястребиный король закричал страшным голосом, и тотчас же слетелись ястребы такой огромной тучей, что затмили собой свет солнца.

— Что надо делать, король? — спросили они.

— Перенести эту гору так, чтобы от нее осталось гладкое место, да поживей, дети мои!

И ястребы давай раздирать гору когтями и переносить комья земли в море. Работали они так усердно, что все было закончено еще задолго до заката, и никто бы не сказал, что еще утром на том месте была гора.

Когда на закате пришла принцесса, она увидела Шарля, спящего под деревом, и опять поцеловала его два раза. Он тотчас же проснулся и сказал:

— Ну что ж, принцесса, работа сделана — смотрите, нет больше горы. Теперь надеюсь, что вы отправитесь со мной во дворец французского короля.

— Охотно,— ответила она.— Едем сейчас же.

И они направились к морю. Корабли Шарля еще стояли там. Они сели на корабль, поплыли и без помех приехали во Францию. По дороге они посетили старика, и тот сказал Шарлю:

— Ну что ж, сынок, удалась тебе твоя затея?

— Удалась, дедушка, да благословит тебя бог!

— Хорошо! А теперь отправляйся к своему крестному; испытания и горести твои окончены, и больше я тебе не нужен.

Когда Шарль прибыл ко дворцу короля, а с ним принцесса Тронколен, все стали дивиться ее красоте. Старый король прямо голову потерял и хотел жениться на ней сейчас же, хотя королева, жена его, и была еще жива.

— Нет,— сказала ему принцесса,— не затем я приехала, чтобы выходить за вас замуж. Не пойду ни за вас, ни за дьявола, что тут с вами.

— Здесь дьявол? Где же он? — вскричал король.

— Тот, кого вы принимаете за вашего крестника,— дьявол, а вот ваш настоящий крестник,— сказала принцесса, указывая на

Шарля.— Он претерпел все мучения, и ему следует награда; он-то и будет моим мужем.

— Но как же прогнать дьявола? — спросил король.

— Найдите сначала молодую женщину, недавно вышедшую замуж и беременную первым ребенком. Когда вы ее найдете, растопите печь докрасна и бросьте туда дьявола. Он будет бесноваться и вопить от ярости и чего только не станет вытворять, чтобы выйти из печи! Но молодая женщина будет держать его там, грозя ему своим обручальным кольцом.

Нашли молодую женщину, беременную первым ребенком, растопили печь докрасна и бросили туда дьявола. Он бесновался и кричал ужасно, так что весь дворец дрожал. Но когда он пытался выскочить из огня, молодая женщина подносила к отверстию печи обручальное кольцо и заставляла дьявола отступать. Так что наконец он сказал:

— Удалось бы мне продержаться здесь еще год, я довел бы королевство до гибели.

Но пришлось ему сдохнуть в печи.

Тогда Шарль женился на принцессе Тронколен. Старый угольщик с женой и всеми своими детьми тоже были приглашены на свадьбу. Ну и пир же там был! И шум, и гам, и ликование! Колокола так и трезвонили, флаги развевались, и скрипки пели!

Райский табурет

АССКАЗЫВАЮТ, что один человек из Гишена, попав после смерти на тот свет, подошел к воротам рая и попросил святого Петра впустить его, потому что ему нужно поговорить с господом богом.

— Господа бога сейчас нет дома,— отвечал небесный вратарь.— Подожди немного.

Проситель, ослабевший от болезни, которая свела его в могилу, присел на корточки у дверей. Вдруг он заметил на ковре у своих ног золотой ключ, выпавший, должно быть, из связки, которую носил на поясе святой Петр.

Он поднял ключ и, осмотревшись вокруг, заметил узенькую дверь с замочной скважиной, к которой золотой ключ пришелся как раз. Гишенец отпер эту дверь и очутился в тронном зале. Там господь бог творит суд, а вокруг него на серебряных табуретах сидят ангелы.

Зал был пуст, и гишенцу вздумалось посидеть минутку на троне отца небесного.

Не успел он сесть на трон, вознесенный над нашей планетой, как увидел все, что на ней происходит.

В одном месте у реки прачки стирали белье. Они развесили его на кустах, росших по косогору, и ушли обедать. Ловкий вор, который только этого и ждал, выскочил из-за кустов, снял белье, связал его прутьями дрока и пустился наутек.

Временный заместитель господа бога, возмущенный такой подлостью, схватил один из серебряных табуретов и запустил им сверху в убегавшего вора.

Потом, услыхав за дверью шаги, наш гишенец поскорее сошел с трона, выбрался из зала и опять сел на ковер, предоставляя господу богу и ангелам занять свои места.

Всевышний тотчас заметил, что не хватает одного табурета. Он спросил у святого Петра, что тот с ним сделал.

— Решительно ничего,— отвечал небесный вратарь.— Не знаю, куда он девался. Уж не стащил ли его тот человек, что ждет у дверей и хочет говорить с вами?

— Зови его сюда,— приказал господь бог.

— Это ты взял табурет, который стоял по левую руку от меня?— спросил он у гишенца.

— Да, господи. Я его взял, это верно, но его у меня нет.

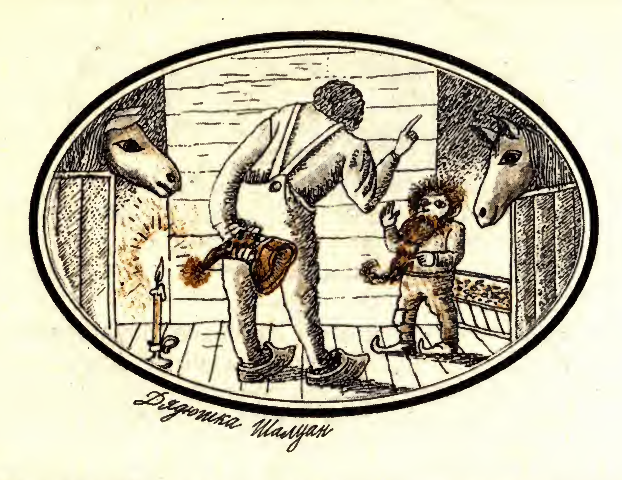
— Куда же ты его девал?

— А я швырнул им в голову вору, который утащил белье у прачек.

Господь бог захохотал во все горло.

— Черт возьми, как ты скор на расправу! Если бы я вздумал убивать на месте всех воров, сколько их есть на земле, миру скоро наступил бы конец.

Домовые

В ДАВНИЕ времена в Монтье был домовой, который повадился ходить каждую ночь в конюшню дядюшки Шалуана; он чистил лошадей скребницей, расчесывал хвосты и гривы, засыпал им корм и поил их. Лошади раздобрели, залоснились, но овес в закромах убывал очень уж быстро, и невозможно было дознаться, кто его крадет. Однажды дядюшка Шалуан сказал себе: «Должен же я наконец дознаться, кто чистит моих лошадей и крадет мой овес!»

Как только стемнело, он притаился в конюшне. Вскоре он увидел, как туда вошел домовой в красном колпачке. Дядюшка Шалуан тотчас схватил вилы и закричал:

— Вон отсюда, негодник, не то я убью тебя! — И сорвал с домового колпачок.

— Отдай мой колпачишко, — вскричал домовой, — не то я превращу тебя в осла!

Но хозяин не выпускал колпачка из рук и продолжал вопить:

— Вон отсюда, негодник, я тебя убью!

Домовой наконец ушел, а дядюшка Шалуан рассказал своим домашним о том, что произошло, и как домовой грозил превратить его в осла за то, что он отнял у него красный колпачок.

На другое утро работники, обеспокоенные тем, что дядюшка Шалуан долго не показывается, пошли в конюшню и очень изумились, увидев, что подле лошадей стоит какой-то осел. Они тотчас вспомнили угрозу домового. Ему вернули красный колпачок, и осел снова стал дядюшкой Шалуаном.

Тому назад три тысячи, а то и больше, лет у нашего соседа на гумне было много хлеба. И вот, каждое утро, когда он приходил на гумно, оказывалось, что часть зерна уже обмолочена, а на току приготовлены снопы для обмолота к следующему дню. Он никак не мог понять, в чем тут дело.

Однажды вечером, спрятавшись в уголке, он увидел, как на гумно вошел крохотный человечек и давай молотить!

Сосед сказал себе: «Я должен подарить этому малышу нарядный кафтанчик за его труды». А человечек-то был совершенно гол. Вот сосед и сказал жене:

— Наш хлеб молотит какой-то человечек, надо ему сшить нарядный кафтан.

Наутро жена соседа собрала разные лоскуты и сшила из них кафтанчик, который ее муж затем положил на кучу зерна.

На следующую ночь домовой опять пришел; взявшись за молотьбу, он нашел кафтанчик. От радости он начал скакать по гумну, приговаривая:

— За хорошим хозяином служба не пропадает!

Он немедля надел кафтанчик и нашел, что он чудо как хорош!

— Раз я получил за свой труд — пусть теперь молотит кто хочет!

Сказано — сделано. С этими словами человечек ушел и больше уж не возвращался.

Барбаик Лохо и домовой

БАРБАИК Лохо была служанкой в Керарборне, в окрестностях Плуара. В ту пору она еще была молода и слыла проказницей и хохотушкой. В Керарборне, как и везде, был свой добрый домовой, который взял на себя заботу о коровах фермы — потому-то они и давали так много самого лучшего молока, жирного и с густыми сливками. О лошадях домовой Керарборна совершенно не заботился,— он угождал только женскому полу. Ночью он подметал кухню, мыл посуду, чистил кастрюли и медные тазы и наводил на них блеск, он натирал мебель, шкафы, буфеты и старинные поставцы из резного дуба и делал это так, что на кухню старой Маркхарит, предшественницы Барбаик, любо было смотреть. Всюду царила удивительная чистота, все так сияло и блестело, что можно было глядеться в каждую вещь, как в зеркало. Что и говорить, хорошо жилось стряпухе в Керарборне! Но уж зато каждый день, когда Маркхарит ложилась спать, она всегда, бывало, позаботится, чтобы зимою в печи было достаточно жара; в углу, у самого очага, она клала круглый камень-голыш, отполированный морскими волнами и имевший форму тыквы, и, лежа в постели, смотрела, как ее милый домовой, окончивши все свои работы, пробирался к этому камню, устраивался на нем и грелся, слушая песни своего приятеля сверчка, покуда не пропоют петухи. Ростом он был меньше фута, но Маркхарит ни разу не удалось увидеть его лицо, так как оно всегда было скрыто широкополой шляпой, вроде тех, какие носят в Корнваллисе. К доброму домовому все привыкли и его не боялись, потому что он никому не делал зла.

Но вот старая Маркхарит умерла, и место стряпухи, которого все так добивались, досталось молодой Барбаик. Она была счастлива и гордилась этим. Сначала все шло как нельзя лучше. Домовой охотно помогал красивой и веселой Барбаик и избавлял ее от самой грубой работы: ему нравились ее песни и ее смех, которые целый день разносились по всему дому вместо воркотни и брюзжания старой Маркхарит. Но у Барбаик всегда была какая-нибудь шалость или проказа на уме, и вот однажды ей вздумалось подшутить над своим другом домовым. Увы, это было началом всех ее несчастий!

Однажды вечером, перед тем как лечь спать, она нагрела погорячей на огне камень-голыш и затем положила его на обычное место. Она лежала в постели и с нетерпением ждала появления домового. Он пришел, как всегда, и, ничего не подозревая, направился на свое всегдашнее место, но сейчас же вскочил и со страшным криком, от которого содрогнулся весь дом, бросился бежать, почесывая зад и опрокидывая все на своем пути. Барбаик испугалась: она поняла свою оплошность и теперь горько раскаивалась в ней! Но увы! Уже было поздно! Начиная с этого дня все пошло кувырком. Коровы исхудали, стали совсем тощие и почти не давали молока, а то немногое, что они давали, сейчас же скисало. В кухне был беспорядок и невообразимая грязь. Бедная девушка разучилась смеяться, и у нее сделалась такая несчастливая рука, что стоило ей прикоснуться к тарелке или к горшку, как эта вещь падала на каменные плиты пола и разбивалась вдребезги, и тогда ей слышался страшный, злорадный смех. Стряпня ее также стала отвратительна: и суп и каша всегда были либо недосолены, либо пересолены, блины подгорали, мясо недожаривалось; слуги беспрестанно жаловались на еду, и кончилось тем, что Барбаик рассчитали. Она вскоре нашла другое место, но несчастья следовали за ней по пятам, и наконец никто уже не хотел ее держать. Бедная девушка совсем отчаялась, пала духом, и немного времени спустя ей пришлось стучаться во все двери и просить подаяния. Так из-за проклятия домового, которого она обидела, она в тридцать лет превратилась в сгорбленную старуху.

Три скрипача в раю

ДНАЖДЫ святой Петр и святой Иоанн затеяли у входа в рай отчаянную перебранку. Неизвестно, по какому именно поводу они спорили, но причина, видно, была нешуточная, потому что оба святых, начав с колкостей и ругательств, кончили рукопашной. Обхватив друг друга, они дрались, как два разъярившихся извозчика.

Святой Петр был побит. Он поднялся весь в пыли, испытывая досаду, совершенно недостойную столь высокопоставленного святого, и изо всей силы швырнул в лицо святому Иоанну огромные тяжелые ключи от рая.

Но глава апостолов, ослепленный яростью, плохо целился. Ключи упали к ногам святого Иоанна, который быстро схватил их и заявил, что отныне он сам будет открывать и закрывать небесные врата. Как бывший привратник ни умолял кума простить ему минутную вспышку, как ни заискивал перед ним, стараясь выманить ключи, святой Иоанн даже слушать ничего не желал и только презрительно усмехался, когда святой Петр грозил пожаловаться самому богу. Он знал, что святой Петр побоится, как бы господь не разбранил его за то, что он дал волю своей злобе, и не посмеет принести жалобу на него, святого Иоанна.

Новый привратник, еще неопытный в исполнении своих обязанностей, разрешил переступить священный порог нескольким душам, не имевшим на то никакого права. Дьявол, явившись к нему самолично, упрекнул его в чрезмерной снисходительности и сказал, что непристойно святому отбивать хлеб у бывшего архангела. Он клялся, что донесет об этих делах богу-отцу. Но

святого Иоанна ничуть не тронула угроза: он знал, что дьяволу не войти в рай.

Среди людей, проникших благодаря легкомыслию святого в царство блаженных, оказались три скрипача. Но вместо того, чтобы вести себя благопристойно в том почтенном обществе, куда они контрабандой затесались, они принялись играть на своих скрипках самые залихватские и соблазнительные мотивы. Вскоре их окружила целая толпа святых помоложе — юношей и девушек, которые тут же стали водить хороводы и плясать, к великому негодованию патриархов и престарелых угодников, стойких в своей добродетели. Те отправились доложить богу-отцу о скандальных и неслыханных вещах, творящихся в раю.

Бог-отец приказал явиться святому Иоанну, на которого ему указали как на первопричину всего этого безобразия. Он выругал святого за то, что тот силой завладел ключами, и велел без всяких проволочек вернуть их Петру, испокон веку облеченному правом исполнять обязанности ключаря. Святого Петра он, в свою очередь, распек за то, что тот поддался гневу, но апостол, обрадованный разрешением вступить вновь в свои права, на эти упреки ничуть не обиделся. Что же касается святого Иоанна, то он получил приказ удалить трех пройдох, забравшихся в рай по его оплошности.

Святой Иоанн очутился в очень затруднительном положении. О том, чтобы вывести скрипачей силой, нечего было и думать. Вступивший однажды в рай может покинуть его лишь по собственному желанию. Усевшись в уголок, святой Иоанн стал размышлять, как тут быть, однако ничего не мог придумать.

А бесчинства в раю все продолжались. Но так как музыканты играли без устали, струны скрипок стали лопаться одна за другой, волос на смычках поизносился, и скрипачи уже чувствовали, что им вскоре придется прекратить игру. Святой Иоанн узнал об их беде, и в нем зародилась надежда хитростью избавиться от непрошеных гостей, проскользнувших в рай.

Он вызвал из города барабанщика, посадил его недалеко от райских ворот и велел ему барабанить и кричать, что у него-де имеются в продаже три прекрасные скрипки, большой запас струн, смычков и канифоли; кто хочет купить, пусть обращается к нему, и он уступит товар по самой сходной цене.

При этом известии музыканты запрыгали от радости и поспешно выскочили из рая, чтобы купить новые скрипки. Они накупили всего, не торгуясь, но когда захотели войти обратно, святой Петр безжалостно захлопнул ворота рая перед самым их носом. Как уверяют, он совершенно равнодушно отнесся к мольбам праведной молодежи, которая толпами осаждала его, заклиная разрешить веселым музыкантам вернуться в рай.

Крестьянин Толоме и дьявол

МЕЖДУ Варлуа и Конте, возле Мон-Файи, жил некогда со своей семьей крестьянин по имени Толоме. Вначале дела на его ферме шли хорошо, но потом у Толоме умер отец, и с этого дня на беднягу так и посыпались несчастья. Неурожаи сменялись неурожаями, скот одолевали болезни одна другой хуже, сеньор становился все жадней, жена и дети не переставали болеть, и под конец Толоме совсем обнищал. Что тут было делать? Как он ни старался, как ни ломал себе голову с утра до вечера, жить становилось все тяжелее.

А тут еще в тот самый вечер, когда пала его последняя лошадь, на ферме случился пожар, и сгорели все хлева и амбары; уцелели только курятники, собачья конура и часть дома. Хуже этого ничего не могло быть. Толоме был разорен, разорен вконец.

На другое утро бродил он по опушке горелого леса. У него было так тяжко на душе, что он невольно воскликнул:

— Хоть бы дьявол выручил меня!

Не успел он произнести эти слова, как откуда ни возьмись к нему на плечо вскочил маленький человечек, ростом всего в несколько дюймов, и запрыгал взад и вперед по остолбеневшему от удивления Толоме.

Толоме с удовольствием отметил про себя, что это был хорошенький маленький дьявол, веселый, живой, резвый и к тому же одетый в красивый зеленый камзол с бахромой из чистого золота. Шляпа, на которой торчало длинное павлинье перо, была лихо надвинута на его маленькое личико.

— Толоме, Толоме, плохи твои дела, как я погляжу! На полях твоих растут одни сорные травы, скот погиб, жена больна, почти вся ферма сгорела! Ты уже не знаешь, какому святому молиться, вот и позвал меня. Что ж, я пришел. Давай поговорим начистоту. Чем я могу тебе служить?

Толоме объяснил дьяволу, что ему нужно.

— Отлично, дядюшка Толоме. У тебя будет прекрасная ферма, большие амбары и сараи, полные зерна и сена, много лошадей и коров, жена и дети выздоровеют,— если только ты хочешь этого...

— Хочу ли я? Еще бы!

— Все это ты получишь сегодня ночью, в ту самую минуту, когда на твоем дворе пропоет петух; зато, если я честно выполню свое обещание...

— Что тогда?

— Тогда ты отдашь мне душу твоего старшего сына.

— Душу моего старшего сына?

— Да.

— Вы, верно, шутите?

— Ничуть. Хочешь — соглашайся, хочешь — нет. Ничего за ничего — вот мое правило. Даешь — берешь!

Толоме призадумался. Он понимал, что отдать душу сына злому духу — страшное дело; но, с другой стороны, он представил себе, как будет хорошо на новой ферме, и согласился.

— Идет,— сказал он зеленому человечку.— Я согласен, но с условием, что ты все приготовишь к той самой минуте, когда пропоет петух. Если же ты не успеешь, ферма останется за мной, а ты ничего не получишь.

— Ладно, по рукам. Теперь подпиши.

Злой дух вынул из кармана огромный свиток пергамента, в который можно было бы спрятать десяток таких дьяволов. Он развернул его, затем вытащил из кармана сперва очиненное гусиное перо, потом стол и, наконец, нож, которым он надрезал крестьянину руку. Показалась алая капелька, злой дух смочил перо кровью и передал Толоме, чтобы тот подписал страшный договор. Толоме поставил свое имя рядом со множеством других имен.

Потом человечек перекувырнулся, спрятал в карман пергамент, нож, перо и стол и исчез в кустарнике с радостными возгласами:

— Ха-ха-ха! У Дик-и-Дона снова выдался удачный денек!

Толоме бродил по лесу до самого вечера.

Вернувшись домой, он увидел, что тысячи маленьких дьяволов таскают камни, известь, песок, сносят старые стены, роют землю, куют, обтесывают,— все это с невообразимой быстротой

и адским шумом, в то время как другие дьяволята светят им факелами.

Жена и дети Толоме сразу выздоровели, но их очень удивляла эта суматоха, и они никак не могли понять, откуда Толоме раздобыл всех этих работников, отстраивавших их ферму.

Крестьянин рассказал жене о том, что произошло между ним и дьяволом возле горелого леса, и попросил у нее совета.

— Что ты наделал, несчастный! Отдать своего сына дьяволу! Да ты сам не лучше дьявола!

— А я рассчитывал, что ты поможешь мне обмануть его и с честью выбраться из этого дела.

Жена Толоме призадумалась.

— Ты говоришь, что дьявол должен кончить всю работу к той минуте, когда пропоет петух? Хорошо. Недаром господь бог издавна решил, что женщины должны дружить со змием. Я сумею сохранить и новую ферму и душу сына.

Дьяволы получили приказ кончить работу раньше, чем забрезжит день, к пяти часам утра, когда обычно просыпаются петухи. Вот тут-то и решила провести их жена Толоме.

Около четырех часов утра она потихоньку встала и пошла в курятник. Работа была почти закончена. Крестьянка отперла курятник и разбудила петуха, который во всю глотку заорал: «Кукареку, кукареку!»

Так перехитрили дьявола Дик-и-Дона. Он удрал вместе со всеми своими помощниками, оставив незаконченной ограду, в которой не хватало нескольких камней. На месте старой выросла новая прекрасная ферма. Амбары и сараи ломились от зерна и сена, в конюшне и хлевах стояли сильные лошади и откормленные коровы, а в шкафу лежал большой мешок с золотом.

С этого дня крестьянин Толоме зажил богато и счастливо и никогда больше не видел обманутого им Дик-и-Дона, который решил больше не возобновлять знакомства с тем, кто однажды его надул.

Откуда взялись блохи

ДНАЖДЫ господь бог и святой Петр прогуливались по берегу Луары, между Шамальер и Ворэй. Гуляя, они толковали о людях и о том, как трудно наставлять их на путь истинный.

На том месте, где река делает поворот, святой Петр вдруг указал господу богу на женщину в лохмотьях, которая лежала на песке и грелась на солнце. Женщина была еще молода, но лицо ее выражало отчаянную скуку. От господа бога ничто не укроется, и он сразу увидел, что эта женщина скучает от безделья.

Тогда он, по безмерной доброте своей, вынул из глубокого кармана горсть блох и бросил их на женщину, говоря:

— Женщина, праздность — мать всех пороков. Вот тебе занятие!

С того дня у женщин завелись блохи. И от нечего делать они развлекаются тем, что ищут у себя блох.

Клубок шерсти

ТЕТУШКА Миетта из деревни Месс была так скупа, так скупа, что готова была стричь шерсть с яйца.

Раз она с прялкой в руке гнала своих коров в поле Обеспи и нашла на дороге большущий клубок шерсти, похожий на какого-то зверька. Она проворно наклонилась, чтобы его подобрать. Она так спешила, так спешила, что и не подумала о прядильщице, потерявшей клубок. Она уже видела его в объемистом кармане своего передника, который как будто нарочно сделан для этого.

Но тетушке Миетте никак не удавалось поймать клубок. Он все катился, катился вперед, и, чтобы схватить его, она второпях бросила у дороги свою прялку. Теперь у нее обе руки были свободны и жадно тянулись к клубку. Но клубок ускользал и все катился да катился вперед!

Тетушка Миетта забыла о своей прялке, брошенной на дороге, о своих двух красавицах коровах, которые по привычке спокойно пошли сами на выгон. Она как сумасшедшая гналась за клубком, который убегал от нее. Словно блуждающий огонек, мелькал он впереди и упорно не давался ей в руки. Задыхаясь, пробежала она через деревенский луг, поднялась, сама того не заметив, на холм Шатель-Гвизон. Она, кажется, готова была бежать за таинственным клубком на край света. Наконец ей удалось ухватить не клубок, а кончик нитки, которая тянулась за ним.

Она принялась наматывать нитку на пальцы и так постепенно намотала великолепный большой клубок. А тот, первый, не

уменьшался и все убегал вперед, увлекая за собой старую Миетту.

Теперь она довольна: она держит обеими руками, прижимая к груди, громадный клубок шерсти. Она свяжет из него куртку и штаны мужу, юбку себе, а остальную шерсть продаст... Вот так удача! Тетушка Миетта не чувствует усталости.

Клубок скоро становится так велик, что уже невозможно наматывать на него нитку. Тетушка Миетта очень огорчена, но делать нечего,— нитку нужно оборвать. Тетушка Миетта обрывает ее со вздохом сожаления.

Вдруг желанный клубок, за которым она так гналась, делает невероятный прыжок и скрывается из виду! В тот же самый миг второй великолепный клубок, который она с таким трудом намотала, выскользнул из ее рук, несмотря на все усилия удержать его.

И вот старуха снова бросается в погоню! Ей удалось опять поймать конец нитки. Двадцать раз она сматывала нитку в клубок, и двадцать раз ее работа кончалась ничем.

Тетушку Миетту видели в тот день в Мон-Редоне, и в Шастре, и в Урсьере — повсюду. Растрепанная, запыхавшаяся, измученная, бежала она за клубком, лихорадочно перематывая его.

Ее муж нашел обеих коров в поле Обеспи, а прялку жены — на краю дороги. А старая Миетта все не может остановиться, так и бежит до сих пор по лесам и полям.

Если найдете на дороге клубок шерсти, похожий на маленького зверька, подберите его, но только с тем, чтобы вернуть прядильщице, которая его обронила.

Грот Корбьер

ТЕ ВРЕМЕНА, когда самые древние старики нашего прихода еще без штанов бегали, Агнеса Депе жила со своим мужем в уединенном домике, там, где начиналась дорога в Корбьер. Дорога эта проходила мимо грота фей, и вход в него был хорошо виден с моря. В ночной тиши Агнеса часто слышала, как стучало колесо прялки, и глухой звук его шел как будто из-под камня у очага. Иногда под камнем пел петух, плакал ребенок, порой было слышно, как в маслобойке сбивают масло. Но ни Агнеса, ни ее муж не боялись этих подземных звуков, так как знали, что они исходят от фей, живших в гроте Корбьер,— феи же эти не были злы, и никто не мог сказать о них ничего дурного.

Как-то ночью один рыбак зашел за мужем Агнесы, чтобы вместе отправиться на берег Мары удить рыбу. В то время как муж Агнесы одевался, она, лежа в постели, спросила рыбака:

— Не знаешь ли, который час?

— Нет,— ответил он,— точно не знаю.

Не успел он произнести эти слова, как из-под земли раздался голос:

— Теперь два часа пополуночи.

Люди, бывшие при этом, даже не вздрогнули, только посмеялись, так как они уже привыкли к звукам, исходившим из-под камня у очага. Они знали, что ответил не кто иной, как фея, и громко сказали:

— Благодарим вас.

Спустя некоторое время ребенок у Агнесы заболел, да так тяжко, что, казалось, вот-вот умрет.

Мать, не зная, чем помочь ему, очень горевала.

— Ох, боже мой,— причитала она,— мой бедный малыш умирает!

Вдруг она услышала глухой шум в трубе, как будто стучали о камень у очага, и в ту же минуту кто-то сказал:

— У твоего ребенка круп. Встань и подойди сюда, я дам тебе лекарство, и он выздоровеет.

На этот раз Агнеса испугалась и быстро юркнула под одеяло. Но, вспомнив о своем больном ребенке, она собралась с духом, вскочила с кровати и зажгла свечу. Тут она увидела, что камень под очагом сдвинулся и стал медленно приподыматься. Агнеса помогла поднять его, и когда камень стал на ребро, из открывшегося отверстия высунулась рука и подала Агнесе маленькую бутылочку.

— Разотри ребенку горло и грудь этой настойкой,— сказал голос, выходивший из-под земли,— и спрячь хорошенько бутылку.

Камень снова лег на прежнее место, так что теперь никак нельзя было догадаться, что его сдвигали. Агнеса поспешила натереть мальчика лекарством; он сразу перестал жаловаться и очень скоро выздоровел. Агнеса на радостях выболтала все своей соседке. Переходя от одного к другому, весть прошла по деревням. Услужливая Агнеса стала давать свою бутылочку всем, у кого болели дети, и они очень быстро выздоравливали.

Прошло много времени, и как-то у мужа Агнесы сделались колики; его всего корчило от боли, такие они были сильные. Агнеса побежала к соседке за бутылкой — в ней на дне оставалось еще немного настойки. Но соседка нечаянно уронила бутылку, и та разбилась вдребезги.

Бедная женщина вернулась домой убитая горем, потому что боли у мужа все усиливались, и она боялась, что он уже при смерти. Она села у очага и сказала, всхлипывая:

— Фея-благодетельница, вы дали мне бутылочку, вылечившую моего мальчика и многих других людей,— неужели вы допустите, чтоб мой муж умер?

Никто ничего не ответил. Тогда она приподняла торопом камень и, став перед открывшимся отверстием на колени, начала плакать и молить о помощи. Наконец показалась рука, и фея протянула ей бутылку со словами:

— Будь осторожна, Агнеса,— это последняя бутылочка, которую я могу тебе дать. Смотри не давай ее никому и ни одной живой душе о ней не рассказывай.

Как только женщина натерла своего мужа настойкой, он сразу выздоровел, и на этот раз Агнеса тщательно запрятала бутылочку в шкаф.

Некоторое время спустя Агнеса услыхала песенку, звучавшую из-под земли. Песня была такая нежная и мелодичная, что Агнеса пришла в восторг. Пели хором три или четыре голоса, и она позвала соседку послушать. В следующую ночь под землею долго играли на скрипке.

Все эти чудеса заставили Агнесу призадуматься, и она сказала себе: «Когда-нибудь они все поднимутся сюда и войдут в мой дом через отверстие в очаге».

Но при мысли, что обитатели грота ничего, кроме добра, ей не сделали, она приободрилась. Тут же ей вспомнились корова и две овцы, которых у нее украли с пастбища.

«Нужно будет спросить у фей,— подумала она,— кто крадет скот. Уж, конечно, феи смогут мне это сказать, если пожелают».

В другой раз ночью она снова услыхала голос:

— Кумушка, есть ли у тебя огонек?

— Да,— ответила Агнеса,— к вашим услугам.

И вот камень у очага поднялся. Агнеса взяла горящую лучину, поднесла к отверстию, и при свете лучины увидела, как протянулась к ней прекрасная женская рука со сверкающими перстнями на каждом пальце.

— Ах, сударыня,— сказала Агнеса,— не можете ли вы сказать, где мне найти свою корову и обеих овец? Я была бы вам очень благодарна, ведь у меня теперь ничего нет для моих бедных деток.

— Хорошо,— ответила фея.— Вот тебе маленькая коробочка, в ней мазь из овечьих и коровьих рогов. Смажь ею веревки, которыми ты привязывала своих животных, и у тебя снова появятся овцы и корова.

Камень опустился на место, а на следующий день, как только рассвело, Агнеса смазала веревку, оставшуюся от украденной Пеструшки, и тотчас перед ней оказалась прекрасная корова. Смазала веревки, на которых водила пасти овец, и у нее появились новые овцы, еще лучше украденных.

Агнеса была рада-радешенька, она только жалела о том, что не попросила хлеба. Не переставая думать об этом, она все твердила:

— Как хорошо было бы попросить фею подарить нашей семье волшебную краюху хлеба, которая всегда бы оставалась целой!

Однажды ночью, когда в доме не было ни крошки съестного, ребенок Агнесы стал плакать от голода и просить хлеба. Агнеса

услыхала под землей шум и, вложив молоток в руку своего мальчика, сказала:

— Крепко постучи по камню у очага и попроси хлеба у милосердной дамы, сделавшей нам так много добра.

Она говорила очень громко — нарочно, чтобы ее услышали. Мальчик взял молоток, стал стучать им изо всех сил по камню и умильно приговаривал:

— Добрая дама, дайте мне хлеба, я хочу есть!

Они услышали, как по камню что-то стукнуло: «стук-стук!» Камень поднялся, рука положила на очаг каравай хлеба, и чей-то голос сказал:

— Возьми, малыш, этот хлеб. Если ты бережно будешь относиться к моему подарку и станешь делиться им только со своими родителями, его хватит тебе на всю жизнь.

Каравай всегда оставался целым, сколько бы от него ни отрезали. Так оно длилось десять лет. Но однажды вечером муж Агнесы, хлебнувший лишнее, привел с собой приятеля и, вынув из шкафа хлеб, подаренный феей, отрезал гостю большой ломоть. Волшебный хлеб исчез в один миг, и как Агнеса вместе с детьми ни молила фей из грота подарить им другой каравай, феи остались глухи к этим просьбам.

Морганы на острове Уэссан

ОГДА-ТО давно, очень давно, может быть, еще в те времена, когда святой Павел пришел из Иберии на наш остров, жила в Уэссане одна красивая девушка лет шестнадцати — семнадцати, и звали эту девушку Мона Кербили. Так хороша была Мона, что все, кто ее видел, с восторгом говорили ее матери:

— Ну и красивая же дочка у вас, Жанна! Она хороша, как моргана, никогда еще не видывали на нашем острове такой красавицы. Можно подумать, что она дочь какого-нибудь моргана.

— Не говорите так,— возражала добрая мать Моны.— Видит бог, ее отец — Фанш Кербили, мой муж. Это так же верно, как то, что я — ее мать.

Отец Моны был рыбак и почти все время проводил в море. Мать работала на клочке земли подле хижины, а в непогоду пряла лен. Мона ходила с другими девушками на морской берег собирать разные съедобные ракушки, которыми кормилась вся семья.

Должно быть, морганы — их тогда много водилось на острове — заметили Мону и так же, как и люди, были поражены ее красотой.

Раз, когда она, как всегда, сидела с подругами на берегу, девушки заговорили о своих женихах. Каждая хвалила своего за то, что он хороший рыбак, ловко умеет провести лодку среди множества подводных камней, которыми окружен остров.

— Напрасно ты, Мона, воротишь нос от Эрвона Кердюдаля,— сказала Маргарита Арфур дочери Фанша Кербили.— Он

славный парень, не пьет, никогда не ссорится с товарищами, и никто лучше его не управляет лодкой в опасных местах—у Старой Кобылы и у мыса Стиффа.

— Вот еще!—отвечала Мона с презрением (потому что, наслушавшись похвал своей красоте, она стала тщеславна и надменна).— Ни за что не буду женой рыбака! Я красива, как моргана, и выйду замуж только за принца или за сына какого-нибудь знатного вельможи, богатого и сильного. Или, по крайней мере, за моргана.

Случилось так, что ее слова подслушал старый морган, который прятался, должно быть, за какой-нибудь скалой или под водорослями. Он бросился на Мону и утащил ее на дно моря.

Девушки побежали в деревню рассказать матери Моны о том, что случилось. Жанна Кербили пряла на пороге своей хижины. Она бросила кудель и веретено и помчалась к морю. Она громко звала дочь, даже вошла в воду и шла так далеко, как только могла, к тому месту, где исчезла Мона. Но все было напрасно, ничей голос не отозвался из воды на ее плач и отчаянный зов.

Весть об исчезновении Моны быстро разнеслась по всему острову и никого особенно не удивила. «Мона была дочерью моргана,— говорили люди,— и, видно, отец утащил ее в море».

Похитителем Моны был король морганов острова Уэссан. Он унес девушку в свой подводный дворец. Дворец был настоящее чудо, самое красивое королевское жилище на земле не могло с ним сравниться.

У старого моргана был сын, прекраснейший из морганов; этот сын влюбился в Мону и просил у отца позволения жениться на ней. Но король и сам задумал это сделать, а потому ответил сыну, что никогда не позволит ему взять в жены дочь земли.

— В нашем царстве,— сказал он сыну,— немало красивых девушек-морган, которые будут счастливы иметь своим супругом королевского сына. И когда ты выберешь одну из них, я дам свое согласие.

Молодой морган пришел в отчаяние. Он объявил отцу, что никогда не женится, если ему нельзя жениться на той, кого он любит,— на Моне, дочери земли.

Старый морган, видя, что сын чахнет с горя и тоски, заставил его посвататься к моргане, которая славилась красотой и была дочерью одного из знатных вельмож двора. Назначили день свадьбы, пригласили множество гостей. Жених и невеста отправились в церковь, а за ними великолепный свадебный кортеж. Ведь у этих морских жителей, хотя они и некрещеные, есть своя вера и храмы под водой. Говорят, у них даже есть свои епископы, и Гульвен Пендюфф, один старый моряк с нашего острова, кото-

рый объездил все моря на свете, уверял меня, что он видывал их не раз.

Бедной Моне было приказано оставаться дома и приготовить свадебный обед. Но ей не дали никакой провизии, ровно ничего, только одни пустые горшки да кастрюли,— это были большие морские раковины. Старый морган сказал ей, что, когда все вернутся из церкви, она должна подать на стол прекрасный обед, или ей не миновать смерти. Судите же сами, в каком смятении и горе была бедняжка! Да и жених был не менее печален и озабочен!

Когда кортеж двинулся к церкви, жених вдруг воскликнул:

— Ах, я позабыл дома кольцо моей невесты!

— Скажи, где оно, и я пошлю за ним,— сказал ему отец.

— Нет, нет, я сам схожу за ним, никто другой не найдет кольца там, куда я его спрятал. Я сбегаю домой и мигом вернусь.

И он ушел один, не позволив никому сопровождать его. Он прошел прямо на кухню, где бедная Мона плакала в отчаянии.

— Не печалься,— сказал он ей,— обед будет готов вовремя. Положись на меня.

Он подошел к очагу и промолвил:

— Добрый огонь в очаг!— И в очаге тотчас запылал огонь.

Потом принц стал по очереди дотрагиваться рукой до каждой кастрюли, каждого горшка, каждого вертела и блюда, приговаривая:

— В этом горшке будет лососина, в этом — камбала под устрицами, на вертеле — утка, здесь — жареная макрель, в этих кувшинах — вина и лучшие наливки...

И кастрюли, горшки, блюда, кувшины наполнялись кушаньями и напитками при одном прикосновении его руки. Мона опомниться не могла от удивления, видя, что обед приготовлен в мгновение ока без всякой помощи с ее стороны.

Молодой морган поспешно бросился догонять кортеж. Пришли в церковь. Брачный обряд совершил морской епископ. После этого все воротились во дворец. Старый король пошел прямо на кухню и сказал Моне:

— Вот мы и вернулись. Готово ли все?

— Готово,— отвечала Мона спокойно.

Удивленный таким ответом, он стал поднимать крышки с горшков и кастрюль, заглянул в кувшины и с недовольной миной сказал:

— Тебе помогли. Но я еще с тобой расправлюсь!

Сели за стол. Гости много пили и ели, потом начались пение и пляски.

Около полуночи новобрачные удалились в свою великолепно разукрашенную спальню, и старый морган приказал Моне

проводить их туда. Она должна была стоять у постели и светить им, держа в руке горящую свечу. Когда свеча сгорит до ее руки, Мону ждала смерть.

Бедная Мона повиновалась. А старый морган ждал в соседней комнате и время от времени кричал оттуда:

— Что, свеча еще не сгорела до твоей руки?

— Нет еще,— отвечала Мона.

Так он спрашивал несколько раз. Наконец, когда свеча почти догорела, новобрачный сказал молодой жене:

— Возьми на минутку свечу у Моны и подержи ее, пока Мона зажжет нам другую.

Молодая моргана, не зная ничего о намерениях свекра, взяла свечу из рук Моны.

В эту минуту старый король спросил опять:

— Что, свеча сгорела до твоей руки?

— Отвечай: «да»,— шепнул молодой морган.

— Да,— сказала моргана.

И тотчас старый король вбежал в спальню, бросился к той, что держала свечу, и, даже не взглянув на девушку, одним ударом сабли снес ей голову. Потом вышел вон.

Только что взошло солнце, как новобрачный отправился к отцу и сказал ему:

— Отец, я пришел просить у вас позволения жениться.

— Жениться? Да разве ты не женился вчера?

— Моей жены больше нет в живых.

— Нет в живых? Так ты ее убил, несчастный?

— Нет, отец, это не я, а вы ее убили.

— Я? Я убил твою жену?

— Да, отец. Разве не вы вчера ночью ударом сабли снесли голову той, что держала горящую свечу у моей постели?

— Да, но ведь то была дочь земли!

— Нет, отец мой, то была моргана, с которой я обвенчался по вашей воле. И вот я уже вдовец. Если вы мне не верите, вы легко можете убедиться сами — ее тело еще лежит у меня в спальне.

Старый морган побежал в спальню и увидел, что сын говорит правду. Гнев его был ужасен.

— Кого же ты хочешь взять в жены? — спросил он у сына, немного поостыв.

— Дочь земли.

Старый король ничего не ответил и вышел из спальни. Но прошло несколько дней, он понял, должно быть, как безрассудно соперничать с сыном, и дал согласие на его брак с Моной. Свадьбу отпраздновали весьма пышно и торжественно.

Молодой морган был очень внимателен к жене и баловал ее, как только мог. Он кормил ее маленькими вкусными рыбками, которых ловил сам, дарил ей разные украшения из драгоценных морских жемчужин, отыскивал для нее красивые раковины, перламутровые и золотистые, самые редкие и чудесные морские цветы и травы.

Но, несмотря на все это, Мону тянуло на землю, к отцу и матери, в бедную хижину на берегу моря.

Муж не хотел ее отпускать: он все боялся, что она не вернется. А Мона сильно затосковала, плакала день и ночь. Наконец однажды молодой морган сказал ей:

— Улыбнись хоть разок, моя радость, и я отведу тебя в отцовский дом.

Мона улыбнулась ему, и морган, который был волшебником, произнес:

— Мост, поднимись!

Тотчас же из воды поднялся красивый хрустальный мост, чтобы они могли перейти со дна моря на землю.

Увидев это, старый морган понял, что сын его такой же волшебник, как он, и сказал:

— Пойду и я с вами.

Все трое взошли на мост: Мона впереди, за ней — муж, а на несколько шагов позади — старый морган.

Только что Мона и ее муж, шедшие впереди, ступили на землю, как молодой морган произнес:

— Мост, опустись!

И мост опустился в глубину моря, унося на себе старого моргана.

Муж Моны не решился проводить ее до самого дома родителей. Он отпустил Мону одну, сказав ей:

— Вернись обратно, когда зайдет солнце. Я буду ждать тебя здесь. Но смотри, чтобы ни один мужчина не поцеловал тебя и даже не коснулся твоей руки.

Мона обещала все исполнить и побежала к родному дому. Был час обеда, и вся семья собралась за столом.

— Здравствуйте, отец и мать! Здравствуйте, братья и сестры! — закричала Мона, вбегая в хижину.

Добрые люди смотрели на нее, остолбенев от удивления, и никто не узнавал ее: она была так хороша, так величава в своем пышном наряде! Мону опечалила такая встреча, слезы выступили у нее на глазах. Она стала ходить по дому, дотрагивалась рукой до каждой вещи и говорила:

— Вот этот камень мы принесли с берега, и я сиживала на нем у огня. А вот и кровать, на которой я спала. Вот деревянная чашка, из которой я ела суп. А там, за дверью, веник из дрока,

которым я подметала дом. А вот и кувшин, с которым я ходила по воду к источнику.

Слыша все это, родители в конце концов узнали Мону и, плача от счастья, стали обнимать ее, и все радовались, что они опять вместе.

Но недаром морган, супруг Моны, наказывал ей не целовать ни одного мужчину: с этой минуты она ничего больше не помнила о своем замужестве, о жизни у морганов. Она осталась у родителей, и скоро к ней стали свататься со всех сторон. От женихов отбою не было, но Мона никого не слушала и не хотела выходить замуж.

У отца Моны, как и у всякого жителя острова, был свой клочок земли, где он сажал картофель и всякие овощи, засевал и немного ячменя. Этого, да еще той дани, которую им ежедневно платило море рыбой и моллюсками, хватало, чтобы прокормиться. Перед домом находилось гумно, на котором молотили хлеб, и стоял стог соломы. Часто по ночам, когда Мона лежала в постели, ей чудилось, что сквозь вой ветра и глухой шум волн, бившихся о прибрежные скалы, она слышит чьи-то стоны и жалобы за дверью хижины. Но она думала, что это души бедных утопленников взывают к живым, которые их забыли, и просят молиться за них. Она шептала заупокойную молитву и, жалея тех, кто в такую погоду находится в море, спокойно засыпала.

Но вот раз ночью она ясно услышала слова, произнесенные таким жалобным голосом, что они раздирали сердце:

— Ах, Мона, неужели ты так скоро забыла своего мужа-моргана, который спас тебе жизнь и любит тебя? Ты ведь обещала вернуться в тот же день, а между тем я так давно жду тебя и так несчастен! Ах, Мона, Мона, сжалься надо мной и вернись поскорее!

Тут Мона разом вспомнила все. Она встала с постели, вышла и увидела у дверей молодого моргана, который в жалобах и стонах изливал свое горе. Она бросилась в его объятия... и с той поры ее больше никогда никто не видел.

Пичужка

ДАВНЫМ-ДАВНО, в незапамятные времена, на земле не было огня и никто не знал, как его добыть. Тогда решили отправиться за огнем к самому богу. Но бог ведь далеко. Кто же до него доберется? Обратились к большим птицам. Большие птицы отказались, малые тоже, да и жаворонок не захотел. Маленькая пичужка слушала, как они между собой спорили, и сказала им:

— Раз никто не хочет туда лететь, полечу я!

— Но ты ведь так мала! У тебя такие короткие крылышки! Ты не долетишь, ты умрешь от усталости.

— Я попытаюсь,— сказала пичужка,— а если я умру по дороге, что ж поделать!

И вот она полетела и летела так быстро, что скоро примчалась к божьему престолу. Бог очень удивился, увидев ее. Он посадил ее к себе на колени, но не решался дать ей огонь.

— Ты сгоришь,— сказал он,— пока будешь лететь к земле.

Но пичужка настаивала.

— Ну так и быть! Я дам тебе то, что ты просишь,— сказал бог.— Однако не торопись так, не лети быстро. Если ты полетишь слишком быстро, перышки твои загорятся.

Пичужка обещала быть осторожной, и вот она вспорхнула и весело полетела к земле. Пока она еще была далеко, она помнила этот совет, не торопилась, но когда стала приближаться и издали увидела, как все ждут ее на земле, то полетела быстрее... И что предсказал ей бог — случилось. Она принесла на

землю огонь, все тотчас же завладели им, а бедная пичужка осталась без единого перышка. Сгорели все!

Тут птицы захлопотали вокруг нее. Каждая вырвала у себя по перышку, чтобы поскорее смастерить пичужке хоть какое-нибудь платьице. Вот с тех пор у нее и стало такое пестрое оперение. Только одна гадкая птица — сова — не захотела ей дать ничего. И тогда все птицы набросились на сову, чтобы проучить ее за такую бессердечность. И сове пришлось спрятаться. Вот почему она выходит только по ночам, а если появится днем, то все птицы стаей набрасываются на нее и загоняют в дупло.

Лоцман из Булони

Изгнание урода из города

ИЛ однажды в Булони старый отставной лоцман с женой и маленьким сыном. Пенсию он получал небольшую и поэтому завел себе лодочку, в которой каждый день ездил удить рыбу. У него был сын лет семи или восьми, который часто просил отца взять его с собой в море, но старый моряк, опасаясь за своего единственного ребенка, не давал согласия. Мальчик же, горя желанием прокатиться по морю, спрятался как-то между снастями и парусами, а когда лодка отчалила, выскочил и весело закричал:

— Вот, отец, и я поехал с тобой на рыбную ловлю!

Когда лодка подошла к тому месту, где водилась рыба, лоцман увидел корабль с поднятым флагом, что означало просьбу ввести судно в порт. Лодка направилась к кораблю, и, когда подошла к нему, матросы судовой команды спросили рыбака, не лоцман ли он.

— Был раньше лоцманом и, хоть я сейчас в отставке, все же сумею ввести вас в порт.

Его приняли вместе с сыном на борт. Корабль шел из королевства Нац и должен был по приказу короля этой страны привезти мальчика-француза, чтобы на чужбине его воспитать и потом женить на королевской дочери.

Когда королевские посланцы увидали сына лоцмана, им так понравился крепкий на вид, здоровый и смышленый мальчик, что они сказали:

— Нам как раз такой и нужен. Ехать дальше ни к чему.

Накормив и напоив лоцмана, они сказали, что он может вернуться в свою лодку, так как они в нем больше не нуждаются.

Лоцман сел в лодку и стал звать сына, но ему ответили, что мальчик останется на судне, и корабль ушел на всех парусах, оставив отца, потерявшего своего единственного сына, в полном отчаянии.

Корабль прибыл в столицу королевства Нац. Он салютовал городу двадцатью одним пушечным выстрелом, и город ответил ему таким же залпом. Ребенка привели ко двору, и королю очень понравился маленький француз. Он приказал воспитывать славного мальчика так, как если бы это был его собственный сын. Когда тому исполнилось восемнадцать лет, король женил его на своей дочери — его однолетке.

Живя в довольстве и богатстве, сын лоцмана часто вспоминал своих родителей:

— Они не были богаты, когда я покинул их. Хотелось бы мне повидать их и обеспечить на старости лет!

Он поведал жене о своем желании, она нашла его вполне естественным и захотела сопровождать мужа. В королевстве Нац женщины и девушки носят чадру, и муж вправе увидеть лицо своей жены лишь после того, как она станет матерью. Когда муж принцессы попросил у своего тестя разрешения поехать в Булонь, король, раньше чем согласиться, заставил зятя поклясться, что тот во время путешествия не будет пытаться взглянуть на лицо своей жены. А если он узнает, что зять, на горе себе, нарушил клятву, жестоко его накажет.

Принцесса и ее муж сели на корабль и вскоре подъехали к Булони. Корабль салютовал городу двадцатью одним пушечным выстрелом, и таможенная стража, побывав на борту корабля, доложила властям, что принц и принцесса из Наца приехали во Францию поразвлечься. Гости, сойдя с корабля, сели в серебряную лодочку и высадились на берег. Там они увидели префекта, мэра и прочее начальство, которое явилось встретить их и гостеприимно предложить им самые прекрасные покои в городе.

Муж принцессы, окруженный пышной свитой, увидел у покосившегося забора старика в заплатанной матросской блузе и узнал своего отца. Покинув своих знатных спутников, он подошел к старику и спросил, как тот поживает. Лоцман очень удивился, что господин, одетый в шелка, весь в драгоценностях, осведомляется о здоровье такого бедняка, как он.

— Вы не узнаете меня? — спросил принц.

— Нет, сударь, — ответил старик.

— Я ваш сын, которого увез когда-то за море корабль из королевства Нац. Я женат на принцессе той страны. Как поживает моя матушка?

— Она дома, очень постарела, очень горюет.

— Утешьтесь, отец мой, я приехал, чтобы обеспечить вас на старости лет.

Вернувшись к сановникам, муж принцессы сказал им, что будет жить у старого лоцмана, и гостил у отца три недели.

Однажды мать сказала ему:

— Сын мой, я должна признаться, что одна вещь меня крайне удивляет. Никто ни разу не видел лица твоей жены.

— Так принято в той стране: муж видит лицо своей жены лишь после того, как она становится матерью. Перед отъездом я поклялся тестю уважать этот обычай.

— Будь я на твоем месте,— ответила мать,— я все же захотела бы узнать, кого мне дали в жены — красавицу или урода. Если взяться за дело ловко, твой тесть ничего не узнает.

Сын лоцмана передал жене все то, что ему сказала мать.

— Хорошо,— сказала она,— но я боюсь, как бы об этом не проведал отец. Ведь он в дружбе со всеми волшебниками нашей страны. Тогда он разжалует тебя и жестоко покарает.

Принцесса сняла покрывало, но когда муж поднес светильник к ее лицу, чтобы получше рассмотреть его, упала искра и обожгла молодой женщине щеку.

— Ах! — воскликнула принцесса.— Этого-то я и боялась! Мы погибли.

Корабль покинул Булонь и пришел в Нац. Как только принц сошел на берег, король спросил его:

— Не преступили ли вы мой приказ?

— Нет.

— Я это проверю, и горе вам, если вы нарушили свою клятву.

Он позвал дочь и сказал ей:

— Открывал ли муж твое лицо?

— Нет, батюшка.

— Не лги. Если ты говоришь неправду, я узнаю и накажу тебя так же, как и его.

Когда она подняла свое покрывало, король вначале ничего не заметил. Но, надев очки, он увидел ожог и страшно разгневался:

— Негодная! Уйди с глаз моих и никогда больше не показывайся.

Он послал своих слуг за волшебниками, феями и колдунами и, когда те явились, приказал им превратить зятя в такого урода, какого еще свет не видывал.

Один из колдунов сказал:

— Пусть он будет на один глаз слепой, а на другой — косой.

— Пусть его рот растянется до ушей,— приказал другой.

— Пусть вырастет у него горб сзади и спереди.

— Пусть его нос станет таким, какого еще на свете ни у кого не было.

— Я посажу ему голову задом наперед.

— Пусть он охромеет, одна нога будет вывернута наружу, другая — внутрь.

По мере того как волшебники произносили свои заклинания, превращение совершалось, и когда они кончили, бедный юноша стал таким безобразным существом, которого никогда не бывало. Этим месть короля не ограничилась,— он приказал солдатам выгнать своего зятя из города, как простого бродягу.

Став калекой, бедный сын лоцмана передвигался с большим трудом.

Он долго странствовал; наконец подошел к маленькому домику и, увидав сидевшую у порога старушку, поздоровался с ней. Это была старая фея, которую король позабыл позвать, когда решил наказать своего зятя.

— Уж не зять ли вы короля?

— Увы, это я.

— Славно же они вас разукрасили! Но, к счастью, у меня еще есть ключ от моего чулана.

Она сходила туда, принесла палочку и сказала:

— Я узнала о ваших злоключениях от соседки, заходившей ко мне сегодня утром за огоньком, и решила хоть немного смягчить ваше уродство, если встречусь с вами.

Она коснулась его своей палочкой, и он стал зрячим на оба глаза, его нос и рот уменьшились наполовину, из двух горбов остался только один, голова оказалась повернутой уже не задом наперед, а только вбок, и он перестал хромать.

Фея передала через него записку своей соседке с просьбой сделать королевского зятя еще прекрасней, чем он был раньше. Сын лоцмана от всей души поблагодарил старую фею и ушел от нее уже не такой печальный, как пришел.

Войдя в дом соседки, он передал ей записку и сказал:

— Добрый день, сударыня Марго.

— А, вы зять короля! Я закончу то, что начала моя кума.

Она взяла свою палочку и пожелала, чтобы сын лоцмана превратился в стройного, прекрасного лицом юношу, и это тотчас же исполнилось. Потом она сказала ему:

— Не унывайте. Вы, конечно, хотите вернуться домой? Вот вам клубок, он будет катиться перед вами и укажет дорогу, по которой вам нужно идти. Даю вам еще два копья. Одним вы убье-

те любого, кто захочет взять вас в плен, другим будете защищаться от диких зверей.

Фея дала ему хлеба и мяса и предупредила о всех опасностях, которые его ждут в пути.

Он поблагодарил фею и, следуя за клубком, пришел в лес. Около часу шел он по лесу и вдруг увидел на дороге льва. Поодаль лежал медведь, а позади него — леопард. Клубок прокатился по спящим зверям, они проснулись и зарычали. Сын лоцмана отдал одну половину хлеба льву, другую медведю, а леопарду он бросил мясо, и звери пропустили его.

Добрая женщина Марго сказала ему, что под вечер он увидит среди леса ярко освещенный замок. Печь там будет топиться, стол будет накрыт, а кругом — ни души.

Клубок вкатился во двор, прыгнул на крыльцо, и дверь сама собой открылась. Сын лоцмана вошел следом за клубком и, когда обогрелся, сел за стол. Невидимая рука поставила перед ним еду и питье. Потом он лег спать на мягкую постель, а когда утром проснулся, то увидел приготовленный на столе завтрак. Поев, он собрался уйти, как вдруг появились несколько девиц в белых платьях и загородили ему дорогу.

— Хотите потанцевать со мной? — сказала первая.

— Нет, — ответил он решительно.

— Потанцуйте немного со мной, — попросила вторая.

— Нет.

— Не хотите ли потанцевать? — спросила третья.

— Нет, — ответил он тихо.

Уходя, третья девица уронила на лестнице стеклянный башмачок. Сын лоцмана поднял его, и девица, обернувшись, сказала ему:

— Когда я вам понадоблюсь, возьмите этот башмачок и скажите: «Явись мне, прекрасная девица», — и я всегда услужу вам.

Он пустился в путь вслед за клубком и вдруг увидел на дороге три огромных призрака.

— Куда идешь ты, ничтожный земляной червь, прах от ног моих? — закричал страшным голосом самый огромный из них.

Сын лоцмана взял башмачок и сказал:

— Явись мне, прекрасная девица.

— Что я могу для тебя сделать?

— Пусть эти чудища рассыплются пылью, пусть их развеет ветер.

В один миг его желание исполнилось, и он пошел дальше. Долго шел он и наконец пришел в Булонь. Он жил там у своих родителей и не раз упрекал свою мать за то, что она дала ему дурной совет, причинивший ему столько горя.

Так как в первый свой приезд он оставил родителям немалую сумму денег, то купил себе теперь судно; затем вызвал прекрасную девицу.

— Прекрасная девица,— сказал он,— я хотел бы отомстить своему тестю, так жестоко поступившему со мной. Как это сделать?

— Возьми с собой двадцать девять матросов и смело пускайся в путь. Об остальном я позабочусь.

Подойдя к столице королевства Нац, корабль салютовал двадцатью одним пушечным выстрелом, и все высшее начальство порта явилось осведомиться, что этому кораблю угодно.

— Мне угодно взять город,— сказал сын лоцмана.

Эти слова передали королю, но тот в ответ расхохотался и сказал своим офицерам:

— Спросите его, когда он предпочитает затонуть — сегодня или завтра?

— Завтра я займу свое место,— ответил сын лоцмана.

— Да кто вы такой?

Король, сильно разгневанный, приказал потопить корабль и созвал для этого множество солдат. Но каждый раз, когда солдаты хотели дать залп, они начинали отчаянно чихать и никак не могли взять прицел. Сын лоцмана невредимым прошел сквозь ряды войска и, подойдя к королю, заколол его копьем.

Потом он нашел свою жену, и они на радостях задали пир на весь мир. На всех перекрестках стояли бочки с вином, по улицам бегали жареные кабаны с перцем и солью в ушах, с горчицей под хвостом и с вилками, воткнутыми в бок. Каждый мог отрезать себе кусок.

Мне наказали приготовить соус, но я по глупости слишком много отведал, и меня прогнали. Ушел на Гуэдик[1] я, тут и сказка вся.

---

[1] Гуэдик — мост в Сен-Бриэк, в Бретани.

Золотая головня

I

СРЕДИ Броссельянского леса, в землянке, оплетенной ветками, жили три брата — сироты. Они были угольщики и трудились день и ночь, чтобы кое-как прокормиться.

Раз вечером, после того как они нажгли полную печь угля, Жан, старший из братьев, сказал младшим:

— Братья, мы почти кончили работу, остается только поддерживать огонь в печи. Я пойду в Пемпон поплясать на свадьбе у Жерома Шуана.

— Хорошо, ступай,— сказали Жак и Франсуа.

Жан тотчас вошел в хижину и стал наряжаться на свадьбу.

Надел старую куртку, штаны, на которых было всего только две заплаты — одна на колене, другая на заду, башмаки, недавно подбитые новыми подметками, и свою воскресную широкополую шляпу. Одевшись, он ушел, напевая.

Когда Жан ушел, второй брат подумал:

«Разве непременно двоим нужно поддерживать огонь в печи? Малыш Франсуа и один отлично справится с этим. Зачем же мне сидеть дома и умирать со скуки, когда сегодня все парни и девушки собрались у Жюльена Генеля, пьют сидр, едят жареные каштаны и рассказывают сказки?»

И Жак тоже ушел, наказав Франсуа, чтобы он присматривал за печью, так как, если огонь погаснет, весь их труд пропадет даром.

Франсуа шел четырнадцатый год. Он был мальчик послушный и добрый, и старшие братья часто пользовались этим.

Вот и в тот вечер бедный ребенок просто с ног валился от усталости. После того как он целый день помогал братьям, ему предстояло еще добрую половину ночи не спать и поддерживать огонь в печи.

Но он, не жалуясь, взял кочергу и принялся ворошить угли, чтобы огонь не погас.

Медленно текли часы за часами, и, как ни боролся Франсуа с усталостью, сон постепенно одолевал его. Чтобы не заснуть, он стал ходить от печи к хижине и от хижины к печи. Но ничего не помогало, и в конце концов Франсуа в изнеможении сел и уснул.

Ему снилось, что он король и пасет коров, сидя на большом белом коне. Он так богат, что каждый день ест белый хлеб и свиное сало. Если бы кто-нибудь в эти минуты увидел спящего Франсуа, он прочел бы на его лице блаженство, навеянное этим дивным сном.

Но боже, какое разочарование и горе ждали его, когда он проснулся! Он не был больше прекрасным принцем, разъезжавшим верхом по степи, он был бедный угольщик, у него погас огонь в печи, и он знал, что братья за это непременно его поколотят.

Что делать? Как быть? Как помочь беде? Спичек тогда еще не знали, и каждое утро женщины ходили из дома в дом со старым деревянным башмаком в поисках горящего уголька.

Бедный Франсуа в отчаянии рвал на себе волосы и призывал на помощь всех святых.

Вдруг, подняв глаза к небу, он заметил вдалеке, высоко над деревьями, языки пламени.

— Ого! — закричал он. — Видно, какие-нибудь угольщики развели большой костер, чтобы уберечься от ночной росы. Пойду-ка я поскорее да попрошу у них несколько головешек.

Он побежал в ту сторону, где виднелось пламя, и, подойдя поближе, очень удивился, заметив, что оно переливается разными цветами: голубым, белым, желтым, красным.

Оно светило так ярко, что Франсуа мог хорошо рассмотреть тот угол леса, куда он забрел.

Он так и застыл на месте. Холодный пот выступил у него на лбу: ведь он находился в двух шагах от Трессельенской прогалины, близ Барантонского ключа, где водились феи!

На колокольне в Пемпоне пробило полночь.

И тут Франсуа вспомнил, что слышал от людей, будто здесь сходятся по ночам лесные духи. Здесь они играют и пляшут. А всех тех смертных, кто пытался их застигнуть и увидеть, они увлекали в свой адский хоровод и заставляли плясать до тех пор, пока те не падали мертвыми от изнеможения.

Идти вперед? Или бежать обратно? Да и возможно ли еще убежать?

Пока он раздумывал так, из чащи вышли несколько лесных фей. Они окружили его, схватили и повели. Франсуа был ни жив ни мертв, но волей-неволей шел за ними. Он очутился посреди прогалины перед огромным костром, у которого грел ноги бог дубов.

Увидев Франсуа, лесной бог закричал страшным голосом:

— Смертный! Что ты делаешь здесь?

Франсуа, плача, рассказал о своей беде, о том, как он оплошал и боится побоев. Лесной бог, слушая его, понял, что бедный мальчик не лжет, и смягчился. Указав на костер, он сказал почти ласково:

— Ну, юноша, возьми огня на лопатку и пользуйся им на здоровье, а сюда больше не возвращайся.

Маленький угольщик не ждал вторичного приглашения: он сунул в костер лопатку и вытащил пылающую головню, при свете которой легко нашел дорогу домой. Добежав до своей печи, он бросил в нее головню, и огонь вспыхнул сразу, как по волшебству.

Когда братья вернулись домой, обжигание угля в печи было закончено, и они так и не узнали о том, что произошло в их отсутствие.

II

Утром Франсуа, как всегда, должен был вычистить печь.

Занятый мыслями о событиях прошедшей ночи, он выгребал лопатой золу и вздрогнул от неожиданности, увидев под нею вчерашнюю головню, которая по-прежнему ярко светилась каким-то волшебным блеском.

Опомнившись от удивления, Франсуа придвинулся ближе, стал поворачивать головню и так и этак, увидел, что она не горит, обтер ее концом своего фартука и понял наконец, что перед ним большущий слиток золота и что это золото принадлежит ему!

Братья ушли продавать уголь, а Франсуа весь день не переставал думать о своей находке. С детства предоставленный самому себе, он легко поддавался дурным страстям. «Такое золотое полено,— говорил он себе,— стоит много-много денег. Это богатство, а богатые люди счастливы и живут весело. Золото — мое, его дали мне одному. Жан и Жак не имеют на него никаких прав».

Совесть его восставала против таких мыслей и говорила ему:

«Ты совсем маленьким остался сиротой, и братья заменили тебе умерших отца и мать».

Но дурные чувства брали верх и нашептывали ему:

«С тех пор ты постоянно работал и с лихвой расплатился за все, что они для тебя сделали. Ты с ними давно в расчете, не смущайся этим и оставь золото себе».

Утешенный такими мыслями, Франсуа выкопал яму под буком и зарыл в ней свое сокровище.

С этого дня он не знал ни минуты покоя. Он простился навсегда с безмятежными и радостными снами. Жизнь его совсем изменилась. Его не оставляла неотступная забота. Он избегал братьев, прежних приятелей, всех. Он в одиночестве бродил по лесу, думая о том времени, когда покинет эти места, уедет в Париж, разменяет свое золото, а потом вернется и скупит всю землю в их округе, чтобы знакомые лопнули от зависти. Им уже овладел бес тщеславия.

Но, несмотря на золотую головню, Франсуа был беден и не мог пуститься в желанное путешествие. Прошло много лет, пока он по грошу накопил себе денег на дорогу.

Он весь день трудился, помогая братьям, молча, никогда не обращаясь к ним ни с единым словом, и все мечтал о будущем счастье, все считал свои сбережения, которые хранил в чулке, и часами не сводил глаз со своего сокровища.

Ему не удавалось откладывать столько, сколько он хотел, и он ушел от братьев работать с другими угольщиками, которые хорошо платили.

III

И вот наконец наступил долгожданный день.

Ни с кем не простившись, Франсуа покинул родные места, унося на спине свое золото, завернутое в старые тряпки и перевязанное веревками.

Глядя на этого тщедушного парня, бледного, худого, на вид хилого и жалкого, никто бы не поверил, что это владелец большого состояния.

Он шел в Париж, переходя из деревни в деревню, питаясь в Бретани одними лишь яблоками и каштанами, которые подбирал под деревьями, а дальше, за Бретанью,— виноградом, сорванным тайком в виноградниках, да спелой ежевикой. Он охотно пользовался гостеприимством крестьян, которые кормили его из сострадания, обманутые его жалким видом.

После долгих странствий он однажды вечером увидел вдали крыши великого города. Скоро, изнемогая от усталости, он вошел в предместье Парижа и стал искать приюта на ночь.

На другое утро он разбил на куски свою золотую головню и отправился продавать их ювелирам. Он выручил громадные деньги.

В лавке одного торговца Франсуа снял с себя платье угольщика и оделся в городское. Новая одежда и бледное лицо делали его похожим на знатного господина.

Он поселился в гостинице и скоро вкусил всех наслаждений, какие предлагает людям Париж.

Обладая редким умом, красивой и располагающей к себе наружностью, к тому же рассыпая золото полными пригоршнями, он очень скоро сблизился со знатными людьми и приобрел хорошие манеры. Целая свита новых друзей облегчила ему доступ в высший свет. Перед ним раскрылись все двери, и маркиз де Компе — так он назывался теперь — скоро стал настоящим вельможей, перед которым заискивали, которого баловали, которому завидовали.

Но все эти успехи, за которыми он вначале гнался с увлечением, быстро ему наскучили. Он был бретонец, и воспоминания о родине никогда не оставляли его.

В разгаре самых пышных и веселых пиров угольщик Франсуа думал о высоких деревьях Броссельянского леса, о полях, над которыми носится аромат цветущей гречихи, и часто говорил себе: «Ведь я бы мог и там, на родине, веселиться не хуже, чем здесь, и пировать с друзьями».

IV

И вот в одно прекрасное утро, по своему обыкновению ни с кем не простясь, он ушел с бала, купил лошадь и оружие,— ведь в те времена дороги не были так безопасны, как теперь,— и отправился в Бретань.

Путешествие прошло благополучно, и по приезде Франсуа купил великолепный замок в окрестностях Плелана.

Началась веселая жизнь. В замок приглашены были дворяне со всей округи.

Своры гончих заливались во дворах замка. В лесу раздавались звуки рогов. В покоях замка всегда звенела музыка.

Званые обеды, балы, охоты непрерывно сменяли друг друга. Мотовству не было предела, и одни только бедняки оставались забытыми и заброшенными.

При таком образе жизни золото маркиза де Компе заметно таяло, и к тому же он вздумал вернуть игрой деньги, которые расточал так безрассудно. Это его погубило. Он потерял все, что у него еще оставалось.

После одного пиршества Франсуа за одну ночь проиграл все до последнего гроша и снова стал таким же нищим, как в годы своей юности.

Игра была в самом разгаре, когда ему пришли сказать, что в конюшнях замка вспыхнул пожар и его никак не удается потушить. Но Франсуа был слишком увлечен игрой. Он хотел поскорее выиграть, чтобы снова попытать счастья. И в ответ только пожал плечами.

Спустя несколько часов все строения стали добычей огня, спасти не удалось ничего.

Когда пожар уничтожил все, гости разъехались по домам, но никто из них не позвал Франсуа к себе. Собутыльники теперь избегали его. Несчастный остался один среди развалин и пепла.

Он пробыл там целый день, весь поглощенный своим несчастьем. Голод вынудил его искать где-нибудь приюта. Только теперь вспомнил он, что у него есть братья, и направился к старой хижине.

Жан и Жак разводили огонь в печи и за работой пели.

До этого они несколько раз видели маркиза, когда он проезжал верхом со сворой своих гончих, и находили в нем некоторое сходство с их младшим братом. Но им и в голову не могло прийти, что это он и есть. Однако, когда он вошел в хижину, у них не осталось сомнений, что это Франсуа, одетый как знатный вельможа.

— Брат,— сказали они,— ты, видно, очень богат: у тебя замок, лошади, собаки, которых содержать стоит, верно, дороже, чем прокормить всех крестьян у нас в лесу, и у тебя так много друзей!

— Нет, я больше не богат,— возразил Франсуа.— Замок мой сгорел, лошади и собаки проданы, деньги прожиты, друзья меня покинули. У меня нет ничего, и я умираю от голода и холода.

— Так раздели с нами обед и отогрейся у огня,— сказали угольщики, указывая на очаг и на горшок с тюрей из черного хлеба.— Здесь всегда найдется место для бедняка.

Франсуа утолил голод и подошел к огню, а братья продолжали работать.

Этот дружеский прием показался ему унизительнее самого грубого отказа в приюте. Он страдал оттого, что братьям было лучше, чем ему, и не хотел оставаться у них.

Да и, кроме того, он совсем отвык работать и прекрасно понимал, что нельзя оставаться у братьев, если он не будет трудиться вместе с ними.

— Эх! Будь что будет! В последний раз попытаю счастья! — сказал он себе. — Пойду к лесным духам на Трессельенскую поляну.

Он дождался темноты и вышел из хижины.

V

Около полуночи несчастный маркиз, борясь со страхом, пошел по направлению к прогалине.

Была ужасная погода, гремел гром, молнии бороздили небо.

Как и в первый раз, Франсуа увидел разноцветное пламя, сиявшее над вершинами самых высоких деревьев.

Зловеще кричали совы. Летучие мыши и козодои как тени скользили над кустами. Стояло лето — пора, когда лягушки и жабы, кузнечики и сверчки поют и стрекочут всю ночь напролет. Но в эту ночь они не подавали никаких признаков жизни. Лишь ветер шумел в чаще, вздыхали лиственницы, дрожали папоротники, колыхался вереск, — вся природа стонала и жаловалась.

Маркиз, собрав все свое мужество, двинулся вперед.

Взрывы смеха, голоса, пение донеслись вдруг из чащи. И скоро несчастного обступили феи, увлекли на поляну, закружили в неистовой пляске.

Бог дубов, увидев Франсуа, тотчас узнал его и крикнул страшным голосом:

— Смертный, зачем ты пришел сюда?

Франсуа начал рассказывать ему все ту же историю о потухшем в печи огне. Но старик его перебил:

— Слыхал, слыхал, не верится что-то! Впрочем, — добавил он, посмеиваясь, — сейчас увидим, говоришь ли ты правду. Опусти лопатку в огонь и попробуй вытащить головню.

Бледный, с блуждающим взором бедняга подошел к костру, сунул в огонь лопатку и хотел вытащить ее обратно. Но не мог. Казалось, ее удерживает какая-то невидимая сила.

Руки его судорожно напряглись. Они как будто приросли к лопате, которую он держал. Пламя сначала лизало лопату, потом руки несчастного маркиза, потом охватило его всего. Вопя от ужасной муки, он исчез в огне.

К утру, на заре, пляска прекратилась, феи исчезли, пламя погасло, и на поляне остался только обгорелый труп несчастного Франсуа.

Прошло время, и тело покрылось корой; из коры стали пробиваться побеги ветвей, и теперь на этом месте стоит старое чахлое дерево, ветви которого касаются земли. Его называют «деревом угольщика».

II

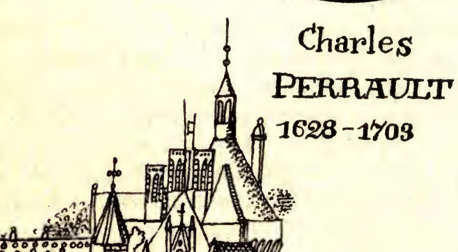

Сказки французских писателей

Шарль Перро

Charles
PERRAULT
1628–1703

Спящая красавица

ИЛИ когда-то король и королева, были они бездетны, и это их так огорчало, что и сказать невозможно. Они побывали на всех водах, какие только есть на свете; обеты, паломничества, молитвы — все средства были испробованы, и все понапрасну. Наконец королева все-таки понесла и родила дочь. Пышно справили крестины; в крестные матери маленькой принцессе пригласили всех волшебниц, каких удалось найти в стране (их оказалось семь), чтобы каждая из них, как в ту пору принято было у волшебниц, наделила ее тем или иным даром и принцесса явила бы собой пример всевозможных совершенств.

После обряда крещения все общество вернулось в королевский дворец, где для волшебниц было приготовлено пиршество. Перед каждой из них поставили великолепный прибор и тяжелый золотой футляр, в котором были вилка, ложка и нож из чистого золота, украшенные алмазами и рубинами. Но когда стали садиться за стол, вошла старая волшебница — ее не пригласили, потому что она уже более пятидесяти лет не выходила из башни и все думали, что она умерла или заколдована.

Король велел поставить для нее прибор, но тяжелый золотой футляр вручить ей, как другим волшебницам, уже не удалось, ибо их сделали всего семь — для семи волшебниц. Старуха решила, что ей выказывают пренебрежение, и проворчала сквозь зубы какие-то угрозы. Одна из молодых волшебниц, находившаяся поблизости от нее, услышала эти угрозы и, опасаясь, как бы та не наделила маленькую принцессу каким-нибудь неприятным

даром, сразу же, едва только встали из-за стола, пошла и спряталась за занавесь, полагая, что говорить ей придется после всех и тогда удастся, насколько это возможно, исправить вред, который причинит старуха.

Между тем волшебницы стали наделять принцессу разными дарами. Самая молодая обещала ей, что она будет прекраснее всех; другая — что она будет божественно умна, третья — что она всегда и во всем будет удивительно мила; четвертая — что она будет безукоризненно танцевать; пятая — что она будет петь как соловей, а шестая — что на всех инструментах она будет играть с величайшим совершенством. Когда же пришел черед старой волшебницы, она сказала, тряся головой скорее от досады, чем от старости, что принцесса уколет себе руку веретеном и оттого умрет.

Такой ужасный дар всех привел в содрогание, и не было человека, который бы не заплакал. В этот миг из-за занавеси вышла молодая волшебница и сказала:

— Успокойтесь, король и королева, ваша дочь не умрет. Правда, я недостаточно могущественна, чтобы сделать вовсе не бывшим содеянное старой волшебницей: принцесса уколет себе руку веретеном, но она не умрет, а только погрузится в глубокий сон и будет спать сто лет, а потом придет королевский сын и разбудит ее.

Король, чтобы избежать несчастья, предсказанного старухой, тотчас же издал указ, которым под страхом смерти всем подданным запрещалось прясть веретеном и даже держать веретена у себя в доме.

Спустя лет пятнадцать или шестнадцать король и королева как-то раз поехали в один из своих загородных замков; молодая принцесса бегала по дому и подымалась все выше и выше, переходя из комнаты в комнату, пока не зашла наконец в жалкий чулан на самом верху башни, где сидела совсем одна какая-то старушка и пряла. Эта добрая женщина ничего не слышала о том, что король запретил прясть на веретене. «Что это вы делаете?» — спросила принцесса. «Пряду, милое дитя»,— ответила старуха, не знавшая ее в лицо. «Ах, как это прелестно! — сказала принцесса.— Как это вы делаете? Дайте-ка и мне — выйдет ли у меня так же, как у вас?» И так как принцесса отличалась большой живостью и некоторым легкомыслием, и к тому же такова была воля феи, она, взяв веретено, тотчас же уколола себе руку и упала без чувств.

Старушка в немалом смущении зовет на помощь: люди сбегаются со всех сторон, принцессе прыскают в лицо водой, ее расшнуровывают, ее хлопают по ладоням, ей трут виски водою королевы венгерской, но так и не могут привести ее в чувство.

Тогда король, поднявшийся на этот шум, вспомнил о предсказании волшебниц и, рассудив, что так и должно случиться, раз это было предсказано, велел отнести принцессу в один из лучших покоев дворца и оставить на ложе, расшитом золотом и серебром. Можно было принять ее за ангела — так она была хороша: несмотря на обморок, цвет ее лица не утратил своей живости; щеки были как розы, а уста — словно коралл; глаза были закрыты, но слышно было, как она тихонько дышит, а это показывало, что она не умерла.

Король приказал, чтобы ее оставили спокойно спать, пока не придет час ее пробуждения. Когда с принцессой случилось несчастье, добрая волшебница, которая спасла ей жизнь, присудив ей проспать сто лет, находилась в королевстве Матаквинском, за двенадцать тысяч миль, но ее в один миг известил об этом карлик, носивший семимильные сапоги (то были сапоги, в которых за один шаг можно было сделать семь миль). Волшебница тотчас же пустилась в путь, а через час уже подъезжала к замку на огненной колеснице, запряженной драконами. Король вышел ей навстречу и помог сойти с колесницы. Она одобрила все, что он сделал, но, будучи особой весьма предусмотрительной, подумала и о том, что принцесса, когда ей придет время пробудиться, попадет в немалое затруднение, оказавшись одна в этом старом замке. И вот что она сделала.

Своей палочкой она коснулась всего, что было в замке (кроме короля и королевы): ключниц, фрейлин, камеристок, кавалеров, прислужников, дворецких, поваров, поварят, мальчиков на побегушках, стражей, привратников, пажей, лакеев; она коснулась также и всех лошадей, какие стояли в конюшнях, и всех конюхов, всех больших дворовых псов и маленькой Пуф, собачки принцессы, лежавшей с ней на постели. Как только она дотронулась до них, они уснули, чтобы пробудиться вместе со своей госпожой, готовые служить ей, когда это будет нужно. Вертелы перед очагом, усаженные куропатками и фазанами, задремали, и огонь тоже. Все это произошло в один миг: волшебницы скоры на руку.

Тогда король и королева, поцеловав свое милое дитя, которое не проснулось от их поцелуя, вышли из замка и издали указ, запрещавший кому бы то ни было к нему приближаться. Запрет этот был излишен, ибо за четверть часа вокруг выросло так много деревьев — высоких и низеньких, так много колючих терновых кустов, сплетавшихся друг с другом, что сквозь них не прошел бы ни зверь, ни человек; и видны были только башни замка, да и то лишь, если глядеть издали. Никто не сомневался, что волшебница и на этот раз превзошла самое себя, дабы принцессе, пока она будет спать, не грозила опасность от любопытных прохожих.

Через сто лет сыну короля, царствовавшего в то время и принадлежавшего к другому дому, чем спящая принцесса, случилось охотиться в тех краях, и он стал спрашивать: что это за башни возвышаются над тем густым лесом? Каждый отвечал ему то, что сам слышал: одни говорили, что это старый замок, где появляются призраки, другие — что местные колдуны справляют там шабаш. Наиболее распространенное мнение было таково: там живет людоед, и всех маленьких детей, которых ему удается заполучить, он уносит туда — там ему всего удобнее их поедать, а последовать за ним никто не может, ибо только ему дана способность пробираться сквозь эту чащу.

Принц не знал, чему и верить, но тут вдруг заговорил какой-то старик крестьянин и сказал ему: «Государь мой, вот уже пятьдесят лет минуло с той поры, как я слышал от моего отца, будто в этом замке спит принцесса и прекраснее ее нет на свете; будто она должна проспать там сто лет и пробудит ее королевский сын, которому она суждена».

От этих слов юный принц исполнился пыла: не колеблясь, он решил, что доведет до конца столь прекрасное приключение, и, движимый жаждой любви и славы, вознамерился тотчас узнать, правда ли все это. Едва он сделал несколько шагов в сторону леса, как все эти колючие терновые кусты сами расступились и дали ему пройти. Он направился к замку, видневшемуся в конце широкого проезда, по которому он шел, и несколько удивило его только то, что ни один человек из его свиты не смог последовать за ним, ибо деревья сразу же сомкнулись, едва только он миновал их. Принц не остановился: молодые влюбленные принцы всегда отважны. Он вошел в большой передний двор, где все, что он увидел, могло бы навеять на него леденящий ужас. Здесь царило страшное безмолвие: образ смерти являлся всюду, и всюду кругом распростерты были тела людей и животных, казавшиеся мертвыми. Однако по угреватым носам и ярко-красным лицам привратников он понял, что они только спят; а судя по их чашам, в которых еще сохранилось несколько капель вина, легко было догадаться, что эти люди, перед тем как заснуть, выпивали.

Он минует большой двор, выложенный мрамором; подымается по лестнице; входит в залу, где стражи стоят рядами, с ружьями на плечах, и храпят изо всех сил. Он проходит покоями, полными кавалеров и дам, и все они спят, одни — стоя, другие — сидя. Он входит в комнату, всю украшенную золотом,— и тут ему является зрелище, прекраснейшее из всех, какие ему случалось видеть: на постели, занавески которой были раздвинуты со всех сторон, лежала принцесса, на вид лет пятнадцати-шестнадцати, полная очарования, в котором было что-то лучезарное и небесное. Он приблизился к ней с трепетом и восхищением и опустился подле нее на колени.

Тогда принцесса пробудилась — ибо чарам пришло время рассеяться, — и, глядя на него нежными глазами, что, казалось бы, не очень естественно для первого взгляда, молвила ему: «Вы ли это, принц? Вас долго пришлось ждать». Принц, очарованный этими словами, а еще более — тоном, каким они были сказаны, не знал, как ему выразить свою радость и благодарность: он стал уверять, что любит ее больше, чем самого себя. В речах его было мало порядка — от этого они понравились еще больше: мало красноречия, много любви. Он был в большем смущении, чем она, и этому не должно удивляться: у нее было время подумать о том, что она ему скажет, ибо добрая волшебница, как видно (история, впрочем, об этом умалчивает), наделила ее на время столь долгого сна даром приятных грез. Словом, прошло четыре часа, как они разговаривали, а они все еще не сказали друг другу и половины тех вещей, которые хотели сказать.

Тем временем вместе с принцессой пробудился и весь дворец: каждый собирался приняться за свое дело, а так как все эти люди не были влюблены, то умирали от голода. Одна из фрейлин, мучимая голодом, как и все остальные, потеряла терпение и во всеуслышание сказала принцессе, что жаркое подано. Принц помог принцессе подняться: она ведь была одета, и притом весьма пышно; но он не сказал ей, что одета она, как его бабушка, и что воротник у нее стоячий, — ведь от этого она не стала менее красива.

Они прошли в гостиную с зеркалами и поужинали там, а подавали им прислужницы принцессы. Скрипки и гобои играли им пьесы старые, однако превосходные, хотя их не играли уже лет сто; а после ужина, не теряя времени, священник обвенчал их в капелле замка, а потом фрейлина задернула полог. Спали они мало: принцессе в этом не было особой нужды, а принц утром покинул ее, чтобы вернуться в город, где отец его, наверно, уже беспокоился о нем.

Принц сказал ему, что, охотясь, заблудился в лесу и ночевал в хижине угольщика, который дал ему черного хлеба и сыра. Король-отец, человек простодушный, поверил, но мать не особенно была склонна верить сыну, а заметив, что принц почти каждый день уезжает на охоту и что всегда у него готово объяснение, когда он две или три ночи сряду не ночует дома, она уже не сомневалась, что у него какая-то любовная история.

С принцессой он жил уже более двух лет, было у них и двое детей — дочь, старшая, которую назвали Заря, и сын, которого назвали День, потому что он был еще прекраснее, чем его сестра.

Королева, стараясь добиться объяснений от сына, несколько раз говорила ему, что в жизни следует искать семейных радостей; но он так и не решился доверить ей свою тайну: он опасался ее, хоть и любил, ибо она была из племени людоедов, и ко-

роль женился на ней только ради ее богатств. И даже при дворе шепотом поговаривали, что у нее наклонности людоедов и что, видя маленьких детей, она с великим трудом сдерживается, чтобы не броситься на них, поэтому принц так и не захотел ничего ей сказать.

Но когда король умер,— а это случилось через два года,— и принц стал королем, он всенародно объявил о своем браке и самым торжественным образом отправился за женой в ее замок. Ей устроили великолепный прием в столице, в которую она въехала вместе с двумя своими детьми.

Немного времени спустя король собрался на войну с императором Канталабутом, своим соседом. Управлять королевством он предоставил королеве-матери и ее попечениям поручил жену и детей: на войне он должен был пробыть все лето; а как только он уехал, королева-мать отослала невестку и ее детей в загородный дом, находившийся в лесу, где ей удобнее было осуществить свое адское намерение. Через несколько дней она тоже отправилась туда и как-то вечером сказала своему дворецкому: «Завтра на обед я хочу съесть маленькую Зарю».— «Ах, госпожа моя!..» — сказал дворецкий. «Я так хочу,— сказала королева (и сказала тоном людоедки, которой хочется поесть свежего мясца),— и хочу съесть ее под соусом Робер».

Бедный человек, видя, что с людоедкой нельзя шутить, взял свой большой нож и поднялся в комнату к маленькой Заре; ей в ту пору было четыре года, и она, прыгая и смеясь, бросилась к нему на шею и попросила у него лакомств. Он заплакал, нож выпал у него из рук; он вышел на двор и зарезал маленького барашка и приготовил его под таким прекрасным соусом, что королева уверяла его потом, будто никогда не ела ничего вкуснее. Маленькую Зарю он унес с собой и отдал своей жене, чтобы она ее спрятала на заднем дворе.

Неделю спустя злая королева сказала своему дворецкому: «Теперь я хочу, чтобы к ужину мне был подан маленький День». Дворецкий не возражал ей, решив обмануть ее так же, как и в первый раз. Он отправился за маленьким Днем и, придя к нему в комнату, увидел, что тот, держа крохотную рапиру, фехтует с большой обезьяной; а ведь мальчику было всего три года! Дворецкий снес его к своей жене, которая спрятала его вместе с Зарей, а вместо Дня подал на ужин козленка, отличавшегося весьма нежным мясом, так что королева нашла его превосходным на вкус.

До сих пор все шло хорошо, но однажды вечером эта злая королева сказала дворецкому: «Я хочу съесть и мою невестку под таким же соусом, что и ее детей». Вот тут-то бедный дворецкий и потерял надежду обмануть ее. Молодой королеве уж минул двадцатый год, не считая тех ста лет, что она проспала; ко-

жа у нее была все же жесткая, хотя красивая и белая; а где взять на скотном дворе животное с такой жесткой кожей? Чтобы спастись самому, он решил зарезать королеву и поднялся в ее покои, намереваясь покончить дело разом. Он разжигал в себе ярость и с ножом в руках вошел в комнату молодой королевы; однако он не захотел напасть на нее врасплох и весьма почтительно сказал ей о приказании, которое получил от королевы-матери. «Исполняйте ваш долг,— сказала она, подставляя шею под нож,— исполняйте приказание, которое вам дали; теперь я увижу детей, моих бедных детей, которых я так любила!» — ибо она считала их мертвыми с тех пор, как их у нее отняли.

«Нет, нет, госпожа моя,— отвечал ей бедный дворецкий, совсем растроганный,— вы не умрете и все-таки увидите ваших милых детей, но увидите вы их у меня, там, где я их спрятал, и я еще раз обману королеву — я изжарю для нее вместо вас молодую лань». Он тотчас же повел ее к себе в комнату и оставил обнимать детей и плакать с ними, а сам пошел приготовлять лань, которую королева-мать и съела за ужином с таким аппетитом, словно то была молодая королева; она была очень довольна своей жестокостью и собиралась сказать королю по его приезде, что бешеные волки сожрали его жену-королеву и обоих его детей.

Однажды вечером, когда она, по своему обыкновению, бродила по замку, по дворам, птичьему и скотному, принюхивалась, не пахнет ли свежим мясом, она услышала, как в комнате нижнего этажа плачет маленький День, ибо королева, его мать, хотела высечь его за то, что он выказал злой нрав; она услышала также, как маленькая Заря просит, чтобы простили ее брата. Людоедка узнала голос королевы и ее детей и, в ярости от того, что ее обманули, страшным голосом, всех приведшим в трепет, приказала, чтобы завтра же утром посреди двора поставили большой чан, наполненный жабами, ужами, гадюками и другими змеями, и бросили в него королеву с ее детьми, дворецкого, его жену и его служанку; она велела, чтобы их привели, связав им руки за спиной.

Они стояли во дворе, и палачи уже готовились бросить их в чан, как вдруг король, которого так скоро не ожидали, въехал верхом во двор; он примчался во весь опор и, весьма удивленный, спросил, что означает это ужасное зрелище. Никто не смел объяснить ему это, и тут вдруг людоедка, в бешенстве от того, что ей помешали, сама бросилась в чан, вниз головой, и в один миг была сожрана мерзкими тварями, которых она велела туда насажать. Король не мог не огорчиться: ведь это была его мать; но он вскоре утешился со своей прелестной женой и своими детьми.

Немножко обождать, чтоб подвернулся муж,
Красавец и богач к тому ж,
Вполне возможно и понятно.
Но сотню долгих лет, в постели лежа, ждать
Для дам настолько неприятно,
Что ни одна не сможет спать.
Пожалуй, выведем второе поученье:
Нередко звенья уз, что вяжет Гименей,
Пока разрознены, и слаще и нежней;
Так обождать — удача, не мученье.
Но нежный пол с таким огнем
Твердит свой символ веры брачной,
Что сеять яд сомнений в нем
У нас не хватит злости мрачной.

Красная Шапочка

ИЛА когда-то в одной деревне девочка, до того хорошенькая, что другой такой не было на свете; мать без памяти любила ее, а еще больше любила ее бабушка. Старушка подарила ей красную шапочку, которая так ей шла, что девочку везде называли Красной Шапочкой. Однажды ее мать напекла лепешек и сказала ей: «Сходи проведай бабушку — я слышала, что она больна. Снеси ей лепешку и горшочек масла». Красная Шапочка сразу же пустилась в путь — пошла к своей бабушке, которая жила в другой деревне. Когда она шла лесом, ей повстречался кум Волк, которому очень захотелось ее съесть, но он не посмел, потому что в лесу были дровосеки. Он спросил, куда она идет. Бедное дитя, не зная, как опасно останавливаться в пути слушать волка, ответило ему: «Я иду проведать мою бабушку и несу ей лепешку да горшочек масла, которые ей посылает моя мать». — «А далеко ли она живет?» — спросил Волк. — «Да, очень далеко, — ответила Красная Шапочка, — вон за той мельницей, что вы видите там, вдали, — первый дом в деревне». — «Ну, — сказал Волк, — так я тоже пойду проведаю ее; я пойду этой дорогой, а ты пойдешь той, и мы посмотрим, кто придет раньше».

Волк что было мочи бросился бежать дорогой более короткой, а девочка пошла дорогой более длинной и по пути забавлялась тем, что срывала орешки, бегала за бабочками, делала букеты из цветочков, которые попадались ей на глаза.

Немного времени прошло, а Волк очутился уже у бабушкиного дома; он стучит: тук-тук. «Кто там?» — «Ваша внучка, Крас-

ная Шапочка,— сказал Волк, изменив свой голос,— несет вам лепешку и горшочек масла, которые вам посылает моя мать». Добрая бабушка, лежавшая в постели, потому что не совсем была здорова, закричала ему: «Потяни щеколду, задвижка и отскочит!». Волк потянул щеколду, и задвижка отскочила. Он бросился на старушку и в один миг сожрал ее, потому что уже три дня как ничего не ел. Потом он запер дверь и улегся в бабушкину постель, ожидая Красную Шапочку, которая немного погодя и постучала в дверь — тук-тук. «Кто там?» Красная Шапочка, услышав грубый голос Волка, сначала испугалась, но, вспомнив, что бабушка простужена, ответила: «Ваша внучка, Красная Шапочка, несет вам лепешку и горшочек масла, которые вам посылает моя мать». Волк, немножко смягчив свой голос, прокричал ей: «Потяни щеколду, задвижка и отскочит!». Красная Шапочка потянула щеколду, и задвижка отскочила. Волк, увидев, что она входит, сказал ей, спрятавшись под одеяло: «Лепешку и горшочек с маслом поставь на сундук, а сама иди ляг со мной». Красная Шапочка разделась и легла в постель, но тут ее немало удивило, каков у бабушки вид, когда она раздета. Она ей сказала: «Бабушка, какие у вас большие руки!» — «Это чтоб лучше тебя обнимать, внучка!» — «Бабушка, какие у вас большие ноги!» — «Это чтобы лучше бегать, дитя мое!» — «Бабушка, какие у вас большие уши!» — «Это чтоб лучше слышать, дитя мое!» — «Бабушка, какие у вас большие глаза!» — «Это чтоб лучше видеть тебя, дитя мое!» — «Бабушка, какие у вас большие зубы!» — «Это чтоб съесть тебя!» И, сказав эти слова, злой Волк бросился на Красную Шапочку и съел ее.

Детишкам маленьким не без причин
(А уж особенно девицам,
Красавицам и баловницам),
В пути встречая всяческих мужчин,
Нельзя речей коварных слушать,—
Иначе волк их может скушать.
Сказал я: волк! Волков не счесть,
Но между ними есть иные
Плуты, настолько продувные,
Что, сладко источая лесть,
Девичью охраняют честь,
Сопутствуют до дома их прогулкам,
Проводят их бай-бай по темным закоулкам...
Но волк, увы, чем кажется скромней,
Тем он всегда лукавей и страшней!

Синяя Борода

ЖИЛ когда-то человек, у которого были прекрасные дома и в городе и в деревне, золотая и серебряная посуда, кресла, украшенные шитьем, и золоченые кареты. Но, к несчастью, у этого человека была синяя борода, и она придавала ему такой уродливый и страшный вид, что не было ни женщины, ни девушки, которая не убегала бы, завидев его.

У одной из его соседок, дамы знатной, были две дочери, дивной красоты. Он попросил выдать замуж за него одну из них и предоставил матери выбрать ту, которую она согласится за него отдать. Обе не хотели идти за него и отказывались от него одна в пользу другой, не в силах избрать мужем человека, у которого борода — синяя. Внушало им отвращение и то, что этот человек уже несколько раз был женат, но никто не знал, что сталось с его женами.

Чтобы завязать более близкое знакомство, Синяя Борода пригласил их вместе с матерью и тремя или четырьмя лучшими подругами, а также несколькими молодыми людьми, их соседями, в один из своих загородных домов, где гости пробыли целую неделю. Все время было занято прогулками, поездками на охоту и на рыбную ловлю, танцами, пиршествами, завтраками и ужинами; никто не думал спать, и каждую ночь напролет гости изощрялись во всевозможных шутках, — словом, все устроилось так хорошо, что младшей дочери стало казаться, будто у хозяина дома борода уже совсем не такая синяя и сам он — человек весь-

ма порядочный. Как только вернулись в город, свадьба была решена.

Через месяц Синяя Борода сказал своей жене, что ему надо уехать в деревню, по крайней мере недель на шесть, ради важного дела; он просил ее развлекаться во время его отсутствия: говорил ей, чтоб она позвала своих подружек, и если ей захочется, свезла их за город; чтобы всюду она ела все самое вкусное. «Вот,— сказал он,— ключи от обеих больших кладовых; вот ключи от посуды золотой и серебряной, которую подают не каждый день; вот ключи от сундуков, где хранится мое золото и серебро; вот ключи от ларцов, где лежат мои драгоценные камни; вот ключ, что отпирает все комнаты в моем доме. А этот маленький ключ — ключ от комнаты, что в конце нижней большой галереи. Открывайте все двери, всюду ходите, но входить в эту маленькую комнату я вам запрещаю, и запрещаю так строго, что, если вам случится открыть туда дверь, вы можете всего ждать от моего гнева».

Она обещала в точности соблюсти все то, что было ей приказано, а он обнял жену, сел в свою карету и уехал.

Соседка и подружки не стали ждать, чтоб за ними послали гонцов, а сами поспешили к новобрачной — так не терпелось им увидеть все богатства ее дома, а пока там был ее муж, они не решались посетить ее — из-за его синей бороды, которой они боялись. Вот они сразу же и начали осматривать комнаты, комнатки, гардеробные, превосходившие одна другую красотою и богатством. Затем они перешли в кладовые, где не могли налюбоваться красотою бесчисленных ковров, постелей, диванов, шкапчиков, столиков, столов и зеркал, в которых можно было увидеть себя с головы до ног и края которых — у одних стеклянные, у других из позолоченного серебра — были красивее и великолепнее всего, что только случалось им когда-либо видеть. Не переставая завидовать, они все время превозносили счастье своей подруги, которую, однако, вовсе не занимало зрелище всех этих богатств, ибо ей не терпелось пойти открыть внизу маленькую комнатку.

Ее до того одолело любопытство, что, не приняв в соображение, сколь невежливо покидать своих гостей, она спустилась по потаенной лесенке, и притом с такой поспешностью, что раза два или три, как ей показалось, чуть было не сломала себе шею. У двери в маленькую комнатку она постояла несколько минут, вспоминая о запрете, который наложил ее муж, и размышляя о том, что за это непослушание ее может постигнуть несчастье; но соблазн был так силен, что она не могла победить его: она взяла ключик и с трепетом отворила дверь.

Сперва она ничего не увидела, потому что ставни были закрыты. Через несколько мгновений она стала замечать, что пол весь покрыт запекшейся кровью и что в этой крови отражаются

тела нескольких мертвых женщин, висевших на стенах: все это были жены Синей Бороды, который вступал с ними в брак, а потом убивал. Она подумала, что умрет со страху, и выронила ключ, который вынула из замка.

Немного придя в себя, она подняла ключ, заперла дверь и поднялась к себе в комнату, чтобы хоть несколько оправиться; но это ей не удалось, в таком она была волнении.

Заметив, что ключ от маленькой комнаты запачкан кровью, она два или три раза вытерла его, но кровь никак не сходила; сколько она ни мыла его, сколько ни терла его песком и песчаным камнем, все-таки кровь оставалась, потому что ключ был волшебный, и не было никакой возможности совсем отчистить его: когда кровь счищали с одной стороны, она появлялась на другой.

Синяя Борода вернулся из своего путешествия в тот же вечер и сказал, что получил в дороге письма, сообщавшие ему, что дело, ради которого он ехал, разрешилось в его пользу. Жена его сделала все возможное — только бы доказать ему, что она в восторге от его скорого возвращения.

На другой день он потребовал у нее ключи, и она отдала их ему, но у нее так дрожали руки, что он без труда догадался обо всем случившемся. «Отчего это,— спросил он ее,— ключа от маленькой комнатки нет вместе с другими ключами?» — «Наверно,— сказала она,— я оставила его наверху у себя на столе». — «Не забудьте,— сказал Синяя Борода,— отдать мне его поскорее».

Наконец, после разных отговорок пришлось принести ключ. Синяя Борода, посмотрев на него, сказал жене: «Отчего на этом ключе кровь?» — «Не знаю»,— ответила несчастная жена, бледная как смерть. «Не знаете? — переспросил Синяя Борода.— А я знаю. Вам захотелось войти в маленькую комнатку. Ну, что ж, сударыня, теперь вы войдете в нее и займете там ваше место возле дам, которых вы там видели».

Она бросилась к ногам мужа, плача, прося у него прощения и по всем признакам искренно раскаиваясь в своем непослушании. Прекрасная и печальная, она тронула бы даже скалу, но у Синей Бороды сердце было более суровое, чем скала. «Вы должны умереть, сударыня,— сказал он ей,— и немедля». — «Если я должна умереть,— ответила она, глядя на него глазами, полными слез,— дайте мне хоть несколько минут — помолиться богу». — «Даю тебе семь минут,— ответил Синяя Борода,— но ни мгновения больше».

Оставшись одна, она позвала сестру и сказала ей: «Сестрица моя Анна (ибо так звалась ее сестра), прошу тебя, подымись на башню и посмотри, не едут ли мои братья — они обещали навестить меня сегодня; а если ты увидишь их, дай им знак, чтоб торопились». Сестра Анна поднялась на башню, а бедняжка в тоске время от времени окликала ее: «Анна, сестрица Анна, ничего не

видать?» А сестрица Анна отвечала ей: «Ничего не видать, только солнце палит да трава на солнце блестит».

Между тем Синяя Борода держал уже большой нож в руке и кричал что было мочи: «Скорее иди сюда, а не то я сам к тебе приду».— «Еще минуточку, пожалуйста,— ответила жена и тихо окликнула сестру: Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» А сестрица Анна отвечала: «Ничего не видать, только солнце палит да трава на солнце блестит».

«Да иди же скорее,— крикнул Синяя Борода,— а не то я сам поднимусь!».— «Иду,— ответила жена, а потом окликнула сестру:— Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» — «Вижу,— ответила сестрица,— большое облако пыли, оно несется к нам...» — «Это мои братья?» — «Увы, нет, сестрица, я вижу стадо баранов...» — «Да когда же ты придешь?» — закричал Синяя Борода.— «Еще минуточку,— ответила жена, а потом окликнула сестру:— Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» — «Вижу,— ответила она,— двух всадников, они скачут сюда, но они еще далеко!» — «Слава богу! — воскликнула она через несколько мгновений.— Это мои братья. Я подаю им знак, чтоб они торопились».

Тут Синяя Борода закричал так громко, что задрожал весь дом. Бедняжка спустилась с башни и бросилась к его ногам, вся в слезах, с растрепавшимися волосами. «Это ни к чему не послужит,— сказал Синяя Борода,— придется умереть». И, схватив ее за волосы, он занес нож и уже готов был отрезать ей голову. Бедная женщина, обернувшись к нему и глядя на него помертвевшими глазами, попросила дать ей еще минуточку, чтоб приготовиться к смерти. «Нет, нет, поручи свою душу богу»,— сказал он, подняв руку... В эту минуту раздался такой страшный стук в дверь, что Синяя Борода остановился. Дверь отворилась, и тотчас же вошли двое мужчин, которые, выхватив шпаги, бросились прямо на Синюю Бороду...

Он узнал братьев своей жены, драгуна и мушкетера, и, спасаясь от них, пустился бежать, но они так быстро за ним погнались, что поймали прежде, чем он успел выскочить на крыльцо. Они насквозь пронзили его шпагами, и он упал мертвый. Бедная женщина сама была чуть жива, и у нее даже не хватило сил подняться и обнять своих братьев.

Оказалось, что у Синей Бороды нет наследников и что жене его, таким образом, должны достаться все его богатства. Часть из них она употребила на то, чтобы выдать сестрицу свою Анну за молодого дворянина, давно уже любившего ее; другую часть — на то, чтобы доставить своим братьям капитанский чин, а остальные — на то, чтобы самой выйти замуж за одного хорошего человека, который помог ей забыть то тяжелое время, когда она была женою Синей Бороды.

Да, любопытство — бич.
Смущает всех оно,
На горе смертным рождено.
Примеров — тысячи,
Как приглядишься малость.
Забавна женская к нескромным
тайнам страсть:
Известно ведь —
что дорого досталось,
Утратит вмиг и вкус и сласть.

Коль в голове умишко есть,
Чтоб тарабарщину растолковать мирскую,
Поймешь легко — историю такую
Лишь в сказке можем мы прочесть.
Мужей свирепых нет на свете ныне:
Запретов нет таких в помине.
Муж нынешний, хоть с ревностью знаком,
Юлит вокруг жены влюбленным петушком,
А борода его будь даже пегой масти,
Никак не разберешь —
она-то в чьей же власти?

Господин Кот, или Кот в сапогах

Господин Кот

ОДИН мельник в наследство своим трем сыновьям оставил всего-навсего мельницу, осла и кота. Наследство делили недолго,— не звали ни нотариуса, ни адвоката: те быстро съели бы все скудное наследство. Старшему досталась мельница, среднему достался осел, а младшему всего только кот. Младший не мог утешиться, что получил такую жалкую долю. «Братья мои,— говорил он,— могут честно зарабатывать себе на жизнь, если соединят свое имущество; а мне, когда я съем моего кота, а из его шкуры сделаю себе муфту, придется умереть с голода».

Кот, который слышал эти слова, но и вида не показал, молвил ему тоном степенным и серьезным: «Не огорчайтесь, государь мой: дайте мне только мешок да закажите пару сапог, чтобы мне было в чем пробираться через кусты, и вы увидите, что вам досталась вовсе не такая жалкая доля, как вам кажется». Хотя хозяин Кота и не слишком полагался на эти речи, но ему столь часто случалось видеть, какую прыть проявлял Кот, когда ловил крыс и мышей, как он цеплялся лапами за стену или прятался в муке, притворяясь мертвым, что он не терял надежды дождаться от него помощи в своей беде.

Когда Кот получил то, о чем просил, он исправно обулся, перекинул через плечо мешок и, взявшись передними лапами за шнурки от него, отправился в лес, где водилось немало кроликов. В мешок свой он наложил отрубей и заячьей капустки и, растянувшись на земле, будто мертвый, стал ждать, чтобы какой-нибудь юный кролик, еще не искушенный в хитростях света, залез в мешок — полакомиться тем, что было туда положено.

Едва он улегся, как уже достиг желанной цели: молодой легкомысленный кролик забрался в мешок, и господин Кот, тотчас затянув шнурки, схватил его и умертвил без пощады.

Гордый своей добычей, он отправился к королю и попросил разрешения повидаться с ним. Кота впустили в покои его величества, и он, войдя, отвесил королю низкий поклон и сказал: «Государь! Вот кролик, которого господин маркиз де Караба (такое имя заблагорассудилось ему дать своему господину) поручил мне поднести вам от его имени».— «Скажи твоему господину,— ответил король,— что я благодарю его и что он доставил мне удовольствие».

В другой раз Кот спрятался в поле, среди колосьев, опять держа мешок открытым, а когда в него попали две куропатки, он затянул шнурки и захватил их обеих. Затем пошел к королю, которому поднес их, как прошлый раз кролика. Король с таким же удовольствием принял куропаток и велел дать Коту на водку.

Так целых два или три месяца Кот время от времени продолжал носить королю дичь, убитую на охоте его хозяином. Однажды узнав, что король собирается ехать на прогулку вдоль берега реки вместе со своей дочерью, принцессой, прекраснее которой нет на свете, он сказал своему хозяину: «Если вы послушаетесь моего совета, ваше будущее обеспечено; вам надобно только пойти сегодня на реку — искупаться в том месте, где я вам укажу, а во всем остальном положитесь на меня».

Маркиз де Караба сделал то, что советовал ему Кот, сам не зная, какая от того ему будет выгода. Он купался, а мимо проезжал король, и Кот закричал что было мочи: «Помогите! Помогите! Тонет господин маркиз де Караба!» Услышав этот крик, король выглянул из кареты и, узнав Кота, который столько раз приносил ему дичь, приказал своей страже, чтобы они поспешили на помощь господину маркизу не Караба.

Пока бедного маркиза вытаскивали из реки, Кот, подойдя к карете, сказал королю, что, в то время как хозяин его купался, пришли воры и унесли его платье, хоть он и кричал изо всей силы: «Воры! Воры!»; платье же этот плут спрятал под большим камнем. Король тотчас же послал придворных, состоящих при гардеробе, принести для господина маркиза де Караба один из лучших своих нарядов. Король обласкал его, а так как благодаря прекрасному наряду, который ему дали, он казался еще красивее (ведь он был хорош собою и хорошо сложен), то весьма приглянулся дочери короля, и не успел маркиз де Караба два или три раза весьма почтительно, но вместе с тем и нежно взглянуть на нее, как она без памяти в него влюбилась.

Король пожелал, чтобы он сел к нему в карету и принял участие в прогулке. Кот в восторге оттого, что замысел его начина-

ет осуществляться, побежал дальше и, завидев крестьян, которые косили луг, сказал им: «Добрые люди, косари! Если вы не скажете королю, что луг, который вы косите, принадлежит господину маркизу де Караба, вас всех мелко искрошат, как мясо для пирога».

Король не приминул спросить косарей, кому принадлежит луг, который они косят. «Господину маркизу де Караба»,— сказали они все разом, ибо угроза Кота напугала их. «Прекрасное у вас поместье»,— сказал король маркизу де Караба. «Не правда ли, государь? — сказал маркиз.— С этого луга всякий год собирают очень много сена».

Господин Кот, по-прежнему бежавший впереди, увидал жнецов и сказал им: «Добрые люди, жнецы! Если вы не скажете, что все поля принадлежат господину маркизу де Караба, вас всех мелко искрошат, как мясо для пирога». Король, проезжавший здесь минуту спустя, захотел узнать, кому принадлежат все эти поля. «Господину маркизу де Караба»,— ответили жнецы, и король снова порадовался вместе с маркизом. Кот, все время бежавший впереди, говорил то же самое всем тем, кого встречал, и король удивлялся, сколь обширны владения маркиза де Караба.

Наконец господин Кот попал в великолепный замок, хозяин которого был людоед, самый богатый в мире, ибо все те земли, где проезжал король, принадлежали ему. Кот позаботился разузнать, кто такой этот людоед и что он умеет делать, и, попросив позволения поговорить с ним, сказал, что не мог пройти так близко от этого замка, не засвидетельствовав почтение хозяину.

Людоед принял Кота со всей учтивостью, на какую способны людоеды, и предложил ему отдохнуть. «Меня уверяли,— сказал Кот,— будто вы обладаете способностью превращаться в самых разных зверей, что, например, вы можете превратиться в льва, в слона». — «Сущая правда,— резко ответил людоед,— а чтобы показать вам это, я на ваших же глазах превращусь в льва». Увидев льва, Кот так испугался, что сразу же взобрался на кровельный желоб, не без труда и не без риска, так как сапоги его совсем не годились для того, чтобы ходить в них по черепицам.

Немного погодя Кот, увидев, что людоед принял свой прежний образ, спустился с крыши и признался, что натерпелся страху. «Меня также уверяли,— сказал Кот,— но я не могу поверить, будто вы можете превратиться в самого маленького зверька, например, в крысу или в мышку; сознаюсь вам, что считаю это совершенно невозможным».— «Невозможным? — переспросил людоед.— Вот сейчас увидите!» И он тут же превратился в мышку, которая стала бегать по полу. Кот, едва только увидел ее, бросился на нее и съел.

Между тем король, проезжая мимо и увидев великолепный замок людоеда, пожелал заехать туда. Кот, заслышав стук кареты, катившейся по подъемному мосту, выбежал навстречу и сказал королю: «Ваше величество, милости просим в замок маркиза де Караба!» — «Как, господин маркиз,— воскликнул король,— этот замок тоже принадлежит вам? Ничего не может быть прекраснее, чем этот двор и все эти строения, что окружают его. Нельзя ли осмотреть их и внутри?»

Маркиз подал руку молодой принцессе, и, следуя за королем, который вошел первым, они вступили в большую залу, где нашли роскошный завтрак, приготовленный людоедом для своих друзей, которые должны были навестить его в тот день, но не рашились войти в замок, узнав, что там король. Король, восхищенный приятными качествами маркиза, от которого и дочь была без ума, увидев его великие богатства, сказал ему, после того как сделал пять или шесть глотков вина: «Дело только за вами, господин маркиз, если вы хотите стать моим зятем». Маркиз, низко кланяясь, благодарил за честь, которой удостоил его король, и в тот же день женился на принцессе. Кот стал большим вельможей, а мышей с той поры ловил только для забавы.

Премило украшает детство
Довольно крупное наследство,
Сынку врученное отцом.
Но кто наследует умелость,
И обходительность, и смелость –
Вернее будет молодцом.

Коль мельников сынок с отменной быстротою,
Пленясь девицей не простою,
Смог сердце гордое ее завоевать,–
Понятно всем: богатством, красотою
И молодостью золотою
Любовь ответную легко наколдовать.

Волшебница

ИЛА когда-то вдова, у которой было две дочери: старшая так была похожа на нее нравом и лицом, что всякий, кто видел ее, как бы видел перед собой и ее мать. И мать и дочь были обе такие противные и такие надменные, что никак нельзя было с ними ладить. Младшая, которая кротостью и добронравием всецело походила на отца, была к тому же одной из самых красивых девушек, каких когда-либо случалось видеть. А так как всякий, разумеется, любит подобного себе, то мать была без ума от своей старшей дочери, а к младшей чувствовала страшную неприязнь. Есть она позволяла ей только на кухне и заставляла ее непрестанно работать.

Эта бедная девушка, в числе прочих своих обязанностей, должна была два раза в день ходить к роднику, за полмили от дома, и приносить большой кувшин воды. Однажды, когда она стояла у родника, к ней подошла нищая и попросила дать ей напиться. «Вот, бабушка, пожалуйста»,— сказала ей красавица девушка и, сразу же сполоснув кувшин и зачерпнув самой свежей воды, протянула ей, все время поддерживая его, чтобы нищей удобнее было пить. Женщина напилась и сказала: «Вы такая красивая, такая добрая и учтивая, что я не могу не наделить вас волшебным даром. (Ибо то была волшебница, принявшая образ бедной крестьянки, чтобы испытать добронравие девушки.) Этот дар,— продолжала волшебница,— будет состоять в том, что при каждом слове, которое вам случится сказать, из ваших уст будет падать либо цветок, либо драгоценный камень».

Когда красавица пришла домой, мать выбранила ее за то, что она так долго не возвращалась. «Простите, матушка, что я так

замешкалась»,— отвечала бедняжка, а когда она произнесла эти слова, из уст ее упали две розы, две жемчужины и два больших алмаза. «Что это? — сказала удивленная мать.— Изо рта у ней как будто сыплются жемчужины и брильянты. Как же это так, дочь моя?» (Она в первый раз сказала ей «дочь моя».) Бедная девушка простодушно рассказала ей все, что с ней случилось, не преминув насыпать несчетное множество алмазов. «Право,— сказала мать,— надо мне будет послать туда и другую дочку. Вот, Фаншон, смотрите-ка, что у вашей сестры падает изо рта, когда она говорит. Разве не приятно было бы и вам иметь такой дар? Вам стоит лишь пойти к колодцу за водой, а когда нищая попросит у вас напиться, со всей учтивостью напоить ее».— «Стану я ходить к роднику за водой!» — надменно ответила грубиянка дочь.— «Я хочу, чтобы вы пошли туда, и тотчас же»,— ответила мать.

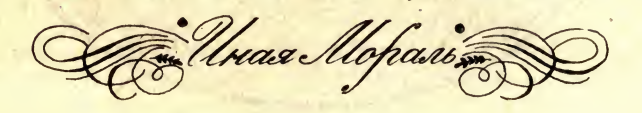
Дочь пошла, продолжая ворчать. Она взяла с собой самый красивый серебряный сосуд, какой был в доме. Не успела она дойти до родника, как из лесу вышла пышно одетая дама, которая подошла к ней и попросила напиться. Это была та же самая волшебница, что явилась ее сестре, но на этот раз она оделась как принцесса, чтобы испытать, до каких пределов простирается злонравие этой особы. «Уж не для того ли я пришла сюда,— сказала заносчивая и невоспитанная девица,— чтобы подавать вам воду? И серебряный кувшин несла, чтобы напоить вашу милость? Ну что ж, пейте, если хотите».— «Вы весьма неучтивы,— возразила волшебница, нисколько не разгневанная.— Если уж вы столь нелюбезны, я наделю вас таким даром, что при каждом слове, которое вы скажете, изо рта у вас будет падать либо жаба, либо змея».

Мать, как только увидела ее, крикнула: «Так что же, дочка?» — «Так вот что, матушка!» — ответила грубиянка дочь, и изо рта у нее выскочили две гадюки и две жабы. «О боже! — воскликнула мать.— Что это? Во всем виновата ее сестра; она мне за это заплатит». И она тотчас же бросилась к той, чтоб ее прибить. Бедняжка убежала и спряталась в ближнем лесу. Сын короля, возвращавшийся с охоты, повстречался с ней и, увидев, какая она красивая, спросил, что она тут делает совсем одна и отчего это она плачет. «Ах, сударь! Мать выгнала меня из дому». Сын короля, увидев, что изо рта у нее упало пять или шесть жемчужин и столько же брильянтов, попросил ее объяснить, в чем тут дело. Она рассказала ему свою историю. Сын короля влюбился в нее и, рассудив, что подобный дар стоит большего, чем любое приданое, увез ее во дворец своего отца и женился там на ней.

А сестра ее всем была так ненавистна, что даже мать прогнала ее, и несчастная, которую никто не хотел приютить, сколько она ни скиталась, умерла где-то в лесу.

Хотя высоко ценят в свете
Звон золота и серебра,
Дороже, чем металлы эти,
Сокровище речей, исполненных добра.

Учтивым хлопотливо быть,
Но, угождая добрым людям,
Мы получать тогда награды будем,
Когда про самый труд успеем позабыть.

Рике с хохолком

ИЛА когда-то королева, у которой родился сын, такой безобразный и столь дурно сложенный, что долгое время сомневались — человек ли он. Волшебница, присутствовавшая при его рождении, уверяла, что он все-таки будет премил, так как будет весьма умен; она даже прибавила, что благодаря особому дару, полученному им от нее, он сможет наделить своим умом ту особу, которую полюбит более всего на свете.

Это несколько утешило бедную королеву, которая весьма была огорчена тем, что родила на свет такого гадкого малыша. Правда, как только этот ребенок научился лепетать, он сразу же стал говорить премилые вещи, а во всех его поступках было столько ума, что нельзя было не восхищаться. Я забыл сказать, что родился он с маленьким хохолком на голове, а потому его и прозвали: Рике с хохолком. Рике было имя всего его рода.

Лет через семь или восемь у королевы одной из соседних стран родились две дочери. Та из них, что первой появилась на свет, была прекрасна как день; королеве это было столь приятно, что окружающие опасались, как бы ей от слишком сильной радости не стало худо. Та самая волшебница, которая присутствовала при рождении Рике с хохолком, находилась и при ней и, дабы ослабить ее радость, объявила, что у маленькой принцессы вовсе не будет ума и что насколько она красива, настолько же будет глупа. Это очень огорчило королеву, но несколько минут спустя она испытала огорчение еще большее: она родила вторую дочь, и та оказалась чрезвычайно некрасивой. «Не убивай-

тесь так, сударыня,— сказала ей волшебница,— ваша дочь будет вознаграждена иными качествами, и будет у нее столько ума, что люди не заметят в ней недостатка красоты».— «Дай бог,— ответила королева,— но нельзя ли сделать так, чтобы старшая, такая красивая, стала немного поумнее?» — «Что до ума, сударыня, я ничего не могу для нее сделать,— сказала волшебница,— но я все могу, когда дело идет о красоте, а так как нет такой вещи, которой я бы не сделала для вас, то она получит от меня дар — наделять красотой того, кто понравится ей».

По мере того как обе принцессы подрастали, умножались и их совершенства, и повсюду только и было речи, что о красоте старшей и об уме младшей. Правда и то, что с годами весьма усиливались и их недостатки. Младшая дурнела прямо на глазах, а старшая с каждым днем становилась все глупее. Она или ничего не отвечала, когда ее о чем-либо спрашивали, или говорила глупости. К тому же она была такая неловкая, что если переставляла на камине какие-нибудь фарфоровые вещицы, то одну из них непременно разбивала, а когда пила воду, то половину стакана всегда выливала себе на платье.

Хотя красота — великое достоинство в молодой особе, все же младшая дочь всегда имела больший успех, чем старшая. Сперва все устремлялись к красавице, чтоб поглядеть на нее, полюбоваться ею, но вскоре все шли к той, которая была умна, потому что ее приятно было слушать; можно было только удивляться, что уже через четверть часа, даже раньше, никого не оставалось подле старшей, а все гости окружали младшую. Старшая, хоть и была весьма глупа, замечала это и не пожалела бы отдать всю свою красоту, лишь бы наполовину быть такой умной, как ее сестра. Королева, как ни была разумна, все же порой не могла удержаться, чтоб не попрекнуть дочь ее глупостью, и бедная принцесса чуть не умирала от этого с горя.

Как-то раз в лесу, куда она пошла поплакать о своей беде, к ней подошел человек очень уродливой и неприятной наружности, одетый, впрочем, весьма пышно. Это был молодой принц Рике с хохолком: влюбившись в нее по портретам, которые распространены были во всем мире, он оставил королевство своего отца ради удовольствия повидать ее и поговорить с нею. В восторге от того, что встретил ее здесь совсем одну, он подошел к ней как только мог почтительнее и учтивее. Он приветствовал ее как подобает и тут, заметив, что принцесса очень печальна, сказал ей: «Не понимаю, сударыня, отчего это особа столь прекрасная, как вы, может быть столь печальной; хоть я и могу похвалиться, что видел множество прекрасных особ, все же, надо сказать, не видел ни одной, чья красота напоминала бы вашу».

«Вы так любезны, сударь»,— ответила ему принцесса и больше ничего не могла придумать. «Красота,— продолжал Рике с хохолком,— столь великое благо, что она все остальное сможет нам заменить, а когда обладаешь ею, то, мне кажется, ничто уже не может особенно печалить нас».— «Я бы предпочла,— сказала принцесса,— быть столь же уродливой, как вы, но быть умной, вместо того чтобы быть такой красивой, но и такой глупой».— «Ничто, сударыня, не служит столь верным признаком ума, как мысль о его отсутствии, и такова уж его природа, что чем больше его имеешь, тем больше его недостает».— «Не знаю,— сказала принцесса,— знаю только, что я очень глупа, оттого-то и убивает меня печаль».— «Если только это огорчает вас, сударыня, я легко могу положить конец вашей печали».— «А как вы это сделаете?» — сказала принцесса.— «В моей власти, сударыня,— сказал Рике с хохолком,— наделить всем моим умом ту особу, которую я полюблю более всего на свете; а так как эта особа — вы, сударыня, то теперь от вас одной зависит стать такой умной, какой только можно быть, лишь бы вы согласились выйти замуж за меня».

Принцесса была совсем озадачена и ничего не ответила. «Вижу,— сказал Рике с хохолком,— что это предложение смущает вас, но я не удивляюсь и даю вам сроку целый год, чтобы вы могли принять решение». Принцессе настолько не хватало ума и в то же время ей так сильно хотелось иметь его, что она вообразила, будто этому году никогда не будет конца; и она тут же приняла сделанное ей предложение. Не успела она пообещать Рике, что выйдет за него замуж ровно через год, как почувствовала себя совсем иною, нежели раньше; теперь она с поразительной легкостью могла говорить все, что хотела, и говорить умно, непринужденно и естественно. В ту же минуту она начала с принцем Рике любезный и легкий разговор и с таким блеском проявила в нем свой ум, что Рике с хохолком подумал, не дал ли он ей больше ума, чем оставил себе самому.

Когда она вернулась во дворец, придворные не знали, что и подумать о таком внезапном и необыкновенном превращении; насколько прежде все привыкли слышать от нее одни только глупости, настолько теперь удивлялись ее здравым и бесконечно остроумным речам. Весь двор был так обрадован, что и представить себе нельзя; только младшая сестра осталась не очень этим довольна, потому что, уже не превосходя теперь умом своей сестры, она рядом с нею казалась всего лишь противным уродом.

Король стал слушаться советов старшей дочери и нередко в ее покоях совещался о делах. Так как слух об этой перемене распространился повсюду, то молодые принцы из всех соседних королевств стали пытаться заслужить ее любовь, и почти все

просили ее руки; но ни один из них не казался ей достаточно умным, и она выслушивала их, никому ничего не обещая. Но вот к ней явился принц столь могущественный, столь богатый, столь умный и столь красивый, что принцесса не могла не почувствовать к нему расположения. Отец ее, заметив это, сказал ей, что предоставляет ей выбрать жениха и что решение зависит только от нее. Чем умнее человек, тем труднее принять решение в таком деле, а потому, поблагодарив своего отца, она попросила его дать ей время на размышление.

Случайно она пошла гулять в тот самый лес, где встретила принца Рике, чтобы на свободе подумать о том, что ей предпринять. Гуляя там в глубокой задумчивости, она вдруг услышала глухой шум под ногами, как будто какие-то люди ходят, бегают, суетятся. Внимательно прислушавшись, она разобрала слова; кто-то говорил: «Принеси мне этот котелок», а кто-то другой: «Подай мне тот котелок», а третий: «Подложи дров в огонь». В тот же миг земля разверзлась, и у себя под ногами принцесса увидела большую кухню, которую наполняли повара, поварята и всякого рода люди, нужные для того, чтобы приготовить роскошный пир. От них отделилась толпа человек в двадцать или тридцать; то были вертельщики, они направились в одну из аллей, расположились там вокруг длинного стола и, со шпиговальными иглами в руках, в шапках с лисьими хвостиками на головах, дружно принялись за работу, напевая благозвучную песню. Принцесса, удивленная этим зрелищем, спросила их, для кого они трудятся. «Это, сударыня,— отвечал самый видный из них,— это для принца Рике, завтра его свадьба». Принцесса, удивившись еще больше и вспомнив вдруг, что сегодня исполнился год с того дня, как она обещала выйти замуж за принца Рике, еле устояла на ногах. Не помнила она об этом оттого, что, давая обещание, была еще дурой, а получив от принца ум, который он ей подарил, забыла все свои глупости.

Не успела она пройти и тридцати шагов, продолжая прогулку, как перед ней предстал Рике с хохолком, исполненный отваги, в великолепном наряде и в самом деле как принц, готовящийся к свадьбе. «Вы видите, сударыня,— сказал он,— я свято сдержал слово и не сомневаюсь, что вы тоже пришли сюда затем, чтобы исполнить ваше обещание и сделать меня самым счастливым среди людей, отдав мне вашу руку».— «Признаюсь вам откровенно,— ответила принцесса,— я еще не приняла решения и не думаю, что когда-нибудь приму такое, какого хотелось бы вам».— «Вы удивляете меня, сударыня»,— сказал ей Рике с хохолком. «Верю,— ответила принцесса,— и, конечно уж, если бы я имела дело с человеком грубым или глупым, то была бы в великом затруднении. «Слово принцессы свято,— сказал бы он

мне,— и вы должны выйти за меня замуж, раз вы мне обещали», но я говорю с человеком самым умным во всем мире, а потому уверена, что вас удастся убедить. Вы знаете, что, когда я еще была дурой, я все-таки и тогда не решалась выйти за вас замуж, — так как же вы хотите, чтобы теперь, обладая умом, который вы мне дали и от которого я стала еще разборчивее, чем прежде, я приняла решение, какое не смогла принять даже и в ту пору? Если вы и вправду собирались на мне жениться, то напрасно избавили меня от моей глупости и во всем научили разбираться».

«Если глупому человеку,— возразил Рике с хохолком,— было бы позволено, как вы сейчас сказали, попрекать вас изменой вашему слову, то почему же мне, сударыня, вы не разрешаете поступить так же, когда дело идет о счастье моей жизни? Какой смысл в том, чтобы люди умные оказывались в худшем положении, чем те, у которых вовсе нет ума? Вы ли это говорите,— вы, у которой столько ума и которая так хотела поумнеть? Но давайте вернемся к делу. Если не считать моего уродства, что не нравится вам во мне? Вы недовольны моим родом, моим умом, моим нравом, моим поведением?» — «Ничуть,— отвечала принцесса,— мне нравится в вас все то, что вы сейчас перечислили».— «Если так,— сказал Рике с хохолком,— я буду счастлив, потому что вы можете сделать меня самым приятным из смертных».— «Как это может быть?» — сказала ему принцесса. «Это будет,— ответил принц Рике,— если вы полюбите меня настолько, что этого пожелаете, а чтобы вы, сударыня, не сомневались, знайте: от той самой волшебницы, что в день моего рождения наградила меня волшебным даром и позволила наделить умом любого человека, какого мне заблагорассудится, вы тоже получили дар — вы можете сделать красавцем того, кого полюбите и кого захотите удостоить этой милости».

«Если так,— сказала принцесса,— я от души желаю, чтоб вы стали самым прекрасным и самым любезным принцем на всей земле, и, насколько это в моих силах, приношу вам в дар красоту».

Не успела принцесса произнести эти слова, как принц Рике превратился в самого красивого, самого стройного и самого любезного человека, какого ей случалось видеть. Иные уверяют, что чары волшебницы здесь были ни при чем, что только любовь произвела это превращение. Они говорят, что принцесса, поразмыслив о постоянстве своего поклонника, его скромности и обо всех прекрасных свойствах его ума и души, перестала замечать, как уродливо его тело, как безобразно его лицо: горб его стал теперь придавать ему некую особую важность, в его ужасной хромоте она теперь видела лишь манеру склоняться чуть набок, и эта манера приводила ее в восторг. Они также говорят,

будто глаза его казались ей еще более блестящими оттого, что были косы, будто в них она видела выражение страстной любви, а его большой красный нос приобрел для нее какие-то таинственные, даже геройские черты.

Как бы то ни было, принцесса обещала ему тотчас же выйти за него замуж, лишь бы он получил согласие ее отца. Король, узнав, сколь высоко его дочь ставит принца Рике, который к тому же был ему известен как принц весьма умный и рассудительный, был рад увидеть в нем своего зятя. Свадьбу отпраздновали на другой день, как и предвидел Рике с хохолком, и в полном согласии с приказаниями, которые он успел дать задолго до того.

Из сказки следует одно,
Зато вернее самой верной были!
Все, что мы с вами полюбили,
Для нас прекрасно и умно.

В иной предмет сама природа
Влила изящество и блеск такого рода,
Что — как соперничать искусству с ней?
Но сердца это все воспламенить не сможет,
Пока любовь тихонько не поможет
Незримою прикрасою своей.

Леритье де Виллодонъ
m-le Marie Jeanne
LHERITIE DE VILLODON • 1664~1734 •

Смышленая принцесса, или Приключения Вострушки

(Новелла)

Графине де Мюра

Вы пишете прелестнейшие новеллы в стихах, и ваши стихи столь же нежны, сколь естественны. Мне бы хотелось, очаровательная графиня, рассказать вам, в свою очередь, одну новеллу, хотя я и не знаю, развлечет ли вас она. У меня сегодня настроение мещанина во дворянстве, мне не хочется писать ни прозой, ни стихами, не хочется мне ни высоких слов, ни блеска, ни рифм — мне хочется говорить наивным языком. Словом, меня привлекает простой рассказ, изложенный разговорной речью,— мне хочется только вывести некоторое нравоучение.

Нравоучительна моя сказочка в достаточной мере, и этим она должна вам понравиться. Она основывается на двух пословицах вместо одной: такова нынче мода, и вы их любите, а я с удовольствием следую обычаю. Вы увидите, как наши предки умели доказывать, что для того, кто любит ничего не делать, жизнь превращается в полный беспорядок, или, говоря их словами, — *праздность есть мать всех пороков,* и вам, конечно, понравится их способ доказательства. Вторая пословица гласит, что надо всегда быть настороже; вы, конечно, понимаете, что я говорю о пословице: *недоверие есть мать безопасности.*

Любовь лишь те сердца пленяет,
Каких ни труд, ничто не занимает.
И если ловкий волокита страшен вам
И поглупеть от страсти вы боитесь,—

Красавицы, чтоб мир был сохранен сердцам,
Вы делом позаймитесь.
Но если, так иль сяк, а вам судьба—любить,
То бойтесь вы судьбу соединить, не зная,
Кого избрали вы, кто вас увлек, играя.
Страшись, чтоб около тебя
Не шел один из тех, кто с видом кротким,
Не зная, что сказать красоткам,
Вздыхает громко, не любя.
Беги от россказней любовных,
Да рассуди толково, что и как,
Немало ведь любовных врак
Из уст точится суесловных.
Да берегись всегда любовников таких,
Что с первых слов кипят в восторгах золотых
И пламенем живым клянутся;
Насмешкой остудите их:
Ведь надо много дней больших,
Чтоб сердцу смело встрепенуться.
Смотри, чтоб нежные слова
Не сразу б гордость заменили сном беспечным,—
Должна подумать голова
О счастье и спокойствии сердечном.

Но я не мечтаю об этом, сударыня, я пишу стихи: вместо того чтобы следовать вкусам господина Журдена, я рифмую подобно тому, как это делал Кино. Но сейчас я спешу перейти как можно скорее к простой речи, опасаясь старой ненависти, которую питали к этому милому моралисту, и опасаясь также, как бы меня не обвинили в том, что я его обкрадываю и рву на куски, как ныне делают многие бессовестные авторы.

О ВРЕМЯ первых крестовых походов король, уж не знаю какого европейского королевства, решил пойти войной на неверных в Палестину. Перед тем как предпринять столь долгое путешествие, он привел в такой блестящий порядок дела своего королевства и передал управление такому искусному министру, что на этот счет был совершенно спокоен. Гораздо больше тревожила нашего государя забота о его семье. Совсем недавно умерла королева, его супруга, не было у него сыновей, но он был отцом трех принцесс, молодых девушек на выданье. Летопись не сохранила нам их настоящих имен; знаю я только, что так как в счастливые те времена про-

стота народная без обиняков давала прозвища видным особам по добрым их качествам или по недостаткам, то старшую принцессу прозвали Разиней, что по-нашему означает ленивица, вторую Болтушкой, а третью Вострушкой, и эти прозвища как раз подходили к характерам трех сестер.

Никогда еще не видано было такой ленивицы, как Разиня. Раньше часа пополудни не могла она проснуться, в церковь тащили ее прямо с постели, и шла она непричесанная, платье расстегнуто, пояс надеть позабудет, и нередко на правой ноге у нее одна туфля, а на левой совсем другая. Кое-как за целый день, бывало, подберут ей одинаковые, но никак нельзя было ее уговорить обуться не в туфли, потому что она считала невыносимо трудным надеть башмаки. Бывало, Разиня пообедает да и начнет одеваться и провозится так до самого вечера, а там до полуночи кушает да балуется. Потом начнет раздеваться на ночь и все так же медленно, как днем одевалась, так что спать она укладывалась, когда совсем рассветет.

Болтушка проводила время по-иному. Эта принцесса была очень живого нрава и очень мало собой занималась, но до того она любила поговорить, что как, бывало, проснется, так рта и не закроет, пока не заснет. Она знала истории всех неудачных браков, всех нежных связей, всех волокитств, не только при дворе, но и у самых что ни на есть скромных горожан. Она наизусть знала, какие женщины обкрадывают свое хозяйство, чтобы заказать себе самый ослепительный убор, и ей в точности было известно, сколько зарабатывает горничная княгини такой-то и дворецкий маркиза такого-то. Чтобы разузнать обо всех этих делишках, она беседовала со своей кормилицей да своей портнихой с таким удовольствием, какого не получила бы от беседы с посланником, а потом все уши, бывало, прожужжит этими сплетнями всем, начиная с короля, своего отца, до последнего лакея, потому что ей все равно было, с кем бы ни говорить, лишь бы только поговорить.

Непреодолимая ее любовь к болтовне имела еще и другие дурные последствия. Несмотря на высокое ее положение, ее болтовня запанибрата давала повод придворным любезникам приставать к ней со своими нежностями. Она выслушивала их затейливые комплименты попросту, лишь бы не лишиться удовольствия поговорить, а все потому, что ей нужно было во что бы то ни стало с утра до вечера либо слушать, либо болтать пустяки. Болтушка, так же как и Разиня, никогда не могла ни подумать, ни рассудить о чем-нибудь, ни книжку почитать; хозяйством домашним она себя тоже не беспокоила, а иголка или веретено ее вовсе не занимали. Таким-то образом эти две сестры в вечной праздности никогда не утруждали ни рук своих, ни головы.

Младшая сестра этих двух принцесс была совсем другого нрава. Она непрестанно заботилась и о себе и о своем образовании, была очень живая, всех заражала своей живостью и всегда старалась, чтобы все при этом шло по-хорошему. Она чудесно танцевала, пела, играла на разных инструментах, очень ловка была во всяких рукоделиях, любезных прекрасному полу, вела в большом порядке королевское хозяйство и следила, чтобы мелкие слуги поменьше добра растаскивали, ибо уже в те времена они не упускали случая обокрасть своего государя.

Но ее таланты на этом еще не кончались; она была, кроме того, весьма рассудительна, и так много было у нее здравого смысла, что в самом трудном положении всегда она, бывало, найдется. Эта юная принцесса раскрыла однажды своей прозорливостью опасную западню, которую приготовил королю, ее отцу, один коварный посланник, и раскрыла она в ту самую минуту, как король уж готов был подписать важную бумагу. Тогда, чтобы наказать вероломство посланника и его повелителя, король изменил текст соглашения, изложив его в выражениях, которые подсказала ему дочь, и, таким образом, в свою очередь обманул обманщика. Юная принцесса также открыла однажды плутню одного министра, и по ее совету отец сделал так, что предательство этого человека обратилось против него же. Принцесса не однажды еще выказывала прозорливость и остроту ума, и так часто это случалось, что в народе ее прозвали Вострушкой. Король любил ее гораздо больше, чем других дочерей, и так он надеялся на ее здравый ум, что если бы у него не было детей, кроме нее, он бы уехал на войну, нимало не беспокоясь. Но так как он не доверял своим старшим дочерям, то он только и мог положиться что на Вострушку. И вот, чтобы быть уверенным в своей семье,— потому что со стороны своих подданных он ничего не опасался,— принял он некоторые меры, о которых я сейчас расскажу.

Вы, очаровательная графиня, столь сведущи во всем, касающемся древности, что я не смею сомневаться в том, что не раз вы слышали о могущественных чарах фей. Король, о котором я вам рассказываю, был давнишним другом одной из этих искусных женщин. Поехал он к ней и рассказал о том, как беспокоится о своих дочерях.

— Я беспокоюсь,— сказал король,— только о двух старших; конечно, они никогда не поступят против своего долга, но они так неразумны, так неосторожны, ничем решительно не заняты, и я боюсь, как бы они, когда я уеду, не увлеклись от нечего делать какой-нибудь сумасшедшей затеей. Что до Вострушки, то я уверен в ее добродетели, но не хочу выделять ее из остальных — я решил поступить и с нею так же, как и с другими. Поэто-

му, премудрая фея, прошу я вас сделать мне три хрустальные прялки для моих дочерей, причем вы сделаете их так искусно, что каждая прялка должна в один миг сломаться, ежели принцесса, которой она будет принадлежать, поступит против своего достоинства.

Так как фея была одной из самых искусных, то она дала королю три очаровательные прялки, наделенные свойствами, необходимыми для осуществления его намерения. Но королю и этих предосторожностей было еще недостаточно, поэтому он заключил всех трех принцесс в очень высокую башню, которая стояла в пустынном месте. При этом король сказал принцессам, что повелевает им жить в этой башне все время, пока он будет в отъезде, и запрещает им принимать у себя кого бы то ни было. Он отстранил от них всех слуг и служанок, потом преподнес им очаровательные прялки, объяснив волшебные их свойства, обнял своих дочерей, запер двери башни, взял с собой ключи, да и уехал.

Вы, может быть, подумаете, госпожа моя, что принцессам в их башне грозила голодная смерть? Вовсе нет: к одному из окон башни приделали крепкий блок, повесили на него веревку, а к веревке принцессы привязывали корзинку, которую каждый день спускали вниз. В эту корзиночку клали им провизию на целый день, а они, подняв корзинку наверх, старательно втягивали и всю веревку к себе в комнату.

Разиня и Болтушка вели в этом одиночестве жизнь, которая их приводила в отчаяние; до того они там скучали, что и рассказать нельзя. Однако пришлось запастись терпением, так как им сделали такие страшные прялки, что они боялись и шагу ступить, как бы те вдруг не сломались.

Ну, а Вострушка, так она вовсе не скучала; ее веретено, иголка да музыкальные инструменты забавляли ее, а кроме того, по приказу министра, который управлял страной, в корзинку принцесс клали для них письма, которые осведомляли их обо всем, что происходило в королевстве, а также и за его пределами. Так повелел король, и министр, чтобы услужить принцессам, аккуратно выполнял его распоряжение. Вострушка с интересом читала эти письма, и они очень ее развлекали. Другие же две сестры нимало ими не интересовались. Они говорили, что слишком огорчены, чтобы забавляться такими пустяками. И они играли в карты, чтобы не скучать, пока отец в отлучке.

Так грустно они жили и ворчали на судьбу. Думаю, не раз они повторяли, что *лучше родиться счастливым, чем королевским сыном.* Частенько сиживали они у окна башни, чтобы по крайней мере посмотреть на то, что делается вокруг. И вот однажды, когда Вострушка сидела у себя за рукоделием, увидали ее

сестры из окна, что к подножию их башни подошла бедная женщина в изодранном рубище, взывая к ним о сострадании. С воздетыми руками умоляла она позволить ей войти в их замок, говоря, что она несчастная чужеземка, что она знает всякую работу и будет им служить верой и правдой. Принцессы вспомнили было о приказании отца никого не пускать в башню, но Разине до того надоело все себе самой делать, а Болтушке так было скучно, что не с кем, кроме сестер, поговорить, и так им захотелось — одной, чтобы ее причесали как следует, а другой, чтобы у нее было еще с кем посудачить, что они решили пустить к себе бедную чужеземку.

— Подумайте, сестрица,— сказала Болтушка,— может ли это быть, чтобы королевское запрещение касалось людей вроде этой бедняжки? Я думаю, что ее можно пустить, ничего не опасаясь.

— Делайте как знаете, сестрица,— ответила ей Разиня.

Болтушка только этого и ждала. Она опустила сейчас же вниз корзинку, бедная женщина уселась в нее, и принцессы подняли ее наверх на блоке.

Когда женщина предстала перед их очами, им стало противно, до того были грязны ее одежды. Они решили ее переодеть, но та сказала, что переоденется завтра, а сейчас она хочет им послужить да помочь. Пока она это говорила, Вострушка вошла в комнату. Младшая сестра была очень удивлена, увидав незнакомку со своими сестрами. Те ей рассказали, как это случилось, и Вострушка, видя, что уже ничего не поделаешь, притворилась, что вовсе не огорчена их неосторожностью.

Тем временем новая прислужница принцесс уже несколько раз успела обежать весь замок под предлогом, что надо то и другое сделать, а на самом деле, чтобы получше рассмотреть расположение комнат. Потому что, госпожа моя, уж не знаю, догадались ли вы или нет, но только эта мнимая нищенка была так же опасна этому замку, как принц Ори, вошедший в монастырь переодетой беглой аббатиссой.

Чтобы не мучить долее ваше любопытство, скажу вам, что это существо, покрытое лохмотьями, было не кем иным, как старшим сыном могущественного короля, соседа отца наших принцесс. Этот юный принц был одним из самых изобретательных умов своего времени и распоряжался, как хотел, своим отцом, хотя, впрочем, для этого и не требовалось много ума, потому что у короля этого был такой добрый и податливый нрав, что его прозвали Добряком. Ну, а принца, который был известен только своими хитростями да увертками, прозвали в народе На-хитрости-богат, или Хитрая Голова.

У него был младший брат, у которого было столько же хороших качеств, сколько у старшего недостатков, и все-таки, не-

смотря на разницу в нравах, оба брата были так дружны, что все удивлялись. Кроме доброй души, младший так был хорош собой и такой он был стройный да складный, что его прозвали Красавчик. Как раз принц Хитрая Голова и посоветовал когда-то посланнику короля, своего отца, заманить отца наших принцесс в коварную ловушку, и только хитрость Вострушки обернула это дело против них. Хитрая Голова и раньше недолюбливал короля, отца наших принцесс, а после этого случая и вовсе возненавидел. И вот, когда он узнал, какие предосторожности принял король уезжая, он решил доставить себе опасное удовольствие обмануть осторожность столь заботливого отца. Хитрая Голова выпросил под разными вымышленными предлогами у короля, своего отца, позволение отправиться путешествовать и придумал, как ему проникнуть в башню принцесс, что, как вы видели, ему и удалось.

Осматривая замок, принц приметил, что прохожие легко могли бы услышать, что происходит в нем, и поэтому решил оставаться целый день ряженым, потому что, если бы принцессы его разглядели, они легко могли бы позвать на помощь и наказать его за дерзкую выходку. Итак, целый день он ходил в лохмотьях и притворялся нищенкой, а вечером, когда три сестры поужинали, Хитрая Голова скинул свое рубище и появился перед ними в богатой одежде рыцаря, весь в золоте и драгоценных камнях. Бедные принцессы так перепугались, увидев его, что тут же бросились бежать со всех ног. Вострушка и Болтушка, которые были порезвее, успели спрятаться к себе в комнаты, ну, а Разиню, которая и ходить-то не привыкла, не то что бегать, принц в тот же миг и поймал.

Он сразу бросился к ее ногам, объявил, кто он такой, и сказал, что молва о ее красоте и ее портреты заставили его покинуть пышный двор, чтобы предложить ей свою любовь и верность. Разиня сперва так растерялась, что слова вымолвить не могла, но он, стоя на коленях перед ней, так нежно ее уговаривал, так уверял, с таким жаром заклинал ее стать его супругой тотчас же, нимало не медля, что она по своей природной вялости, которая не давала ей силы спорить, сказала ему беспечно, что верит его искренности и согласна разделить его судьбу. Она и не подумала о том, чтобы обставить какими-нибудь церемониями заключение их брака, с нее было довольно этого разговора. Но в эту минуту уронила она свою прялку, а та и разбилась на тысячу кусочков.

Тем временем Болтушка и Вострушка были в ужасном беспокойстве; каждая из них добежала до своей комнаты и там заперлась. Их комнаты были довольно далеко одна от другой, так что ни одна из них не знала, что случилось с другими сестрами,

и они провели ночь глаз не смыкая. Утром коварный принц повел Разиню в нижнюю комнату, выходившую в сад, и там принцесса сказала Хитрой Голове, что она очень беспокоится за своих сестер, а пойти к ним боится, потому что они, наверное, будут ругать ее за замужество. Принц ответил ей, что он сам им об этом объявит, и, поговорив с ней, вышел да и запер Разиню в комнате так, что она этого и не заметила. А сам стал усердно искать принцесс.

Некоторое время он никак не мог догадаться, где они заперлись, но наконец Болтушка не выдержала, она так любила поговорить, что стала говорить сама с собой и сама себе жаловаться; принц услыхал это, подошел к двери и увидел Болтушку в замочную скважину. Хитрая Голова стал с ней говорить через дверь и сказал ей то же самое, что и ее сестре: что только для того и вознамерился он проникнуть в их башню, чтобы предложить ей свое сердце и верность. Он с таким жаром восхвалял ее красоту и ум, что Болтушка, которая была совершенно уверена в своих замечательных качествах, оказалась столь глупа, что поверила его словам. Она ответила ему целым потоком слов, которые были не так уж нелюбезны. Видно, действительно, эта принцесса без ума любила поговорить, раз уж она могла болтать в такую минуту. Ведь она была в ужасном унынии, уж не говоря о том, что ничего не ела с вечера, потому что у нее в комнате ничего съестного припасено не было. Она была страшно ленива и никогда ни о чем и не мечтала, лишь бы ей только поговорить; ни о чем дельном она никогда не задумывалась, а если ей что нужно было, так она просила Вострушку, эта же милая принцесса была столь же трудолюбива и предусмотрительна, сколь сестры ее ленивы и рассеянны, поэтому у Вострушки в комнате вечно были и марципаны, и мармелад, и варенье, сухое и жидкое, и все это она сама приготовляла. И вот Болтушка, у которой ничего этого не было, побуждаемая голодом и нежнейшими уверениями принца из-за двери, наконец отворила ее своему обольстителю. И когда она отворила, он в совершенстве разыграл перед ней комедию: он хорошо выучил роль.

Затем они вдвоем вышли из комнаты и отправились в буфетную замка, где было приготовлено разнообразное угощение, так как ведь корзинка всегда снабжала принцесс заранее. Сперва Болтушка огорчалась тем, что не знала, что случилось с ее сестрами, но потом забрала она себе в голову, уж не знаю почему, что обе они заперлись у Вострушки в комнате, а уж там у них всего вдоволь. Хитрая Голова поддержал ее в этом убеждении и сказал, что вечером пойдет к ним. Однако она не согласилась и решила, что надо пойти тотчас же, как только они покушают.

Наконец принц и принцесса накушались вдоволь, и, когда завтрак был окончен, Хитрая Голова попросил, чтобы она ему показала парадные покои замка. Он подал принцессе руку, и они пошли туда, а когда пришли, то принц снова стал уверять ее в своей любви, а также рассказывать ей о том, как ей будет хорошо, когда она выйдет за него замуж. Он сказал ей так же, как и Разине, что она должна сейчас же сделаться его женой, а если раньше рассказать об их помолвке сестрам, то они не преминут воспротивиться этому, потому что как, без сомнения, самый могущественный из соседних принцев он представлял бы скорее партию для старшей сестры, а не для нее; и старшая принцесса уж ни за что не согласится на их союз, столь для него желанный. Болтушка долго судачила с ним об этом, но безо всякого толка и наконец решилась на такой же необыкновенный поступок, как и ее сестра: она согласилась стать женой юноши, а о своей хрустальной прялке и не вспомнила.

Вернулась к вечеру Болтушка в свою комнату вместе с принцем и первое, что увидала там, была ее хрустальная прялка, разбившаяся на мелкие кусочки. Она очень смутилась при этом зрелище, а принц спросил о причине ее смущения. Она так любила поболтать, что умолчать о чем-нибудь была неспособна и по глупости открыла Хитрой Голове тайну прялок. А принц злодейски порадовался, что отец принцесс узнает о дурном поведении своих дочерей.

У Болтушки тем временем пропало всякое желание идти к сестрам: она не без основания боялась, что они не одобрят ее поведения. Но принц предложил сам отправиться к ним, обещая, что сумеет уговорить их. Поверив ему, принцесса, не спавшая всю ночь, прилегла и задремала, а как только она заснула, принц вышел из комнаты да и запер ее на ключ, как уже сделал с Разиней.

Не правда ли, прелестная графиня, Хитрая Голова был отъявленным злодеем, а эти две принцессы малодушны и крайне неосторожны? Я очень сержусь на всю эту компанию и не сомневаюсь, что и вы тоже; но не беспокойтесь, все они получат по заслугам. И только наша умница, храбрая Вострушка, будет награждена.

Когда коварный принц запер Болтушку, он побежал по всем комнатам дворца, заглядывая в каждую, и так как все они были отперты, то решил, что в той единственной комнате, которая оказалась запертой изнутри, и спряталась от него Вострушка.

Так как у него для всех была заготовлена одна любовная речь, он и перед дверью Вострушки стал говорить то же самое, что говорил ее сестрам. Но эта принцесса была не так проста, как старшие сестры, и очень долго ничего ему не отвечала. Нако-

нец, видя, что он знает, что она в этой комнате, Вострушка сказала ему, что если действительно он питает к ней такую глубокую и искреннюю нежность, то пусть спустится в сад и затворит за собой дверь, а после этого она поговорит с ним через окошко, которое выходит в сад.

Хитрая Голова и слышать о том не захотел, а так как принцесса по-прежнему отказывалась отпереть ему дверь, то злой принц вне себя от нетерпения достал крепкое полено да и высадил им дверь. Но тут он увидал, что в руках у Вострушки здоровенный молоток, который позабыли случайно в чуланчике около ее комнаты. От волнения она раскраснелась, и хоть в очах ее ничего доброго он не увидал, все же она показалась Хитрой Голове восхитительно красивой. Он хотел броситься к ее ногам, но она, отбежав от него, гордо ему сказала:

— Если вы, принц, приблизитесь ко мне, я разобью вам голову этим молотком.

— Как, прекрасная принцесса,— воскликнул тогда лицемерный принц,— любовь, которую я питаю к вам, вызывает у вас такую ненависть?

И снова начал он ее превозносить, но уж из другого угла комнаты, и уверять, что весь горит любовью к ней, потому что столько наслышался о ее красоте и удивительном разуме. Он добавил, что только для того и явился переодетым, чтобы почтительнейше предложить ей свою руку и сердце, и что она должна ему простить выломанную дверь, потому что случилось это только от непомерной страсти. И кончил он тем, что стал ее уверять, как и сестер, что ей будет очень хорошо, если она станет его женой как можно скорее. Еще он сказал, что не знает, куда укрылись принцессы, ее сестры, потому что, думая только о ней, он не стал их разыскивать. Хитрая принцесса, сделав вид, что она смягчилась, ответила ему, что надо пойти за сестрами и тогда они все вместе решат это дело, но Хитрая Голова возразил ей, что никак на это согласиться не может, потому что ее сестры по праву старшинства непременно этому воспротивятся.

Подозрения Вострушки, которая не зря не доверяла коварному принцу, еще больше усилились, когда она услышала его ответ. Дрожа за участь сестер, она решила одним разом и за них отомстить и самой избежать той беды, которой, как она догадывалась, они подверглись. И вот юная принцесса сказала Хитрой Голове, что она с радостью принимает его предложение, но только она слышала, что браки, которые заключаются вечером, всегда бывают несчастными, поэтому она просит его отложить церемонию и соединить их судьбу завтра утром. Она прибавила, что обещает ни о чем не рассказывать принцессам и просит оставить ее ненадолго одну, чтобы ей помолиться; а потом она отве-

дет его в комнату, где для него найдется очень хорошая постель, а она запрется у себя до завтра.

Хитрая Голова был не очень-то храбрым малым, а тут, видя, что у принцессы в руках здоровенный молоток и она помахивает им, будто веером, решил согласиться с ней и вышел, чтобы она могла помолиться. Не успел он далеко отойти, как Вострушка бросилась стелить ему постель как раз над сточной канавой замка, отверстие которой выходило в одну из комнат. Эта комната была такая же опрятная, как и все остальные, но в полу было широкое отверстие, куда выбрасывались все отбросы и нечистоты из замка. Вострушка положила на эту дыру крест-накрест две тоненькие жерди, потом сверху накрыла их чистой постелью и возвратилась к себе в комнату. Через минуту вернулся Хитрая Голова, и принцесса отвела его туда, где приготовила ему постель, и ушла.

Принц, как был, не раздеваясь, бросился на постель, под его тяжестью тоненькие жерди сразу сломались, и он, не удержавшись, свалился на самое дно сточной канавы, посадив себе двадцать шишек на голове и весь разбившись. От падения принца громкий шум раздался в трубе, а комната Вострушки была неподалеку; она сейчас же поняла, что хитрость ее удалась на славу, и втайне очень тому порадовалась. Нельзя и описать ее восхищения, когда она услыхала, как он барахтается в сточной канаве. Он вполне заслужил такое наказание, и принцессе было отчего радоваться. Но сейчас ей было не до радости, так как она думала о своих сестрах. Первым делом побежала она их искать. Болтушку найти было нетрудно. Хитрая Голова, заперев ее на двойной запор, оставил ключ в двери. Вострушка вбежала в комнату, и от шума ее шагов сестра мигом проснулась. Ей стало очень стыдно, когда она увидала Вострушку. Тут Вострушка рассказала ей, как она отделалась от лукавого принца, который явился, чтобы их обесчестить. Болтушка перепугалась, точно около нее гром грянул, потому что, несмотря на бесконечные свои пересуды, она была так мало просвещена, что, как глупенькая, поверила всему, что ей говорил принц. Есть еще такие дурочки на белом свете.

Скрывая свое женское горе, встала эта принцесса и пошла вместе с Вострушкой искать Разиню. Они обошли все покои замка, но не нашли ее. Наконец Вострушка решила, что она, наверное, находится в комнатах около сада, и там они нашли ее, полуживую от горя и слабости. Ведь целый день она ничего не ела. Принцессы оказали ей всякую помощь, а потом выяснили все, что произошло. Этот разговор поверг Разиню и Болтушку в смертельную тоску, а потом они все трое пошли отдохнуть.

Хитрая Голова провел очень плохую ночь. Занялся день, но и он был для принца невеселым. Он находился в подземной кана-

ве. Хорошо еще, что там было так темно и он не мог видеть, в какой грязи находится. Наконец, совершенно измучившись, он нашел-таки выход из своей западни, которая выходила в речку, довольно далеко от замка. Кое-как сумел он обратить на себя внимание людей, которые ловили рыбу в речке. Они вытащили его оттуда в таком виде, что им, добрым людям, жалко его стало. Доставили его ко двору короля, его отца, где он мог отдохнуть и вылечиться. Но неудача, которая его постигла, заставила его так возненавидеть Вострушку, что он больше думал о мести, чем о выздоровлении.

Вострушка зажила теперь очень печально. Добрая слава была ей дороже жизни, а постыдная слабость сестер приводила ее в такое отчаяние, что она ничего с ним поделать не могла. Однако обе ее сестры так плохо себя чувствовали после своих недостойных свадеб, что постоянству Вострушки предстояло новое испытание. Тем временем Хитрая Голова, который и так был ловким плутом, призывал на помощь всю свою хитрость, чтобы стать плутом из плутов. И сточная канава и синяки — все это не так его огорчало, как то, что ему пришлось встретить человека, который его перехитрил. Его крайне занимало, что вышло из двух его женитьб, и вот, чтобы поискушать больных принцесс, он велел принести под окна их замка два больших ящика с деревьями, отягощенными прекрасными плодами. Разиня и Болтушка, часто торчавшие у окон, тотчас заметили эти плоды, и тут же им страшно захотелось их покушать; они стали приставать к Вострушке, чтобы та спустилась в корзинке и нарвала этих плодов. Доброта младшей принцессы была так велика, что она, чтобы побаловать своих сестер, спустилась вниз и принесла им прекрасных плодов, которые те и съели с величайшей жадностью.

На другое утро появились новые плоды. Снова жадность обуяла принцесс, и снова Вострушка решилась им угодить, но на этот раз слуги Хитрой Головы, сидевшие в засаде, не прозевали ее так, как прозевали в первый раз: схватили они Вострушку и утащили ее на глазах сестер, которые волосы на себе рвали от горя.

Люди Хитрой Головы притащили Вострушку в деревенский домик, где их принц оставался до своего выздоровления. Так как он был в страшной ярости на эту принцессу, то стал ее всячески ругать, а она на это отвечала со стойкостью великой души, достойной героини, какой она и была. Наконец, продержав ее пленницей несколько дней, велел он ее свести на вершину высоченной горы и сам через минуту явился туда. Тут он ей сказал, что сейчас ее убьют таким способом, что отомстит за все, что она ему сделала. Затем вероломный этот принц показал ей на бочку,

всю утыканную изнутри перочинными ножиками, бритвами да кривыми гвоздями, и сказал, что для того, чтобы наказать ее по заслугам, ее посадят в эту бочку и скатят с самого верха горы вниз.

Хоть Вострушка и не была римлянкой, она не больше испугалась казни, чем Регул, которому тоже грозила подобная участь. Юная принцесса сохранила всю свою стойкость и даже всю находчивость. А принц вместо того, чтобы залюбоваться геройским ее характером, еще больше разъярился и решил поторопиться с казнью. С этой целью наклонился он к отверстию бочки (которая должна была отомстить за него), чтобы убедиться, что там достаточно натыкано всяких смертоносных орудий. Увидав, как внимательно занялся бочкой ее мучитель, Вострушка, не теряя ни минуты, втолкнула его в бочку да и скатила с самого верха горы вниз, не дав ему и опомниться. Вслед за тем бросилась она бежать со всех ног. Слуги принца, которые с крайним огорчением смотрели на то, как жестоко хочет расправиться их повелитель с этой очаровательной принцессой, и не подумали бежать за ней и ловить ее. Да, кроме того, они так были напуганы тем, что случилось с их господином, что ни о чем другом и думать не могли, как только о том, как бы им остановить бочку, которая с грохотом неслась вниз. Но все их старания ни к чему не повели: бочка скатилась к самому подножию горы, и там только вытащили они принца, покрытого тысячью ран.

Это несчастье с Хитрой Головой повергло в отчаяние и короля Добряка и принца Красавчика. Ну, а их подданные, те вовсе этим не огорчились. Хитрую Голову все ненавидели и даже удивлялись, что младший принц, который был так благороден и великодушен, мог любить своего недостойного старшего брата. Но уж таков был добрый нрав принца Красавчика, что он очень был привязан ко всем своим родным, а Хитрая Голова всегда так ловко выказывал ему свою дружбу, что этот благородный принц никогда бы не позволил себе не отвечать ему тем же. Красавчик ужасно скорбел о ранах своего брата и принял все меры, чтобы вылечить его поскорее. Однако, несмотря на то, что все только и старались, как бы исцелить Хитрую Голову, ничего ему не помогало; наоборот, раны его, казалось, все больше и больше разбаливались и грозили ему долгим страданием.

После того как Вострушка избавилась от ужасной опасности, она счастливо достигла замка, где оставила своих сестер; но скоро ей пришлось испытать новые огорчения. У обеих старших принцесс родилось по сыну, и Вострушка очень была этим озабочена. Однако она ничуть не упала духом. Она так хотела скрыть позор своих сестер, что решилась еще раз на отважное предприятие, хотя и знала всю его опасность. Она приняла все меры пре-

досторожности, какие только может внушить благоразумие для того, чтобы ее новый замысел мог удаться. Она переоделась мужчиной, положила детей сестер в ящички, где были сделаны отверстия, в которые малютки могли бы дышать, села на лошадь, взяла с собой эти ящички да еще кое-что и таким образом приехала в столицу Добряка, где находился Хитрая Голова.

Когда Вострушка приехала в город, она узнала, что великолепные награды, которые раздавал принц Красавчик за лечение своего брата, привлекли ко двору всех шарлатанов Европы, ибо в те времена расплодилось множество всяких проходимцев без дела и без умения, которые выдавали себя за замечательных врачевателей, получивших от неба дар исцелять все болезни. Этим людям, единственная наука которых состояла в ловкой плутне, всегда ведь очень верили в народе. Они умели расположить к себе и поразить необыкновенным нарядом и странными именами, которые они принимали. Такие лекари никогда не остаются на своей родине, а то, что они прибыли издалека, нередко поддерживает веру в них у простого люда.

Изобретательная принцесса, разузнав хорошенько обо всем этом, придумала себе имя, которое казалось очень диковинным в этом королевстве, она назвала себя Санацио. Затем она разгласила повсюду, что рыцарь Санацио явился из дальних стран с удивительными тайнами, которые позволяют ему исцелять всякие раны, самые опасные и болезненные. Тотчас же принц Красавчик послал за мнимым рыцарем. Вострушка явилась, разыграла великого шарлатана так, что лучше и придумать нельзя, произнесла несколько загадочных слов крайне самоуверенным тоном; одним словом, все было в порядке. Принцессе понравилось открытое лицо и приятные манеры принца Красавчика, и, поговорив с ним некоторое время о ранах Хитрой Головы, она сказала, что принесет бутыль несравненной воды, а пока оставляет два ящичка с замечательными мазями, которые должны быть полезны для раненого принца.

После этого мнимый лекарь ушел и не вернулся; все весьма беспокоились, куда он мог запропаститься. Наконец решили уже послать за ним, чтобы поторопить его, а в это время из комнаты Хитрой Головы раздался детский плач. Кое-кто прислушался, и наконец догадались, что детский крик исходит из ящичков великого шарлатана.

То были племянники Вострушки. Она их как следует накормила перед тем, как снести во дворец, но уже прошло немало времени, им опять захотелось есть, вот они запели жалобными голосами. Открыли ящички, и все очень удивились, найдя там этих двух мартышек, которые оказались славными ребятками. Принц сейчас же заподозрил, что это новые затеи Вострушки; он

пришел в неописуемую ярость, а боли его до такой степени усилились, что уже не оставалось сомнений в том, что он не выживет.

Принц Красавчик очень был этим огорчен, а Хитрая Голова, который до последнего вздоха сохранил все свое коварство, вздумал обманным путем воспользоваться привязанностью своего брата.

— Вы меня всегда любили, принц,— сказал он ему,— и вот теперь плачете обо мне. Я умираю и не нуждаюсь больше в доказательствах вашей дружбы. Но если вы действительно меня любите, обещайте исполнить мою просьбу.

Принц Красавчик, видя, в каком состоянии находится его брат, не мог ни в чем ему отказать и обещал с самыми страшными клятвами исполнить все, что тот у него попросит. Как только Хитрая Голова выслушал эти клятвы, обнял он брата и сказал:

— Я умираю утешенным, принц, так как знаю, что буду отомщен. Вот о чем я хочу просить вас: как только я умру, вы должны посвататься к принцессе Вострушке. Конечно, вы легко добьетесь согласия этой плутовки, а как только она будет у вас в руках, вы должны тотчас же вонзить ей кинжал в самое сердце.

Принц Красавчик задрожал от ужаса при этих словах; пожалел он о том, что так неосторожно поклялся брату, но уж теперь было не время рассуждать, он не хотел и знака подать о том, как он горько раскаивается в своем обещании брату, который умер немного спустя. Король Добряк был очень этим огорчен. Ну, а народ вовсе не жалел Хитрую Голову и даже был доволен его смертью, так как теперь на престол должен был взойти принц Красавчик, которого все любили за его добрый нрав.

Снова благополучно вернулась к сестрам Вострушка и вскоре узнала о смерти Хитрой Головы. А немного спустя трем сестрам сообщили, что возвращается король, их отец. Поспешил явиться король в башню принцесс и первым делом потребовал их хрустальные прялки. Разиня взяла прялку Вострушки и показала ее королю, потом с глубоким поклоном вышла и отнесла прялку на ее место, затем то же проделала и Болтушка, наконец и Вострушка вышла со своей прялкой. Но недоверчивый король захотел увидать все три прялки одновременно. И тогда только одна Вострушка смогла показать свою прялку. Тут король так рассердился на своих старших дочерей, что сейчас же послал к фее, которая дала ему хрустальные прялки, и просил ее всю жизнь их от себя не отпускать и так их наказать, как они того заслужили.

Наказание принцесс началось с того, что фея привела их в одну из галерей своего очарованного замка, где велела на стенах изобразить в красках историю бесконечного числа знамени-

тых женщин, которые прославились добродетелями и трудовой жизнью. Удивительными чарами феи все было так устроено, что все эти фигуры могли двигаться и работали с утра до вечера. Повсюду видны были трофеи и девизы во славу этих добродетельных женщин, и нелегко было сестрам сравнивать триумфы этих героинь с тем жалким состоянием, в которое привела несчастная их неосторожность. А чтобы еще более усилить это огорчение, фея сказала им сурово, что, если бы сестры так были заняты работой, как те, кого они видят на картинах, они бы не впали в недостойное распутство, сгубившее их, и что *праздность — мать всех пороков* и источник всех их несчастий.

Фея прибавила, что для того, чтобы помешать им впасть снова в подобные несчастья и чтобы заставить их наверстать потерянное время, она найдет им подходящее занятие. Действительно, она заставила принцесс нести самую тяжелую и самую грязную работу и, невзирая на их красоту, послала их обирать горох да полоть огород. Разиня не могла выдержать горя, которое ей причиняла такая жизнь, столь не подходящая к ее наклонностям, и умерла от горя и усталости. Болтушка же умудрилась однажды ночью бежать из замка феи, но разбила себе голову о дерево и умерла от этой раны на руках крестьян, подобравших ее.

У Вострушки была добрая душа, и ее очень огорчала судьба сестер; в это время она узнала, что принц Красавчик просил ее у короля, ее отца, себе в жены, и тот согласился на это, не предупредив ее, ибо в то время взаимные влечения ни во что не почитались при заключении браков. Испугалась Вострушка, когда о том узнала; она опасалась, не осталась ли ненависть Хитрой Головы в сердце брата, который так его любил, и страшилась, что этот юный принц только для того и хочет жениться на ней, чтобы отомстить за своего брата. Крайне обеспокоенная, принцесса отправилась посоветоваться с премудрой феей, которая ее любила в такой же мере, в какой терпеть не могла Разиню и Болтушку.

Фея не захотела ничего открыть Вострушке, она только сказала ей:

— Принцесса, вы умны и осторожны, и до сих пор ваши поступки были так обдуманны, как только они могут быть у того, кто помнит пословицу, что *недоверие есть мать безопасности.* Не забывайте и в будущем о важности этого изречения, тогда вы станете счастливой и без помощи моего искусства.

Вострушка так и не добилась от феи ничего более ясного и вернулась во дворец в ужасном волнении.

Несколько дней спустя явился посланник от имени принца Красавчика, и принцессу повезли к ее супругу великолепным

кортежем. Ей устроили торжественный въезд уже в двух первых пограничных городах короля Добряка, а в третьем городе ее встретил сам Красавчик, который по приказанию своего отца выехал к ней. Все удивлялись, видя, как грустит принц перед своей свадьбой, которой он так добивался; сам король упрекал его за это и послал против воли навстречу принцессе.

Когда Красавчик посмотрел на нее, ее красота поразила его, и он приветствовал ее так робко, что придворные обоих дворцов, которые знали, как умен и любезен принц, решили, что, верно, уж очень он тронут ее красотой и от любви к ней, должно быть, растерялся. Весь город оглашался радостными криками, и со всех сторон слышалась музыка да горели потешные огни. Наконец, после великолепного ужина, настала пора вести супругов в их покои.

Вострушка все время помнила изречение, о котором говорила ей фея, и держала свой замысел про себя. Подкупила она одну из придворных женщин, у которой был ключ от кабинета в тех покоях, что ей предназначались, и велела снести туда соломы, пузырь, бараньей крови да еще кишки одного из тех животных, которых ели за ужином. Под каким-то предлогом принцесса вышла в этот кабинет и смастерила там чучело из соломы, внутрь которого засунула кишки и пузырь, наполнив его бараньей кровью; потом нарядила она это чучело в женское спальное одеяние и в ночной чепец. Когда Вострушка разодела эту прекрасную куклу, она опять вернулась к гостям, а немного спустя повели принцессу с супругом в их покои. После того как они разделись, фрейлина взяла свечи и удалилась. Тотчас же Вострушка бросила соломенную женщину на постель, а сама спряталась в углу комнаты.

Принц несколько раз громко вздохнул, а потом взял свою шпагу и пронзил ею тело мнимой Вострушки. В тот же миг он почувствовал, как кровь брызнула во все стороны, пощупал — лежит соломенная женщина без движения.

— Что я сделал! — вскричал Красавчик. — Как! После стольких ужасных волнений, после стольких колебаний должен ли я оставаться верным клятве, если она ведет к преступлению? Я лишил жизни очаровательную принцессу, для любви к которой я был рожден! Ее очарование охватило меня, как только я ее увидел, и все-таки у меня не хватило силы освободить себя от клятвы, которую брат мой, объятый яростью, вынудил у меня так неожиданно и бесчестно! О небо! Разве можно даже подумать о том, чтобы наказывать женщину за ее чрезмерную добродетель? Ну что ж, Хитрая Голова, я удовлетворил твою несправедливую месть, но теперь, в свою очередь, я отомщу за Вос-

трушку своей собственной смертью. Да, прекрасная моя принцесса, та же шпага должна...

При этих словах Вострушка услыхала, что принц, который в исступлении выронил свою шпагу, ищет ее, чтобы пронзить свое сердце; она не захотела, чтобы он сделал такую глупость, и закричала ему:

— Принц, да я вовсе и не умирала. Ваше доброе сердце заставило меня предугадать ваше раскаяние, и вот при помощи невинной хитрости я уберегла вас от преступления.

Затем Вострушка рассказала ему о своей предусмотрительности, которая внушила ей мысль сделать соломенную женщину. Принц был вне себя от радости, узнав, что она жива, и восхищался ее благоразумием во всяких обстоятельствах. Он чувствовал к ней бесконечную благодарность за то, что она уберегла его от преступления, о котором он и подумать не мог без ужаса, и не понимал, как мог проявить такую слабость, что не понял всего ничтожества несчастной клятвы, которую у него вырвали обманом.

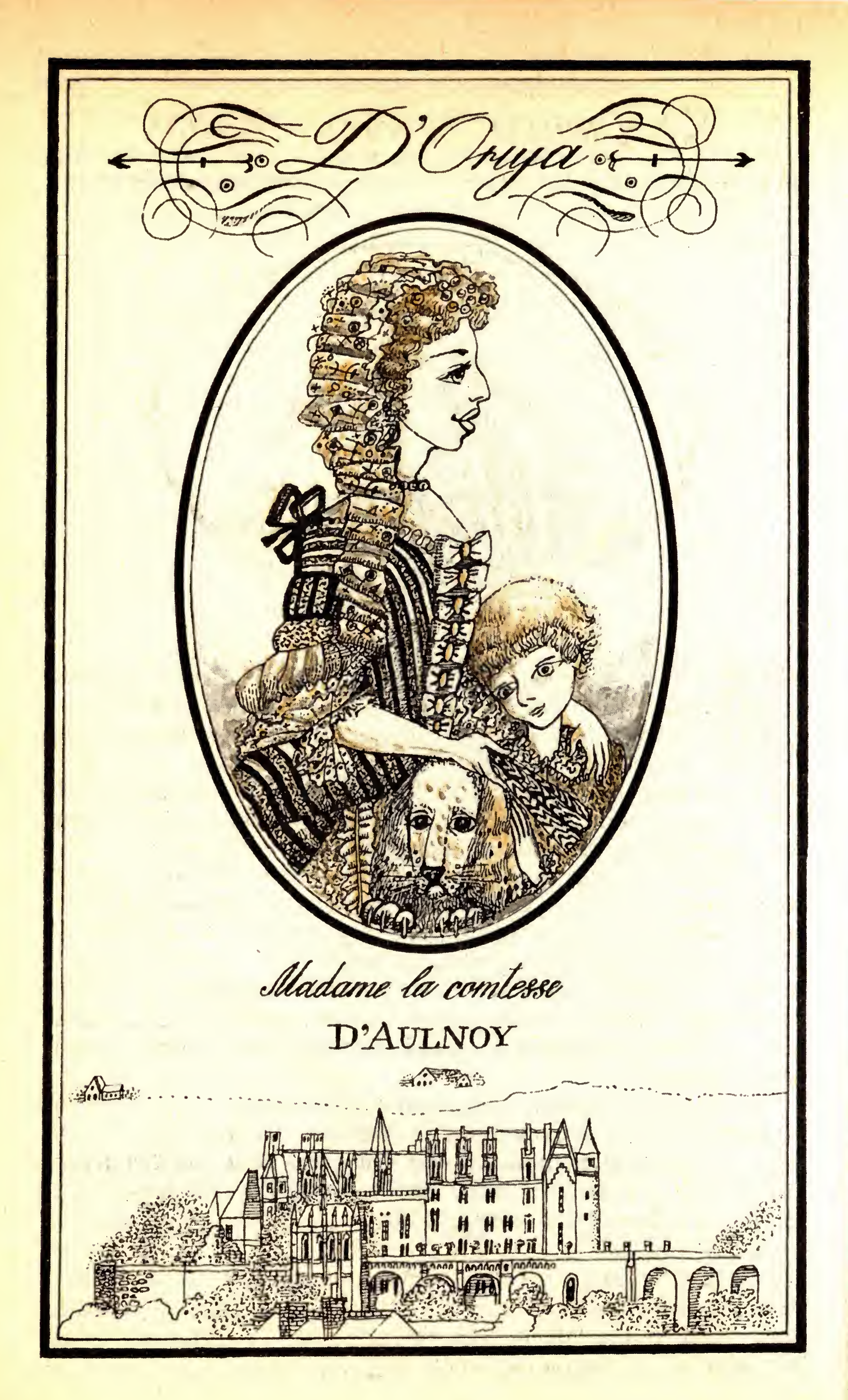
Однако, если бы Вострушка не была всегда убеждена, что *недоверие есть мать безопасности,* она была бы убита, а ее смерть повлекла бы за собой кончину принца Красавчика, и стали бы потом все судить и рядить, какие странные чувства были у покойного принца. Да здравствует предусмотрительность и находчивость! Они спасли этих двух супругов от мрачного несчастия для иной судьбы, самой сладостной в мире. Они всегда чувствовали друг к другу беспредельную нежность и прожили много добрых дней в славе и счастии, каких и не опишешь.

Вот, госпожа моя, преисполненная чудес история Вострушки. Признаюсь вам, что она мной приукрашена и рассказ был немножко длинноват. Но ведь когда рассказывают сказки, это значит, что дел у нас мало и мы хотим поразвлечься, а в таком случае, кажется мне, надо рассказывать подлиннее, чтобы подольше поговорить. Кроме того, я думаю, что различные подробности в наших забавных сказках и есть самое в них приятное. Вы можете поверить мне, очаровательная графиня, что сократить их весьма просто. Уверяю вас, что, когда вы захотите, я расскажу вам приключения Вострушки в очень немногих словах. Однако в детстве мне ее не так рассказывали, и рассказ длился по меньшей мере целый час.

Не сомневаюсь в том, что вам известно, какая это знаменитая сказка, но мне неизвестно, знаете ли вы, что говорит предание о ее старине. Предание удостоверяет, что трубадуры, или провансальские сказочники, выдумали сказку про Вострушку еще задолго до того, как Абеляр и славный граф Тибо Шампаньский стали писать романы. Такие сказки заключают в себе отличное

нравоучение. Вы совершенно справедливо изволили заметить, что очень хорошо их рассказывать детям, чтобы внушать им чувство любви к добродетели. Не знаю, рассказывали ли вам о Вострушке, когда вы были ребенком, что же до меня —

Сто раз, наверно, няня повторяла
Мне вместо сказок о зверях
О королевских дочерях
Нравоучительны начала.
Здесь зло карает месть и страх,
А принц коварный в мрачном исступленье
Решается на преступленье.
Нам эта сказка говорит,
Как две принцессы поживали,
Ленились без толку, судачили да спали.
И как ленивцев сторожит
Распутство, а за ним и стыд,
Которого они никак не ожидали,
А он казниться им велит.
Но в сей истории прекрасной, величавой
Не только преступленья есть,
Здесь доблесть, добродетель, честь
Являются, покрыты славой.
И после всех причуд судьбины злой
Вострушка, умница живая,
Да принц, жених ее, герой,
В великой славе отдыхают.
Историю о волшебствах
Ведь лучше слушать, чем рассказы о волках.
Мне с детства милы сказки эти.
Да и теперь их любят дети.
Но и высокий ум оценит наш рассказ,—
Графиня, вы могли б отлично
Талантом счастливым украсить их подчас,
О том вас просит галл античный.
Перенесите в оны дни
Рассказ простой и поэтичный,
От трубадуров к нам давно пришли они,
Их тайный смысл живет, скажу вам без поклепа,
Не хуже старика Эзопа.

D'Orya
Madame la comtesse
D'AULNOY

Красавица Золотые Кудри

ИЛА-БЫЛА однажды королевская дочь, такая красавица, что не было никого красивее ее на белом свете. И звали ее Красавица Золотые Кудри, ибо волосы у нее были цвета золота.
Идет она, бывало, вся покрытая своими дивными кудрями, с венком из цветов на голове, а платье все расшито алмазами да жемчугами, и кто ее ни увидит, так сейчас же и полюбит.

Неподалеку жил молодой король, их сосед, который не был женат, а был он очень красив и богат. Когда он услыхал, что говорят о Красавице Золотые Кудри, то хотя он и не видал ее ни разу, однако полюбил так сильно, что не мог ни есть, ни пить, и решил отправить к ней посла просить ее руки. Он снарядил великолепную карету своему послу, дал ему больше сотни лошадей и столько же лакеев и приказал во что бы то ни стало привезти принцессу.

Посол распрощался с королем и отправился в путь; весь королевский двор только и говорил, что об этом посольстве. А король, который не сомневался, что Красавица Золотые Кудри согласится на его предложение, уже заказал для нее прекрасное платье и замечательную мебель. Покуда мастера были заняты этой работой, посол прибыл к Красавице Золотые Кудри и передал ей свое нежное поручение. Но, потому ли, что она была в тот день в дурном настроении, или потому, что ей пришлись не по вкусу любезности посла, она ответила ему, что очень благодарит короля, но замуж выходить не собирается.

Посол уехал от ее двора очень опечаленный тем, что уезжает без нее; он вез назад все подарки, которые король посылал ей, потому что она была очень умна и хорошо знала, что девушки не должны ничего брать от молодых людей; по этой причине она не приняла ни одного из подарков, которые не раз ей посылались, и ничего другого. Но уж, чтоб не обидеть короля, она взяла из всех его подарков четверть сотни английских булавок.

Когда посол вернулся в королевскую столицу, где его поджидали с таким нетерпением, все ужасно огорчились, что он не привез Красавицы Золотые Кудри, а король принялся рыдать, как малое дитя, и сколько его ни утешали, никак не могли утешить.

Был у этого короля при дворе один юноша, красивый, как ясное солнышко, и такой статный, что другого такого не было во всем королевстве; за его ум и любезность звали его Приветом. Все его любили, хоть у него были и завистники, которые досадовали, что король к нему благоволит и поверяет ему все свои дела.

Однажды Привет был с придворными, которые говорили о том, что королевский посол вернулся ни с чем; Привет не поостерегся и сказал:

— Вот если бы король меня послал за Красавицей Золотые Кудри, то я бы ее привез.

В ту же минуту его завистники побежали доложить о том королю:

— Государь, знаете ли вы, что говорит Привет? Он говорит, что если бы его послали за Красавицей Золотые Кудри, он бы непременно ее привез. Вот он каков! Он, значит, думает, что он красивее вас и что она бы его так полюбила, что всюду бы за ним пошла.

Король страшно рассердился и сердился все сильнее и сильнее, покуда, наконец, совсем не вышел из себя.

— А,— сказал король в гневе,— так этот красавчик смеется над моим несчастием и считает, что он лучше меня! Ладно! А ну-ка, посадите его в мою большую башню, пусть он умрет там с голода.

Королевская стража явилась к Привету, который уж и думать забыл о том, что сказал, схватила его и потащила в тюрьму, обращаясь с ним самым ужасным образом. Бедному малому бросили охапку соломы вместо постели, и он, наверное, умер бы, если бы в углу башни не протекал маленький ключ, откуда он пил воду, чтобы промочить горло, когда его очень уж мучил голод.

Однажды, когда ему уж совсем пришлось туго, он сказал со стоном:

— На что же гневается король? Ведь у него нет никого, кто был бы ему так предан, как я; я никогда его не оскорблял.

Король случайно проходил мимо башни и, услышав голос своего прежнего любимца, остановился, хоть ему и говорили сопровождавшие его ненавистники Привета:

— Охота вам слушать, государь! Разве вы не знаете, что он просто плут?

Но король отвечал:

— Оставьте, я хочу послушать.

Когда же он услышал жалобные стоны Привета, слезы навернулись у него на глаза; он открыл дверь башни и позвал узника. Удрученный Привет бросился перед ним на колени, целуя ему ноги.

— Что сделал я, государь,— сказал он,— что вы меня так жестоко наказываете?

— Ты насмехался надо мной и моим послом,— ответил король.— Ты сказал, что если бы я послал тебя к Красавице Золотые Кудри, то ты бы ее непременно привез.

— Это правда,— ответил Привет,— потому что я бы так рассказал ей о ваших достоинствах, что она не смогла бы отказаться.

Король увидел, что Привет действительно ни в чем не виноват; он косо посмотрел на тех, кто наговаривал на его любимца, и увел его с собой, громко раскаиваясь в том, что обрек его на такие мучения.

Угостив его великолепным ужином, король позвал его в свои покои и сказал:

— Привет, ведь я по-прежнему влюблен в Красавицу Золотые Кудри, и ее отказ нимало не оттолкнул меня от нее, но я не знаю, как бы мне за это взяться, чтобы она пошла за меня замуж; хочу послать к ней тебя: может быть, тебе удастся ее уговорить.

Привет ответил, что готов повиноваться каждому его приказанию и завтра же тронется в путь.

— О! — сказал король.— Я дам тебе большую свиту.

— В этом нет надобности,— ответил тот,— нужен только добрый конь да ваше письмо.

Король его обнял, в восторге от того, что он готов сразу же ехать.

В понедельник утром попрощался он с королем и друзьями и отправился в свое посольство без шума и без пышности. Он только и думал, как бы заставить Красавицу Золотые Кудри выйти замуж за его короля; в кармане у него были перо да пузырек с чернилами, и как только, бывало, придет ему в голову что-нибудь дельное по этому поводу, он сейчас же слезет с лошади, сядет под деревом и запишет, чтобы не позабыть. Однажды утром,

когда он двинулся спозаранку в путь, ему пришла в голову чудная мысль; он сошел с лошади и пристроился под тополями да ивами, которые росли на лугу по берегу небольшой речки. Записав все, он огляделся по сторонам, любуясь красивыми окрестностями. И тут он заметил, что в траве бьется и еле дышит большой золотистый карп. Дело в том, что карп, ловя мошкару, выпрыгнул из воды, да так неловко, что попал в траву, где ему туго пришлось. Привет пожалел рыбу, и, хоть день был постный и из карпа вышел бы чудный обед, он осторожно взял карпа и пустил в речку. Как только куманек-карп почуял свежую воду, начал он резвиться в волнах, нырнул до самого дна, а потом вернулся к берегу речки молодец молодцом и говорит:

— Привет, спасибо вам за то, что вы для меня сделали; без вас бы мне не жить. Ну, да я не останусь в долгу.

С этими словами карп скрылся в воде, а Привет немало подивился уму и вежливости рыбы.

Поехал он дальше и вот однажды увидал ворона в большой беде: за бедной птицей гнался огромный орел, этот вечный враг воронов; он уж совсем было его настиг и проглотил бы, как горошину, если бы Привет не пожалел несчастную птицу.

— Вот,— сказал он,— как кто посильней, так и обижает слабого, а по какому праву орел будет есть ворона?

Тут он схватил свой лук, с которым никогда не расставался, натянул тетиву, прицелился как следует, и — хлоп! — стрела вонзилась в орла, пробила его насквозь, и он упал мертвым, а ворон обрадовался и уселся на дерево.

— Привет,— сказал он ему,— вы поступили великодушно, что помогли мне, но я не останусь в долгу и отплачу вам добром.

Привет подивился, какой ворон умный, и пустился снова в путь. Въехал он однажды утром, чуть еще светало, в темный лес и услыхал, как где-то отчаянно кричит сова.

— Ой-ой,— сказал он,— как жалостно сова кричит: наверно, в западню попалась.

Посмотрел он хорошенько кругом и увидал большие сети, которые поставили птицеловы на ночь для птичек.

— Бедная! — сказал Привет.— Вот люди только и занимаются тем, что друг с другом ссорятся да обижают бедных животных, которые не причинили им ни горя, ни забот.

Выхватил он свой нож и разрезал сети. Сова взлетела, но тут же вернулась и сказала ему:

— Нечего мне разглагольствовать, Привет, о том, какое добро вы мне сделали, это и так ясно: пришли бы утром охотники, схватили бы меня, тут бы и смерть мне пришла; благодарю от всего сердца и не останусь в долгу.

Привет так торопился, что уже скоро приехал во дворец Красавицы Золотые Кудри. Все было там восхитительно: алмазы лежали кучами, словно камни, а что до платьев, серебра и лакомств, то все это были прямо чудеса, да и только. И Привет подумал, что уж если она все это оставит и поедет к его королю, то немало такому делу порадуешься. Надел он парчовое платье, шляпу с кармазинными да белыми перьями, причесался, напудрился, лицо умыл, привязал богатый шарф себе на шею да прихватил с собой корзиночку, куда посадил красивенькую собачку, которую купил проездом в Булони. Привет был такой стройный и любезный, и все он делал так приятно и просто, что, когда он появился у дворцовых дверей, все стражи ему низко поклонились и тут же побежали сказать Красавице Золотые Кудри, что Привет, посол короля, ближайшего ее соседа, просит его принять.

Услышав имя Привета, принцесса сказала:

— Это добрый знак. Бьюсь об заклад, что он красавец и всем нравится.

— Верно, верно!—закричали разом все фрейлины.—Мы его видели из комнаты, где прилаживали вашу кудель, и покуда он стоял под окнами, мы так ничего и не могли делать.

— Вот как!—ответила им Красавица Золотые Кудри.—Вы там работаете, заглядываясь на красивых юношей! Ну, несите же мне парадное платье из голубого атласа, завейте мои белокурые волосы, давайте мне высокие сапожки и веер да подметите у меня в комнате и пыль оботрите с трона, потому что я хочу, чтобы везде говорили, что я действительно Красавица Золотые Кудри.

И вот все женщины бросились наряжать свою королеву; такая поднялась суматоха, что они только друг другу мешали, а дело не двигалось с места. Наконец принцесса вышла в галерею больших зеркал, чтобы увериться, что все на ней в порядке, а потом села на свой трон, который был сделан из золота, слоновой кости и черного дерева, пахнущего бальзамом, и велела своим фрейлинам взять музыкальные инструменты и петь совсем потихоньку, чтобы это никому не мешало.

Привета ввели в приемную залу, и он так был восхищен — как и сам потом не раз говорил,— что почти слова не мог вымолвить; но он все-таки собрался с духом и прекрасно произнес свою речь; при этом он просил принцессу, чтобы та не причинила ему огорчения, заставив возвращаться без нее к королю.

— Любезный Привет,— отвечала она,— все ваши доводы весьма убедительны, и уж поверьте, я была бы очень рада сделать для вас больше, чем для всех остальных. Но знаете, месяц тому назад гуляла я у речки с моими дамами, и когда приготовили нам закусить, я сняла перчатку, и вместе с перчаткой сосколь-

знул у меня с пальца перстень, который, на горе, упал в речку; а я его любила больше, чем все мое королевство; подумайте только, как я была огорчена. И вот я дала клятву — не слушать ни одного предложения, пока посол не принесет мне мой перстень. Теперь вы знаете, что вам делать, потому что, если бы даже вы меня уговаривали день и ночь, и целых две недели, я все равно не изменю своего решения.

Привет был немало удивлен таким ответом; он низко поклонился ей и попросил ее принять собачку, корзинку и шарф, но она ответила, что не хочет брать никаких подарков и что лучше пусть он подумает о том, что она ему сказала.

Вернулся он к себе и лег спать, не поужинав, а его собачка, которую звали Прыжок, тоже не захотела ужинать и улеглась около него. Всю ночь напролет Привет не переставал вздыхать.

— Ну где же взять мне перстень,— говорил он,— который упал месяц тому назад в большую реку? Безумие — браться за такое дело. Принцесса только для того это и сказала, чтобы сделать для меня невозможным ей повиноваться.— И он все вздыхал да огорчался. А Прыжок, который все это слышал, говорит ему:

— Дорогой мой хозяин, прошу вас, не отчаивайтесь; вы слишком добры, чтобы не быть счастливым; идемте завтра с раннего утра на берег речки.— Привет похлопал его, но ничего не ответил, и так ему было грустно, что он повернулся, да и заснул.

Прыжок, видя, что рассвело, принялся прыгать, разбудил хозяина и сказал ему:

— Ну, одевайтесь, да и пойдем.

Привет согласился, встал, оделся, спустился в сад, а из сада незаметно вышел к реке, где и стал похаживать, скрестив руки да подумывая, что пора ему отсюда уезжать. И вдруг он услыхал, что его зовут:

— Привет! Привет!

Поглядел он кругом — никого не видно; он подумал, что ему показалось. Пошел дальше, и опять его зовут:

— Привет! Привет!

— Кто меня зовет? — спрашивает он. Тут Прыжок, который был очень мал и бежал по берегу, заглядывая в самую воду, ему ответил:

— Ну, хотите верьте, хотите нет, а я вижу золотистого карпа в реке.— В ту же минуту появился большой карп и сказал Привету:

— Вы мне спасли жизнь в долине Боярышника, и я вам обещал, что в долгу не останусь: держите-ка, Привет, вот перстенек Красавицы Золотые Кудри.

Привет нагнулся и вынул перстень изо рта куманька-карпа, от всей души поблагодарив его.

И, не заходя домой, он пошел прямо ко двору с маленьким Прыжком, который был очень доволен тем, что привел хозяина на берег реки. Доложили принцессе, что Привет хочет ее видеть.

— Ах,— сказала она,— бедный малый, он пришел проститься со мной, он понял, что я прошу невозможного, и доложит о том своему королю.

Вошел Привет и сказал ей, подавая перстень:

— Принцесса, ваше поручение исполнено; согласны ли вы стать супругой моего короля?

Когда она увидала свой перстень, который блестел, как новенький, она была так удивлена, что не поверила глазам своим.

— Поистине,— сказала она,— любезный Привет, вам помогает какая-нибудь фея, потому что иначе это сделать невозможно.

— Принцесса,— отвечал он,— ни одной феи я не знаю, мне только очень хотелось исполнить ваше приказание.

— Ну, если вы такой послушный,— продолжала она,— вы должны мне сослужить еще одну службу, без этого я никогда не выйду замуж. Здесь неподалеку живет принц, которого зовут Галифрон. Он забрал себе в голову жениться на мне. Он сделал мне предложение, сопроводив его ужасными угрозами. Если я откажусь, сказал этот принц, то он разорит все мое королевство. Но посудите сами, как я могла согласиться: он великан, ростом выше самой высокой башни, ему съесть человека все равно, что обезьяне каштан. Когда он отправляется на прогулку, то засовывает себе в каждый карман по пушке, они у него вместо пистолетов, а когда он громко говорит, то, кто близко стоит от него, сразу же глохнет. Я говорила ему, что не хочу замуж, и просила меня простить, но он продолжает меня преследовать и убивает моих подданных. Теперь вы должны вступить с ним в бой и принести мне его голову.

Привет был несколько смущен таким предложением, но, немного подумав, сказал:

— Хорошо, госпожа моя, я буду биться с Галифроном; думаю, что буду побежден, но я умру, как храбрец.

Принцесса была очень удивлена и стала его всячески отговаривать от этого замысла. Но это ни к чему не привело, он распрощался и пошел искать себе оружие и снаряжение. Раздобыв все, что нужно, он посадил маленького Прыжка в его корзинку, сел на доброго коня и прибыл в страну Галифрона. Он стал расспрашивать о нем у встречных, и все говорили, что это настоящий демон, к которому никто не смеет приблизиться; чем больше он об этом слышал, тем ему становилось страшнее. Прыжок его утешал.

— Дорогой мой хозяин,— говорил он,— когда вы будете с ним биться, я стану кусать его за ноги; он нагнется, чтобы меня отогнать, тут-то вы его и убьете.

Привет дивился уму собаки, но понимал, что ее помощи ему будет мало...

Наконец он подъехал в замку Галифрона. Все дороги были покрыты костями и скелетами людей, которых тот сожрал или разорвал на куски. Недолго ему пришлось ждать, он увидал, что Галифрон идет к нему через лес; голова великана была выше самых высоких деревьев, и он напевал страшным голосом:

Давайте мне ребят,
Так вкусно их жевать!
И сколько их ни жрать,
Все хочется опять.

Привет сейчас же запел на тот же лад:

Иди сюда скорей
Да принимай гостей,
Отучишься, злодей,
Жевать детей!

Рифмы, конечно, были не очень хороши, но он ведь в одну минуту придумал эту песенку, и еще удивительно, что не вышло хуже, потому что ему было очень страшно. Когда Галифрон услыхал песенку, он огляделся по сторонам и заметил Привета, который с мечом в руке обругал его еще раза два, чтобы хорошенько рассердить. Но это было ни к чему, так как он и без того пришел в страшную ярость, схватил огромную железную палицу и с одного удара размозжил бы голову милому Привету, как вдруг ему на темя сел черный ворон да так метко нацелился своим клювом, что в один миг выклевал ему глаза. Кровь залила лицо великана, и он, как бешеный, начал разить направо и налево. Привет увернулся от палицы и ударил его так, что меч вошел по самую рукоятку. Он наносил ему рану за раной, и наконец великан упал, истекая кровью. В тот же миг Привет отрубил ему голову, радуясь своей удаче. А ворон, усевшись на дерево, сказал ему:

— Я не забыл вашей услуги, когда вы убили орла, меня преследовавшего; я обещал вам в долгу не остаться и сегодня, кажется, это исполнил.

— Это я ваш вечный должник, господин мой ворон,— ответил ему Привет,— остаюсь вашим покорным слугой.

И он вскочил на лошадь, увозя с собой страшную голову Галифрона.

Когда он въехал в город, все побежали за ним, крича:

— Вот храбрый Привет, который убил чудовище!

А принцесса, слышавшая шум и боявшаяся, что ей вот-вот расскажут о гибели Привета, не решалась спросить, что с ним случилось. Но в это время Привет вошел к ней, таща голову гиганта, которая и сейчас еще заставляла дрожать от страха, хоть уже бояться-то было нечего.

— Госпожа моя,— сказал он ей,— ваш враг умер, и я надеюсь, что вы не откажете королю, моему повелителю.

— Ах,— ответила Красавица Золотые Кудри,— так и есть, откажу, если вы только не сумеете до моего отъезда принести мне воды из Темной пещеры. Неподалеку отсюда есть глубокая пещера, в которой не меньше шести миль в окружности; у самого входа ее стоят два дракона, преграждающие вход туда, и пламя пышет у них из пасти и из очей. А если пробраться в пещеру, там есть громадное отверстие, наполненное жабами, ужами и змеями, в него надо вам спуститься. В глубине есть маленький подземный грот, где течет источник красоты и здоровья; и вот я хочу, чтобы у меня непременно была вода оттуда. Что ни вымыть этой водой, все станет чудесным; красавица навсегда сохранит свою красоту; уродина станет красавицей; молодая всегда останется молодой, а старуха помолодеет. Теперь вы сами понимаете, Привет, что я не покину своего королевства без этой воды.

— Госпожа моя,— отвечал он ей,— вы так прекрасны, что она вам вовсе не нужна; но я несчастный посланник, смерти которого вы хотите,— и я пойду на поиски того, чего вы желаете, уверенный, что мне не вернуться оттуда.

Но Красавица Золотые Кудри ничего не ответила, а Привет взял с собой маленького Прыжка и отправился в Темную пещеру за водой красоты и здоровья. Все, кого он встречал по дороге, говорили:

— Жалко смотреть, как такой славный малый погибает от своего доброго сердца; подумать только, идет он один в ту пещеру, куда и впятером-то идти бесполезно. И чего это принцессе приходят в голову такие невозможные желания?

Он не отвечал ни одного слова и продолжал свой путь; но у него было очень тяжело на душе.

Поднявшись на вершину горы, он расположился на отдых, пустил свою лошадь пастись, а Прыжку позволил побегать и погоняться за мухами. Привет знал, что Темная пещера находится уже неподалеку, и смотрел по сторонам, не видно ли где ее. Наконец разглядел он мрачный утес, черный, как чернила, из которого выходил густой дым, а через минуту различил и одного из драконов, у которого пламя вырывалось из пасти и из глаз. У него было желто-зеленое туловище, громадные когти и хвост, завивавшийся чуть ли не сотней колец. Прыжок тоже все это увидал и не знал, куда спрятаться, так ему было страшно.

Привет приготовился к смерти, обнажил меч и спустился, держа в руке склянку, которую ему дала Красавица Золотые Кудри, чтобы налить в нее воды красоты и здоровья. И сказал он своей собачке Прыжку:

— Ну, пришел мой конец! Никогда не добыть мне этой воды, раз ее охраняют драконы; когда я умру, налей в склянку моей крови и снеси принцессе, чтобы она поняла, чем я для нее пожертвовал, а потом беги к моему королю и расскажи ему о моей беде.

Пока он это говорил, он услыхал, что его зовут:

— Привет! Привет!

Он спросил:

— Кто меня зовет? — И тут увидал сову в дупле старого дерева, а она ему сказала:

— Вы меня высвободили из сетей охотников и спасли мне жизнь. Я обещала вам, что в долгу не останусь; теперь пришло время для этого. Давайте-ка мне вашу склянку: я знаю все дороги к Темной пещере и принесу вам воду красоты и здоровья.

Вот так штука! Ну-ка, догадайтесь теперь, кто был этим больше всех доволен! Привет сейчас же подал ей склянку, а сова проникла в грот, и никто ей не помешал. Не прошло и четверти часа, как она вернулась, а склянка была полным-полнехонька. Привет был вне себя от радости; он поблагодарил сову от всего сердца, поднялся опять на гору и весело поехал назад, в город.

Он прямо направился во дворец и преподнес склянку Красавице Золотые Кудри, которой на этот раз уж нечего была сказать; она поблагодарила Привета, отдала приказание приготовить все для отъезда и пустилась с ним в путь. Он ей очень нравился, и она говорила ему не раз:

— Если бы вы захотели, я бы сделала вас королем, и мы не покинули бы моего королевства.

Но он всякий раз отвечал ей:

— Я не причинил бы такой неприятности моему повелителю и за все королевства мира, хотя вы и красивее самого солнца.

Наконец они прибыли в столицу короля, который, узнав, что едет Красавица Золотые Кудри, выехал к ней навстречу и преподнес ей самые лучшие подарки в мире. Свадьбу сыграли такую пышную, что все только о ней и говорили. Но Красавица Золотые Кудри, которая в глубине души любила Привета, только тогда и была весела, когда его видела, и вечно его хвалила:

— Без Привета я бы сюда не приехала, — говорила она королю, — и он должен был совершить для меня неописуемые подвиги — вы всем ему обязаны; наконец, он мне добыл воду красоты и здоровья, я никогда не состарюсь и всегда буду красавицей.

Завистники подслушали, что говорит королева, и сказали королю:

— Вы совсем не ревнивы, а между тем у вас есть к тому повод: королева так влюблена в Привета, что не может ни пить, ни есть, она только и говорит, что о нем да о том, что вы ему всем обязаны; как будто если бы был послан кто-нибудь другой, он бы не сделал того же.

Король сказал:

— Да, я и сам это заметил; а ну-ка пусть его закуют по рукам и по ногам и посадят в башню.

Привета схватили и в благодарность за его добрую службу королю бросили в башню закованного по рукам и по ногам. Он никого не видел, кроме тюремщика, который бросал ему кусок черного хлеба через отверстие да подавал воду в глиняной посудине. Но его собачка, Прыжок, не покидала его; она его утешала и являлась к нему со всякими новостями.

Когда Красавица Золотые Кудри узнала про эту немилость, она в слезах бросилась к ногам короля, умоляя освободить Привета из темницы. Но чем больше она просила, тем больше он сердился, говоря себе:

— Она его любит! — И не хотел ничего сделать для него. Она перестала просить и очень опечалилась.

Король подумал, что все это произошло потому, что она считает его недостаточно красивым, и решил потереть себе лицо водой красоты, чтобы королева любила его посильнее. Склянка с этой водой стояла на камине в покоях королевы; она нарочно ее там поставила, чтобы почаще на нее смотреть; но одна из служанок хотела убить щеткой паука, да и задела за склянку; та упала на пол, разбилась, и вся вода вылилась. Служанка быстренько все вытерла и, не зная, что делать, припомнила, что она видела у короля в кабинете похожую склянку с прозрачной жидкостью, совсем как вода красоты; не говоря ни слова, она ловко стащила эту склянку и поставила ее королеве на камин.

Но жидкость, которая стояла у короля в кабинете, служила отравой для принцев и важных вельмож, когда они совершали преступления; вместо того чтобы рубить головы или вешать на виселице, им натирали лицо этой жидкостью, они засыпали и больше не просыпались. И вот как-то вечером король взял склянку и хорошенько натер себе той жидкостью лицо; потом он заснул и умер. Маленький Прыжок узнал о том раньше всех и не преминул рассказать Привету, который велел ему бежать к Красавице Золотые Кудри, чтобы напомнить ей о бедном узнике.

Прыжок осторожно пробрался среди всеобщей толкотни, так как во дворце была большая суматоха по случаю смерти короля. Он сказал королеве:

— Госпожа моя, не забудьте о бедном Привете.

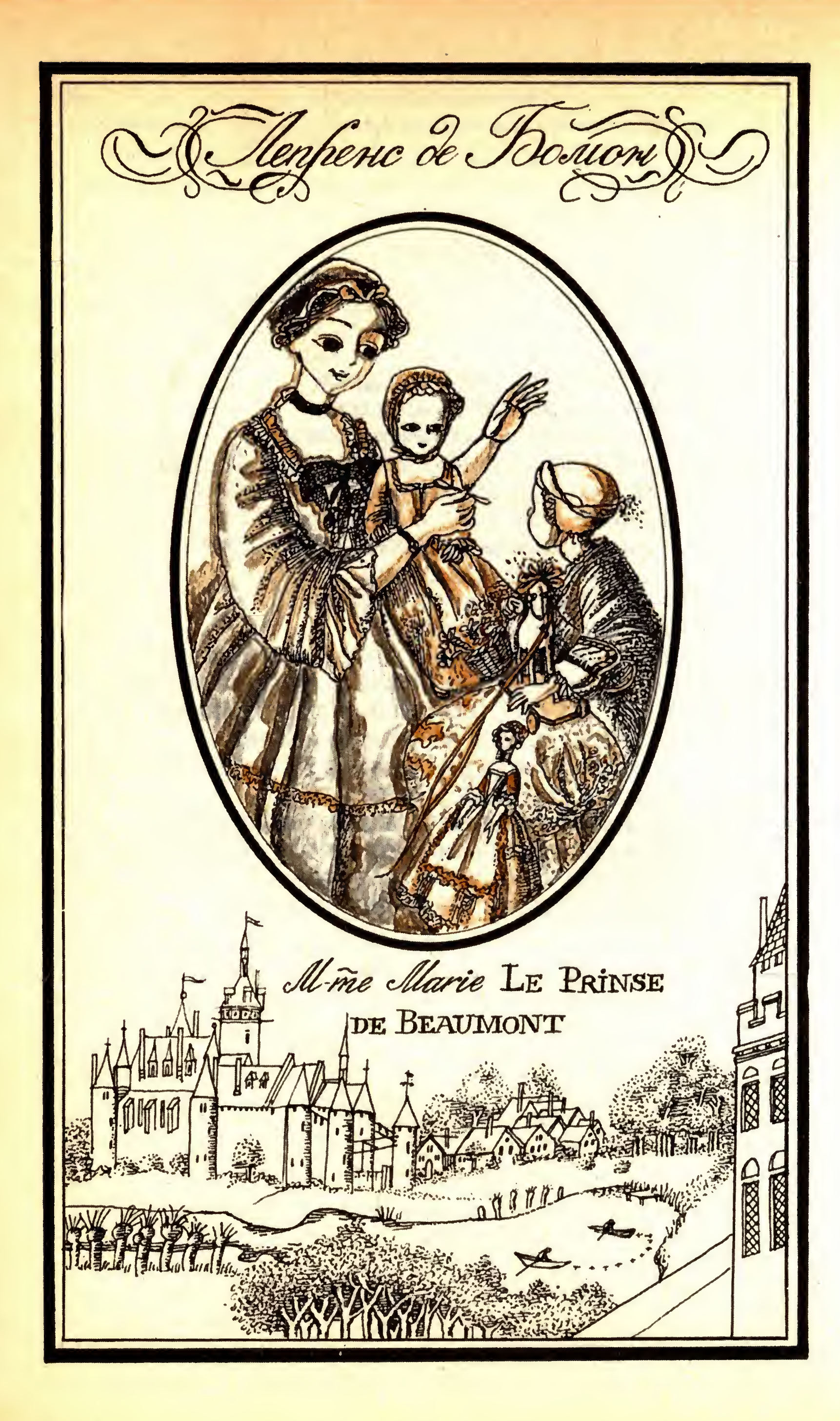
И она сейчас же вспомнила о том, что он претерпел ради нее, и о его великой верности. Не сказав никому ни слова, она вышла и пошла прямехонько к башне. Там она сняла своими руками оковы с Привета, и ручные и ножные, и, возложив ему корону на голову и королевскую мантию на плечи, сказала:

— Идите, мой дорогой Привет, жалую вас королевской властью и беру себе в супруги.

Он бросился к ее ногам и благодарил. Все очень обрадовались, что у них будет такой повелитель. Сыграли свадьбу, такую веселую, какой еще никогда не бывало, и Красавица Золотые Кудри долго жила с красавцем Приветом, и оба они были довольны и счастливы.

Когда какой-нибудь бедняк
Тебя о помощи попросит,
Помочь ему не откажи никак:
Поступок добрый добрый плод приносит.
Так наш Привет всем другом добрым был:
И карпа пожалел, и ворона избавил,
И даже совушку-дурнушку не оставил
И ей свободу возвратил,
А мог ли он тому поверить,
Что бедные ему зверьки
Всю славу принесут, какой и не измерить,
Когда он королю хотел помочь в любви?
И как бы ни была девица та прекрасна,
И даже им едва не увлеклась она,
Он помнил короля, забыв о вздохах страстных,
И честь его была верна.
Безвинно вытерпел он злое заключенье,
Но в самый горький миг он мог торжествовать:
Ведь небо видит все мученья
И добродетели не может отказать.

Лепренс де Бомон
M-me Marie Le Prinse
de Beaumont

Красотка и Чудовище

ИЛ-БЫЛ однажды очень богатый купец. Было у него шестеро детей, трое сыновей и три дочки. Человек он был умный, средств не жалел на их воспитание и приглашал к ним всяких учителей.

Все дочери были красавицами, а уж младшая до того была хороша, что все ею любовались. Когда она еще совсем была маленькой, только и называли ее что Красоточка; это имя за ней так и осталось, и сестры очень ей в этом завидовали. Младшая сестра, которая была красивее других, была и лучше своих сестер, и добрее. Старшие гордились своим богатством, думали про себя, что они важные персоны, и знаться не хотели с другими купеческими дочками. Они все о знатных людях мечтали. Каждый день то на бал поедут, то в театр, то на прогулку и вечно над младшей смеялись. А она все, бывало, сидит да читает хорошие книжки.

Так как сестры были богаты, то немало к ним сваталось именитых купцов, но старшие отвечали, что уж если пойдут они замуж, то разве за герцога или по крайней мере за графа. А Красотка (которую так и звали) вежливо женихов благодарила, говоря, что она еще молода и ей хочется еще несколько лет пожить с отцом.

Но вот пришла однажды беда, и купец наш потерял все свое добро, остался у него только один домишко, далеко за городом. Заплакал он и говорит детям, что надобно им всем туда отправиться да там и крестьянствовать, а иначе жить нечем. Старшие

сестры отвечали ему, что не желают из города уезжать и что есть здесь у них люди, которые почтут за счастье и без приданого их взять себе в жены. Только умницы эти ошиблись: их друзья и глядеть на них не захотели, когда они обеднели. Никто их не любил за их гордость, и так о них говорили:

— И жалеть их не стоит, вот гордость их и наказана; так им и надо, пусть-ка теперь разыгрывают важных барынь, пася овец.—И в то же время говорили:

— А вот Красотку жалко, какое с ней горе приключилось! Уж такая она была добрая! Так она с бедными людьми ласково разговаривала! Такая была простая и вежливая!

И хоть не было у нее за душой ни гроша, нашлись у нее знатные женихи, но она им отвечала, что не бросит отца в несчастье, а поедет с ним в деревню, чтобы там его утешать и помогать ему в работе.

Грустно было бедной Красотке потерять все свое приданое, но она говорила себе:

— Коли буду я о том плакать, так ведь слезами горю не поможешь, надо уж мне стараться и без богатства быть счастливой.

Когда приехали они в деревню, отец и сыновья стали пахать землю. А Красотка встанет чуть свет, весь дом приберет да и обед готовит на всю семью. Трудно ей сначала приходилось без привычки, но прошло месяца два, стала она покрепче и как ни уставала, а еще поздоровела на работе. Сделает, бывало, все дела и сядет почитать, а то играет на клавесинах или поет себе, вышивая. А сестры ее до смерти скучали; встанут, бывало, к полудню поближе, пойдут гулять да вспоминать, какие у них были платья красивые да какие знатные друзья.

— Смотрите-ка,—говорили они одна другой,—младшая-то наша такая грубая да глупая, что даже счастлива в своем несчастье.

Добрый купец так не судил, он видел, что Красотке его больше пристало блистать в обществе. Любовался он добрым ее сердцем да терпением, потому что мало было того ее сестрам, что всю работу по дому они на нее свалили, вечно они ее еще ругали и обижали.

Целый год прошел с тех пор, как стали они жить в бедности, и вдруг получает купец письмо. Пишут ему, что пришел корабль из дальних стран и его товары привез. Опять загордились старшие сестры, вздумалось им, что теперь можно будет опять поехать в город, а не скучать в деревне, и, как увидели они, что отец собирается в путь, стали его просить, чтобы он и платьев им привез, и накидок меховых, и шляп красивых, и еще всяких без-

делок. А Красотка ничего не просила, потому что догадалась, что всей отцовской выручки на подарки старшим сестрам не хватит.

— Что же ты ничего не просишь? — говорит ей отец.

— Если хотите вы мне что-нибудь подарить,— говорит она ему,— привезите мне розу, а то их у нас здесь нет.

Не очень-то Красотке эта роза была нужна, да побоялась она ничего не попросить, а то сестры бы ее со свету сжили, что она им назло ничего не просит.

Пустился старик в путь; только когда приехал он на место, стали его сутяги по судам таскать, и вернулся он назад таким же бедняком, как из дому выехал.

Миль тридцать всего ему оставалось до дому, и он уж радовался скорой встрече с детьми, но пришлось ему ехать густым лесом, и он заблудился. Снег пошел не на шутку, вьюга такая разыгралась, что два раза свалила его с лошади. Настала ночь, и думал уж он, что смерть его пришла: либо с голоду и холоду помирать, либо волки его съедят, а они так и воют в лесу. Поглядел он кругом да и видит, что далеко-далеко в конце просеки будто большой огонь горит. Пошел он на свет, приходит и видит: стоит громадный дворец, и во всех окнах огни. Поблагодарил купец бога, что спас он его, и пошел скорей ко дворцу. Но каково же было его удивление, когда не встретил он ни души во дворе! Конь, который шел за ним, видит — конюшня отперта, пошел туда, а в яслях нашел себе и сена и овса. Уморился бедный конь, проголодался и с жадностью принялся есть. Привязал его купец в стойле, а сам пошел к дому. По-прежнему нет никого; идет дальше, входит в высокую залу; огонь горит, кушаний полон стол, и стоит на нем только один прибор, будто одного и ждали.

От дождя да от снега промок до костей, подошел к огню обсушиться и говорит сам себе:

— Не взыщут с меня хозяин да слуги, если сам я распоряжаюсь; ну, да, верно, скоро кто-нибудь и придет сюда.

Подождал он, подождал; вот уж одиннадцать пробило, а все нет никого. Взял он цыпленка со стола да и съел разом, а самого страх берет. Выпил он тут вина и осмелел, пошел бродить по дому, и что ни комната, то все одна другой лучше. Дошел наконец он до спальни. Было уже за полночь, устал он, притворил дверь, лег и заснул.

Утром проснулся он и видит, что около него лежит чистое платье, а его грязного кафтана и след простыл.

«Ну,— подумал он,— верно, это дворец какой-нибудь доброй феи, которая меня пожалела».

Выглянул он в окошко — снега как не бывало, цветы цветут, смотреть радостно.

Пошел он опять в большую залу, где вчера поужинал, видит, стоит маленький столик, а на нем шоколад.

— Покорно вас благодарю, добрая фея,— сказал он тогда во весь голос,— за ваше угощение.

Выпил он шоколад и пошел лошадь посмотреть. Идет он двором, кругом розы цветут; вспомнил он тут свою Красотку да и сорвал с куста веточку. Но только он это сделал, как вдруг раздался великий шум, и появилось перед ним Чудовище, до того страшное, что он едва не лишился чувств.

— Ах ты, неблагодарный! — закричало на него Чудовище страшным голосом.— Я жизнь тебе спас и в дом свой пустил, а ты у меня розы воруешь, которые мне дороже всего на свете. Ты должен смертью искупить свою вину. Даю тебе четверть часа — молись богу.

Упал купец на колени и взмолился:

— Простите меня, ваша милость, не думал я вас обидеть: дочка меня просила розу ей привезти, вот я и сорвал.

— Какая я «ваша милость»,— ответило ему Чудовище,— не люблю я лести; я хочу, чтобы мне правду говорили; лестью ты ничего у меня не добьешься. Но ты говоришь, у тебя есть дочери; ладно, отпущу уж я тебя живого, коли одна из троих дочек по доброй воле сюда явится умереть за тебя. И не думай больше меня уговаривать, ступай домой; да поклянись, что, если не захотят дочери ехать, ты сам через три месяца вернешься.

Не хотел купец отдавать своих дочерей этому страшному Чудовищу, но рассудил: «Ну, хоть разок еще на детей погляжу».

Поклялся он, что вернется, и Чудовище его отпустило, сказав при этом:

— Не хочу я, чтобы ты ехал с пустыми руками; вернись-ка в спальню, где ты ночевал, возьми там пустой ларец, что хочешь туда положи, а я отошлю его к тебе.

С этими словами Чудовище исчезло, а бедный купец подумал:

«Уж раз суждено мне умереть, я хоть детям на хлеб оставлю».

Вернулся он в спальню, нашел там несметное число золота, набил им пустой ларец, запер его, пошел на конюшню, сел на коня да и поехал со двора, и с какой он радостью сюда приехал, с таким горем назад уезжал. Добрый конь сам нашел дорогу в лесу, и вскоре вернулся купец домой.

Собрались его дети, но не порадовался он им, а поглядел на них и заплакал. В руках у него была роза для Красотки, отдал он ей цветок и сказал:

— Возьми, Красоточка, розу, дорого она мне обойдется.— И рассказал детям, что с ним приключилось.

Тут старшие дочери принялись кричать и бранить Красотку, а она стояла спокойно и не плакала.

— Вот до чего довела ее гордость! — говорили они.— Что ж не попросила она себе нарядов, как мы просили? Нет, отличиться ей захотелось! Бедный отец теперь из-за нее умрет, а она хоть бы слезинку пролила!

— Что ж плакать! — ответила Красотка.— Плакать мне об отце нечего, потому что ему и умирать не надо. Раз Чудовище согласно вместо него дочку взять, поеду я к нему его злобу насытить, и в радость мне будет отца спасти и всю любовь мою ему показать.

— Нет, сестрица,— заговорили три брата,— не умрешь ты; мы пойдем на Чудовище, либо убьем его, либо сами погибнем.

— И не думайте этого, дети мои,— отвечал им отец,— такая сила у этого Чудовища, что и думать нечего с ним сразиться. Сердце мое радуется на мою добрую дочку, да только зачем ей умирать? Я уж старик, жить мне недолго осталось, несколько годков и не доживу, и жалею-то я их не за себя, а за вас, мои милые.

— Уж поверьте, милый отец,— сказала ему Красотка,— что без меня вам во дворец не ехать, а как вы меня не пустите? И как я ни молода, а не очень-то к жизни привязана — и лучше уж пусть меня Чудовище съест, чем мне без вас умереть с горя.

И что ей ни говорили, она решила отправиться в прекрасный дворец, а сестры ее тем были очень довольны, так как они во всем ей завидовали.

Купец так огорчился, что придется дочь ему потерять, что и забыл совсем о ларце, который он набил золотом, но как только пошел он к себе спать, затворил дверь, смотрит, а ларец уж и стоит возле постели. Решил он ничего об этом детям не говорить, потому что дочери опять в город проситься будут и плакаться, что не умирать же им в деревне; только Красотке поверил он свою тайну. А она ему рассказала, что без него к ним знатные женихи приходили и двое за сестер сватались; и просила она отца выдать их замуж, потому что она их любила и прощала им все зло.

Натерли себе злые сестры глаза луком и заплакали, когда Красотка уезжала с отцом, а братья и отец от всего сердца слезы лили, только одна Красотка не плакала, не желая их еще больше огорчать.

Пустился конь по дороге ко дворцу, приехали они к вечеру и видят: горят огни во всех окнах, как и прошлый раз. Пошел конь сам по себе на конюшню, а купец с дочерью вошли во дворец, пришли в большую залу, а там видят пышно убранный стол, а на столе два прибора. Купцу кусок в горло не лез, а Красотка, стараясь казаться спокойной, стала ему прислуживать за столом, а сама думает:

«Верно, Чудовище хочет меня сперва откормить, а потом уж и съесть, что так славно меня угощает».

Только что они поужинали, как вдруг раздался великий шум. Заплакал купец и стал с дочерью прощаться, потому что он понял, что сейчас явится к ним Чудовище. Задрожала Красотка, как взглянула на страшилище, но виду не подала. А Чудовище ее и спрашивает, от доброго ли сердца она к нему приехала. Задрожала она от страха, а все-таки ответила, что от доброго.

— Вижу, что доброе сердце у вас,— ответило Чудовище,— и много я вам обязан. А ты, добрый человек, собирайся завтра спозаранку, да смотри не вздумай сюда возвращаться.

— Прощайте, Чудовище,— сказала Красотка, и Чудовище удалилось.

— Ах, дочка моя дорогая,— сказал купец, обнимая Красотку,— я чуть не умер от страха. Поверь ты мне, оставь меня здесь.

— Нет, батюшка,— ответила она с твердостью,— поезжайте завтра утром и оставьте меня в надежде на бога; может быть, он меня услышит.

Легли они спать и думали, что глаз во всю ночь не закроют, но как легли, так тут и заснули. А во сне Красотке явилась красивая дама и сказала ей:

— Судьба тебя благословит, Красотка: сердце у тебя доброе, жизнь ты свою отдала за отца и за это получишь награду.

Проснувшись, Красотка рассказала сон свой отцу, и хоть старик им немного и утешился, а все-таки разрыдался, с ней расставаясь.

Уехал купец, а Красотка пошла в большую залу да и сама заплакала, но потом скрепя сердце поручила себя богу и решила не тосковать в свои последние часы, ибо твердо была уверена, что нынче вечером Чудовище непременно ее сожрет. А покуда решила она прогуляться и осмотреть весь дворец. И залюбовалась она на его красоту, но удивилась немало, когда подошла к одной двери, а на ней видит надпись: «Покои Красотки». Поспешила она эту дверь отворить и ослеплена была великолепием, какое там увидала, а больше всего ее поразило, что было там множество книг, и клавесины, и разные ноты.

— Не хочет Чудовище, чтобы я здесь скучала,— сказала она потихоньку. А потом подумала:

«Если бы он меня к вечеру съесть хотел, к чему бы ему столько добра для меня готовить?» И эта мысль ее успокоила.

Подошла она к книжным полкам, взяла книжку и видит надпись золотыми буквами: «Вы здесь царица и хозяйка; желайте и приказывайте».

— Увы,— сказала она, вздохнув,— ничего-то я не желаю, только бы мне отца увидать да узнать, что он сейчас делает.

Не успела она в мыслях эти слова произнести, глядит, около нее зеркало большое, а в нем она видит: приезжает отец домой печальный-печальный, сестры ему вышли навстречу, и как они ни ломались, видно было, как рады они тому, что Красотки уж нет. И вмиг все исчезло опять, и подумала она, что уж очень любезное ее Чудовище и, пожалуй, бояться его нечего.

В полдень стол был опять накрыт, и чудная музыка слышалась за обедом, хоть и не было видно ни души.

Вечером же, когда садилась она за стол, опять все кругом зашумело, и опять задрожала она от страха. Явилось Чудовище и говорит:

— Красотка, разрешите взглянуть мне, как вы станете кушать.

— Вы здесь хозяин,— отвечала она ему.

— Нет,— возразило Чудовище,— хозяйка здесь вы: стоит вам вымолвить слово, я вмиг удалюсь... А скажите: очень я гадок кажусь вам?

— Ваша правда,— сказала Красотка,— лгать-то я не умею, но полагаю, что сердце у вас доброе.

— Это верно,— отвечало Чудовище,— и гадок я, да и не знаю ничего вдобавок, знаю только, что глупое я чудовище.

— Да разве вы глупое чудовище,— ответила Красотка,— если сами говорите, что ничего не знаете? Дураки, те ведь так не говорят.

— Кушайте, Красотка,— продолжало Чудовище,— да смотрите не скучайте в вашем доме, потому что это все теперь ваше; только тем я и рад, что вы довольны.

— Доброе у вас сердце,— сказала Красотка,— стоит мне об этом подумать, как я уж не помню, что вы такой гадкий на вид.

— Ох,— отвечало Чудовище,— добрый-то, добрый я, да чудовище все-таки.

— Много людей есть на свете,— сказала Красотка,— и похуже вас, уж я лучше вас любить буду такого страшного, чем тех, кто на вид люди как люди, а сердце у них неверное, испорченное, неблагодарное.

— Был бы я поумнее,— отвечало Чудовище,— уж сказал бы я вам доброе словечко, да глуп я уж очень, только и скажу, что очень вам я обязан.

Поужинала Красотка в свое удовольствие. Она уж почти перестала бояться Чудовища, но чуть было от страха не умерла, когда оно вдруг говорит ей:

— Красотка, идите за меня замуж!

Дух у нее захватило, не знает, что отвечать: отказать боится, как бы Чудовище не рассердить; помолчала, помолчала да набралась храбрости:

— Не могу, Чудовище.

Хотело вздохнуть бедное Чудовище, да так засвистало, что весь дворец содрогнулся; но успокоилась скоро Красотка, потому что Чудовище ей сказало печально:

— Прощайте ж, Красотка,— да и пошло вон из комнаты, только несколько раз на нее оглянулось.

Осталась Красотка одна, и сердце у нее сжалось, пожалела она Чудовище.

— Ах, как жаль,— сказала она,— что такое оно с виду гадкое, а зато какое доброе.

Три месяца прожила Красотка в этом дворце в полном покое. Каждый вечер Чудовище приходило и развлекало ее беседой за ужином, только говорить оно не умело складно.

Каждый раз открывала Красотка в своем Чудовище новое доказательство его доброты. Привыкла она к нему и к страшному его виду и уж не боялась его посещений и часто даже на часы смотрела, скоро ли девять часов пробьет,— Чудовище минута в минуту всегда являлось.

Одно было у Красотки горе: каждый раз перед тем, как расстаться, спрашивало Чудовище, пойдет ли она за него замуж, и очень уж огорчалось, когда она ему отвечала, что нет. Однажды Красотка и говорит ему:

— Горько мне вам объяснять, почему никогда не пойду за вас замуж, только я вас жалею и другом вам всегда буду, постарайтесь утешиться этим.

— Что ж,— отвечало Чудовище,— ваша правда; знаю, какое я страшилище, только люблю вас от всего сердца. Хоть тем я счастлив, что вы в моем доме живете, обещайте, что никогда меня не покинете.

Покраснела при этих словах Красотка; видела она в своем зеркале, что отец ее с горя заболел, и хотелось ей его живого повидать.

— Обещаю вам это,— сказала она Чудовищу,— только очень мне хочется отца повидать, а без того я умру от тоски.

— Уж лучше мне умереть,— отвечало Чудовище,— чем горе вам причинить; отправлю я вас к отцу, оставайтесь там, а бедное ваше Чудовище здесь с тоски зачахнет.

— Нет,— сказала Красотка и заплакала,— слишком люблю я вас, чтобы желать вашей смерти; обещаю вам, что через неделю буду обратно. Видела я в зеркале по вашей милости, что сестры мои замуж вышли, а братья мои на военную службу уехали; остался батюшка один-одинешенек. Поскучайте без меня недельку.

— Завтра утром вы будете у отца,— ответило ей Чудовище,— не забудьте только про ваше обещание; а как захотите вернуться, положите с вечера ваше колечко на стол, и вернетесь ко мне. Прощайте, Красотка.

Опять вздохнуло Чудовище по своему обыкновению, а Красотка легла спать, печалясь, что опять она его огорчила.

Проснулась наутро — видит, она у отца своего в доме, а на столике колокольчик стоит. Позвонила она, прибежала служанка да как закричит, ее увидав. Прибежал купец, чуть от радости не умер при виде ее, и упали они друг другу в объятия.

Хотела Красотка вставать и думает, что же надеть ей, а служанка говорит, что за дверью сундук стоит и лежат в нем платья, все золотом расшитые да алмазами. Поблагодарила тут Красотка свое Чудовище за заботу, выбрала себе платье попроще, а остальные велела служанке припрятать, чтобы сестрам подарить, но только она эти слова выговорила, как глядь, а сундука-то уж нет. Тут отец ей сказал, что Чудовище все это богатство ей одной предназначило,— и в тот же миг сундук опять появился.

Оделась Красотка, а тем временем сестер известили, и те с мужьями приехали.

Не были счастливы ее сестры. Одна вышла замуж за молодого дворянчика, красивого, как амур; только он целый день собой занимался, а на нее и смотреть не хотел. Другая великого умника в мужья себе выбрала, а он умом своим только чванился и досаждал всему миру, начиная с собственной своей жены.

Едва не умерли сестры от зависти, когда увидали, что одета Красотка, как принцесса, и такая красавица, что дня белого краше. Как она их ни ласкала, ничто не помогло уменьшить их зависть, и еще больше она разгорелась, когда рассказала им про свое счастье.

Пошли завистницы в сад и заплакали там, говоря друг другу:

— Откуда этой карлице такое счастье привалило? Ведь мы ее краше, мы ее любезней!

— Вот что, сестра дорогая,— говорит старшая,— пришло мне на ум. Задержим ее здесь подольше, покуда срок ее минет. Рас-

сердится ее Чудовище глупое, что она свое слово нарушила, да, может быть, ее и сожрет.

— Вы правы,— отвечает другая,— мы ее приласкаем да упросим.

На том порешив, вернулись они в дом и так стали Красотку ласкать, что та от радости заплакала. Прошла неделя; стали сестры волосы на себе рвать от великого горя, что она их покидает, и обещала Красотка еще неделю побыть.

Но Красотка очень упрекала себя за то, что пришлось ей бедное и любимое Чудовище обидеть, да и соскучилась она без него. На десятую ночь увидела она сон, будто идет она по саду около дворца, а на траве лежит Чудовище и, умирая с тоски, упрекает ее в неблагодарности. Проснулась тут разом Красотка и залилась слезами.

— Что я за злая такая,— говорила она,— что я так бедное Чудовище обижаю, а оно такое ласковое со мной? Разве оно виновато в том, что такое страшное да глупое? Оно ведь доброе-предоброе, а ведь это лучше всего. Зачем только я за него замуж не пошла? Была бы я за ним счастливее, чем сестры мои за своими мужьями. Красотой да умом жену не порадуешь, а добрым сердцем, привязанностью и ласкою, а Чудовище мое и доброе и ласковое. Нет у меня к нему любви, но есть уважение, дружба и признательность. Не сделаю я его несчастным, а то всю жизнь буду упрекать себя в неблагодарности.

Сказав это, поднялась Красотка с постели, положила колечко на стол и снова улеглась. И только что легла она, как тотчас же заснула. Просыпается утром и с радостью видит, что опять у Чудовища во дворце. Оделась она получше, чтобы его порадовать, и целый день до смерти без него скучала, дожидаясь, покуда вечер придет. Но пришел вечер, пробило девять, а Чудовища нет как нет.

«Умерло мое Чудовище»,— подумала Красотка. Весь дворец она обежала, кричала, звала — все напрасно; отчаяние охватило ее. Тут сон ей припомнился, побежала она в сад на пруд, где она его во сне видела. Прибегает туда и видит: лежит бедное Чудовище без памяти, будто и не дышит. Бросилась она к нему, уж не помня того, какое оно страшное, слышит — сердце еще бьется; зачерпнула воды из пруда да и брызнула на него. Очнулось Чудовище, открыло глаза и говорит:

— Забыли вы, Красотка, ваше обещание, и решил я с горя уморить себя голодной смертью, но я умираю счастливый, потому что еще раз на вас посмотрел.

— Нет, дорогое мое Чудовище,— сказала Красотка,— вы не умрете; вы будете жить и станете моим супругом: отдаю я вам

руку отныне и буду вашей и только вашей. Думала я, что одну дружбу питаю к вам; ну, а теперь такое меня горе душит, что знаю я, мне без вас не жить.

И только что Красотка произнесла это, как во всем дворце засветились окна, засияли потешные огни, музыка загремела — словом, праздник начался, только Красотка на всю эту красоту и смотреть не стала, а обернулась к своему Чудовищу любезному, вся дрожа за него. И как же она удивилась! Исчезло ее Чудовище, а перед ней стоит на коленях молодой принц, красивей амура, и благодарит ее за то, что она чары с него сняла.

Как ни хорош был этот принц, а все-таки она его спросила, куда же Чудовище девалось. А принц ей и отвечает:

— Чудовище это у ваших ног. Злая фея приговорила меня носить этот образ, покуда красавица за меня замуж не пойдет, и разум мой заговорила. И во всем мире никого не оказалось, кроме вас, кого бы я мог моим добрым сердцем тронуть. А теперь предлагаю я вам мою корону и сказать не могу, насколько я вам обязан.

Обрадовалась Красотка и, протянув руку красавцу принцу, подняла его с колен. Вместе пошли они во дворец. А там Красотка чуть было от радости не умерла, увидав в большой зале и отца своего и всю семью. Потому что та самая красивая дама, которую она во сне видела, их в один миг перенесла во дворец.

— Красотка,— сказала ей эта могущественная фея,— получите награду за хороший ваш выбор: доброе сердце вы предпочли красоте и уму, и теперь вы найдете все эти качества в одном человеке. Великой вы станете королевой; надеюсь я, что и трон не лишит вас доброго сердца. А вам, сударыни,— обратилась фея к обеим сестрам Красотки,— вот что скажу: вижу я ваши сердца и все ваше коварство. Станете вы двумя изваяниями, но и под камнем сохраните весь разум свой. Будете вы у дворца сестры вашей стоять и будете свидетелями ее счастья — вот и все наказание ваше. И только тогда станете вы опять людьми, когда злобу свою поймете и осудите; только боюсь, что век вам камнем оставаться. Исправляются сердца гордые, гневные, на лакомство жадные и ленивые, но чудо будет большое, коли исправится сердце злое и завистливое.

Тут фея махнула своей волшебной палочкой и перенесла мигом всех, кто был в зале, в королевство принца. Обрадовались его подданные, женился он на Красотке, и жили они долго душа в душу, потому что были они добрые.

Жорж Санд

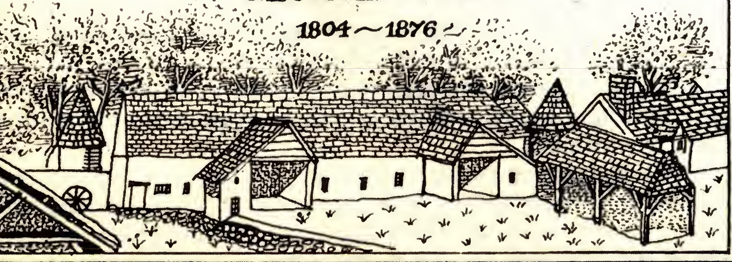

Amandine Lucie-Aurore

DUPIN, *baronne* DUDEVANT, *dite*

GEORGE SAND

1804 ~ 1876

История истинного простофили по имени Грибуль

ЧАСТЬ I

О том, как Грибуль, боясь промокнуть, бросился в воду

КОГДА-ТО, давным-давно, жил на свете один лесничий. У него была жена и семеро детей: три девочки и четыре мальчика. Самого младшего звали Грибуль.

Жили они в лесу, в красивом домике с садом. Рядом, весело журча, протекал лесной ручеек. Лес этот принадлежал королю. Когда-то король любил там охотиться, но потом состарился и перестал показываться в этих местах. За хорошую службу король подарил отцу Грибуля клочок плодородной земли и разрешил ему стрелять дичь и ловить рыбу в своих угодьях.

Казалось бы, лесничий должен был жить да радоваться. Но нет! Жадный и завистливый, он ничего так не любил в целом свете, как золото. Обманом вымогал деньги у путешественников, случайно забредавших в эти края, безжалостно отправлял в тюрьму бедняков, которые собирали в лесу хворост, зато богачам за хорошую плату позволял охотиться в королевском лесу сколько душе угодно. Старый король, разумеется, ничего не знал

о разбойничьих проделках своего лесничего и продолжал доверять ему, как в прежние времена.

Мать Грибуля была не такая бессердечная, как ее муж, но и доброй эту женщину нельзя было назвать. Она тоже любила деньги. И если лесничий приносил домой награбленное золото, она не ругала его, зато готова была поколотить, когда он возвращался с пустыми руками. Дети, как это часто бывает, брали пример с родителей. Все они, кроме маленького Грибуля, сделались обманщиками и воришками, едва только научились ходить и говорить.

Лесничего и его жену это нисколько не огорчало. Напротив, они чрезвычайно гордились своими детьми и без конца нахваливали их.

— Ты только посмотри,— говорила жена мужу,— до чего же смышленые у нас детки! Из них наверняка выйдет толк.

И, глядя на Грибуля, со вздохом добавляла:

— Один только ты простофилей растешь! Ну, да что поделаешь, в семье не без урода.

Несладко жилось Грибулю в родительском доме. Братья и сестры издевались над ним: ведь он никак не мог научиться воровать и обманывать. Отец и мать давали ему тумака всякий раз, как он подворачивался им под руку. А между тем Грибуль был кротким и добрым мальчиком. Он никогда никого не обижал и легко прощал обиды другим. Если он бывал голоден, а нищий просил у него хлеба, мальчик тотчас же отдавал ему свой обед, думая про себя:

«Я знаю, что такое голод, и должен непременно помочь этому бедному человеку».

— Простофиля! Простофиля!— кричали Грибулю братья и сестры.— Самому есть нечего, а он еще всяких оборванцев кормит! Наш дуралей-братец все делает наоборот!

И правда, во всем и всегда Грибуль вел себя иначе, чем они.

Он давно понял: далеко не всегда надо делать то, что хочется. Например, если днем у него слипались глаза, он не укладывался в кровать, а старался победить сон, чтобы лучше спалось ночью. Он никогда не шел на улицу играть, не закончив работы: ведь доделать ее все равно рано или поздно придется, так лучше уж веселиться с легким сердцем. Зимой он не кутал нос и щеки шарфом, а натирал их снегом, и это был самый лучший способ не обморозить их. Братья и сестры за животы держались от смеха, но Грибуль не обращал внимания. Он не плакал, когда его дразнили, смеялся, если ему было больно, и пел, если было страшно.

Вот и судите сами, был ли Грибуль простофилей и заслуживал ли он те насмешки и колотушки, которыми чуть ли не каж-

дый день награждали его домашние! Впрочем, надо сказать, что все это Грибуль сносил спокойно и терпеливо и никому на свое горе не жаловался. Он любил бродить один по лесу и часто возвращался домой уже затемно. Грибуль был храбрым мальчиком. Он не боялся ни темноты, ни диких зверей. Боялся он по-настоящему только двух вещей: воды, так как чуть не утонул в реке, когда был маленький, и огня, потому что однажды больно обжег руку о печную дверцу.

Он смело забирался в самую чащу леса, чтобы там, на своей любимой полянке, посидеть под старым дубом.

Это было огромное, увитое плющом дерево с раскидистыми ветвями и большим дуплом. Вокруг росла великолепная зеленая трава и чудесные цветы, а у самых корней дуба протекал ручей: он бежал, петляя во мху, и терялся в скалах поблизости. Поляна эта находилась довольно далеко от дома Грибуля, и, чтобы добраться до нее, приходилось продираться сквозь заросли колючего терновника. Поэтому туда редко кто-нибудь забредал. Называлась она поляной Шмеля. Местные жители не помнили, откуда взялось это название. Некоторые говорили, что дуб здесь посадил когда-то один очень богатый человек по прозвищу «Шмель», но больше никто об этом ничего не знал.

Однажды, когда Грибуль, как обычно, сидел под дубом и размышлял о своей несчастной судьбе, его кто-то ужалил в руку. Он подскочил от боли и вдруг увидел огромного шмеля, который вовсе не думал улетать и, казалось, нарочно дразнил мальчика. Грибуль осторожно взял шмеля за крылышки и, посадив к себе на ладонь, проговорил:

— Зачем ты меня так больно ужалил, ведь я не сделал тебе ничего плохого?

Вместо ответа шмель выгнул спинку и принялся невозмутимо чистить крылышки, всем своим видом давая понять, что на ладони Грибуля чувствует себя превосходно.

— Тебе бы следовало попросить прощения,— сказал ему Грибуль.— Ай-ай-ай, такой красивый шмель и такой невоспитанный! Ты ведь действительно очень красивый и к тому же самый большой из всех шмелей, которых я когда-либо видел. А твое черное одеяние с фиолетовым отливом похоже на королевскую мантию. Быть может, ты и вправду какой-нибудь важный господин среди шмелей, раз ты так больно жалишь? Но не бойся, я не стану убивать тебя. Ведь если ты умрешь, рука у меня все равно болеть не перестанет. Что ж ты не улетаешь? Лети и радуйся!

Шмель словно ждал этих слов. Услышав их, он взмахнул крыльями и с низким, глуховатым жужжанием поднялся в воздух. Через секунду он уже исчез в ветвях дуба.

Когда шмель улетел, Грибуль сорвал несколько зеленых стебельков — не надо забывать, что он вырос в лесу и прекрасно знал целебные свойства трав,— и, промыв руку в ручье, приложил их к больному месту. Потом он прилег под деревом и уснул.

Во сне ему послышалась странная музыка и голоса, доносившиеся словно из-под земли. Они пели:

Жужжите все!
Жужжите все!
Король идет!
Король идет!

А ручеек, казалось, говорил своим чистым голосом, обращаясь к цветам:

Трепещите!
Трепещите!
Близко враг!
Близко враг!

В это время толстые корни старого дуба зашевелились и начали по-змеиному извиваться в траве. Закачались на своих стебельках ромашки и колокольчики. Любопытные кузнечики выглянули из своих убежищ, а большие черные муравьи, искавшие добычу в коре деревьев, удивленно поднялись на задние лапки. Затрепетал тростник, застонали ветки дуба, и вокруг началась такая суматоха, что Грибуль проснулся.

Он увидел перед собой высокого толстого господина, одетого во все темное и глядевшего на мальчика круглыми черными глазами. Господин обратился к нему низким, хрипловатым голосом, сильно раскатывая букву «р»:

— Ты оказал мне услугу, которую я никогда не забуду. Можешь требовать у меня чего угодно, я выполню любое твое желание.

— Ах, сударь,— ответил Грибуль, дрожа от страха,— боюсь, мое единственное желание вы не в силах исполнить. Дело в том, что отец с матерью меня не любят. Они говорят, что из всех их детей я самый глупый. А я бы так хотел, чтобы они меня полюбили!

— Это действительно исполнить нелегко,— ответил господин в черном,— однако я все-таки постараюсь тебе помочь. Хочешь, я сделаю тебя таким же умным, как твои братья и сестры?

— Сударь,— воскликнул Грибуль,— я мечтал бы стать умным, но я не хочу быть таким же бессовестным и злым, как они! Если умным и добрым одновременно быть нельзя, то лучше уж я останусь дурачком!

— Да что ты станешь делать со своей добротой среди злых людей? — спросил господин еще более суровым голосом.

— Не знаю, что вам ответить,— пролепетал Грибуль,— я недостаточно умен, но одно знаю твердо: я никому не хочу делать зла.

— Ну, я вижу, ты и в самом деле глуп,— быстро ответил черный господин.— Прощай, я тороплюсь, мне некогда тебя уговаривать, но мы еще встретимся, и, если ты захочешь о чем-нибудь меня попросить, помни, что я ни в чем тебе не откажу.

— Вы очень добры, сударь,— дрожа от страха, пробормотал Грибуль.

В это время на незнакомца сквозь листву упал солнечный луч. Его черный бархатный костюм сделался темно-синим, потом фиолетовым. Плащ раздулся и превратился в крылья. Он испустил глухой рев, еще более страшный, чем рычание льва, тяжело оторвался от земли и исчез в ветвях дуба.

Грибуль протер глаза. Приснилось ли ему все это или случилось на самом деле? Наверное, это был сон. Только теперь, когда странный господин исчез, мальчик почувствовал, что окончательно проснулся. Он поднял свою палку и поспешил домой, так как боялся, что родители опять поколотят его за то, что он слишком долго гулял.

Едва Грибуль переступил порог, как мать набросилась на него.

— Ага, явился наконец! — закричала она.— Где это ты пропадал столько времени? Нет, вы только полюбуйтесь на этого дурака, которому привалило огромное счастье, а ему, хоть бы что!

Бедный Грибуль долго не мог понять, о каком счастье она толкует, пока мать наконец не объяснила ему, бранясь по привычке, что им интересуется один очень важный человек. Оказывается, в полдень, когда Грибуль спал под своим дубом, в домик лесничего постучался роскошно одетый незнакомец и попросил разрешения немного передохнуть. От обеда он отказался, зато с удовольствием съел целый горшок меда и заплатил за него монетой из чистого золота. Затем гость внимательно оглядел всех детей лесничего и сказал хозяйке: «Простите, сударыня, нет ли у вас случайно сыновей помладше?» Когда же он узнал, что в доме действительно живет еще один мальчик, которому всего двенадцать лет и которого зовут Грибуль, он воскликнул: «Какое замечательное имя! Именно этот ребенок мне и нужен! Пришлите его ко мне, я хочу его осчастливить». И не сказав больше ни слова, он поднялся и вышел.

— Но кто же этот человек? — спросил Грибуль, пораженный до глубины души.— И как мне его найти?

— Это новый владелец замка, того, что на опушке леса,— ответила мать.— Имени своего он не назвал, но я слыхала, что все в округе зовут его господин Шмель. Говорят, это только прозвище, но он охотно на него откликается. Ходят слухи, будто он

очень богат и швыряет золото и серебро направо и налево. Быть может, он не в своем уме, но нас с тобой это не касается. Ты должен отправиться к нему как можно скорее, пока он не передумал. Этот господин Шмель наверняка собирается сделать тебе богатый подарок. Только не вздумай утаить от нас то, что он тебе даст!

— Дорогая матушка, я скорее умру, чем обману вас!—воскликнул Грибуль.

— И верно, ты для этого слишком глуп. Ну, иди же, да поторапливайся, а то скоро стемнеет.

По дороге мальчик присел отдохнуть под смоковницей и вдруг услышал над головой жужжание пчелиного роя. Он встал на цыпочки и увидел в дупле соты, полные золотистого меда. Грибуль, который с утра ничего не ел, очень обрадовался. Он всласть полакомился медом и собрался было продолжать свой путь, но тут из дупла раздался властный голос:

— Ко мне, дочери мои, служанки и рабыни! Хватайте злодея! Не дайте грабителю уйти живым!

Представьте себе, как испугался Грибуль!

— Милые сударыни пчелы,—проговорил он, едва дыша от страха,—простите меня! Я был очень голоден и забыл попросить разрешения отведать вашего меда. А он оказался таким вкусным и ароматным! Я сразу понял, что его могли сделать только необыкновенные пчелы.

— А он, однако, неглуп, этот малыш,—донесся из дупла нежный голосок.—Я прошу вас, Ваше Величество, моя дорогая матушка, пощадить его на этот раз!

В дупле послышалось громкое жужжание, словно все заговорили разом и заспорили между собой. Но ни одна пчела оттуда не вылетела, и Грибуль бросился бежать. Когда он был уже далеко и понял, что никто его не преследует, мальчик оглянулся. Каково же было его удивление!

В ярких лучах заходящего солнца он увидел множество легких крылатых фигурок. Под мелодичную музыку они водили в воздухе хороводы вокруг знакомой смоковницы.

Солнце слепило Грибулю глаза, и он не мог хорошенько рассмотреть танцующих. То они казались ему очаровательными дамами в золотистых платьях, то обыкновенными пчелами, снующими взад и вперед на фоне огненно-красного неба.

Солнце скоро скрылось за деревьями, и таинственные фигурки растаяли в темноте. Грибуль двинулся дальше вдоль опушки, но через некоторое время заметил, что заблудился. Ему очень хотелось спать, но, не желая достаться волкам на ужин, он заставлял себя идти вперед, пока ноги не отказались ему повиноваться. Мальчик в изнеможении опустился на землю. Вдруг он увидел сквозь ветви деревьев яркий свет, поднялся и пошел в ту сторону.

Через несколько минут Грибуль стоял перед высоким замком, все окна в нем были освещены разноцветными огнями. До мальчика донеслись звуки музыки, веселые голоса и звон посуды.

Грибуль почувствовал себя неловко оттого, что явился в такой поздний час, но возвращаться у него уже не было сил. Он постучал в ворота и попросил разрешения поговорить с хозяином.

— Кто ты такой? — спросил его усатый привратник, отворив скрипучие ворота.— Мой хозяин ждет мальчика по имени Грибуль. Уж не ты ли это?

— Вы не ошиблись, мое имя действительно Грибуль.

— Вот и прекрасно,— сказал привратник, подкручивая длинные черные усы.— Сейчас тебе дадут поужинать и проводят в спальню, а господин Шмель примет тебя завтра. Пока что он занят наверху с гостями. У нас новоселье, и хозяин дает бал своим соседям.

Тем временем навстречу Грибулю уже спешил лакей в блестящей ливрее. Низко поклонившись, он проводил Грибуля в отведенную ему комнату. Она была так богато убрана, что Грибуль принял ее поначалу за спальню самого хозяина дома. Несколько слуг тотчас же накрыли для Грибуля стол и принесли ужин: фрукты, мед и варенье разных сортов. Пожалуй, Грибуль охотнее съел бы горячего супа и ломоть хлеба, но сказать об этом не осмелился.

Лакей тем временем приготовил ему постель. Кое-как утолив голод, Грибуль с удовольствием бросился на чистые простыни и закрыл глаза. Однако заснуть ему не удалось. Его неотступно преследовали мысли о загадочном господине Шмеле. Кто он? Откуда взялся? Почему его слуги оказывают сыну простого лесничего такой роскошный прием? В замке поминутно хлопали двери, топот танцующих и рев контрабасов сотрясали весь дом. Когда двери наверху закрывались, музыка звучала тише, слышалось звяканье бутылок в буфетной, грохот кастрюль и шушуканье лакеев. Казалось, они замышляли что-то недоброе. Грибуль ненадолго впадал в забытье, снова просыпался, так и не понимая до конца, спит он или бодрствует.

Внезапно Грибуль услышал шаги. Чуть-чуть приподняв ресницы, он увидел знакомого лакея. Тот крадучись подошел к его кровати и остановился, как будто хотел убедиться в том, что Грибуль действительно спит. Его огромные выпученные глаза вращались, словно черные стеклянные шары. Только теперь мальчик заметил, что глаза у лакея находятся гораздо выше, чем у всех людей, почти на самой макушке. Грибулю сделалось не по себе, и он решил заговорить с лакеем, но тот вдруг неуклюже взмахнул руками и подпрыгнул к самому потолку. Когда он опустился на пол, Грибуль увидел, что в руках он держит прозрачную серебристую нить. Лакей подпрыгнул еще раз, затем еще

и при каждом прыжке издавал какие-то странные звуки, похожие на тиканье часов.

Грибуль подумал, что это, наверно, новая, неизвестная ему игра. Он с любопытством следил за тем, как проворно поднимается в воздух этот пузатый и нескладный на вид человечек и ловко сплетает из прозрачных нитей замысловатые узоры. Грибуль был так увлечен этим зрелищем, что не заметил, как очутился в ловушке: его ложе опутывала теперь прочная сеть и не было видно ни малейшей лазейки. Грибуль похолодел от страха и хотел позвать на помощь, но вместо крика из его груди вырвался слабый писк. Он попытался высвободить руки и с ужасом увидел, что рук у него нет, а есть лишь тонюсенькие лапки, наподобие комариных. Грибуль понял, что превратился в крохотную беспомощную букашку. А отвратительное существо, которое он принимал за лакея, оказалось огромным мохнатым пауком. Паук явно хотел задушить Грибуля своей паутиной и сожрать. От ужаса Грибуля прошиб холодный пот, и он проснулся.

Открыв глаза, Грибуль решил, что все это ему приснилось. Никакого паука не было и в помине, а лакей, который действительно находился в комнате, торопливо засовывал в шкаф бутылки с заморскими винами, серебряные приборы и драгоценные вазы, украденные во время праздника. Почувствовав, что Грибуль проснулся, лакей обернулся с испуганным и в то же время угрожающим видом.

— Чего ты на меня уставился? — проговорил лакей сухим надтреснутым голосом, напоминавшим тиканье часов. — И вообще, почему ты не спишь в такой поздний час?

Грибуль вовсе не был так прост, как все полагали. Он ни словом не обмолвился ни о своем сне, ни о темных делишках этого жулика. Он вежливо объяснил лакею, что спать ему мешает шум, и попросил разрешения взглянуть на празднество.

— Смотри себе на здоровье, — ответил лакей, который рад был избавиться от непрошеного свидетеля. — Никто тебя здесь силком не держит.

Грибуль оделся и отправился бродить по комнатам. Он пересекал многочисленные залы, спускался и поднимался по лестницам, и повсюду ему встречались богато одетые люди, которые не обращали на него никакого внимания и развлекались каждый на свой лад. В одной комнате несколько мужчин в черном и нарядные дамы со сверкающими камешками на шее играли в кости. И время от времени подгребали к себе горки золотых монет. Грибуль немного постоял возле столика, с любопытством глядя на это занятие, и двинулся дальше.

Во второй комнате он опять увидел мужчин в черном и нарядных сверкающих дам, только уже других, которые чинно тан-

цевали под музыку. Те, кто не танцевал, выстроились вдоль стен и разглядывали кружащиеся пары.

В третьей комнате был накрыт стол с угощением. Гости ели стоя, хватая пищу руками, и Грибуля удивило, что эти знатные господа так громко чавкают и проливают вино на одежду.

Он бродил по замку до самого рассвета. Гости тоже слонялись по комнатам, толкались, жаловались на духоту и почему-то выглядели не то печальными, не то сердитыми.

Наконец сквозь ставни пробился первый луч солнца, и лакеи распахнули окна. Грибуль, который прикорнул в углу, на маленьком диванчике, заметил — или это ему почудилось? — что в открытые окна вылетели целые тучи шмелей, шершней и ос. Мальчик огляделся: он был один в пыльной, замусоренной комнате. Люстры гасли одна за другой, лакеи в изнеможении засыпали где придется, а те, кто пошустрее, растаскивали остатки угощения. Грибуль выбрался в сад и там, в траве, под деревьями, сладко проспал до утра.

Когда он проснулся, то увидел перед собой высокого толстого господина в черном бархатном костюме. Господин этот был похож на того, которого Грибуль видел на поляне Шмеля. Ни на минуту не усомнившись в том, что это один и тот же человек, Грибуль радостно приветствовал его.

— Доброе утро, господин Шмель,— сказал он.— Вы вчера так быстро исчезли, что я не успел даже поблагодарить вас за вашу доброту!

— Грибуль,— ответил господин тем же хрипловатым голосом, что и накануне, и все так же раскатывая букву «р»,— я рад приветствовать тебя в моем доме, но твои слова меня удивляют, ведь я вижу тебя впервые. Мне доложили, что ты явился сюда поздно вечером. Но сам я в это время был занят, и мы с тобой не встретились.

Грибуль понял, что сказал глупость. Чтобы исправить неловкость, он вежливо спросил у господина Шмеля, не болен ли он?

— Благодарю, я ни на что не жалуюсь,— пророкотал тот,— но почему, собственно говоря, тебя беспокоит мое здоровье?

— Вы вчера давали бал, но я не мог отыскать вас среди гостей,— пролепетал Грибуль.

— Я просто хотел показать соседям, как я богат, но у меня и в мыслях не было почтить этот праздник своим присутствием. Я уже не так молод, чтобы отплясывать вместе с гостями, и вообще балы мне давно наскучили. Давай-ка лучше поговорим о тебе, мой дорогой Грибуль. Ты правильно сделал, что пришел ко мне. Я желаю тебе добра. Итак, скажи, чего бы тебе хотелось больше всего на свете?

Грибуль растерялся.

Он вспомнил, что мать толковала ему о каком-то подарке.

Но ни одна из дорогих вещей, которые он успел увидеть в замке, не приглянулась ему.

К тому же он вообще считал неприличным выпрашивать подарки. Поразмыслив немного, Грибуль сказал:

— Больше всего на свете я бы хотел, чтобы меня любили родители.

— Скажи на милость,— спросил господин Шмель,— отчего же они тебя не любят? По-моему, ты очень славный мальчик.

— Увы, сударь,— ответил Грибуль,— и отец, и мать, и все мои братья и сестры говорят, что я простофиля, что я все делаю наоборот. За это они вечно бранят меня и нещадно колотят.

— В таком случае выход только один: я должен сделать тебя умным!

Грибуль, который уже однажды, во сне, отказался променять доброту на ум, не осмелился на сей раз перечить своему таинственному покровителю.

— А что нужно сделать, чтобы стать умным? — спросил он.

— Нужно изучать науки, мой юный друг. Я мог бы обучить тебя секретам черной магии и искусству вызывать духов.

— Но как же я сумею изучить эти науки, о которых я никогда прежде не слыхал, если родители говорят, что я вообще не способен ничему выучиться?

— Это не так трудно, как кажется,— возразил господин Шмель,— я все беру на себя, но при условии, что ты останешься жить здесь и будешь моим приемным сыном.

Грибуль задумался. В отцовском доме ему жилось несладко, но мысль о том, чтобы поселиться в лесном замке, где шныряют подозрительные лакеи и никто никогда не смеется, наводила на Грибуля уныние и страх.

Он поблагодарил гостеприимного хозяина и сказал, что все-таки будет лучше, если он вернется к родителям.

— Что ж, как угодно,— ответил господин Шмель с недовольным видом.— Я вовсе не собираюсь удерживать тебя силой. Но имей в виду: если ты вернешься домой с пустыми руками, отец устроит тебе такой нагоняй, что ты проклянешь тот час, когда родился на свет. Пойдем со мной, я дам тебе для него кое-что. Это по крайней мере спасет тебя от побоев.

С этими словами хозяин замка повел мальчика в свои кладовые. Золото, жемчуга и бриллианты горами лежали там прямо на полу, так что Грибулю приходилось наступать на них. Господин Шмель предложил ему взять столько золота и драгоценностей, сколько он сможет унести. Желая доставить родителям удовольствие, Грибуль набил карманы золотыми монетами: ни жемчугов, ни бриллиантов он брать не стал, так как принял их за обыкновенные стекляшки.

Господин Шмель проводил его до дверей.

— Если передумаешь,— сказал он мальчику на прощание,— и захочешь вернуться в замок, помни: в моем доме ты всегда желанный гость.

Золото оказалось тяжелым. Грибуль быстро устал, и ему захотелось немного передохнуть. Он решил сделать небольшой крюк и вздремнуть под своим любимым дубом, на поляне Шмеля. Так он и поступил. Но едва Грибуль закрыл глаза, из чащи выбежали его братья и сестры. Все вместе они набросились на Грибуля и до тех пор били и щипали его, пока не отобрали все золото, подаренное господином Шмелем.

Вдруг в ветвях дуба послышался ужасный шум, словно загудели десять тысяч контрабасов разом. И в ту же секунду гигантский рой шмелей налетел на братьев и сестер Грибуля. Те бросились врассыпную, но шмели пустились в погоню. Они преследовали маленьких разбойников до самого дома, пока те не побросали на землю все отнятое у Грибуля золото. А Грибуля шмели не тронули, и он, подобрав по пути монеты, явился домой целым и невредимым.

Пока мать делала компрессы и перевязки своим любимым деткам, которые все еще тряслись от страха и орали, как безумные, отец пересчитывал золотые монеты. На этот раз он похвалил Грибуля, хотя и назвал его тут же лентяем и неженкой за то, что у него не хватило сил притащить золота побольше. Старших детей уложили в постель: лица у них опухли от укусов, и мать долго опасалась, как бы они не остались уродами на всю жизнь.

На следующий день отец с матерью решили еще раз сосчитать монеты, но золото в их руках вдруг растаяло.

Оно превратилось в желтую липкую жидкость, которая оказалась обыкновенным медом, причем весьма скверным. Матери пришлось немало повозиться, чтобы отмыть обеденный стол.

— Этот господин Шмель — негодяй и обманщик! — бушевала она, яростно орудуя тряпкой.— Но он наверняка колдун, и, пожалуй, лучше с ним не ссориться. Мне кажется, он любит мед больше, чем подобает нормальному человеку, и, конечно, неспроста сыграл с нами эту шутку. Не иначе как он хотел нам намекнуть, чтобы мы прислали ему меду.

— Похоже, ты права,— задумчиво проговорил отец.— Давай-ка отправим ему меду из нашего лучшего улья. Он наверняка заплатит за него хорошие деньги.

На следующий день они навьючили на осла бочонок меда и отправили Грибуля в замок. Когда Грибуль проходил мимо смоковницы, из знакомого дупла неожиданно вылетел пчелиный рой. Едва завидев пчел, бедный ослик сбросил на землю бочонок и умчался прочь.

Но пчелы исчезли, и вместо них Грибуль увидел двух красавиц. У старшей на плечах была королевская мантия, а на голове корона, которая так ярко сверкала на солнце, что Грибуль зажмурился. По левую руку от нее стояла грациозная юная девушка. Она что-то тихо говорила королеве, называя ее матушкой. Их сопровождало несметное множество придворных дам, державшихся, однако, на почтительном расстоянии.

— О безрассудный! — воскликнула королева.— Ты дважды заслужил смертную казнь. Мало того, что ты пытался ограбить недавно наш улей. Ты к тому же освободил от заклятья злейшего врага пчел, короля шмелей, и сделался его союзником. Но моя дочь вымолила для тебя прощение. Она надеется, что ты сумеешь оказать нам одну услугу, и теперь мы посмотрим, можно ли на тебя рассчитывать.

— Мне кажется, ваше величество, что это ошибка,— пролепетал Грибуль.— Я не знаю никакого короля шмелей... Впрочем, не смею спорить с вами. Пожалуйста, располагайте мной, как вам будет угодно. Вы так прекрасны, что ради вас и вашей дочери я готов на все.

Слова Грибуля понравились королеве, которая очень любила, когда ее называли красавицей. Она улыбнулась, и голос ее стал ласковым.

— Слушай внимательно, малыш, что я тебе скажу,— молвила она.— Оставь здесь этот несчастный бочонок, отправляйся налегке к королю шмелей и передай ему мои слова, которые, поверь мне, доставят ему гораздо больше удовольствия, чем твой мед. Ты скажешь ему, что королева пчел устала от бесконечной вражды. Я признаю́, что шмели стали в последнее время слишком сильны и многочисленны, и мы, пчелы, наверняка не сможем победить их в открытом бою. Мне известно, что король шмелей собирается вскоре идти на нас войной, чтобы захватить наши богатства. Но мне известно также, что он мечтает жениться на моей дочери, хотя и не надеется получить согласие. Скажи ему, что я готова выдать за него принцессу с условием, что он оставит в покое пчелиные ульи и удовольствуется той долей наших сокровищ, которую моя дочь принесет ему в приданое.

Едва окончив свою речь, королева исчезла, а вместе с ней и принцесса, и все придворные. Оглядевшись вокруг, Грибуль увидел только пчелиный рой, с громким жужжанием носившийся вокруг смоковницы. Мальчик отправился дальше и благополучно добрался до лесного замка.

Грибуль рассказал господину Шмелю все, что случилось с ним по дороге, и осторожно добавил:

— Я знаю, сударь, что вы чрезвычайно ученый человек. Быть может, вам известно, где живет король шмелей? Помогите мне отыскать его, если, конечно, король шмелей — это не вы. Мне

сдается, что вы должны состоять с ним в родстве, но это не мешает мне питать к вам самое глубокое уважение.

— Ну и фантазер же ты! — рассмеялся господин Шмель.— Ладно, забудь свои выдумки и считай, что поручение ты выполнил. Но довольно об этом, дитя мое. Скажи лучше, не надумал ли ты остаться у меня? Тогда тебе не пришлось бы больше дрожать перед своими родителями. За несколько лет ты проник бы в сокровенные тайны вселенной и стал бы самым могущественным человеком на земле.

Грибуль вздохнул и ничего не ответил, а господин Шмель принялся расхаживать взад-вперед по своему кабинету: он вообще не мог долго сидеть или стоять на одном месте.

Грибуль вернулся домой с тяжелым сердцем и рассказал родителям все, что с ним произошло. Ему было страшно признаваться, что он потерял осла и бочонок. Он боялся, что отец не поверит всем тем чудесам, которые с ним приключились, и изобьет его до полусмерти. Но тот только почесал в затылке и сказал жене:

— Похоже, что здесь кроется какое-то колдовство. Этот господин Шмель наверняка волшебник, и, если мы не отдадим ему Грибуля, он разорит нас и погубит наших детей. Я думаю, шмели, которые их искусали, тоже не простые насекомые. Грибуль, разумеется, слишком глуп, чтобы освоить искусство черной магии, но если за дело берется сам господин Шмель, то уж, будьте покойны, он обучит его всему, чему надо. А когда Грибуль станет богачом, пусть только попробует забыть своих бедных родителей.

При этих словах он так грозно посмотрел на Грибуля, что мальчик задрожал от страха.

— Возвращайся сейчас же в замок,— приказал ему отец,— и скажи, что я отдаю тебя господину Шмелю на воспитание. Но не вздумай сбежать от него, не то я так тебя отделаю, что ты своих не узнаешь.

Грибуль ушел из дому в слезах. Деваться ему теперь было некуда, и он медленно побрел к замку господина Шмеля...

Господин Шмель принял Грибуля очень хорошо. Он приказал одеть его в богатое платье, отвел ему прекрасную комнату и приставил к нему трех пажей и учителя.

Так началась жизнь Грибуля в лесном замке, где ему суждено было провести три года. Своего приемного отца он видел мало. Господин Шмель вечно куда-то спешил и торопил всех вокруг. Он проносился мимо Грибуля с видом чрезвычайно занятого человека, бормоча на ходу, что дел у него по горло. Но при этом никто никогда его не видел за каким-нибудь занятием. Когда они с Грибулем встречались за столом, господин Шмель поглаживал

его по щеке, приговаривая: «Учись, учись, дитя мое», и, слопав тарелку меда, уходил к себе в кабинет.

Надо сказать, что господин Шмель питал особое пристрастие к меду, сиропам и варенью и, несмотря на свою прожорливость, ничего другого не ел. У него всегда была липкая борода, и Грибуль никак не мог решиться поцеловать его перед сном.

Господин Шмель жил на широкую ногу. Он быстро богател, но откуда бралось это богатство, никто не знал. Господин Шмель постепенно скупал у старого короля земли и города. В конце концов он купил даже его придворных и армию. Королевская казна пустела с каждым днем, и вскоре король так обнищал, что, если бы не забота нескольких преданных слуг, он бы просто-напросто умер с голоду. Ему по-прежнему кланялись и говорили «ваше величество», но настоящим королем этой страны был теперь господин Шмель, хотя он и не носил короны.

Через некоторое время в замок приехала юная принцесса со своей матерью. Грибуль глазам своим не верил, так похожи они были на принцессу и королеву пчел, с которыми он беседовал когда-то под смоковницей. Однако обе дамы вели себя так, будто никогда прежде с ним не встречались. И Грибуль притворился, что видит их впервые.

Господин Шмель всячески старался угодить своим гостьям, был с ними на редкость любезен и обходителен. Стали поговаривать о свадьбе. И правда, принцесса вскоре обвенчалась с господином Шмелем.

После свадьбы жизнь снова пошла своим чередом. Господин Шмель все так же куда-то торопился, Грибуль учил уроки, а принцесса присматривала за хозяйством. Она была очень ласкова с Грибулем, но он немного ее побаивался. Чем-то все-таки она неуловимо напоминала пчелу, и Грибулю постоянно казалось, что она вот-вот его ужалит. Так же, как и ее супруг, принцесса питалась одними сиропами, вареньем и медом. И с утра до вечера твердила о бережливости, об экономии, о том, что надо знать счет деньгам.

На Грибуля все это наводило тоску, но он не мог не заметить, как богатеют владения господина Шмеля благодаря рвению его молодой жены. Принцесса заставляла всех своих подданных трудиться не покладая рук. Всюду строились города, морские порты, дворцы и театры.

Одного только не мог взять в толк Грибуль: почему в таком богатом, процветающем королевстве столько недовольных и несчастных людей.

Сам Грибуль мог бы считать себя счастливым, потому что господин Шмель ни в чем не отказывал ему, а отец и мать, которые наконец разбогатели, перестали донимать сына и клянчить золото у его покровителя. Но на сердце у Грибуля было тяжело,

он сам не знал отчего. Ему было скучно жить в полном одиночестве. Друзей у него не было, потому что все дети в округе, по примеру своих родителей, завидовали богатству Грибуля. Учился он прилежно, хотя и не тому, чему хотел бы: его заставляли без конца делить, умножать и складывать длиннющие колонки цифр и ничего не рассказывали о жизни зверей и птиц, о свойствах растений. Однажды он попросил у своего приемного отца разрешения учиться рисованию и пению, но тот лишь расхохотался в ответ: как и большинство обитателей королевства, господин Шмель не видел в музыке и рисовании никакого проку. Да и учителей по этим предметам давно уже не осталось: чтобы не умереть с голоду, все они покинули страну.

Господин Шмель постоянно осыпал Грибуля дорогими подарками, но, в сущности, интересовался им не больше, чем первым встречным. Однажды Грибуль решил сообщить ему, что пучеглазый лакей, похожий на паука, таскает все, что плохо лежит. Но господин Шмель, ничуть не удивившись, ответил: «Пускай, пускай! Меня тошнит от честных лакеев!»

Когда Грибулю исполнилось пятнадцать лет, господин Шмель позвал его к себе в кабинет и сказал:

— Милый Грибуль, со временем ты станешь моим наследником. Судьбой определено, что у меня не будет детей от последнего брака. Я знал об этом и потому смело женился, не боясь повредить тебе. Ты будешь очень богат, впрочем, ты богат и сейчас, потому что все, чем я владею, принадлежит и тебе. Но когда меня не станет, тебе придется немало потрудиться и выдержать не одно сражение, чтобы сохранить свое богатство. Семейство моей жены ненавидит меня. Вся ее родня плетет заговоры и строит против меня бесконечные козни. Они ждут лишь удобного момента, чтобы наброситься на мои владения. Мой юный друг, наступило время, когда я должен открыть тебе кое-какие секреты и преподать урок природоведения, которое так тебя интересует. Пойдем со мной!

Господин Шмель приказал кучеру заложить карету, и они отправились вместе с Грибулем на поляну Шмеля. Когда они оказались возле старого дуба, господин Шмель отпустил кучера и, взяв Грибуля за руку, усадил на корни дерева.

— Пробовал ли ты когда-нибудь желуди с этого дуба? — спросил он.

— Да,— ответил Грибуль.— Они сладкие, а все остальные желуди в этом лесу горькие и невкусные. Их разве что свинья станет есть.

— Ну что ж, прекрасно! Раз тебе так нравятся эти желуди, отведай-ка сейчас несколько штук.

Грибуль с удовольствием принялся жевать желуди: они напомнили ему детство. Внезапно на него напала дремота, и ему показалось, что даже господина Шмеля он видит во сне.

Господин Шмель постучал кулаком по дубу. Скрипя, словно старые ворота, кора расступилась, и Грибуль увидел в дупле пчелиный рой и золотистые соты. Каждая пчелка сидела в отдельной келье, и все они, по-видимому, чувствовали себя очень уютно. Они работали и напевали тоненькими голосами:

Копим, жалим, бережем, бережем;
Жалим, копим, стережем, стережем.

Но внезапно раздался властный голос, заставивший их замолчать:

Тише,
Тише!
Близко враг,
Близко враг!

Господин Шмель принялся громко жужжать и карабкаться вверх по стволу дуба. Грибуль с ужасом увидел, что у этого почтенного господина появились огромные крылья, а взгляд сделался свирепым и алчным. Господин Шмель испустил воинственный клич, словно протрубил охотничий рог. Сейчас же невесть откуда налетели тысячи шмелей и черной тучей заслонили солнце. Постепенно они начали снижаться и предстали перед взором Грибуля в виде страшного войска. Пчелы выступили им навстречу, и завязалась битва, в которой каждый старался пронзить врага своим жалом, растоптать, убить, уничтожить. Мед ручьями вытекал из разрушенных сот, превращаясь в вязкую лаву, в которой тонули солдаты обеих армий...

Сражение закончилось победой шмелей. Победители набросились на мед и принялись с такой жадностью пожирать его, что у многих разболелись животы. Когда господину Шмелю принесли на серебряном блюде ключи от улья, он разразился отвратительным злобным хохотом и, схватив Грибуля за шиворот, закричал ему прямо в ухо:

— Ну что же ты стоишь, трусишка! Хватай что можешь, ведь это ради тебя я устроил побоище, теперь ты знаешь, как в этом мире добывается богатство! Хватай, ешь, грабь! Ну, давай же!

И он втолкнул потрясенного Грибуля в разрушенный улей. Грибуль начал отбиваться, рванулся прочь из дупла и упал вниз. Он рухнул в огромный муравейник, столицу муравьиного царства, жители которого тоже не прочь были поживиться за счет побежденных и тащили из разграбленного улья все, что могли. Они сначала не поняли, что это такое свалилось на крыши их домов,

но раздумывать долго не стали. Грибуля тотчас же принялись кусать и рвать на части. Он закричал от боли и — проснулся!

Открыв глаза, он увидел самую обыкновенную картину: дуб закрылся, муравьи исчезли, пчелы перепархивали с цветка на цветок, несколько шмелей пили из листьев капельки росы.

Господин Шмель, спокойный как обычно, смотрел на Грибуля и посмеивался:

— Ну и соня! Так-то ты слушаешь свой первый урок! Я рассказываю, а он, видите ли, изволит спать!

— Извините, пожалуйста,— пробормотал Грибуль, все еще насмерть перепуганный.— Я сполна наказан за свое невнимание, потому что сон мне приснился чудовищный!

— Ну, полно, полно,— возразил господин Шмель,— ты уже взрослый, пора привыкать ко всему. Но на чем же мы с тобой остановились?

— Право, сударь, я уже не помню. Кажется, вы советовали хватать, грабить или что-то в этом роде.

— Да, да,— подхватил господин Шмель,— я как раз объяснял тебе законы жизни насекомых. Так вот, пчелы день-деньской трудятся, делают бесконечные запасы. Они очень искусны, трудолюбивы, богаты и скупы. А шмели работать не любят. Зато у них есть другой талант, ничуть не хуже пчелиного: они умеют брать! Муравьи тоже не дураки, они наполняют свои кладовые тем, что им удается награбить во время чужих войн. Итак, ты видишь, что в этом мире можно быть либо грабителем, либо ограбленным. Выбирай, что тебе больше по вкусу: быть трудолюбивым и глупым, как пчелы, алчным и мелочным, как муравьи, или дерзким и беспощадным, как шмели? По-моему, самое надежное — это смотреть, как другие работают, а потом брать. Брать, брать, мой мальчик! Силой или ловкостью. Это единственный способ быть всегда счастливым. Ведь бережливые труженики на свете не переводятся, и всегда есть возможность поживиться за их счет. Теперь ты должен решить: если ты захочешь стать шмелем, то я сделаю тебя волшебником, как и я сам.

— А когда я стану волшебником, что со мной будет дальше?

— Ты научишься брать,— ответил господин Шмель.

— А что нужно сделать, чтобы стать волшебником?

— Нужно дать клятву, что ты навсегда забудешь о жалости, и о том странном и редком свойстве человеческого характера, которое называют честностью.

— Неужели все волшебники дают такую клятву? — спросил Грибуль.

— Нет, не все. Есть и такие, которые дают клятву любить и защищать все живое. Но это просто глупцы, которые из тщеславия принимают имя добрых духов и не имеют никакой власти на земле. Они живут в цветах, в ручьях, в скалах, а чаще всего

в пустынях. Люди не повинуются им и даже не подозревают об их существовании. Это жалкие болтуны, которые питаются только воздухом и росой, и головы их так же пусты, как и желудки.

— Что ж, сударь,— ответил Грибуль,— вам, видно, не удалось сделать меня умным, потому что добрые духи нравятся мне гораздо больше, чем вы. Я вовсе не хочу учиться грабить. Благодарю вас за то добро, которое вы мне сделали, и желаю вам всего наилучшего! Отпустите меня теперь к моим родителям.

— Ты действительно самый настоящий простофиля! — воскликнул господин Шмель.— Все ты делаешь наоборот! Тебе привалило такое счастье, а ты отказываешься! Так знай же, что твои родители просто шмели, забывшие о своем происхождении. Но они сохранили все замашки и обычаи этой породы. Всю жизнь они били тебя за то, что ты не умел воровать, а теперь они просто убьют тебя за то, что ты ничему у меня не научился.

— Что ж,— ответил Грибуль с горечью,— тогда я отправлюсь в те пустыни, где, по вашим словам, обитают добрые духи.

— Ну уж нет, друг мой, никуда ты отсюда не отправишься! — взревел господин Шмель, выкатив свои горящие глазищи.— У меня есть свои причины, чтобы не отпускать тебя. И раз ты не желаешь мне повиноваться, я сейчас так тебя искусаю, что ты умрешь!

С этими словами его покровитель принял облик огромного шмеля и, взмахнув крыльями, бросился на мальчика.

Грибуль пустился бежать со всех ног, но шмель не отставал. Какое-то время мальчику удавалось отгонять его шляпой, но вдруг шмель на глазах начал раздуваться и расти. Через минуту он сделался больше шляпы, больше самого Грибуля и уже готов был вонзить свое ядовитое жало ему в сердце, как вдруг Грибуль воскликнул:

— Спасите меня, добрые духи!

В ту же секунду из прибрежных трав выпорхнула красивая стрекоза с голубыми крылышками. Подлетев к Грибулю она проговорила человеческим голосом:

— Следуй за мной и ничего не бойся!

Стрекоза полетела вперед. И в это мгновение хлынул ужасный ливень. Стена воды заслонила Грибуля от его преследователя.

— Прыгай в ручей! Скорее! — приказала стрекоза.

Грибуль, который не умел плавать и боялся воды, на мгновение застыл у берега: от дождя знакомый ручей в один миг превратился в бурную реку.

— Прыгай или ты погиб! — крикнула стрекоза.

«Здесь смерть и там смерть,— промелькнуло в голове у Грибуля,— но лучше уж утонуть в реке, чем погибнуть от жала этого чудовища».

И Грибуль бросился в воду.

Стремительный поток подхватил его. О чудо! Грибуль вовсе не пошел ко дну и не захлебнулся. Ему казалось, что чьи-то руки поддерживают его и оберегают от острых камней и водоворотов. А перед ним летела стрекоза, указывая путь.

Однако шмель вовсе не намерен был так легко отступиться от добычи. Он продолжал преследовать Грибуля, испуская хриплый рев, похожий на рычание раненого льва. Он уже почти настиг свою жертву, и Грибуль, забыв о том, что может утонуть, с головой ушел под воду. К счастью, крылья шмеля отяжелели от дождя, и сильные струи все ниже и ниже прибивали его к воде, пока наконец огромная волна не накрыла его. Клокоча от бессильной злобы, побежденный шмель вновь принял человеческий облик и кое-как добрался до берега. Долго еще грозил он вслед Грибулю, пока тот не скрылся за пеленой дождя.

Теперь Грибуль почувствовал себя намного увереннее. Стрекозе, очевидно, дождь был не страшен: она по-прежнему летела впереди, легко взмахивая крылышками. Грибуль изо всех сил старался поспеть за ней: потеряй он ее из виду, мальчик тут же угодил бы в какой-нибудь водоворот. Грибуль с удивлением обнаружил, что, барахтаясь в воде, незаметно для себя самого научился плавать.

Он огляделся вокруг и внезапно узнал родные места. Здесь, на берегу ручья, он жил когда-то с отцом и матерью, но вместо маленького домика на знакомой поляне стоял теперь новый каменный дом, обнесенный оградой, а из окон выглядывали его братья и сестры в бархатных курточках и кружевных платьях. Грибуль хотел было вылезти из воды, чтобы повидать своих родителей, и уже схватился за ветку ивы, но в это время услышал над собой голос стрекозы:

— Следуй за мной, Грибуль! Иначе ты пропал!

Грибуль не осмелился спорить со своей спасительницей. Он выпустил ветку и поплыл дальше. Увидев, что вода увлекает Грибуля за собой, словно щепку, братья и сестры принялись насмехаться над ним и хохотать во все горло.

— Наш простофиля Грибуль ничуть не поумнел! — кричали они. — Он же любит все делать наоборот: смеется, когда ему больно, и поет, когда ему страшно! Вот и теперь: льет дождь, а он в ручье отсиживается. Ну и глупец! Боясь промокнуть, он бросился в воду.

Конец первой части

ЧАСТЬ II

О том, как Грибуль, боясь сгореть, бросился в огонь

ТАК, Грибуль плыл и плыл, пока не почувствовал сильный голод и усталость. Он огляделся. Кругом, насколько хватало глаз, была вода. Он и не заметил, как его вынесло в открытое море. Голубая стрекоза исчезла. Но это было еще не самое страшное. С ужасом Грибуль обнаружил, что все его тело покрыто древесной корой. Он хотел ощупать себя, но не смог, так как вместо рук и ног у него теперь были мокрые дубовые листья. Во рту он чувствовал сладковатый желудевый вкус.

Грибуль очень испугался. Он понял, что за время своего плавания превратился в дубовую ветку с большим желудем вместо головы и морские волны несут его неизвестно куда. Вскоре, однако, Грибуль успокоился. Ведь в этом обличье ему грозило гораздо меньше опасностей, чем если бы он оставался мальчиком. Хищные рыбы обнюхивали его и брезгливо отворачивались. Морские птицы принимали его издали за рыбешку и камнем падали вниз, но, увидев плывущую ветку, улетали. Такое блюдо было им явно не по вкусу. Наконец появился огромный орел. Он осторожно взял Грибуля в клюв и взмыл в небо.

Грибулю стало жутко, когда он увидел, как высоко они поднялись. Через некоторое время, однако, он освоился в воздухе и чувствовал бы себя в полете вполне сносно, если бы знал, что собирается с ним сделать орел. Поразмыслив, Грибуль решил: есть его орел не станет. Ведь дубовые ветки несъедобны, если не считать желудя, который теперь заменял ему голову. Но орел не свинья и желудей не ест. Скорее всего орел подобрал его, чтобы

заткнуть какую-нибудь щель в своем гнезде. А гнезда орлы чаще всего вьют высоко на скалах. Они не могут жить в открытом море. Значит, близко должен быть берег.

Догадка Грибуля подтвердилась. Через некоторое время он действительно заметил впереди каменистый остров, совсем небольшой и, судя по всему, необитаемый. За грядой прибрежных скал он не увидел ни людей, ни построек: посреди острова расстилалась безлюдная зеленая долина. Повсюду тянулись к солнцу прекрасные цветы и наполняли воздух благоуханием.

Орел бросил Грибуля в гнездо и улетел. Оставшись один, Грибуль попробовал выбраться на волю, но не тут-то было. Выяснилось, что он не только не в состоянии передвигаться без посторонней помощи, но даже не может пошевелить ни одним из своих листьев.

«Когда я был в море,— сказал себе Грибуль,— меня несли волны. А что со мной будет теперь? Листья через несколько дней засохнут и увянут, и останется от меня только прутик в орлином гнезде!»

Грибуль чуть не заплакал, но потом вспомнил, что его взяли под защиту добрые духи. Они спасли его от ядовитых укусов шмеля и превратили в дубовую ветку, чтобы уберечь от прожорливых рыб и птиц. Не затем же голубая стрекоза заставила его столько проплыть, чтобы дать ему засохнуть в орлином гнезде. Он подумал о том, как хорошо было бы снова увидеть сейчас голубую стрекозу, но не мог ни позвать ее, ни отправиться на поиски.

Но вот подул ветерок, сначала слабо, потом все сильнее и сильнее. Порыв ветра выхватил Грибуля из гнезда, закружил, завертел и понес куда-то. Через несколько минут ветер плавно опустил его на землю посреди зеленой долины.

Едва Грибуль приземлился, как вокруг него заволновались цветы и травы. Их было тут великое множество: и летние, и весенние, и осенние, и полевые, и садовые,— и все они росли вперемежку на этом чудесном острове. Красивый белый нарцисс, возле которого упал Грибуль, заговорил с ним человеческим голосом:

— Здравствуй, Грибуль! Все мы очень рады видеть тебя на нашем острове. Ведь мы уже давно тебя поджидаем.

Грибуль хотел было ответить нарциссу, но вспомнил: языка-то у него нет, говорить он не может. Грибуль растерялся. Что теперь подумают о нем хозяева острова? Но, по-видимому, за невежу его никто не принял. Все цветы приветливо кивали ему, а ромашка наклонилась на своем стебельке и сказала:

— То-то мы повеселимся теперь! Я думаю, что в честь Грибуля надо устроить бал!

— Терпение!—возразил нарцисс.—Какой может быть бал, когда царица еще не вернула Грибулю человеческий облик?

— Верно, верно,—согласились все вокруг.—Пусть Грибуль пока немного отдохнет с дороги. Надо только позаботиться, чтобы ветер опять не унес его куда-нибудь.

И сейчас же ландыши, колокольчики, фиалки опутали Грибуля своими стеблями, да так крепко, что ни один самый жестокий ветер не смог бы теперь его унести. Грибуль незаметно уснул и спал очень долго, пока его не разбудили громкие голоса.

Открыв глаза, он увидел, что цветы раскачиваются из стороны в сторону и шумно приветствуют кого-то. Грибуль огляделся и заметил прелестный ароматный цветок—таволгу, иначе называемую царицей лугов. Все приветствия были явно обращены к ней, и она принимала их, как и подобает царице. Затем она повернулась к Грибулю.

— Мой дорогой друг,—сказала она,—встань и подойди ко мне!

Каково же было изумление Грибуля, когда он узнал голос своей спасительницы, голубой стрекозы, избавившей его от смертельных укусов коварного шмеля! Он тотчас почувствовал, как вместо дубовых листьев у него появляются руки и ноги и он снова может говорить. Грибуль медленно поднялся и, шатаясь, словно разучился ходить, приблизился к цветку таволги. Но цветок начал вдруг расти и на глазах превратился в юную фею, прелестную, как день, и свежую, как месяц-май. Голову феи украшал венок из трав и цветов. Венок этот, сплетаясь с ее белокурыми волосами, казался намного прекраснее, чем любая королевская корона.

— Царица,—воскликнул Грибуль,—я узнал тебя по голосу! Это ты прилетела ко мне в образе голубой стрекозы и спасла мне жизнь. Спасибо тебе!

— Ты добрый мальчик, Грибуль,—промолвила фея.—А тому, кто добр и помочь приятно. А теперь,—обратилась она к остальным,—пусть Грибуль увидит, какие вы есть на самом деле!

И сейчас же травы, цветы и кустарники превратились в очаровательных девушек, стройных юношей и благородных старцев.

— Сегодня у нас праздник,—сказала царица Грибулю.—Он продлится один день и одну ночь. В честь твоего прибытия на остров все будут петь и веселиться до восхода солнца. Иди же, Грибуль, веселись вместе со всеми, но помни, что ты должен воспользоваться отпущенным тебе временем, чтобы обучиться науке волшебства.

— Благодарю тебя, царица!—ответил Грибуль.—Но кто же будет моим учителем?

— Все,— ответила царица.— Каждый из моих подданных знает то, что известно мне. А теперь иди к ним. Они полюбили тебя, не надо их огорчать.

Грибуль не стал задумываться над тем, почему все эти существа полюбили его, несчастного чужеземца, прибывшего к ним из страны злых и жестоких людей.

Он впервые почувствовал, как хорошо находиться среди друзей, и сейчас же забыл обо всех своих злоключениях.

Праздник был замечательный. Светило солнце, и обитатели острова водили хороводы под открытым небом. В середине дня над островом прогремела гроза. Но даже она не могла испортить веселье. Все забрались в гроты, чтобы посмотреть оттуда на яростное море и послушать удивительные и грозные песни ветра.

Ночью, при свете тысяч светлячков, веселье продолжалось. Грибуль даже не заметил, как забрезжил рассвет. И когда царица, взяв его за руку, сказала, что празднество близится к концу, он был очень удивлен. Царица повела его на высокий холм, и оттуда они оба смотрели, как в первых лучах солнца танцует и веселится этот беззаботный и добрый народ. Впервые за все это время Грибулю стало грустно, и он воскликнул:

— Дорогая царица, неужели я должен покинуть моих новых друзей, снова стать веткой дуба и уплыть в страну, где царствуют шмели? Неужели я должен расстаться с тобой навсегда?

— Не бойся... Я не оставлю тебя,— сказала в ответ царица,— и, если ты пожелаешь, ты можешь навсегда поселиться на острове. Но прежде чем ты скажешь «да», выслушай, что я хочу тебе рассказать. Время на нашем острове летит очень быстро. Пока мы здесь веселились, пели и танцевали, там, у людей, сменялись времена года, умирали старики и рождались дети. Твои ровесники давным-давно стали взрослыми, а молодые побеги возле дома твоего отца превратились в могучие деревья. Много лет минуло с тех пор, как ты покинул свою страну. Теперь никто не называет ее иначе, как королевство шмелей: ведь господин Шмель, твой бывший покровитель, стал там королем.

Долго говорила царица лугов.

За всю жизнь ни одну сказку Грибуль не слушал так внимательно.

Оказывается, король шмелей, или господин Шмель, как он себя называл, был могущественным и злым волшебниковм. Он жил на земле уже много сотен лет. Когда-то давно он правил одним несчастным королевством и до такой степени измучил и разорил своих подданных, что повелительница фей и волшебников задумала наказать его. Она превратила его на четыреста лет в обыкновенного шмеля. Когда родился Грибуль, шел триста

восемьдесят восьмой год его наказания, и злополучный шмель надеялся вскоре вновь обрести свой обычный облик.

Однако все произошло не совсем так, как он предполагал. В тот самый час, когда Грибуль появился на свет, царица лугов пролетала возле дома его отца в образе голубой стрекозы. Она вынуждена принимать это обличье всякий раз, когда опасается встречи со своими недругами. Увидев новорожденного мальчика, фея решила взять его под свое покровительство и одарить добротой. Пролетая над колыбелью, она коснулась ребенка крылом, произнесла волшебные слова и улетела.

Спустя некоторое время она явилась во дворец повелительницы фей. Представ перед ее троном, она попросила разрешения сделать Грибуля счастливым. Та согласилась. Но тут неожиданно прилетел король шмелей и, узнав обо всем, страшно разгневался. Он заявил, что срок его наказания скоро истекает и эта страна обещана ему. Только он может владеть ею и ее обитателями, и никто, кроме него самого, не смеет распоряжаться судьбой его будущих подданных.

Услышав злобные речи короля шмелей, повелительница фей решила защитить маленького Грибуля. «Никто не властен отменить волшебные слова и отнять у ребенка дар, которым фея наделила его в колыбели,— промолвила она.— И потому Грибуль останется навсегда кротким и добрым. А король шмелей до тех пор не освободится от чар, пока сам Грибуль не придет ему на помощь. За это король шмелей должен сделать Грибуля счастливым. Но если Грибуль будет несчастлив и пожелает покинуть его, я дам позволение покровительнице Грибуля, царице лугов, взять мальчика под свою защиту. И когда Грибуль вернется, чтобы отплатить королю шмелей за его неблагодарность, начнется война не на жизнь, а на смерть, и даже я сама еще не знаю, кто выйдет из нее победителем».

— Так вот почему господин Шмель не хотел отпускать меня!— воскликнул Грибуль, выслушав рассказ феи.— Но скажи, царица, как же я помог королю шмелей?

— Ты произнес заветные слова: «Лети и радуйся!» Вспомни, это было в лесу, под старым дубом. Большущий шмель ужалил тебя, а ты не убил его, а отпустил.

— Очень хорошо помню,— ответил Грибуль.

— Вот тогда-то, сам того не подозревая, ты и освободил его. И вскоре он предстал перед тобой уже в обличье человека.

— Да, да! Весь в черном, с черными глазищами. Я еще думал, что это мне приснилось. Тогда же он и предложил стать моим покровителем.

— Да,— ответила фея.— И когда он добился от тебя согласия поселиться в его замке, он успокоился, решив, что отныне ты на-

всегда в его власти. Это и неудивительно, ведь король шмелей искренне верил, что богатство всесильно и что ни один человек, и ты в том числе, не может устоять против блеска золота. С помощью золота он добился того, что королевство с виду начало процветать. Однако ты знаешь: люди не стали от этого счастливее. Они грабят, разоряют, ненавидят друг друга. Король шмелей заставил жителей твоей страны забыть ту науку, которую знаешь теперь только ты один.

— Но что это за наука, царица? Я привык к тому, что с рождения меня все считают дурачком. У короля шмелей я учился три года, но так и не изучил науку волшебства. А здесь я только и делал, что развлекался, и никаким волшебником стать не успел. Прости меня, теперь ты видишь, что я действительно самый настоящий простофиля!

— Грибуль,— возразила фея,— ты напрасно просишь прощения. Спроси свое сердце, разве оно не владеет самым чудесным секретом, который дарован людям?

Грибуль задумался.

— Единственное, чему я здесь научился,— промолвил он наконец,— это любить от всего сердца своих друзей. И еще я узнал, как хорошо, когда любят тебя. Вот и все.

— Есть ли на свете что-нибудь более прекрасное?— воскликнула фея.— Ты знаешь то, о чем давным-давно позабыли люди твоей страны. Поэтому ты волшебник, Грибуль, ты более мудр, чем все ученые королевства шмелей.

— Так, значит,— спросил Грибуль,— я владею наукой, которая может избавить жителей моей страны от несчастий?

— Разумеется,— ответила царица лугов,— но стоит ли тебе возвращаться туда? Оставайся здесь, на Острове Цветов, и предоставь людям самим избавляться от своих бед.

Услышав слова феи, Грибуль подумал:

«Если я соглашусь, царица лугов перестанет уважать меня. Да я и сам не смогу себя уважать».

— Нет,— сказал он,— я рад бы остаться здесь навсегда, но я не могу. Раз я владею самой прекрасной тайной на свете, я должен поделиться ею с другими людьми.

Царица обняла Грибуля и, тяжело вздохнув, сказала:

— Что ж, иди, Грибуль! Но ты должен знать, что у тебя там не осталось никого из близких. Родители твои умерли, братья и сестры разбрелись по белу свету. Из всех жителей королевства только король не забыл тебя и со страхом ждет твоего возвращения. Он ведь отлично помнит слова повелительницы фей. Ты покинул его, и я взяла тебя под свою защиту. Теперь ты решил вернуться, чтобы избавить страну от его владычества. Но знай: я не могу дать тебе ни волшебной палочки, ни шапки-невидимки.

Потому что в Книге фей записано: если человек пожелает вступить в борьбу со злыми духами, он должен не задумываясь пожертвовать своей жизнью. Я могу лишь помочь тебе сделать людей добрее. Нарви на острове столько цветов, сколько сможешь унести. Вдохнув их аромат, даже самый жестокий человек станет добрее и разумнее. Остальное ты сделаешь сам. Только помни: над королем шмелей и его семейством эти цветы не имеют власти.

Грибуль спустился в долину и нарвал большой букет цветов. Праздник кончился. Все обитатели острова исчезли. Но каждый раз, когда Грибуль наклонялся над цветком, ему слышался тоненький голосок, который говорил:

— Бери, бери, Грибуль, бери мои листья и цветы. Пусть они принесут тебе удачу. И возвращайся скорее!

У берега его ждала царица лугов. Она держала в руках розу, и, когда Грибуль приблизился, она оторвала от розы лепесток и бросила в воду.

— Вот твоя лодка,— промолвила фея.— Желаю тебе счастливого плавания!

Грибуль прыгнул на лепесток, который оказался достаточно широким и прочным, чтобы выдержать его вес. Он в последний раз помахал царице рукой, и меньше чем за два часа ветер домчал его до родных берегов.

Толпа моряков высыпала на пристань, чтобы поглазеть на странного мальчика, который путешествует по морю без весел и парусов. Казалось, он сошел с картинки из какой-нибудь книжки по истории. Его одежда и прическа были такими, какие носили в этой стране много-много лет назад, хотя самому Грибулю по-прежнему было пятнадцать.

Однако внимание зевак привлек не столько сам Грибуль, сколько его лодка. Разинув рты, они уставились на розовый лепесток, который по устойчивости и надежности мог бы поспорить с океанским кораблем.

— Вот так чудо! — кричали они.— Это, наверно, какое-нибудь новое изобретение!

Моряки наперебой предлагали Грибулю деньги, надеясь дешево купить у него заморскую диковинку. Они толкались, ссорились, угрожали друг другу. Каждый хотел, чтобы лепесток достался именно ему.

— Я свою лодку не продаю,— сказал им Грибуль.— Но если она вам так нравится, то я готов вам ее подарить.

Едва он это вымолвил, как моряки набросились на лепесток, отпихивая друг друга руками и ногами. А тех, кто был послабее, даже сталкивали в море. Однако лепесток, как и все цветы с острова, обладал волшебной силой. Тот, кто прикасался к нему

и вдыхал его запах, сейчас же переставал кричать и успокаивался. Постепенно один за другим моряки утихли и, немного поразмыслив, решили, что будут владеть чудесной лодкой все вместе, сообща. Они поблагодарили Грибуля за щедрый подарок и пригласили его отобедать с ними и рассказать о тех краях, откуда он прибыл. Грибуль согласился и отправился с моряками в ближайшую таверну.

По дороге за Грибулем увязались любопытные. Они указывали пальцем на одежду Грибуля, хихикали, улюлюкали. Кто-то даже кричал, что мальчишку надо посадить в клетку и за деньги показывать на ярмарке вместе с его лодкой. Таверну, куда моряки привели Грибуля, окружили во всех сторон. Положение становилось опасным, и новые друзья Грибуля уговаривали его бежать через черный ход и хорошенько спрятаться.

— Ты не знаешь этих людей,— говорили они.— Они просто растерзают тебя, если ты не скроешься.

— Лучше я выйду к ним сам и попробую их утихомирить,— сказал Грибуль.

— Боже мой! — воскликнула старая служанка, подавая Грибулю обед.— Да ты, я вижу, вроде нашего Грибуля. Когда-то, испугавшись дождя, он бросился в реку. Говорят, он был не старше тебя и вот пропал ни за грош! Наш король объявил тогда траур, ведь это был его единственный наследник! Не знаю, как тебя зовут, мальчик, но мне так и хочется назвать тебя Грибулем, очень уж ты на него похож.

Грибуль улыбнулся. Он ничего не ответил, встал из-за стола и настежь распахнул дверь.

Грибуль вышел прямо в гущу толпы, держа перед собой чудесный букет. Не давая людям опомниться, он протягивал букет цветов каждому, кто хотел наброситься на него. Вдохнув аромат волшебных цветов, крикуны успокаивались и начинали защищать Грибуля. Вскоре никто уже и не помышлял о том, чтобы посадить его в клетку. Все с интересом разглядывали мальчика и дружелюбно спрашивали, кто он, откуда и почему путешествует в розовом лепестке.

В таверне, на удивление старой служанке, был устроен настоящий пир в честь Грибуля. Его усадили во главе стола, и он начал рассказывать. Он поведал, что приплыл с чудесного острова, куда может отправиться всякий, у кого доброе сердце и веселый нрав. Он рассказывал, как счастливы обитатели этого острова, какая там царит свобода и как хорошо жить среди друзей, не ссориться и ничего не жалеть друг для друга.

Поначалу его слушали со смехом и называли фантазером, потому что подданные короля шмелей были очень недоверчивы: им все время казалось, что их хотят обмануть. Особенно неправ-

доподобным показалось им, что на острове нет ни бедных, ни богатых и никто никого не обижает. Они кричали: «Это выдумки! Такого не бывает!», но постепенно затихли и стали слушать внимательно. Им нравилось, что Грибуль говорит с ними просто и по-дружески — ведь они давно отвыкли от этого,— нравились его песни и сказки, которым он научился на острове.

Слух о Грибуле очень быстро разнесся по всей стране. Его приглашали в гости и богачи, и бедняки. Грибуля называли великим поэтом и сказочником или выдающимся ученым, сведущим в науке колдовства. Люди слушали его затаив дыхание и чувствовали, как с каждым словом этого мальчика в них просыпаются давно забытые чувства: доброта, жалость, любовь друг к другу.

Никто не подозревал, что это и есть тот самый Грибуль, который некогда был воспитанником их короля, а потом, как они считали, утонул в реке, спасаясь от дождя. Однако с легкой руки старой служанки все, не сговариваясь, стали называеть его Грибулем. Грибуль только посмеивался. Он не мог им сказать, что вовсе не дождь заставил его тогда прыгнуть в воду.

До поры до времени он не хотел навлекать на себя гнев короля.

Король тоже прослышал о Грибуле и о его чудесах.

Грибуль к тому времени успел обойти десяток городов, и многие жители королевства уже поговаривали о том, что счастье не в богатстве, а в доброте. Некоторые богачи даже раздавали свои сокровища бедным.

Все это чрезвычайно беспокоило короля шмелей. Он-то давно догадался, что этот мальчик и есть прежний Грибуль. С тех пор, как Грибуль ускользнул от него, король не знал ни минуты покоя. Поэтому он решил заманить мальчика во дворец и любой ценой удержать при себе, даже если для этого потребуется заточить его в башню.

Король послал к Грибулю своих самых знатных придворных, чтобы пригласить его ко двору. Грибуль приглашение принял и отправился в столицу. Она называлась теперь Шмель-город. Новые друзья Грибуля уговаривали его быть осторожным, советовали не ездить туда. Они подозревали, что за приглашением короля кроется какая-то хитрость. Но Грибуль ничего не боялся. Он отвечал друзьям: в столице тоже живут несчастные люди, и им необходимо помочь.

Король принял Грибуля с почетом и сделал вид, будто не узнает его.

— Здравствуй, чужеземец,— приветствовал король Грибуля.— Говорят, ты великий сказочник. Не согласишься ли ты пого-

стить в моем дворце? Мне было бы интересно услышать твои песни и сказки.

— Благодарю вас, ваше величество,— ответил Грибуль.— Я с удовольствием погощу в вашей столице. Однако надолго остаться здесь не смогу. Меня ждут в других городах.

«Так я тебя и отпустил!» — подумал король шмелей, но не сказал ничего и велел слугам проводить гостя в его покои.

Так снова зажил Грибуль в замке короля шмелей. Целые дни он проводил в городе, бродил по улицам и рассказывал людям о чудесном острове. Желающих послушать находилось немало.

Жители столицы толпами ходили за Грибулем, отказывались выполнять королевские приказы и перестали бояться стражников.

Однажды до короля дошли слухи, что кое-кто мечтает свергнуть его и посадить на трон Грибуля. Король пришел в ярость.

Но силой Грибуля ему было не одолеть, и король пустился на хитрость.

Как-то вечером он вызвал Грибуля в свой кабинет и сказал ласковым голосом:

— Мой милый Грибуль, говорят, у тебя есть волшебные цветы, они будто бы никогда не вянут и к тому же обладают особым запахом: стоит человеку вдохнуть его и он становится добрее. Я слышал еще, что эти цветы излечивают многие болезни. У меня сегодня ужасно разболелась голова. Не дашь ли ты понюхать твой букет? Может быть, мне станет легче?

Грибуль забыл, что цветы не имеют власти над королем шмелей, хотя фея и предупреждала его об этом. Он достал драгоценный букет и протянул его королю. Король выхватил у него цветы и в ту же секунду вонзил свое жало в самую прекрасную розу. Раздался пронзительный крик. Грибуль рванул букет из рук короля, но от волнения уронил его на пол.

А король только того и ждал! Он вскочил и, злобно хохоча, принялся топтать букет ногами. Цветы сразу завяли и потеряли свой аромат.

— Вот так-то, господин добряк!— закричал король.— Мне давно известно, что ты своими песнями и небылицами баламутишь народ, чтобы занять мой трон. Теперь мы увидим, кто из нас сильнее! Довольно я терпел твои козни!

— Вы прекрасно знаете, ваше величество,— ответил опечаленный Грибуль,— что мне вовсе ни к чему королевская корона. Я только хотел научить людей доброте, а доброта никак не может угрожать вашему царствованию. И если бы вы первый подали людям пример, они полюбили бы вас и никогда не пожелали бы иметь другого короля.

— Ладно, ладно! Не тебе меня учить! Будешь теперь рассказывать свои сказки паукам да крысам. Я отправлю тебя в такое место, где твой язык будет под надежной охраной!

С этими словами король кликнул стражников. У Грибуля больше не было волшебного букета, и стражники связали его.

Они бросили Грибуля в подземелье, где днем и ночью стояла кромешная тьма.

Когда глаза Грибуля привыкли к темноте, он заметил, что вокруг него кишмя кишат крысы, жабы, летучие мыши и прочие мерзкие твари. Грибулю сделалось страшно, но виду он не подал и принялся тихо напевать грустную песенку.

Крысы и жабы обступили его и стали слушать. Вдруг одна крыса отбежала в сторонку, юркнула в какую-то щель и исчезла.

Скоро она возвратилась и положила перед Грибулем кусочек сыра и немного хлеба. Грибуль поблагодарил крысу, и с тех пор они стали друзьями. Крысы и летучие мыши кормили мальчика, чем могли, а он целый день пел им свои песни.

Тем временем слух об исчезновении Грибуля разнесся по всему королевству. Король объявил, что Грибуль отправлен послом в соседнее государство. Но вскоре крысы и летучие мыши, новые друзья Грибуля, разнесли повсюду весть, что Грибуль в тюрьме. Люди злые — а их немало оставалось в этой стране — говорили: король поступил правильно, давно следовало бы заточить в подземелье не только самого Грибуля, но и всех тех, кто по его наущению не хочет подчиняться королю.

Королевская гвардия безжалостно расправлялась со сторонниками Грибуля. Всюду теперь стояли виселицы и горели костры.

Из своей темницы Грибуль слышал стоны обреченных, звон оружия и воинственные кличи. А тюремщики говорили ему:

— Это твоя работа, Грибуль! Ты утверждал, что учишь людей, как быть счастливыми. Полюбуйся же теперь на их «счастье»!

День-деньской шагал Грибуль из угла в угол по своей темнице, не зная, что предпринять. О бегстве нечего было и думать.

По приказу короля стражники охраняли подземелье день и ночь. И вот однажды вечером, когда он лежал без сна, ему пришла в голову мысль позвать на помощь свою покровительницу: однажды она уже выручила его из беды.

— Помоги мне, царица лугов! — воскликнул Грибуль. — Приди на помощь этой стране. Если я по ошибке сделал зло, исправь его, ты ведь волшебница, ты все можешь!

Не успел он это произнести, как в лунном луче, пробивавшемся сквозь узенькую щель между камнями, что-то зашевели-

лось. Вглядевшись внимательнее, Грибуль увидел голубую стрекозу и радостно бросился ей навстречу.

— Грибуль,— грустно проговорила она,— напрасно ты думаешь, что волшебники все могут. Не в моей власти помочь твоей несчастной стране. Это можешь сделать только ты, ты один, но условие, которые ты должен выполнить, такое страшное, что я даже не в силах выговорить его.

— Говори, царица,— воскликнул Грибуль,— я готов на все!

— Даже на смерть?— спросила фея.

— Даже на смерть,— твердо произнес он.

— Ну, если так, то завтра же я объявлю войну королю шмелей. Но знай: когда мое войско подойдет к столице, ты погибнешь одним из первых. Ты не увидишь перед смертью даже нашей победы. Чувствуешь ли ты в себе достаточно мужества для этого?

— Да, царица,— ответил Грибуль.

Стрекоза взмахнула крылышками и улетела.

Всю ночь до рассвета Грибуль пел песни. Как вы, наверно, помните, он всегда пел, когда ему было страшно.

Все крысы, жабы и летучие мыши собрались вокруг Грибуля.

— Друзья мои,— сказал им Грибуль,— я не умею говорить на вашем языке, но чувствую что вы понимаете мои слова. Прошу вас, когда мое место в этой тюрьме займет другой узник, будьте к нему так же добры, как и ко мне.

— Милый Грибуль,— ответила ему человеческим голосом самая старая и большая крыса,— ты должен узнать, что мы такие же люди, как и ты. Мы были последними, кто сохранил в этой стране любовь к справедливости. За это король шмелей заточил нас сюда и превратил в отвратительных животных. Мы слышали слова феи и узнали, что близок час нашего освобождения. Нам следовало бы радоваться, но радоваться мы не можем, потому что за нашу свободу ты должен заплатить своей жизнью...

Наступил рассвет, и небо над Шмель-городом застлала черная туча: это царица лугов во главе неисчислимой армии птиц приближалась к королевству шмелей.

Король обычно глядел только себе под ноги, поэтому не замечал опасности. Тем не менее он подозревал, что царица лугов не оставит Грибуля в беде. Поэтому он на всякий случай держал наготове хорошо обученное войско: сорок миллионов молодых, отлично вооруженных шмелей.

Один из придворных случайно поднял глаза к небу и увидел армию птиц.

Он немедля доложил об этом королю. От злости король шмелей даже почернел.

— Нам угрожает опасность! — произнес он наконец.— Пусть мое войско немедленно построится для боя. Поглядим, как теперь запоют эти птички!

— Ваше величество, вы теряете голову,— возразил главнокомандующий шмелиного войска.— Сколько бы ни было у нас воинов, мы все равно не сможем победить царицу лугов. Ведь она позвала на помощь птиц, а они летают выше и лучше нас и к тому же прекрасно вооружены. Предположим, некоторые птицы пострадают от наших укусов, зато остальные станут пожирать нас сотнями. У нас есть только один путь к спасению. Надо вывести из темницы Грибуля, которому покровительствует царица лугов, и пригрозить ей, что он будет сожжен, если ее армия не отступит.

— Пожалуй, ты прав,— поразмыслив, ответил король.

Грибуля вывели из темницы.

На площади под охраной армии шмелей сложили огромный костер и отправили к царице лугов жука-парламентера.

Размахивая белым флагом, жук полетел в штаб птичьей армии. Глядя на жука, птицы широко разевали клювы, но тронуть парламентера никто из них не решился.

Поклонившись царице, жук изложил ей условия короля шмелей.

Царица лугов задрожала от гнева. Она понимала, что спасти Грибуля можно лишь одним способом: увести свою армию прочь из королевства шмелей. Но даже в этом случае еще неизвестно, как поступит с Гибулем ее недруг. Жук, склонив голову, ждал ответа.

— Передай своему королю, что мы отступаем,— проговорила наконец царица лугов.

В это время Грибуль внимательно глядел на небо и догадался, что происходит в птичьем стане. Он очень боялся огня. Но при мысли о том, что исход войны зависит от него одного, всякий страх у него пропал. Грибуль выхватил у палача факел, швырнул его в дрова, посыпанные серой и фосфором, и сам бросился в огонь. В одну секунду пламя поглотило его.

Придворные короля шмелей оторопели от неожиданности, а потом злобно расхохотались.

— Смотрите, смотрите,— кричали они, указывая на костер пальцами,— пусть все видят: этот борец за справедливость про-

сто-напросто сумасшедший! Он поступил так же, как и его тезка. Тот, боясь промокнуть, бросился в воду, а этот, боясь сгореть, бросился в огонь!

Однако недолго пришлось им смеяться. Гибель Грибуля послужила сигналом к наступлению птичьего войска.

Начался воздушный бой не на жизнь, а на смерть.

Шмели жалили птиц своими жалами, словно стрелами, зато птицы пожирали шмелей с невероятной быстротой.

Бой завершился победой птичьего войска.

Шмели покинули страну. Царица лугов, приняв облик прекрасной феи, спустилась на землю вместе со своими придворными.

— Люди,— сказала она,— враг побежден! Забудьте обиды и распри, обнимите друг друга и живите в мире!

С этими словами царица лугов улыбнулась, и мир в стране тотчас же был восстановлен.

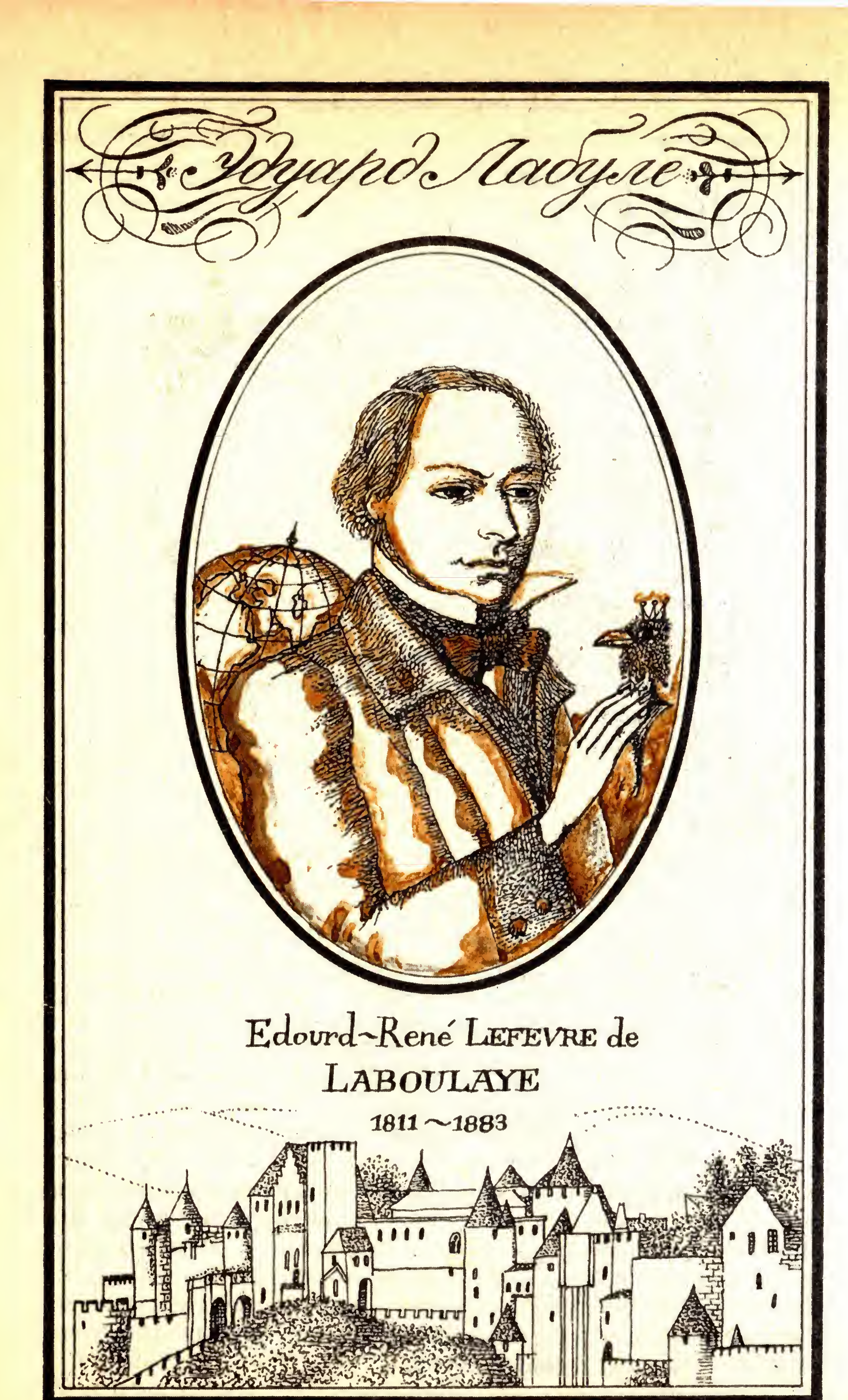
Затем все поспешили к костру. От него осталась лишь груда пепла. А на самом ее верху вырос и распустился голубой цветок с красивым названием «незабудка». Царица лугов сорвала этот цветок и бережно спрятала на груди. Потом, собрав пепел, она поднялась в воздух вместе со своими воинами и рассыпала этот пепел по всей земле. И всюду, куда он падал, сейчас же вырастали фруктовые деревья, рожь, пшеница и овощи.

С той поры народ этой страны жил в счастье и довольстве. Каждый год, в день, когда Грибуль бросился в огонь и спас королевство, все жители собирались на дворцовой площади с букетами незабудок и пели в память о Грибуле его песни.

В тот день люди должны были прощать друг другу все старые обиды и прекращать споры и тяжбы. Это нанесло серьезный ущерб судьям, адвокатам и разным крючкотворам, которых развелось великое множество во время правления короля шмелей. Но с голоду они не умерли, так как вскоре занялись другими ремеслами по своему вкусу. Наступило такое время, когда судить стало некого и не за что и все были всегда и во всем согласны друг с другом.

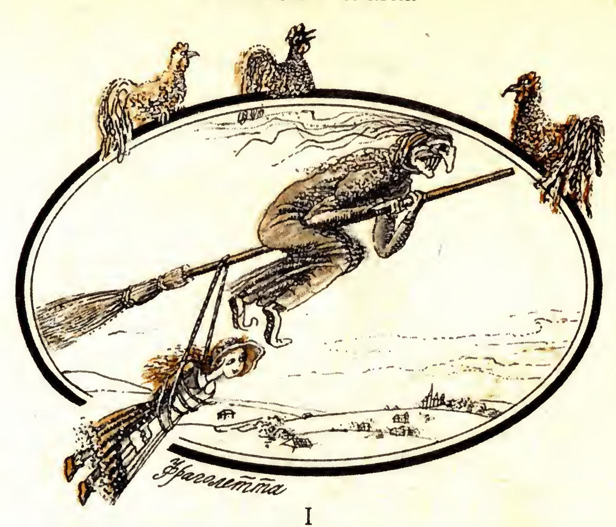
А что же Грибуль? Не печальтесь! Как вы уже, наверно, догадались, он не сгорел, а превратился в незабудку, которую фея унесла с собой на Остров Цветов. Там Грибуль снова встретил своих веселых друзей и до самого окончания жизни фей — а сколько живут феи, никто не знает — жил то в образе цветка, то в образе мальчика, не разлучаясь больше со своей покровительницей, прекрасной царицей лугов.

Конец

Эдуард Лабуле
Edourd-René LEFEVRE de
LABOULAYE
1811~1883

Фраголетта

Волшебная сказка

I

В ОКРЕСТНОСТЯХ Мантуи жила сиротка, уже большая девочка, ходившая каждое утро с книжками и корзинкой в школу. Школа находилась недалеко, но дойти до нее нельзя было скоро, так как дорога, по которой приходилось идти, была обсажена кустарником и деревьями, покрытыми, смотря по времени года, цветами и плодами, бабочками и птицами. Как не остановиться перед такими диковинками!

Однажды наша школьница увидала в чашечке шиповника такую красивую голубую бабочку, какой никогда еще не видала. Затаив дыхание, она встала на цыпочки, тихонько подняла руку и... бабочка проскользнула у нее между пальцев. Беззаботно порхая направо и налево, она села немного выше, на откосе дороги. Девочка побежала за ней, бабочка улетела, присела на цветок и снова полетела, чтобы сесть на другой цветок и опять улететь. Таким образом, она завела охотницу на самую верхушку откоса, к большому огороженному месту, пользовавшемуся дурной славой. Ходили слухи, что здесь в прекрасные весенние вечера волшебницы водят хороводы, а в темные зимние ночи колдуньи устраивают свои бесовские сборища. Хотя стены во многих местах разрушились и засыпали своими обломками ров, ни одна христианская душа не решалась зайти в это проклятое место. Но бабочки не имеют предрассудков, а дети похожи на бабочек.

Наша путешественница с голубыми крыльями полетела без церемонии в этот сад, походивший на первобытный лес, а за ней

последовала и девочка. Но едва только она миновала кустарник, как остановилась и вскрикнула от удивления. Перед ней был луг, окаймленный высокими деревьями и усеянный красными и белыми точками, которые пестрели на зелени. Это была земляника, покрытая цветами и ягодами, земляника без хозяина, просившаяся в руки каждому, кто захотел бы воспользоваться заброшенным богатством. Прощайте, бабочки! Наша школьница встала на колени и менее чем в четверть часа набрала целую корзинку ягод. Потом она бросилась бежать и явилась в школу, запыхавшаяся, краснее набранной земляники. Ее побранили за то, что она опоздала, но она была так счастлива и горда, что ничего не слыхала.

Когда настало время завтрака, девочка поделилась своим сокровищем с подругами, которые наперебой удивлялись ее храбрости и счастью. Она была похожа на королеву среди толпы придворных. К довершению торжества, ее назвали Фраголеттой, что значит по-французски «земляничка». Это прозвище осталось за ней на всю жизнь, по крайней мере под этим именем она известна в истории.

Сказать по правде, некоторые робкие девочки не могли противостоять влиянию предрассудков. Лакомясь земляникой, они спрашивали: «не значит ли это — искушать дьявола таким вторжением к нему и обворовыванием?» Но этот бесполезный ропот терялся в шуме победы, их никто не слушал.

Дальнейший рассказ покажет, что их напрасно не слушали. Фраголетта, опьяненная своим счастьем и славой, снова отправилась в проклятое место и кончила тем, что стала считать себя его хозяйкой. Она говорила, что это место заброшено, все плоды предоставлены на съедение дроздам и синицам, и христианка имеет на них никак не меньшее право, чем птицы.

Но однажды, собирая по обыкновению ягоды, Фраголетта получила такой сильный удар по голове, что упала на траву.

— А! я поймала тебя, воровка! — раздался чей-то страшный голос. — Ты за это поплатишься.

Ошеломленная Фраголетта попыталась встать и увидала перед собой такое лицо, один вид которого заставил ее похолодеть от ужаса. Это была высокая, худая, желтая, морщинистая старуха с красными глазами и носом наподобие клюва коршуна; из ее кровожадного рта торчали два зуба, длиннее и острее, чем клыки у кабана. Фраголетта попробовала пробормотать извинение; но старуха (она была колдунья и вдобавок людоедка), не удостоила даже выслушать ее.

Она связала ей назад руки, обмотала семь раз вокруг пояса веревку, сделала петлю и продела в нее палку от громадной метлы, которой только что ударила ребенка. Потом колдунья про-

изнесла на своем бесовском языке несколько тех ужасных слов, от которых содрогается небо и трепещет земля, села верхом на метлу и взвилась стрелой на воздух, увлекая за собой несчастную Фраголетту, висевшую в пространстве, как паук на паутине.

Если бы ее учили географии, она могла бы полюбоваться на развернувшуюся перед ее глазами чудную картину: перед ней была Италия, окаймленная снежными Альпами и голубым морем и прорезанная зеленеющим хребтом Апеннинских гор. Но в то время женщины занимались дома пряжей и не интересовались тем, что делается в Китае и Перу. География была им не нужна. Кроме того, бедная девочка слишком боялась, чтобы решиться открыть глаза. Она пролетела над Везувием и Этной, не видав ничего, и когда волшебная метла принесла ее на землю, в чащу леса на острове Сицилии, она была полумертва от страха.

— Вставай, маленькая разбойница,— сказала колдунья, хватая ее за волосы.— Ты моя теперь. Принимайся за работу. Ступай, накрой на стол в столовой. С каким удовольствием я бы тебя съела, если бы ты не была так худа,— прибавила она, ощупывая ей руки.— Но у меня живо толстеют, и ты ничего не потеряешь, если подождешь своей очереди.

Сказав эту зловещую шутку, она открыла громадный рот и облизала губы с такой улыбкой, от которой у бедной Фраголетты пробежал мороз по коже. Легко себе представить, что за обедом было не очень весело. Старуха ела с большим аппетитом жаркое из кошки, студень из мышей и компот из репы; Фраголетта погрызла корку хлеба и вся в слезах легла на жесткий соломенный тюфяк, брошенный для нее в углу. К счастью, она была в таком возрасте, когда сон сильнее горя, и тотчас же заснула.

II

На другой же день после этого печального происшествия началась неволя Фраголетты. Каждое утро она должна была мести и натирать полы во всем доме, готовить обед, прислуживать за столом, мыть посуду и, что было хуже всего, помогать во время туалета своей ужасной госпоже. Фраголетта мучилась по целым часам, завивая три волоса, оставшиеся на голове колдуньи. После этого нужно было чистить ее два больших зуба, пудрить и румянить ее и налеплять мушки. Бедняжка считала себя счастливой, если в течение всей этой процедуры отделывалась тремя или четырьмя пощечинами.

Но, несмотря на такую суровую жизнь, Фраголетта с каждым днем росла и хорошела, хотя и не делалась лучше; она не принадлежала к числу тех добрых существ, которые принимают удары, целуя руку, наносящую их. Нет, кровь ее кипела, она меч-

тала только о мести. Старуха это замечала, люди всегда боятся тех, кому причиняют страдания. Часто в то время, когда Фраголетта причесывала ее, колдунья подумывала, не воспользуется ли ее служанка первым удобным случаем, чтобы задушить ее, и не благоразумнее ли предупредить опасность.

Однажды Фраголетта показалась колдунье еще красивее, чем обыкновенно, и сердце ее переполнилось завистью и злобой.

— Возьми эту корзинку,— сказала она девочке,— ступай к фонтану, наполни ее водой и принеси мне. Если ты этого не исполнишь, я тебя съем.

Бедняжка побежала стремглав, она воображала, что корзина волшебная и колдунья по своему обыкновению забавляется, пугая ее. Она погрузила корзину в воду, но как только вынула ее, вода потекла, как из лейки. Три раза пыталась Фраголетта достать воды, но труд ее был напрасен. Она поняла, наконец, что людоедка хочет ее съесть.

От злости и отчаяния Фраголетта принялась плакать. Вдруг она слышит, что кто-то ласково говорит ей: — Фраголетта, Фраголетта, о чем вы плачете? — Она подняла голову и увидала красивого юношу, который нежно смотрел на нее.

— Кто ты,— спросила Фраголетта,— и как ты знаешь мое имя?

— Я сын колдуньи, меня зовут Белебон. Я знаю, что вас хотят во что бы то ни стало погубить, но это не удастся, я обещаю вам. Поцелуйте меня, и я наполню корзину водой.

— Поцеловать сына колдуна? Никогда! — сказала гордо Фраголетта.

— Хорошо, я не буду так жесток, как вы,— отвечал молодой человек.

Он дунул три раза на корзину, опустил ее в воду и вынул совершенно полную, ни одна капля не вытекла.

Фраголетта возвратилась домой и, не говоря ни слова, поставила корзину с водой на стол. Колдунья побледнела как смерть и, пристально посмотрев на молодую девушку, сказала:

— Разве ты умеешь колдовать? — Потом, стукнув себя по лбу, она прибавила: — Ты видела Белебона, он помог тебе, признайся.

— Вы должны сами знать, потому что вы колдунья.

Вместо ответа мегера дала ей такую пощечину, что Фраголетта должна была схватится за стол, чтоб не упасть.

— Ладно, ладно,— закричала колдунья.— Мы увидим, чья возьмет. Лучше смеяться последним, чем первым.

На другой день людоедка сказала Фраголетте:

— Я полечу в Африку и возвращусь к вечеру. Видишь этот мешок с зерном? Изволь сделать так, чтобы, вернувшись, я на-

шла вместо него готовый хлеб. Это не труднее, чем наполнить водой корзину. Если не исполнишь этого,— берегись.

С этими словами она вышла, злорадно посмеиваясь, и заперла дверь на ключ.

— Теперь я погибла,— воскликнула молодая девушка.— Могу ли я смолоть зерно, замесить хлеб и испечь его? У меня нет ни мельницы, ни печи, да и времени мало.

Она начала изо всех сил колотить в дверь, чтоб выломать ее и убежать.

Ей отворил Белебон.

— Фраголетта, Фраголетта!— сказал он.— Ведь я желаю вам только добра. Поцелуйте меня, я испеку хлеб и спасу вас.

— Поцеловать сына колдуньи,— сказала Фраголетта,— никогда!

— Вы безжалостны, Фраголетта, но я не могу все-таки допустить, чтобы вы погибли.

Он свистнул, и тотчас же из всех щелей стали вылезать крысы и мыши. Крысы отнесли зерно на мельницу и прибежали назад с мешком муки; мыши принялись месить тесто; крысы растапливали печь. Когда колдунья возвратилась, все было готово; румяные хлебы лежали грудой до самого потолка.

— Негодная,— сказала старуха,— ты виделась с Белебоном; он помог тебе, признайся.

— Вы должны сами знать, потому что вы колдунья.

Людоедка размахнулась было, чтобы влепить пощечину, но Фраголетта наклонилась, старуха стукнулась носом о стол.

— Ладно, ладно,— закричала она, посинев от бешенства и боли,— мы увидим, чья возьмет. Лучше смеяться последним, чем первым.

III

Через два дня старуха, приняв самый веселый вид, позвала Фраголетту:

— Дитя мое, пойди к моей сестре, попроси у нее шкатулку и принеси мне.

— Разве я знаю, где живет ваша сестра и как ее зовут?

— Нет ничего легче,— отвечала колдунья.— Иди все прямо, пока не дойдешь до потока, перерезывающего путь. Ты перейдешь его вброд и немного дальше увидишь старый замок с железной решеткой. Там живет моя сестра Виперина. Ступай и торопись, дитя мое.

— Что за чудо, старуха в хорошем настроении!— подумала Фраголетта и беззаботно отправилась в путь. Дорогой она встретила Белебона, который поджидал ее.

— Куда вы идете? — спросил он.

— Я иду к сестре хозяйки попросить шкатулку.

— Несчастная! — воскликнул Белебон. — Вас послали на погибель. Ни одно живое созданье не выходило еще живым из замка Виперины. Но я могу спасти вас. Поцелуйте меня.

— Нет, я никогда не поцелую сына колдуньи.

— Фраголетта, Фраголетта, какая вы неблагодарная! Но я люблю вас больше себя и, несмотря на все, спасу вас. Слушайте хорошенько. Когда вы будете на берегу потока, скажите: «Прекрасная речка, позволь мне перейти через твои серебристые струи». Потом возьмите эту бутылку с маслом, этот хлеб, веревку и метелку. Когда вы подойдете к решетке замка, намажьте маслом петли у двери; она отворится сама собой. Большая собака с лаем бросится на вас, киньте ей хлеб, она остановится. На дворе вы увидите бедную женщину, которая должна доставать воду из колодца, привязывая ведро к своим волосам. Предложите ей веревку. Поднимитесь тогда по лестнице. В кухне вы встретите другую женщину, которая должна чистить печь языком. Дайте ей метелку и войдите в комнату, где спит Виперина. Шкатулка стоит на шкафу, возьмите ее и бегите, как можно скорей. Если вы меня послушаетесь, то не погибнете.

Фраголетта запомнила все, что сказал ей Белебон. На берегу потока она сказала: «Прекрасная речка, позволь мне перейти через твои серебристые струи». И нимфа потока ответила ей самым ласковым голосом: «Переходи, милая девушка!» Воды расступились, и Фраголетта могла пройти, не замочив ног. Решетка, намазанная маслом, растворилась сама собой. Собака бросилась на хлеб, повертелась на месте и улеглась, положив морду на лапы и ласково поглядывая на Фраголетту. Обе женщины с радостью приняли принесенные ею подарки, и наша героиня тихонько вошла в комнату, где храпела Виперина. Фраголетта подбежала к шкафу и взяла шкатулку, сердце ее страшно билось. Она уже считала себя спасенной, как вдруг колдунья проснулась. Фраголетта была уже на лестнице.

— Эй, кухарка, — закричала Виперина, — убей эту воровку!

— Как бы не так! — отвечала несчастная жертва. — Она дала мне метелку, а вы заставляете чистить печь языком.

— Работница, схвати эту воровку и утопи!

— Как бы не так! — отвечала несчастная жертва. — Она дала мне веревку, а вы заставляете вытаскивать ведра волосами.

— Собака, съешь ее!

— Как бы не так! — сказала дворняжка, не поднимая головы. — Она дала мне хлеба, а вы морите меня голодом.

— Дверь, затворись!

— Как бы не так! — сказала решетка. — Она намазала маслом мои петли, а вы оставляете меня на съедение ржавчине.

Колдунья одним прыжком слетела с лестницы, но решетка, радуясь, что может свободно двигаться, поминутно отворялась и затворялась и в ту минуту, когда Виперина хотела выйти, захлопнулась с такой силой, что чуть-чуть ее не раздавила.

Фраголетта бежала, не оглядываясь; но, несмотря на свой страх, она не забыла, однако, сказать приветствие речке и перешла ее, как и в первый раз. Виперина прибежала к берегу вслед за ней.

— Ну, грязный ручей, расступись, — закричала она, — или я тебя высушу.

Поток расступился, но когда Виперина дошла до середины, вода вдруг поднялась, хлынула на колдунью и потопила ее в одну минуту. Нимфа отомстила.

Возвратясь домой, Фраголетта отдала шкатулку своей свирепой госпоже. Можно себе представить, какую мину сделала людоедка! «Это опять штуки Белебона! — подумала она, — но я сумею отомстить. Лучше смеяться последним, чем первым!»

IV

В тот же вечер она велела Фраголетте лечь спать в своей комнате.

— Запомни хорошенько, — сказала она ей, — в курятнике три петуха: красный, черный и белый. Сегодня ночью, когда они запоют, ты мне скажешь, который из них пропел. Берегись, если ошибешься, я разом проглочу тебя.

«Белебона не будет здесь, я погибла!» — подумала Фраголетта.

В полночь пропел петух.

— Какой петух пропел? — спросила колдунья.

— Белебон, — прошептала Фраголетта, — скажи мне, какой петух пропел.

— Если вы поцелуете меня, я скажу, — отвечал ей чей-то шепот.

— Нет.

— Жестокая, я не хочу, чтоб вы погибли. Это пропел красный петух.

Колдунья соскочила уже с постели и подошла к Фраголетте.

— Отвечай или я тебя съем.

— Это пропел красный петух, — сказала, вся дрожа, Фраголетта.

Колдунья, ворча, снова легла на кровать.

В ту же минуту запел другой петух.

— Какой петух пропел? — спросила старуха.

Белебон опять подсказал Фраголетте ответ.

— Черный петух.

Колдунья снова легла, ворча, на кровать.

На рассвете раздалось еще раз пение петуха.

— Белебон, помоги мне! — прошептала Фраголетта.

— Поцелуйте меня,— отвечал он.— Мне наскучила ваша жестокость.

Колдунья между тем, раскрыв свою кровожадную пасть, подходила к Фраголетте.

— Белебон, Белебон! — закричало бедное дитя,— если ты меня покинешь, ты будешь виноват в моей смерти.

— Белый петух пропел,— сказал Белебон, который не мог побороть жалости.

— Белый петух,— закричала Фраголетта.

— Все равно, изменница,— сказала в ярости людоедка,— твой час пробил, ты должна умереть.

С этими словами она бросилась на свою жертву. Но Фраголетта была молода и ловка, она вырвалась, открыла окно и выскочила в сад. Взбешенная колдунья бросилась за ней, но прыгнула так неловко, что зацепила ногой за окно, упала вниз головой и выбила себе оба зуба, в которых заключалась ее сила и жизнь. Под окном лежал только ее труп.

V

Оставшись вдвоем с Белебоном, Фраголетта задумалась о том, что с ней будет. Возвратиться на родину ей и в голову не приходило, она была сирота, и все ее забыли. Оставаться в этом доме, где она столько вынесла, Фраголетта тоже не намеревалась. Белебон, с своей стороны, ничего не говорил. Он был счастлив, что Фраголетта около него, и боялся думать о будущем. Однако наступил день, когда она потребовала свободы. Белебон не мог ей отказать в этом, но напомнил неблагодарной все, что он для нее сделал, и предложил ей руку и сердце.

— Нет,— сказала Фраголетта,— я не выйду замуж за сына колдуньи.

— Уезжайте тогда,— сказал бедный Белебон,— уезжайте, так как ничем нельзя вас удержать. Но прежде, чем покинуть меня в этом доме, где я умру вдали от вас, докажите мне хоть раз в жизни свое дружеское расположение, дайте мне руку и простите грех моего происхождения. Не будем расставаться, как чужие.

Фраголетта протянула руку, он взял ее и покрыл поцелуями и слезами. Она не отнимала руки и смотрела на него с каким-то особенным выражением.

— Прощайте, Фраголетта,— сказал Белебон,— вы уносите с собой мое счастье и жизнь. Счастлив, сто раз счастлив тот, кому вы отдадите эту руку.

— Ну,— сказала она,— так как ты уже держишь ее, то возьми ее совсем.

Белебон поднял голову и, рыдая, бросился к ней на шею. А она причудница, поцеловала его в лоб и принялась смеяться и плакать вместе. Никогда нельзя знать, что происходит в сердце женщины.

Через два дня они повенчались.

Так кончается сказка. Но позволительно спросить, что сталось потом с нашей четой. Продолжал ли Белебон заниматься опасным ремеслом своей матери и возвратилась ли Фраголетта со своим мужем к людям, чтобы вести человеческую жизнь? Я написал по этому поводу одному ученому сицилийцу, члену академии в Катанье, Агринте и др. И вот его ответ:

«Милостивый Государь!

В наших старинных летописях я не нашел нигде имен Фраголетты и Белебона, но, не доверяя своим скудным познаниям, я обращался к моим ученейшим собратьям всех академий, и они ответили мне, что ни у одного из народов, завоевывавших Сицилию, как-то: пелазгов, сиканов, финикийцев, греков, карфагенян, римлян, арабов, норманов, испанцев и др. не существовало мужа-колдуна. На основании этого можно допустить, что и Белебон после своей женитьбы не был злонамереннее других».

Такого именно мнения мне и нужно было; оно мне кажется мудрым и правдоподобным. Отдаю его на суд моих читателей и в особенности читательниц.

Божьи гуси

ОДНОГО помещика был сын, такой злой, ленивый и своенравный мальчик, что сами родители были ему не рады.

Для исправления они отдали его пастору.

— Я не хочу ничего делать,— говорил ребенок,— я родился дворянином, дворянин ничего не делает. Посмотрите на моего отца!

Пастор стал объяснять ему, что его отец раньше был полковником, а прежде, чем сделаться полковником, всякий, кто не родился князем, должен быть майором, капитаном, поручиком, кадетом. Для того же, чтобы сделаться кадетом, нужно уметь читать, писать свое имя, фехтовать и знать много других хороших вещей.

— Ну что ж,— сказал мальчик,— я хочу быть императором, император ничего не делает.

Пастор опять принялся толковать ему, что у императора больше дела, чем у крестьянина, что ему не хватает дня для одних отказов всем тем, кто просит у него места, не имея на то права.

— Если так,— сказал мальчик,— то я хочу быть Богом. Бог ничего не делает.

Пастор всплеснул руками.

— Подумай, дитя мое,— сказал он,— ведь Бог управляет всем миром. Та рука, которая направляет солнце, указывает также путь муравью. Его взоры обнимают в одно и то же время всю вселенную и малейшие побуждения, рождающиеся в человеческом

сердце. Он слышит небесную гармонию и прозябание былинок. Бог никогда не отдыхает, потому что беспрерывно любит.

Но ребенок был упрям, он непременно хотел быть Богом и вечером заявил, что не ляжет спать до тех пор, пока его не сделают властелином вселенной. Угрозы, просьбы — все было напрасно. Наконец, утомившись от возни с ним, жена пастора отвела в уголок злого мальчика и пообещала ему, что завтра утром он будет Богом.

После этого обещания он позволил уложить себя спать. Утро вечера мудренее, говорит пословица. Но и на следующий день маленький дворянин не хотел отказаться от своей выдумки. Как только он проснулся, первым его вопросом было — сделался ли он Богом.

— Да,— отвечала жена пастора.— Но сегодня воскресенье, пора к обедне. Бог не может пропускать службу.— Они отправились в церковь. Дорогой пришлось проходить лугом, который принадлежал отцу мальчика. На этом лугу девочка-птичница пасла гусей из барской усадьбы. Увидев идущих в церковь крестьян, она догнала их и пошла вместе с ними.

— Варвара,— закричал мальчик,— ты хочешь бросить гусей одних?

— Разве в воскресенье пасут гусей? — отвечала Варвара,— сегодня праздник.

— Кто же будет их стеречь? — спросил ребенок.

— В воскресенье их бережет Бог, милый барин, они Божьи гуси.

И она ушла.

— Дитя мое,— сказала жена пастора,— ты слышал, что сказала Варвара. Я охотно повела бы тебя в церковь послушать орган, но с гусями может случиться несчастье. А так как ты Бог, то тебе и нужно их сторожить.

Что мог ответить на это маленький дворянин? Он поморщился и целый день пробегал за гусями, но вечером поклялся, что его уж больше не подденут на желание быть Богом.

Ивон и Финетта

Бретонская сказка

I

ЖИЛ некогда в Бретани знатный владетель, барон де-Кервер. Ему принадлежал самый красивый во всем крае замок. То было обширное готическое здание со сводами и ажурными, как кружево, стенами, издали оно было похоже на обвитую виноградом беседку. В первом этаже разрисованные и покрытые украшениями окна выдавались в виде балконов, шесть окон выходило на восток и шесть — на запад. Утром, когда барон верхом на своем любимом соловом коне отправлялся в лес в сопровождении огромных борзых, он приветствовал у каждого окна одну из своих дочерей, которые с молитвенниками в руках молили Бога о благоденствии рода Керверов. Глядя на их белокурые волосы, голубые глаза и сложенные руки, можно было принять их за мадонн, стоящих в лазоревых нишах. Вечером, когда солнце садилось и барон, объехав свои владения, возвращался домой, он издали уже видел в окнах, обращенных на запад, своих шестерых сыновей с темными кудрями и смелыми взорами,— надежду и гордость семьи. Их можно было принять за изваяния рыцарей в портале храма. Все, как друзья, так и враги, на десять миль в окружности, желая указать на образец счастливого отца и могущественного барона, называли господина де-Кервер.

В замке было только двенадцать окон, а детей у барона было тринадцать. Самый младший, которому не хватало места, был красивый шестнадцатилетний мальчик, его звали Ивон. По обыкновению он был любимцем отца. Утром при отъезде и вечером

при возвращении барон всегда находил Ивона у порога дома, где мальчик поджидал отца, чтобы обнять его. Все бретонцы очень любили этого мальчика с русыми, падающими по плечам кудрями, стройным станом, отважным видом и смелыми движениями. Когда ему было двенадцать лет, он храбро бросился на волка и убил его топором. За это его прозвали Неустрашимым. Ивон вполне заслуживал это прозвище: никогда еще не бывало такого смельчака.

Однажды, когда барон оставался дома и для развлечения состязался в борьбе со своим оруженосцем, Ивон в дорожном платье вошел в фехтовальную залу и, преклонив перед отцом колено, сказал:

— Государь и отец мой, я прошу вашего благословения, так как пришел с вами проститься. В семье Керверов довольно рыцарей, она не нуждается в ребенке, пора мне поискать самому счастья. Я хочу отправиться в далекие края, испытать свои силы и составить себе имя.

— Ты прав, Неустрашимый,— отвечал барон, взволнованный более, чем хотел показать.— Я тебя не удерживаю, я не имею права удерживать тебя, но ты еще очень молод, дитя мое, быть может, тебе было бы лучше еще на год остаться с нами.

— Мне шестнадцать лет, отец, в эти годы ты уже сражался с Роганом. Я не забыл, что наш герб — единорог, поражающий льва, а наш девиз: вперед! и не хочу, чтобы Керверы имели основание краснеть за младшего члена семьи.

Ивон получил от отца благословение, пожал руки братьям, поцеловал сестер, простился со всеми оплакивавшими его вассалами и с легким сердцем отправился в путь-дорогу.

На пути ничто не могло его остановить. Река ли встречалась — Ивон переплывал ее; гора ли — он переходил ее; лес ли — он пробирался через него по солнцу. «Вперед, Керверы!» — восклицал он, как только встречалось препятствие, и так или иначе шел все прямо.

Три года странствовал он по свету в поисках приключений, то побеждая, то терпя поражение, но всегда одинаково веселый и храбрый, наконец ему предложили отправиться в крестовый поход против норвежских язычников. Предстояло двойное удовольствие: побить неверующих и завоевать королевство. Ивон выбрал двенадцать смельчаков, нанял небольшое судно и водрузил на главной мачте синий флаг с гербом и девизом Керверов.

Море было спокойно, ветер благоприятен, ночь ясна. Ивон, лежа на палубе, смотрел на звезды и искал между ними ту, которая бросает свой мерцающий свет на отцовский дом. Вдруг корабль налетел на скалу, раздался страшный треск, мачты упали,

как подрубленные деревья, огромная волна залила палубу и увлекла за собой все, что на ней было.

— Вперед, Керверы! — воскликнул Ивон, как только показался на поверхности, и попыл так спокойно, как будто купался во рву старого замка. К счастью, взошла луна. Ивон заметил на некотором расстоянии среди серебристых волн темное пятно, то была земля. Он достиг ее не без труда и вышел, наконец, на берег. Промокнув до костей, выбившись из сил и задыхаясь, он растянулся на песке и, ни о чем больше не тревожась, помолился и заснул.

II

Проснувшись утром, Ивон попытался ознакомиться со страной, куда его забросил случай. Он заметил в отдалении громадный, похожий на собор дом, с окнами в пятьдесят футов вышины. Он шел до него целый день и наконец очутился перед дверью с таким тяжелым молотком, какого человеческая рука не могла поднять.

Ивон взял большой камень и начал стучать им в дверь.

— Войди, — раздался чей-то голос, подобный реву быка. В ту же минуту дверь отворилась, и маленький бретонец очутился перед великаном никак не меньше сорока футов ростом.

— Как тебя зовут и зачем ты пришел сюда? — спросил великан, схватив нашего искателя приключений за шиворот и подняв с земли, чтобы лучше рассмотреть.

— Меня зовут Неустрашимый и я ищу счастья, — отвечал Ивон, с вызывающим видом смотря на чудовище.

— Ну, вот ты и нашел его, храбрец Неустрашимый! — насмешливо сказал великан. — Мне нужен слуга, я беру тебя в услужение, и ты тотчас же вступишь в свою должность. В это время я выгоняю на пастбище свое стадо. Ты вычистишь хлев. Я не даю тебе никакого другого дела, — прибавил он со злой усмешкой. — Ты видишь, что я добрый хозяин. Принимайся же за работу, а главное, не броди по дому, не то поплатишься головой.

«И в самом деле у меня добрый хозяин, работа не тяжелая, — подумал Ивон, когда великан ушел. — Слава богу, времени хватит вычистить хлев. Чем бы пока заняться от скуки? Пойти разве в дом, если мне запрещают в него заглядывать, — значит, там есть что посмотреть».

Он вошел в первую комнату, там был большой очаг с привешенным на крюке котлом. В котле что-то кипело, хотя на очаге не было огня.

— Что бы это значило? — сказал бретонец. — Тут какая-то тайна. — Он отрезал прядь волос, погрузил в котел и вынул, она вся покрылась медью.

— Ого! — воскликнул он. — Вот необыкновенный бульон! Если его проглотить, в желудке будет славная броня.

Он прошел во вторую комнату. И здесь также висел на крюке котел, и в нем что-то кипело без огня. Ивон погрузил в него прядь волос, она стала серебряной.

— В доме Керверов, — подумал он, — бульон не столь дорогой, но, вероятно, повкуснее.

Затем он вошел в третью комнату. Здесь также висел на крюке котел, и в нем что-то варилось без огня. Ивон погрузил в него прядь волос, она стала золотой и сияла, как солнце.

— Отлично! — воскликнул Ивон. — У нас в Бретани у стариков есть поговорка: что дальше, то хуже; здесь же, наоборот, что дальше, то лучше. Что-то увижу я в четвертой комнате, уж не суп ли из бриллиантов? — Он отворил дверь и увидел нечто более редкое, чем драгоценные камни. В комнате сидела молодая девушка такой удивительной красоты, что ослепленный Ивон опустился перед ней на колени.

— Несчастный! — воскликнула она дрожащим голосом. — Что вы тут делаете!

— Я живу в этом доме, — отвечал бретонец, — сегодня великан взял меня в услужение.

— В услужение! — сказала молодая девушка. — Боже избави вас от такой службы!

— Почему же? — сказал Ивон. — Хозяин мой добр и служба у него не тяжелая. Вымету хлев и дело с концом.

— Да, но как вы за это возьметесь? — спросила незнакомка. — Если вы будете делать, как другие, то вслед за каждой выброшенной охапкой навоза влетит в окно целых десять. Но я вам скажу, как надо поступить. Переверните вилы и подметайте хлев рукояткой, навоз разом исчезнет сам собой.

— Я послушаюсь вашего совета, — сказал Ивон и, сев рядом с молодой девушкой, стал с ней разговаривать. Она была дочерью феи, злой великан держал ее в неволе. Между товарищами по несчастью дружба завязывается скоро, и в тот же день Финетта (так звали незнакомку) и Ивон дали друг другу слово не разлучаться, если им удастся бежать от своего ужасного господина. Все затруднение было в том, как это устроить. Часы летят быстро в подобных разговорах, наступал вечер, Финетта простилась со своим новым другом, наказав ему вычистить хлев до возвращения великана.

Ивон снял со стены вилы и без всякого намерения быть чрезмерно недоверчивым попробовал работать так, как видел в старом замке; но прием оказался неудачным, и он тотчас прекратил работу: не прошло и минуты, как в хлеве набралось столько навоза, что бедный малый не знал, куда деваться. Тогда он сделал так, как сказала ему Финетта, перевернул вилы и стал подметать

рукояткой. И что же? В одно мгновение ока хлев стал совершенно чист, как будто в него никогда не входило ни одно животное.

Окончив работу, Ивон сел на скамью у двери дома. Как только он увидел великана, он стал смотреть на небо и болтать ногами, напевая родную песню.

— Вычистил ты хлев? — спросил, нахмурив брови, великан.

— Все готово, хозяин,— отвечал, не двигаясь с места, Ивон.

— Посмотрим! — заревел великан. Он вошел ворча в хлев, нашел все в порядке и выбежал из него разъяренный.

— Ты видел мою Финетту! — закричал он.— Не из своей же головы ты выдумал такую штуку!

— Что это такое — моя Финетта? — сказал Ивон, разевая рот и закрывая глаза.— Какое-нибудь животное в этой стране? Хозяин, покажите мне его.

— Молчи, глупец! — отвечал великан.— Ты и так слишком скоро ее увидишь.

На другой день великан собрал овец, чтобы погнать их в поле, и перед уходом приказал Ивону сходить за его конем, который пасся на горе.

— Затем,— сказал он со злой усмешкой,— ты можешь отдыхать целый день. Ты видишь, что я добрый хозяин. Делай же свое дело, а главное, не броди по дому, не то поплатишься головой.

Ивон, скромно опустив глаза, проводил великана.

— Разумеется,— бормотал он сквозь зубы,— ты добрый хозяин, злоба тебя не душит, но, несмотря на твои угрозы, я войду в дом и буду разговаривать с твоей Финеттой. Посмотрим, не будет ли твоя Финетта скорее моей, чем твоей.

И он побежал в комнату молодой девушки.

— Ура! — закричал он, входя.— Мне нечего делать целый день, нужно только сходить на гору и привести коня.

— Прекрасно,— сказала Финетта,— но как вы это сделаете?

— Вот милый вопрос! — отвечал Ивон.— Разве трудно привести лошадь? Надеюсь, мне приходилось ездить и на более бешеных конях.

— Это не так легко, как вы думаете,— сказала Финетта.— Но я скажу вам, что надо сделать. Когда вы подойдете к животному, из его ноздрей, как из горнила, вылетят искры и пламя, но вы возьмите с собой удила, которые спрятаны за дверью конюшни, бросьте их прямо в рот лошади. Она тотчас же станет смирна, как овечка, и вы сделаете с ней все, что угодно.

— Я послушаюсь вашего совета,— сказал Ивон и, усевшись рядом с Финеттой, стал с ней болтать. О чем говорили они? О разных разностях, но как бы далеко ни залетали их мечты, они постоянно возвращались к своему обещанию не разлучаться и к плану бегства от великана. Время летит быстро в таких разговорах, наступил вечер, Ивон забыл и о лошади, и о великане,

и Финетта принуждена была отправить его за конем, наказав исполнить поручение до возвращения хозяина.

Ивон взял с собой спрятанные за дверью конюшни удила и побежал на гору. И вот видит он, что к нему скачет конь величиной почти со слона, а из ноздрей искры и пламя летят.

Ивон смело дождался, пока не приблизится громадное животное, и, когда оно открыло свою огненную пасть, бросил в нее удила. И тотчас же лошадь стала смирна, как овечка. Ивон заставил ее опуститься на колени, взобрался к ней на спину и спокойно возвратился домой.

Покончив с этим делом, наш бретонец сел на скамейку у двери дома и, как только показался великан, стал смотреть на небо и болтать ногами, напевая родную песню.

— Привел ты коня? — спросил, хмуря брови, великан.

— Да, хозяин, — отвечал, не двигаясь с места, Ивон. — Это красивое животное и делает вам честь: смирное, послушное и хорошо выезженное. Оно ест корм в конюшне.

— Посмотрим! — заревел великан. Он вошел ворча в конюшню, нашел все в порядке и выбежал разъяренный.

— Ты видел мою Финетту? — закричал он. — Не из своей же головы выдумал ты такую штуку!

— Хозяин, — сказал Ивон, разевая рот и закрывая глаза, — опять та же история! Что это такое — моя Финетта? Раз навсегда прошу вас, покажите мне это чудовище.

— Замолчи, глупец! — отвечал великан. — Ты и так слишком скоро ее увидишь.

На третий день на рассвете великан собрал овец, чтобы погнать их в поле, но перед уходом сказал Ивону:

— Сегодня ты пойдешь в ад за оброком. А потом, — прибавил он со злой усмешкой, — ты можешь отдыхать целый день. Ты видишь, что я добрый хозяин.

— Добрый хозяин, положим, — пробормотал Ивон, — но от этого задача не легче. Пойду к моей Финетте, как говорит великан. Мне очень сегодня нужна ее помощь.

Спросив у своего друга, какое дело дано ему на этот день, Финетта сказала:

— Ну, как же на этот раз вы за него возьметесь?

— Я решительно не знаю, — печально отвечал Ивон. — Я никогда не бывал в аду и, если бы даже и нашел туда дорогу, то все равно не знал бы, что спросить. Говорите, я слушаю.

— Видите вы там большую скалу? — сказала Финетта. — Это один из входов в ад. Возьмите эту палку и ударьте ею три раза о камень. Тогда выйдет демон весь в огне. Вы скажете ему о цели своего прихода, он спросит, сколько вы хотите? Смотрите же, не забудьте ему ответить: не больше, чем могу снести на себе.

— Я исполню ваш совет,— сказал Ивон и, усевшись рядом с Финеттой, стал с ней разговаривать. Он просидел бы тут долго, если бы под вечер молодая девушка не послала его к большой скале исполнять поручение великана.

Придя на указанное место, Ивон увидел громадную гранитную глыбу, он ударил по ней три раза палкой. Скала разверзлась, и из нее вышел демон весь в огне.

— Что тебе нужно?— закричал он страшным голосом.

— Я пришел от великана за оброком,— отвечал без смущения Ивон.

— Сколько ты хочешь?

— Мне не нужно больше, чем я могу снести на себе.

— Счастье твое, что не спросил больше,— отвечало огненное чудовище.— Войди в эту пещеру, там ты найдешь то, что тебе нужно.

Ивон вошел в пещеру и раскрыл глаза от удивления. Всюду лежало золото, серебро, бриллианты, карбункулы, изумруды, и их было так много, как песку на дне морском. Молодой Кервер наполнил этими сокровищами мешок, взвалил его себе на спину и спокойно возвратился домой.

Окончив дело, наш бретонец сел на скамейку у двери дома. Увидев великана, он стал смотреть на небо и болтать ногами, напевая родную песню.

— Ходил ты в ад за оброком?— спросил, нахмурив брови, великан.

— Да, хозяин,— ответил Ивон, не двигаясь с места.— Мешок перед вашими глазами, и в нем оброк.

— Посмотрим,— заревел великан. Он развязал мешок, который был так полон, что золото и серебро посыпались со всех сторон.

— Ты видел мою Финетту,— закричал он.— Не из своей же головы выдумал ты такую штуку!

— Хозяин,— сказал Ивон, разевая рот и закрывая глаза,— опять та же история, вы все твердите одно и то же: моя Финетта, да моя Финетта. Раз навсегда прошу вас, покажите мне эту штуку.

— Ладно, ладно,— заревел в бешенстве великан.— Подожди до завтра, я тебя с ней познакомлю.

— Спасибо, хозяин, это очень мило с вашей стороны, но я вижу по вашему веселому лицу, что вы шутите со мной.

III

На другой день великан ушел, не дав никакого поручения Ивону, что обеспокоило Финетту. Среди дня он возвратился без стада, жалуясь на жажду и усталость, и сказал молодой девушке:

— Ты увидишь у дверей мальчика, моего слугу, зарежь его и положи варить в большой котел. Когда бульон будет готов, позови меня.— Затем он растянулся на постели и погрузился в сон. Он храпел так громко, точно раскаты грома потрясали горы.

Финетта приготовила плаху, взяла большой нож и, позвав Ивона, чуть-чуть порезала ему мизинец, три капли крови упали на плаху.

— Достаточно,— сказала молодая девушка,— теперь помогите мне наполнить котел.

Они побросали в него все, что только нашли: старые платья, старые башмаки, старые ковры! Затем Финетта взяла Ивона за руку и повела в первые три комнаты. Здесь она отлила три шарика из золота, два из серебра и один из меди, вышла из дому и побежала к морю.

— Вперед, Керверы!— закричал Ивон, как только вышел в поле.— Объясните мне, дорогая Финетта, что за комедию мы разыгрываем в настоящую минуту?

— Бежим, бежим!— сказала она.— Если до заката солнца мы не покинем этого проклятого острова, мы погибли.

— Вперед, Керверы!— отвечал смеясь Ивон.— Мне не страшен великан.

Прохрапев с добрый час, великан потянулся, открыл один глаз и закричал:

— Скоро ли готово?

— Начинает кипеть,— отвечала с плахи первая капля крови.

Великан повернулся на другой бок и прохрапел еще часа два. Потом потянулся, открыл один глаз и закричал:

— Эй, слышишь ты! Скоро готово?

— Суп кипит,— отвечала с плахи вторая капля крови.

Великан повернулся на другой бок и проспал еще час. Потом вытянул свои громадные члены и нетерпеливо закричал:

— Неужели еще не готово?

— Готово,— отвечала с плахи третья капля крови.

Великан приподнялся на постели, протер глаза и стал искать того, кто с ним разговаривал, но, сколько ни смотрел, никого не видел.

— Финетта!— заревел он,— почему ты не накрыла на стол?

Никакого ответа. Разъяренный великан соскочил с кровати, взял свою ложку, походившую на котел, насаженный на вилы, и погрузил в чугун, чтобы попробовать суп.

— Финетта,— заревел он,— ты не положила соли. Что это за бульон! Он не имеет никакого вкуса.

Да, но зато в нем плавал его ковер, который не успел еще совсем развариться. При виде его великан пришел в такую ярость, что не мог удержаться на ногах.

— Злодеи, насмеялись надо мной! — закричал он. — За это они поплатятся.

Он вышел из дому с палкой в руке и так зашагал, что через четверть часа догнал беглецов еще далеко от берега. От радости он испустил такой рев, что разбудил эхо на двадцать миль в окружности. Финетта остановилась, дрожа всем телом. Ивон прижал ее к своему сердцу.

— Вперед, Керверы! — воскликнул он. — Море не далеко, мы будем там раньше нашего врага.

— Вот он! Вот он! — закричала Финетта, указывая на великана, который был уже не более, как в ста шагах. — Мы погибнем, если этот талисман не спасет нас. — Она взяла медный шарик и бросила его на землю со словами:

Медный шарик, медный шарик, выручай!
Догнать нас злодею помешай.

И тотчас же земля разверзлась со страшным треском. Громадная расщелина, бездонная пропасть остановила великана, который уже протянул было руку, чтобы схватить свою жертву.

— Бежим! — закричала Финетта, увлекая Ивона, который насмешливо посматривал на великана и напевал песенку:

Оборотни, оборотни, буки,
Попадитесь вы нам в руки.

Великан бегал взад и вперед около пропасти, как медведь в клетке, ища и не находя прохода. Наконец, в бешенстве вырвал с корнем громадный дуб и перекинул черед пропасть. Дерево упало и своими ветвями чуть не раздавило беглецов, великан сел верхом на этот естественный мост, который согнулся под ним, и в этом положении, вися между небом и землей, стал медленно, путаясь в ветвях, подвигаться вперед. Когда он достиг края пропасти, Ивон и Финетта были уже на берегу, перед ними расстилалось море.

Но увы, не было ни лодки, ни корабля. Беглецам предстояла гибель. Всегда неустрашимый Ивон стал собирать камни, чтобы напасть на великана и дорого продать свою жизнь, а встревоженная Финетта вынула серебряный шарик и бросила в воду, проговорив:

Серебряный шарик, серебряный шарик, спаси!
От этого нехристя нас унеси.

Едва она произнесла эти магические слова, как из глубины моря выплыл прекрасный корабль, словно лебедь, распустивший навстречу ветру свои белоснежные крылья.

Ивон и Финетта бросились в море, им подали веревку, и, когда разъяренный великан подбежал к берегу, корабль уже плыл на всех парусах, оставляя за собой длинную полосу светящейся пены.

Великаны не любят воды. Это доказал уже старик Гомер, знавший Полифема, то же утверждают все «Естественные истории», заслуживающие этого названия. Властелин Финетты был похож на Полифема. Увидев, что пленники ускользнули от него, он заревел и в нерешимости стал бегать вдоль берега, бросая в корабль громадными глыбами скал, которые, к счастью, падали по сторонам, делая только большие черные дыры в море. Наконец, обезумев от бешенства, он бросился очертя голову в волны и поплыл с ужасающей быстротой. С каждым взмахом руки он подвигался вперед на сорок футов, пыхтя, как кит, и, как кит, рассекая и побеждая волны. Мало-помалу он догнал своих врагов: оставалось только сделать последнее усилие, чтобы схватить руль, но Финетта бросила в море второй серебряный шарик и со слезами воскликнула:

Серебряный шарик, серебряный шарик, помоги!
От этого нехристя нас обереги.

Тотчас же в пенистых волнах показалась гигантская пила-рыба, нос ее был по крайней мере двадцати футов длины. Она бросилась за великаном, который едва успел нырнуть, и преследовала его под водой и на гребне волн, несмотря на все его увертки, до тех пор, пока не заставила спасаться на свой остров. Несчастный достиг его с большим трудом и, весь мокрый, измученный и побежденный, упал на песок.

— Вперед, Керверы! Мы спасены! — воскликнул Ивон.

— Нет еще, — сказала, дрожа от страха, Финетта. — Крестная мать великана — колдунья; я боюсь, что она отомстит мне за нанесенную ее крестнику обиду. Благодаря моему дару я узнала, что если вы покинете меня хотя на одну минуту, дорогой Ивон, я должна опасаться всего до того дня, когда вы дадите мне имя в домовой церкви Керверов.

— Клянусь гербом моих предков! — сказал Ивон, — у вас, дорогая Финетта, душа не бретонки, а зайца. Разве я не с вами? Или собираюсь вас покинуть? Или вы думаете, что небо вырвало нас из когтей этого чудовища для того, чтобы утопить у пристани?

Он так искренно смеялся, сверкая своими прекрасными белыми зубами, что и Финетта стала смеяться над своим страхом. О молодость, молодость! Как быстро проходят твои огорчения! После дождя так скоро вновь проглядывает солнце, что даже печали твои приятнее самых счастливых дней старости.

IV

Остальной путь они совершили благополучно, казалось, невидимая рука направляла корабль к берегам Бретани. Спустя двадцать дней после отъезда, юные путешественники подъезжали в лодке к берегу маленькой бухты, недалеко от замка Керверов. Сойдя на землю, Ивон обернулся, чтобы поблагодарить экипаж, но никого уже не было. И лодка, и корабль скрылись в волнах, не оставив никакого следа, словно крыло чайки.

Ивон узнал место, где так часто в детстве собирал раковины и ловил в норах крабов. Через полчаса, даже раньше, он должен был увидеть своды и башни старого замка. Сердце его забилось, он нежно посмотрел на Финетту и в первый раз заметил ее необыкновенный наряд, совершенно неприличный для дамы, которая сейчас должна была войти в почтенный дом Керверов.

— Дорогое дитя,— сказал он,— барон, мой отец, знатный барин, привыкший к общему уважению. Я не могу представить вас ему в этом цыганском наряде, вам не подобает также идти пешком в наш величественный замок, это пристойно только мужчинам. Подождите меня несколько минут, я возвращусь с платьями и иноходцем моей сестры. Я хочу, чтобы вас приняли как особу знатного происхождения и чтобы при вашем появлении мой отец сам вышел навстречу и почел за честь предложить вам руку.

— Ивон, Ивон!— воскликнула Финетта,— не покидайте меня. Как только вернетесь домой, вы меня забудете, я это знаю.

— Забыть вас!— воскликнул Ивон.— Если бы кто-нибудь другой нанес мне такую обиду, я показал бы ему с мечом в руке, что значит сомневаться в Кервере. Забыть вас, моя Финетта! Вы не имеете понятия о верности бретонца.

Бретонцы верны, в этом никто не сомневается, но надо отдать им справедливость, что они еще в большей степени упрямы. Напрасно молила бедная Финетта, ей пришлось уступить. Покоряясь против воли, она сказала Ивону:

— Хорошо, идите без меня в свой замок, но не оставайтесь там дольше того времени, которое нужно, чтобы поздороваться с вашими родными. Бегите прямо в конюшню и возвращайтесь, как можно скорей, вас окружат,— сделайте вид, что вы никого не видите, а главное, ничего не ешьте и не пейте. Если вы выпьете хоть один стакан воды, нас постигнет несчастье.

Ивон дал слово исполнить все, чего требовала Финетта, но в душе он смеялся над женской слабостью. Он был уверен в себе и с гордостью думал, что бретонцы совсем не походят на легкомысленных французов, слова которых, как говорят, улетучиваются при первом дуновении ветра.

Когда наш искатель приключений вошел в старый замок, он с трудом узнал его мрачные стены. Все окна снаружи и внутри были украшены зеленью и цветами, а двор усыпан свежей травой, с одной стороны стояли обильно уставленные кушаньями столы, где сидр лился рекой. С другой, весело играли, взобравшись на бочки, музыканты. Вассалы барона, мужчины и женщины, в лучших нарядах танцевали и пели, пели и танцевали. В замке было большое торжество, даже барон улыбался. Он выдавал замуж свою пятую дочь за рыцаря де Кернавалена, этот блестящий брак прибавлял лишний цветок к знаменитому гербу древнего рода Керверов.

Все пирующие узнали Ивона и, приветствуя, окружили его. Его целовали, брали за руки. Где он был? Откуда приехал? Завоевал ли королевство или герцогство? Не привез ли новобрачной убора какой-нибудь королевы? Покровительствовали ли ему феи? Сколько соперников поверг он на землю на турнирах? Все эти вопросы разом посыпались на него и остались без ответа.

Ивон почтительно поцеловал руку у отца, побежал в комнаты своих сестер, выбрал два самых лучших платья, вошел в конюшню, оседлал иноходца, вскочил на прекрасного испанского коня и направился было к воротам, но тут увидал перед собой родителей, друзей, оруженосцев и вассалов со стаканами в руках: все желали чокнуться с молодым господином и поздравить его с благополучным возвращением.

Ивон приветливо раскланивался и приветствовал жестом эту толпу друзей, понемногу прокладывая себе сквозь них дорогу, как вдруг при самом выезде, у опущенного подъемного моста, к нему подошла незнакомая дама, быть может, сестра новобрачного, блондинка с гордым и высокомерным видом, держа двумя пальцами красное яблочко.

— Прекрасный рыцарь,— сказала она со странной улыбкой,— вы не откажете даме в ее первой просьбе. Попробуйте это яблоко, прошу вас. Если после такого долгого путешествия вы не чувствуете ни голода, ни жажды, то, надеюсь, не забыли по крайней мере правила вежливости.

На такой вызов Ивон не решился отвечать отказом. И он дурно сделал. Едва только попробовал он яблоко, как стал озираться кругом, точно спросонок.

— Зачем я сижу на этой лошади?— подумал он.— Что означает этот иноходец, которого я веду за собой? Разве мое место не на свадьбе сестры около моего отца? Зачем мне ехать из замка?

Он бросил поводья одному из оруженосцев, ловко соскочил на землю и предложил руку белокурой даме, которая тотчас же

ее приняла и в знак благосклонности дала ему на хранение свой букет.

К концу дня в замке Керверов прибавилась еще чета обрученных. Ивон поклялся в верности незнакомке. Финетта была забыта.

V

Между тем Финетта, сидя на берегу моря, целый день ждала Ивона, но он не возвращался. Когда солнце скрылось в багровых волнах, Финетта, вздыхая, встала и одна отправилась в замок. Пройдя немного по дороге, окаймленной цветущим дерном, она увидела перед собой ветхую избушку, у порога которой беззубая старушонка готовилась доить корову. Финетта подошла к ней и, вежливо поклонившись, попросила приютить ее на ночь.

Старуха оглядела незнакомку с ног до головы. В своих опушенных мехом сапожках, широкой темно-красной юбке, голубом, обшитом янтарем корсаже и диадеме, Финетта была больше похожа на цыганку, чем на христианку. Старуха нахмурила брови и, грозя кулаком бедной покинутой девушке, закричала:

— Пошла прочь, колдунья! Тебе не место в этом честном доме.

— Добрая бабушка,— сказала Финетта,— дайте мне хоть уголок в хлеву.

— А! Тебе нужно уголок в хлеву? — со смехом сказала старуха, выставляя единственный торчавший, как клык, зуб.— Ты его получишь, если наложишь мне целый подойник золота.

— Согласна,— спокойно отвечала Финетта. Она открыла висевший на поясе кошелек, достала золотой шарик и, бросив его в подойник, проговорила:

Сокровище мое, шарик золотой,
Помоги мне, мой дорогой.

И вдруг на дне подойника застучали червонцы и стали наполнять его, прыгая, как рыбы в сети, между тем как старуха, став на колени, с изумлением смотрела на это чудо.

Когда подойник наполнился, она вскочила, надела его на руку и, кланяясь Финетте, закричала:

— Сударыня, я оставляю вам все: и дом, и корову, и все остальное. Ура! Я ухожу в город и буду жить там барыней, ничего не делая. Ах, если бы мне было только шестьдесят лет!

И ковыляя со своим костылем, старуха без оглядки побежала к замку Керверов.

Финетта вошла в хижину. Это была отвратительная лачужка, темная, низкая, сырая, вонючая, вся в пыли и паутине. Печальное убежище для молодой девушки, привыкшей жить в громадном

доме великана. Финетта спокойно подошла к очагу, где дымилось несколько полусырых веток терновника, вынула из кошелька второй золотой шарик и, бросив его в огонь, проговорила:

Сокровище мое, шарик золотой,
Помоги мне, мой дорогой.

Тотчас же золото расплавилось, закипело и разлилось, как вода, по всей хижине; и вот вся избушка, стены, крыша, деревянное кресло, табурет, сундук, постель, рога у коровы, даже пауки на паутине — все превратилось в золото. Хижина стала похожа на китайский домик. При свете луны он блестел сквозь чащу деревьев, как звезды среди ночного мрака.

Подоив корову и выпив немного молока, утомленная Финетта бросилась, не раздеваясь, в постель и заснула вся в слезах. Старухи не умеют держать язык за зубами, по крайней мере в Бретани. Как только хозяйка избушки пришла в соседнюю с замком Керверов деревню, она тотчас же побежала к полевому сторожу. Он был важным лицом и много раз приводил в трепет старуху, когда она по ошибке пасла свою корову на поле соседа. Сторож выслушал ее сообщение и, покачивая головой, заявил, что дело сильно пахнет колдовством, затем с таинственным видом принес весы, свесил золотые монеты и, найдя их доброкачественными, оставил у себя столько сколько мог. В заключение он посоветовал старухе никому не рассказывать об этом происшествии.

— Если судья или сенешаль вмешаются в это дело,— сказал он,— то в самом лучшем случае, бабушка, ты никогда больше не увидишь этих блестящих золотых вещиц. Правосудие беспристрастно. Без снисхождения и брезгливости оно берет все.

Старуха поблагодарила сторожа за совет и дала себе слово ему последовать. Поэтому вечером она рассказала всю историю только двум соседкам, самым лучшим приятельницам, и обе поклялись ей головой своих маленьких детей хранить тайну. Клятва была так торжественна и ненарушима, что на другой день к полудню в деревне не было ни одного мальчика, который не показывал бы пальцем на старуху. Даже собаки, казалось, своим лаем говорили, смотрите, смотрите, вот бабушка с червонцами.

Далеко не каждый день приходится встречать молодых девушек, занимающихся наполнением подойников золотом. Будь даже такая особа немножко колдуньей, она все же оказалась бы в доме сущим сокровищем. Эти мудрые соображения пришли в голову вечером перед отходом ко сну полевому сторожу, который был еще не женат. Поэтому он встал до рассвета и пошел дозором в ту сторону, где поселилась иностранка. При первых лучах солнца, он издали заметил какое-то сияние в лесу и был сильно удивлен, когда вместо несчастной лачужки увидел золотой дом. Но восторг и изумление его еще увеличились, когда,

войдя в этот дворец, он увидел у окна прекрасную девушку с черными волосами, которая пряла с величием императрицы.

Полевой сторож, как все мужчины, знал себе цену и в глубине души был уверен, что на свете нет женщины, которая не сочла бы за необычайное счастье отдать ему свою руку. Поэтому без всякого колебания он объявил Финетте, что пришел сюда, чтобы жениться на ней. Молодая девушка расхохоталась; это привело в бешенство полевого сторожа.

— Берегитесь,— сказал он громовым голосом,— я здесь начальник. Никому не известно, кто вы и откуда явились. Червонцы, данные вами старухе, подозрительны, и в этом доме не чисто. Если вы сию же минуту не согласитесь быть моей женой, я вас арестую и сегодня же, быть может, перед замком Керверов сожгут на костре колдунью.

— Вы очень любезны,— сказала с грациозной улыбкой Финетта,— у вас своеобразная манера ухаживать за дамами. Каждый благовоспитанный человек, даже в случае их согласия, щадит их робость и скромность.

— Что касается нас, бретонцев, то мы люди решительные, мы идем прямо к цели. Брак или тюрьма! Выбирайте.

— Хорошо,— сказала Финетта, откладывая в сторону свою прялку.— Ах, посмотрите, на пол упал огонь.

— Не беспокойтесь,— сказал сторож,— я положу головню на очаг.

— Поправьте хорошенько огонь,— сказала Финетта,— сгребите пепел в середину. Взяли вы щипцы?

— Да,— отвечал сторож, подбирая трещавшие головни.

— Абракадабра!— закричала Финетта, вставая.— Держи же щипцы, злодей, и пусть они тебя держат до заката солнца.

Сказано — сделано. И сторож оставался тут целый день, поднимая щипцами и бросая на очаг дымящиеся головни, которые отскакивали ему в лицо, и отгребал летевший ему в глаза горячий пепел. Напрасно он кричал, просил, плакал, проклинал, никто не слышал его. Если бы Финетта осталась дома, она, конечно, сжалилась бы над несчастным, но, произнеся заклятие, она побежала к морю и здесь, забыв обо всем, стала поджидать Ивона, который все не возвращался.

Как только солнце зашло, щипцы выпали из рук сторожа и он пустился бежать без оглядки, точно сам дьявол гнался за ним по пятам. Он делал такие прыжки, испускал такие вопли, был так черен, опален и напуган, что вся деревня в страхе смотрела на него как на сумасшедшего. Самые смелые пытались заговорить с ним, но он убежал, не отвечая, и скрылся в своем доме, посрамленный больше, чем попавший в капкан волк.

Вечером, когда опечаленная Финетта возвратилась в свое

жилище, она застала там уже не сторожа, а другого, хотя и не менее грозного, посетителя.

Местный судья, узнав историю с червонцами, также решил жениться на иностранке. Он не был так груб, как сторож, это был веселый толстяк, который не мог сказать слова, не покатываясь со смеху и не показывая своих желтых зубов. Но, в сущности, он был не менее навязчив и грозен, чем его предшественник. Финетта умоляла господина судью оставить ее в покое, господин судья расхохотался и дал вежливо понять своей невесте, что по праву, присвоенному его должности, он может сажать в тюрьму и вешать без суда и следствия. Финетта со слезами и мольбой сложила руки. Вместо всякого ответа судья вынул из кармана сверток пергамента, написал на нем акт о бракосочетании и объявил Финетте, что он не уйдет, пока она его не подпишет, хотя бы ему пришлось провести в ее доме всю ночь.

— Но,— прибавил он,— если моя особа вам не нравится, я не буду настаивать, вот другой лист пергамента, на котором я могу написать все, что угодно, и если вид мой вам неприятен, нет ничего легче, как закрыть вам глаза.

Говоря это, он провел рукой вокруг шеи и высунул язык, поистине так мило, что мог развеселить всякого.

— Боже мой!— сказала Финетта.— Я, быть может, и решилась бы на то, чего вы желаете, если бы я была уверена, что найду в вас доброго мужа, но я боюсь...

— Чего же, дорогое дитя?— сказал судья, улыбаясь и уже принимая гордый вид, как распустивший хвост павлин.

— Неужели вы думаете,— отвечала она капризным тоном,— что добрый муж оставил бы эту дверь отворенной и не чувствовал бы, что холодный ветер дует на его жену?

— Вы правы, моя красавица,— сказал судья,— я невежлив, но сейчас исправлю свой промах.

— Вы нашли засов?— спросила Финетта.

— Да, моя прелесть,— отвечал счастливый судья,— я сейчас запру им дверь.

— Абракадабра!— закричала Финетта.— Пусть же дверь тебя держит, злодей, и держи ее сам до рассвета.

И дверь начала отворяться и затворяться, стукаясь о стены, точно орел, махающий крыльями. Посудите же сами, как выплясывал бедный пленник целую ночь. Ни разу ему не приходилось танцевать такой танец, и я полагаю, что он никогда после того не желал повторить его. То он сам распахивал дверь на улицу, то дверь его прихлопывала, чуть не придавливая к стене. Он бегал взад и вперед, кричал, проклинал, плакал, просил. Напрасный труд: дверь была глуха к его мольбам, а Финетта спала.

На рассвете его сжатые руки раскрылись и он хлопнулся головой о землю. Недолго думая, он бросился бежать, как будто

его преследовали сарацины. Он даже не оглядывался, боясь, что дверь гонится за ним по пятам. К счастью, когда он возвратился домой, все еще спали, и он мог спрятаться в постель прежде, чем печальный вид его был кем-либо замечен. Великое счастье! Он был в пыли с головы до ног и так бледен, растерян и испуган, что его могли принять за убежавшую из ада тень мельника.

Когда Финетта открыла глаза, она увидела около своей постели высокого человека в черном платье, бархатной шляпе и со шпагой, как у рыцаря.

То был сенешаль двора и владений Керверов. Скрестив руки, он смотрел на молодую девушку таким взглядом, который пронизал ее холодом до мозга костей.

— Как твое имя, вассалка? — спросил он громовым голосом.

— Финетта, к вашим услугам, сударь,— отвечала она, дрожа всем телом.

— Этот золотой дом и эта золотая мебель принадлежат тебе?

— Да, сударь, все к вашим услугам.

— Именно этого я и хочу,— сурово заметил сенешаль.— Встань, вассалка, я хочу оказать тебе честь: я женюсь на тебе и беру под свое покровительство твою личность и имущество.

— Сударь,— сказала Финетта.— Это слишком большая честь для такой бедной девушки, как я, я иностранка и не имею ни родных, ни друзей.

— Замолчи, вассалка! — сказал сенешаль.— Я твой властелин и начальник и не нуждаюсь в твоем мнении. Подпиши эту бумагу.

— Сударь,— отвечала Финетта,— я не умею писать.

— Неужели ты воображаешь, что я умею лучше тебя? — возразил сенешаль голосом, от которого задрожал дом.— Уж не принимаешь ли ты меня за писаря? Простой крест — вот подпись рыцарей.— Он поставил большой крест на бумаге и протянул перо Финетте.

— Подпиши,— сказал он.— Если ты боишься поставить крест, то сама произносишь себе приговор, безбожница, и я принимаю на себя его исполнение.

И говоря это, он вынул из ножен тяжелую шпагу и бросил на стол. Вместо ответа Финетта выскочила в окно и спряталась в хлеве. Сенешаль бросился за ней, но, когда он хотел войти, его задержало непредвиденное препятствие. Испуганная корова при виде молодой девушки попятилась назад и заняла проход. Финетта держала ее за рога, пользуясь ею, как щитом.

— Ты не уйдешь от меня, колдунья! — закричал сенешаль и, схватив с силой, достойной Геркулеса, корову за хвост, вытащил ее из хлева.

— Абракадабра! — закричала Финетта. — Пусть же коровий хвост тебя держит, злодей, и держи его сам до тех пор, пока вы вместе не сделаете кругосветного путешествия.

И вот корова полетела, как молния, влача за собой несчастного сенешаля. Ничто не могло остановить неразлучных путешественников, они бежали через горы и долы, переносились через болота, реки, рвы и леса, скользили по поверхности моря, не погружаясь в воду, мерзли в Сибири, пеклись на солнце в Африке, взлетели на Гималаи, спустились с Монблана и, наконец, после тридцатишестичасового беспримерного путешествия остановились, задыхаясь и выбившись из сил, на площади деревни Керверов.

Сенешаль, прикованный к коровьему хвосту, — такое зрелище, которое не каждый день случается видеть. Поэтому все поселяне и крепостные окружили его, чтобы посмотреть на это чудо. Но как ни был сенешаль растерзан по милости африканских кактусов и азиатских кустарников, он нисколько не утратил своего величия. Грозным жестом рассеял он толпу черни и, ковыляя, отправился домой, чтобы освежиться и отдохнуть, в чем он начинал чувствовать потребность.

VI

В то время, как полевой сторож, судья и сенешаль претерпевали эти маленькие невзгоды, рассказывать о которых они считали излишним, в замке Керверов приготовлялись к важному событию — к свадьбе Ивона и белокурой дамы. Все было готово за два дня, из всей округи на двадцать миль кругом собрались друзья и знакомые. И вот в одно прекрасное утро Ивон со своей невестой вместе с господином и госпожой де-Кервер заняли место в разубранной зеленью колеснице и с большою пышностью отправились в знаменитый монастырь Сен-Маклу. Справа и слева жениха с невестой сопровождали сто рыцарей в железных латах на парадных разукрашенных лентами конях. В знак особого почета у каждого из них было поднято забрало и опущено копье. За каждым бароном ехал, держа знамя, оруженосец. Во главе процессии гарцевал с золотым жезлом в руках сенешаль. За каретой шел с важностью судья в сопровождении вассалов и вассалок, между тем как полевой сторож укрощал любопытную мятежную толпу поселян и крепостных, столько же невоздержных в своей страсти к зрелищам, как и в болтовне.

Но едва отъехали с милю от замка, как при переправе через ручей у колесницы сломался один из вальков. Пришлось остановиться. Исправив повреждение, хлестнули лошадей, они так сильно дернули, что и другой валек разлетелся на несколько частей. Шесть раз переменяли этот злополучный кусок дерева,

шесть раз он снова ломался, и все никак не могли выбраться из ямы, в которой увязла свадебная колесница.

Каждый подавал советы, крестьяне, занимавшиеся тележным ремеслом, не отставали от других, стараясь щегольнуть знанием дела. Это придало смелости полевому сторожу, он подошел к барону Керверу, снял шляпу и, почесывая затылок, сказал:

— Ваша светлость, в доме, который блестит там сквозь листву, живет иностранка, которая так щедра, как никто. Попросите ее одолжить вам свои щипцы, чтобы из них сделать валек, я думаю, они-то выдержат до завтра.

Барон кивнул головой, десять человек крестьян побежали к дому Финетты, которая очень охотно дала им золотые щипцы. Их вставили на место валька, пристегнули постромки, лошади рванули и вынесли колесницу, как перышко.

Радость была общая, но она продолжалась недолго. Через сто шагов затрещало и выпало дно колесницы и с ним едва не погибла, как будто сброшенная в яму, благородная семья Керверов. Каретники и тележники тотчас же принялись за работу, напилили досок, прибили крепко-накрепко гвоздями и в одно мгновение ока поправили беду. Вперед, Керверы! Двигаются в путь, пол колесницы остается позади, госпожа Кервер неподвижно сидит рядом с невестой в то время, как Ивон с бароном несутся вскачь.

Новое затруднение, новое отчаяние. Но все усилия напрасны, три раза чинили колесницу, и три раза она снова ломалась. Можно было подумать, что она заколдована.

Каждый подавал советы, это придало смелости судье. Он подошел к барону де-Кервер и, отвесив низкий поклон, сказал:

— Ваша светлость, в доме, который блестит там сквозь листву, живет иностранка, которая так щедра, как никто. Попросите ее одолжить вам половинку двери, чтобы сделать из нее дно колесницы, я думаю, она-то выдержит до завтра.

Барон кивнул головой, двадцать человек крестьян побежали к Финетте, которая очень охотно отдала золотую половинку двери. Ее вставили в колесницу, и она пришлась так хорошо, точно нарочно для этого была сделана. В путь! Монастырь уже виден, конец всем дорожным передрягам. Ничуть не бывало! Лошади останавливаются и не хотят везти дальше. Вместо четырех лошадей впрягли шесть, восемь, десять, двенадцать, двадцать четыре, напрасный труд, колесница не трогалась с места. Чем больше хлестали лошадей, тем глубже погружались в землю колеса, точно резаки у плуга.

Что делать? Идти пешком было совестно. Сесть верхом на лошадей и подъехать к монастырю, подобно простым мещанам, было не в обычае у Керверов. Поэтому всеми силами старались поднять колесницу, толкали колеса, кричали, сердились. Но, не-

смотря на то, что говорили много, вперед не двигались. Между тем наступал вечер, и назначенное для венчанья время истекло.

Каждый подавал советы, это придало смелости сенешалю. Он подошел к барону де-Кервер, слез с коня и, сняв бархатную шляпу, сказал:

— Ваша светлость, в доме, который блестит там сквозь листву, живет иностранка, которая так щедра, как никто. Попросите ее одолжить вам свою корову, чтобы довезти колесницу, я думаю, что это животное будет везти хоть до завтра.

Барон кивнул головой, и тридцать человек крестьян побежали к Финетте, которая очень охотно дала им свою корову с золотыми рогами.

ВъехатЬ в монастырь на корове, быть может, и не соответствовало мечтам белокурой дамы, но это было лучше, чем сидеть на дороге, не венчаясь.

И так корову впрягли во главе четверки и ждали, что будет делать хваленое животное.

Но не успел кучер ударить бичом, как корова понеслась вскачь, как будто хотела снова совершить кругосветное путешествие. Лошади, колесницы, барон и невеста, кучер — все умчалось за бешеным животным. Напрасно рыцари пришпоривали коней, чтобы поспеть за женихом и невестой, напрасно вассалы и крестьяне бежали со всех ног прямиком, желая пересечь ей дорогу, колесница неслась, как на крыльях, даже птица не могла бы ее догнать.

Подъехав к воротам монастыря, несколько утомленная быстрой ездой свита не прочь была сойти с коней. Все было готово для церемонии, уже давно ожидали жениха с невестой. Но вместо того, чтобы остановиться, корова понеслась еще быстрее. Тринадцать раз обежала она вокруг монастыря, с бешеной быстротой колеса горшечника, затем вдруг повернула на дорогу к замку и поскакала прямо через поля с такою быстротою, что едва не разбила в пух и прах всех Керверов, пока не доставила их в древний замок.

VII

В этот день нечего было и думать о свадьбе. Но столы были накрыты, кушанья поданы, и барон Кервер был слишком благородный рыцарь, чтобы отпустить своих добрых бретонцев, не дав им, согласно обычаю, вдоволь попировать от заката до восхода солнца и даже немного дольше.

Подали знак садиться. На дворе в восемь рядов в виде лотков было расставлено девяносто шесть столов. Напротив, на высокой, обитой бархатом, эстраде, с балдахином посредине, возвышался стол более широкий, чем все остальные, и уставленный

цветами и плодами, не говоря уже о жареных козулях и павлинах, дымившихся из-под украшавших их перьев. Здесь, на виду у всех, чтобы не лишить никого удовольствия, должны были сидеть новобрачные. Обычай требовал, чтобы самый последний крепостной мог удостоиться чести поздравить молодых и осушить кружку меду за здоровье и благополучие знаменитого и могущественного рода Керверов.

Барон пригласил за свой стол сто рыцарей, сзади которых поместились, чтобы прислуживать им, их оруженосцы. Справа он посадил белокурую даму и Ивона, а слева оставил место свободным и, подозвав пажа, сказал:

— Беги, дитя мое, к иностранке, которая оказала нам так много услуг сегодня утром. Не ее вина, если успех превзошел ее доброе желание. Скажи ей, что барон де-Кервер благодарит ее за помощь и просит на свадьбу рыцаря Ивона.

Придя в золотой дом, где Финетта горько оплакивала своего жениха, паж преклонил колено и от имени барона просил иностранку последовать за ним и удостоить чести присутствовать на свадьбе рыцаря Ивона.

— Кланяйся от меня своему господину,— гордо отвечала молодая девушка,— и скажи ему, что если он слишком большой барин, чтобы прийти ко мне, то и я слишком знатна, чтобы идти к нему.

Когда паж передал барону ответ иностранки, господин де-Кервер ударил по столу кулаком, так что три блюда взлетели на воздух.

— Клянусь небом! — воскликнул он.— Именно так подобает отвечать даме, и я тут же признаю себя побежденным. Оседлайте моего коня! Оруженосцы и пажи, будьте готовы за мною следовать! — В сопровождении блестящей свиты барон подъехал к дверям золотого дома и сошел с коня. Он извинился перед Финеттой, предложил ей руку, подал стремя и посадил ее на коня сзади себя, ни дать ни взять как настоящую герцогиню. Дорогой он из деликатности не разговаривал с ней и, приехав в замок, с непокрытой головой подвел к оставленному для нее почетному месту.

Отъезд барона Кервера наделал много шума, возвращение поразило еще больше. Все спрашивали: кто эта дама, к которой с таким почтением относится гордый барон? Судя по костюму, она была иностранка. Не герцогиня ли нормандская или королева французская? За разъяснением обратились к полевому сторожу, судье и сенешалю. Полевой сторож дрожал, судья бледнел, сенешаль краснел, и все трое были немы как рыбы. Молчание этих важных особ еще более увеличило общее удивление.

Все взоры были устремлены на Финетту, а между тем на душе у нее была смертельная тоска. Ивон видел ее и не узнал. Он

бросил на нее равнодушный взгляд и снова продолжал нежный разговор с надменно улыбавшейся белокурой дамой.

В отчаянии Финетта вынула из кошелька золотой шарик, последнюю свою надежду. Продолжая разговаривать с бароном, который был очарован ее умом, она повертела в руке шарик и прошептала:

Сокровище мое, шарик золотой,
Помоги мне, мой дорогой.

И вдруг шарик стал расти, расти и превратился в золотой кубок чудной работы, такой красивый, какого никогда еще не приходилось видеть у себя на столе не только барону, но даже и самому королю.

Финетта сама налила в кубок ароматного меду и, подозвав смущенного и прятавшегося сенешаля, сказала самым ласковым голосом:

— Любезный сенешаль, прошу вас поднести этот кубок рыцарю Ивону, я хочу выпить за его счастье, он не откажется принять мой тост.

Ивон небрежно взял кубок, поднесенный ему сенешалем на подносе из золота и эмали, кивнул иностранке, выпил мед и, поставив перед собой кубок, снова обратился к занимавшей все его мысли белокурой даме. Дама казалась встревоженной и рассерженной, но рыцарь шепнул ей несколько слов, от которых она пришла в восторг, глаза ее заблестели и рука снова опустилась на плечо Ивона.

Финетта опустила голову и заплакала. Все было потеряно.

— Дети! — воскликнул громким голосом барон. — Наполняйте свои кубки! Выпьем все за любезность и красоту знатной иностранки, удостоившей нас своего присутствия. За владелицу золотого дома!

Все начали кричать и пить. Ивон ограничился только тем, что поднял кубок на уровень глаз. Но вдруг он задрожал и замер на месте, безгласный, с раскрытым ртом и неподвижным взглядом, точно ему представилось видение.

И действительно, то было видение. В кубке, как в зеркале, увидел Ивон все прошлое. Великан его преследует, Финетта увлекает за собой, он садится вместе с ней на корабль, который спасает их обоих, и вместе с ней сходит на берег Бретани. Он оставляет ее, но только на минуту, она плачет при расставании. Где же она? Рядом с ним, конечно. Кто же другой, кроме Финетты, мог сидеть рядом с Ивоном?

Он наклонился к белокурой даме и вскрикнул, как будто наступил на змею, затем, шатаясь, как пьяный, встал и угрюмо посмотрел вокруг, но, увидав Финетту, всплеснул дрожащими руками, бросился к ней и, упав на колени, воскликнул прерыва-

ющимся от рыданий голосом: «Финетта, Финетта, простишь ли ты меня?»

Нет выше счастья, как прощать. В тот же день Финетта сидела уже рядом с Ивоном и, Бог знает, что поверяли они друг другу, смеясь и плача в одно и то же время.

Что же сталось с белокурой дамой? Не знаю. При крике Ивона она исчезла. Молва утверждает, что из замка вылетела отвратительная старуха, преследуемая лаем собак. Все Керверы сходились во мнении, что белокурая дама была не кто иная, как колдунья, крестная мать великана. Во всяком случае, этот факт не настолько выяснен, чтобы я мог поручиться за его достоверность. Всегда благоразумнее думать, не имея даже доказательств, что женщина — колдунья, но никогда нельзя этого утверждать. Не погреша против правдивости историка, я могу только сказать, что прерванный на минуту пир возобновился и нисколько не потерял ни в продолжительности, ни в веселье.

На следующий день рано утром направились в домовую церковь, и, к своей сердечной радости, Ивон обвенчался с Финеттой, которая не боялась больше никаких бед. Затем пили, ели и танцевали в течение целых тридцати шести часов и никто не подумал об отдыхе. У сторожа немного отяжелели руки, судья потирал себе по временам спину, сенешаль чувствовал некоторое утомление в ногах и у всех трех на совести лежала какая-то тяжесть, от которой им хотелось освободиться, поэтому они кружились, как молодые люди, до тех пор, пока не свалились с ног и их не унесли. Финетта не думала об ином мщении. Ее единственным желанием было видеть счастливыми вокруг себя всех, кто имел какое-нибудь отношение к знатному роду Керверов. Поэтому память о ней до сих пор живет в Бретани. Каждый встречный покажет вам в развалинах замка статую доброй госпожи с пятью маленькими шариками в руке.

Бац-Бац

I

Герцог Чудной и его сын Душка

СЧАСТЛИВОЙ и благословенной небом стране Сорных Трав,— там, где мужчины всегда правы, а женщины никогда не бывают виноваты, жил когда-то один могущественный феодал, который исключительно заботился о благоденствии своих вассалов и, как говорят, не ведал, что такое скука. Весьма сомнительно, чтобы он пользовался любовью народа, но зато достоверно известно, что придворные мало его уважали и еще меньше любили, они прозвали его герцогом Чудны́м. Под этим именем он стал известен и в истории, как это видно из «Пространной хроники стран и народов, никогда не существовавших», замечательного труда, свидетельствующего об обширной учености и глубине критических взглядов его составителя, достопочтенного прелата дона Мельхиседека де-Ментирас и Неседад.

Овдовев после одного года супружества, Чудной перенес всю свою любовь на своего сына и наследника. Это был прехорошенький ребенок; его личико было свежо, как бенгальская роза, прекрасные русые волосы падали на его плечи золотистыми локонами, прибавьте к этому голубые ясные очи, маленький ротик, продолговатый подбородок, и вы получите олицетворение херувима. Восьми лет это юное чудо природы восхитительно танцевало, ездило верхом не хуже любого наездника в цирке и дралось на шпагах, как самый лучший профессор фехтовального искусства.

Кто мог не восхищаться им, его привлекательной улыбкой и изящными манерами, с которыми он обращался к толпе, когда бывал в хорошем расположении духа? За все эти качества никогда не ошибающийся глас народа прозвал его принцем Душкой, и это прозвище так за ним и осталось.

Душка был прекрасен как день, но и на солнце, с которым любят сравнивать себя сильные мира сего, есть, говорят, пятна.

Маленький принц пленял всех окружающих своим приветливым видом, но в нем были и темные стороны,— они не ускользали от проницательных взглядов, как обожателей, так и завистников. Гибкий, ловкий, проворный во всех телесных упражнениях, Душка не был склонен к ученью, он вбил себе в голову, что знает все и без ученья.

Правда, гувернантки, льстецы и придворные постоянно твердили ему, что труд существует не для лиц его происхождения и что герцог всегда почитается высокоученым, если уделяет поэтам, писателям и художникам частицу своих доходов. Такие речи приятно щекотали самолюбие Душки, и он на двенадцатом году, с твердостью не по летам, отказался наотрез взяться за букварь.

Три наставника, избранные из числа самых сведущих и терпеливых, аббат, философ и полковник, тщетно старались поочередно сломить непреклонность своего ученика; аббат забыл при этом свою философию, философ тактику, а полковник латынь. Оставшись победителем на поле сражения, Душка стал руководствоваться исключительно своими капризами, жить без принуждения и сознания долга. Будучи упрям, как осел, вспыльчив, как индюк, лаком, как кошка, и ленив, как уж, он продолжал пользоваться всеобщей любовью в народе, обожавшем его за красоту и миловидность.

II

Мадемуазель Пацца

ОТЯ Чудной получил очень скудное образование, однако он был от природы человек довольно рассудительный, невежество сына ему сильно не нравилось, и он не раз с тревогой вопрошал себя, что станется с его народом при наследнике, которого самый ничтожный из льстецов легко может провести.

Что тут делать? Какое средство можно употребить против ребенка, завещанного ему на смертном одре обожаемой женой? Чудной скорей согласился бы уступить сыну свою герцогскую коро-

ну, чем видеть его плачущим, любовь обезоруживала его, однако любовь не слепа, хотя поэты и утверждают противное. Увы, многие были бы куда счастливее, если бы могли кой-чего не видеть. Страдания любящих и заключаются в том, что они невольно делаются рабами и соучастниками тех неблагодарных, которые чувствуют, что они любимы.

Обыкновенно по окончании заседаний верховного совета Чудной проводил конец дня у маркизы де-Касторо. Это была дама уже преклонного возраста, которая носила герцога ребенком на руках, и теперь одна лишь могла пробуждать в нем сладкие воспоминания о днях детства и юности. Про нее говорили, что она весьма безобразна и немножко колдунья, но свет так злоязычен, что его россказням следует верить только наполовину. Маркиза имела крупные черты лица и благородную седину в волосах, нетрудно было представить себе, что в былые времена она считалась красавицей.

Однажды, когда юный герцог был более безрассуден, чем обыкновенно, Чудной вошел к маркизе особенно озабоченный. Как и всегда, он присел к приготовленному карточному столику и, взяв в руки карты, принялся раскладывать пасьянс. В этом занятии герцог находил средство усыплять свою мысль и предавать на несколько часов забвению скуку и заботы, сопряженные с властью. Едва успел он разложить шестнадцать карт правильным четырехугольником, как, глубоко вздохнув, воскликнул:

— Маркиза, перед вами несчастнейший из отцов и властителей! Несмотря на свою естественную прелесть, Душка с каждым днем становится все своенравнее и порочнее. Боже милостивый! Вправе ли я оставить после себя такого наследника и вверить подобному глупцу благоденствие моих вассалов?

— Такова уж природа,— ответила маркиза:— она одаряет всегда лишь односторонне, лень всегда сопутствует красоте, ум и безобразие никогда не расстаются друг с другом. Наглядный тому пример можно видеть у меня в семье: на днях ко мне прислали мою двоюродную внучку, у которой, кроме меня, нет родных, она черна, как лягушка, худа, как паук, притом хитра, как обезьяна, и учена, как книга, а самой нет еще и десяти лет. Можете судить сами, герцог: вот он, мой маленький уродец,— сам пришел вам представиться.

Герцог обернулся и увидел ребенка, вполне схожего с сделанным маркизой описанием. Выпуклый лоб, неприветливые глаза, растрепанные взъерошенные волосы, смугло-матовый цвет кожи и большие белые зубы, длинные, красные от загара руки — все это не напоминало лесной нимфы. Но из куколки выходит бабочка, дайте только ребенку возможность расправить крылья, и вы увидите, в каких красавиц превращаются иногда десятилетние уродцы.

Маленький уродец приблизился к герцогу и сделал ему такой серьезный реверанс, что Чудной невольно рассмеялся, хотя ему и было не до смеха.

— Кто ты? — спросил он девочку, взяв ее за подбородок.

— Ваша Светлость,— с важностью ответила она: — меня зовут донна Долорес-Розарио-Кораль-Конча-Бальтазара-Мельхиора-Гаспара Тодос-Сантос, дочь благородного рыцаря, дона Паскаля-Бартоломео-Франческо-де-Асиз...

— Довольно,— перебил ее герцог.— Я спрашиваю у тебя не про твою родословную, мы здесь не на твоих крестинах, и не на твоей свадьбе, скажи-ка лучше, как звать тебя попросту.

— Попросту меня, Ваша Светлость, зовут Пацуой[1].

— Почему?

— Потому что это не мое имя, Ваша Светлость.

— Это что еще за странность? — спросил герцог.

— Странность, легко объяснимая, Ваша Светлость. Тетушка моя находит, что я слишком шустра, чтобы быть достойной носить имя какой-либо из святых. Поэтому тетушка и дала мне такое имя, которое не может оскорбить никого в раю.

— Ответ хорош, сейчас видно, что ты не обыкновенное дитя. Не все выказывают такое внимание обитателям рая. По-видимому, ты знаешь довольно много, не можешь ли ты объяснить мне, что такое ученый?

— Могу, Ваша Светлость. Ученый — это человек, который, когда говорит, то знает, что хочет сказать, а когда делает, то знает, что хочет сделать.

— Ну, если б мои ученые были такими, какими ты их воображаешь, я бы назначил их членами моего верховного совета и поручил бы им управление всеми делами, а невежда что такое?

— Невежды, Ваша Светлость, бывают трех родов: те, которые ничего не знают, те, которые говорят о том, чего не знают, и те, которые не хотят ничего знать. Всех их надо повесить, потому что они не потонут.

— Ты начинаешь говорить пословицами. А знаешь ли ты, как называют пословицы?

— Да, знаю: пословицы называют мудростью народа.

— А почему их так называют?

— Потому, что они глупы, смешивают черное с белым, бывают всякого вкуса и цвета, подобно колоколам, они отвечают то да, то нет, смотря по расположению духа прислушивающихся к их перезвону.

Тут Пацца вдруг высоко подпрыгнула, поймала муху, жужжавшую около Его Светлости, и затем, покинув изумленного герцога, схватила свою куклу и, усевшись на полу, стала ее укачивать на своих коленях.

---

[1] Пацца — по-итальянски значит сумасшедшая.

— Итак,— обратилась к герцогу маркиза,— что думаете вы об этом ребенке?

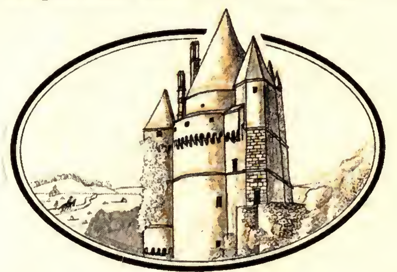
— Она слишком умна,— отвечал герцог,— а потому долго не проживет.

— О, Ваша Светлость,— воскликнула Пацца,— ваши слова не очень-то лестны для моей тетушки, ведь ей уж давно исполнилось десять лет!

— Молчи, цыганенок,— проговорила старая маркиза,— как смеешь ты делать замечание Его Светлости!

— Маркиза,— сказал герцог,— мне вдруг пришла на ум столь странная мысль, что я едва решаюсь поверить ее даже вам, тем не менее я испытываю непреодолимое желание привести ее поскорей в исполнение. Я ничего не могу поделать с сыном, все доводы разума не в силах побороть его упрямства, как знать, не удастся ли путем сумасбродства достигнуть лучшего успеха? Не попробовать ли сделать из Паццы учительницу Душки? Быть может, этот упрямец, противящийся своим наставникам, вдруг окажется совершенно беззащитным против ребенка. Единственное препятствие, это — что все будут не согласны, и я вооружу против себя целый свет.

— Пустяки!— возразила маркиза.— Свет слишком глуп, и надо думать совершенно наоборот, чем он, чтоб быть правым.

III

Первый урок

ТАКИМ образом Пацце вверено было образование юного герцога. Официального назначения ее не последовало, и в местных газетах не появлялось известий, что Его Светлость со свойственной ему мудростью неожиданно нашел выходящего из ряда вон гения, которому и доверил образование ума и сердца своего наследника; но на другой же день Душку просто отослали к маркизе и разрешили ему играть с Паццой.

Оставшись одни, дети молча смотрели друг на друга. Наконец Пацца, как более бойкая, первая прервала молчание.

— Как тебя зовут? — спросила она своего нового товарища.

— Те, которые со мной не знакомы, зовут меня Ваша Светлость,— обиженно ответил Душка.— Те, которые знакомы со мной, называют меня принцем, а все вообще говорят мне Вы. Этого требует этикет.

— Что это такое «этикет»? — спросила Пацца.

— Не знаю. Когда я начинаю прыгать, кричать или кувыркаться по полу, мне запрещают это, как не согласное с этикетом, тогда я утихаю и начинаю скучать: это и есть этикет.

— Ну, так как мы здесь находимся для того, чтоб забавляться, то отбросим этикет. Говори мне ты, как будто я твоя сестра, и я буду тоже говорить тебе ты, как будто ты мой брат, а Светлостью я тебя звать не стану.

— Но ведь ты не знакома со мной!

— Ну, так что ж? Я буду тебя любить, и это будет гораздо лучше, говорят, что ты превосходно танцуешь? Хочешь, выучи и меня танцевать?

Лед растаял. Душка схватил Пацца за талию и в каких-нибудь полчаса научил ее танцевать польку того времени.

— Как хорошо ты танцуешь,— сказал он ей,— ты сразу поняла все па.

— Это потому, что ты превосходный учитель,— любезно ответила Пацца.— Теперь моя очередь научить тебя чему-нибудь.

С этими словами она взяла роскошную книгу с картинками и стала показывать ему изображения памятников, рыб, великих людей, попугаев, ученых, диковинных зверей, цветов,— все таких предметов, которые занимали Душку.

— Вот видишь ли,— сказала ему Пацца,— тут есть объяснение ко всем этим рисункам: давай прочтем их.

— Я не умею читать,— возразил Душка.

— Я тебя выучу. Я буду твоей маленькой учительницей.

— Я не хочу учиться читать, все учителя мне надоедают.

— Отлично, но ведь я же не учитель. Смотри, вот А, прелестное А, скажи А.

— Нет,— возразил Душка, сдвинув брови,— я ни за что не повторю А.

— Ну, сделай мне удовольствие.

— Нет, ни за что. Не проси, я не терплю противоречий.

— Милостивый государь, вежливый человек не должен отказывать дамам.

— А я откажу даже черту в юбке! — сердито проговорил Душка.— Оставь меня в покое, я тебя более не люблю: отныне зови меня Светлостью.

— Светлейший Душка или Душка Светлость,— ответила Пацца, побагровев от гнева,— вы будете читать или же объясните мне, почему именно вы отказываетесь.

— Я не стану читать.

— Нет? Раз, два, три.

— Нет, нет, нет!

Пацца размахнулась: бац, бац,— и две оплеухи поразили Душку. Пацце постоянно твердили, что ум у нее даже в пальцах. Она поняла эти слова буквально, никогда не следует шутить с детьми.

Получив это первое предостережение, Душка побледнел и затрясся, кровь ударила ему в голову, и крупные слезы показались на его глазах. Он так посмотрел на свою юную наставницу, что она вздрогнула. Затем мгновенно он сделал необычайное над собою усилие, вполне овладел собою и сказал Пацце взволнованным голосом:

— Пацца, вот А.

И в тот же день, в один прием, он выучил весь алфавит, к концу недели знал уже склады, и не прошло месяца, как он стал читать совершенно свободно.

Кто был счастлив, так это герцог-отец. Он целовал Паццу в обе щеки, требовал, чтоб она неотлучно находилась при его сыне и при нем самом: он сделал ее своим другом и советником, к крайнему негодованию приближенных.

Душка, постоянно пасмурный и молчаливый, быстро усвоил то, чему могла научить его юная наставница; тогда он вернулся к своим прежним учителям и поразил их как своими способностями, так и своим прилежанием.

Он так хорошо усвоил грамматику, что аббат стал задумываться, нет ли в самом деле смысла в составленных им и самому ему непонятных определениях. Еще более удивлялся философ, который по вечерам поучал Душку как раз противоположно тому, чему по утрам его учил аббат. Но с наименьшим отвращением Душка учился у полковника. Правда, Байонет — так звали полковника — был весьма искусный стратег; он мог с некоторой вариацией, подобно древним, воскликнуть: «Homo sum, humani nihil a me alienum puto» — «Я человек, и все, что касается искусства истреблять бедных людей, не чуждо мне». Он познакомил Душку с секретом, как пристегивать отвороты и отворачивать полы мундира; он же вселил в Душку мысль, что самое достойное для него занятие составляют фронтовые ученья, и что вся сущность разумной политики состоит в производстве смотров ради войны, и войны ради смотров.

Весьма возможно, что подобные теории не согласовались с понятиями самого герцога-отца, но он был так рад успехам сына, что ничем не хотел омрачать столь удивительных результатов воспитания, так долго почитавшегося безнадежным.

— Сын мой,— не переставал он твердить,— помни, что всем ты обязан Пацце!

Пацца при этом краснела от удовольствия и с нежностью поглядывала на юного красавца. Несмотря на весь свой ум, она бы-

ла достаточно глупа, чтобы полюбить Душку. Душка же всегда ограничивался холодным ответом, что благодарность есть качество, присущее сильным мира сего, и что в свое время Пацца узнает, что ее ученик ничего не забыл.

IV

Свадьба Паццы

ОГДА юному принцу исполнилось семнадцать лет, он в одно прекрасное утро вошел к отцу, здоровье которого стало заметно слабеть и который страстно желал женить сына до своей кончины.

— Отец,— сказал он,— я долго думал по поводу ваших мудрых слов; вы даровали мне жизнь, но Пацце я обязан еще большим: она вызвала к жизни мой разум и мою душу, я вижу один только способ уплатить долг моего сердца, это жениться на той, которой я обязан тем, что я есть. Я пришел к вам просить руки Паццы.

— Любезный сын мой,— отвечал герцог,— такое решение делает тебе честь. Правда, Пацца не герцогской крови, и при иных обстоятельствах я не выбрал бы ее тебе в жены. Но, принимая во внимание ее добродетели и достоинства, а главное, услугу, которую она нам оказала, я забываю пустые предрассудки. У Паццы душа настоящей герцогини, пусть же она разделит с тобою престол. В нашем отечестве слишком ценят ум и доброту, а потому и простят тебе то, что глупцы называют неравным браком, я же признаю его вполне естественным явлением. Счастлив тот, кто может избрать себе жену умную, способную его понять и полюбить. Завтра же мы отпразднуем вашу помолвку, а через два года повенчаем вас.

День свадьбы наступил, однако, скорее, чем предполагалось. Через четырнадцать месяцев по произнесении этих памятных слов Чудной скончался от слабости и истощения. Он слишком серьезно относился к своему долгу и пал его жертвою.

Старая маркиза и Пацца оплакивали своего друга и благодетеля, но плакать пришлось лишь им одним. Душка, не будучи

вовсе дурным сыном, рассеивался заботами по управлению, приближенные ждали всяких милостей от нового властелина и не вспоминали о старом, щедрую руку которого навеки сомкнула смерть.

Почтив память родителя великолепными похоронами, молодой герцог отдался весь любви и пышно отпраздновал свою свадьбу, чем вполне очаровал все население Сорных Трав.

Со всех сторон, за сто верст в окружности, народ стекался толпами, чтобы только взглянуть на своего нового герцога; немало восхищались и Пацциой, расцветающая красота и очевидная доброта которой привлекали к себе все сердца. Давались бесконечные обеды, произносились застольные речи, еще длиннее обедов, и декламировались стихи, еще скучнее речей.

Словом, это было торжество ни с чем не сравнимое, о котором только и говорили целых шесть месяцев. Когда наступил вечер, Душка предложил руку своей супруге; с холодною вежливостью провел он ее длинными коридорами до замковой башни. Едва Пацца вступила туда, как пришла в ужас от этого мрачного помещения с решетками на окнах, огромными замками и засовами.

— Ведь это тюрьма! — воскликнула она.

— Да, — ответил Душка, бросив на жену угрожающий взгляд. — Да, это тюрьма, из которой ты выйдешь для того лишь, чтобы сойти в могилу!

— Друг мой, ты меня огорчаешь. Разве я провинилась в чем-либо пред тобою? И чем я могла тебя так прогневить, чтобы ты стал мне грозить тюрьмой.

— Память твоя слишком коротка, — вскричал Душка. — Оскорбитель записывает обиду на воде, а оскорбленный вырезает ее на меди и на камне.

— Душка, — возразила встревоженная Пацца. — К чему ты повторяешь мне фразу из тех застольных речей, которые уже давно мне наскучили? Неужели в такую торжественную для нас минуту ты не можешь сказать мне ничего более подходящего?

— Несчастная! — воскликнул герцог, — ты забыла оплеуху, которую некогда дала мне, но я ее не забыл. Знай, я женился на тебе для того лишь, чтоб захватить тебя в свои руки и медленными мучениями заставить искупить оскорбление, нанесенное моему высокому сану.

— Друг мой, — возразила с плутовской миной Пацца, — вы очень походите на Синюю Бороду, но меня этим, смею вас уверить, не испугаете. Я вас хорошо знаю и предупреждаю, что если вы не прекратите немедленно этой глупой шутки, то я прежде, чем вступлю в уготованное мне вами помещение, дам вам не одну, а целых три оплеухи. Поторопитесь же лучше выпустить меня отсюда, иначе, клянусь вам, я сдержу свое слово.

— Так клянитесь, сударыня, сколько угодно,— вскричал Душка, разъяренный тем, что не в состоянии запугать свою жертву,— я принимаю вашу клятву и клянусь в свою очередь, что вы не войдете в брачный покой, пока я не окажусь настолько подлым, чтобы еще трижды подвергнуться подобному, лишь кровью смываемому, оскорблению. Посмотрим, кто из нас будет смеяться последним. Рашенбург, сюда!

При этом громовом оклике в башню вбежал бородатый, грозного вида тюремщик. Привычным движением руки он бросил герцогиню на отвратительную кучу соломы и быстро захлопнул дверь с зловещим, страшным и для невинных звоном ключей и засовов.

Если Пацца и проливала слезы, то проливала их так тихо, что ее не было слышно. Напрасно Душка подслушивал, он только устал и должен был удалиться в ярости, клянясь сломить строгостью эту гордую, несмиряющуюся перед ним душу.

— Месть,— шептал он,— отрада сильных мира сего.

Два часа спустя маркиза получила из доверенных рук записочку, в которой ей сообщалось о горькой участи, постигшей ее племянницу. Как могла попасть к ней эта записка — я знаю, но не хочу никого выдавать. Пощадить милосердного тюремщика, если бы такой нашелся,— хорошее дело, ныне семена добра редко встречаются в тюремщиках и исчезают с каждым днем.

V

Ужасное путешествие

А другой день после свадьбы в местных газетах появилось известие, что молодая герцогиня заболела буйной формой умопомешательства, и к излечению ее нет никакой надежды. Не нашлось ни одного придворного, который не заметил бы, что герцогиня еще накануне была крайне возбуждена. Поэтому никто не удивился ее внезапной болезни. Все очень сожалели герцогу, который принимал расточаемые пред ним соболезнования с убитым видом и сумрачным лицом:

горе слишком подавляло его, но горе это значительно улеглось после посещения маркизы де Касторо.

Бедная маркиза была весьма опечалена. Она очень желала видеть свою несчастную родственницу, но должна была по причине слабости и старости умолять герцога избавить ее от этого раздирающего душу зрелища. Она ограничилась тем, что упала в объятия Душки, который в свою очередь нежно поцеловал ее, за сим она удалилась, говоря, что возлагает все надежды на любовь герцога и на искусство врача.

Когда маркиза удалилась, доктор шепнул герцогу два слова на ухо, вызвавшие на его лице быстро подавленную улыбку. С отстранением маркизы нечего было более опасаться, и месть его была вполне обеспечена.

Доктор Видувильст был поистине замечательный врач. Уроженец страны Снов, он рано покинул родину и отправился искать счастья в страну Сорных Трав. Он был слишком ловок, чтобы счастье могло ускользнуть из его рук. За пять лет, проведенных им в знаменитом Люгенмаульбергском университете, медицинская наука раз двадцать пять меняла свое направление. Благодаря такому солидному образованию, в нем выработались столь твердые убеждения, что поколебать их не было никакой возможности. Он сам про себя говорил, что обладает откровенностью и грубостью солдата, иногда он прямо позволял себе ругаться, в особенности доставалось дамам. Благодаря этим качествам, он был всегда, по желанию, к услугам сильной стороны и не отказывался от платы за молчание и содействие. В такие-то неподкупные руки попала бедная герцогиня.

Прошло трое суток со дня ее заключения, и в городе занялись было уже совершенно новыми толками, когда Рашенбург неожиданно вошел к герцогу, весь взъерошенный, и с трепетом пал к его ногам.

— Ваша Светлость,— произнес он,— я повергаю к вашим стопам свою голову: сегодня ночью герцогиня куда-то исчезла.

— Что это значит! — воскликнул герцог, бледнея.— Это немыслимо, темница снабжена везде решетками.

— Совершенно верно, что это немыслимо,— отвечал тюремщик,— тем более, что решетки остались на своем месте, замки и засовы тоже не тронуты. Но есть же на этом свете колдуньи, которые проходят сквозь стены, не сдвигая камней. Кто знает, не была ли такой колдуньей узница? Разве было когда-нибудь известно, откуда она появилась к нам?

Герцог послал за доктором, тот, как человек умный, не верил в колдуний. Он подробно исследовал все стены, перетряс решетки, допросил тюремщика,— но все было тщетно, всюду были разосланы шпионы, велено было строго следить за маркизой, к которой доктор относился подозрительно, но не прошло и недели, как пришлось отказаться от всех поисков. Рашенбург поте-

рял место тюремщика, но так как он был посвящен в тайну герцога и в нем чувствовалась надобность, при том же он горел жаждой мести, то его сделали привратником замка. Взбешенный постигшей его неудачей, он так ревностно принялся за исполнение своих новых обязанностей, что в течение трех дней задержал шесть раз самого Видувильста и тем уничтожил всякое против себя подозрение.

На седьмые сутки рыбаки доставили в замок платье и накидку герцогини: прилив выбросил на берег эти печальные останки, перепачканные песком и морской пеной! Что бедная помешанная утопилась, в этом никто, видя печаль герцога и слезы маркизы, не усомнился. Немедленно был созван верховный совет, который единогласно постановил, что ввиду законной смерти герцогини и законного вдовства герцога необходимо, в интересах герцогства, умолять Его Светлость сократить срок печального траура и как можно скорее вступить в новый брак, дабы обеспечить себе законного наследника. Об этом постановлении было доложено герцогу Видувильстом, главным придворным врачом и председателем верховного совета; при этом случае Видувильст произнес столь трогательную речь, что все присутствовавшие плакали навзрыд, а сам герцог упал в объятия своего врача, называя его жестоким другом.

Нечего и говорить, сколь торжественную тризну справили по поводу кончины всеми сожалеемой герцогини.

В стране Сорных Трав все служит предлогом к церемониям.

Тризну справляли с удивительной помпой, но всего удивительнее было поведение молодых девушек, состоявших при дворе: каждая из них заглядывалась на Душку, которому особенно шел траурный наряд, каждая из них плакала одним глазом по безвременно погибшей герцогине, а другим улыбалась, стараясь прельстить молодого герцога. Как жаль, что в то время не знали фотографии. Какими бы превосходными моделями для наших художников могли бы служить портреты прошлых времен.

В древности люди не были чужды страстям: любовь, ненависть, гнев всегда отражались у них на лице, ныне мы слишком уж добродетельны и сдержаны, носим все одинаковый покрой платья, одинаковые шляпы, обладаем даже одинаковой физиономией. Нравственность выиграла благодаря цивилизации, но искусство пострадало.

После описания печальных церемоний, занимавшего, согласно этикету, не менее шести столбцов, в местной газете подробно сообщалось о сроке и порядке ношения установленного траура, большого и малого. Двор должен был глубоко сокрушаться в течение трех недель, и понемногу утешиться в течение трех следующих; но так как малый траур пришелся на карнавал, то в интересах торговли решено было дать в замке костюмированный бал. Немедленно портные и портнихи были завалены заказами;

сильные мира сего и маленькие сошки наперерыв стремились добыть приглашение на бал. Поднялись такие интриги, как будто дело шло о безопасности государства.

Вот как оплакивали бедную Пацку!

VI

Костюмированный бал

НАКОНЕЦ всеми ожидаемый с таким лихорадочным нетерпением день наступил. Целых шесть недель публика была как в бреду, все перестали интересоваться министрами, сенаторами, генералами и другими высокопоставленными лицами, все на двадцать верст в окружности превратилось в пьеро, арлекинов, коломбин, цыганок и т. п. Политика была совершенно забыта, и общество выделило из себя только две партии: партию попавших на бал, или консерваторов, и партию не добившихся приглашения,— или либералов.

Если верить газетным описаниям, бал этот по своей роскоши превзошел все, что было до него и после него.

Он происходил среди цветущего сада, в роскошно убранном павильоне. Пройдя через лабиринт длинных аллей, едва освещенных разноцветными фонариками, гости неожиданно попадали в сияющий позолотою, украшенный гирляндами зелени и горящий огнями зал. Полускрытый в тени дерев оркестр наигрывал мелодии, то страстные, то игривые; все это вместе с богатством нарядов, роскошью бриллиантов, веселостью и остроумием масок, живостью интриг способно было расшевелить даже самого упорного стоика. Несмотря на то, молодой герцог не находил себе веселья.

Одетый в голубое домино, замаскированный до полной неузнаваемости, он тщетно обращался к наиболее бойким и прелестным маскам, всячески стараясь пред ними блеснуть умом и другими качествами: всюду его встречало одно лишь холодное равнодушие. Его едва слушали, отвечали ему зевая и, видимо, старались от него отделаться. Все взоры и стремления были направлены на одно черное с розовыми бантами домино, беспеч-

но прогуливавшееся по залу и с важностью паши принимавшее все расточаемые по его адресу похвалы и приветствия. Под этим домино скрывался не кто другой, как синьор Видувильст, большой друг молодого герцога, но еще больший друг собственного удовольствия.

По рассеянности он нечаянно проболтался двум дамам, под большим секретом, что герцог будет одет на балу в черное домино с розовым бантом. Его ли вина, что дамы не умеют хранить секретов или что герцогу вдруг вздумалось надеть другое домино?

Пока доктор, помимо своего желания, пожинал выпавшие на его долю успехи, Душка уселся в углу залы и закрыл свое лицо руками. Чувствуя себя в этой толпе совершенно одиноким, он задумался и вдруг неожиданно вспомнил Паццу.

Ему не в чем было упрекнуть себя, месть его была вполне справедлива, тем не менее он чувствовал кое-какие угрызения совести. Бедная Пацца! Конечно, она была очень виновата, но она по крайней мере любила его, понимала его и слушала его всегда с такими блестящими от счастья глазами. Какая разница! Она и эти дурищи, которые с первого слова не могли по одному только уму узнать своего герцога!

Он уже поднялся с своего места с намерением покинуть бал, как вдруг увидел маску, по-видимому удалившуюся от веселящейся толпы и, казалось, погруженную в невеселые думы. Из-под распахнувшегося домино, покрывавшего костюм цыганки, были видны башмачки с пряжками, обувавшие ножку, которой могла бы позавидовать сама Сандрильона. Герцог приблизился к незнакомке и сквозь отверстия маски увидел два больших черных глаза, задумчивое выражение которых изумило и в то же время очаровало его.

— Прекрасная маска,— обратился он к ней,— место твое не здесь, а там, среди жадной и любопытной толпы, которая ищет герцога, чтобы оспаривать друг у друга его сердце и милостивую улыбку. Разве ты не знаешь, что там можно выиграть герцогскую корону?

— Я ни к чему не стремлюсь,— ответила незнакомка спокойным и нежным голосом.— Играть в эту азартную игру — значит рисковать принять лакея за барина. Я слишком горда, чтобы подвергать себя этому.

— Но я покажу тебе герцога.

— Что могу я сказать ему?— возразила незнакомка.— Мне нельзя будет ни осуждать его, не обижая, ни хвалить, не льстя.

— Значит ты о нем очень дурного мнения?

— Не особенно дурного, но и не совсем хорошего,— что нужды в том?— С этими словами незнакомка развернула бывший у нее в руках веер и снова погрузилась в раздумье.

Такое равнодушие поразило герцога, он стал говорить с одушевлением, ему отвечали холодно, он просил, убеждал, настаивал и наконец так воспламенился, что вынудил выслушать себя, но не в зале, где царила нестерпимая жара и мешали любопытные, а в тени тех длинных аллей, где немногие прогуливающиеся искали тишины и прохлады. Ночь приближалась, незнакомка уже не раз, к великому огорчению герцога, собиралась удалиться. Тщетно он просил ее снять маску. Она делала вид, что не слышит его просьб.

— Вы приводите меня, сударыня, в отчаяние,— воскликнул герцог, почувствовавший вдруг какое-то особенное не то волнение, не то влечение к этой таинственной незнакомке.— Почему такое жестокое молчание?

— Потому, Ваша Светлость, что я вас узнала,— отвечала взволнованным голосом незнакомка.— Ваш проникающий в душу голос, ваша манера выражаться подсказали мне, кто вы. Пустите меня.

— Нет,— воскликнул герцог,— вы меня узнали и вам принадлежит мое сердце. Сбросьте эту маску, войдем в зал, и там я представлю вас как женщину, которой я имел счастье понравиться. Скажите одно слово, и мои подданные будут у ваших ног.

— Ваша Светлость, позвольте мне отклонить столь лестное предложение. Как женщина, все свое счастье я полагаю в любви: я не хочу обладать сердцем, которое уже любило.

— Я еще никого не любил,— с живостью воскликнул герцог.— В моем браке заключалась тайна, которую я могу открыть только моей жене. Но я клянусь вам, что я никому не отдавал своего сердца! Я люблю впервые.

— Дайте мне вашу руку,— возразила цыганка,— и подойдем к этой лампе, я посмотрю, правду ли вы говорите.

Душка с живостью протянул руку, незнакомка рассмотрела все линии и вздохнула.

— Вы правы,— сказала она,— вы никого не любили, но до меня вас любила другая женщина. Смерть не разрывает уз любви. Герцогиня любит вас, и вы ей принадлежите. А владеть сердцем, которым вы не можете располагать, было бы с моей стороны преступлением. Прощайте.

— Вы сами не знаете, как вы меня заставляете страдать. Вы вынуждаете открыть вам то, что я думал схоронить в вечном молчании,— воскликнул Душка.— Герцогиня никогда меня не любила, ею руководило одно честолюбие.

— Это неверно,— возразила маска,— герцогиня вас любила.

— Нет, во всем этом деле скрывалась гнусная интрига.

— Довольно!— воскликнула маска, руки которой дрожали, а пальцы судорожно сжимались.— Имейте уважение к мертвым, не клевещите на них.

— Я вас уверяю, никто еще не сомневался в моих словах: герцогиня меня никогда не любила, это была гадкая женщина.

— Вот как!

— Завистливая, вспыльчивая, ревнивая...

— Если она ревновала, значит, она вас любила,— перебила маска,— подыщите другую причину, более правдоподобную. Не оскорбляйте преданного вам сердца.

— Могу вас уверить, что герцогиня так мало любила меня, что даже в день нашей свадьбы осмелилась сказать мне, что вышла за меня по расчету.

— Ты лжешь!—вскричала маска. Бац! Бац! Две пощечины ослепили герцога, и незнакомка бросилась бежать.

Взбешенный герцог отступил на два шага и схватился за пояс, ища шпаги. Но на бал отправляются в ином костюме, чем на войну: вместо оружия он нащупал только бант из лент. Он бросился за своим врагом, но куда же она исчезла? В лабиринте аллей Душка двадцать раз запутывался, он встречал одни только веселые пары, не обращавшие на него никакого внимания. Усталый, смущенный, отчаявшийся вернулся он в зал. Наверное, туда скрылась незнакомка, но как ее найти?

Блестящая идея озарила герцога. Если все снимут маски, он наверное узнает цыганку, смущенную его присутствием: волнение выдаст ее. Душка тотчас же вскочил на кресло и крикнул на весь зал:

— Господа, близко утро, веселье замирает. Оживим праздник новой выдумкой. Долой инкогнито! Я подаю пример, кто меня любит, следует мне!

Он снял свое домино, сбросил маску и предстал в богатом изящном испанском костюме.

Раздался общий крик. Все взоры обратились сначала на герцога, а затем на черное домино с розовыми лентами, исчезнувшее с поспешностью, не оставлявшею сомнения в его скромности. Все сняли маски, дамы окружили герцога, и было замечено, что он обнаружил особенное пристрастие к цыганкам. Молодые или старые, он заговаривал с каждой, брал их руки и тщательно всматривался в лица, так что другие дамы чуть не умирали от зависти. Затем он подал сигнал оркестру, танцы возобновились и герцог удалился.

Он обошел все аллеи, точно надеялся встретить свою оскорбительницу. Что его побуждало? Конечно, мщение. Кровь кипела в его жилах, он брел наугад, неожиданно останавливался. Он вглядывался, прислушивался, выжидал. При малейшем просвете в листве он бросался как сумасшедший, смеясь и плача в одно и то же время, совершенно потеряв голову. На повороте одной аллеи он встретил Рашенбурга.

— Ваша Светлость,—прошептал верный слуга с растерянным лицом и дрожащими руками,—вы изволили видеть его?

— Кого это?

— Привидение.

— Какое привидение?

— Привидение в домино, с огненными глазами, оно поставило меня на колени и дало мне две оплеухи.

— Это она! — воскликнул герцог. — Это она! Зачем ты дал ей уйти?

— Ваша Светлость, у меня не было моей алебарды, но если я ее еще раз встречу, мертвую или живую, я ее убью.

— Боже тебя сохрани! Если она когда-нибудь вернется, не испугай ее, следуй за ней, проследи, где она скрывается. Но где она? Куда она пошла? Веди меня, если я ее найду, твоя карьера обеспечена.

— Ваша Светлость, если привидение где-нибудь находится, то, значит, наверху. Я видел его так, как вижу теперь вас, оно рассеялось в тумане. Но прежде чем исчезнуть, оно поручило мне передать вам два слова. Слова эти так ужасны, что я не смею их повторить.

— Говори, я приказываю.

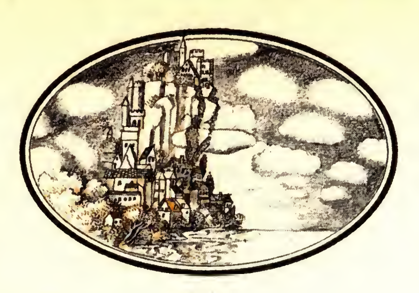
— Привидение сказало мне: передай герцогу — если он женится, то он погибнет. Возлюбленная вернется.

— На, возьми мой кошелек. Отныне ты будешь состоять при моей особе в качестве камердинера. Я рассчитываю на твою скромность. Эта тайна должна навсегда остаться между нами.

— Это уже вторая тайна! — пробормотал Рашенбург и удалился с видом человека, не поддающегося ни страху, ни угрозе, ни блеску богатства.

На следующий день в газете, в неофициальном отделе, появились следующие строки, настоящее письмо без адреса: «Распространился слух, будто герцог намерен вторично жениться. Герцог знает, чем он обязан своему народу, и посвятит себя всецело счастью своих подданных. Но жители Сорных Трав обладают достаточной деликатностью, чтобы не принять во внимание слишком свежую утрату. Герцог поглощен печалью по любимой супруге. Только время может дать ему утешение, которого он в настоящее время лишен».

Эта заметка взволновала двор и город. Молодые девушки нашли, что герцог чересчур строг к себе. Не одна мать пожала плечами, заявляя, что у него буржуазные воззрения. Вечером во всех супружеских четах произошли размолвки. Не было сколько-нибудь порядочной женщины, которая бы не приставала к своему мужу, заставляя его сознаться, что во всей стране только один верный муж: герцог Душка.

VII

Две консультации

ОСЛЕ таких треволнений герцогом овладела лютая скука. Всегда витавший около него образ цыганки не давал ему ни отдыха, ни покоя. Незнакомка преследовала его даже во сне, и, когда сбрасывала с себя маску, герцогу грезилось бледное и печальное лицо Паццы.

Доктор Видувильст был единственным человеком, с которым герцог Душка мог быть вполне откровенным. Но этот человек встретил его позднее раскаяние громким смехом:

— Это просто привычка! — говорил он. — Старайтесь не думать, развлекайтесь, и все пройдет.

Чтобы доставить герцогу новые впечатления, доктор окружил его всевозможными удовольствиями, отстранил его от всяких государственных забот и взял все бремя управления страной на свои плечи.

И вот народ Сорных Трав начал жаловаться на увеличение податей, на всевозможные стеснения. Все вспоминали о покойном герцоге Чудном и сожалели о добром старом времени.

Принц Душка ни о чем не знал. Запершись в своем дворце, погруженный в мечты о незнакомке, он проводил время в обществе пажа, недавно приставленного к нему доктором Видувильстом, по рекомендации Рашенбурга. Проказник, болтун, сплетник и к тому же хороший музыкант, Тонто (так звали пажа) забавлял герцога своей находчивостью, не менее нравился он доктору, хотя и другими своими качествами. Преданный своему покровителю, внимательный паж в душевной простоте передавал ему все, что говорил герцог. Правда, ремесло это было очень неблагодарное: Душка постоянно мечтал и почти ничего не говорил.

Обладать властью очень заманчиво. Видувильст как будто родился для роли великого визиря, и чем большими полномочиями пользовался, тем больших жаждал. Он уже начинал подумывать о том, как бы овладеть престолом, — но это еще не каза-

лось ему слишком трудным. Легче было удалить герцога в чужие края под предлогом болезни и затем затянуть его возвращение, а во время отсутствия править государством совершенно бесконтрольно.

Душка был молод и еще не разочаровался в жизни. И вот в один прекрасный вечер в замок прибыли на консультацию три представителя медицинского факультета: длинный Тристан, толстый Жокондус и маленький Гильерэ.

После того как герцог был опрошен, выстукан и выслушан, Тристан потребовал слова и грубым голосом сказал:

— Ваша Светлость должны поселиться в деревне и жить, ничего не делая. Болезнь ваша — малокровие. Поезжайте на Чистые воды, иначе вы погибли.

— Ваша Светлость,— сказал Жокундус,— я согласен с мнением коллеги. Ваша болезнь — полнокровие, поезжайте на Чистые воды, иначе вы погибли.

— Ваша Светлость,— сказал Гильерэ,— я преклоняюсь пред мнением моих учителей. Ваша болезнь — нервное расстройство, поезжайте на Чистые воды, иначе вы пропали.

По уходе врачей Видувильст пробежал глазами протокол и, поразмыслив, посмотрел на Душку. Герцог, поужинавший в этот вечер лучше обыкновенного, имел угрюмый вид и даже не расслышал речей докторов.

— Ваша Светлость,— обратился он к нему,— согласно совету врачей, вам необходимо ехать на Чистые воды и отказаться от всех забот управления.

— Хорошо, составь проект декрета, я подпишу.

— Проект готов, Ваша Светлость.

Душка взял перо и, не читая, подписал поданную ему Видувильстом бумагу, но потом, повинуясь какому-то невольному капризу, прочитал ее.

— Как! никаких объяснений, ни слова о моем особенном к тебе благоволении! Доктор, ты слишком скромен, завтра этот декрет появится в печати с объяснением, написанным рукой твоего повелителя. А пока прощай.

Доктор вышел. Он был более обыкновенного дерзок и надменен. Герцог погрузился в свои мечтания и подумал, что, несмотря на все, он далеко не несчастнейший из смертных, ибо небо наградило его другом.

Вдруг в спальне без доклада появился удивительно странный маленький доктор, которого еще никогда не видали во дворце, в напудренном парике и с длинной белой бородой, тогда как глаза его были так живы и молоды, точно они появились на свет через шестьдесят лет после туловища.

— Где эти неучи, эти педанты, эти невежды, которые не могли подождать меня? А,— обратился он к герцогу — это вы больны? Покажите-ка язык скорей, я спешу.

— Кто вы такой? — спросил Душка.

— Я доктор Истина, лучший доктор в мире, вы скоро в этом убедитесь, несмотря на мою скромность. Спросите Видувильста, моего ученика, который выписал меня из страны снов; я излечиваю все, даже такие болезни, которых нет. Высуньте язык. Малокровие — осел! Полнокровие — ослина! Нервное расстройство — ослятина! Пить воды Чистых прудов — собрание ослов! Знаете ли вы свою болезнь? Это скорбь и даже того хуже.

— Вы находите? — вскричал Душка в ужасе.

— Да, мой сын. Но я вас вылечу; завтра к полудню вы будете здоровы. Это что за портфель? Подпишите-ка мне эти три бумаги.

— Но ведь это бланки приказов. Что вы с ними хотите делать?

— Это будут мои рецепты. Первый рецепт: Si vis pacem, para pacem[1], — я распускаю шесть полков. Второй рецепт: один пятак в кармане вассала стоит рубля в кармане сюзерена, — я сокращаю сборы на одну четверть. Третий мой рецепт: свобода и солнце составляют счастье и радость бедняка. Я прикажу отворить тюрьмы и выпустить на свободу заключенных. Вы смеетесь, мой сын, это хороший знак!

— Да, я смеюсь, представляя фигуру Видувильста, когда он прочтет эти приказы завтра в Официальной газете, — отвечал Душка. — Но довольно глупостей, шутовской доктор. Отдайте мне мои бумаги, и кончим этот фарс.

— А это что такое? — вскричал маленький человечек, вынимая декрет об учреждении регентства. — Милосердное небо, да это отречение! Как! наследие отцов ты бросил под ноги какому-то проходимцу! Нет, это невозможно! я этого не хочу! слышишь ли, я!

— Как смеешь ты, дерзкий, говорить мне ты, вон, негодяй, не то я вышвырну тебя в окно!

— Меня? Нет, этого не будет, пока я не уничтожу документ, свидетельствующий о твоей глупости.

Герцог схватил дерзкого и крикнул стражу. Между тем незнакомец всячески старался высвободиться из рук герцога. Ударом ноги он повалил на землю лампу, но герцог не убоялся темноты и по-прежнему крепко держал незнакомца. Слова, просьбы — все было тщетно. Вдруг — бац! бац! — и дождь пощечин посыпался на герцога. Пораженный неожиданностью, он выпустил свою жертву и в ярости стал звать на помощь.

Наконец дверь открылась. Вошел Рашенбург.

— Где он, этот дьявольский доктор? — спросил Душка с пеной у рта.

— Его превосходительство, господин Видувильст изволил час тому назад отбыть из замка.

[1] Если хочешь мира, готовься к миру.

— Кто тебе говорит о Видувильсте! Я тебе говорю, что здесь только что был неизвестный старикашка.

— Ваша Светлость никогда не ошибается. Если тут был человек, значит, он тут и находится, если только не улетел или не привиделся Вашей Светлости.

— Дурак! Разве я похож на грезящего? Разве я сам опрокинул лампу? Разве я сам разорвал эти бумаги?

— Я не смею опровергать Вашу Светлость. Но весь этот год у нас свирепствует эпидемия странных снов. Не далее как несколько минут тому назад, я задремал, и мне пригрезилось, что невидимая рука дала мне две оплеухи.

— Две оплеухи! — вскричал герцог. — Это привидение! Я не узнал его, хотя это был тот же голос и те же движения. Мой друг, ни слова об этом. Возьми мой кошелек и храни тайну.

— Это уже третья тайна, — пробормотал верный слуга и стал раздевать герцога с таким усердием и такою ловкостью, что заставил его рассмеяться.

Столько волнений, одно за другим, лишили Душку сна. Немудрено, что он задремал только на заре. Около полудня герцог проснулся от страшного гула: звонили в колокола, стреляли из пушек, гремела музыка. Герцог позвонил, вошел Рашенбург с букетом цветов.

— Дозвольте, Ваша Светлость, — сказал он, — мне первому выразить общую радость. Сборы уменьшены! Тюрьмы открыты! Армия сокращена! Ваш народ опьянел от любви и признательности! Выйдите к нему на балкон, Ваша Светлость, и покажитесь благословляющей вас толпе.

Рашенбург не мог дальше продолжать, слезы заставили его умолкнуть. Он хотел отереть себе лицо, но в волнении вместо платка вытащил из кармана газету и начал целовать ее как сумасшедший.

Герцог взял у него газету и, пока его одевали, тщетно старался привести в порядок свои мысли. Каким образом эти сумасбродные приказы объявлены? Кто их доставил в газету? Почему не появляется Видувильст? Он хотел сообразить, справиться, расспросить, но в это время под окнами дворца раздались шумные возгласы.

Едва герцог показался на балконе, раздались крики восторга, заставившие невольно забиться и его сердце, он зарыдал, сам не зная почему, в эту минуту пробил полдень, привидение сказало правду: герцог выздоровел.

Вдруг в комнату вошел юный паж Тонто и вручил герцогу запечатанный пакет. Генерал Байонет извещал герцога, что шесть распущенных полков под предводительством Видувильста возмутились. Байонет умолял герцога прибыть к войскам и принять над ними командование.

Увлекаемый Тонто и Рашенбургом, герцог тайно покинул замок и отправился к армии.

VIII

Сильные недуги лечатся сильными средствами

Войска встретили герцога холодно. Грустный, задумчивый вошел он в ставку генерала и с тяжелым вздохом опустился в кресло.

— Ваша Светлость,— сказал Байонет,— войска ропщут и колеблются, необходимо их воодушевить, иначе вы погибли. Неприятель перед нами. Попробуем атаковать его. Велите трубить сигнал, мы последуем за вами.

— Хорошо,— сказал герцог.— Прикажите садиться на коней. Через минуту я буду с вами.

Оставшись наедине с Рашенбургом и Тонто, герцог произнес тоном отчаяния:

— Мои добрые друзья, бросьте господина, который ничего не может сделать для вас. Я не стану защищать перед неприятелем свою несчастную жизнь. Обманутый в любви, убитый изменой, я сознаю в своем несчастии десницу Господню, которая меня постигла. Это кара за мои преступления: я убил герцогиню из подлой мести. Настало время искупить мою ошибку — я готов.

— Ваша Светлость,— отвечал Тонто,— прогоните эти грустные мысли. Если бы герцогиня была здесь, она приказала бы вам защищаться. Вы можете мне поверить,— прибавил он, щипля свои только что пробивающиеся усики.— Я знаю женщин. Даже мертвые они отомстили бы за себя. Притом же вы не убивали герцогини, может быть, она вовсе не так мертва, как вы думаете.

— Дитя, что ты говоришь? — воскликнул герцог.— Ты потерял голову.

— Я хочу сказать, если есть женщины, готовые умереть, чтобы взбесить своих мужей, почему не может быть таких, которые воскресают, чтобы взбесить их еще более? Забудьте о мертвых,

думайте о живых, которые любят вас. Вы — герцог, сражайтесь же, как герцог, и если нужно умереть — умрите герцогом.

— Ваша Светлость,— объявил Байонет, входя с саблей в руке,— время не терпит.

— Генерал, прикажите трубить «седлай»! — крикнул Тонто.— Мы сейчас идем.

Герцог Душка дал выйти генералу и сказал, взглянув на Тонто:

— Нет, я не могу. Я не знаю, что со мною делается, я в ужасе от самого себя! Я не боюсь смерти, я сам убью себя, и тем не менее мне страшно, я не могу сражаться.

— Ваша Светлость,— уговаривал Тонто,— призовите все свое мужество. На лошадей, это необходимо. Боже великий,— воскликнул он, ломая руки,— герцог меня слушает, мы пропали!.. Идем,— объявил он решительно, схватывая герцога за плащ.— Вставайте! На коня, несчастный! Душка, спасай свое государство, спасай всех, кто любит тебя! Подлец! Посмотри на меня: я ребенок и иду умирать за себя. Не позорь себя, иди сражаться. Если ты не встанешь, я, твой слуга, прибью тебя. Слышишь ли?

Бац! Бац! — и две пощечины, которыми паж наградил Душку, огласили воздух.

— Смерть и проклятие! — вскричал герцог, обнажая шпагу.— Раньше, чем умереть, я убью этого негодяя!

Но негодяя уже не было в палатке. Одним прыжком он очутился на лошади и несся с обнаженной шпагой на неприятеля, крича:

— Герцог, друзья мои, герцог! Вперед, вперед!

Обезумевший от гнева Душка несся за пажем, не думая ни о смерти, ни об опасности. Байонет мчался за своим повелителем, войска следовали за генералом.

Более блестящей кавалерийской атаки не бывало в истории.

Застигнутый врасплох неприятель едва успел построиться в боевой порядок. Один лишь Видувильст узнал герцога и тотчас с поднятой саблей устремился на него. Герцог погиб бы, если б Тонто не успел осадить свою лошадь и принял на себя удар Видувильста, верный паж испустил громкий крик и упал с лошади. Но смерть его была отомщена: герцог всадил по рукоятку шпагу в горло изменника. Войска, одушевленные геройством своего предводителя, рассеяли неприятеля.

Герцог вошел в палатку, чтобы отдохнуть немного: увидя Рашенбурга, он вспомнил о Тонто.

— Что паж? — спросил он,— умер?

— Он жив, но безнадежен. Я велел перенести его поблизости, к его тетке, маркизе де Касторо, для него было бы великое счастье увидеть перед смертью Вашу Светлость.

— Хорошо,— сказал Душка,— проводи меня к нему.

При входе в замок герцога встретила маркиза и проводила в комнату, где лежал больной.

— Вот странность,— воскликнул Душка,— мне еще не приходилось видеть подобной раны! У пажа всего один ус! Что за чудо! с одной стороны это как будто Тонто, мой негодный паж, с другой — это... это... Да, я не ошибаюсь, это ты, мой добрый ангел, мой спаситель, это ты, моя бедная Пацца!

С этими словами герцог опустился на колени и схватил протянутую руку.

— Ваша Светлость,— сказала Пацца,— дни мои сочтены, но прежде чем умереть, я хотела бы, чтобы вы простили мне те две пощечины...

— Нет, Пацца, ты не умрешь,— вскричал герцог, заливаясь слезами,— я прощаю тебе.

— Увы, это еще не все...

— Как не все? Еще что?

— Ваша Светлость, маленький доктор, который...

— Как, это ты его послала?

— Увы, это была я сама...

— Довольно, довольно, я прощаю.

— Увы, и это еще не все: цыганка, которая осмелилась...

— Опять была ты, Пацца? О, эти-то я тебе прощаю. Их я вполне заслужил. Сомневаться в тебе, самой истине! Помнишь ли клятву, которую я тебе дал в день нашей свадьбы? Злая, ты сдержала свое обещание, теперь время исполнить мое. Выздоравливай, Пацца, скорей спеши возвратиться в тот замок, откуда счастье исчезло вместе с тобой.

— У меня еще одна просьба к Вашей Светлости,— продолжала Пацца.— Рашенбург был сегодня утром свидетелем сцены, которая заставляет меня краснеть и которой не должен знать свет. Будьте милостивы к этому верному слуге.

— Рашенбург,— сказал король,— возьми этот кошелек и ради целости твоей головы храни эту тайну.

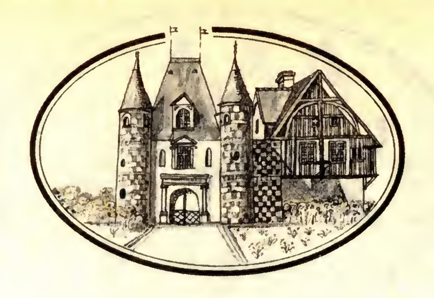
Рашенбург преклонил колени у кровати своей повелительницы и произнес вполголоса, целуя ее руку:

— Ваша Светлость, это четвертая тайна и четвертый... Да благословит Бог руку, которая меня награждает!

Немного спустя после этой трогательной сцены Пацца заснула.

— Тетушка,— спросил герцог маркизу де Касторо,— как вы думаете, выздоровеет она?

— О,— отвечала старушка,— счастье даже у гробового входа может вернуть к жизни самую больную женщину. Поцелуйте-ка лучше герцогиню, мой добрый племянничек, ваш поцелуй принесет ей больше пользы, чем все ваши лекарства.

IX

Жена должна беспрекословно повиноваться мужу

АРКИЗА была права (женщины всегда бывают правы... в шестьдесят и более лет). Пятнадцать дней счастья быстро поставили Паццу на ноги, и она могла участвовать в триумфальном въезде своего мужа в столицу. Более часу понадобилось, чтобы добраться до замка. Ратуша построила три арки. Первая арка была убрана зеленью и цветами. Она носила следующую надпись: «Нежнейшему и вернейшему из мужей». Вторая арка, более солидной постройки, была убрана коврами и имела наверху статую правосудия, немного косившую под своей повязкой. На этой арке было написано: «Мудрейшему и справедливейшему». Наконец третья арка была построена из пушек. На ней было написано: «Искуснейшему и храбрейшему».

После парадного обеда и шестидесяти застольных речей Душка провел герцогиню на этот раз не в башню, а в брачный покой.

— Пацца,— сказал он ей,— всем, что я знаю, я обязан тебе. Когда тебя нет около меня, я делаю только глупости. Отныне я отдаю в твои руки мою власть и становлюсь исполнителем всех твоих велений.

— Мой друг,— возразила Пацца — не говори этого.

— Я знаю, что говорю,— перебил ее герцог,— я здесь хозяин, я так хочу и так приказываю.

— Ваша Светлость,— отвечала Пацца,— я ваша жена и служанка, мой долг беспрекословно повиноваться вам.

Они, гласит далее хроника, жили долго, были вполне счастливы и довольны. Они любили друг друга. Господь благословил их потомством. В этом и заключается мораль лучших сказок и историй.

СКАЗКИ ФРАНЦИИ

«...Вечером слушаю сказки —
и вознаграждаю тем недостатки
проклятого своего воспитания.»

Из письма А. С. Пушкина
брату Льву Сергеевичу

Пушкинские строки, вынесенные в эпиграф, пожалуй, многих озадачат. Великий поэт, обладавший энциклопедическими знаниями, выпускник лучшего учебного заведения России — Царскосельского лицея — и вдруг «сказки», без знания которых, оказывается, самое блестящее воспитание теряет всякий смысл. Тем более странно, что фраза эта прозвучала не с журнальных полемических страниц, а в частной переписке в ноябре 1824 года, так что нельзя заподозрить поэта в литературном эпатаже и экстравагантности. Только что кончилась южная ссылка, и уже началась ссылка в Михайловском, Пушкин полон замыслов самых серьезных — начинается работа над «Борисом Годуновым». Желание осмыслить историю своего народа, понять народную психологию, наконец стремление вывести литературу на новые художественные рубежи, приводят поэта к той творческой сфере, которая обычно игнорируется господствующей культурой, — к народному поэтическому творчеству. Вот почему его так занимают все эти простонародные «сказки», «песни», «пословицы» — все то, что образует жанровый мир фольклора.

Такие реалии стояли за удивительными на первый взгляд и незнакомыми строками поэта, продолжение которых, впрочем, знает каждый школьник: «Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!» Здесь есть над чем задуматься, ибо забвение первой части пушкинской мысли не только не повысило эмоциональность последующих известных строчек, но и в определенной мере девальвировало их. «Что за прелесть эти сказки!» — восклицаем мы, но на этом чаще всего и кончается наше знание народной сказки, которая играет в жизни такую же роль, как искусство, язык и история. Вовсе не случайно Пушкин размышлял о народном творчестве не только как практик, но и теоретик искусства, например, в набросках статьи «О французской словесности»: «Не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее! обычаи, история, песни, сказки — и проч.»[1].

Пожалуй, еще большую эстетическую загадку представляет культура другого народа, даже если этот народ имеет давние исторические связи с нашей страной, а его нравы, обычаи и способы художественного осмысления действительности лишены экзотического ореола. Когда речь заходит о Франции, то у каждого, вероятно, возникает свой собственный образ этой притягательной страны. Впрочем, сравнив наши представления, не

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 7. Л., С. 364.

трудно заметить их стереотипность, что проистекает вследствие тех культурно-литературных образцов, которым мы уделяем внимание в разные периоды нашей жизни. В детские и юношеские годы наше знание о французском национальном характере и об истории Франции складывается под воздействием романов А. Дюма, их историческая правда предстает в романтическом одеянии отважных мушкетеров. Эти опоэтизированные образы остаются навсегда, даже когда литература Франции раскрывается перед нами во всем своем многообразии — от гротескного лукавства Франсуа Рабле до социальной беспощадности Оноре де Бальзака.

Романы Дюма — это те же сказки, только нарядившиеся во взрослое одеяние, и подобно народной сказке они говорят правду языком вымысла. И приходится жалеть о слишком поверхностном нашем знакомстве с французскими сказками, в недрах которых родилась великая французская литература.

Важным представляется и то обстоятельство, что для литератур многих стран мира, в том числе и для французской, народная сказка послужила отправным моментом в становлении особого жанра — литературной сказки, которая помимо эстетических несла определенные социальные функции. Вспомним хотя бы имена лишь немногих писателей, работавших в этом жанре,— Шарль Перро, Жорж Санд, Э. Лабуле, А. де Сент-Экзюпери, П. Вайян-Кутюрье.

Давайте же попробуем узнать поближе французскую сказку, корни которой уходят в индоевропейскую древность. Сегодня этот жанр в своей традиционной форме передачи (т. е. в устном бытовании) практически не существует. Однако сказка жива в памяти французов, в фольклорных сборниках, в произведениях живописи и скульптуры.

Одна из старинных сказок начинается словами, над которыми невольно задумываешься: «Давным-давно, когда взрослые были детьми, а сказки — правдой, жили-были...» Конечно же, перед нами всего лишь поэтический прием, но все же время, когда сказка была более чем вымысел, действительно существовало. Это была эпоха формирования французского народа, эпоха когда происходило не только смешение различных племен, но и слияние самых разнообразных культур. Исторические источники донесли до нас сведения, что в античную эпоху на юго-востоке современной Франции жило племя лигуров, которое в IV веке до н. э., не выдержав натиска кельтских племен, было ассимилировано последними. Сегодня уже невозможно определить, какие элементы мифологии лигуров сохранил французский фольклор и, в частности, сказка.

А вот кельтские следы сохранились более явственно. Например, легенда о Тристане и Изольде, воплотившаяся не только в средневековой европейской литературе, но и в некоторых сюжетах французского сказочного эпоса, восходит, по мнению исследователей, к кельтским эпико-мифологическим сказаниям. История страстной любви жены короля и его племянника, их бегства и гибели была, пожалуй, одной из самых распространенных среди кельтов. Именно поэтому сюжет этот оказался столь популярен по обе стороны Ла-Манша — на Британских островах и во Франции, словом, всюду, куда дошли кельтские племена.

Такое же распространение и в Британии, и во Франции получили и сюжеты о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола (кельтские по своему происхождению). Чаще всего, правда, читатель рассматривает эти сюжеты как чисто английские, но это заблуждение — во Франции они были не менее популярны. Вглядитесь в рыцарей французской сказки, и в этих образах вы увидите многое от британских «собратьев». Сходство это не в заимствовании, а в их общем кельтском происхождении.

Примерно с начала IX века можно говорить о существовании французского языка, об образовании французской национальности и о зарождении французской литературы. Франция IX века оставалась феодально-раздробленным государством, объединявшем многочисленные этнические группы, которые говорили на различных диалектах. Естественно, что различия существовали и в культуре этих групп и в первую очередь

в устном поэтическом творчестве. И хотя с XI века наблюдается процесс сближения двух основных народностей — северофранцузской и провансальской, этнографические различия существуют вплоть до нашего времени. По наблюдению специалистов, «нередко у населения сохраняется двойное самосознание — общефранцузское и областное (пикардиец, бургундец, овернец, провансалец, гасконец и т. д»)[1].

Это «двойное самосознание» отразилось и в народных сказках. Сказки различных областей Франции отличаются не только диалектными особенностями языка, но и специфическим репертуаром. Возьмем, например, сказочный репертуар находящейся на северо-западе страны провинции Анжу. Наряду с сюжетами, имеющими общефранцузское распространение, существуют и сюжеты, характерные лишь для данной провинции. Это сюжеты о мораннцах, простота и наивность характера которых напоминает их русских «собратьев» — пошехонцев.

Или, скажем, бретонская сказка, где в отличие от сказок континентальной Франции фигурируют герои, представляющие характерные для этого района страны морские профессии — лоцманов, моряков, рыбаков, как, например, в сказке «Лоцман из Булони». «Морская» тема придает бретонской сказке неповторимое своеобразие: герои заняты строительством кораблей, выходят в открытое море и даже добираются до Северного полюса, чтобы найти и освободить превращенную в скорпиона принцессу («Принцесса Дангобер»).

О французской сказке до XV века можно говорить лишь предположительно, ибо, как отмечают исследователи, «народная поэзия, являющаяся основным источником и предпосылкой всей средневековой французской литературы, в своем чистом и непосредственном виде до нас не дошла, так как клирики, относившиеся к ней враждебно, не считали ее достойною записи»[2]. Тем не менее сказочные сюжеты проникали в литературные тексты и таким образом фиксировались на бумаге. Самые ранние тексты французской сказки, вернее одной из ее жанровых разновидностей — сказок о животных — были известны еще с XII века. Так, в крупнейшем памятнике XII—XIII вв., «Романе о Лисе», который по жанровым признакам относится к так называемому животному эпосу, сказочный сюжет был использован для сатирического изображения феодалов и представителей духовенства, для пародирования столь популярных в то время рыцарских романов Жофруа де Виллардуэна, Жана де Жуанвиля и ряда других авторов.

В жанровом отношении «Роман о Лисе» был очень близок к фаблью — юмористическому стихотворному рассказу, полному социальной сатиры. В комические ситуации фаблью попадали, как правило, «власть имущие», которые легко угадывались слушателями за сказочными фольклорными образами. Сказки о животных служили основным источником при создании этого романа. Образ пройдохи Лиса по имени Ренар имеет параллели в фольклоре многих народов мира. Как считают специалисты, например, «...русские сказки о краже лисицей, прикинувшейся мертвой, рыбы с воза проезжавшего мужика, о ее совете волку половить рыбу зимой в проруби, опустив в нее хвост, и т. п. представляют собой точные соответствия некоторым эпизодам французского романа. Без сомнения, и во Франции (может быть, даже задолго до возникновения французского языка и национальности) существовали такого рода сказки, которые долгие века бытовали в народе, прежде чем подвергнуться письменной обработке»[3]. Международные параллели имели и остальные «сказочные» герои романа — лев Нобль, барсук Гримбер, волк Изенгрим, осел Бодуэн, петух Шантеклер, кот Тибер и многие другие. В этом сборнике вы встретились

---

[1] Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 338.

[2] История французской литературы. Т. I М.—Л., 1946. С. 25.

[3] Там же. С. 145—146.

со сказочными прототипами «Романа о Лисе». Правда, говорить сегодня о прямой соотнесенности таких сюжетов, как «Волк и лис», «Орел и лиса» и ряда других со средневековым романом можно лишь с большой долей условности, так как образно-художественная система народной сказки в отличие от литературных произведений эволюционировала во времени. Однако то, что такая соотнесенность существует, вполне очевидно.

Некоторые сюжеты французской сказки сохранили и средневековые лэ — стихотворные новеллы фантастического содержания. Большую известность получили лэ, созданные во второй половине XII века поэтессой Марией Французской. Эти произведения насыщены сказочной фантастикой. Например, в лэ об Ионеке Мария Французская рассказывает о прекрасном рыцаре-птице, который тайно от ревнивого мужа прилетает к своей возлюбленной. Чтобы расправиться с рыцарем-птицей, муж приказал прикрепить к окну ножи, и рыцарь погибает (в этой связи обратим внимание на лотарингскую сказку «Принц и конь Байяр», где используется сходный сюжетный прием: «Принц кинул камень, и позади них встала высокая гора, вся утыканная бритвами. Король хотел было проехать по ней, но Моро изранил себе ноги...» Однако фольклор и литература, несомненно дополнявшие и питавшие друг друга, решали разные художественные задачи. Именно поэтому концовка лэ решена в стиле куртуазной рыцарской литературы — сын влюбленных Ионек, узнав от матери тайну своего рождения, убивает ревнивого старика.

Сказочные элементы сохранились и в лэ, созданными последователями Марии Французской в XIII веке. Имена творцов лэ «Граэлент», «Тиоле», «Дезире» и многих других история не сохранила, но тексты произведений свидетельствуют, что волшебная сказка в XIII веке была для французской литературы плодотворной творческой традицией.

По всей вероятности, и литература, в свою очередь, оказала воздействие на народную сказку, как в плане поэтики, так и идейного содержания. Влияние литературных форм ощущается в ряде сюжетов данного сборника, например, в гасконской сказке «Наказанная королева», причем некоторые исследователи не без основания отмечают, что данная сказка — «образчик (кажется, еще не отмечавшийся шекспирологами) фольклорной обработки сюжета «Гамлета», на которую, весьма вероятно, оказала свое обратное влияние сама шекспировская трагедия»[1]. Куртуазное мировоззрение, идущее от средневековых рыцарских романов, определенно присутствует, например, в гасконской сказке «Золотой Драгун», славящей верность рыцарскому долгу и любовь к прекрасной даме. Даже в диалогах этой сказки многое идет от рыцарского романа: «Здравствуйте, отец и мать. Вот та, которую я хочу взять в жены. Если вы скажете «нет», я уеду в Святую землю и постригусь в монахи. Вы не увидите меня больше никогда, никогда».

Все это свидетельствует о том, что между фольклором и литературой происходил постоянный обмен, и каждый вид искусства творчески осмыслял в соответствии со своими внутренними законами заимствованную проблематику, художественные образы и реалии.

Кроме того, можно говорить о том, что в XII веке фольклор Франции уже находился на стадии художественной дифференциации жанров. Согласно теории «первобытного синкретизма», выдвинутой русским филологом А. Н. Веселовским, в эпоху патриархально-родового строя все жанровые элементы фольклора существовали в слитном, не обособленном виде. Памятники средневековой французской литературы позволяют сделать вывод, что к XII веку во французском сказочном эпосе существовали уже все известные науке традиционные виды сказок: 1) сказки о животных; 2) волшебные сказки; 3) авантюрные сказки и 4) бытовые сказки.

---

[1] Лопырева Е. А. Французская народная сказка.— В кн.: Французские народные сказки. М.— Л., 1959. С. XXI.

Французская литература видела в народной сказке живую художественную традицию и постоянно использовала как сказочные сюжеты, так и сказочную поэтику. Однако в течение долгого времени сказка как таковая, как самостоятельная художественная ценность практически не изучалась и не записывалась. То, что сказка активно существовала в народе, порождало презрительное к ней отношение со стороны французской аристократии. «Мужицким забавам» в своем первозданном виде был закрыт путь в литературные салоны Парижа, куда допускались разве что беллетристические переделки фольклорных сюжетов. Однако благодаря этим беллетристическим опытам мы можем судить о состоянии сказочной традиции в те далекие времена.

Справедливости ради следует сказать, что такое отношение к своим фольклорным истокам наблюдалось во многих европейских странах, а не только во Франции. Понимание значения народного искусства для развития культуры своей страны всегда приходило вместе с ростом уровня национального самосознания.

Научное собирание сказок во Франции как и в европейских странах началось лишь в XIX веке. Не случайно и символично, что инициаторами записи текстов народных сказок стали французские писатели. Литература как бы возвращала долг тому искусству, на основе которого она возникла.

В 50-годы XIX века Жорж Санд записывает первые тексты народных сказок в провинции Берри, Эмиль Сувестр в Бретани, а Жерар де Нерваль в Валуа. Начиная с 70-х годов народная сказка становится уже главной темой исследований французских фольклористов. Такие исследователи, как Себильо, Люзель и Бладе, проводят интенсивную работу по собиранию текстов сказок по всей территории Франции. Сказочная традиция во Франции в силу объективных обстоятельств в те годы постепенно угасала. Это был закономерный процесс, который с разной степенью интенсивности протекал во всех промышленно развитых странах Европы. В 1862 году известный французский исследователь Э. Коскен посылает в Германию Я. Гримму одну из первых своих записей — сказку «Вошка и блошка» и получает поддержку знаменитого фольклориста. Французские фольклористы, вдохновленные деятельностью своих немецких коллег,— выдающихся ученых-филологов братьев Гримм, спасли от забвения довольно обширный пласт сказочного репертуара своего народа.

Вторая половина XIX века — время расцвета французского сказковедения. Выходят в свет многочисленные издания сказок. С 1876 по 1881 гг. Э. Коскен опубликовал сто французских сказок, собранных им и его сестрами в деревне Лоррени. В 1887 году эти сказки были выпущены отдельным изданием и имели широкий резонанс в европейской науке. Это были первые во французской фольклористике точные (без какой-либо обработки) записи подлинно народных текстов, что выделяло сборник Коскена из числа многих других. В вышедших позднее сборниках сказок Себильо. Люзеля, Карно, Орэйна, Кадика и многих других исследовательские принципы Коскена получили свое дальнейшее развитие.

Однако, как это ни странно, не сборники фольклористов принесли французской сказке широкое международное признание. Более того, многие читатели за рубежами Франции, не догадываясь, что такие сборники существуют, прекрасно знали и любили многие сюжеты французской народной сказки. Дело в том, что наряду со сказкой народной во Франции получил развитие жанр литературной сказки. Выше мы уже говорили о том, что сказочные сюжеты активно использовались средневековой французской литературой, однако это был всего лишь процесс освоения одной из культурных традиций, но не более того. Сознательной ориентации на устное народное поэтическое творчество своего народа, профессиональная литература того времени избегала. Даже в XVII веке, когда фольклор стал все больше привлекать внимание французских литераторов, немногие из них решались открыто заявлять о своей приверженности образцам народного искусства. Прав был Э. Коскен, когда, сравнивая век XVII и XIX, констатировал: «Когда Перро готовился издать в свет сказки,

которые убаюкивали его в детстве, он не решился напечатать их под своим именем, боясь, как бы его не заподозрили, что он дает какое-то значение россказням крестьян и деревенских баб. Ныне Перро не ощутил бы этого ложного стыда: в наше время всюду собирают сказки, существует даже в литературе вопрос, который можно было бы назвать «вопросом о народных сказках». Зато Перро подвержен был бы другой опасности: искушению, которому подвергались и другие, преувеличить значение вопроса и без того чрезвычайно интересного и важного; желанию видеть в наших сказках что-то очень серьезное, в «Коте в сапогах», в «Мальчике-с-пальчик» и их собратьях — воплощение «мифов», достойных самого пристального внимания, свидетелей первобытных идей человечества или по крайней мере расы, к которой принадлежат индоевропейские народности»[1].

Жанр литературной сказки возник во Франции как следствие зарождения более пристального внимания к жизни простого человека. Еще в конце XVI века один из самых талантливых людей той эпохи Мишель де Монтень поставил проблему народной поэзии, как эстетической ценности, имеющей самостоятельные художественные достоинства. В главе «О суетных ухищрениях» своих знаменитых «Опытов» Монтень писал: «Народная и чисто природная поэзия отличается непосредственной свежестью и изяществом, которые уподобляют ее основным красотам поэзии, достигшей совершенства благодаря искусству, как свидетельствуют об этом гасконские вилланели[2] и поэтические произведения народов, не ведающих никаких наук и даже не знающих письменности»[3].

В этих необычайно смелых для своего времени словах был скрыт гораздо больший смысл, нежели чем простая констатация достоинств народной французской поэзии. Это был шаг к новой концепции гуманизма, торжеством которой была Великая Французская революция 1789—1794 гг.

В основе возникновения литературной сказки несомненно лежал осознанный интерес к культуре своего народа, ориентация на жанровые особенности народной сказки. Литературная сказка в той же мере основывалась на сознательной установке на вымысел, что и сказка народная. Обе жанровые разновидности использовали фантастический сюжет и схожую сказовую манеру повествования. На более позднем этапе своего развития литературная сказка все более стремилась приблизиться к устной народной речи, подчас даже к ее имитации.

Вместе с тем между сказкой народной и литературной всегда существовало принципиальное различие, заключающееся в том, что, являясь результатом индивидуального творчества, литературная сказка выражала авторское мировоззрение, которое, в свою очередь, прямо отражало общественные настроения той или иной общественной эпохи. Литературная сказка всегда служила каким-либо интересам — либо общественным, либо политическим, либо литературно-художественным. Являясь литературным жанром, авторская сказка во многом отвергала и фольклорную поэтику, активно используя психологизацию, детализацию, ироническую манеру повествования, т. е. все то, что не характерно для народной сказки.

Становление жанра французской литературной сказки специалисты относят к XVI веку — эпохе французского Возрождения, когда появился «Гептамерон» Маргариты Наваррской, который еще иногда называют «Французский Декамерон», сатирический памфлет «Апология Геродота» Анри Этьена и, конечно же, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле.

---

[1] Цит. по: Веселовский А. Н. Лорренские сказки.— В кн.: Веселовский А. Н. Собрание сочинений. Т. 16. М.—Л., 1938. С. 213.

[2] Вилланель — сложное по композиции стихотворение, состоящее из шести трехстишных строф и одного заключительного стиха. Всего в вилланели, которая была распространена в староитальянской, а затем старофранцузской поэзии, было 19 стихов на две рифмы.

[3] Монтень Мишель. Опыты. Книга первая и вторая. М., 1980. С. 278.

В этих произведениях элементы литературной сказки звучали более или менее явственно — так в описании Телемского аббатства в романе Рабле, которое прямо соотносится с народными социально-утопическими представлениями о мире социальной справедливости. С аналогами таких «беспечальных монастырей» мы встречаемся практически в каждом счастливом конце волшебной сказки.

С жанром литературной сказки связано и творчество крупнейшего поэта французского классицизма Жана де Лафонтена. Игривые, остроумные, подчас не совсем пристойные стихотворные новеллы, которым Лафонтен дал собственное жанровое определение — «сказки», создавались поэтом в течение двадцати лет с 1665 по 1685 год. Источники для своих «сказок» он использовал самые разнообразные — от фольклора до новелл Боккаччо, изменяя их до такой степени, что, по его собственным словам, «тому, кто придумал новеллу, стоило бы большого труда узнать свое собственное произведение»[1].

XVII век был весьма плодотворным для жанра французской литературной сказки, а ее классиком стал известный писатель и видный королевский чиновник Шарль Перро.

Вряд ли Шарль Перро мог предположить, выпуская в 1697 году книгу «Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями», что она останется в итории мировой культуры одним из наиболее популярных и любимых читателями всего мира изданием. Шарль Перро скорее всего даже не осознавал историческое значение этого труда, создав его как бы между прочим, в промежутках между занятиями, по его мнению, более важными и серьезными. Он писал аллегорические поэмы, оды, стихотворные сатиры и пародии, вместе со своими братьями Пьером и Клодом участвовал в литературной борьбе, отстаивая превосходство современных писателей над писателями древности. Это был ключевой вопрос французской литературы периода разложения классицизма, ибо стало очевидным, что античная литература не могла больше служить эталоном для подражания.

В поисках новых путей развития литературы Шарль Перро и обратился к французской народной сказке. Размышляя о задачах литературы, призывая к реалистическому изображению действительности, Шарль Перро обратил особое внимание на фольклор французского народа как на художественный источник, который может полноправно существовать и в литературе.

Перро было в ту пору почти семьдесят лет и потому он, опасаясь насмешек современников, не решился поставить свое имя перед заголовком. Более того, чтобы никто не заподозрил члена Французской академии, в которую он был избран в 1671 году, в авторстве, Перро опубликовал книгу, посвященную одной из принцесс королевского дома, под именем своего сына Перро Д'Арманкура с характерным заявлением в предисловии: «Никто не сочтет странным, что ребенку приятно было сочинять сказки, составившие это собрание...»[2]. Сам Перро так никогда и не признался, что был автором этих сказок.

Все восемь сюжетов сказок, вошедших в сборник, Перро взял из устной фольклорной традиции. Это была не салонная переделка сказочных сюжетов, а бережное следование народной традиции, сказочной поэтике. Заслуга Перро состояла в том, что он сделал сказку фактом литературы, ввел ее в систему литературных жанров. Для Перро триумфальное возвращение фольклора в литературу означало кроме всего прочего и крушение устаревших канонов классицизма, победу в «споре о древних и новых авторах». Удивительно, но самый древний вид искусства — фольклор во многом определил торжество нового реалистического взгляда на природу литературы и искусства.

---

[1] История французской литературы. Т. I. С. 518.

[2] Перро Ш. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями. М., 1986. С. 14.

Сказки Перро прославляли здравый смысл, осуждали аристократическую чванливость, славили народного героя. Это были смелые для своего времени выводы, которые открыто зазвучали лишь в XVIII веке в творчестве французских просветителей. Сказки Перро утверждали народную мораль как единственный нравственный закон жизни.

Если говорить о текстах сказок Перро, то их «фольклорность» была неоднозначной. Как отмечают исследователи, «Красная Шапочка», «Кот в сапогах» и «Синяя Борода» могут быть возведены непосредственно к их фольклорным прототипам. Дальше от них стоят такие сказки, как «Мальчик-с-пальчик», «Золушка» и «Спящая красавица»,— этим сказкам присущи светский колорит, галантность, литературная шлифовка, деформирующая народную основу и уводящая от устной традиции. Наибольшие отступления от фольклорного изложения наблюдаются в стихотворных редакциях двух позднее добавленных сказок — «Ослиная кожа» и «Потешные желания», хотя стих их выдержан в тоне народной поэзии, напоминающем форму средневековых фаблью»[1].

Сказки Перро оказали огромное влияние на литературу не только Франции, но и других стран Европы. Под воздействием книги Перро уже в XIX веке появляются сборники литературных сказок братьев Гримм, Л. Тика, В. Гауфа, Х. К. Андерсена. В России первый перевод сказок Перро вышел в 1768 году, а в 1845 году В. А. Жуковский сделал стихотворный перевод «Кота в сапогах». По сказкам Перро было создано немало музыкально-театральных постановок — опера Дж. Россини «Золушка», опера Б. Бартока «Замок герцога Синяя Борода», балет С. Прокофьева «Золушка» и ряд других.

Книга Перро вызвала множество подражаний, и сказки стали модным явлением парижских аристократических салонов. Стоит ли удивляться, что именно салон стал диктовать свои «правила игры» в народную сказку. Главным критерием салонной литературной сказки стала развлекательность и галантность, и на этом поприще появилось множество эпигонов Перро, в основном светских дам, которые выпускали один сборник сказок за другим. Прав был А. Н. Веселовский, имея в виду сборники мадам Мюра (1697 г.), мадемуазель де Лафорс (1698 г.), мадам д'Онейль (1702 г.) и ряда других писательниц, что «Перро... ввел в оборот народную сказку, увлек свежестью ее содержания, своим наивным, несколько деланным стилем; но его новшество вызвало эфемерный литературный род, быстро истощившийся в вычурности, и не принесло обновления: эти сказки отзывались и детской и салоном»[2].

Даже Мари-Жанна Леритье де Виллодон, Мари-Катерина д'Онуа и Жанна-Мари Лепренс де Бомон — наиболее талантливые писательницы-сказочницы XVII—XVIII вв. не могли в своем творчестве подняться до вершин Шарля Перро. Их сказки были ориентированы в основном на вкусы аристократических салонов, что влекло искусственную манерность в повествовании. Вместе с тем их творчество несло определенный гуманистический заряд. Прочитайте, например, «Красотку и Чудовище» Лепренс де Бомон и заодно вспомните похожую русскую сказку «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова, где мотив человеческого сострадания звучит с полной силой. Произведения этих писательниц, несмотря на многие их несовершенства, выгодно отличались от популярных в XVIII веке «галантных» поделок типа «сказочек» Кребийона, Дора, Пирона, повествовавших об эротических похождениях своих героев.

Сказки Перро во многом предвосхитили идеи века Просвещения, поставившего проблему нравственного освобождения личности от феодальных и религиозных предрассудков. Прямыми продолжателями традиций

---

[1] История французской литературы. Т. I, С. 581.

[2] В е с е л о в с к и й А. Н. Сказки Тысячи одной ночи в переводе Галлана,— в кн.: Веселовский А. Н. Собрание сочинений. Т. 16. М.—Л., 1938. С. 231.

гуманистической литературной сказки стали великие просветители XVIII века — Дидро, Монтескье, Вольтер.

Строго говоря, эти писатели создавали не литературные сказки, а своеобразные политические и антирелигиозные памфлеты, в которых использовались сказочные элементы. Сатира нравов — вот основное содержание этих произведений, в частности «философских» повестей Вольтера. Выдвижение на первый план проблемы «естественного человека», а также вопрос о мировом зле и о свободе воли неизбежно вели Вольтера к фольклору, ибо лишь он позволял творить тот условно-фантастический мир, который существовал в «Мемноне, или Человеческой мудрости», «Задиге, или Судьбе», «Кандиде, или Оптимизме» и в других «философских» повестях писателя. Правда, в отличие, скажем, от Перро сказочная фантастика Вольтера тяготела к восточной экзотике, да и действие большей частью разворачивалось не во Франции, а на Востоке. Что сближало «философские» повести Вольтера с фольклором своего народа,— так это идущие от сказки захватывающие авантюрные сюжеты. Воплощенные в сказке народные социальные идеалы также нашли свое отражение в «сказочных» повестях Вольтера. Как, например, утопическая страна Эльдорадо из повести «Кандид», прототипом которой несомненно были «иные царства» народной сказки.

Традиции Вольтера в жанре литературной сказки были продолжены, хотя и менее талантливо, его учеником и подражателем Жаном-Франсуа Мармонтелем, который, в свою очередь, имел немало последователей. Так, на рубеже столетия популярностью и успехом пользовались созданные под влиянием Мармонтеля нравоучительные сказки весьма плодовитой писательницы мадам Жанлис. К числу продолжателей Мармонтеля следует отнести и ее современника Арно Беркена, по прозвищу «друг детей», он много писал для детей бедняков, для которых литературная сказка была понятным и доступным жанром.

В XIX веке литературная сказка стала общепризнанным и распространенным жанром французской словесности. Почти каждый писатель, да и не только писатель — как это было в случае с политическим деятелем Э. Лабуле — пробовал силы в этом жанре.

В 1830—1834 гг. мастер французского критического реализма О. Бальзак создает книгу «Озорные сказки» с отчетливо выраженными антифеодальными мотивами, славящие высокие нравственные качества народа. В жанре литературной сказки пробуют свои силы Мюссе, Доде, Мопассан, Франс и целый ряд других французских литераторов.

Все же среди множества писателей в истории французской литературной сказки XIX века можно выделить двух классиков этого жанра — Жорж Санд и Э. Лабуле. Для Жорж Санд путь к литературной сказке был закономерен — еще в 30-е годы она записывала народные сказки в провинции Берри, где воспитывалась в поместье своей бабушки. К литературной сказке Жорж Санд обратилась после бонапартистского переворота 1851 года, когда в ее творчестве произошел определенный идейный спад, выразившийся в отказе от острых социальных тем. Ошибочно мнение, что в сказках Жорж Санд слышны лишь мотивы примирения с действительностью, что, поэтизируя мир сельских идиллий, она предала забвению революционные идеалы своей молодости. «Бабушкины сказки» Жорж Санд, действительно, грустны и в какой-то мере отражают настроение писательницы, пережившей крушение своих чаяний и мечтаний. Однако эти сказки были обращены к будущему, к детям, эти сказки писательница посвятила своим внучкам Авроре и Габриэле Санд, которым, как она надеялась, предстояло достичь большего. Именно эта вера и составила пафос ее сказок, они учили любить и постигать мир, быть честным и справедливым, верить, быть может, с некоторой долей наивности, что «красота спасет мир», как это показано в сказке «История истинного простофили по имени Грибуль».

Сказочный мир Жорж Санд был вовсе не убежищем от тревог мира,

в котором торжествовал алчный буржуа, а оазисом нравственности, высокой моральной чистоты простого человека.

Своей классической формы литературная сказка достигла в творчестве ученого, публициста и политического деятеля Э. Лабуле. Член Академии надписей и художественной литературы, профессор сравнительного правоведения в Коллеж де Франс, член Национального Собрания страны, а с 1875 года пожизненный сенатор Лабуле оставил о себе память в первую очередь как талантливый писатель, сказки его и по сей день читаются и переиздаются. Лабуле обладал несомненным талантом сказочника, и, может быть, то, что литература не была основным его занятием, а своего рода отдушиной в жизни, полной политических интриг и нравственных компромиссов, предопределило искренность и демократизм лучших его сказок. Сам Лабуле говорил о приверженности к этому жанру следующее: «Между другими своими слабостями я доныне сохранил любовь к волшебным сказкам. И вечером, когда все спит вокруг меня, когда дневная работа уже закончена, когда, утомленный изучением этого сборища всяких ужасов и безумств, называемого всеобщей историей, я считаю себя вправе отдаться самому себе, я снова возвращаюсь к своим друзьям детства, спрятанным в уголке, известном мне одному. Там, позади Лафонтена, который так любил «Ослиную кожу»; Вольтера, который был бы царем рассказчиков, если бы был не так умен и несколько более сдержан; Гете, этого великого философа, который всю свою жизнь так любил Восток, сказки, детей и цветы, у меня спрятаны Сказки Перро и Тысяча и одна ночь. А рядом с этими великими творениями я храню сборники пленительных сказок Севера и Юга, доказывающих, что везде люди нуждаются в чудесном, скрашивающем их серенькую жизнь»[1].

Сказки Лабуле, который впервые для жанра французской литературной сказки обратился к фольклору других народов мира (сербскому, турецкому, итальянскому), славили честных и находчивых бедняков, высмеивали глупость и чванство правителей. Сказки Лабуле обладали одним несомненным достоинством — они были остроумны и глубокомысленны. Европейскую славу принес ему злободневный политический памфлет-сказка 1868 года «Принц-Собачка», переведенный в том же году на русский язык и опубликованный в журнале «Отечественные записки». В этой сатире, направленной против Наполеона III, в сказочной форме рассказывалось о приключениях принца, который, превращаясь в собачку, узнавал обо всем, что творилось в королевстве,— о бедах своего народа, о лживости своих придворных. Лабуле наивно верил в мудрого, справедливого правителя.

Как отмечали исследователи, сказки Лабуле были лишены характерных для этого жанра издержек — «деланной наивности» и «излишней слащавости», чего не могли избежать даже известные писатели-сказочники.

XIX век сформировал каноны французской литературной сказки, сделал ее фактом общенационального литературного процесса, превратив из досужей безделицы «в народном стиле» в высокохудожественный жанр, способный решать эстетические, общественные, педагогические и иные задачи. Его традиции продолжают жить и во французском искусстве XX века — в сатирическом романе А. Франса «Остров пингвинов», в сказочной притче «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери, в сказках писателя-коммуниста П. Вайяна-Кутюрье, в антивоенной и антибуржуазной сказочной повести М. Дрюона «Тисту — мальчик с зелеными пальцами» и во многих других произведениях. Французская литературная сказка — жанр трудный и ответственный, не терпящий лжи и эпигонства, ибо он является продолжателем фольклорных традиций своего народа. Традиции же эти хранят ценности вечные и общечеловеческие.

Алексей Налепин

---

[1] Л а б у л е Э. Волшебные сказки. СПб., 1900. С. VII

Ф 84 **Французские сказки:** Пер. с фр. / Сост. и послесл. А. Налепина; Ил. Л. Орловой.— М.: Правда, 1988.— 480 с., ил.

В сборник вошли народные сказки различных областей Франции. Литературные сказки представлены именами Шарля Перро, Лепренс де Бомон, Жорж Санд, Эдуарда Лабуле.

Сборник рассчитан на взрослого читателя.

Ф $\frac{4703000000-1588}{080(02)-88}$ 1588—88 **84.4 Фр**

Составитель
Алексей Леонидович Налепин

Редактор
Е. А. Дмитриева

Художественный редактор
Т. Н. Костерина

Технический редактор
К. И. Заботина

ИБ 1588

Сдано в набор 04.01.88. Подписано к печати 06.05.88.
Формат 60×90[1]/16. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Эдисон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,00. Усл. кр.-отт. 60,75. Уч.-изд. л. 29,85.
Тираж 600000 экз. (4-й завод: 300001—400000 экз.)
Заказ А-221. Цена 2 р. 70 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства
Татарского обкома КПСС. 420066, Казань-66,
ул. Декабристов, 2.

Северные провинции
Шампань
Иль-де-Франс
Эльзас и Лотарингия
Бургундия
Центр. провинции
Франш-Конте
Лионе
Марш
Овернь
Савойя и Дофине
Лангедок
Прованс

2 р. 70 к.
Англия
Плимут
п-ов Корнуэл
Саутгемптон
Портсмут
Пролив Ла-Манш
Шербур
Сен-Брие
Мон-Сен-Мишель
Комбур
Лорьян
Кемпер
Витре
Сен-Назер
Нант
Шале
Атлантический океан
Ла-Рошель
Бискайский залив
Аркашон
Байонна
Эль-Ферроль
Ла-Корунья
Хихон
Баракальдо
Бильбао

Французские
сказки
Блуа
Тур
Ангулем
Лурд